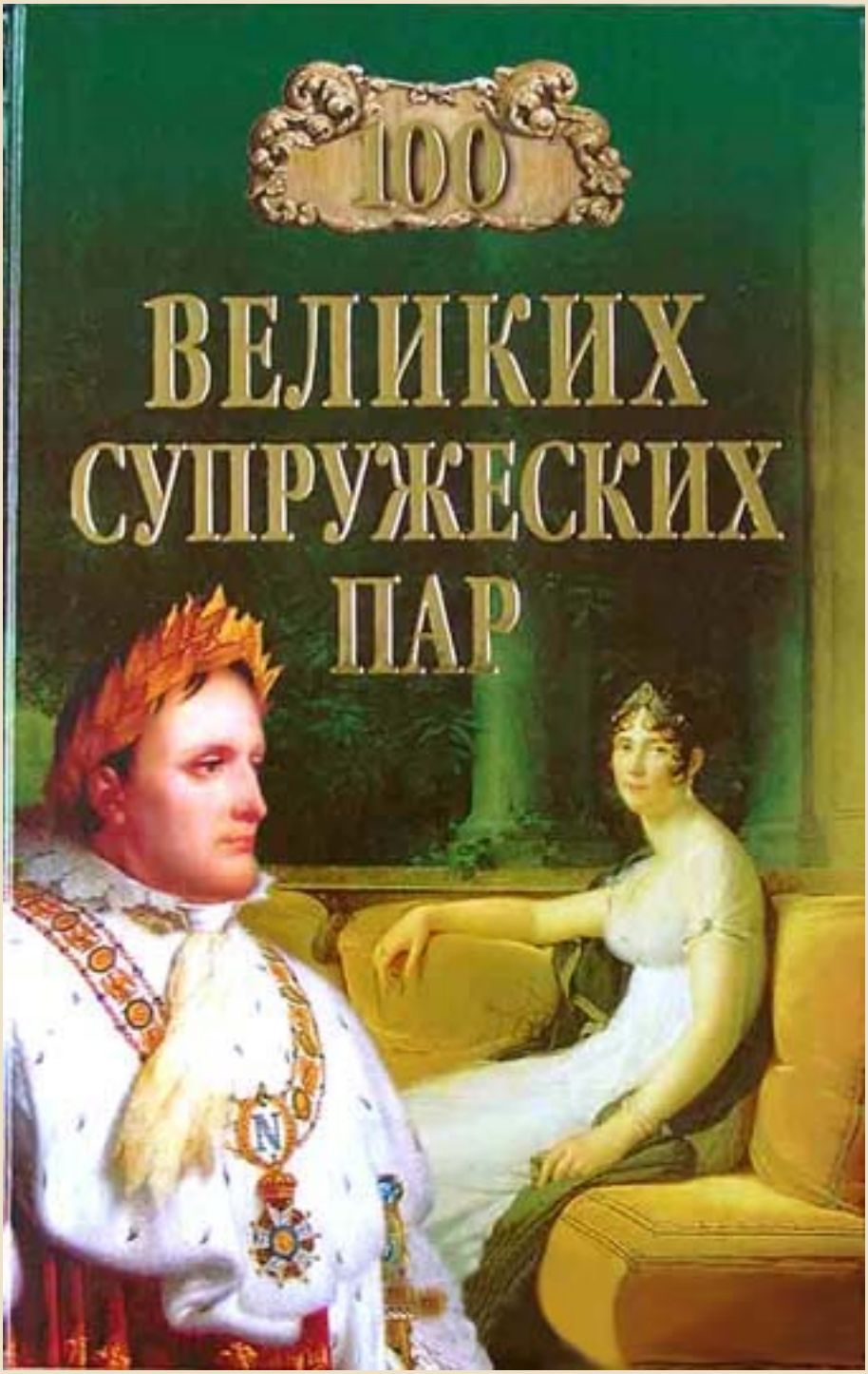

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», — отметил Л. Н. Толстой в «Анне Карениной». В данной книге представлены очерки о ста великих супружеских парах разных времен и народов. Это двести великих жизней! Кого-то любовь и супружеская жизнь вдохновили на создание шедевров литературы, музыки и кино, совершение научных открытий, заставляли принимать решения, влиявшие на развитие государств. Некоторым супружество в итоге приносило разочарование и несчастья. Но все они оставили след в истории человечества и своими жизнями в который раз доказали, что любовь

переворачивает мир и творит чудеса, а крепкие семьи остаются одной из основ для любого общества. Перед читателями пройдут жизни Ивана III и Софьи Палеолог, Сулеймана I и Роксоланы, Наполеона Бонапарта и Жозефины Богарне, Роберта Шумана и Клары Вик, Александра Пушкина и Натальи Гончаровой, Пьера Кюри и Марии Склодовской, Николая Рериха и Елены Шапошниковой, Лоренса Оливье и Вивьен Ли, Джона Кеннеди и Жаклин Бувье… Разные страны и эпохи, несхожие судьбы, различные оценки современников и потомков…

100 великих супружеских пар

Игорь Мусский
100 ВЕЛИКИХ СУПРУЖЕСКИХ ПАР
Эхнатон и Нефертити

На одной из четырнадцати стен, установленных на восточном берегу Нила, где располагалась древнеегипетская столица Ахетатон, высечена надпись: «Рано утром, когда первые лучи солнца озарили землю, на сверкающей золотом колеснице к берегу Нила приехал фараон. Он был подобен самому богу солнца Атону, который наполняет своим светом всю землю. И повелел царь созвать всех придворных, военачальников и вельмож и поклялся перед ними: „Как живет мой отец Атон, прекрасный, живой! Я сотворю здесь столицу Ахетатон для отца моего Атона на этом месте, которое он сам сотворил, окружив его горами!“»

Да, странные события происходили в Древнем Египте во время правления фараона Аменхотепа IV. Вознесенный на вершину славы одними, почитавшийся умалишенным другими, этот неординарный правитель был сыном царственной четы — фараона-солнце Аменхотепа III и «великой царской супруги» Тейе, известной своей властностью и мудростью. Детство и юность он провел в пышном фиванском дворце в Мальгатте.

Аменхотеп IV взошел на престол в 1354 году до Р. Х. в возрасте пятнадцати лет. К этому времени он уже был женат на Нефертити. По-древнеегипетски имя Нефертити означает «красавица грядет». Ее родителями были египетские вельможи Эйе и Тии, происходившие из среды провинциального жречества из города Коптоса. Царица Тейе состояла с ними в родстве, что ей отнюдь не льстило. Поэтому Тии в официальных надписях именовалась «кормилицей Нефертити, великой супруги царя», в то время как Мутноджемет, младшая сестра Нефертити, имевшая статус придворной дамы, открыто именовала Тии матерью. Некоторые историки полагают, что Нефертити — дочь Аменхотепа III. Но нет решительно никаких доказательств, подкрепляющих эту гипотезу. Она никогда не носила титула «дочь царя».

Сердце Эхнатона пленили удивительная красота и грация Нефертити. Она была его «любимой», «радующей сердце царя». Даже в официальном титуле проскальзывало свидетельство любви фараона — «жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель». Нефертити стала символом красоты египетской женщины. Два ее удивительных портрета — один хранится в Берлине, другой в Каире — излучают очарование.

На пятом году правления молодой фараон меняет имя. Отказавшись от имени Аменхотеп, в состав которого входит имя бога Амона, он называет себя Эхнатоном, то есть «угодный Атону», или «действенный дух Атона». Отныне власть царя хранит лучезарный бог Атон, культ которого был распространен еще во времена Аменхотепа III.

Покинув Фивы, Эхнатон основал новую столицу Ахетатон (городище Телль-Амарна). За строительством и украшением города он следил сам.

Эхнатон выступал в качестве верховного жреца Атона, слагал многочисленные гимны в честь этого божества и проповедовал свое учение

среди народа. Когда Эхнатон и Нефертити на великолепной колеснице проезжали по улицам города, толпа приветствовала их возгласами: «Жизнь, здоровье, сила».

Супругов соединяла глубокая любовь. Царица, как и ее повелитель, поглощена «атонизмом». Она становится верховной жрицей особого святилища, где почитают культ заходящего солнца. Она — «умиротворяющая Атона голосом сладостным, своими руками прекрасными…».

Все поступки царицы свидетельствуют о том, что она хорошо разбиралась в людях, обладала умом, тактом, выдержкой и огромной волей. Неудивительно, что она становится главным советником мужа. Дипломатические подсказки и решения супруги приводили Эхнатона в восхищение, он не уставал прославлять ее мудрость. Иногда преклонение перед царицей переходило все границы. Так, вознося клятвы Атону при основании новой столицы. Эхнатон клялся Верховному Божеству не только своим Богом-отцом, но и своей любовью к жене и детям.

Еще более поразительно другое нововведение египетского царя. Теперь, объезжая свои владения, фараон брал с собой супругу. Кроме того, царица присутствовала при награждении сановников. По приказу Эхнатона в новой столице рядом с его скульптурами появились изваяния Нефертити. Такие же огромные и величественные. Фараон искусственно в противовес традициям насаждал культ царицы, подобно тому, как взамен одного бога он распространил культ другого.

Безусловно, не обходилось без сплетен и интриг. Недовольные вельможи пытались опорочить действия царицы, возбуждали негодование в народе против Нефертити. Однако коварные замыслы не имели успеха, напротив — каждый день приносил новые доказательства небывалой любви царя к жене-красавице.

Нефертити родила царю шесть дочерей. Любопытный факт в именах пятой и шестой дочерей имя Атона заменяется именем Ра. Это сделано, несомненно, по религиозным мотивам. Супругам нравилось демонстрировать свою нежную любовь к детям. На одном из рельефов царица, сидящая на коленях царя, держит на руках дочь-малютку. Статуэтка запечатлела Эхнатона, целующего дочь. Сохранились уникальные изображения царских обедов и ужинов. Эхнатон и Нефертити сидят рядом. Около пирующих стоят украшенные цветами лотосов столики с яствами, сосуды с вином. Пирующих развлекает женский хор и музыканты, снуют туда-сюда слуги. Три старшие дочери — Меритатон, Макетатон и Анхесенатон присутствуют на торжестве.

Словом, до некоторых пор жизнь царственной четы протекала безоблачно. Многие историки считают, что причиной разлада в семье стало отсутствие сына, который мог бы унаследовать престол. Дочери не обеспечивали надежность продолжения династической смены власти.

Вскоре у Нефертити появилась соперница — самая красивая из наложниц фараона — Кийа. Фараон объявил, что признает ее побочной женой.

Нефертити тяжело переживала разрыв с законным супругом, хотя и знала, что он неизбежен, и готовила себя к этому. Царица по-прежнему была приветлива с мужем, радовалась его появлению, его встречам с

дочерьми. Она принимала ласки фараона и была готова удовлетворить его любое желание.

Эхнатон все чаще посматривал на Анхесенатон, третью свою дочь от Нефертити. Девочка, подобно утренней розе, была удивительно хороша собой. Старшая дочь, Меритатон, была замужем за Сменхкарой, которого прочили в наследники. Выдали замуж и вторую дочь, сватались к третьей, но фараон не спешил с новой свадьбой, отвергая всех претендентов.

Наконец он объявил, что избрал себе в жены Анхесенатон и просит Нефертити подготовить ее к столь серьезному шагу, обучить искусству любви. Девочке восемь лет, она давно созрела для брачного ложа. Сам бог Атон указал ему новую избранницу.

Эхнатон повелел возвратить Кийа обратно в гарем. Отвергнутая любовница была обречена на вечное забвение, несмотря на то что родила фараону двух сыновей-принцев, которые считались незаконными и могли занять престол только став мужьями старших дочерей фараона и Нефертити. Эхнатон приказал переделать изображения Кийа и ее имя на лики и имена дочерей от Нефертити.

После пятнадцатого года правления Эхнатона имя Нефертити больше не упоминается. Что же с ней случилось? Некоторые предполагают, что царица попала в опалу и по приказу Эхнатона удалилась в загородный дворец в обществе будущего Тутанхамона, которого она готовила к правлению.

Британский египтолог Николас Ривс считает иначе: исчезновение Нефертити в конце правления Эхнатона можно считать ее продвижением в качестве соправительницы и наследницы фараона под другим именем. Возможно, она и есть тот таинственный фараон Сменхкара, пришедший на смену Эхнатону и бывший предшественником Тутанхамона.

Пожалуй, ближе всего к истине Сирил Олдред: Нефертити скончалась между тринадцатым и четырнадцатым годом правления Эхнатона. В таком случае фараон остался один, лишившись возлюбленной супруги, своей «несравненной царицы». Когда Нефертити умерла, фараон был сломлен.

Конец царствования Эхнатона окутан тайной. Последняя известная дата — семнадцатый год его правления. О смерти фараона ничего не известно. Вероятно, он не был погребен в семейной усыпальнице, где была похоронена его вторая дочь.

На смену Эхнатону пришел Сменхкара (по одной из версий — сын Кийа). Он процарствовал всего лишь год. После его загадочной смерти престол унаследовал двенадцатилетний Тутанхатон, который под влиянием фиванской знати возродил культы традиционных богов и покинул столицу своего отца, изменив имя на «Тутанхамон» — «Живое подобие Амона». Анхесенатон стала супругой юного фараона, превратившись в Анхесенамон — «Живет она для Амона». Страна понемногу забывала бога Атона, поклоняясь Амону-Ра. Столицей вновь стали Фивы. Имена Эхнатона и Нефертити были преданы забвению…

Перикл и Аспасия

Аспасия из Милета — одна из удивительнейших женщин Древней Греции. «Аспасия» в переводе с греческого означает «любимая». В 432 году до Р. Х., когда она была привлечена к суду по обвинению в

безнравственности и непочитании богов, только благодаря защите одного из выдающихся вождей Афин — Перикла, ей удалось избежать судебной расправы.

Жила Аспасия во время, которое называют «золотым веком» и еще «веком Перикла». Греция представляла собой конгломерат городов-государств (полисов), которые то дружили друг с другом, то враждовали, и крупнейший государственный муж Эллады — Перикл много сделал для процветания своей родины — Афин.

Когда Аспасия перебралась в Афины, а ей не было и 25 лет, она накопила достаточно для безбедной жизни. Милетянка становится содержательницей публичного дома.

К этому времени Перикл — уже знаменитый стратег и весьма популярный политик. Он происходил из аристократического рода по материнской линии — Алкмеонидов. Перикл имел непропорционально длинную голову (чтобы скрыть это, он разрешал изображать себя лишь в шлеме, сдвинутом на затылок). Женился он скорее по обязанности, чем по любви. Двое сыновей подрастали в его внешне вполне благополучнойсемье.

Перикл любил собирать вокруг себя ученых, литераторов, художников. Выдающийся скульптор Фидий, философ Анаксагор, драматург Софокл, «отец истории» Геродот — близкие друзья Перикла, ощущавшие его внимание и заботу.

Аспасия прекрасно разбиралась в психологии мужчин. Вся афинская знать побывала в ее доме. Появились завсегдатаи, поклонники, обожатели, меценаты. Одним из первых преданных ее дому мужей стал Сократ, который уговорил посетить дом Аспасии Перикла.

Перикл, которому было уже за сорок, увидел женщину своей мечты, женщину, которая счастливым образом соединяла в себе цветущую молодость и красоту с утонченным умом философа. Сама Аспасия не ожидала, что покорит первого человека Афин.

Перикл стал навещать ее каждый день. Он настолько увлекся милетянкой, что в 449 году развелся с женой и в качестве опекуна, по существующей в Греции традиции, вновь выдал ее замуж. Сам же приглашает к себе Аспасию.

Вместе с ней в дом Перикла вошла новая жизнь. Впрочем, домом они занимались мало. У Перикла был верный раб Евангел, который вел хозяйство. Перикл, человек отнюдь не бедный, терпеть не мог роскоши. Аспасии нравился такой порядок, освобождавший ее от хозяйственных хлопот. Для нее положение жены «достойнейшего из эллинов» было пределом мечтаний.

Омрачало их жизнь лишь одно препятствие: между Афинами и Милетом не была заключена эпигамия — договор, дававший право гражданам двух городов-государств заключать между собой браки. А поскольку Перикл являлся гражданином Афин, а Аспасия гражданкой Милета, то они не могли узаконить свой брачный союз.

Через пять лет Аспасия родила Периклу сына. Друзья радовались их семейному счастью, и теперь у Перикла часто бывало весело. Аспасия первой в Афинах нарушила традицию, запрещавшую женам участвовать в дружеских пирушках. Она являлась душой и центром увеселений, пользуясь уважением гостей. Более того, она позволяла себе принимать посетителей

и в отсутствие мужа, развлекала их беседой, угощала вином. Авторитет Аспасии был столь высок, что некоторые друзья Перикла стали приходить к нему с женами. Ее утонченность, остроумие, глубина познания того или иного предмета приводили в восторг собеседников.

Перикл советовался с Аспасией по всем вопросам, даже государственным. Он рассказывал ей о том, что произошло на Совете. Вместе они находили решения самых запутанных проблем афинской жизни. Постепенно Аспасия сгруппировала в доме избранный круг друзей, которые помогали Периклу искать выходы из сложнейших ситуаций. Платон убежден, что знаменитая речь Перикла, произнесенная им над воинами, павшими в первый год Пелопоннесской войны, создавалась не без помощи Аспасии.

В 442 году между Милетом, родным городом Аспасии, и Самосом возник территориальный спор. Войско милетцев было разбито, и тогда они подали жалобу в Афины. Самос тотчас объявил о своей независимости. По совету Аспасии Перикл настоял на военном походе против Самоса. Недоброжелатели тут же заговорили, что Аспасия ввергла Афины в войну, дабы помочь родному Милету. На самом же деле она, как и Перикл, поняла всю опасность выхода целого полиса из-под власти Афин.

Но враги Перикла и Аспасии не дремали. Народное собрание приняло решение о том, что люди, не верящие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, должны привлекаться к суду, как государственные преступники. Это был прямой удар по философу Анаксагору. Не надеясь на благоприятный исход судебного процесса против своего престарелого учителя, Перикл помог ему бежать из Афин в Лампсак. Второй жертвой стал Фидий. Аспасия, будучи единомышленницей обвиняемых, тоже была в известной мере скомпрометирована. Она так же, как и Анаксагор, верила, что солнце — огромный раскаленный камень, который больше Пелопоннеса, и что ветры образуются из разреженного солнцем воздуха. Кроме того, Аспасию обвиняли в сводничестве, в том, что она устраивала Периклу свидания со свободными афинянками в его доме.

Перикл был готов сделать все, чтобы спасти жену, и предложил ей бежать из города. Но Аспасию могли приговорить к смерти заочно, в таком случае она никогда не сможет вернуться в Афины и увидеться с любимым. И она отказалась от побега.

По афинскому закону женщина не имела права выступать в суде. На суд отправился Перикл. Он произнес одну из самых лучших речей в своей жизни. Шестидесятилетний стратег, человек редкой выдержки, всегда невозмутимый и бесстрастный, на этот раз плакал. «Он бы не пролил столько слез, — говорит Эсхил, — если бы речь шла о его собственной жизни». Это настолько потрясло всех, что судьи полностью оправдали Аспасию. Это было в 432 году.

Но враги не успокоились и начали открыто обвинять Перикла в хищениях и финансовых злоупотреблениях во время управления афинским государством. В это время началась Пелопоннесская война, длившаяся с некоторыми перерывами почти тридцать лет. Не последнюю роль в ее развязывании сыграла политика Афин, и недруги Перикла злобно утверждали, что война им затеяна специально, дабы погасли все обвинения против него и Аспасии.

На самом же деле основной причиной Пелопоннесской войны был конфликт между Афинами и Коринфом — давними торговыми конкурентами. Но очень уж врагам Перикла хотелось убрать могущественного и влиятельного стратега.

Перикл потерял свою власть над народом, перед которым выступал теперь с речами Клеон, человек ограниченный, заносчивый и резкий.

На второй год войны вспыхнула страшная эпидемия. Лекари не знали ни источника болезни, ни способов ее лечения. Болезнь не обошла и дом Перикла. Погибли два его сына от первого брака. В живых остался только самый младший, сын Аспасии, носивший имя отца. Но, будучи сыном уроженки Милета, он не имел в Афинах прав гражданства и не считался законным наследником. Тогда Перикл, к тому времени снова завоевавший доверие народа, выступил на собрании с неожиданным предложением: отменить закон, по которому гражданином Афин может быть только тот, у кого и мать и отец родились в этом городе. Предложение не прошло, но из уважения к заслугам Перикла ему позволили внести имя сына Аспасии в списки афинских граждан.

Но недолго радовался этому Перикл — болезнь скосила и его. В 429 году до Р. Х. он умер. В 404 году война закончилась поражением Афин. Их «золотой век», а вместе с ними и Греции катился к закату.

Аспасия овдовела. Прошло, однако, время, и она сошлась с неким торговцем скота Лисиклом, человеком богатым и незаурядным. Аспасия быстро развила в новом муже риторские и логические способности. Лисикл стал заметен, а вскоре и популярен в Афинах. Он был избран афинянами стратегом. Однако в конце того же 428 года пал в бою.

Аспасия стала затворницей. Дом ее опустел, блистательный круг друзей распался навсегда. Многих из них уже не было в живых. Навещал ее только Сократ вместе со своим молодым учеником Ксенофонтом.

В 406 году Перикл-младший в числе других стратегов командовал флотом, разгромившим спартанцев при Аргинусских островах. После победы буря помешала афинянам подобрать раненых и погибших. За это стратегов отдали под суд. Двое из них бежали, шестеро остальных, в том числе и Перикл-младший, предстали перед судом. В тот день, когда решалась судьба юноши, председательствовал Сократ. Видя явную предвзятость суда, он всячески оттягивал его решение, которое было принято лишь на другой день, при другом председателе. Молодой Перикл выпил в тюрьме цикуту.

Так Аспасия пережила своего сына. Это горе подкосило ее окончательно. Наконец она тихо отошла, прожив долгую бурную жизнь, оставив о себе память и славу, как о красивейшей и умнейшей женщине Древней Греции, жрице любви, подарившей немало лет счастья одному из величайших людей Эллады — Периклу. Эти два имени навсегда останутся в истории связанными между собой.

Октавиан Август и Ливия Друзилла

Император Октавиан Август своими военными успехами, умеренностью и мудростью заставил всех с уважением относиться к его верховной власти. Значительной долей своей славы Божественный Август обязан императрице Ливии, с которой он не только советовался обо всех

важных государственных делах, но и, как правило, следовал ее советам. Как полагают, то великодушие, которое он проявил, помиловав заговорщика Цинну, больше способствовало его величию и счастью, чем самые важные из всех одержанных им побед. Общеизвестно, что он принял такое решение после продолжительной беседы с Ливией.

Из всех римских императриц только о Ливии можно сказать, что она с великой честью исполнила свое высокое предназначение, ничем не запятнав императорского достоинства.

Ливия Друзилла была дочерью Ливия Друза Калидана, который попал в проскрипции — списки лиц, объявленных вне закона, — после судебных расследований о деятельности триумвирата, присоединился к партии Брута и Кассия, но после битвы при Филиппах покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки Марка Антония и Августа. Семья Ливии считалась одной из самых знатных в Риме, ибо ее род был древнее самого Рима.

Ливия находилась в расцвете своей красоты, когда на нее обратил внимание Август. Он выказывал ей свою любезность и нежную привязанность.

Ливия скоро стала оказывать ему особые знаки внимания. Она была очень тщеславной женщиной, а полное безразличие к славе супруга Тиберия Нерона никак не могло удовлетворить ее беспокойную натуру.

Цезарь Август, напротив, обладал такими свойствами, перед которыми было трудно устоять любому человеку. Он родился в Риме. Будущий император рано потерял отца, и решающую роль в его жизни сыграло родство с Юлием Цезарем, которому он приходился внучатым племянником. Приехав после гибели Цезаря в Рим, он официально принял усыновление и согласно римским обычаям стал именоваться Гай Юлий Цезарь Октавиан.

К моменту знакомства с Ливией Октавиан Август находился в расцвете сил; у него были белокурые, курчавые от природы волосы, классический римский нос, а глаза так ярко сияли, что, как выразился однажды один его воин, приходилось отводить взгляд от него в сторону, чтобы не ослепнуть. Красоту его разума можно было сравнить с красотой тела. Август имел мягкий, дружелюбный характер, он любил оживленную беседу; был сдержан в речах и постоянен в дружбе.

Ливия всегда ласково внимала Августу, и ее милые чары еще сильнее высвечивали странный и мрачный характер его жены Скрибонии, которая становилась для него все более невыносимой из-за ее надуманных страстей и ревности, а также дурного нрава. Он отстранил Скрибонию от себя в тот день, когда она произвела на свет дочку Юлию, и, прибегнув к власти, заставил Тиберия Нерона уступить ему свою жену.

В 38 году до Р. Х. 19-летняя Ливия стала третьей женой Октавиана. Он заставил Тиберия Нерона не только согласиться с этим, но еще и принудил его лично передать свою бывшую супругу ему, словно он ей родной отец. Свадьбу сыграли с большой помпой, и на ней среди первых приглашенных был, конечно, Тиберий.

После свадебного пира Август увез Ливию к себе во дворец.

Через три месяца она подарила ему сына, которого назвали Клавдием Друзом Нероном. Август сразу же отослал младенца Тиберию

Нерону. Но все эти предосторожности не рассеяли подозрений публики, ибо все считали, что новорожденный Друз — сын Августа. К тому же широкое хождение получила обидная для него шутка: «Как же везет счастливым, процветающим людям! Они могут производить на свет детей всего за три месяца!»

Когда Цезарь Август сделался неограниченным властителем Римского государства, в его честь были построены великолепные храмы. Во славу императора устраивались пышные празднества и спортивные состязания.

Не была забыта и его супруга Ливия. В ее честь был построен город, названный Ливиадой. Сенаторы присуждали ей самые звонкие титулы, и среди всех прочих высший — Августа и «Мать отечества».

Август не отставал от других, стремясь доказать всем окружающим, что он глубоко уважает и любит Ливию. Он стремился выполнить любое желание Ливии, только чтобы доставить ей удовольствие. Власть императрицы была никак не менее абсолютной, чем его собственная.

Ливия была энергична, хитра и очень активно вмешивалась в государственные дела, хотя умела сохранять при этом внешность добродетельной матроны, всецело поглощенной заботами о своей семье. Ливия с выгодой для себя пользовалась слабостями императора и в конце концов приобрела над ним неограниченную власть.

Властолюбие было главной чертой характера Ливии, так же, как и Октавиана. Равны они были друг другу и в лицемерии, и в хитрости. Такое сходство характеров обеспечило непоколебимую прочность их союза.

Ливия мечтала, чтобы и ее потомки достигли столь же высокого общественного положения. Она добилась самых важных и самых влиятельных постов в империи для своих сыновей от первого брака — Тиберия и Друза. Император поставил их во главе легионов, а потом и всей армии, хотя их деятельность на государственной службе нельзя назвать выдающейся.

Историк Тацит назвал Ливию «матерью, опасной для государства, и злой мачехой для семьи Цезарей».

Молва подозревала, что не без участия Ливии скончались в юном возрасте усыновленные Октавианом племянник Марцелл и внуки Гай Цезарь и Луций Цезарь.

Ливия добилась того, что Август усыновил ее старшего сына Тиберия, который остался единственным наследником верховной власти.

Август скончался в Ноле, в той же спальне, где когда-то умер его отец Октавиан. Спросив у прощавшихся с ним у смертного одра друзей, как, по их мнению, он сыграл эту комедию жизни, с последними словами он обратился к жене: «Ливия, помни о прожитых вместе годах! Живи дальше и прощай!» После этого император испустил дух у нее на руках.

В Риме Ливия устроила Августу роскошные похороны.

Императрица даже пожелала стать жрицей Августа. По завещанию он оставил Ливии треть всех своих богатств, а также принял ее в лоно семьи Юлиев, в результате чего она взяла себе новое имя — Юлия. Таким образом Ливия одновременно была вдовой, дочерью и жрицей Августа.

Ливия, сделав Тиберия принцепсом, могла торжествовать победу. Однако ее властолюбивая натура столкнулась с неподатливым характером

родного сына.

«Тиберию стала в тягость его мать Ливия: казалось, что она притязает на равную с ним власть, — пишет Тацит. — Он начал избегать частых свиданий с нею и долгих бесед наедине, чтобы не подумали, будто он руководствуется ее советами».

Ливия жила в Риме, сохраняя свое могущество, и Тиберию приходилось с нею считаться. В 27 году он навсегда уехал из Рима и стал жить на острове Капри.

В провинциях Ливия при жизни почиталась как богиня. Ливия умерла в 29 году, благополучно дожив до 86-ти лет. Тацит пишет:

«Тиберий, ни в чем не нарушив приятности своего уединения и не прибыв в Рим отдать последний долг матери, в письме к сенату сослался на свою занятость делами и урезал как бы из скромности щедро определенные сенаторами в память Ливии почести, сохранив лишь немногие и добавив, чтобы ее не обожествляли, ибо так хотела она сама.

Вслед за тем наступила пора безграничного и беспощадного самовластия, ибо при жизни Ливии в ее лице все же существовала какая-то защита для преследуемых, так как Тиберий издавна привык оказывать послушание матери».

Ливия была официально обожествлена своим внуком императором Клавдием.

Юстиниан I и Феодора

Флавий Петр Савватий Юстиниан родился около 482 года в глухой деревушке Таурисий (Верхняя Македония) в семье бедного иллирийского крестьянина. Его бездетный дядя Юстин, став императором, тотчас вызвал племянника в столицу и дал ему блестящее образование. Юстиниан, благодаря своему уму и энергии, приобрел огромное влияние на дядю и стал активно вмешиваться в государственные дела. В апреле 527 года, чувствуя приближение смерти, Юстин усыновил Юстиниана и сделал его своим соправителем. Вскоре император умер, и 45-летний Юстиниан стал неограниченным правителем византийского государства.

На дипломатию Юстиниана оказывала большое влияние его супруга Феодора. Она писала царю Персии Хосрову: «Император ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной». Иноземные посольства направлялись не только к Юстиниану, но и к Феодоре, а иногда раньше к ней, чем к императору.

С Феодорой Юстиниан познакомился в начале 520-х годов. Ему было уже под сорок, бывшей цирковой актрисе — чуть больше двадцати. Из весьма пристрастной «Тайной истории» Прокопия известно, что Феодора была низкого происхождения, ее отец Акакий работал смотрителем зверинца. Прокопий отмечает, что Феодора «была красива лицом и в общем изящна, но невысокого роста; кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, проникновенный и быстрый».

Юстиниан осыпал Феодору подарками и драгоценностями. Он добился от Юстина самой великой почести для возлюбленной: вчерашняя актриса была возведена в достоинство патрикии. После этого Юстиниан просил разрешения у императора жениться на дочери смотрителя зверинца, ибо только с ней он испытал минуты настоящего счастья. Юстин

к увлечению наследника Феодорой отнесся одобрительно, справедливо считая, что мудрая и искушенная жена принесет племяннику больше пользы, нежели коронованная особа из чужих земель. Однако против этого брака неожиданно выступила императрица Евфимия. Она была хорошо осведомлена о прошлом Феодоры. Как ни просили ее муж и Юстиниан, Евфимия оставалась непреклонна.

Только после ее смерти Юстин разрешил племяннику жениться на Феодоре. Произошло это событие в 524 году. Правда, для этого пришлось издать закон, разрешавший лицам сенаторского сословия заключать брак с актрисами.

У Юстиниана и Феодоры, вероятно, сразу наметилась необходимая линия «сосуществования», сферы, в которых каждый из них был самостоятелен в своих решениях, симпатиях и антипатиях. В каких-то случаях можно говорить и о независимой политике Феодоры. Но в то же время императрица знала, какие дела Юстиниан будет решать только сам — упорство и последовательность характера супруга были ей хорошо известны. Между ними редко возникали конфликты, а если и возникали, то не очень значительные.

Супругов сплачивала и общая неприязнь к ним старой аристократии. В 532 году произошло восстание Ника, направленное против правительства Юстиниана. Во главе его оказались находившиеся в городе сенаторы. Доведенный до отчаяния император решил бежать из столицы. По его приказу были приготовлены корабли, на которые погрузили царскую казну и богатства императорского дворца. И здесь необычайную энергию и решимость проявила Феодора. Появившись на заседании императорского совета, она обвинила своего царственного супруга и его приближенных в позорной трусости. В конце своего гневного выступления она заявила, что предпочитает смерть потере власти, ибо «царская порфира — прекрасный саван». Феодора требовала, чтобы Юстиниан отказался от бегства и немедленно отдал приказ уничтожить мятежников.

Восстание было жестоко подавлено. Коронованный народом Ипатий и его брат Помпей были казнены, а 18 сенаторов, сопричастных к восстанию, отправлены в ссылку (правда, вскоре были оттуда возвращены).

Одержав триумфальную победу, Феодора почувствовала силу. Она обратила свое внимание на жизнь двора, его этикет, привычки и ритуальные обряды, решив изменить их по своему усмотрению. Юстиниан теперь прислушивался ко всему, что предлагала императрица, и охотно исполнял ее желания. Многие историки обращают внимание на тот факт, что в законодательстве Юстиниана есть много нового, необъяснимого с точки зрения римского права. Новые идеи относятся прежде всего к области семейных отношений и прав женщины в семье и вне ее. Покровительство падшим женщинам, заботы об имущественных и личных правах замужней женщины с большою вероятностью объясняются личным влиянием императрицы на законодательство.

Феодора вела и свою церковную политику: когда в Сирии начались ужасающие преследования монофиситов, сторонников христианского учения, она открыла для них в столице странноприимницу и призывала Юстиниана посещать ее. В «Житиях святых» монофиситской Церкви не раз упоминается, что гонимые монахи находили в Феодоре свою заступницу

против немилости византийского царя. Если бы она не скончалась так рано, то империя не испытала бы многих несчастий, и, может быть, было бы менее поводов чернить Юстиниана.

Императрица жила в свое удовольствие, пока болезнь не приковала ее к постели. Она умирала в страшных муках, крики ее по ночам наводили страх на обитателей дворца, а муж беспрестанно молился и просил отпустить ему грехи, точно опасаясь, что всевидящий Бог покарает такой же болезнью и его.

28 июня 548 года, прожив всего сорок восемь лет, Феодора умерла от рака. Историки пишут, что ее супруг был безутешен. Впрочем, ему давно уже перевалило за шестьдесят, и он сам готовился к путешествию в мир иной. Однако Юстиниан прожил еще долго. К концу своей жизни он увлекся теологией и почти не занимался делами государства, предпочитая проводить время во дворце в спорах с иерархами церкви или даже простыми монахами. Давая народу торжественные клятвы, он по-прежнему клялся именем Феодоры. Так продолжалось до дня его смерти — в ночь с 14 на 15 ноября 565 года. Император умер в возрасте 83 лет.

Князь Игорь и Княгиня Ольга

Имя великой княгини Ольги упоминается всякий раз, когда речь заходит о выдающихся женщинах Древней Руси. Ее мужем был князь Игорь. Сменивший Олега на киевском княжеском престоле Игорь подобно его предшественнику изображен в древнерусских летописях во многом как легендарная личность. Вещий Олег приходился родственником и опекуном молодому князю.

Легенда XVI века передает сказание о том, как однажды киевский князь Игорь охотился в лесах у Пскова. Здесь он встретил на своем пути реку и увидел стоявший у берега челн. Перевозчиком оказалась девушка Ольга. Игорь попросил перевезти его, он был поражен ее умом. Когда же он, «некие глаголы претворяше к ней», получил отпор на свои «стыдные словеса», девушка отказала Игорю столь искусно, воззвав к его княжеской чести, что Игорь не только не обиделся, но, согласно легенде, тут же посватался к ней.

Биография Ольги в большей ее части загадочна. Даже само появление ее на исторической сцене различные летописи датируют по-разному. В «Повести временных лет» под 903 годом читаем: «Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу». А в Новгородской первой летописи младшего извода в недатированной части, но непосредственно перед статьей 920 года, сказано, что Игорь «привел себе жену из Плескова, по имени Ольгу, была она мудрой и смышленой, от нее родился сын Святослав».

Русская православная церковь причислила Ольгу к лику святых, богословы создали ее Краткое и Пространное житие. Житие считает Ольгу уроженкой псковского села Выбуто, дочерью незнатных родителей. Напротив, известная в пересказе В. Н. Татищева поздняя Иоакимовская летопись выводит Ольгу от новгородского князя, или посадника — легендарного Гостомысла. Вряд ли можно сомневаться в том, что она была из знатной семьи, а не крестьянской девушкой.

Девушка пленила Игоря красотой, благонравием и скромностью. Любовь к юной Ольге ослепила Игоря, который, не раздумывая, пожелал

взять ее в жены, предпочтя другим, более родовитым невестам.

О времени, месте рождения и происхождении самого Игоря нам ничего с достоверностью не известно. Рождение в Новгороде на Волхове около 879 года вызывает сомнение, поскольку в момент похода Игоря на Константинополь, в 941 году, ему должно было быть от 20 до 25 лет.

Поход Игоря на Константинополь в 941 году отмечен «Повестью временных лет» и упоминается в византийских историографических сочинениях. Но вызывает сомнение сорокалетнее (!) бесплодие Ольги. Весьма сомнительно, что Игорь женился на Ольге в 903 году и в течение 39 лет не имел детей, как и тому, что он взял ее в преклонные годы не первым для себя браком. Скорее всего, к моменту рождения Святослава оба они, Ольга и Игорь, были молоды и полны сил.

Кончина Олега побудила древлянские племена к восстанию. Нестор следующим образом описывает вступление Игоря на киевский княжеский престол: «После смерти Олега стал княжить Игорь… И затворились от Игоря древляне по смерти Олега». В следующем году, по свидетельству Нестора, «пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше прежней».

Жаждавшие захватить власть в Киеве древляне замыслили убить Игоря и ждали удобного случая, чтобы расправиться с ним.

Но прежде чем столкнуться в смертельной схватке с вождями племенного союза древлян, князь Игорь предпринял под 941 год поход на Константинополь.

Ольга обладала даром предвидения — она чувствовала опасность, грозившую мужу, и изо всех сил старалась уберечь его от беды. Пророческий сон приснился ей, когда князь Игорь собирался в поход на Константинополь. Ольге привиделись сожженные ладьи, мертвые воины, черные вороны, кружившие над полем брани… Поражение дружины Игоря представлялось неизбежным.

Встревоженная Ольга пыталась остановить мужа, рассказав о дурных знаках, которые видела во сне, но он не сомневался в скорой победе.

Пророчество княгини сбылось, и войско было разбито. Впоследствии князь Игорь всегда прислушивался к словам Ольги, не раз предсказывавшей ему победу или поражение в ратных делах, следовал ее мудрым советам.

Супруги жили счастливо. Вернувшись из похода на Константинополь, князь Игорь стал отцом: родился сын Святослав.

В 944 году князь организовал новый поход на Византию. На этот раз дело кончилось подписанием мирного договора.

Летопись Нестора под 945 годом повествует: «И пришла осень, и стал он (Игорь) замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани. В тот год сказала дружина Игорю: „Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы“. И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, [то] поразмыслив, сказал своей дружине: „Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще“. И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью

дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что [Игорь] идет снова, держали совет с князем своим Малом: „Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот, если не убьем его, то всех нас погубит“. И послали к нему, говоря: „Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань“. И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня, в Деревской земле, и до сего времени».

Настоящее погребение зверски убитого Игоря, по прадедовским обычаям языческой веры, не состоялось. Между тем в соответствии с народными поверьями покойник, которого не похоронили согласно обычаю, блуждал среди людей и тревожил их.

Следуя языческим традициям, княгиня Ольга надеялась, что безжалостная месть за смерть мужа исцелит ее душу от страданий. Она поклонялась умершему супругу, который, по древним славянским верованиям, и в загробной жизни продолжал следить за своим родом и оказывать ему покровительство.

В годы замужества Ольга обрела ту самую «мудрость», которая позволила ей выдвинуться после смерти князя Игоря в правительницы Русского государства.

Минуло полгода после смерти Игоря, как вдруг весной следующего, 945 года верхушка древлянского союза племен решила восстановить дружеские отношения с Киевом и направила послов к Ольге с предложением выйти замуж за древлянского князя Мала.

Ольга ответила послам, что они могут привести сватов в ладьях к ее терему (передвижение посуху в ладьях имело у восточных славян двойной смысл: и оказание почести, и обряд похорон). Наутро доверчивые древляне последовали ее совету, а Ольга приказала их сбросить в яму и живыми закопать. Памятуя о мучительной смерти казненного древлянами мужа, княгиня коварно поинтересовалась у обреченных: «Добра ли вам честь?» Послы ей будто бы ответили: «Пуще Игоревы смерти» (греческий историк Лев Дьякон сообщал, что «Игорь привязан был к двум деревам и разорван на две части»).

Второе посольство «мужей нарочитых» было сожжено, а вдова отправилась на землю древлян якобы для того, чтобы «створить трызну мужу своему». Когда войска встретились, юный Святослав, сын Ольги и Игоря, начал битву, метнув копье в неприятеля. Пущенное детской рукой, оно не долетело до вражеских рядов. Однако опытные полководцы ободрили своих воинов примером юного князя. Здесь ее «отроки» напали на «упившихся» после тризны древлян и перебили их множество — «иссекоша их 5000», как утверждает летопись.

Овладев Искоростенем, Ольга «сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, заставила платить дань… И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И существуют места ее стоянок и охот до сих пор».

Но княгиня на этом не успокоилась. Через год, продолжает свой рассказ Нестор, «отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей

земле и свидетельства о ней, и места ее, и погосты…»

Сказание о мести Ольги отчасти, вероятно, легенда. Обман, жестокость, коварство и другие действия княгини, мстящей за убийство мужа, прославляются летописцем как высший, справедливый суд.

Месть за гибель мужа не избавила Ольгу от душевных мук, а скорее добавила новые терзания. Покой и исцеление обрела она в христианстве, смирившись со своей участью и отказавшись от желания уничтожить всех врагов.

Отказалась Ольга и от брачного союза с византийским императором Константином Багрянородным, храня верность памяти мужа.

В 964 году Ольга уступила престол совершеннолетнему сыну. Но «възрастъший и възмужавший» Святослав длительное время находился в походах, и во главе государства по-прежнему оставалась его мать. Так, во время печенежского нашествия на Киев в 968 году Ольга возглавила оборону города. Предание нарекло княгиню хитрой, церковь — святой, а история — мудрой.

Судя по летописи, Святослав испытывал к матери почтительное уважение до самой ее смерти. Когда она стала совсем больной, по ее просьбе он вернулся из похода и был с матерью до ее последнего часа.

Накануне своей кончины — все летописи датируют ее 969 годом — «Ольга завещала не совершать по ней тризны (составной части языческого обряда похорон), так как имела при себе священника втайне».

Многое из того, что задумала, но не смогла осуществить Ольга, было продолжено ее внуком, Владимиром Святославичем.

По-видимому, язычник Святослав запретил публичное отправление христианского культа (молебны, водосвятия, крестные ходы), выдвинул на первое место «норовы поганьские», то есть языческие.

Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер

Пьер Абеляр хорошо известен философам. Родился он в 1079 году в местечке Ле-Палле в Бретани в аристократической семье и всю свою жизнь провел, переходя из одних школ и монастырей в другие, поэтому и был прозван «Палатинским перипатетиком». Он встретил свою роковую любовь в зрелом возрасте, в сорок лет, когда возглавлял монастырскую школу при соборе Парижской богоматери.

Элоиза родилась в 1101 году. В монастыре она изучала латынь и произведения античных классиков. Потомкам ничего не известно о ее родителях, воспитывал девочку дядя парижский каноник Фульбер.

Абеляр обратился к Фульберу с просьбой позволить ему за умеренную плату жить в его доме, добавив при этом, что хотел бы заняться воспитанием племянницы каноника. Абеляр признавался: «В то время я был так знаменит и привлекателен, что не боялся сказать женщине, которую я находил достойной своей любви. Кроме того, я полагал, что юная девица сдастся тем более охотно, поскольку она была образованна и любила учение».

Страсть захватила обоих. «Под предлогом учения, — вспоминал Абеляр, — мы всецело предавались любви… Руки чаще тянулись к телу, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным… […] Даже когда мы пребывали в разлуке, мы могли общаться через письма, сообщать друг другу то, что трудно отважиться произнести

вслух, и, таким образом, наши восхитительные отношения не прерывались ни на минуту».

Однако любовникам не удается сохранить свои отношения в тайне. Фульбер приходит в ярость. Он тут же выпроваживает Абеляра из своего дома. Вскоре Элоиза поняла, что беременна, и бежит с любовником. Они укрылись в доме его сестры, в Бретани. Здесь Элоиза родила сына Астролябия. Чтобы утихомирить Фульбера, Абеляр готов жениться на Элоизе. Для него это самый опасный путь: брак закрывал перед духовным лицом карьеру. Абеляр договаривается с Фульбером, что брак будет тайным.

Элоиза возражала против этого брака — не только потому, что он помешал бы академической карьере Абеляра, но и потому, что она, поверив Теофрасту, Сенеке, Цицерону и св. Иерониму, была искренне убеждена, что занятия философией несовместимы с браком.

«Она решительно отказывалась от этого брака, заявляя, что он явится для меня во всех отношениях постыдным и тягостным. Она подчеркивала и мое бесславие после этого брака, и те трудности брачной жизни, которых апостол убеждает нас избегать… Если же, говорила она мне, я не послушаюсь ни совета апостола, ни указаний святых относительно тяжестей брачного ига, то я должен, по крайней мере, обратиться за советом к философам и внимательно изучить то, что написано о браке ими самими…»

Несколько лет спустя Элоиза писала Абеляру: «Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого; я желала иметь только тебя, а не то, что принадлежит тебе. Я не стремилась ни к брачному союзу, ни к получению подарков и старалась, как и ты сам знаешь, о доставлении наслаждений не себе, а тебе, и об исполнении не своих, а твоих желаний. И хотя наименование супруги представляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой или, если ты не оскорбишься, — твоей сожительницей или любовницей».

Абеляр проявил настойчивость. Оставив ребенка в Бретани, они с Элоизой тайно приезжают в Париж и так же тайно венчаются. Но в глазах людей супруги остаются любовниками. Родственники Элоизы недовольны тем, что брак заключен тайно, полагая, что это в большей степени спасало карьеру Абеляра, чем репутацию Элоизы.

Абеляр, желая оградить жену от постоянных упреков и оскорблений со стороны членов ее семьи, отослал Элоизу в Аржантей, где в монастыре бенедиктинок она приняла монашеское одеяние (но еще не пострижение).

Фульбер не знал, что постриг племянницы был фиктивным. Защищая родовую честь и следуя решению семейного совета, он нанял людей, которые пробрались ночью в жилище Абеляра и оскопили его. Вот что пишет философ в своей книге: «Однажды ночью, когда я спал в своей опочивальне, один из моих слуг, подкупленный золотом, поспособствовал их мести, которая привела в изумление весь мир! Они отрезали ту часть моего тела, при помощи которой я нанес оскорбление, вызывавшее их гнев. Затем они скрылись…»

Опозоренный Абеляр укрылся в аббатстве Сен-Дени. Элоиза постриглась в монахини. Десять лет они прожили в молчаливой разлуке.

Абеляру пришлось бежать из Сен-Дени, он нашел убежище в небольшом монастыре в Шампани. Затем он поселился отшельником в лесах близ Труа, где устроил часовню, посвященную Параклету. В 1125 году Абеляр неожиданно получил приглашение стать настоятелем аббатства Сен-Жильда де Руи в Бретани.

Когда монастырь в Аржантее оказался под угрозой закрытия, Абеляр предложил Элоизе и другим монахиням поселиться в Параклете.

В эти годы Абеляр начал работать над автобиографией «История моих бедствий». Набросок этого жизнеописания попал к Элоизе. Она не выдержала — и тоже взялась за перо, чтобы обратиться к Абеляру с любовным посланием.

Письма, составившие знаменитую переписку Абеляра и Элоизы, относятся к периоду после 1130 года, когда Элоиза была настоятельницей женского монастыря в Параклете.

Теперь, по прошествии многих лет, Пьер Абеляр видел в своей подруге «скорее сестру во Христе», чем жену. Его письма, во многом напоминающие письма св. Иеронима к благочестивым женщинам, духовным наставником которых он был, — св. Юлии, Евстохии, Марцелле, Азелле и Павле, — свидетельствуют о стремлении Абеляра к святости.

Иначе ведет себя Элоиза. Она полна прежней страсти: «Даже во время торжественного богослужения, когда молитва должна быть особенно чистою, грешные видения этих наслаждений до такой степени овладевают моей несчастнейшей душой, что я более предаюсь этим гнусностям, чем молитве. И вместо того, чтобы сокрушаться о содеянном, я чаще вздыхаю о несовершившемся».

Абеляр был напуган исповедью Элоизы, осознав, что она с прежней страстью любит его. В назидательном ответе он объяснил своей «сестре», что варварское оскопление теперь представляется ему «актом божественного милосердия», поскольку позволило ему целиком посвятить себя Богу, освобождая от плотского вожделения, которое есть бремя, наваждение, грех. Абеляр все чаще и чаще задумывается о спасении души — своей и, конечно же, Элоизы.

В одном из своих последних писем Элоиза сообщала: «В моих покоях висит ваше изображение. Всякий раз, когда я прохожу мимо, я останавливаюсь и смотрю на него. […] Я больше не стыжусь того, что моя любовь к вам беспредельна… Я ненавидела себя за свою любовь, я до сих пор уничтожаю себя вечным заточением, чтобы сделать вашу жизнь спокойной и легкой. О! Думайте обо мне, не забывайте меня — мою любовь; мою преданность, мою верность; любите меня как свою возлюбленную, утешайте меня как свое дитя, как сестру, как жену. Поймите, я все еще люблю вас, хотя и стараюсь избавиться от этой любви».

В 1136 году Абеляр снова преподает в Париже. После того как на Сансском соборе ряд его тезисов был осужден, Абеляр нашел приют в аббатстве Клюн. В течение двух лет он обучал молодых монахов. Умер Абеляр в возрасте шестидесяти трех лет в обители Сен-Марселя близ Шалона 21 апреля 1142 года. Первоначально Абеляр был погребен в Сен-Марселе, однако позже его останки были перенесены в Параклет. Элоиза последовала за ним спустя двадцать лет. О ее смерти старая латинская хроника рассказывает так: «Когда умерла она и была принесена

к гробнице, ее супруг, который скончался за много дней до нее, поднявши руки, принял ее и заключил в свои объятия». В настоящее время останки Абеляра и Элоизы покоятся под общим надгробием на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Иван III и Софья Палеолог

Внезапная кончина первой жены Ивана III, княгини Марии Борисовны, 22 апреля 1467 года заставила великого князя Московского задуматься о новой женитьбе. Овдовевший великий князь остановил свой выбор на жившей в Риме и слывшей католичкой греческой принцессе Софье Палеолог. Одни историки полагают, что замысел «римско-византийского» брачного союза родился в Риме, другие отдают предпочтение Москве, третьи — Вильно или Кракову.

Софья (в Риме ее называли Зоей) Палеолог была дочерью морейского деспота Фомы Палеолога и приходилась племянницей императорам Константину XI и Иоанну VIII. Деспина Зоя провела детство в Морее и на острове Корфу. В Рим она приехала вместе с братьями Андреем и Мануилом после смерти отца в мае 1465 года. Палеологи поступили под покровительство кардинала Виссариона, который сохранил симпатии к грекам. Константинопольский патриарх и кардинал Виссарион пытался возобновить унию с Русью с помощью бракосочетания.

Прибывший в Москву из Италии 11 февраля 1469 года Юрий Грек привез Ивану III некий «лист». В этом послании, автором которого, по-видимому, был сам папа Павел II, а соавтором — кардинал Виссарион, великому князю сообщалось о пребывании в Риме преданной православию знатной невесты — Софьи Палеолог. Папа обещал Ивану свою поддержку в случае, если тот захочет посвататься к ней.

В Москве не любили торопиться в важных делах и над новыми вестями из Рима размышляли месяца четыре. Наконец, все размышления, сомнения и приготовления остались позади. 16 января 1472 года московские послы отправились в далекий путь.

В Риме москвичи были с честью приняты новым папой Сикстом IV. В подарок от Ивана III послы преподнесли понтифику шестьдесят отборных соболиных шкурок. Отныне дело быстро пошло к завершению. Через неделю Сикст IV в соборе святого Петра совершает торжественную церемонию заочного обручения Софьи с московским государем.

В конце июня 1472 года невеста в сопровождении московских послов, папского легата и многочисленной свиты отправилась в Москву. На прощанье папа дал ей продолжительную аудиенцию и свое благословение. Он распорядился повсюду устраивать Софье и ее свите пышные многолюдные встречи.

Софья Палеолог прибыла в Москву 12 ноября 1472 года, и тут же состоялось ее венчание с Иваном III. В чем причина спешки? Оказывается, на следующий день праздновалась память святого Иоанна Златоуста — небесного покровителя московского государя. Отныне и семейное счастье князя Ивана отдавалось под покровительство великого святителя.

Софья стала полноправной великой княгиней Московской.

Сам факт, что Софья согласилась поехать искать счастья из Рима в далекую Москву, говорит о том, что она была смелая, энергичная и склонная к авантюрам женщина. В Москве ее ожидали не только почести,

оказываемые великой княгине, но также враждебность местного духовенства и наследника престола. На каждом шагу ей приходилось отстаивать свои права.

Иван, при всей своей любви к роскоши, был бережлив до скупости. Он экономил буквально на всем. Выросшая в совершенно другой обстановке, Софья Палеолог, напротив, стремилась блистать и проявлять щедрость. Этого требовало ее честолюбие византийской принцессы, племянницы последнего императора. К тому же щедрость позволяла приобрести друзей среди московской знати.

Но лучшим способом утвердить себя было, конечно, деторождение. Великий князь хотел иметь сыновей. Желала этого и сама Софья. Однако, на радость недоброжелателям, она родила подряд трех дочерей — Елену (1474), Феодосию (1475) и опять Елену (1476). Софья молила Бога и всех святых о даровании сына.

Наконец ее прошение было исполнено. В ночь с 25 на 26 марта 1479 года на свет появился мальчик, нареченный в честь деда Василием. (Для матери он всегда оставался Гавриилом — в честь архангела Гавриила.) Счастливые родители связали рождение сына с прошлогодним богомольем и усердной молитвой у гроба преподобного Сергия Радонежского в Троицком монастыре. Софья рассказывала, что при подходе к монастырю ей явился сам великий старец, держащий на руках мальчика.

Вслед за Василием у нее родились еще два сына (Юрий и Дмитрий), затем две дочери (Елена и Феодосия), потом еще три сына (Семен, Андрей и Борис) и последней, в 1492 году, — дочь Евдокия.

Но теперь неизбежно возникал вопрос о будущей участи Василия и его братьев. Наследником престола оставался сын Ивана III и Марии Борисовны Иван Молодой, у которого 10 октября 1483 года в браке с Еленой Волошанкой родился сын Дмитрий. В случае кончины Державного он не замедлил бы тем или иным способом избавиться от Софьи и ее семейства. Лучшее, на что они могли надеяться, — ссылка или изгнание. При мысли об этом гречанку охватывали ярость и бессильное отчаяние.

Зимой 1490 года в Москву приехал из Рима родной брат Софьи, Андрей Палеолог. Вместе с ним вернулись московские послы, ездившие в Италию. Они привезли в Кремль множество всякого рода умельцев. Один из них, приезжий лекарь Леон, вызвался исцелить князя Ивана Молодого от болезни ног. Но когда он ставил княжичу банки и давал свои микстуры (от которых тот едва ли мог умереть), некий злоумышленник добавил в эти микстуры отраву. 7 марта 1490 года 32-летний Иван Молодой скончался.

Вся эта история породила множество слухов в Москве и по всей Руси. Общеизвестны были неприязненные отношения между Иваном Молодым и Софьей Палеолог. Гречанка не пользовалась любовью москвичей. Вполне понятно, что молва приписала ей и убийство Ивана Молодого. В «Истории о великом князе Московском» князь Курбский прямо обвинял Ивана III в отравлении собственного сына Ивана Молодого. Да, такой поворот событий открывал путь к престолу детям Софьи. Сам Державный попал в крайне сложное положение. Вероятно, в этой интриге Иван III, приказавший сыну воспользоваться услугами тщеславного лекаря, оказался лишь слепым орудием в руках хитроумной гречанки.

После гибели Ивана Молодого обострился вопрос о наследнике престола. Было два кандидата: сын Ивана Молодого — Дмитрий и старший сын Ивана III и Софьи Палеолог — Василий. Притязания Дмитрия-внука подкреплялись тем, что его отец был официально провозглашенным великим князем — соправителем Ивана III и наследником престола.

Державный оказался перед мучительным выбором: отправить в темницу либо жену и сына, либо сноху и внука… Убийство соперника во все времена было обычной ценой верховной власти.

Осенью 1497 года Иван III склонился на сторону Дмитрия. Он распорядился подготовить для внука торжественное «венчание на царство». Узнав об этом, сторонники Софьи и княжича Василия составили заговор, который предусматривал убийство Дмитрия, а также бегство Василия на Белоозеро (откуда перед ним открывалась дорога в Новгород), захват хранившейся в Вологде и на Белоозере великокняжеской казны. Однако уже в декабре Иван арестовал всех заговорщиков, в том числе и Василия.

В ходе расследования выяснилась причастность к заговору Софьи Палеолог. Не исключено, что именно она была организатором предприятия. Софья добыла яд и ждала подходящего случая, чтобы отравить Дмитрия.

В воскресенье 4 февраля 1498 года 14-летний Дмитрий был торжественно объявлен наследником престола в Успенском соборе московского Кремля. Софья Палеолог и ее сын Василий на этой коронации отсутствовали. Казалось, их дело окончательно проиграно. Придворные бросились угождать Елене Стефановне и ее коронованному сыну. Однако вскоре толпа льстецов отступила в недоумении. Державный так и не дал Дмитрию реальной власти, предоставив ему в управление лишь некоторые северные уезды.

Иван III продолжал мучительно искать выхода из династического тупика. Теперь ему первоначальный замысел не казался удачным. Державному стало жалко своих юных сыновей Василия, Юрия, Дмитрия Жилку, Семена, Андрея… Да и с княгиней Софьей он прожил вместе четверть века… Иван III понимал, что рано или поздно сыновья Софьи поднимут мятеж. Предотвратить выступление можно было только двумя способами: либо уничтожить вторую семью, либо завещать престол Василию и уничтожить семью Ивана Молодого.

Державный на этот раз избрал второй путь. 21 марта 1499 года он «пожаловал… сына своего князя Василь Ивановичя, нарекл его государем великим князем, дал ему Великыи Новъгород и Пьсков в великое княженье». В итоге на Руси появились сразу три великих князя: отец, сын и внук!

В четверг 13 февраля 1500 года в Москве сыграли пышную свадьбу. Иван III выдал свою 14-летнюю дочь Феодосию замуж за князя Василия Даниловича Холмского — сына знаменитого полководца и предводителя тверского «землячества» в Москве. Этот брак способствовал сближению между детьми Софьи Палеолог и верхушкой московской знати. К сожалению, ровно через год Феодосия умерла.

Развязка семейной драмы наступила лишь через два года. «Тое же весны (1502 года) князь велики апреля 11 в понедельник положил опалу на внука своего великого князя Дмитрея и на его матерь на великую княиню

Елену, и от того дни не велел их поминати в ектеньях и литиах, ни нарицати великым князем, и посади их за приставы». Через три дня Иван III «пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княженье Володимерьское и Московское и всеа Руси самодеръжцем, по благословению Симона, митрополита всеа Руси».

Ровно через год после этих событий, 7 апреля 1503 года, Софья Палеолог умерла. Тело великой княгини было погребено в соборе кремлевского Вознесенского монастыря. Ее похоронили рядом с могилой первой жены царя — тверской княгини Марии Борисовны.

Вскоре ухудшилось здоровье и самого Ивана III. В четверг 21 сентября 1503 года он вместе с наследником престола Василием и младшими сыновьями отправился на богомолье по северным монастырям. Однако святые угодники уже не склонны были помогать кающемуся государю. По возвращении с богомолья Ивана разбил паралич: «…отняло у него руку и ногу и глаз».

Иван III скончался 27 октября 1505 года. В «Истории» В. Н. Татищева есть такие строки: «Сий блаженный и достохвальный великий князь Иоан Великий, Тимофей преже нареченный, многии княжения к великому князю присовокупи и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже и всю Рускую землю данничества и пленения избави, и многи от Орды данники себе учини, многа ремесла введе, их же прежде не знахом, со многими дальними государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Рускую землю прослави; во всем же том помогаше ему благочестивая супруга его великая княгиня София; и да будет им вечная память во безконечныя веки».

Сулейман I и Роксолана

Во время правления султана Сулеймана I — с 1520 по 1566 год — Османская империя достигла наивысшей точки расцвета. На протяжении двух последних десятилетий Сулейман находился под влиянием своей фаворитки, ставшей широко известной европейцам как Ла Росса, или Роксолана. Пленница из Галиции, дочь украинского священника, она получила от турок прозвище Хуррем, или «Смеющаяся», за свою счастливую улыбку и веселый нрав.

Однако российский историк XVIII Кондратий Биркин высказывал иное мнение о происхождении фаворитки: «Обманываясь созвучием имен — собственного и нарицательного, некоторые историки видят в Роксолане русскую, так как роксоланами называли в Западной Европе славян, живших по прибрежьям Дона; другие, преимущественно французы, основываясь на комедии Фавара „Три султанши“, утверждают, что Роксолана была француженка. То и другое совершенно несправедливо: Роксолана — природная турчанка — была куплена для гарема еще девочкой на невольничьем базаре для прислуги одалыкам, при которых и занимала должность простой рабыни».

И все же большинство историков считает, что Роксолана была славянских корней. Она пленила султана молодостью, красотой и пламенными ласками. Наложница в совершенстве овладела искусством читать мысли Сулеймана. Ей не составило труда избавиться от своей предшественницы Гюльбахар, «Весенней розы», которая была вынуждена отправиться в своеобразную ссылку на полгода в Магнесию.

В первые пять лет своего сожительства с Роксоланой Сулейман имел от нее сыновей Магомета, Баязида, Селима и Джехангира и дочь Михримах. Семейство еще более привязало султана к наложнице, и тогда-то Роксолана приступила к осуществлению хитрого замысла — посадить на оттоманский престол сына своего, Баязида, обожаемого ею до безумия, особенно после смерти старшего сына, скончавшегося в юных летах. Интригу свою Роксолана вела с тем умом и тактом, которые свойственны женщине, не сомневающейся в своей власти над мужчиной.

Выдав четырнадцатилетнюю дочь за великого визиря Рустем-пашу, Роксолана тем самым привлекла его на свою сторону и приобрела в нем верного сообщника.

Осенью 1542 года в отсутствие Сулеймана, находившегося в походе, Роксолана, поведала муфтию о том, что мечтает построить огромную мечеть с имаретом ради спасения души своей и в угоду Аллаху. Муфтий, одобряя ее благое намерение, заметил любимице султана, что возведение мечети не может послужить ей во спасение души, так как всякое доброе деяние рабыни вменяется в заслугу ее повелителю и только свободная женщина властна в своих поступках.

Роксолана знала о существовании этого закона, но сделала вид, что очень огорчена и в течение нескольких дней была грустна и задумчива. Вернувшийся из похода Сулейман не узнал в ней прежней веселой, страстной красавицы. Когда он попытался выяснить, что произошло, наложница отвечала: «Причина моей тоски — сознание рабства и лишения прав человеческих!»

За улыбку Роксоланы султан готов был обратить в рабство целое царство или, напротив, освободить из-под своего ига тысячи невольников. Он объявил Роксолане, что слагает с нее позорное звание рабыни и дарует ей желанную свободу. Фаворитка улыбнулась и, осыпав поцелуями руку господина, быстро удалилась в свои покои.

Настала ночь. Евнух, посланный султаном за Роксоланой, вернулся один. Когда же она все-таки предстала перед повелителем, возмущенный Сулейман спросил, чем вызвано ее неповиновение?

«А вызвано оно моей покорностью воле Аллаха! — отвечала Роксолана. — Раба исполняет приказания господина, но свободная женщина грешит, разделяя ложе не с законным мужем… Разве ты, высочайший образец для всех правоверных, посмеешь нарушить заповедь пророка?»

Сулейман призадумался и послал за муфтием. Служитель культа одобрил ее действия, сказав, что они вполне согласуются с законом Магомета.

Через два дня Роксолана была объявлена законной супругой своего государя с предоставлением ей всех прав и преимуществ султанши-валиде. За два минувших века подобного не удавалось добиться ни одной наложнице турецких султанов.

Султану в то время было за шестьдесят, Роксолане — около сорока. Ее могущество росло с каждым днем. Она вникала во все тонкости государственных дел, контролировала расходы, интересовалась торговлей сукном и золотом, казнила и миловала. Европейские монархи, отправляя

посольства на Восток, посылали гонцов к Хуррем.

Прежде ни одной женщине не дозволялось ночевать в Большом Серале. Роксолана же оставалась там до конца своей жизни, и со временем здесь был построен новый гарем.

Султан при всей своей привязанности к близким готов был жестоко расправиться с любым, кто посягнет на его абсолютную власть. Зная о его подозрительности, Роксолана решила сыграть на этих струнах его натуры. Она была полна решимости обеспечить наследование трона Баязиду.

Но Сулейман видел своим преемником Мустафу, сына Гюльбахар. Он был красивым молодым человеком, «удивительно высокообразованным и рассудительным и в возрасте, когда можно править». Щедрый духом и мужественный в бою, Мустафа завоевал любовь янычар, которые видели в нем достойного преемника своего отца. Мустафа, занимавший должность правителя Сирии, жил в Диарбекире, обожаемый народом и войсками, неизменно покорный воле своего отца и государя.

В канун третьей персидской кампании Сулейман, вступивший в свое шестидесятилетие, впервые не захотел лично возглавить войско и передал верховное командование Рустем-паше.

Роксолана приближалась к зениту своей власти. По ее приказу Рустем уведомил пашей, чтобы те почаще извещали Сулеймана о добрых делах Мустафы. Эти хвалебные послания Роксолана показывала султану в те минуты, когда в нем особенно проявлялись опасения, а не вздумает ли его сын поднять знамени мятежа. «Как его все любят! — говорила Роксолана. — Его, право, можно назвать не наместником, но государем; паши повинуются ему, как велениям самого султана. Хорошо, что он не употребляет во зло своего влияния, но если бы на его месте был человек лукавый, честолюбивый, тот мог бы…»

Отправив сына своего Джехангира в Диарбекир, где тот сошелся и подружился с Мустафой, Роксолана продолжала восторженно восхвалять своему супругу добродетель его наследника Мустафы тем вкрадчивым голосом и в таких выражениях, которые даже в отцовском сердце возбуждают зависть и ревнивые опасения. Роксолана напомнила Сулейману о том, как Селим сместил собственного отца Баязида. Нет-нет, конечно, кроткий и благородный Мустафа на это не способен, но все-таки…

Вскоре через посланца Рустем-паши стали приходить сообщения, что янычары проявляют беспокойство и требуют, учитывая возраст султана, чтобы их возглавил Мустафа. Мол, Сулейман стал слишком стар, чтобы лично идти походом против врага, и что только великий визирь Рустем-паша противится тому, чтобы Мустафа занял место султана. По словам посланца, Мустафа благосклонно прислушивался к подобным подстрекательским слухам, а потому Рустем-паша умоляет султана ради спасения своего трона немедленно возглавить войско. Это был шанс для Роксоланы. Она продолжала разжигать в сердце супруга ненависть и подозрительность к Мустафе.

Сулейман долго колебался, прежде чем решить судьбу сына. Он попытался получить беспристрастный совет от муфтия, шейх-уль-ислама. Правда, султан говорил ему о некоем рабе, который в отсутствие хозяина начал растаскивать его собственность, замышлять нехорошее против жизни его жены и детей; мало того, задумал убить самого господина.

Закончив рассказ, Сулейман спросил: «Какой приговор должен быть вынесен этому рабу?» Муфтий ответил, что «он заслуживал быть замученным до смерти».

В сентябре Сулейман приехал в Эрегли и вызвал Мустафу из Сирии. Друзья умоляли его не подчиняться приказу, но Мустафа не чувствовал за собой вины и с надеждой на отцовскую любовь отправился к Сулейману. Он прибыл без всякой свиты и спокойно вошел в пышный шатер султана. Однако не успел Мустафа и слова сказать, слуги Сулеймана опрокинули его на землю и, набросив шнурок на шею, удушили.

Вслед за Мустафой был умерщвлен его малолетний сын. Вскоре умер и друг Мустафы, Джехангир, сын Роксоланы; от горя — говорят романисты, от яда — гласит история. Кровавые эти события совершились летом 1553 года. Теперь путь Баязиду к престолу был открыт.

Труп Мустафы был выставлен у шатра Сулеймана для прощания с ним войска. Чтобы не вызвать брожения в армии, султан лишил Рустем-пашу поста командующего и других званий и отослал обратно в Стамбул. Но уже через два года, после казни его преемника, Ахмед-паши, он вновь был во власти как великий визирь. Разумеется, по настоянию султанши.

Роксолана добилась всего, о чем мечтала. Она обеспечила наследование султаната одним из своих сыновей: Селимом, самым старшим и ее любимцем, и Баязидом, средним, несоизмеримо более достойным преемником. Более того, Баязид был фаворитом янычар, напоминая им своего отца Сулеймана.

Теперь ничто не удерживало ее на этой земле. В 1558 году Роксоланы не стало. Горько оплакивал ее смерть Сулейман. Он не разочаровался в жене ни при ее жизни, ни после ее смерти. Да и кто осмелился бы запятнать память Роксоланы в глазах ее супруга? Она была похоронена в усыпальнице, которую султан построил за огромной мечетью Сулеймании.

После смерти Роксоланы султан замкнулся в себе, стал молчаливым. Даже военные триумфы перестали волновать его.

Сулейман ушел в мир иной осенью 1566 года. Он скончался в своем шатре, возможно, от апоплексического удара, возможно, от сердечного приступа. На престол взошел Селим.

Лжедмитрий и Марина Мнишек

…Марине было около шестнадцати, когда в феврале 1604 года в прикарпатский городок Самбор к ее отцу, сандомирскому воеводе Ежи (Юрию) Мнишеку, прибыл человек, которому по прихоти истории суждено было на миг вознестись на российский престол. Кем же был этот искатель приключений, вошедший в российскую историю под именем Лжедмитрий?

Григорий, носивший в миру имя Юрия Отрепьева, родился в небольшом городке Галиче. Путь в жизни с детства пришлось пробивать самому. В 11 лет он поступил на службу к боярам Романовым, а затем принял постриг под именем Григория. Сменив несколько провинциальных монастырей, он очутился в кремлевском Чудовом монастыре. Здесь Отрепьеву удалось довольно быстро выдвинуться благодаря своей образованности и литературным талантам. Но он жаждал опасных приключений, воинских подвигов, страстной любви.

Григорий Отрепьев бежал в Гощу и поступил в протестантскую школу. Там он провел только одну зиму, а весной вновь отправился на поиски своей судьбы. Вскоре Григорий поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому. Решение назваться давно умершим царевичем Дмитрием подсказала ему сама жизнь. К тому же Дмитрий был почти ровесник Григория, умер в девятилетнем возрасте в далеком Угличе, а если бы остался жив, то после смерти царя Федора на престол взошел бы он, а не боярин Борис Годунов.

Притворившись смертельно больным, Григорий признался сначала на исповеди попу, а потом и самому князю Адаму Вишневецкому, что на самом деле он не кто иной, как сын Ивана Грозного Дмитрий, чудесным образом спасенный в далеком детстве от рук наемных убийц Бориса Годунова.

Весть о появлении царевича Дмитрия быстро разнеслась по западным окраинам Русского государства. Современники отмечали большую физическую силу Григория, бесстрашие, самонадеянность, неуемное честолюбие, ценимые казаками исключительно высоко. Скоро и в Польше мнимый царевич стал очень популярен.

На одном из пиров Лжедмитрий познакомился с сандомирским воеводой Юрием Мнишеком, любившим жить на широкую ногу, явно не по средствам. Впереди его ждало разорение, и он был готов на любые авантюры, лишь бы поправить свое положение. Хитрый воевода сразу сообразил, что с помощью московского царевича сможет поправить свои дела. Он познакомил его со своей дочерью Мариной и ввел в дом.

Дмитрий сразу же увлекся Мариной. Кроме того, у нее было много черт, буквально роднивших ее с самозванцем: непомерное честолюбие, мания величия и даже безрассудство. Двойственность образа жизни Марины: с одной стороны, знатность и роскошь, с другой — нужда в деньгах, долги, неопределенное будущее — несомненно, оказала влияние на формирование ее характера. Существует несколько романтических рассказов того времени о поединке, который имел будто бы Лжедмитрий с каким-то польским князем за прекрасную Марину.

Поселившись у Юрия Мнишека, Лжедмитрий сделал его дом самым популярным в Польско-Литовском государстве. Вскоре сам король Сигизмунд удостоил новоявленного Дмитрия вниманием и принял в своей резиденции в Кракове. Это еще больше подняло престиж Мнишеков среди польской знати.

Отзывы современников о Лжедмитрии весьма благосклонны. В Речи Посполитой он освоил местные обычаи, в частности охотно танцевал. Ростом «царевич» был невысок, но хорошо сложен. Хотя он не отличался красотой, ум и уверенность в себе придавали ему особое обаяние.

Марина и Лжедмитрий вскоре были объявлены женихом и невестой. Поддержка Мнишека нужна была самозванцу лишь до вступления на престол; после этого настаивать на свадьбе, торопить Марину и ее отца с приездом в Москву его могло заставить, пожалуй, лишь искреннее чувство.

Отправившись в поход на Москву за «отчим престолом», Лжедмитрий оставил Марину своей официальной невестой, с которой был заключен договор. Документ, подписанный в Самборе 25 мая 1604 года,

гласил, что в случае удачи невеста получала Новгород и Псков, богатые подарки, а ее отец — значительные денежные средства. В числе условий брака отмечено, что царь будет стремиться всеми способами привести к подчинению римскому престолу свое Московское государство. Таким образом, будущая царица принимала в глазах католиков высокое, апостольское призвание.

Мнишек советовал Дмитрию держать свое намерение в тайне, пока не вступит на престол. Сандомирский воевода не доверял Сигизмунду и опасался, что король захочет отдать за возможного царя свою сестру. Сама Марина, как говорят, вела себя сдержанно и давала понять Лжедмитрию, что она тогда только осчастливит его своею любовью, когда он добудет себе престол и тем сделается ее достойным.

Ожидание оказалось недолгим. Начав поход на Русь в октябре 1604 года, уже 20 июня 1605 года под перезвон всех колоколов, встречаемый тысячами ликующих москвичей Лжедмитрий въехал в столицу.

В ноябре 1605 года в Краков прибыл посол нового царя дьяк Афанасий Власьев. Он заявил Сигизмунду о намерении своего государя сочетаться браком с Мариною в благодарность за те великие услуги и усердие, какие оказал ему сандомирский воевода. Во время обручения, по обычаю династических браков, Власьеву было поручено представлять своего государя на заочном венчании. Церемония состоялась 12 ноября. После обручения был обед, а потом бал.

«Марина, — говорит один из очевидцев, — была дивно хороша и прелестна в этот вечер в короне из драгоценных камней, расположенных в виде цветов». Московские посланцы и поляки любовались ее стройным станом, быстрыми изящными движениями и роскошными черными волосами, рассыпанными по белому серебристому платью, усыпанному каменьями и жемчугом. Московский посол отказался с ней танцевать, заявив, что недостоин прикоснуться к жене своего государя, но внимательно следил за всеми церемониями. В частности, он выразил недовольство тем, что Мнишек велел дочери поклониться королю Сигизмунду, благодаря его за «великие благодеяния», — такое поведение совсем не подобало русской царице.

Марина с огромным удовольствием играла роль царицы: восседала в церкви под балдахином в окружении свиты, посетила Краковский университет и оставила свой автограф в книге почетных посетителей.

Марина получала от Лжедмитрия богатые дары. Ожидалось, что вскоре она отправится в Москву, но отъезд несколько раз откладывался: Юрий Мнишек жаловался зятю на недостаток средств и долги, не позволявшие быстро выехать. Однако вскоре до Марины дошли слухи, что в Москве у нее появилась соперница — прекрасная царевна Ксения, дочь умершего царя Бориса Годунова. Марина сразу засобиралась в дорогу, повелев отцу написать письмо царю.

Наконец Мнишек получил от Лжедмитрия 300 тысяч злотых, и 2 марта 1606 года Марина выехала из родного Самбора, окруженная огромной свитой.

На московской земле Марину встречали священники с образами, народ с хлебом-солью и дарами. Нареченная царица ехала медленно и, приблизившись к Москве, остановилась в заранее приготовленных для нее

шатрах.

2 мая царская невеста прибыла в Москву. На улицах ее встречали толпы нарядных горожан. Эта церемония описана многими очевидцами, пораженными ее пышностью, великолепием, роскошью. Малиновый звон колоколов, длинное шествие придворных в раззолоченных нарядах, сияющие панцири кавалерии…

После краткого свидания с Лжедмитрием в Кремле Марину привезли в Вознесенский монастырь, где ее встретила «мать» царя — вдова Ивана Грозного Марфа Нагая.

Свадьба Лжедмитрия и Марины состоялась в четверг 8 мая. Как отмечает историк Костомаров, «свадьба устроена была по заветному прадедовскому чину с караваями, с тысячским, с дружками, со свахами. Марина, не любившая русской одежды, явилась в столовую избу в русском бархатном платье с длинными рукавами, усаженном дорогими каменьями и жемчугом до того густо, что трудно было распознать цвет материи; она была обута в сафьянные сапоги; голова у ней была убрана по-польски, повязкою, переплетенной с волосами».

После обычных церемоний новобрачные со свадебным поездом отправились в Успенский собор. Прежде венчания царь изъявил желание, чтоб его супруга была коронована, затем помазана на царство и причастилась Святыми Дарами. Лжедмитрий хотел сделать приятное жене и тестю, подчеркнув особое положение Марины. Она приняла причастие по православному обряду. Царь не хотел принуждать жену к смене веры и желал лишь исполнения ею — для спокойствия подданных — православных обрядов во время торжественных церемоний.

Совершилось венчание. Ксендз произнес в Успенском соборе проповедь на латинском языке. Свадьба, однако, продолжалась во дворце по всем правилам русского свадебного чина.

Потекли веселые дни пиров и праздников. Марина, по требованию царя, хотя и являлась в русском платье, когда принимала поздравления от русских людей, но на свадебном пиру была в польском платье, на столе стояли любимые ее кушанья, в том числе и телятина, которую русские люди не употребляли, считая поганой, играла польская музыка, и все гости танцевали. На русских пирах могли танцевать только скоморохи, поэтому все нововведения польской невесты были сочтены большим грехом.

Марина же, несомненно, была на вершине счастья. Сбылись самые смелые мечты честолюбивой полячки.

В воскресенье готовился маскарад с великолепной иллюминацией, а за городом устраивали бутафорскую крепость. Поляки затевали рыцарский турнир в честь новобрачной четы. Много иных веселых планов представлялось для суетной и избалованной судьбою Марины.

Однако среди москвичей росло недовольство нашествием поляков. Этим обстоятельством решили воспользоваться мятежные бояре во главе с князем Василием Шуйским. Какие-то вести о заговоре дошли до Лжедмитрия, но он лишь отмахнулся.

Ранним утром 17 мая 1606 года москвичи проснулись от звона колоколов. Им объявили, что поляки хотят убить царя Дмитрия, и они бросились громить дома, где жили родственники Марины. Заговорщики ворвались в Кремль, смяли сопротивление царской стражи и стали искать

Лжедмитрия. Спасаясь, он выпрыгнул из окна и сломал ногу. Стрельцы хотели было защищать царя, но заговорщики пригрозили им разорением стрелецкой слободы, и те в испуге отступились. Тело убитого Лжедмитрия было выставлено на Красной площади; Шуйские объявили о его самозванстве, несколькими днями позже князь Василий был избран царем.

Марина спаслась чудом. Она вбежала в свои покои, к придворным дамам и, будучи небольшого роста, спряталась под юбкой охмистрины. К счастью, прибежали бояре и разогнали неистовую толпу.

Марина оставалась во дворце до среды будущей недели; к ней приставили стражу. В среду пришли к ней московские люди от бояр и сказали: «Муж твой, Гришка Отрепьев, вор, изменник и прелестник, обманул нас всех, назвавшись Димитрием, а ты знала его в Польше и вышла за него замуж, тебе ведомо было, что он вор, а не прямой царевич. За это отдай все и вороти, что вор тебе в Польшу пересылал и в Москве давал». Марина указала им на свои драгоценности и сказала: «Вот мои ожерелья, камни, жемчуг, цепи, браслеты… все возьмите, оставьте мне только ночное платье, в чем бы я могла уйти к отцу».

У Мнишка забрали десять тысяч рублей деньгами, кареты, лошадей и вино, которое он привез с собою.

Василий Шуйский отправил семью Мнишеков в Ярославль, где они прожили до июля 1608 года. Затем по договору с польским королем Марину с отцом отправили на родину. Но на Пути их встретил пан Зборовский, один из руководителей польских отрядов при Лжедмитрии II. Он предложил Марине стать женой второго самозванца, укрепив тем самым его авторитет. В Тушинском лагере она вновь становится русской царицей — 5 сентября 1608 года. Вскоре судьба преподнесла ей новый сюрприз: второй Лжедмитрий был убит. В это время она была на последних месяцах беременности.

Вскоре она родила сына, которого нарекла Иваном, возможно, в честь казацкого атамана Ивана Заруцкого, который отныне стал ее единственным покровителем. Даже с маленьким ребенком на руках Марина продолжала борьбу, надеясь стать московской царицей.

Конец «царствования» Марины был ужасен. Заруцкий как главный «заводчик воровства» был посажен на кол, четырехлетний царевич Иван повешен (во избежание новых смут), а Марина была заточена в одной из башен Коломенского кремля, прозванной потом «Маринкиной». Здесь она умерла не то «от тоски», не то от голода, не то была отравлена.

Джахангир и Нур Джахан

Могольский император Акбар — великий реформатор средневековой Индии любил праздники. Именно он начал устраивать «женские базары», на которых жены и дочери придворных торговали украшениями, тканями и всякими безделушками.

На одном из таких веселых базаров сын императора Салим встретил юную красавицу Мехруннису. Ее отцом был Гийяс Бег, тысячник в войске императора. Мехрунниса родилась на пути в Индию, куда Гийяс Бег, иранец по происхождению, отправился на поиски счастья в 1576 году.

Наследник престола так увлекся девицей, что встревоженному Акбару пришлось подыскать Мехруннисе жениха. Им стал иранец Шер-Афкан, служивший в армии императора. После свадьбы Акбар

назначил его на более высокую должность и пожаловал ему во владение округ Бурдван в Бенгалии, подальше от двора.

Через несколько лет Акбар скончался и на престол взошел Салим под именем Джахангира. Он вспомнил о прекрасной Мехруннисе, которая жила в Бурдване вместе с мужем и дочерью. Император повелел Шер-Афкану явиться в столицу, полагая, что Мехрунниса будет его сопровождать. Шер-Афкан был верным подданным, но очень осторожным. Заподозрив неладное, он отказался ехать ко двору.

Тогда в Бурдван отправился молочный брат императора Кутбуд-дин, занимавший пост наместника Бенгалии. Его встреча с Шер-Афканом кончилась кровавой драмой. Наместник попытался убедить супруга Мехруннисы подчиниться государевой воле. Шер-Афкан выхватил саблю и нанес Кутбуд-дину смертельный удар в живот. Сам же, истекая кровью после стычки с охранниками наместника, сумел добраться до дома. Он проследовал на женскую половину дома, чтобы убить жену и спасти свое имя от бесчестья. Но гостившая в Бурдване мать Мехруннисы не растерялась и сказала зятю, что несчастная, услышав о случившемся и считая супруга убитым, бросилась в колодец. При этих словах Шер-Афкан упал замертво.

Узнав о смерти соперника, Джахангир вздохнул с облегчением. «Надеюсь, — писал он в своих мемуарах, — что этот гнусный негодяй навечно обретет пристанище в аду». Император приказал доставить Мехруннису ко двору. Однако по существующим законам даже император не мог жениться на ней сразу: ведь она была вдовой человека, объявленного государственным преступником. В течение нескольких лет Мехрунниса находилась при одной из жен покойного императора Акбара.

Лишь в 1611 году Джахангир женился на своей избраннице. Свадьба была отпразднована с необычайной пышностью. Мехрунниса получила новое имя Нур Джахан — Свет Мира, под которым и вошла в историю Индии.

Ей было тридцать четыре года, что считалось солидным возрастом. Несмотря на это Нур Джахан оставалась, по свидетельству современников, блистательной красавицей, едва ли не владевшей магическим секретом вечной молодости. Она писала стихи под псевдонимом Махфи, вышивала золотом; именно ей индийская традиция приписывает изобретение «итр» — эссенции из розовых лепестков.

Джахангир обожал ее. Прежде он имел девять жен и множество наложниц, но до брака с Нур Джахан «даже не подозревал, что такое супружество». Император не мог обойтись без жены и дня. Она даже лечила его, не доверяя другим врачам. Отважная женщина сопровождала Джахангира и в поездках по империи, и на охоте. В своих мемуарах правитель с восторгом рассказывал о том, как его супруга, восседая на слоне, одним выстрелом из мушкета убила тигра-людоеда.

Джахангир всячески поощрял участие жены в решении государственных проблем, в то время как сам все сильнее увлекался вином и опиумом, предаваясь развлечениям. «Она достаточно сильна и мудра, чтобы править, — утверждал Джахангир, — а мне ничего не надо, кроме вкусной еды и хорошего вина».

Нур Джахан выдвинулась на первые роли в управлении империей. Ее имя чеканилось на монетах и стояло на государственной печати рядом с именем супруга. Она принимала послов, выслушивала жалобщиков и просителей; решала вопросы войны и мира, раздавала придворные должности и земельные наделы, особо отличая при этом своих родственников и даже старых слуг. Например, брата Асаф Хана она сделала первым сановником.

Разумеется, далеко не все были довольны переходом государственной власти в руки женщины. Помимо сыновей Джахангира, мечтавших о престоле, за влияние на императора боролось несколько придворных группировок.

Один из высокопоставленных и пользовавшихся особым доверием Джахангира вельмож, Махабат Хан, заявил государю, что не в силах более мириться с позором и бесчестием, которые повелитель навлек на себя безумной страстью к Нур Джахан. История еще не знала примера подобного подчинения могущественного монарха воле своей жены. Махабат Хан призывал падишаха одуматься.

Джахангир попытался взять в свои руки бразды правления. Но, как с грустью заметил летописец, двести таких, как Махабат Хан, не могли пересилить влияние Нур Джахан на падишаха…

Единственным союзником властолюбивой императрицы был ее брат Асаф Хан. Чтобы прочнее связать себя с правящей семьей, Нур Джахан, у которой не было детей от императора, устроила два важных для себя брака. Один из сыновей Джахангира, Хуррам, взял в жены дочь Асаф Хана (впоследствии Хуррам, став императором Шах Джаханом, построил для нее всемирно знаменитый мавзолей Тадж-Махал). Нур Джахан выдала свою дочь от первого брака за другого сына Джахангира. Все это делалось для того, чтобы после смерти мужа императрица осталась у власти.

Казалось, создавшееся положение благоприятствовало честолюбивым замыслам Нур Джахан. Старший сын Джахангира, Хусру, за мятеж против отца был ослеплен и заточен в тюрьму. Другой сын, Хуррам, тоже попытался восстать, но потерпел поражение и, хотя был прощен отцом, находился в опале. Единственной угрозой оставался еще один сын Джахангира, Парвиз, целиком подчиненный влиянию Махабат Хана. Именно эти двое подавили мятеж Хуррама, что принесло им славу и почет.

Кульминация в борьбе двух придворных группировок, одну из которых возглавляли Нур Джахан с братом, а другую — Парвиз и Махабат Хан, наступила в 1626 году, когда император вместе со своим двором выступил из Кашмира в Лахор. Стремясь покончить с Махабат Ханом, Нур Джахан добилась того, чтобы его вызвали ко двору императора с отчетом о тратах во время пребывания наместником в Бенгалии. Махабат Хан понимал всю опасность ситуации, поэтому направился в ставку падишаха с отрядом в четыре тысячи воинов.

Во время переправы Джахангир и его приближенные были пленены Махабат Ханом, который заявил, что остается преданнейшим подданным императора, но государству угрожает честолюбие Асаф Хана и его сестры. Повелитель, безусловно, свободен, но теперь он будет находиться под надежной охраной…

Нур Джахан с отрядом отправилась вызволить мужа из плена.

В итоге Нур Джахан также попала в плен к Махабат Хану. Вельможа наслаждался одержанной победой и раздумывал, что делать дальше. А пока, выполняя волю императора и его супруги, он отправился вместе с ними в Кабул, где позволил одному из придворных набрать среди местных жителей две тысячи всадников якобы для похода на Кандагар, захваченный персами. На самом деле воинов вербовали по тайному распоряжению Нур Джахан.

А потом Джахангир заявил, что хочет провести смотр новых войск, но без участия в нем людей Махабат Хана, дабы избежать стычки между афганцами и индусами. Махабат Хан опрометчиво согласился, и Джахангир, возглавив отряд, легко освободился из плена.

Потерпев поражение, Махабат Хан поспешил дальше на юг, но, получив известие о внезапной смерти принца Парвиза, сразу предложил свои услуги Хурраму, также находившемуся на Декане. Хуррам же не собирался поднимать мятеж: он ждал, когда власть сама перейдет к нему в руки, ведь Парвиз был мертв, а два младших брата, Шахрияр и Джахандар, серьезными соперниками не являлись.

Здоровье Джахангира слабело с каждым днем. Он надеялся обрести исцеление в благодатном климате Кашмира, но тщетно. 28 октября 1627 года Джахангир умер. Царственная вдова не долго предавалась скорби: она хотела возвести на трон своего зятя Шахрияра, который немедленно захватил государственную казну и провозгласил себя падишахом.

Но Асаф Хан объявил государем юного сына принца Хусру. Некогда восставший против отца, Хусру был ослеплен, а потом убит, а сын его, долгое время находившийся в заключении, понятия не имел о государственных делах. Наивный юноша не ведал, что его, по выражению летописца, готовят на роль жертвенного барашка, что Асаф Хан уже тайно послал гонца к Хурраму. Нур Джахан была разгневана предательством брата, но лишь тогда, когда Хуррам отправил на тот свет других претендентов и взошел на престол под именем Шах Джахана, поняла, что окончательно проиграла…

К чести Шах Джахана, он не тронул вдовствующую императрицу. Вместе с овдовевшей дочерью Нур Джахан была отправлена в одно из своих владений, где и умерла через восемнадцать лет. Похоронили ее в Лахоре, в гробнице Джахангира.

Рембрандт ван Рейн и Саския ван Эйленбург

Один из величайших в мировом искусстве художников Рембрандт Харменс ван Рейн родился 15 июля 1606 года в Лейдене. Он был восьмым ребенком в семье мельника Харменса Герритса ван Рейна. Вначале Рембрандт поступил в латинскую школу, а по окончании ее — в университет. Вскоре он оставляет университет и начинает учиться живописи.

В 1631 году художник переезжает в Амстердам. Здесь он работает главным образом над портретами. Представители самых разнообразных слоев общества стремились запечатлеть себя.

Саския ван Эйленбург (Эйленбюрх) пришла к нему в дом вместе со своим кузеном Хендриком. Недавно осиротевшая дочь бургомистра приехала посмотреть Амстердам из Фрисландии. Но кузина была отнюдь не

похожа на обычную провинциальную красавицу.

Устроившись на высоком стуле, Саския повела себя так непринужденно и весело, что натянутость первых минут вскоре рассеялась. Она была очаровательной, с удовольствием поддерживала любую беседу. И вдруг сама предложила художнику написать ее портрет. Рембрандт согласился.

Рембрандт встречался с Саскией не только на сеансах, но и на вечеринках, увеселительных прогулках с друзьями. Наконец художник решил жениться на ней.

При первой же возможности он отправился в дом пастора Сильвиуса, дядюшки его возлюбленной. В доме Сильвиуса все напоминало ему о том, что девушка, чьей руки он собирался просить, — дочь бургомистра города Лейвардена, а родственники ее занимают видные церковные и университетские кафедры.

Саския не давала о себе знать больше недели. Портрет, единственный предлог, позволявший Рембрандту постоянно видеться с ней, был готов; вечеринки в конце лета тоже прекратились. И вдруг он нашел у себя под дверью записку, в которой госпожа Сильвиус приглашала его посетить их дом в пятницу вечером.

Рембрандт нанес пастору второй визит. Хозяева сидели на парных стульях по обеим сторонам столика. Рембрандт занял место справа от госпожи Сильвиус, а Саския опустилась на скамеечку у ног пастора. Но и на этот раз Рембрандт не решался произнести необходимые слова. Объяснение в любви состоялось в саду, куда его увлекла Саския.

Потом пастор сообщил, что отец оставил Саскии сорок тысяч флоринов. Рембрандт ошеломленно молчал. Даже на четвертую часть этой суммы они с Саскией могли жить в роскоши до конца дней своих.

В день обручения Рембрандт набрасывает портрет невесты. Через год они поженились. Брак ввел Рембрандта в высшие круги амстердамского бюргерства.

В июле, когда они с Саскией находились во Фрисландии, куда после свадьбы уехали погостить у ее замужних сестер, Рембрандт получил известие о смерти своего брата Геррита.

В 1635 году в семье родился первый сын — Рембрантус. Казалось, в первые недели его отец только и знал, что рисовать ребенка. Он был не в силах выразить словами и слишком боялся выразить лаской поразительную силу своей любви к малышу.

Но Рембрантус прожил очень недолго и умер в грудном возрасте. Для Саскии это был страшный удар. Она долго не хотела расставаться с телом сына, гнала от себя всех, не выпуская из рук мертвого ребенка. Несчастная мать ходила с ним по дому, баюкая и называя его всеми нежными именами, которыми она вместе с мужем называла Рембрантуса в первые счастливые дни.

Прошло два года с небольшим — и супругов было не узнать. Здоровые и жизнерадостные, разодетые в шелка и увешанные сверкающими драгоценностями — вот каковы Рембрандт с женой.

Молодые супруги сняли дорогую квартиру на Ниве Дулен и тратили наследство Саскии на все, что только поражало их воображение, — статую Августа, пейзаж Рейсдаля, меха, кружева, жемчуг.

Дела Рембрандта шли успешно, и он покупает большой дом на Бреестрат. Здесь разместилась их огромная коллекция, кстати, довольно необычная: рядом с античными статуями, голландскими и итальянскими картинами, редкими гравюрами, в ней соседствовали старые восточные ткани, потертые ковры, латы, шлемы, боевое снаряжение дикарей, чучела животных, неведомые сушеные травы.

Рембрандт сознавал, что за исключением часов, проводимых у мольберта, жить он может только около Саскии. Только с ней он чувствует себя человеком: любовь — источник жизни, а любит он одну Саскию, и никого больше.

Он неустанно изображал свою жену в картинах, рисунках и офортах. Саския позирует в обычном костюме чинной голландской бюргерши и в фантастических одеждах, преображающих ее в героиню античной или библейской мифологии. Нежной, вечно юной она предстает в картине «Флора».

В знаменитом «Автопортрете с Саскией на коленях» Рембрандт предстает влюбленным, любимым, радующимся семейному счастью и полностью им довольствующимся.

Памятником любви к Саскии является и один из лучших шедевров Рембрандта — «Даная», которая долгое время представляла собою загадку. Датированная 1636 годом, она вместе с тем в трактовке образа и в живописной манере как бы предвосхищала черты рембрандтовского творчества 1640-х годов. Дело в том, что «Даная» не предназначалась художником для продажи и оставалась в его владении вплоть до распродажи его имущества в 1656 году. Поэтому он смог вновь обратиться к ней через десяток лет после ее написания и в значительной части переделать ее. Рембрандт изменил и черты лица героини, придав ее облику сходство с Гертье Диркс, служанкой, жившей в его доме после смерти Саскии и состоявшей с художником в интимных отношениях. Сейчас лицо Данаи представляет собой сочетание черт обеих близких Рембрандту женщин.

После смерти Рембрантуса Саския еще дважды теряла детей при рождении. Лишь четвертый ребенок, Титус, появившийся на свет в 1641 году, смог пережить трудные годы младенчества. Мальчик был назван этим именем в память покойной Тиции, сестры Саскии.

Счастливый отец приучил себя смотреть на малыша, не рисуя его: карандаш и тушь уже принесли ему однажды несчастье, и он не входил с ними больше в детскую комнату.

Однако постоянные роды оказали пагубное влияние на здоровье Саскии. Появление у художника чисто пейзажных изображений в конце 1630-х годов объясняют иногда тем, что в это время в связи с болезнью жены Рембрандт вместе с ней много бывал за городом. Портретов в 1640-х годах художник пишет сравнительно мало. Преобладают композиции на библейские и евангельские темы. Причем выбирает те сюжеты, которые дают возможность показать благородные, добрые человеческие чувства — дружбу, материнскую любовь, супружескую привязанность, милосердие.

Саския ван Эйленбург скончалась в 1642 году. Ей было всего тридцать лет. В гробу она выглядела как живая…

В это время Рембрандт работал над знаменитым полотном «Ночной дозор».

В другой картине, датированной этим же трагическим годом, «Прощание Давида с Ионафаном», Рембрандт словно прощается со своей женой. В образе Ионафана без труда узнаются черты лица самого Рембрандта, но постаревшего, ставшего вдруг непривычно серьезным и подавленным. А женственный Давид, с разметавшимися по плечам белокурыми волосами, напоминает о Саскии. Художник хочет забыться в романтической мечте, хочет верить в возможность нового счастья.

Годы приносят Рембрандту все новые жизненные испытания. Неуклонно ухудшается его материальное положение. В 1656 году в результате наступившего разорения продается с аукциона за долги его имущество — дом и великолепные коллекции, собранные с любовью и тонким пониманием, художник был вынужден переехать в один из беднейших кварталов Амстердама.

В 1663 году умирает его вторая супруга — Хендрикье Стоффельс, а в 1668 году Рембрандт теряет и своего единственного сына Титуса. Художник остается с юной дочерью от Хендрикье — Корнелией.

Рембрандт скончался 4 октября 1669 года. Смерть его прошла почти незаметно, о кончине великого художника можно узнать лишь по краткой записи в погребальной книге церкви, при которой он был похоронен…

Петр Первый и Марта Скавронская

Многое в истории Марты Скавронской, взошедшей на российский престол под именем Екатерины I, остается неясным. Она родилась 5 апреля 1684 года. О ее происхождении ходили разноречивые слухи. Согласно одному из них, мать Марты была крестьянкой и рано умерла. Девочку взял на воспитание пастор Глюк. По другой версии, Марта была дочерью лифляндского дворянина и его крепостной служанки. Третьи считали ее уроженкой Швеции. Достоверным является лишь факт, что девочка, рано оставшись без родителей, воспитывалась в семье пастора Глюка, где выполняла обязанности служанки. Детство и юность провела в лифляндском городишке Мариенбурге. Образования она не получила, читать и писать не умела.

В семнадцать лет Марта обручилась со шведским драгуном, которого во время брачного пира срочно вызвали в Ригу. При взятии русскими Мариенбурга она попала в плен к фельдмаршалу Шереметеву, у того красавицу выпросил Меншиков, у последнего ее заметил Петр. Случилось это в 1703 году.

Личная жизнь Петра не складывалась. Распался его брак с Евдокией Лопухиной. Драматично завершился и многолетний роман царя с Анной Монс. Тут-то и появилась Марта, которая приворожила царя.

Она приняла православие и стала Екатериной. Через два года у нее уже было двое незаконнорожденных сыновей Петра. Царь очень привязался к этой жизнерадостной и страстной женщине и, не желая больше делить ее с Меншиковым, сделал Екатерину «своим сердечным другом». Она создала в доме уют, тихую и желанную пристань для отдохновения от трудов и печалей.

Письма царя к ней достаточно красноречиво отражают взлет его привязанности и уважения. «Для Бога, приезжайте скорей, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас», — пишет он из Петербурга.

5 января 1709 года в преддверии генерального сражения Петр составляет на всякий случай записку: в случае его смерти выдать Катерине с дочерью три тысячи рублей. Сумма для того времени — немалая, особенно учитывая бережливость царя. Переезжая из одного места в другое, Петр не забывает послать своей Катерине, правда, не очень часто, какую-нибудь безделушку, гостинец, вроде часов «новой моды» (со стеклами — от пыли) или бутылку вина венгерского, чтобы не грустила…

Перед Прутским походом 6 марта 1711 года совершилось тайное венчание царя — у него появилась законная супруга ЕкатеринаАлексеевна.

Она нередко ездила с Петром во время походов. Так случилось, например, в пору Прутского похода. К землям Молдавии царь отправился два года спустя после Полтавской победы. На этот раз стойкость и мужество солдат, изворотливость дипломатов чудом спасли и армию и самого Петра. Сыграла свою роль и Катерина, находившаяся с ним в окруженном лагере: ее драгоценности, как передавали из уст в уста, преподнесли знатным туркам, и это тоже способствовало заключениюмира.

19 февраля 1712 года Петр решил устроить публичные торжества, посвященные своему бракосочетанию с Катериной. При подъезде к дому новобрачных встречали салютом с Петропавловской и Адмиралтейской крепостей. С 6 до 11 вечера были танцы, а затем «пущали ракеты и бросали бомбы и план был зажжен, на котором были выкладены фитилями литеры латинские „Виват“…».

Екатерина обзавелась своим двором, стала принимать иностранных послов, давать приемы и встречаться с европейскими монархами наравных.

С 1704 до 1723 года Екатерина родила Петру одиннадцать детей, большинство которых умерло еще во младенчестве: Павел (1704–1707), Петр (1705–1707), Екатерина (1706–1708), Наталья (1713–1715), Маргарита (1714–1715). Горше всего была потеря наследника престола четырехлетнего «шишечки», умершего 25 апреля 1719 года. За ним последовали еще трое — Павел (1717), Петр (1723), Наталья (1718–1725). Из одиннадцати детей в живых осталось только двое, к тому же старшая из дочерей, Анна, ненадолго пережила родителей — скончалась в 1728 году.

Частые беременности не мешали Екатерине сопровождать государя во всех его путешествиях. Она была настоящей офицерской женой, способной совершать долгие походы — целый день скакать на лошади, спать на жесткой постели и подолгу жить в палатке. Царица была высокого роста, почти под стать самому Петру, и имела крепкое здоровье. Да и силой природа ее тоже не обидела.

Суровый деспот, человек с железным характером, Петр в своих отношениях к Катерине был неузнаваем: посылал к ней письмо за письмом, одно другого нежнее, и каждое — полное любви и предупредительной заботливости, замечает историк Семевский. Сохранилось более сотни писем Екатерины и Петра. Державный супруг в письмах обращается к ней: «Катеринушка, друг мой, здравствуй!», «Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!»

Когда царь находился в состоянии ярости, никто не решался подойти к нему. Кажется, она одна владела тайной успокаивать царя, могла без страха смотреть в его искаженные гневом глаза. С ролью супруги царя она справлялась легко и непринужденно. «Царь, — писал современный наблюдатель, — не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся — один величественностью своей простоты, другой своей роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась».

Екатерина всегда заступалась за тех, на кого грозный и скорый на расправу царь обрушивал свой гнев, и скоро научилась извлекать из этих своих услуг немалую выгоду. Для того чтобы придворному избежать ссылки или смерти, надо было явиться в покои к Екатерине с мешком денег вруках.

Как и раньше, она была полна заботы по отношению к супругу, посылает ему, все чаще болевшему, лекарства. А он сетует на недомогания, томится вдали от нее («только без вас скучно»). Екатерина часто упоминает в своих письмах мужу о маленьком Петре, называя его «санкт-петербургским хозяином».

26 июня 1718 года скончался Алексей — сын Петра от первого брака. Смерть его не разрешила волновавшего царя вопроса о своем преемнике. Дело в том, что вслед за Алексеем в 1719 году умер и сын царя от брака с Екатериной — четырехлетний Петр Петрович, объявленный наследником. Утрата эта, несомненно, отразилась на самочувствии царя, ибо, как записал современник, «по мнению многих, царица вследствие полноты вряд ли в состоянии будет родить другого царевича».

Переезды, без труда переносимые лет десять — пятнадцать назад, теперь утомляли царя, да и его супругу тянуло к домашнему уюту. Взаимное стремление быть вместе достаточно четко высвечивает переписка.

После Ништадтского мира 1721 года Россия закрепила за собой Восточную Прибалтику. Сенат преподнес Петру титул императора всероссийского, Петра Великого, Отца Отечества. В следующем году Екатерина сопровождала его в Каспийском походе.

В письмах той поры он называет ее уже государыней императрицей. Петр, очевидно, все чаще думает о «Катеринушке» как о своей преемнице. В манифесте 1723 года он обосновывал права супруги на титул императрицы, как его помощницы, участвовавшей во всех его делах, терпевшей лишения походной жизни.

В феврале 1724 года Петр вместе с Екатериной отправился принимать курс лечения марциальными водами, а в марте весь двор, сенаторы, генералитет, президенты коллегий, иностранные дипломаты по последнему санному пути отправились в Москву, чтобы участвовать в церемонии коронации Екатерины. Для нее была изготовлена мантия из парчи с вышитым на ней двуглавым орлом, подбитая горностаем, из Парижа привезли роскошную карету.

Церемония коронации была проведена 7 мая 1724 года в Успенском соборе. Петр был одет в парадный костюм: голубого цвета кафтан, шитый

серебром, красные шелковые чулки и шляпу с белым пером. Артиллерийские залпы возвестили, что царь самолично возложил корону на голову стоявшей на коленях Екатерины, а придворные дамы прикрепили мантию. В Грановитой палате состоялся торжественный обед, на котором слово в честь императрицы произнес Феофан Прокопович.

На следующий день императрица принимала поздравления. «В числе поздравителей находился и сам император». Он, как писал Берхгольц, в соответствии со своим чином полковника Преображенского полка и общевойскового генерал-лейтенанта «по порядку старшинства принес свое поздравление императрице, поцеловал ее руку и в губы».

8 ноября 1724 года по приказу царя был арестован 30-летний щеголь Монс, брат Анны Монс, бывшей фаворитки царя. Вилим Монс занимал должность камергера Екатерины и одновременно заведовал ее вотчинной канцелярией.

В месяцы, предшествовавшие аресту Монса, между Петром и Екатериной сохранялись отношения взаимной нежности. Петр обращался к ней в письмах, как и прежде: «Катеринушка, друг мой сердешненькой, здравствуй!» В тон ему Екатерина отвечала: «Друг мой сердешненькой, господин адмирал, здравствуй на множество лет».

Вилим Монс, человек веселый, обходительный и услужливый, был с 1716 года ближайшим другом императрицы. Его успех у Екатерины не был секретом в Петербурге, и вскоре покровительства камергера императрицы стали искать самые высокопоставленные лица: министры, генералы, посланники зарубежных государств. Монс никогда никому не отказывал, за что и получил репутацию доброжелательного человека.

Петр долгое время не подозревал об этом увлечении императрицы. Но в конце концов узнал о нем из письма анонимного автора, который писал, что Монс задумал отравить царя, дабы самому вместе с императрицей править государством.

После ареста Монс, едва увидев орудия пыток, тут же во всем признался. Петр был настолько взбешен этими признаниями, что едва не убил собственных дочерей. В гневе Петр уничтожает подписанное на имя Екатерины завещание, он мрачен и беспощаден.

Для соблюдения приличий Петр выдвинул против Монса обвинение лишь во мздоимстве. Скорый суд нашел его виновным в злоупотреблении доверием императрицы — за взятки он добивался от нее милостей просителям. 16 ноября палач отсек одним ударом голову Монсу и тут же насадил на шест.

Петр строго запретил всем коллегиям принимать от государыни какие-либо приказания и рекомендации, а на личные средства императрицы был наложен арест.

После открывшегося романа с Монсом отношения между Петром и Екатериной стали настолько натянутыми, что они совершенно не общались друг с другом. Только в начале января 1725 года их дочери Елизавете (будущей императрице) удалось помирить отца с матерью.

Вскоре Петр неожиданно слег в постель. Лекари ничего не могли поделать. Во время болезни Петра императрица не отходила от постели умирающего, ухаживала за ним, подавала еду и лекарство. 28 января 1725 года в пять утра Петр I умер.

Екатерина I не умела ни читать, ни писать. Однако в течение трех месяцев обучения грамоте она научилась подписывать государственные бумаги. Этим, собственно говоря, и ограничилась ее государственная деятельность.

Императрица, в сущности, делами не занималась: праздники, пиры, прогулки занимали все ее время. Решение всех важных государственных дел было поручено Меншикову и созданному им Верховному тайному совету.

Царствование Екатерины I было коротким. Она умерла 6 мая 1727года.

Людовик XVI и Мария-Антуанетта

19 апреля 1770 года 16-летний дофин Людовик-Август женился на 14-летней Марии-Антуанетте, своенравной и умной дочери Марии-Терезии и Франца I Австрийских. Супруга будущего короля Франции была похожа на обиженного ребенка, несмотря на величественную осанку и изысканно уложенные вокруг диадемы светлые волосы.

Папский нунций Висконти служил мессу в стенах готического храма под звуки величественных гимнов.

Свадебные торжества омрачились двумя жуткими происшествиями, которые и во Франции, и за ее пределами породили суеверное предчувствие, что новобрачных ждет беда. Во время венчания в Версале придворные, хлынув к алтарю, сбили с ног и насмерть задавили многих (по некоторым сведениям, сотню) швейцарских гвардейцев. А фейерверк на площади Людовика XV, ставшей через 23 года местом казни супругов, завершился страшной давкой — обезумевшие парижане опрокидывали экипажи, топтали друг друга. По одним данным, на этом народном «гулянии» погибли 333 человека, а по другим — более тысячи.

Мария-Антуанетта чувствовала себя в общем счастливой в первые годы супружества. О политике она еще не думала. Это был веселый, живой ребенок. В ее распоряжении находилось только несколько книг, учение шло медленно. Она сама не выражала большого желания чему-нибудь серьезно учиться и немало времени проводила вместе с подругами и друзьями, участвуя в постановке пьес во дворце. Единственным слушателем этих пьес являлся ее муж Людовик. Постановка «Ифигении» (в апреле 1774 года) доставила ей неслыханное удовольствие. Успех вскружил голову, и она устроила целый ряд празднеств. Супруга дофина была счастлива.

Неожиданная болезнь Людовика XV приводит к его кончине 10 мая 1774 года. Народ возлагал большие надежды на юного короля. «Мы начали править слишком молодыми», — замечает Людовик XVI своей венценосной супруге.

Мария-Антуанетта чувствует, что вот-вот совершится нечто серьезное, возможно роковое. Она пишет матери: «Да хранит нас Бог! Что с нами будет? Дофин и я, мы очень боимся, что нам в таком юном возрасте надо будет управлять страной. О матушка, не скупитесь на советы вашим несчастным детям».

Большинство французов наивно и трогательно обожали своего монарха, связывая с ним и его наследниками самые светлые надежды.

Людовик XVI был трагической фигурой: исполненный доброй воли, он руководствовался законами христианства. Он хотел избежать любого

применения силы и кровопролития, но из-за своей уступчивости и слабости не смог справиться с исключительными трудностями управления страной.

А вот его супругу, юную австриячку, французы невзлюбили, полагая, что будущий король попадет под ее каблучок, а это неблагоприятно скажется на делах государства. Выяснилось, что Мария-Антуанетта капризна и упряма, что она недопустимо много тратит на наряды и драгоценности, на бесчисленные увеселения и пиршества, что она покровительствует консерваторам и самым ярым защитникам сословных привилегий. К тому же у нее так долго не было детей. Только в 1778 году, через восемь лет после свадьбы, она родила дочь, в 1781-м — первого, а в 1785-м — второго сына.

Считалось, что Мария-Антуанетта обладает невероятной властью, да и она сама производила впечатление влиятельной королевы, тогда как истинное ее влияние оставалось до сих пор весьма слабым. Королева и не мечтала о том, чтобы править, как это представляли даже самые серьезные наблюдатели, она проявляла лишь одно желание — жить в свое удовольствие.

Над Францией уже клубились революционные тучи. Борьба между правительством и парламентом начала принимать острый характер. Народ был недоволен, и, чтобы заглушить его грозный голос, правительство решилось на государственный переворот, дабы одним ударом сломить оппозицию.

Положение короля оказалось затруднительным с самого начала. На его высочайшее имя посылались многочисленные петиции, подписанные политическими деятелями. В них требовались реформы и говорилось, что если последние не будут проведены, королевская власть погибнет. Нервы Людовика были на пределе.

В это тяжелое для Марии-Антуанетты время ее постигает новое несчастье: умирает старший сын, а потом и отец. Это подействовало на королеву угнетающе. Ей всего 34 года, но волосы уже начинают седеть. Кто мог знать в апреле 1770 года, когда она, веселая, жизнерадостная и счастливая, впервые въезжала в Париж, что ее ожидает? Но нужно было принимать быстрые, решительные меры. И ей приходит в голову смелый план — войти в соглашение с руководителями оппозиции. Она же первая намечает Мирабо, этого народного кумира, и Мирабо вполне отдается королеве, восхищенный ее умом, энергией, предприимчивостью.

«Среди приближенных короля есть только один мужчина, и этот мужчина его жена!» — сказал про нее Мирабо. Королева составляла документы, которые исправлял Мирабо, она пыталась всеми силами удержать на расстоянии грозный призрак революции. К несчастью для нее, болезнь унесла Мирабо в могилу. Рухнула последняя надежда.

С этой минуты началась агония Марии-Антуанетты, а вместе с этим и агония королевской власти во Франции. Император Леопольд несколько раз советовал королеве бежать, но она каждый раз отвергала его предложения.

Единственно, чего она хочет, это покинуть Париж с семьей и найти безопасное место где-нибудь во Франции. Наконец она решается на бегство. Не она составила план. Она только уступила. И тем не менее, когда план не удался, когда венценосную чету арестовали и доставили

обратно в Париж, все стали указывать на Марию-Антуанетту как на виновницу бегства. Она была жертвой, искупавшей чужие грехи.

В 1791 году королева писала сестре Марии-Христине: «Я страдаю днем и ночью, с каждой минутой меняюсь в лице. Мои прекрасные дни прошли, если бы у меня не было детей, мне бы хотелось мирно почить в гробе. Они убьют меня: после моей смерти защищай меня всеми силами… Я всегда заслуживала твоего уважения и уважения всех справедливых людей всех стран…»

В Париже король был в тревоге за себя и своих близких. Правда, еще 14 июля 1790 года во время Праздника федерации он произнес клятву на верность народу и закону, вызвав шумное одобрение всех присутствующих и доказав, что его популярность еще достаточно велика. Король мечтал восстановить во Франции, — пусть даже с помощью войск, в том числе иностранных, — многие прежние порядки, укрепить свою власть.

В ночь на 21 июня 1791 года, подстрекаемый королевой, он вместе с семьей во второй раз бежит из Парижа в Мец, где находилась армия генерала Буалле, верная Бурбонам. Но и здесь его ждала неудача — в местечке Варенн переодетого короля узнал почтовый чиновник. Под конвоем Национальной гвардии, сквозь враждебные толпы возвращались беглецы в столицу. Законодательное собрание, ставшее преемником Учредительного, отстранило короля от власти, но вскоре восстановило на троне, сохранив за ним лишь титул и право отлагательного вето.

…В ночь на 10 августа 1792 года Париж не спал. Надрывно звонили колокола, сухо трещали выстрелы, грозно ухали пушки. Толпы вооруженных революционеров штурмовали дворец Тюильри. Восстание удалось. Дворцовые чертоги заполнили ликующие победители. Королевская семья была взята под стражу, король был лишен трона и вместе с семьей заключен сначала в Люксембургский дворец, а затем в одну из башен Тампля.

Необычному арестанту отвели помещение на третьем этаже с прихожей, столовой, спальней и комнатой для слуги. Его близких разместили на четвертом этаже.

Отставной государь давал семилетнему сыну уроки географии и латинского языка, играл с желающими в шахматы, гулял по монастырскому двору. При его встречах с Марией-Антуанеттой всегда присутствовали два офицера стражи. Обедали всем семейством в столовой на третьем этаже.

21 сентября Людовика XVI ожидал еще один удар. Вновь избранное Законодательное собрание — Конвент — приняло декрет о ликвидации во Франции монархии.

20 ноября в Лувре был обнаружен секретный сейф, в котором хранились документы, свидетельствовавшие о тайных связях короля с недругами Франции, в частности, с государями враждебных ей стран. Понятно, что в республике, решавшей судьбу бывшего монарха и его семьи, эти связи были объявлены преступными.

Процесс начался уже 11 декабря в Конвенте. Король держался с большим достоинством. Не соглашался ни с одним из предъявленных ему обвинений. При поименном голосовании недавний суверен был признан виновным и приговорен к смерти.

Людовику позволили попрощаться с семьей. За день до казни он долго молился; ночь провел довольно спокойно и даже спал. Наутро его духовник аббат де Фирмон отслужил в спальне узника мессу. Затем последний, недолгий, но такой страшный путь от Тампля до Площади революции в простом экипаже с двумя стражниками и духовником. На эшафот Людовик XVI взошел мужественно и твердо, к гильотине приблизился, не дрогнув. Он пытался сказать, что невиновен, что прощает своих врагов, но голос его заглушил барабанный бой, а через несколько мгновений его жизнь навеки оборвал нож гильотины. Так окончил жизнь Людовик XVI — единственный во французской истории казненный король, за 15 лет правления которого не был убит ни один политический заключенный.

Мария-Антуанетта уже больше не королева. Она «госпожа Капет», как язвительно называют ее в народе. Вскоре ее разлучают с Людовиком, а 21 января она получает его венчальное кольцо — безмолвный знак последнего прощания. 4 июля у нее был взят любимый сын, а вскоре отнята и дочь Мария-Тереза, впоследствии герцогиня Ангулемская. Затем ее доставляют в жалкую тюрьму Консьержери и начинается процесс. Королева спокойно и гордо держится на суде.

Мария-Антуанетта с презрением отвечает на обвинение Гебера в безнравственных поступках, гордо и равнодушно выслушивает смертный приговор. И когда 16 октября 1793 года она предприняла свое последнее путешествие — к гильотине, лицо ее говорило о полном душевном спокойствии и примирении с судьбой. С уст ее сорвались трогательные последние слова: «Боже, просвети и тронь сердца моих палачей! Прощайте навсегда, дети, иду к вашему отцу…»

Наполеон Бонапарт и Жозефина Богарне

Французский государственный деятель и полководец, император Наполеон Бонапарт родился в 1769 году в Аяччо (Корсика) в семье адвоката. Он избрал для себя карьеру военного и весьма в этом преуспел. В 24 года Бонапарт получает чин бригадного генерала, и, когда потребовалось подавить роялистский мятеж, Директория прибегает к его услугам. С этой задачей Бонапарт успешно справляется.

Молодой генерал быстро осознал: чтобы заручиться поддержкой одного из «королей Республики» — Барраса, необходимо добиться расположения его знаменитой любовницы мадам Тальен, а для этого следует появиться в свете. И вот сентябрьским вечером 1795 года он отправляется в салон той, кого называли «Термидорской Богоматерью». Именно здесь он впервые увидел другую королеву парижских салонов — нежную и страстную Жозефину де Богарне и сразу же без памяти влюбился в нее.

Жозефина — так ее назовет Бонапарт, а крещена она как Мари-Жозефа-Роза — уже многое повидала в жизни. Ей тридцать два года, у нее двое детей — сын Евгений и дочь Гортензия. Креолка с Мартиники, выданная замуж в шестнадцать лет за виконта Богарне, приехала в Париж в 1779 году. Муж очень скоро покинул ее, и Жозефина широко пользовалась предоставленной ей свободой. Она путешествовала, жила на Мартинике, а потом, уже в дни Революции, произошло примирение с мужем. Однако во время Террора Богарне попал под гильотину, а

Жозефина была арестована.

Падение режима Робеспьера спасает ей жизнь. В тюрьме, в ожидании казни, она знакомится с другой аристократкой, Терезой Кабаррюс де Фонтене, будущей женой Тальена, одного из руководителей Директории.

Оказавшись на свободе, Тереза и Жозефина погружаются в пучину развлечений. Тереза вводит подругу в дом другого руководителя Директории, Барраса, с которым их вскоре связывают более чем нежные отношения.

Наполеон стремится показать себя во всем блеске. Жозефина де Богарне присматривается к нему. Разговор его так остроумен, что она невольно забывает о том, как жалко он одет.

28 октября Бонапарт получает письмо от «вдовы Богарне». «Вы совсем не навещаете любящего вас друга, — упрекает его Жозефина. — Совершенно забыли его, и напрасно, потому что друг этот вам искренне и нежно предан. Приходите завтра ко мне обедать».

Наполеон отвечает на приглашение возлюбленной. Бурное свидание. Наконец-то она принадлежит ему.

Едва расставшись с Жозефиной, он сейчас же пишет ей письмо: «Мое пробуждение полно тобой. Твой облик и пьянящий вечер, проведенный с тобой вчера, не оставляют в покое мои чувства. Нежная, несравненная Жозефина! Что за странные вещи творите Вы с моим сердцем! Стоит мне представить, что Вы сердитесь, или грустите, или встревожены, как душа разрывается от боли, и Ваш друг не знает более покоя. Не находит она облегчения и тогда, когда, отдавшись во власть покорившего меня глубокого чувства, я приникаю к Вашим губам и к Вашему сердцу, но черпаю в них лишь пожирающее меня пламя…».

7 февраля 1796 года они сообщают о предстоящем бракосочетании, а уже 2 марта состоялось официальное назначение молодого генерала на пост главнокомандующего армией, которой предстояло действовать в Италии. «Приданое Барраса», — усмехались завистники.

9 марта назначен день свадьбы.

В сопровождении одного из адъютантов, Ле Маруа, Наполеон торопливо отправляется в путь. Он уже преподнес Жозефине маленькое кольцо с сапфирами в качестве свадебного подарка. Внутри кольца выгравировано: «Это судьба».

Когда он входит в здание мэрии, уже 10 часов. Его давно ждут. По брачному контракту жениху оказалось двадцать восемь лет, а невесте — двадцать девять (на самом деле Бонапарту двадцать шесть лет, Жозефине — тридцать два). Этот брак был для «маленького генерала» хорошей сделкой. Женившись на вдове Богарне, он вошел в высшее общество, которое привлекало его блеском и элегантностью.

Спустя два дня он покидает ее и уезжает в армию. Итальянская весна — счастливейшее время в жизни Бонапарта. Он удачлив на войне, он верит, что удачлив и в любви. В Париже его ждет жена, которой он каждый день отправляет по несколько страстных писем.

Разлука с Жозефиной наполняет его невыразимой мукой. После каждой победы его охватывает желание броситься в Париж и потребовать, чтобы она следовала за ним.

Но вдруг через какое-то время тон писем меняется.

«Настанет день, когда ты меня разлюбишь; скажи мне об этом. Тогда я хотя бы смогу с достоинством встретить свое горе. Правдивость, искренность без границ… Жозефина, Жозефина! Вспомни, о чем я не раз говорил тебе. Природа наделила меня душою сильной и решительной, тебя же она соткала из газа и кружев. Или ты меня разлюбила?.. Прощай же, прощай, я ложусь спать без тебя и без тебя проведу эту ночь. Прошу тебя, не лишай меня сна. Вот уже которую ночь мне кажется, что я сжимаю тебя в объятиях. Сладкий сон, но увы, всего лишь сон…»

Только Жозефина могла заполнить одинокие ночи, проведенные им в Милане. На ее портрете треснуло стекло. Дурной знак. Она либо больна, либо изменяет ему.

«Если бы ты меня любила, то писала бы мне дважды в день. Впрочем, тебе легче с 10 часов утра и до часу ночи болтать с теми ничтожествами, что заявляются к тебе с визитом, выслушивать их глупый вздор. В краях, где существует такая вещь, как нравственность, в 10 часов вечера все порядочные люди уже ложатся спать или пишут своим мужьям, думают о том, что живут ради них. Прощай, Жозефина. Ты — чудовище, понимать которое я отказываюсь».

Ревность буквально пожирает его. Ему доносят, что Жозефина, которую отныне величают «Богоматерью побед», обедает у Барраса. Что Мюрат и Жюно — его собственные адъютанты, отправленные им в Париж, чтобы поторопить Жозефину с отъездом, — сделались ее любовниками. Что она повсюду таскает за собой лейтенанта Ипполита Шарля…

Никакие отговорки больше не помогали, и Жозефина поехала к нему. Она ждала его в Милане, он примчался на два дня — два дня сердечных излияний, любви, страстных ласк. Потом они снова оказались в разлуке, его армия была на грани полного разгрома, а он, среди приказов, каждый день писал длинное любовное письмо.

Отправляясь весной 1798 года в Египет, Бонапарт условился с Жозефиной, что, как только завоюет эту страну, жена приедет к нему. Но уже в пути беспокойство охватило его. Он начал ее подозревать, расспрашивал о жене друзей, которым доверял. Как только у Бонапарта открывались глаза, как только иллюзии рассеивались, он начинал подумывать о разводе и решил не отказывать себе в развлечениях. При армии были женщины-европейки. Одна из них стала его любовницей.

Вернувшись во Францию, Наполеон, встреченный народом с восторгом, хотел развестись с Жозефиной. Но эта женщина поняла: разрыв с Бонапартом лишит ее всего.

Жозефина плакала, колотила в его дверь. Через час добрая служанка Агата, которая тоже рыдала на лестнице, с другой стороны двери, решила позвать Гортензию и Евгения, чтобы они попробовали смягчить Бонапарта, и они, заливаясь слезами, стали умолять его: «Не покидайте нашу мать! Она умрет, и мы, которых эшафот в детстве лишил отца, сразу лишимся и матери, и второго отца, посланного нам Провидением!»

Тогда Бонапарт открыл дверь. Бледный, с горящими глазами, он раскрыл объятия Жозефине, которая к нему устремилась.

Бонапарт простил жену окончательно и великодушно. Он оплатил все ее долги — более двух миллионов, и мадам Бонапарт понимала, что такая щедрость и положение в обществе, дарованные ей мужем, стоят того, чтобы вести себя безукоризненно.

По мере того как усиливалось могущество Бонапарта, количество просительниц и честолюбивых интриганок становилось все больше, всех их не перечесть. Наполеон был в расцвете своей славы, умственных и физических сил, мужской привлекательности и темперамента. Он не искал любовных приключений, но и не избегал их. Теперь уже Жозефина ревнует супруга.

Она понимает, что ей уже не удастся родить Наполеону ребенка, и боится, что тот из-за этого разведется с ней. Вот почему она так активно берется за устройство брака своей дочери от первого брака Гортензии с братом Наполеона Луи. Франция еще республика, Наполеон только консул, но Жозефина предчувствует, что восхождение к власти еще не завершено. Она вспоминает предсказание собственной судьбы, сделанное ей еще на Мартинике: «Ты выйдешь замуж за сверхчеловека и взойдешь на трон». Но трону потребуется наследник.

В 1804 году Бонапарт коронован императором французов. Как следует из решения сената, «управление республикой доверяется императору Наполеону». Решение сената также одобрено плебисцитом.

Одновременно императрицей коронуется Жозефина. В канун церемонии она раскрывает папе римскому страшную тайну — ее брак с Наполеоном так и не освящен церковью. Однако Бонапарт так и не сделает этого шага. Да, он по-прежнему ей предан. Но Жозефина никогда не подарит ему наследника…

Во время пребывания в Польше начался один из самых пылких и нежных романов Наполеона с Марией Валевской. Жена богатого старика, молодая красивая полька родила Бонапарту сына, которому было пожаловано звание графа империи.

О том, что Бонапарт решил развестись с ней, Жозефина узнала в октябре 1807 года от министра полиции Фуше.

Но пройдет еще два года, прежде чем император объявит той, которую некогда так любил, что должен покинуть ее. Жозефина упала на ковер в нервном припадке.

Когда она успокоилась, начался торг. Жозефина требовала у Бонапарта три замка — Елисейский дворец в Париже, Мальмезон в предместье столицы и замок в провинции Наварре, а также оплату всех своих долгов — приблизительно четыре миллиона франков. Небольшой спор возник при обсуждении ежегодной ренты. Вначале Наполеон предложил миллион, но, увидев лицо Жозефины, удвоил сумму, после чего она гордо ответила: «Три миллиона, сударь». От себя великодушный Бонапарт преподнес ей самый бесценный подарок того времени — Жозефина сохранила за собой титул императрицы.

После развода (15 декабря 1807 года) Бонапарт постоянно интересовался ею, но встречался с ней только на людях, словно боялся, что эта самая непоколебимая, самая властная и слепая любовь снова вспыхнет в нем с прежней силой.

Император из династических соображений отказался от намерений связать судьбу с преданной ему Валевской. В 1809 году он заключил брак с дочерью австрийского императора, Марией-Луизой.

Долгие годы Наполеон продолжал посылать Жозефине письма, в которых без конца интересовался всем, чем жила его отвергнутая возлюбленная и жена.

Ее последней победой станет император Александр I, который, вступив в Париж в 1814 году, посещает Жозефину в ее дворце Мальмезон. Александр настолько пленяется пятидесятилетней императрицей, что обещает ей свое покровительство и сохранение всех ее привилегий. Но свидание с Александром становится роковым — во время прогулки с ним по парку Жозефина простужается. В разгар торжеств по случаю вступления союзников в Париж Жозефина умирает от воспаления легких.

Наполеон Бонапарт был сослан на остров святой Елены, где он прожил свои последние дни. Перед смертью он прошептал имя единственной женщины, которую любил: «Жозефина…»

Карл Вебер и Каролина Брандт

16 сентября 1810 года во Франкфурте состоялась премьера оперы «Сильвана». Ее автором был 24-летний композитор Карл Вебер. Действие оперы развертывается в двух враждующих семьях. Главная героиня — похищенная девушка Сильвана.

Вебер сам нашел певицу на роль Сильваны. В одном из концертов он услышал семнадцатилетнюю Каролину Брандт. Дочь скрипача и певца из Кельна, она, подобно Веберу, выросла в театре и с восьми лет выступала в комической опере «Дунайская русалка». Каролина получила очень скудное образование: родители начали учить ее лишь в одиннадцать лет и через два года сочли образование законченным. К тому времени оркестр, где работал отец, был распущен, семья впала в нужду. Каролине вместе со старшим братом пришлось снова выйти на сцену. Брандт исполняла роли служанок, юных девушек или мальчиков. А. Кенигсберг, биограф Вебера, отмечает: «Нежное сопрано и яркое драматическое дарование, уверенность, с какой она держалась на сцене, наивная кокетливая грация и изящная фигура, выразительные серые глаза и пепельные волосы — все в Каролине нравилось Веберу».

Через некоторое время композитор пригласил свою франкфуртскую Сильвану в Прагу.

Каролина становится любимой артисткой пражской оперы. Увлечение певицей заполняло сердце и мысли Вебера. Его поражала скромность новой пражской «звезды»: она жила с матерью, отказываясь от покровительства богатых бездельников. Вебера же, никогда не знавшего своего дома, привлекал семейный уют, сердечная атмосфера, царившие в доме Брандтов. Он писал Каролине пылкие письма, стихи. Вебер просил руки Каролины с тем условием, что она оставит сцену и уедет с ним из Праги. Но Брандт трудно отказаться от любимого искусства, и она попросила время на раздумье. Мать пугала ее беспорядочной жизнью Вебера, его необеспеченностью, долгами.

В середине октября 1816 года Брандт получила приглашение на гастроли в Берлин; Вебер поехал с ней. Скромного дирижера пражского

театра там встречали как национального героя. Каролина впервые задумалась над тем, что ее искусство артистки ниже, чем его искусство композитора-творца.

19 ноября они объявили о своем обручении.

Свадьбу отпраздновали в Праге почти год спустя, 4 ноября 1817 года. Карл отказался от музыки в церкви. Однако в тот момент, когда священник начал свою речь, раздался торжественный мужской хор в сопровождении органа — хористы театра, работавшие с Вебером, не могли отказать себе в удовольствии присутствовать на его свадьбе.

Насколько серьезно смотрел Вебер на женитьбу, можно судить по записи в его дневнике: «Да благословит Господь наш союз, и да даст он мне силу сделать мою возлюбленную Лину счастливой и довольной так, как я этого хочу в глубине души и как она вполне заслуживает». Молитва его была услышана. Карл был образцовым мужем и отцом и усердно работал для блага своей семьи.

На Рождество Вебер получил место капельмейстера Дрезденского театра и 13 января 1817 года приехал в столицу Саксонии.

Карл был приветливым хозяином, а Каролина — хорошей хозяйкой, быстро научившейся готовить. Как истинный немец, Вебер очень ценил кулинарные способности жены, и в его дневнике столь же жирно, как сообщение о премьере «Вольного стрелка», подчеркнуто: «Впервые ел из собственной кухни».

Летом 1818 года осуществилась давняя мечта Веберов — поселиться в деревне. Недалеко от Пильница, увеселительного замка короля, в двух часах езды от Дрездена, они купили загородный домик.

Карл купался в Эльбе и совершал с женой длительные прогулки на лодке. В это время у него зародилась мысль о таинственном Волчьем ущелье, где развернутся фантастические сцены его «Вольного стрелка».

Опера рождалась в трудное для семьи время. Каролина ждала ребенка и была не совсем здорова. После долгих мучений она произвела на свет девочку.

Для того чтобы содержать семью, Карл брался за любой заказ. В середине марта 1819 года он слег, а через месяц умерла его дочь. Каролина пыталась скрыть от мужа несчастье и вскоре сама тяжело заболела. Ей удалось поправиться гораздо быстрее мужа, который впал в настолько глубокую депрессию, что не мог писать музыку. Но уже в июле и августе Вебер много сочинял — в работе он находил утешение от жизненных бед.

Карл сумел преодолеть кризис и приступил к завершению «Вольного стрелка».

Премьера оперы состоялась 18 июня 1821 года в Берлине. Ее ждал настоящий триумф. Бетховен с восхищением произнес: «В общем мягкий человек, я от него этого никак не ожидал! Теперь Вебер должен писать оперы, только оперы, одну за другой».

Окрыленный успехом, Карл принялся сочинять «Эврианту». Он жил в загородном домике, по несколько раз в неделю наезжая в Дрезден — то в карете, то верхом. Завершению «Эвриантy» предшествовало радостное событие — рождение сына 25 апреля 1822 года. В тот день шел «Вольный стрелок», и младенец в честь героя оперы получил имя Макс Мария.

Дрезден тепло принял «Эврианту». Успех определился уже на репетициях. Все испытывали необычайный подъем.

Однако постановка «Эврианты» на других сценах (Франкфурт, Кассель, Прага) сопровождалась лишь полууспехом, что не могло не огорчать ее автора.

Вебер давно страдал болезнью легких. По возвращении в Дрезден здоровье его резко ухудшилось: непрерывный кашель сотрясал все тело; речь стала почти неслышной, он с трудом держался на ногах. Однако все просьбы Каролины и друзей отказаться от поездки в Англию, где хотели поставить его оперу, были напрасны. Вебер прекрасно понимал, что при туберкулезе путешествие в сырой Лондон — самоубийство. Но выхода не было. «Не все ли равно? — говорил он. — Поеду я или не поеду, я в этом году умру. Однако если я поеду, мои дети будут иметь пищу, когда их отец умрет, и они будут голодать, если я останусь».

Рано утром 7 февраля 1826 года, после ночи, проведенной в слезах, простившись с Каролиной и перецеловав спящих детей, Вебер покинул Дрезден.

В апреле состоялась премьера «Оберона». Это был беспримерный триумф Карла Марии фон Вебера. Публика вынудила его выйти на сцену — событие редчайшее для английской столицы.

Увы, через два месяца, 5 июня 1826 года, композитор скончался от туберкулеза легких и опухоли в гортани. Ему не было и сорока лет. 21 июня при огромном стечении народа под звуки Реквиема Моцарта Лондон хоронил Вебера.

Страшное известие Каролине должна была передать ее близкая подруга. Но, приехав в Пильниц, где в летнем домике жила Каролина, она не решились пойти к ней, а направилась к соседу, чтобы вместе с ним подготовить несчастную к известию о смерти мужа. Но Каролина услышала шум подъезжающей кареты, выбежала навстречу и сразу обо всем догадалась. Четырехлетний Макс бросился вслед за ней и увидел мать лежащей на траве без чувств…

14 декабря 1844 года, под звуки траурного марша, сочиненного Вагнером на мотивы «Эвриантьі», прах Вебера был опущен в родную землю. На траурном торжестве присутствовали Каролина и Макс (младший сын, Александр, незадолго до этого умер).

Джоаккино Россини и Изабелла Кольбран

В сентябре 1815 года Доменико Барбайя, крупнейший итальянский импресарио, приглашает в Неаполь Джоаккино Россини.

«Эту публику нужно ошеломить! — говорил Барбайя. — Никаких тонкостей — только сила. Никаких нежностей — кипучие страсти. Никаких нюансов — петь в полную мощь». А потом добавил: «Рекомендую тебе Кольбран».

Россини знал, почему он рекомендует именно ее. Испанская певица была сердечной подругой Барбайи. Кроме того, ей покровительствовал король. Но, главное, Изабелла Кольбран имела редкостное сопрано. Она обладала тонким музыкальным вкусом и славилась актерским дарованием трагедийного накала. Красивая, высокая женщина с пышными формами, она была в зените славы.

Когда Джоаккино еще мальчиком принимали в Музыкальную академию Болоньи, было объявлено, что ее членом стала молодая, но уже знаменитая певица — Изабелла Кольбран. Ей было тогда двадцать один год, ему — четырнадцать лет. Теперь же, как того требовала галантность, оба утверждали, что они примерно одногодки. Россини в свои тридцать лет и в самом деле выглядел молодым человеком. Кольбран же не скрывала своего возраста. «Это была очень эффектная женщина, — пишет А. Фраккароли, биограф Россини. — Ярко выраженная испанка — огромные черные глаза, полные губы, смугловатая кожа. Высокого роста, она со своей немалой полнотой выглядела весьма солидной, внушительной дамой, но это нисколько не мешало ей держаться с изяществом и быть элегантной. Словом, красивая женщина, такого типа, какой нравился Россини».

Изабелла и Джоаккино сразу же потянулись друг к другу. Оба были красивые, молодые, знаменитые, оба привыкли к беззаботной жизни и страстно любили искусство.

В течение шести лет Изабелла и Джоаккино не раз сближались и расставались, снисходительно относясь друг к другу и взаимно прощая измены. Ее искренние слова любви доставили Джоаккино огромную радость. В порыве быстро вспыхивающей и столь же быстро гаснущей страсти они стали думать о том, что неплохо бы соединиться в браке и жить не разлучаясь, вместе работать в театре.

…Оперу «Зельмира» Россини писал торопливо, да и репетировали ее наспех, хотя и с превосходным дирижером Фестой и под наблюдением автора. Премьера состоялась 16 февраля 1822 года. Публика в первый же вечер встретила оперу восторженно.

Неделю спустя Россини выехал из Неаполя. Вместе с ним в коляске сидела Кольбран. Изабелла не только покидала Неаполь, она выходила замуж за Россини.

Соединиться в браке они решили еще пять месяцев назад и держали это намерение в тайне. Нужно было не вызвать подозрений и ревности Барбайи, избежать сплетен и пересудов публики.

Пылкий, но практичный, Россини не забывал и о материальной стороне дела, находя, что союз этот хорош со всех точек зрения. Он зарабатывал такие деньги, какие не зарабатывал ни один другой маэстро. И Кольбран была богата, была знаменитой певицей, и голос ее приносил ей огромные деньги, а рядом с таким прославленным композитором, как Россини, доходы ее увеличатся еще больше. И маэстро тоже обеспечивал свои оперы великолепной исполнительницей.

Бракосочетание состоялось в Кастеназо, недалеко от Болоньи, в часовне Верджине дель Пилар на вилле Кольбран. Они обвенчались через девять дней после отъезда из Неаполя — 6 марта 1822 года, — обвенчались поспешно, без обычного объявления в церкви, без пышных торжеств.

Только неделю из медового месяца провели они на вилле в Кастеназо. Затем супруги отправились в Вену согласно контракту с Итальянским театром у Каринтийских ворот.

Контракт этот предложил Барбайя, не подозревавший, что Джоаккино и Изабелла вернутся к нему мужем и женой. Он жил в Вене уже три с половиной месяца, готовя большой итальянский сезон, состоявший в

основном из опер Россини.

Первая встреча супругов с Барбайей вылилась в весьма резкое выяснение отношений. Импресарио, узнав о женитьбе, сначала решил, что его разыгрывают — от весельчака Россини всего можно ожидать. Барбайя никак не мог успокоиться, но Джоаккино помог ему быстро прийти в себя, сделав только одно замечание: «Выходит, ты предпочитаешь, чтобы я покинул тебя? Хочешь — пожалуйста… Только скажи. Разумеется, со мной уедет и Изабелла».

Барбайя был вынужден отступить. Вскоре начались репетиции «Зельмиры». Этим спектаклем для супружеской четы начался триумфальный сезон.

26 марта 1827 года в переполненном зале французского театра Одеон состоялась премьера «Моисея» Россини. Успех был грандиозный. Но незадолго до премьеры умирает мать композитора. Вместе с трауром начался разлад в семье маэстро. Синьора Изабелла была в зените славы, но голос ее начал звучать неровно. В Париже она пела в «Семирамиде», стараясь своим изумительным мастерством скрыть слишком явные недостатки голоса, но это принесло ей большое разочарование.

Слишком умная и тонкая певица, она хорошо понимала, что упорствовать бессмысленно, и оставила сцену. Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, Кольбран начала играть в карты. Друзья певицы собирались в доме маэстро и играли вечера напролет.

Он пытался отвлечь ее от пагубной страсти. Желая показать, что не одобряет сборище картежников. Джоаккино не раз покидал гостиную, ни с кем не попрощавшись.

Россини отправляется в длительную поездку. Путешествие в Испанию, и особенно в Бельгию и Германию, показало маэстро, как высоко чтит его весь мир. Никогда еще ни один музыкант на свете не пользовался такой широкой, поистине всемирной известностью и признанием. Заграничный вояж маэстро затянулся. По возвращении в Болонью или Кастеназо — он знал это — его ожидает не слишком приятная ситуация. Если не считать недолгого пребывания в Италии год назад, когда он приезжал на родину из-за болезни, прошло шесть лет с тех пор, как он покинул Изабеллу. Даже при всей снисходительности к самому себе он признавал, что поступил очень несправедливо по отношению к жене. Тем более что другая страсть — Олимпия Пелиссье — завладела им. Эта особа была немолода (ей за сорок), не очень умна, с сомнительным прошлым и не очень строгой моралью.

Изабелла, оставленная мужем, созывала гостей, приглашала певцов и певиц — своих старых знакомых по театру, устраивала концерты, банкеты. Ей нужны были деньги на расходы.

Кольбран быстро устала от такой жизни — с мужем, который вовсе и не муж и совершенно забыл ее. К тому же она знала о существовании Пелиссье, поэтому на предложение Россини расстаться она ответила согласием. Через адвокатов были оговорены условия. Маэстро оставлял жене виллу Кастеназо («Как великодушно — она же моя!» — заметила Изабелла), сто пятьдесят скудо в месяц и скромную квартиру в городе на зимнее время. Россини был доволен собой: «Я поступил благородно, во всяком случае, все настроены против нее из-за бесконечных безумств».

Как только было принято решение о разводе, маэстро вызвал в Болонью Олимпию Пелиссье. Изабелла пригласила ее к себе в гости вместе с Россини. Вот тогда и был разыгран этот феноменальный спектакль. Любезнейшим образом встретила Кольбран свою заместительницу, и тем самым унизила мужа, дав ему понять, что о нем никто не сожалеет и никому он не нужен.

…Летом 1845 года, охваченный какой-то странной тоской, Россини решил выяснить, как поживает его бывшая жена. Оказалось, что Кольбран существует на скромные средства и старается не уронить свое достоинство. Старые коллеги по театру, бывая в Болонье, охотно навещали ее, и синьора Изабелла всегда встречала их радушно. Иногда она устраивала домашние концерты, давала уроки пения синьоринам из богатых семей.

Когда Изабелла серьезно заболела, Россини поспешил в Кастеназо, в котором не был целых семь лет. Бывшие супруги встречаются. Через полчаса Джоаккино покидает ее. Верный слуга, провожающий маэстро, замечает, что по лицу его ручьем текут слезы. «Бедная женщина, бедная женщина!» — вздыхает Россини. Прерывающимся от волнения голосом он приказывает обслуге исполнять любое желание синьоры, а если что-то понадобится, сразу же обращаться к нему и постоянно сообщать ему о ее здоровье.

Месяц спустя Изабелла Кольбран умирает. Ее последние слова были обращены к Россини: «Мой Джоаккино!» Она звала его с такой безутешной печалью, что все, кто был рядом, невольно прослезились.

Через десять месяцев после смерти Изабеллы, 16 августа 1846 года, Россини и Олимпия Пелиссье обвенчались, почти тайно, без церемоний, в небольшой часовне на вилле…

Сергей Волконский и Мария Раевская

…11 января 1825 года в Киеве девятнадцатилетняя дочь прославленного генерала Раевского выходит замуж за Сергея Волконского. Шафером на свадьбе был Павел Пестель, среди гостей — Леонтий Дубельт, в то время один из друзей дома Раевских, а впоследствии начальник штаба корпуса жандармов.

Родители невесты думали, что обеспечили Марии блестящую, по светским воззрениям, будущность. Сергей Волконский принадлежал к старинному княжескому роду, участвовал в турецкой кампании, особо отличился в Отечественной войне 1812 года, получив чин генерал-майора.

Вокруг брака Волконских существует множество разноречивых суждений. Бытует мнение, что юная Мария Николаевна вышла замуж без любви, покорная воле родителей. А разве не мог блестящий генерал, герой тех же сражений, в которых участвовал горячо любимый ею отец, пробудить в ней интерес и симпатию, позднее переросшие в привязанность и любовь?..

Несколько месяцев молодые прожили вместе, потом Мария заболела и с матерью и сестрой отправилась в Одессу на морские купания. Князь остался при своей дивизии. «До свадьбы я его почти не знала, — пишет Волконская. — Я пробыла в Одессе все лето и, таким образом, провела с ним только три месяца в первый год нашего супружества; я не

имела понятия о существовании Тайного общества, которого он был членом. Он был старше меня лет на двадцать и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле».

Волконский приехал за женой к концу осени, отвез ее в Умань, где стояла его дивизия, а сам отбыл в Тульчин — главную квартиру второй армии. События развивались стремительно: «Он вернулся среди ночи; он меня будит, зовет: „Вставай скорей“, я встаю, дрожа от страха… — рассказывает Мария Волконская в своих „Записках“. — Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогла, как умела, спрашивая, в чем дело? — „Пестель арестован“. — „За что?“ — Нет ответа». Уничтожив все бумаги, имевшие отношение к делам общества, Волконский отправляет жену в родительское имение Болтышки.

2 января 1826 года Мария Николаевна родила сына Николая. Через три дня Волконский приезжает повидать ребенка, а 7-го числа его арестовывают в Умани. Около двух месяцев с воспалением мозга проводит в постели молодая мать. Дома — заговор молчания. К ней никого не допускают, письма просматриваются.

Об аресте мужа Марии становится известно лишь 3 марта от генерала Раевского. Она пишет Волконскому: «Всего два дня назад я узнала о твоем аресте, милый друг. Я не позволяю себе отчаиваться […] Какова бы ни была твоя судьба, я ее разделю с тобой, я последую за тобой в Сибирь». Три дня спустя Волконская заявляет старшему брату Александру: «Сергей — лучший из мужей и будет лучшим из отцов, и я его сейчас люблю более, чем когда-либо, ведь он несчастен…»

Повинуясь зову сердца, Мария Николаевна устремляется в Петербург, надеясь добиться свидания с Волконским, заключенным в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В это время ее брат Александр ставит князю условия, на которых может состояться свидание. Сергей Григорьевич обязан утаить от жены степень своей виновности и настоять на том, чтобы она тотчас же вернулась к сыну.

Волконский согласился на условия Раевских, о чем позднее сожалел. Свидание состоялось 22 апреля в доме коменданта крепости и в его присутствии.

23 апреля она сообщает мужу: «Я уезжаю завтра — раз ты этого желаешь» и возвращается к сыну в Александрию, имение Браницких близ Белой Церкви.

Волконский был осужден к 15 годам каторги и дальнейшему поселению. Узнав об этом от брата, Мария Николаевна сразу объявила, что последует за мужем. Она сознавала, что ей придется разлучиться с сыном, правда, как тогда думала, лишь на время, на один год, после чего вернется за ним.

В октябре Сергей Волконский был доставлен в Благодатский рудник Нерчинских горных заводов. Декабристам приходилось работать в кандалах в тесных шахтах. Волконский не скрывал в письмах тех трудностей, которые возникнут перед ней, если она решится отправиться в Сибирь.

Однако Марию Николаевну ничто не могло остановить. Она заложила свои бриллианты, заплатила некоторые долги князя и отправила государю письмо, прося разрешения следовать за мужем. Такое

разрешение было получено 21 декабря 1826 года.

Волконская долго не решалась сказать отцу, что назначает его опекуном Николиньки. При расставании генерал Раевский благословил дочь и отвернулся, не в силах вымолвить ни слова. Она смотрела на него и думала: «Все кончено, больше я его не увижу, я умерла для семьи».

29 декабря Волконская покинула Москву. Путь был нелегок — 6 тысяч верст. Дважды по приказанию императора Николая I пытались вернуть ее с дороги: первый раз в Казани, второй — в Иркутске, где гражданский губернатор Цейдлер делал все возможное, чтобы отговорить княгиню от дальнейшего следования. Однако старания его оказались тщетными. Губернатор взял с нее подписку, в которой среди прочего сообщалось: «Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, сделается естественно причастной его судьбе и потеряет прежнее звание, то есть будет уже признаваема не иначе, как женою ссыльно-каторжного».

Долгожданная встреча произошла 12 февраля. «В первую минуту я ничего не разглядела, так как там было темно, — пишет Мария Волконская, — открыли маленькую дверь налево, и я поднялась в отделение мужа. Сергей бросился ко мне; бряцание его цепей поразило меня: я не знала, что он был в кандалах. Суровость этого заточения дала мне понятие о степени его страданий. Вид его кандалов так воспламенил и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом — его самого».

Почти одновременно с Волконской в Благодатский рудник прибыли Екатерина Трубецкая и Александра Муравьева. Приезд жен сказался благотворно на душевном настрое декабристов, хотя они могли видеться только два раза в неделю в присутствии офицера и унтер-офицера… Появилась возможность наладить связь с родными. Женщины взяли на себя не только переписку со своими близкими, они регулярно писали письма и родственникам других осужденных. Им удавалось переправлять в тюрьму продукты, табак, книги.

Пребывание в Благодатском руднике продолжалось 11 месяцев. Весть о переезде в Читу вселила надежду на лучшие перемены. Климат там был значительно здоровее сырого климата рудников. Да и работа была полегче: декабристам предстояло засыпать рвы, ремонтировать дороги, чистить улицы.

В августе 1828 года пришло разрешение снять кандалы. Это было несказанным облегчением, хотя, как пишет Мария Волконская, первое время странным казалось их отсутствие.

В Чите Волконских настигло и первое горе: в январе 1828 года умер их сын Николинька.

Через полтора года новое потрясение — Мария Николаевна узнала о смерти отца.

Осенью 1830 года декабристов разместили в специально выстроенном каземате при железоделательном Петровском заводе, неподалеку от Верхнеудинска. В новом остроге почти каждый заключенный получил небольшое помещение. Супругам разрешили жить вместе. «…В нашем номере я обтянула стены шелковой материей (мои бывшие занавеси, присланные из Петербурга). У меня было пианино, шкаф с

книгами, два диванчика, словом, было почти все нарядно», — вспоминает Волконская. С этого времени «начался в Петровске длинный ряд годов без всякой перемены в нашей участи».

Но «перемены» были. В 1832 году у Волконских родился сын Михаил, через два года — дочь Елена. Всю свою энергию Мария Николаевна отдает воспитанию детей: «Я жила только для вас, я почти не ходила к своим подругам. Моя любовь к вам обоим была безумная, ежеминутная».

23 декабря 1834 года умирает мать Сергея Григорьевича. При вскрытии ее духовного завещания было обнаружено письмо к императору с просьбой «облегчить участь сына, принадлежащего к числу государственных преступников по происшествию 14 декабря 1825 г., и вывести его из Сибири, где он доныне находится в каторжной работе, дозволив ему жить под надзором в имении». Царь из уважения к ее памяти повелел «государственного преступника Сергея Волконского освободить ныне же от каторжной работы, обратив в Сибири на поселение».

Свобода на поселении ограничивалась для мужчин — правом гулять и охотиться в окрестностях, а дамы могли ездить в город для покупок. Родные присылали им сахар, чай, кофе и другие продукты, а также одежду. В Урике у Сергея Григорьевича появились более широкие возможности для занятий земледелием.

На первых порах в домашнем обучении Миши Волконского роль педагогов с успехом исполняли товарищи по изгнанию. Но домашнее образование было недостаточным. Ссылаясь на свое болезненное состояние, требующее постоянного лечения, Мария Николаевна добивается разрешения переехать с сыном в Иркутск. Через несколько месяцев к ним присоединился и глава семейства.

Дом Волконского усилиями его жены превратился в своеобразный центр духовной жизни Иркутска. Здесь всегда было много народу, устраивались балы, маскарады, домашние спектакли.

Мишу удалось устроить в Иркутскую гимназию, которую он окончил с золотой медалью. Дальнейшая судьба сына декабриста складывалась вполне благополучно. Он был принят в канцелярию генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева — человека «больших достоинств и прогрессивных взглядов», как характеризовал его М. Фонвизин.

А вот судьбу дочери Мария Николаевна устраивает вопреки воле отца, выдав замуж за чиновника канцелярии иркутского генерал-губернатора Дмитрия Молчанова, человека весьма сомнительной репутации. Через два года ей пришлось об этом пожалеть. Молчанов был обвинен во взяточничестве, отдан под суд, вскоре заболел и, сойдя с ума, умер.

Летом 1855 года Волконский остается в Иркутске в одиночестве. Здоровье Марии Николаевны ухудшилось, и ей разрешили выехать для лечения в Москву. 6 августа 1855 года она покинула Иркутск. Но декабрист не жалуется. «Я в своем одиночестве живу ладненько, — пишет он И. Пущину, — счастлив тем, что это одиночество обеспечит спокойствие, утешение моим». Однако надежда на встречу с близкими не покидает его.

26 августа 1856 года по случаю коронации Александра II выходит манифест, который дарует декабристам «все права потомственного дворянства, только без почетного титула, прежде им носимого, и без прав на прежние имущества, с дозволением возвратиться с семейством из Сибири и жить где пожелает в пределах империи, за исключением С. Петербурга и Москвы, но под надзором». 30 августа детям декабристов Волконского и Трубецкого был возвращен княжеский титул.

В сентябре Сергей Григорьевич выезжает из Иркутска в Москву. Официально он поселяется в деревне Зыково Московского уезда, но большую часть времени, пользуясь покровительством московского генерал-губернатора Закревского, проводит в Москве в доме дочери.

В 1857 году за границу для лечения уезжает Мария Николаевна с овдовевшей дочерью. В сентябре следующего года Сергей Григорьевич получает высочайшее разрешение присоединиться к ним на три месяца. Путешествие это, однако, затянулось, так как обострилась болезнь самого Волконского. За время пребывания за границей он посетил многие города Европы — Дрезден, Франкфурт, Париж, Рим…

Лето 1863 года Волконский проводит в семье сына в Фалле. Здесь он, прикованный к постели жесточайшим приступом подагры, получает горестное известие о смерти Марии Николаевны, случившейся 10 августа.

Смерть жены так повлияла на Волконского, что вернувшийся после похорон сын был потрясен переменой, произошедшей с отцом: болезнь усугубилась, ноги почти перестали служить, пришлось прибегнуть к креслу на колесах. Только летом следующего года Волконский смог съездить на могилу жены.

Резко ухудшившееся здоровье заставляет Михаила Волконского перевезти отца в Петербург, где Сергей Григорьевич проводит свою последнюю зиму. К лету он перебирается в Воронки, к дочери. Однако здесь декабрист прожил недолго. 28 ноября 1865 года Елена сообщила брату: «Отец скончался в час пополудни без страданий, после причастия тихо заснул. Вчера сидел в галерее и писал».

Александр Пушкин и Наталья Гончарова

В конце 1828 года на балу у знаменитого московского танцмейстера Йогеля поэт Александр Сергеевич Пушкин встретил 16-летнюю Наталью Гончарову. Юная красавица только начала выезжать в свет, но о ней уже говорили с восхищением.

Очарованный «романтической» прелестью девушки, Пушкин вскоре сделал ей предложение и получил неопределенный ответ. Но он не отступил: слишком сильна была его влюбленность. Наталья казалась ему такой спокойной, нежной, умиротворяющей.

И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женюсь… Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — боже мой — она… почти моя…», — пишет Пушкин сразу после помолвки.

Он готовился к браку с величайшей ответственностью, устроил денежные дела.

Все это позволило ответить на многочисленные претензии и притязания будущей тещи Натальи Ивановны, происходившей из

старинного дворянского рода Загряжских. Майорат Гончаровых Полотняный Завод, в который входили калужские фабрики и несколько имений, находился в упадке.

Накануне свадьбы Пушкин собрал своих приятелей на «мальчишник». Пришли Нащокин, Вяземский, Д. Давыдов, Баратынский, Языков, Иван Киреевский, брат Левушка. Разговаривали, спорили, читали стихи, кричали, шумели, много пили.

Венчание Пушкина и Гончаровой состоялось 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот.

Свадьба прошла торжественно, но во время венчания упали с аналоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Потом у поэта потухла свечка. «Tous les mauvais augures» («Все плохие предзнаменования»), — сказал Пушкин. К слову — у матери новобрачной разбивается зеркало. Наталья Ивановна пророчески восклицает: «Добра не будет!»

Итак, свадьба состоялась. Надо всем теперь царило радостное и непривычное чувство. «…Женка моя прелесть не по одной наружности», — пишет поэт Плетневу. «Светлое существование» — так он назвал первое время супружеской жизни. Наталья Николаевна была достаточно образованна, чтобы понимать мужа. Она безукоризненно говорила и писала на французском языке, знала английский и могла изъясняться нанемецком.

После свадьбы Пушкины прожили в Москве почти три месяца — до 15 мая. Теща Наталья Ивановна не переставала мучить поэта денежными требованиями, клеветала на него дочери, попрекала безбожием, безнравственностью, даже скупостью. Жизнь рядом с ней в Москве становилась невыносимой. Александр Сергеевич вместе с молодой женой уехал в Царское Село, на дачу, которую снял для них Плетнев.

С переездом осенью 1831 года в Петербург Наталья Николаевна через тетку свою, уважаемую при дворе фрейлину Загряжскую, перезнакомилась со всей знатью. В ноябре сестра Пушкина писала своему мужу: «Моя невестка — женщина наиболее здесь модная; она вращается в самом высшем свете, и говорят вообще, что она — первая красавица; ее прозвали Психеей». Все были влюблены в жену Пушкина. Император Николай садился на ужинах рядом с ней.

Ревность поселилась в доме Пушкиных с самого начала семейной жизни, причем ревность взаимная, но если Александр Сергеевич ревнует горячо и быстро отходит, то Наталья Николаевна действует методично и жестоко.

Пушкин всегда был готов увлечься понравившейся ему женщиною. Супружество в этом отношении нисколько его не изменило. С. Н. Карамзина, дочь историка, писала в 1834 году: «Жена Пушкина часто и преискренно страдает мучениями ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа».

Однажды на балу у австрийского посла Фикельмона поэт усердно ухаживал за приехавшею из Мюнхена белокурой красавицей баронессой Крюднер. Наталья Николаевна это заметила и дома отвесила мужу полновесную пощечину. Пушкин со смехом сообщал Вяземскому, что «у его мадонны рука тяжеленька».

Жизнь Натальи Николаевны проходила в непрерывных увеселениях, празднествах и балах. Возвращалась домой часов в четыре-пять утра, вставала поздно: обедали в восемь вечера; после обеда она переодевалась и опять уезжала. Пушкин вынужден был сопровождать ее, хотя на балах ужасно скучал.

Александр Сергеевич полагал, что после женитьбы ему придется проживать втрое больше, чем в холостое время. Оказалось — вдесятеро!

В феврале 1833 года Пушкин жалуется Нащокину: «Жизнь моя в Петербурге ни то, ни се. Заботы мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете: жена моя в большой моде; все это требует денег, деньги достаются мне через мои труды, а труды требуют уединения».

В семье Пушкиных родилось четверо детей. Первая дочь Маша появилась на свет в Петербурге в мае 1832 года. Любимец, старший сын Сашка, родился в июле 1833 года. Наследник вполне оправдал свою фамилию, избрав военную стезю, никогда «не баловался» стихотворчеством, впрочем, как и все дети Пушкина. От этого их некогда предостерегал отец: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой, с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Нащокин рассказывает, что поэт «плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых». Действительно, весной 1835 года он вдруг уехал в деревню, собирался возвратиться «прежде десяти дней, чтобы поспеть к родам Наташи», но опоздал и приехал, когда жена уже родила сына, нареченного Григорием в честь далекого предка по линии отца.

В мае 1836 года жена опять должна была родить — опять Пушкин задержался в Москве у Нащокина и по возвращении писал ему: «Я приехал к себе на дачу в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда».

В последний день 1833 года Пушкин был пожалован в камер-юнкеры, что было неприлично для его 34 лет. Теперь Наталья Николаевна могла танцевать в Аничковом дворце, где собирался довольно тесный круг придворных.

Вместе с унизительным камер-юнкерством Пушкин получил массу хлопот и расходов. На каждый бал жене требовались новые платья и украшения. К тому же дела его родителей оказались настолько запутаны, что поэту пришлось взять их долги на себя.

Летом 1834 года Наталья Николаевна уезжает в семейное имение Полотняный Завод, и Пушкин пытается освободиться от царевой опеки. Он просится в отставку. Из письма к жене: «На днях хандра меня взяла: подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой абшид, что я в струхнул и Христом Богом прошу, чтоб мне отставку не давали…»

Наталья Николаевна сообщает ему, что вернется в Петербург вместе с сестрами и что они будут жить в их доме.

В сентябре 1834 года Пушкин живет в Болдине, устраивая дела отца и ожидая вдохновения. Но уже в середине октября он возвращается в

Петербург. Присутствие сестер Гончаровых — Екатерины и Александрины — не только осложнило семейную жизнь Пушкина, но и внесло дополнительное напряжение. В результате — отчужденность, холодность жены, гнев и ревность мужа.

Летом 1835 года Пушкин делает еще одну попытку освободиться от унизительной зависимости перед государем, он просит об отставке и разрешении выехать в деревню на несколько лет. Но ничего не получается. Император через Бенкендорфа передает, что служить никого не заставляет, но в случае отставки Пушкин лишается права работать в архивах. Смягчая жесткость отказа, Николай предлагает отпуск на полгода и ссуду в 30 тысяч рублей. Выбора у поэта нет. Лишиться права работать в архивах именно тогда, когда он так активно занят историей Петра Великого, невозможно. Пушкин принимает предложение царя. Однако Наталья Николаевна категорически отказывается ехать в деревню. Поэт не хочет уступать. Если не едут они все, то поедет он один…

В светском обществе Пушкин и его жена были в моде: она — за красоту и изящество манер, он — за ум и талант. Но их не любили и охотно распространяли о супругах ядовитые сплетни. Александр Сергеевич и раньше не отличался сдержанностью. Теперь же, когда приходилось жить в долгах, он бывал резок до крайности. Он часто бывал в разъездах и боялся, чтобы Наталья Николаевна не сделала в свете ложного шага.

Тем временем в высшем свете видное положение занял кавалергардский поручик барон Жорж Дантес, принятый на русскую службу и усыновленный голландским посланником бароном Геккерном. Самоуверенный красавец, живой, веселый, остроумный, везде желанный гость.

По иронии судьбы Дантес оказался дальним родственником Натальи Николаевны. Пушкин приглашает его в свой дом. Француз проявляет определенный интерес к жене поэта, но при этом не выходит за пределы приличий. Он бывает в их доме, ездит с ней на прогулки.

Однако Пушкин обеспокоен. В мае 1836 года он отчитывает жену: «И против тебя, душа моя, идут кое-какие толки… видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой ангел; скромность есть лучшее украшение вашего пола».

4 ноября 1836 года Александр Сергеевич получил три экземпляра анонимного послания, заносившего его в орден рогоносцев и, как он был убежден, намекавшего на настойчивые ухаживания за его женой бароном Дантесом.

Пушкин отказал французу от дома. Но сплетни не прекращались, и поэт вызвал Дантеса на дуэль. Тот принял вызов, но через барона Геккерна попросил отсрочки на пятнадцать дней.

За это время выяснилось, что Дантес сделал предложение Екатерине Николаевне Гончаровой — и Пушкин взял свой вызов назад. В январе 1837 года состоялась свадьба. Друзья поэта успокоились, посчитав инцидент исчерпанным. Но они ошибались. Пушкин послал Дантесу новый вызов.

Дуэль состоялась на Черной речке 27 января 1837 года. Дантес выстрелил первым и смертельно ранил Пушкина.

Поэта отвезли домой. Александр Сергеевич благословил детей, просил не мстить за него, простился с друзьями и книгами. На смертном одре, через несколько часов после дуэли, он сказал о Наталье Николаевне доктору Спасскому: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском».

Великий поэт скончался 29 января. Его отпевали в придворной конюшенной церкви, после чего А. И. Тургенев отвез его тело для погребения в Святогорский монастырь близ Михайловского.

Перед смертью Пушкин успел отдать Наталье Николаевне наказ, ставший последним: сколько она должна носить траур и печалиться… Точно по этому наказу она все и исполнит. Но замуж выйдет не через завещанных быстрых два года, а после долгих семи лет.

Наталья Николаевна вместе с детьми и сестрой Александриной уехала в Полотняный Завод. В Петербург она вернется в январе 1839 года и будет жить вдали от света, встречаясь только с друзьями Пушкина.

В 1844 году Наталья Николаевна вышла замуж за кавалергардского генерал-майора Петра Петровича Ланского, человека порядочного, доброго. Она родила ему сына Александра и дочерей Софью и Елизавету. Пушкин обеспечит будущее своих детей — за посмертное издание сочинений наследники получат 50 тысяч рублей. Наталья Николаевна скончалась 26 ноября 1863 года.

Гектор Берлиоз и Гарриэт Смитсон

В сентябре 1827 года молодой композитор Гектор Берлиоз увидел в Париже знаменитую ирландскую актрису Гарриэт Смитсон и страстно, до безумия, влюбился в нее. Она пленила его своей грацией, обаянием, красотой. Гарриэт создавала на сцене незабываемые образы Офелии и Джульетты. Восхищенный ее талантом, Берлиоз писал: «Я узнал смысл великолепия, красоты, сценической правды… Изучение высокой драматической музыки стало религией, которой я отдался душой и телом».

Однако Гарриэт осталась равнодушной к чувствам одного из многих своих поклонников. В записях, отражавших то, как порывистый Гектор атаковал ирландскую актрису, слились факты и вымысел. Посылал ли он Гарриэт столько цветов, что она сочла его сумасшедшим? Бросался ли он на мостовую так, что она приказала своему кучеру выбрать другой маршрут? Заявил ли он ей: «Я ваш раб!», на что она, как говорят, возразила: «Рабство отменено!»? Сам Берлиоз писал: «Сон был более не властен надо мной… Я бесцельно бродил по парижским улицам… Вернувшись после одного из таких странствий (во время которого я выглядел как человек, ищущий свою потерянную душу), я наткнулся дома на копию ирландских мелодий Томаса Мура и, открыв ее на странице, начинавшейся словами „Когда тот, кто тебя обожает“, сразу же написал музыку к душераздирающему прощанию. Эту песню я назвал Элегией».

Гектор работает со страстным увлечением, утоляя музыкой великую жажду любви. Гарриэт должна узнать его не как сумасшедшего поклонника, а как великого маэстро. Он делает наброски «Тайных судей» и пишет увертюру. Но ничего еще не закончено. Поэтому он берется за новую редакцию «Мессы».

В день святой Цецилии, 22 ноября 1827 года, «Месса» звучит в стенах церкви Сент-Эсташ. Но Берлиоз в отчаянии: Гарриэт в храм не пришла. И это вполне объяснимо — она любимица Парижа. Сотни поклонников ее таланта не смогли попасть на бенефис Смитсон в Опере.

Берлиоз не сдается и начинает сочинять самую фантастическую симфонию, о которой непременно все заговорят. Тогда Гарриэт сама будет искать знакомства с ним.

Но Смитсон отправляется в длительное турне, а сам Берлиоз дает в пансионе уроки игры на гитаре. Здесь он познакомился с бойкой, жизнерадостной Камиллой Мок, которая вела класс фортепиано. Пылкий маэстро до того увлекся Камиллой, что готов был предложить ей руку и сердце. Но в 1830 году он получил престижную Римскую премию и на три года уехал в Италию.

7 ноября 1832 года Берлиоз вернулся из Италии. Он снял квартиру в любимом парижском районе на улице Нев-Сен-Марк. И тут Гектор узнал, что совсем недавно из этой квартиры выехала Гарриэт. Страстные воспоминания о прежней любви тут же ожили в нем.

Между тем дела у актрисы и ее собственной труппы шли далеко не блестяще.

Берлиоз пригласил Офелию на свой концерт, программу которого составили «Фантастическая симфония» и монодрама «Лелио». Гектор хотел объявить Офелии о своих чувствах в возвышенной манере.

На другой день маэстро добился разрешения быть представленным мисс Смитсон. Она говорила на ломаном французском, он — на плохом английском. Гектор отваживается произнести: «Я благословляю провидение, даровавшее мне эту минуту высшего восторга».

Теперь они встречаются регулярно. Восторженный Берлиоз пишет отцу, что хочет взять в жены ирландскую актрису Гарриэт Смитсон. Убежденный роялист доктор Берлиоз и его набожная жена запретили сыну даже думать об этом.

Гектор подписывает у парижского нотариуса первую просьбу о разрешении на вступление в брак и отправляет ее родителям. Отныне он в ссоре с семьей. Берлиоза не смущает, что Офелию преследуют кредиторы (четырнадцать тысяч франков долгов — крупная сумма по тем временам). Желая произвести на Гарриэт впечатление, он отдает ей свою стипендию, оставаясь без гроша в кармане.

В начале марта Гарриэт поскользнулась и сломала ногу. Гектор сделался ее верной сиделкой. Он говорил: «Если даже она будет покинута небом и землей, я все равно останусь подле нее, такой же пылкий и такой же верный в любви, как и в дни расцвета ее славы».

2 апреля 1833 года в зале Фавар состоялся бенефис Смитсон и Берлиоза. В антракте играли Шопен и Лист. Выручка в 6500 франков позволила погасить часть долгов актрисы.

Берлиоз посылает очередную просьбу о разрешении на брак.

Гектор проявляет настойчивость. Правда, между ним и Гарриэт то и дело возникают шумные ссоры. В начале августа, например, они были близки к разрыву. В тот раз они помирились. Но уже 30 августа маэстро пытался в ее комнате покончить с собой. «Она упрекала меня, — писал он, — что я ее не люблю. Я… принял яд у нее на глазах. Душераздирающие

крики Генриетты!.. Предел отчаяния!.. Мой жуткий смех!.. Желание вернуться к жизни при виде необыкновенных свидетельств ее любви!.. Рвотное… Ипекакуана!.. Меня выворачивало два часа! Осталось лишь два шарика опия… Два дня я был болен и выжил».

Но когда Гарриэт сказала ему «да», Гектор от счастья едва не лишился чувств.

Венчались они в часовне британского посольства 3 октября 1833 года в отсутствие родителей. Среди свидетелей — двадцатидвухлетний Ференц Лист.

Медовый месяц Берлиоз и Смитсон провели в Венсенне. Между ними установилось полное взаимопонимание. Офелия наслаждалась обществом мужа, наконец-то по достоинству оценив его любовь и гений.

На следующий день после свадьбы Гектор в порыве откровенности сообщил Феррану: «Она была девственна, в высшем смысле этого слова, идеал девственности… Это сама Офелия — нежная, кроткая и застенчивая».

В конце октября Гектору пришлось вернуться в Париж, где он с головой уходит в работу — надо было на что-то существовать, а кроме того, оплатить самые срочные долги.

Гектор добился нового бенефиса Смитсон — Берлиоз — 21 ноября 1833 года. На этот раз их постигло разочарование. Спектакль был встречен холодно, если даже не враждебно. Гектор готов был взяться за любую работу, лишь бы божественная Гарриэт чувствовала себя счастливой. Он начал вести колонку театра и музыки в «Реноватере».

В апреле 1834 года супруги Берлиоз переехали в дом на Монмартре, на самую вершину холма. Здесь у них родился сын Луи.

Выйдя замуж и завершив свою сценическую карьеру, Гарриэт быстро состарилась, превратилась в ворчунью и начала пить.

Эрнест Легуве с присущей ему иронией пишет: «К сожалению, часто случается, что муж и жена — как бы две чаши одних весов, которые редко находятся в равновесии: когда поднимается одна, опускается другая. Так произошло и в этой молодой семье. Чем горячее становилась Смитсон, тем больше остывал Берлиоз. Его чувства к ней превратились в добрую дружбу, учтивую и спокойную, тогда как с уст жены то и дело срывались властные требования и бурные упреки, к сожалению, вполне законные. […] Ее ревность постоянно запаздывала. Сердце Берлиоза порхало так быстро, что она не могла за ним поспеть…»

1841 год. У Берлиоза — ни одного сольного концерта. Он лишь дирижирует в Опере «Вольным стрелком» великого Вебера. Месяц за месяцем проходят у Гектора в изнурительной борьбе с… Офелией, той самой Офелией, которую он еще недавно боготворил. Семейный очаг превратился для маэстро в сущий ад. Берлиоз находит утешение в объятиях любовницы — оперной певицы Марии Ресио.

Гарриэт долго и тяжело болела, стойко перенося разлуку с мужем и сыном… Гектор помогал ей деньгами, но последние дни божественная Офелия провела в одиночестве. Знаменитая актриса умерла 3 марта 1854 года. Узнав о трагическом конце жены, Берлиоз не смог сдержать слез.

Спустя месяц после смерти жены Берлиоз писал любимому дяде Феликсу Мармиону: «Бедняжка Гарриэт обладала глубочайшим

пониманием мира поэзии! Она интуитивно постигала вещи, которым ее никто и никогда не учил. Она открыла мне мир Шекспира, и одному Богу известно, какое влияние оказало и будет оказывать это открытие на мое творчество… Поэтому я… никогда не смогу ее забыть».

Вскоре Берлиоз женился на Марии, но более из чувства долга, нежели по любви.

В 1862 году умерла и Мария. Две любимые женщины маэстро теперь покоились рядом, ожидая, как говорил Берлиоз, «когда я внесу свою долю разложения в этот склеп». Он умер 8 марта 1869 года, в 12.30 пополудни…

Джузеппе Гарибальди и Анита Ребейра

Большая часть жизни великого борца за независимость Италии Джузеппе Гарибальди прошла в скитаниях по странам и континентам. Он — коренной житель Ниццы, города на лазурном берегу Средиземного моря. Там в морском реестре 1832 года записано: «Гарибальди Джузеппе Мария, сын Доменико Гарибальди и Розы Раймонди, родился 4 июля 1807 года в Ницце, внесен в список капитанов ниццского управления 27 февраля 1832 г. за № 289». Став капитаном, Гарибальди плавал на торговых судах и одно время, как говорят, нанялся даже во флотилию тунисского бея Хуссейна.

В июне 1835 года Гарибальди вернулся в Марсель, где свирепствовала эпидемия холеры. В порту он узнал, что бриг «Мореплаватель» отправляется в Рио-де-Жанейро, столицу Бразилии. Получив на корабле место второго помощника капитана, Гарибальди надолго распрощался со старой Европой — на целых тринадцать лет!

В Южной Америке он принял участие в освободительной революции маленькой республики Риу Гранди ду Сул (провинции Бразильской империи).

Несмотря на успехи республиканцев, Гарибальди не мог забыть потери своих лучших друзей.

В это время произошло событие, сыгравшее в его жизни большую роль. Спустя много лет Гарибальди писал в «Мемуарах»: «Я никогда не помышлял о браке и считал себя неспособным к нему вследствие независимости своего характера и склонности к жизни, полной приключений. Иметь жену, детей — это казалось мне совершенно неуместным для человека, который посвятил всю жизнь борьбе за осуществление своих идей, борьбе, делающей невозможным душевный покой, необходимый для отца семейства. Судьба решила иначе. Потеряв Карнилью, Эдоардо Мутру и других своих сверстников, я остался совершенно одинок. Мне казалось, что я один в целом мире. Мне нужна была подруга. Именно подруга, так как я всегда считал, что женщина — это совершеннейшее из существ. Что бы там ни говорили, именно среди них бесконечно легче найти любящее сердце. Обуреваемый такими печальными мыслями, я с кормы „Итапарики“ глядел через подзорную трубу на берег. Невдалеке высился холм Морро делла Барра (на правом берегу устья Лагуны). Я увидал у его подножия нескольких женщин, занятых работой по хозяйству. Особенно понравилась мне одна из них, молодая. Я велел причалить к берегу и, высадившись, направился к дому, где жила эта женщина. У дверей дома я увидал человека, который пригласил меня войти — выпить чашку кофе. Войдя, я увидел ту, которая мне так понравилась. Это была Анита (впоследствии мать моих детей). Несколько мгновений мы

стояли неподвижно, молча вглядываясь друг в друга. Затем я поклонился и сказал (я плохо говорил по-португальски и произносил слова с итальянским акцентом): „Ты будешь моей!“ Я завязал узел, который могла разорвать одна только смерть».

В таких выражениях Гарибальди повествует о своей первой встрече с будущей женой и боевым товарищем Анитой Рибейра. В дальнейшем жизнь этой смелой и страстной женщины, всем сердцем полюбившей Гарибальди, без колебаний бросившей ради него отца, друзей, родной дом, тесно переплелась с его героической жизнью. Красавица Анита в детстве часто сопровождала отца на охоту и рыбную ловлю, была прекрасной наездницей.

Бразилианка последовала за Гарибальди и вскоре приняла участие в морском сражении. Когда стало совсем горячо, Гарибальди велел Аните плыть в лодке к берегу. Она же его не послушалась. Вдруг вражеское ядро ударило в палубу: несколько человек упало, среди них — Анита. Двоих убило, но она не была даже ранена. Опасаясь за жизнь подруги, Гарибальди потребовал, чтобы она немедленно спустилась в трюм. «Хорошо», — ответила Анита. Но через несколько минут девушка вернулась, с торжеством ведя за собой трех спрятавшихся в трюме матросов.

Анита сопровождала мужа во многих опасных походах. Однажды она попала в плен. Когда конвоир сказал, что Гарибальди убит, Анита целый день бродила среди трупов, но тела его не обнаружила. Джузеппе жив! — решила Анита. Ночью она незаметно покинула вражеский лагерь. Поймав в степи неукрощенного жеребца, девушка заставила его повиноваться своей воле. Началась дикая скачка, без отдыха. После восьми дней, в течение которых приходилось питаться дикорастущими плодами и кофейными зернами, она добралась, наконец, до местечка Лажес, где стояли республиканцы, и упала в объятия своего Джузеппе.

16 сентября 1840 года Анита родила своего первенца Менотти в бедной хижине Мустарды, близ Сан-Симона.

Беззаветная любовь к «Жозе» (как она называла Гарибальди по-португальски) совершенно переродила юную бразилианку. Чтобы не разлучаться с мужем, она научилась владеть мушкетом, делать перевязки и лечить раны. Эта храбрая, терпеливая женщина проводила целые ночи верхом на коне, перенося в походе множество тяжелых лишений.

Между тем дела республиканцев с каждым днем становились все хуже. Гарибальди приходилось отступать. Зимой 1841 года, под непрерывными потоками дождя, без провианта, в густых лесах, голодные, больные воины республики теряли всякую надежду на спасение. Анита смертельно волновалась за жизнь своего трехмесячного ребенка. При переправе через реку Гарибальди привязывал завернутого в платок маленького Менотти к своей шее. Наконец отступление кончилось. Уцелевшие люди добрались до Ваккарии. На этом, собственно, закончилось участие Гарибальди в революционной борьбе Риу Гранди.

В мемуарах он пишет «Шесть лет жизни, полной лишений и всевозможных приключений (1836–1842), не испугали бы меня, будь я человеком одиноким. Но я уже обзавелся к тому времени небольшой семьей. Я обязан был позаботиться об улучшении условий жизни моей

дорогой жены и ребенка. Поэтому я решил переехать в Монтевидео, хотя бы временно».

В начале 1842 года Гарибальди приехал с женой и ребенком в Монтевидео. Здесь у них родились сын Риччиотти и дочь Терезита. Анита отказывала себе во многом. Хлеб и масло, немного вина — вот почти все, чем питалась семья. Доктор Одичини рассказывал биографу Гарибальди Джесси Марио, что, когда родилась Терезита, в доме не было огня и, кроме гнилой фасоли, не из чего было приготовить бульон для роженицы. Доктору пришлось пойти домой и принести все необходимое.

Анита невыносимо страдала в разлуке с Джузеппе, уехавшим из Монтевидео в далекие и опасные экспедиции.

Гарибальди ждал благоприятного момента для возвращения на родину. В декабре 1847 года он отправил в Европу Аниту с детьми. Среди итальянцев, живущих в Южной Америке, был открыт сбор денег на экспедицию в Италию под командой Гарибальди.

Приехав в Ниццу, на родину мужа, Анита писала 7 марта 1848 года своим знакомым в Монтевидео: «…Генуэзский народ необычайным образом меня приветствовал. Более трех тысяч человек стояли под моими окнами, восклицая: „Да здравствует Гарибальди!“, „Да здравствует семья нашего Гарибальди!“»

«Ежедневно толпы народа заполняют набережную и вглядываются в прибывающие из Монтевидео корабли, на каждом корабле они жадно ищут взорами Гарибальди…»

21 июня народ Ниццы шумно приветствовал на пристани Гарибальди и легионеров, прибывших на «Сперанце». Наконец Джузеппе смог прижать к груди Аниту и своих детей!

Пребывание в Ницце явилось сплошным праздником. «Героя Монтевидео» буквально носили на руках. Но не прошло и пяти дней, как Гарибальди распрощался с родными и уехал в Геную, — воевать с врагами итальянской свободы!

Джузеппе никогда не забывал о своем верном друге Аните. Он писал жене в Ниццу письма, сообщая о последних событиях в Риме и выражая беспокойство о ее здоровье. И вдруг случилось то, чего Гарибальди никак не ожидал.

«14 июня 1849 года, утром, — пишет он в мемуарах, — мы завтракали в Вилле Спада… Я был несколько взволнован, так как только что приговорил к расстрелу одного нашего офицера-неаполитанца за то, что он струсил и покинул свой пост… Вдруг я услыхал в коридоре быстрые шаги. Дверь открылась, и я увидел Аниту, которая приехала ко мне в сопровождении Оригони. Дорогая Анита! Я прижал ее к своему сердцу. В эту минуту мне казалось, что все наши желания сбудутся!..»

Анита рассказала мужу о своих переживаниях. С опасностью для жизни пробиралась она через территорию, занятую неприятелем. В Тоскане ей удалось обмануть бдительность австрийских шпионов и избавиться от их слежки. Наконец она благополучно пробралась через французский фронт. Отныне Анита уже не расставалась с «Жозе» до самой своей смерти.

В течение ряда месяцев Гарибальди много раз прорывался сквозь железное кольцо трех армий, не давая себя разбить. Однако положение

его отряда становилось все более уязвимым.

Вечером 1 августа они увидали берег Адриатического моря — в Чезенатико. Гарибальди приказал плыть по направлению к Венеции. Он был удручен тяжелым состоянием здоровья Аниты, которая была на шестом месяце беременности. Она скрывала свое недомогание, уверяя, что чувствует себя прекрасно.

В Сан-Марино у нее начались приступы злокачественной лихорадки. Лишенная в течение многих дней хорошей еды, часто не имея даже возможности утолить жажду, босая, в лохмотьях, беременная Анита невыносимо страдала. Но она ни за что не желала покидать отряда.

Когда Гарибальди и его люди плыли к берегам Венеции, австрийские суда заметили их и открыли огонь из пушек. Джузеппе с Анитой укрылись на ферме. Увы, но верной подруге Гарибальди уже никто не мог помочь, и 4 августа 1849 года она умерла на руках своего мужа. «Мы приехали в Мандриолу в телеге, в которой на матраце лежала Анита… — писал Гарибальди. — Подняв матрац за четыре угла, мы положили ее в постель, мне почудилось в ее лице выражение смерти. Я пощупал пульс: сердце больше не билось! Передо мной лежал труп… Это была мать моих детей, которую я так любил! Что я теперь отвечу детям, если при встрече со мной спросят о ней? Горько оплакивал я потерю Аниты, неразлучного товарища во всех приключениях моей жизни!»

Гарибальди многое сделал, чтобы Италия обрела независимость. Вместе с ним сражались его сыновья Менотти и Риччиотти. Долгое время он оставался верен Аните. Лишь в январе 1860 года Джузеппе женился на молодой светской красавице Раймонди. В этот же день Гарибальди получил анонимное письмо, извещавшее, что у него «есть счастливый соперник». Он тут же вскочил на коня и ускакал прочь с виллы Фино. С этого дня Джузеппе больше никогда не виделся со своей «женой», хотя, по суровым правилам католического брака, был скован с ней почти двадцать лет!

Через несколько лет Гарибальди сошелся с Франческой Армозино, которая родила ему троих детей — Клелию, Розу и Манлия. Правда, Роза вскоре умерла. Желая узаконить свои отношения с Франческой, он долго хлопотал о расторжении брака с маркизой Раймонди. Но только в 1880 году Джузеппе обвенчался с Франческой. Жил он главным образом литературным трудом.

Умер Гарибальди 2 июня 1882 года на Капрере. В минуту смерти на постели его лежали томик «Гробницы», поэмы Фосколо, и альбом с портретами 1117 героев сицилийского похода…

Альберт и Виктория

20 июня 1837 года скончался король Великобритании Вильгельм IV. Так как у него не было прямых наследников, на трон взошла Виктория — дочь его брата Эдуарда Кентского и принцессы Виктории Лейнингенской из баварского герцогского рода Саксен-Кобургов.

Принцесса Виктория родилась в Кенсингтонском дворце 24 мая 1819 года. Ее родители проделали долгое путешествие из Баварии только для того, чтобы ребенок родился именно в Лондоне. Принцесса обучалась языкам, арифметике, географии, музыке, конной выездке, рисованию. Она находилась под постоянным надзором и наказывалась за малейшую

провинность.

Отец Виктории, герцог Кентский, никогда не отличавшийся примерным образом жизни, умер, когда Виктории было восемь месяцев. В какой-то мере отца ей заменил дядя Леопольд, король Бельгии, также принадлежавший к Саксен-Кобургской династии. Рассчитывая играть важную роль при дворе, он мысленно сосватал Викторию своему племяннику Альберту. По просьбе Леопольда 17-летняя наследница престола даже принимала двоюродных братьев Альберта и Эрнста в Лондоне.

На английском троне больше ста лет не было женщины. Виктория стала королевой в возрасте 18 лет. Она оказалась далеко не такой покладистой, как хотелось бы ее окружению. Дяде Леопольду королева сразу дала понять, что в его советах не очень-то и нуждается.

Тем не менее в октябре 1839 года дядюшка вновь направил в Лондон Альберта. Тот согласился на эту поездку, так как решил положить конец прожектам Леопольда.

Однако встреча молодых людей имела неожиданные последствия. Альберт возмужал и превратился из подростка в красивого мужчину. К тому же он обладал разнообразными талантами: увлекался техникой, любил живопись, архитектуру, музыку, слыл прекрасным фехтовальщиком. Виктория записала в свой интимный дневник: «Встреча с Альбертом всколыхнула мои чувства. Как он красив! Его губы завораживают, у него такие симпатичные усики и бакенбарды».

Через три дня королева, следуя придворному этикету, сама сделала Альберту предложение. «Я недостоин вас, — промолвил Альберт. Затем, выдержав паузу, добавил: — Я буду счастлив провести рядом с вами всю свою жизнь».

Виктория вздохнула с облегчением. «Я люблю его больше, чем думала, — отметила она в дневнике, — и я сделаю все, что в моей власти, чтобы облегчить его жертву». О какой жертве идет речь? Дело в том, что Альберт мог стать наследником престола только по решению парламента.

Окружение, свита, дом — все это выбиралось Викторией.

Бракосочетание состоялось 10 февраля 1840 года. Свадебная церемония прошла с соблюдением многовековых традиций. Медовый месяц молодые супруги провели в Виндзорском замке. Королева писала дяде Леопольду: «Спешу Вам сообщить, что я самая счастливая женщина в мире. […] Мой муж ангел, и я его обожаю».

Однако Виктория никогда не забывала о своих обязанностях и уже через две недели после свадьбы приступила к работе. Для начала ей пришлось отвадить родственников. Мать Виктории захотела переехать в Букингемский дворец. Получив отказ, она заявила, что родная дочь гонит ее из дому. Свекор, герцог Кобургский, намекнул, чтобы Виктория погасила его долги за счет государственной казны. Но и он остался ни с чем.

В кабинете королевы был поставлен письменный стол для Альберта. В первое время принц вникал в дела государства. «Я читаю и подписываю бумаги, а Альберт их промокает…» — отмечала Виктория. Но постепенно принц входил во вкус.

Альберт и Виктория считались идеальной парой. Ни измен, ни скандалов, ни даже малейших порочащих супружескую добродетель

слухов. Это было тем более удивительно, что семейная жизнь их родителей не сложилась.

За семнадцать лет супружества Виктория родила четырех сыновей и пятерых дочерей. Королева искренне считала, что предназначение женщины состоит именно в рождении и воспитании детей. Однако каждый ребенок давался ей с немалыми муками: беременность и роды протекали тяжело, и всякий раз она боялась умереть. Альберт с трогательной нежностью ухаживал за женой.

Быть может, именно личный опыт позволил королеве поддержать врачей, начавших применять во время родов обезболивающие средства. Церковь выступила против этих нововведений, будучи убежденной, что женщина обязана в муках нести наказание за первородный грех. Но мнение Ее Величества имело решающее значение.

В ноябре 1840 года королева родила девочку, названную Викторией Аделаидой Марией Луизой, по-домашнему — Вики. Тогда же была сшита знаменитая кружевная рубашка, которая будет служить до наших дней крестильной рубашкой всех принцев и принцесс Англии.

Через три месяца после рождения Вики королева снова забеременела. В положенный срок на свет появился мальчик Альберт Эдуард — будущий король Эдуард VII и основатель Саксен-Кобургской династии, которая во время Первой мировой войны, дабы не раздражать соотечественников немецким звучанием, была переименована в династию Виндзоров. Берти (так его звали дома) женился на Александре Датской. В этом браке родилось шестеро детей.

За Альбертом Эдуардом последовали: Алиса, Альфред, Хелена, Луиза, Артур, Леопольд; девятым и последним ребенком в семье была принцесса Беатрис, родившаяся в 1857 году.

Все дети воспитывались в чрезвычайной строгости; учебные занятия продолжались с 8 утра до 7 вечера шесть дней в неделю.

Родители заранее подбирали им партию. Старшая дочь Вики была представлена кронпринцу Фридриху Вильгельму Прусскому (будущему императору Фридриху III) в возрасте десяти лет, а уже в семнадцать помолвлена с ним. У них было семеро детей, причем старший сын стал императором Вильгельмом II, а дочь Софи — греческой королевой.

Рано вышли замуж и три другие дочери Альберта и Виктории.

Принцесса Алиса Мод Мария подарила семерых детей Людвигу Гессенскому. Их дочь Аликс была женой российского императора Николая II.

Счастье принцессе Хелене Августе Виктории принес Кристиан Шлезвиг-Гольштейнский. Супруги произвели на свет пятерых детей.

Принцесса Луиза Каролина Альберта была замужем за герцогом Эргильским.

Лишь младшая Беатрис Мария Виктория засиделась в девицах до 28 лет — мать никак не хотела расстаться с ней и держала ее при себе в качестве компаньонки. Беатрис вышла замуж за Генриха Баттенбергского, но продолжала жить с королевой.

К сожалению, один из сыновей Виктории, Леопольд Георг Дункан, страдал тяжким недугом — гемофилией. Клирики толковали болезнь как кару за нарушение библейского завета: при родах впервые была

использована анестезия хлороформом. Несчастный Леопольд обладал поразительными умственными способностями. Окончив Оксфорд, он был незаменимым советником матери. Леопольд женился на Хелене Фредерике Вальдекской, имел двоих детей и умер в возрасте 30 лет от кровоизлияния в мозг.

Принц Альфред Эрнест Альберт составил пару великой княжне Марии, дочери Российского императора Александра II. В этом браке родилось пятеро детей. Принцесса Мария вышла замуж за румынского короля Фердинанда I.

Наконец, принц Артур Уильям Патрик был женат на Луизе Маргарите Прусской. У них было трое детей.

«Чем тяжелее и крепче цепи супружества, тем лучше, — писал Альберт своему брату. — Супруги должны быть прикованы друг к другу, неразделимы и жить только друг для друга».

Альберт стремился сделать жизнь с Викторией более разнообразной. «Для того, чтобы оживить пейзаж в серых тонах», как он называл придворную жизнь, приглашались знаменитости. При дворе начали играть в вист и другие карточные и настольные игры. Альберт пробовал музицировать: особым успехом пользовались фортепианные пьесы в четыре руки. Он играл на органе произведения Баха, пел песни на музыку Мендельсона.

Альберт стал незаменимым помощником в делах королевы. Она называла его «мой драгоценный, мой несравненный Альберт». С раннего утра принц писал письма, составлял ответы на запросы министров. Королеве оставалось только завизировать документы.

По инициативе Альберта в Лондоне состоялась Первая Всемирная выставка, к открытию которой был построен знаменитый Хрустальный Дворец.

В 1856 году королева обратилась к премьер-министру с просьбой признать и закрепить права принца Альберта. Но только через год решением парламента он получил специальный «королевский патент», именовавший его принцем-консортом, то есть принцем-супругом.

Альберт стал почти что королем. Как заметил писатель Андре Моруа, «некоторые политики находили, что у него слишком много власти. А его идеи относительно королевской власти многие считают несовместимыми с английской конституцией… Он вел Англию к абсолютной монархии».

Хотя при дворе немало людей недолюбливало принца-консорта, считая его занудой, скрягой, мелочным педантом, и вообще человеком с тяжелым характером, никто не ставил под сомнение безупречность королевского супружеского союза.

В начале декабря 1861 года «милый ангел», как называла мужа королева, сильно простудился. Она вначале не придала значения его недомоганию. Лишь 14 декабря, к пяти часам вечера выяснилось, что заболевание опасно для жизни. Уже теряя сознание, Альберт прошептал: «Моя дорогая жена…»

Виктория осталась вдовой в 42 года. Она погрузилась в глубокий траур. В течение пяти лет королева отказывалась произносить тронную речь в парламенте. «Моя жизнь как жизнь счастливого человека

окончилась. Мир померк для меня», — писала она Леопольду.

Положение королевы сильно пошатнулось, однако недруги рано радовались. «Я твердо решила, — сообщает она дяде, — бесповоротно решила, что все его пожелания, планы, мысли будут для меня руководством к действию…»

Виктория продолжала жить, как если бы Альберт находился рядом. Поговаривали, что королева «связывается» с ним во время спиритических сеансов. По ее распоряжению было сооружено несколько зданий в память о покойном муже, в том числе Альберт-мемориал и знаменитый концертный зал — Альберт-холл около Музея Виктории и Альберта.

Заметно увеличив состояние королевской семьи, Виктория не расставалась с властью вплоть до самой своей смерти. В эти годы Англия добилась величайших успехов в индустриальном развитии, торговле, финансах, морском транспорте и расширении империи, сделалась символом устойчивости, порядочности и процветания. И современники, и потомки связывали эти успехи с именем королевы.

Через сорок лет после смерти мужа Виктория воссоединилась со своим «милым ангелом». Это случилось 22 января 1901 года. Она завещала похоронить себя в белом платье. Не снимавшая в течение сорока лет траурных одежд, вдова решила отправиться на встречу с Альбертом именно в белом. Великую королеву похоронили рядом с самым близким ее другом и советником. Так завершилась долгая викторианская эпоха…

Роберт Шуман и Клара Вик

В тридцатые годы XIX столетия композиторский гений немецкого композитора Роберта Шумана раскрывается во всей своей полноте. Одно за другим появляются его лучшие фортепианные произведения. Почти все, созданное им в это время, сам Шуман связывал с образом Клары Вик, с мечтами о ней, с драматической историей их любви. Он писал своей возлюбленной: «Я целиком погрузился в мир моих мечтаний за фортепиано и не знаю ничего, кроме тебя, — я рассказываю моему старому другу только о тебе одной».

Роберт Шуман родился в 1810 году в маленьком городке Цвиккау и был пятым ребенком в дружном бюргерском семействе. В отрочестве он увлекался и музыкой, и литературой, не зная, чему отдать предпочтение. Встреча с известным фортепианным педагогом Фридрихом Виком и его девятилетней дочерью, пианисткой-вундеркиндом, разрешила сомнения Шумана.

Роберт впервые увидел Клару Вик в конце марта 1828 года, через несколько дней после приезда в Лейпциг. Летом он почти ежедневно встречается с юной пианисткой, посещая дом ее отца.

Клара Жозефина прошла серьезную школу фортепианной игры. Мать девочки, Марианна Тромлиц, была сначала ученицей Фридриха Вика, а с 1816 года — его женой. Через восемь лет брак распался. Клара и ее младшие братья Альвин и Густав остались в доме отца.

В одиннадцать лет Клара дает первый самостоятельный концерт в лейпцигском Гевандхаузе. В Веймаре девочку слушает у себя дома 83-летний Гете, который называет ее «замечательным феноменом».

Роберт с огромным интересом следит за артистическим созреванием Клары. Почти одновременно с ним она выпускает в свет свои

первые сочинения.

Музыка отчасти сглаживала разницу в возрасте, дружба Клары и Роберта становилась все более серьезной. В письме 1832 года он признается: «Я часто думаю о Вас не как о сестре или товарище, но, пожалуй, как думает пилигрим о далеком образе в алтаре».

Во второй половине 1833 года Шумана потрясли известия о смерти брата Юлия и невестки Розалии. В ночь с 17 на 18 октября Роберт испытал первый приступ болезни, ставшей позднее его ужасной судьбой: «сильный прилив крови, невыразимый страх, остановка дыхания, мгновенные потери сознания». Ему впервые пришла мысль о потере рассудка.

Новая ученица Вика, восемнадцатилетняя Эрнестина фон Фриккен, приехала в Лейпциг в апреле 1834 года. Ее любовный роман с Шуманом привел к тайному обручению. Однако уже в начале следующего года Роберт испытал разочарование, чему немало способствовала его глубокая привязанность к Кларе Вик. Вскоре моральные обязательства перед Эрнестиной были им ликвидированы.

Весной 1834 года, когда Клара вернулась в Лейпциг из очередного турне, Шуман нашел ее очень повзрослевшей, серьезной, необычной. Ревность к Эрнестине была первым горем Клары, но в ее взгляде Роберт заметил «скрытый луч любви».

Возобновилась прежняя дружба, и жизнь все теснее сплетала их интересы. Вик — в центре шумановского кружка единомышленников; под именем Клары или Цилии она нередко фигурирует на страницах «Нового музыкального журнала», ей посвящаются и ею вдохновляются главные страницы сочинений Шумана…

На пути их сближения возникла неожиданная преграда: решительное сопротивление Фридриха Вика. Конечно, он заботился о будущем дочери, и ему крайне рискованным казался брак с бедным композитором, да еще с романтиком-фантазером.

Пытаясь разлучить влюбленных, Вик в январе 1836 года увозит Клару в Дрезден. Однако через друга Эрнста Беккера Шуману все-таки удается подать о себе весть. Потом происходит тайная встреча.

Клара концертировала в Дрездене, Праге, Вене. Переписка с Робертом требовала большой изобретательности и выдержки, так как отец запрещал ей запираться в своей комнате. Использовались вымышленные адреса или адреса посредников, так как Фридрих Вик мог перехватить письмо на почте.

Шуман много раз восхвалял верность Клары, стойкость ее души. Однако даже у Роберта не было уверенности, что она сумеет противостоять житейским доводам, а главное — сильной воле отца. Вспоминая время их вынужденной разлуки, Шуман писал невесте: «Я ждал, что когда-нибудь найду в газете извещение о твоей помолвке, и дрожь охватывала меня с ног до головы…»

Упорное и враждебное сопротивление Вика становилось все более очевидным. Оставался только один выход — открытый конфликт, и 16 июля 1839 года Роберт и Клара обращаются в суд.

Судебный процесс, который Вику удалось затянуть на тринадцать месяцев, приносит им новые мучительные испытания. Кларе отец предъявляет денежные требования. На заседании суда Фридрих Вик

обвиняет Шумана в пьянстве и беспутной жизни. Роберт без труда опроверг эти и другие обвинения; за него охотно поручились уважаемые люди Лейпцига.

Решение апелляционного суда вступило в силу 12 августа 1840 года. Через месяц Роберт и Клара обвенчались в небольшой церкви близ Лейпцига (Шенефельд). Клара записывает в дневнике: «Это был прекрасный день». Вскоре молодые дали первый совместный концерт, на котором Клара впервые выступила под фамилией мужа.

Лейпцигские годы супружеской жизни Шуманов в их скромной квартирке протекали в атмосфере любви, душевного и творческого содружества. «Их брак оказался благословенным, — отмечает биограф Д. Житомирский. Шестнадцать лет они были соединены светлой, не омрачаемой изменами любовью и музыкой».

1 сентября 1841 года появляется на свет Марихен, появляется, как записывает Роберт, «между молнией и громом, ибо как раз в небе были грозовые тучи».

Уже с осени 1840 года Клара нередко записывает, что ее игра отодвигается на второй план, что каждый день без работы за инструментом означает для нее шаг назад. Об этом, естественно, думал и Роберт; так, в 1842 году, после выступления жены в лейпцигском концерте, Шуман замечает: «Она играла, как всегда, хорошо, прекрасно».

Шуман называл свою невесту «героической девушкой». Он мог бы с еще большим основанием сказать так о своей жене. Заботы о детях (за годы совместной жизни она родила восьмерых!), заботы о Роберте, часто болевшем, мнительном, впадавшем порою в депрессию, — все это ложилось на плечи Клары. Хотя композиторские доходы Шумана возросли. Чтобы покрыть возраставшие семейные нужды, выручала опять-таки Клара, которая выступала с концертами.

В Лейпциге в семье Шуманов родились две дочери: Мария, впоследствии преподававшая фортепианную игру и жившая с матерью, и Элиза, вышедшая замуж за купца и народившая большое потомство. Дети приносят в дом Шуманов нескончаемую радость. Вечерами Роберт с удовольствием играет с ними и «не может насытиться» этим общением. В письме к Мендельсону он пишет, что дети — это «величайшая милость, какая может быть нам оказана на земле».

Уже в ноябре 1841 года, менее чем через два месяца после рождения Марии, Клара дает концерты в Веймаре. В феврале следующего года вместе с Робертом она предпринимает поездку в Бремен, Гамбург и далее одна в Копенгаген.

Для Шумана поездки с женой были во многих отношениях тягостны. Они отрывали от любимой работы, кроме того, Роберту очень не нравилось, когда его принимали за рубежом лишь в качестве мужа, сопровождающего известную артистку.

Поездка в Россию в 1844 году была богатой по впечатлениям. Посетив города Прибалтики, Шуманы пробыли затем два весенних месяца в Петербурге и в Москве.

Уже во время путешествия по России Шумана мучили частые недомогания. В Лейпциге летом и осенью 1844 года его состояние заметно ухудшилось. Усиленная работа над «Сценами из „Фауста“» довела это

ухудшение до крайней степени. Шуман впервые испытал столь тяжелый и длительный приступ нервной болезни; его преследовал безотчетный страх, терзали слуховые галлюцинации.

Врач предписал ему полный покой и рекомендовал перемену места жительства. Супруги решили переехать в более спокойный Дрезден, где Роберт мог полностью сосредоточиться на творческой работе.

В Дрездене у Шуманов родилось четверо детей: Юлия, которая потом была замужем за итальянским ученым, графом Витторио Радикати ди Марморито, и умерла от чахотки; Эмиль; Людвиг, скончавшийся в больнице для душевнобольных, где провел три десятилетия; Фердинанд, будущий банковский служащий.

В последние годы жизни болезнь Шумана становится хронической, давая ему лишь временные передышки. Но когда периоды депрессии кончались, он переживал периоды творческого подъема.

Обстановка Дрездена все менее удовлетворяла Шумана. В сентябре 1850 года Роберт вместе с семьей переселился в Дюссельдорф, где взял на себя обязанности городского дирижера. Здесь прославленных супругов встретили торжественным концертом.

В Дюссельдорфе появились на свет: Евгения Шуман — представительница семьи, дольше всех жившая (она умерла в 1938 году в возрасте 87 лет), учительница музыки и биограф своего отца, и Феликс, который так же, как и Юлия, болел чахоткой.

10 февраля 1854 года у Шумана начался необычный по резкости приступ болезни. Более всего терзали его слуховые галлюцинации, не дававшие уснуть. Он слышал один непрерывно тянущийся звук, нередко (как он объяснял Кларе) «великолепную музыку, с такими удивительно звучащими инструментами, каких невозможно услышать на земле».

27 февраля Роберт покинул дом и под дождем, без верхней одежды направился к Рейну. Дойдя до середины моста, он бросился в воду. Шумана спас рыбак, но Роберт снова спрыгнул в реку; и снова был вытащен на берег и доставлен домой. 4 марта Шумана отвезли в частную психиатрическую клинику в Энденихе близ Бонна. Здесь Роберт провел последние месяцы своей жизни.

23 июля 1856 года Клара получила телеграмму из Эндениха, в которой сообщалось о том, что состояние Роберта критическое. Вместе с Брамсом она тут же выехала в клинику, но к мужу ее допустили лишь 27-го. Она записала: «Я видела его между семью и восемью часами вечера. Он улыбался мне и с большим усилием обнял меня, так как не мог уже управлять своими движениями; его руки обвили меня — никогда этого не забуду… Мой Роберт, вот как суждено было нам снова увидеться… Он все время много говорил, как казалось, с [невидимыми] духами… почти ничего нельзя было понять. Только один раз я поняла „моя“, — наверное, хотел сказать „Клара“, так как при этом приветливо смотрел на меня».

Смерть наступила 29 июля 1856 года. Через два дня в Бонне состоялись похороны. Гроб несли Брамс и Йоахим. Из Кельна приехал Шиллер. Клара пишет: «Я никого не извещала, так как не хотела, чтобы пришло много чужих. Его любимейшие друзья шли впереди, я позади (незаметно), и так было лучше всего, наверно, в его духе! Так с его уходом ушло и все мое счастье!».

Клара Шуман до конца своей жизни пропагандировала сочинения своего мужа. Она пережила Роберта на сорок лет и скончалась в 1896 году.

Карл Маркс и Женни фон Вестфален

…Элеонора Маркс однажды заметила, что без Женни фон Вестфален ее отец никогда бы не мог стать тем, кем он был. С этим трудно не согласиться: жена Карла Маркса была не только первой читательницей и переписчицей его работ, но и первой советчицей.

Женни Маркс, урожденная баронесса фон Вестфален, принадлежала к одной из обедневших аристократических семей города Трира. Ее отец, тайный советник Людвиг фон Вестфален, был большим знатоком и ценителем литературы.

Семья Вестфаленов подружилась с семьей адвоката Генриха Маркса. Для того чтобы иметь возможность заниматься адвокатской деятельностью и дать детям образование, Маркс в 1816 году принял протестантство. Это был человек, воспитанный на французской культуре, на просветительных идеях XVIII века.

На фоне семейной дружбы Марксов и Вестфаленов, обмена визитами, длинных бесед родителей и игр детей зарождается и затем прорывается горячим пламенем любовь ослепительной красавицы, «сошедшей точно с картины Рубенса», Женни и молодого Карла.

Женни фон Вестфален получила хорошее образование. По понятиям среды, она имела все, чтобы обеспечить себе блестящую будущность: красоту, обаяние, а также аристократическое происхождение. Карл же был гордостью родителей с детских лет, его иначе и не называли как «сын счастья». На него возлагали все надежды.

Женни обладала сильной волей, что проявилось в те годы, когда ей пришлось сделать жизненный выбор. Она пренебрегла богатыми претендентами на ее руку ради Карла с его неопределенным будущим, полным опасностей. Достаточно вспомнить, что уже в гимназии Маркс считал самым счастливым «того, кто принес счастье наибольшему количеству людей».

Они обручились тайно, не спросясь родителей, когда Карлу минуло 18 лет (его избраннице было 22). Это произошло во время летних студенческих каникул после первого года, проведенного им в Боннском университете. Маркс должен был готовиться к профессии юриста, но его больше интересовали философия и история. После первого года веселой студенческой жизни в Бонне ему предстоял переезд в Берлин (в связи с переводом в Берлинский университет) и новая долгая разлука с любимой Женни.

Отец Маркса писал сыну, томившемуся и тосковавшему по своей любимой, что Женни тоже «имеет в себе нечто гениальное… Ты можешь быть уверенным, что ни один князь в мире не в состоянии ее отнять утебя».

Карл был «опьянен любовью и беден надеждой». И позднее, в письме от 10 ноября 1837 года, он признавался родителям, что для него «открылся новый мир, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви». Вдохновленный большой любовью и лишенный возможности переписываться с любимой, он выразил свои чувства в трех тетрадях стихов под названием «Книга песен» и «Книга любви», которым

предпослал посвящение: «Моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален».

Женни получила эти тетради стихов и читала их «со слезами любви и боли». По свидетельству Лафарга, она бережно хранила эти стихи и никому их не показывала.

В сентябре 1836 года Карл рассказал отцу о помолвке с Женни. В семье Маркса обручение было вскоре одобрено, хотя отцу не понравилось, что все произошло без ведома родителей невесты. Тем более что Вестфалены возражали против этого союза. Чтобы не оскорбить чувства семьи Марксов, в качестве причины называлась молодость Карла. Естественно, они хотели видеть в качестве жениха для Женни обеспеченного молодого человека из своей среды, а не студента без определенных видов на будущее.

Свадьбу пришлось отложить. Целых семь лет ждал Карл свою прекрасную Женни!

Лето 1841 года застает его в Трире. Карл думает о своем будущем. Женни, которая за это время тоже «прошла сквозь строй гегелевских и фейербаховских категорий», понимает своего бунтаря.

В июне 1843 года состоялась долгожданная свадьба Женни и Карла.

Молодожены совершили свадебное путешествие по Рейну. «Мы уехали из Крейцнаха через Эбернбург в Пфальц и возвратились через Баден-Баден обратно в Крейцнах, где и оставались до конца сентября», — вспоминает Женни.

В октябре 1843 года Женни и Маркс отчаливают от «родных берегов», покидают Германию, где для них не нашлось уголка, и уезжают в добровольное изгнание в Париж. Вскоре изгнание превратилось в вынужденное и почти пожизненное, если не считать того короткого периода, когда революция 1848 года открыла им врата Германии.

В начале мая 1844 года у Марксов родилась дочь Женни.

Вскоре Маркс получает приказ о высылке и переезжает в Брюссель. Вслед за ним тронулась в путь и Женни с крошечной дочуркой. Для этого ей пришлось продать мебель и даже часть белья. В Брюсселе они проживут около трех лет.

Через некоторое время к Марксам приехала Елена Демут. Девятилетней девочкой она попала в дом баронессы фон Вестфален — матери Женни, которая затем передала ее дочери «как самое лучшее из всего, что могла ей дать». Елена ведала хозяйством, готовила, шила, стирала.

В Брюсселе у Марксов родилось двое детей: 26 сентября 1845 года — вторая дочь Лаура, а в феврале 1847 года — сын Эдгар. Невзирая на свой багаж с тремя «червячками» — так шутливо говорила Женни о своих малышах, — эта удивительная женщина ухитряется помогать Карлу в его работе.

В 1849 году Марксы надолго обосновались в Лондоне. Для Женни это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. После пребывания в меблированных комнатах они оказались в двух крошечных комнатушках в Челси. 5 ноября 1849 года родился мальчик Генрих Гвидо, или Фоксик, как его прозвали в честь заговорщика Гая Фокса.

По поводу многочисленности своей семьи Маркс писал с присущей ему иронией Фридриху Энгельсу: «Обратно пропорциональное отношение плодородия почвы к человеческой плодовитости должно было глубоко смущать такого многодетного отца семейства, как я. Тем более что мой брак более продуктивен, чем мое ремесло».

С 1850 по 1856 год Марксы живут в квартире на Дин-стрит, в плохом и бедном районе. Здесь 19 ноября 1850 года умирает Гвидо. Спустя много лет Женни писала: «Моя скорбь была так велика! Это был первый ребенок, которого я потеряла. Увы, я тогда не подозревала, что мне предстоят еще такие страдания…»

28 марта 1851 года у Женни родилась дочь Франциска, которая прожила чуть более года.

Марксам приходилось экономить буквально на всем.

Помощь Энгельса, литературные заработки несколько облегчили по сравнению с первыми страшными годами материальное положение Марксов. Но денег требовалось все больше и больше, что объяснялось прежде всего увеличением семьи и необходимостью дать образование подросшим детям, отчасти ростом дороговизны в Лондоне. Однако нередко бывало, что дети пропускали школу из-за отсутствия зимней одежды и возможности внести плату за учебу. Иногда Маркс не мог пойти в Британский музей, потому что последний сюртук был в ломбарде.

В 1855 году Марксы потеряли сына Эдгара, и эта смерть особенно сильно потрясла Женни. Эдгар, как самый младший, естественно, был любимцем и баловнем всей семьи.

Брак Женни и Карла был одним из тех редких союзов, которые выдерживают все испытания. Это был союз двух людей, удачно дополнявших друг друга. Маркс в течение всей жизни питал к своей жене не только любовь, но и влюбленность. Вот отрывок из письма, которое Маркс писал жене в Германию в 1856 году: «Моя любимая! Снова пишу тебе, потому что нахожусь в одиночестве и потому, что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не слышишь и не можешь мне ответить. Как ни плох твой портрет, он прекрасно служит мне. […] Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни?»

Письма Женни к мужу также говорят о том, что и она до самой старости сохранила к нему не меньшую любовь и свежесть чувства.

После смерти матери в 1856 году, а также родственницы, жившей в Шотландии, Женни получила небольшое наследство, позволившее Марксам переехать из нездоровой части города и снять коттедж в более возвышенной части Лондона.

Самой большой радостью в жизни Женни и Маркса были дети. Им удалось создать дружную и веселую семью. Дочери — Женни, Лаура и Элеонора — были не только большой гордостью родителей, но друзьями и любимицами всех эмигрантов, гостивших в доме Марксов. Наряду со школой, девочек обучали дома языкам, рисованию, пению, музыке. Для Карла общество детей, по словам Либкнехта, было потребностью, с детьми он отдыхал и освежался.

6 июля 1857 года у Женни родился седьмой ребенок, девочка Марианна, но лишь для того, чтобы один раз вздохнуть. Она умерла тотчас же после появления на свет. Затем последовал фогтовский процесс и страшное заболевание Женни оспой, болезнь самого Маркса и домашних…

Снова наступили трудные дни. «…Постоянные денежные затруднения, мелочные заботы и подсчеты. Несмотря на все ограничения, нам никак не удавалось свести концы с концами, и поэтому с каждым днем и каждым годом бремя долгов все возрастало…», — вспоминала Женни.

В 1861 году Маркс поехал на континент, с одной стороны, по семейным делам в Голландию, с другой — по политическим делам в Германию. Это была первая более или менее длительная его отлучка. Все домашние с нетерпением ждали возвращения Маркса.

Наступили 1870-е — последний период жизни Маркса и Женни. Их друг Энгельс смог наконец обеспечить Карлу безбедное существование для завершения теоретических работ. Маркс получил возможность ездить на курорты, лечиться, наконец, и семья его могла немного отдохнуть и зажить по-человечески.

Но уже в 1876 году Карл Маркс писал Энгельсу, что его жена тяжело больна. Позже было установлено, что у Женни рак и ей предстоит медленная мучительная смерть.

В конце июня 1881 года Маркс вывез больную Женни к морю, на курорт Истборн, где они прожили месяц. Затем, следуя горячему желанию Женни повидать внуков, супруги едут во Францию.

Заметно уставшая Женни вернулась в Лондон 19 августа. Вскоре серьезно заболел Карл. Дочь Элеонора так описывала этот период в письме к Либкнехту:

«Осенью 1881 года, когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала с постели, Мавр [так звали Маркса домашние] схватил тяжелое воспаление легких… Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате…

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, — это были любящая девушка и влюбленный юноша…».

2 декабря Женни не стало. Маркс ненамного пережил свою подругу. После ее смерти он очень тяжело заболел. Врачи послали его в Алжир. Маркс писал Энгельсу: «…ты знаешь, что мне более чем кому-либо чужд демонстративный пафос; однако было бы ложью не признаться, что мои мысли большей частью поглощены воспоминаниями о моей жене, которая неотделима от всего того, что было самого светлого в моей жизни». Энгельс был прав, сказав после смерти Женни: «Мавр тоже умер».

Со времени смерти жены Карл всегда носил с собой ее фотографию, сделанную на стекле. «Мы нашли ее, — говорит Элеонора, — в кармане его пиджака после его смерти».

Карл Маркс скончался 14 марта 1883 года.

Трагично сложилась судьба его дочерей. Мужем старшей, Женни, стал Шарль Лонге, бывший член совета Коммуны и редактор ее официальной газеты. 38-летняя Женни Лонге умерла в январе 1883 года, оставив пятерых детей.

Лаура вышла замуж за Поля Лафарга. 26 ноября 1911 года они покончили с собой, потому что пришла старость и ушли силы, необходимые для политической борьбы. Лафарг впрыснул цианистый калий сначала Лауре (по уговору), а затем себе.

Младшая дочь Марксов, Элеонора, посвятила свою жизнь революционной борьбе. Она покончила с собой в возрасте 43 лет в расцвете сил и творческих способностей…

Отто Бисмарк и Иоганна Путткамер

Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен Бисмарк родился 1 апреля 1815 года в замке Шенхаузен в маркграфстве Бранденбургском. Он был четвертым ребенком помещика Фердинанда фон Бисмарка, ротмистра в отставке, и его жены Вильгельмины, дочери публициста, профессора Менкена.

Детство мальчик провел в родовом поместье Книпхоф под Наугардом, в Померании. В шесть лет его отдали в частную школу Пламана. Мать Бисмарка сразу определила ему карьеру дипломата, поэтому особое внимание уделялось изучению иностранных языков.

В 1832 году Бисмарк приступил к изучению права в Геттингенском университете. Двадцать семь дуэлей, шрам на щеке, умение пить, не теряя памяти, — таковы его приобретения за время обучения в университете.

Переход в Берлинский университет ничего не изменил в его жизни. Он все-таки выдержал первый государственный экзамен на звание юриста и стал референтом окружного управления в Ахене. Но рутинная работа оказалась ему не по нраву. Бисмарк часто нарушал служебную дисциплину. Ахенские власти рекомендовали ему продолжить службу в Потсдаме.

Но и там он долго не задержался. За Потсдамом был Грайфсвальд. Бисмарк слушал лекции в сельскохозяйственном институте в Эльдене. Сменив несколько мест, весной 1839 года он занялся обустройством поместья Книпхоф. Смерть отца, последовавшая в 1845 году, заставила его задуматься о своей судьбе. Отто переехал в Шенхаузен, где устроился инспектором плотины, а также стал депутатом ландтага провинции Саксония.

В доме своих друзей Бланкенбургов он познакомился с чудесной девушкой Иоганной фон Путткамер. Хозяин дал ей такую рекомендацию: «Она чрезвычайно умна, очень музыкальна, мила, и у нее глубокое, благочестивое сердце… Если тебе она не нужна, я возьму ее себе — второй женой».

Во время путешествия по Гарцу Отто и Иоганна быстро сближаются, и «один как будто бы бесконечно удивляется, открывая для себя другого». По возвращении он начинает читать Библию, с почтением говорит о Боге и в одном из писем Бланкенбургам сообщает относительно Иоганны, что она ему нравится, но он еще не вполне решился.

Через несколько недель он вновь встречается с Иоганной в доме Бланкенбурга. На этот раз Отто объясняется с девушкой.

В декабре 1846 года он обращается к ее отцу Генриху фон Путткамеру с «письмом-предложением».

В письме брату Бисмарк представляет невесту как «женщину редкой души и редкого благородства убеждений». Брак с Иоганной станет для Бисмарка основой существования в самом широком смысле слова, незыблемой опорой в любой критический момент до самой смерти жены.

Благочестивый отец слышал о Бисмарке «много дурного и мало хорошего» и медлит с ответом. Нетерпеливый жених неожиданно приезжает в Рейнфельд. «Бог знает, какое направление приняли бы переговоры, если бы я, едва завидев свою невесту, не заключил ее в объятия и тем не перевел переговоры, к изумлению родителей, в другую стадию. В течение пяти минут все было решено».

Бисмарк — сама любезность. Он покоряет обитателей дома. Отто пьет с хозяином шампанское, танцует вальс с невестой, и даже ее властная мать вынуждена признать «этого бородатого еретика» (Бисмарк тогда носил бороду).

Во время разлуки Отто пишет Иоганне ободряющие письма. Он часто цитирует Библию. Отношение к браку у него лютеранское, Бисмарк убежден: муж и жена — одна душа и одна плоть, они должны вместе страдать и ничего не скрывать друг от друга.

С февраля 1847 года Бисмарк представлял остэльбское рыцарство в Объединенном ландтаге, причем назначение исходило непосредственно от короля Фридриха Вильгельма IV. В мае Бисмарк получает место в Соединенном ландтаге в Берлине.

Письма к невесте, по-прежнему сердечные, все больше приобретают характер донесений, и когда она заболевает, он хоть и молится за нее, но остается «на своем посту», обещает тоскующей Иоганне, что приедет на Троицу.

Но и на Троицу не приезжает, а только пишет: «Я не хочу, да мне и не нужно объяснять, почему я должен так поступить, когда здесь решаются судьбы нашей страны и дело подчас зависит от одного голоса… Вы, женщины, удивительны, и всегда такими останетесь, с вами лучше общаться устно, а не письменно».

Но откладывать свадьбу нельзя, замечает Бисмарк. Иоганна может преспокойно хворать, уже став замужней, иначе он будет чувствовать себя в Рейнфельде бездельником. Он уже заявляет, что политика лишает его сна и аппетита, что у него «разливается желчь от лживой, клеветнической нечестности оппозиции», но в то же время он скучает по лесу и по Иоганне.

Свадьба состоялась 28 июля 1847 года. Подруга подарила невесте платочек и вышила на нем белую розу. Молодой супруг прожег эту вышитую розу сигарой. Этим жестом он хотел заявить, что пришел конец Жан Полю и мистике девических лет.

Молодожены совершают длительное свадебное путешествие. Бисмарк пишет брату: «Так что все путешествие обошлось нам обоим приблизительно в 750 талеров, значит, за 57 дней приблизительно — 13 талеров в день… Хуже то, что в мое отсутствие я потерял из-за сибирской язвы шесть коров и одного быка, и все лучшие экземпляры».

Получив место в парламенте, Бисмарк с головой уходит в политику. Любимая жена, имение отодвигаются на второй план. Он честолюбив и жаждет действовать.

В Берлине Бисмарк с большим неудовольствием ведет жизнь холостяка. Если он подыскивает квартиру на несколько зимних месяцев, то высылает жене точные чертежи всех комнат, пишет, где должен стоять его диван, где детская кроватка, где обозначенный пунктиром тенник, и что это обойдется в треть его парламентского содержания.

Их брак отмечен сердечностью и спокойствием. Когда Иоганна родила дочь, он был «рад, что первенец — девочка, но будь это даже кошка, я бы все равно на коленях благодарил Бога за то, что Иоганна разрешилась от бремени».

На третий год его семейной жизни на свет появляется Герберт, старший сын, и все семейство собирается путешествовать. Бисмарк изливает свое неудовольствие в юмористическом послании к сестре.

Теперь он постоянно экономит, не позволяя себе никаких увлечений, кроме вина. Приезжая домой, он кажется себе школьником на каникулах. «Я веду бесконечно ленивую жизнь. Курю, читаю, гуляю, играю в отца семейства, о политике узнаю только из газет… Это идиллическое одиночество мне весьма полезно; я лежу на траве, читаю стихи, слушаю музыку и жду, пока созреют вишни».

Когда жена и дети больны или под угрозой болезни, он сразу теряет самообладание, всю свою веру вкладывает в молитву о том, чтобы все у него были здоровы и никто бы не умер.

Но даже если близкие бодры и веселы, страхи за них доводят его до истерического состояния, и если в течение нескольких дней нет письма, он тревожится так, «что ни на что не способен, как только сидеть перед камином, глядеть на угасающее пламя и воображать себе тысячи вариантов болезни, смерти, почтовых безобразий…»

В 36 лет Бисмарк становится посланником короля. Новое назначение отнимает у него много нервов и сил. Он недоволен всем, что происходит в Пруссии, но не может ничего изменить.

Иоганна любит покой в той же мере, как он — борьбу, ей недостает всего, чего у него в избытке: честолюбия, кругозора, здоровья; она часто хворает, у нее ухудшается зрение, ей прописывают ванны.

Все, к чему он стремится и чего достигает, Иоганне не по душе.

Отто Бисмарк любит делать Иоганне подарки. Причем, как истинный знаток женщин, заботится о деталях — о том, что кашемировая шаль, которую он просит своего парижского коллегу приобрести, должна быть ослепительно белого цвета; чтобы позолоченный веер посильнее щелкал, хотя сам он этого звука терпеть не может.

Но жизнь с политиком тяжела. В период конституционного конфликта страх перед покушениями лишает Иоганну покоя, Бисмарк часто описывает ее во власти бессонницы, с сердцебиением из-за расстроенных нервов, павшей духом; он отправляет ее на курорты, опасаясь при этом за нее и за себя; в сорок лет она уже подписывает свои письма к детям «ваша старая мама».

Когда дети подрастают и болеют не так часто, она целиком посвящает себя мужу. Иоганна отказывается от всего — от желаний,

увлечений, даже от собственного мнения. Однажды во время увеселительной поездки в обществе Кайзерлинга Отто спрашивает ее, хочет ли она ехать дальше или предпочитает вернуться, она ответила: «Поступай, как тебе угодно, иной воли, чем твоя, у меня нет».

С 1871 года Бисмарк — рейхсканцлер Германской империи. Его жесткая политика многим не нравится. В «железного канцлера» стреляют. Бисмарк чудом остается жив. Покушение долго занимало его мысли, пожалуй, то был единственный момент во всей его карьере, когда он всерьез взвешивал мысль об отставке: «Пусть эти ребята стреляют теперь в другого канцлера! Первого апреля мне исполнится шестьдесят, и тогда я вернусь к жизни сельского дворянина!»

Иоганна готова защищать мужа. С годами она становится все более нетерпимой к его врагам.

Бисмарку приходится слегка поучать жену. Перед отъездом на благотворительный базар он говорит ей в присутствии постороннего: «Вы не должны там оставаться дольше короля. Вам не подобает долго находиться в этой сутолоке». Зато за столом, при почетных иностранных гостях она завязывает ему галстук.

Известен следующий анекдот из семейной жизни Бисмарка. Однажды железного канцлера посетил какой-то посол. Проговорив долгое время, посол заметил, что Бисмарка, наверное, тревожат многие и подолгу, и тут же полюбопытствовал, как он освобождается от назойливых или неприятных визитеров.

— Очень просто, — ответил Бисмарк. — Как только жене покажется, что тот или другой гость меня задерживает слишком долго, она посылает за мной человека, и наша беседа кончается.

Не успел Бисмарк окончить свое объяснение, как в комнату вошел лакей и доложил, что княгиня просит к себе Бисмарка на несколько минут. Посол покраснел и тотчас удалился.

Муж по-прежнему нежен с ней, и если проводит долгие летние недели без Иоганны, то пишет ей (после сорока лет брака!): «Любимая…», «Шлю тебе этот любовный привет» или сообщает друзьям из Фридрихсру: «Без лошадей и без жены я здесь долго не выдержу. Завтра мы возвращаемся».

В Берлине ей теперь нравится больше, чем раньше, и ее подруга свидетельствует, что перед длительным пребыванием в Варцине «княгиня испытывала ужас, так как абсолютное одиночество действовало ей на нервы».

Дети проявляют вполне бисмарковский эгоизм. Дочь, которую один из друзей дома назвал «скорее странной, чем приятной», с годами становится все более нескладной.

Что касается сыновей, то оба помогали Бисмарку. Младший, Вилли, был одарен, но ленив. Он заключил брак с кузиной. Старшему, Герберту, не позволяли жениться по любви. Оба изрядные кутилы и умерли рано, когда им было немного за пятьдесят.

В марте 1890 года Отто Бисмарк уволен в отставку.

В первые месяцы отставник пытался, после сорока лет государственной службы, вернуться к роли сельского дворянина. Однако заниматься делами своих больших имений ему почему-то расхотелось.

Он обеспокоен состоянием здоровья жены. У Иоганны часто бывают приступы удушья. Лечиться на курортах она больше не хочет, не решаясь расстаться с мужем. Бисмарка охватывает желание умереть с нею вместе. Она была тихим ангелом, усмирившим и успокоившим бури, которые клокотали в душе железного человека в годы расцвета молодости и сил.

Он перевозит Иоганну в Варцин и пишет сестре: «…сегодня мы получили от бедняги Вилли огорчительное известие о новом приступе подагры… Раньше я всегда бывал радостно возбужден, когда мог поехать в Варцин, нынче без Иоганны я бы навряд ли на это решился…»

27 ноября 1894 года жена его угасает в возрасте 70 лет. Бисмарк, склонившись над ней, плачет, как ребенок. В тот же вечер он сравнивает конец своей власти с концом супружества: «Это более значительный итог по сравнению с 1890 годом, и он глубже вторгается в ход моей жизни… Будь я сейчас еще на службе, я бы с головой ушел в работу. Теперь мне отказано в утешении».

«Все, что у меня оставалось, была Иоганна, — пишет Бисмарк сестре, — общение с ней, ежедневная забота о ее самочувствии, стремление делом выразить мою благодарность, с какой я оглядываюсь на минувшие сорок восемь лет. А сегодня все пусто и одиноко…»

Великий канцлер умер 30 июля 1898 года. Его смерть была, по выражению его сына Гербе, «тихой и мирной». Император Вильгельм II назвал покойного «мастером искусства управлять государством» и торжественно пообещал «то, что Он, великий канцлер, создал при императоре Вильгельме Великом, хранить и приумножать, а если понадобится, защищать любой ценой».

Джузеппе Верди и Джузеппина Стреппони

1839 год. Джузеппе Верди необходим дебют, он просто обязан заявить о себе во весь голос. Ему двадцать шесть лет, маэстро женат, но у него нет денег на собственный дом.

Джузеппе пытается заручиться рекомендациями. Он знакомится с певицей из «Ла Скала». Ее зовут Джузеппина Стреппони, говорят, что она любовница Мерелли, знаменитого импресарио. Верди проигрывает ей на фортепиано свою оперу «Оберто», и певица находит, что она весьма интересна.

В июне 1840 года умирает жена маэстро Маргарита Барецци, а в сентябре проваливается его опера «Король на час» в «Ла Скала». Верди переживает тяжелый кризис, пытается найти утешение в работе.

В канун рождества он показывает Стреппони оперу «Набукко» и проигрывает партию Абигайль, которую написал, думая о ней и ее голосе. Сопрано в восторге, она обещает самую горячую поддержку, обещает уговорить импресарио Мерелли, который пока полон сомнений…

Верди избегал сложных любовных отношений. И все же он не может не чувствовать, что все больше нуждается в обществе Джузеппины. Если певица находится в гастрольной поездке в Бергамо, Верди не упускает возможности съездить к ней. Если же она в Милане, он напоминает о себе записочкой или букетом цветов.

Джузеппина обладает не только привлекательной внешностью. Она умная и мягкая женщина, с чувством юмора, прекрасно образованная,

великолепно говорит по-французски, много читает. Жизнь не баловала ее. У Стреппони двое детей, которых не признал отец, известный тенор. Несмотря на молодость, ее карьера певицы из-за болезни легких идет к закату. Она, видимо, влюблена в Верди. Одержимость этого человека покоряет Джузеппину. И его гений тоже.

Когда 21 марта 1844 года Джузеппе возвращается в Милан, Стреппони в письмах к общим миланским друзьям справляется о маэстро, интересуется его планами и приемом его опер.

Зима 1848 года. Стреппони уже два года живет в Париже, дает уроки пения и изредка выступает с концертами, в которых исполняет романсы, в основном из опер Верди. Ей недавно исполнилось тридцать, голоса у нее почти нет. Именно в Париже маэстро наконец решает, что должен связать свою жизнь с Джузеппиной.

Они снимают небольшую виллу в Пасси, парижском пригороде. Стреппони видит в своем возлюбленном яркую личность — художника и человека, — сложную, неуживчивую, полную противоречий, упрямую. Она знает также, каких низостей и глупостей можно ожидать от него. Знает, насколько он эгоистичен, упрям. Но ей важно, что он с нею, что жизнь ее проходит вместе с ним.

Возлюбленная создает домашний очаг, в котором Верди чувствует себя деспотичным хозяином. С Джузеппиной маэстро мог быть самим собой, она стала для него совершенно необходимой. Но о браке речи не идет. После потери жены слово «семья» внушает Верди страх.

Они живут очень уединенно. Маэстро не любит бывать в светских салонах. Из Парижа Верди поддерживает тесные связи с итальянскими импресарио, либреттистами и издателями, а также руководит работами по благоустройству поместья Сант-Агаты в окрестностях итальянского города Буссето. Он пишет множество писем, неустанно ищет новые темы, новые характеры, новые сюжеты для своих произведений.

Дом в Пасси красив, обставлен со вкусом, в прекрасном саду множество цветущих роз и азалий. Джузеппина поддерживает идеальный порядок, давая точные указания садовнику. Другая ее забота — усовершенствовать французский язык Верди, которого она называет то Волшебником, то Медведем.

В конце июля 1849 года Верди и Стреппони прощаются с Парижем, домом в Пасси и направляются в Италию. Верди едет прямо в Буссето и располагается в собственном палаццо Дордони. Это его родные места.

Джузеппина прекрасно понимает, что ждет ее в Буссето. Враждебность крестьян Верди в глубине души беспокоит ее. Но она не делает из этого трагедии. С приездом Джузеппины дверь особняка Дордони будет открываться крайне редко. Верди всеми силами стремится избежать пересудов, сплетен. Вместе с Джузеппиной он ведет крайне замкнутую жизнь. Маэстро работает над «Луизой Миллер», которую начал писать еще в Париже.

Написав немало страниц, он зовет Джузеппину, садится за фортепиано и играет ей музыку, которую сочинил. Он прислушивается к ее советам, потому что знает, что у его подруги тонкий слух и врожденное чутье. Они не тратят на обсуждение лишних слов, говорят только по существу. В «Луизе Миллер» появляется какая-то особая, тонкая

выразительность, неожиданная для композитора, который до сих пор писал броско, довольствуясь блестящей мишурой…

Когда Стреппони по воскресеньям появляется в церкви, дамы Буссето сторонятся ее, демонстративно опуская глаза, чтобы не смотреть в лицо содержанке. И в тех редких случаях, когда Джузеппина одна проходит по площади Буссето, никто не здоровается с ней.

Верди раздражен всей этой провинциальной возней. В начале 1850 года он вместе с Джузеппиной уединяется в поместье Сант-Агата, где возводит между собой и остальным миром высокую каменную ограду, защищенную к тому же деревьями.

Кипучая композиторская деятельность вынуждала Верди разъезжать по Европе, но Сант-Агата будет его любимой резиденцией до конца жизни. Лишь зимние месяцы супруги предпочитали проводить либо в Милане, либо в Генуе.

Верди и Стреппони часто бывали в Париже. Однажды они попали на спектакль по пьесе Дюма «Дама с камелиями». Увиденное потрясло обоих. И маэстро решает написать «Травиату». Эта опера будет совершенной песней любви — огромной, побеждающей унижения, измену и саму смерть.

В 1859 году Верди решает наконец заключить с ней брак. Он опасается, что в случае смерти его собственность перейдет к родственникам, а не к верной подруге. Джузеппина же хотела, чтобы брак узаконил их чувства. Важное событие должно было произойти в местечке Коллонж-су-Салев, в Верхней Савойе, в конце апреля. Но 23 апреля Австрия предъявляет ультиматум Пьемонту и через несколько дней объявляет войну. Свадьбу приходится отложить. Стреппони пишет Чезарино Де Санктису: «…Мы здоровы, страха не испытываем, но обеспокоены серьезными событиями, которые происходят тут…»

В августе 1859 года муниципалитет Буссето выбирает Верди своим представителем на ассамблею пармских провинций, которая должна провести плебисцит по вопросу присоединения Пармского герцогства к Пьемонту. В конце месяца Стреппони и Верди тайно отправляются в Коллонж-су-Салев, и 29 августа проходит их бракосочетание, причем в качестве свидетелей присутствуют звонарь и кучер. Никакого празднества, никакого свадебного путешествия.

Через несколько счастливых лет Джузеппе Верди вдруг почувствовал, что навсегда уходит какая-то часть жизни, и он недоволен тем, что его ждет впереди. Маэстро страдает от возникшего ощущения, что больше не влюблен в свою жену.

В последние месяцы 1867 года Джузеппе обретает некоторое душевное спокойствие. Вместе с Пеппиной, знаменитым дирижером Мариани и его подругой, богемской певицей Терезой Штольц он снова в Париже. Друзья проводят две очень памятные для них недели — бывают всюду, где только можно послушать хорошую музыку, ходят в театры, музеи, церкви, много гуляют по городу. Всем сразу же становится ясно, что именно Штольц, певица из Богемии с «белоснежной грудью», покорила Верди: Тереза намного моложе его. Он очарован ее сильной личностью, ее характером — она, похоже, нисколько не боится ни вспышек гнева Медведя, ни перепадов его настроения.

Джузеппина страдает безгранично. Оплакивает в душе то счастливое время, когда Верди не любил других женщин и принадлежал только ей. Теперь он совсем отдалился от нее, держится еще более властно и совершенно отчужденно.

Супруги переживают тяжелый кризис. Джузеппина занимает позицию отвергнутой, забытой женщины, но продолжает окружать Верди вниманием, заботой и любовью.

Джузеппина страдает от ревности и говорит, что не хочет, чтобы с нею обращались как с надоевшей мебелью. А Верди? В глубине души он признает справедливость доводов жены. Но весьма далек от мысли расстаться со Штольц. Эта женщина, исполненная жизненной энергии, необходима ему. Верди возвращается в Геную, где живет Пеппина. О чем говорят они — неизвестно. Однако Джузеппе, видимо, не очень удручен, поскольку находит время написать подробнейшее письмо Рикорди по поводу постановки «Силы судьбы».

В новой редакции опера «Сила судьбы» идет на сцене «Ла Скала» 27 февраля 1869 года. Субботний вечер, дождь. Театр переполнен. Спектакль имеет успех. Исполнителей вызывают бесконечно — Штольц, Тиберини, Венса, дирижера маэстро Туриани. Вместе с Верди на премьере присутствует Джузеппина. Она молча сидит весь вечер в глубине ложи, стараясь, чтобы ее не узнали.

Стреппони еще не знала, что так будет продолжаться несколько долгих лет… Это Терезе маэстро подарит партию Лиды, пригласит на первое исполнение «Реквиема», будет трепетно ждать ее из гастрольных поездок, не особенно заботясь о чувствах жены. Настанут даже такие дни, когда Штольц будет чувствовать себя в их доме хозяйкой больше, чем Джузеппина.

Наконец горькие годы позади. Штольц — в Милане, а Верди — рядом с верной Пеппиной. Прекрасные аккорды сообщают о благополучном рождении мелодий новой оперы — о ревнивом и доверчивом мавре. Они вновь остались вдвоем. Теперь маэстро замечает, как была полезна ему Пеппина, какого драгоценного и незаменимого спутника нашел он в ней…

Начало 1897 года проходит спокойно. Все нормально, без каких-либо изменений. То нездоровится ему, то болеет Пеппина. У него очень плохое настроение, он чувствует себя совсем слабым и усталым: «Зрение ослабело, не вижу, как прежде. И слышу плохо. И ноги перестали держать. Поэтому не читаю, не играю, не пишу и скучаю. Увы! Так и должно быть!»

Здоровье жены беспокоит его все больше. Осенью ей становится совсем плохо. Верди подбадривает ее, ухаживает за ней. Пеппина растрогана, видя, что ее Медведь так ласков с нею.

14 ноября 1897 года наступает кризис. Пеппина при смерти, жить ей осталось считанные часы. Она дышит все тяжелее, то и дело обращает взгляд к Верди и видит, как он убит, измучен, растерян и беспомощен. В четыре часа дня Джузеппина Стреппони вздыхает последний раз, голова ее падает на подушку, и она тихо умирает. Верди окаменел от горя, а потом заплакал, громко, навзрыд, содрогаясь.

Теперь за ним ухаживает Мария Верди-Каррара, приемная дочь, которую маэстро и Джузеппина взяли на воспитание тридцать лет назад.

Великий композитор умер 27 января 1901 года.

Лев Толстой и Софья Берс

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» — так начинает свой знаменитый роман «Анна Каренина» Лев Николаевич Толстой.

Писатель родился в 1828 году в Ясной Поляне Тульской губернии. Богатый и знатный род Толстых, к которому он принадлежал, уже во времена Петра Великого занимал видное положение. Леве не было и трех лет, когда умерла его мать. А в июне 1837 года скоропостижно скончался и отец — отставной подполковник Николай Ильич Толстой. Лева воспитывался сестрой отца П. И. Юшковой. В дальнейшем были — учеба в Казанском университете, воинские подвиги в Севастопольской кампании, попытки стать светским львом, кутежи, цыгане, карты и мучительные размышления о своем предназначении, которые доверялись пока только личному дневнику.

В 1856 году Лев Толстой вышел в отставку. Молодой писатель скоро становится литературной знаменитостью. Не меньших успехов он добивается на любовном фронте, завоевывая сердца светских красавиц, милых мещаночек, пышнотелых крестьянок…

Наконец 34-летний граф Толстой решает жениться. Его избранница — Софья Берс, дочь доктора Андрея Евстафиевича. 23 августа 1862 года писатель отмечает в своем дневнике: «Ночевал у Берсов. Ребенок! Похоже! А путаница большая. О, коли бы выбраться на ясное и честное кресло!.. Я боюсь себя; что, ежели и это желание любви, а не любовь? я стараюсь глядеть только на ее слабые стороны и все-таки оно. Ребенок! Похоже!»

Софья Берс родилась 22 августа 1844 года. Ее мать, Любовь Александровна Ислявина, была внебрачной дочерью княгини Козловской и помещика Александра Ислентьева. Она носила по незаконнорожденности вымышленную фамилию и была приписана к купеческому сословию. Любовь Александровна с детства дружила с Толстыми — Марией Николаевной и ее братом Львом Николаевичем. Еще до поездки на Кавказ Толстой часто бывал в гостях у славного семейства Берсов. Он любил возиться с Любочкиными дочками — Лизой, Соней и Танечкой. Сонечка помнила, как они все пели хором под аккомпанемент Льва Николаевича, как ставили вместе оперу. Но потом граф уехал на Кавказ.

Софья Берс получила хорошее воспитание и в семнадцать лет с успехом выдержала экзамен на звание домашней учительницы в Московском университете. Она знала историю русской литературы, писала прозу и стихи, интересовалась философией, увлекалась музыкой. «Я должен сказать, что при всем сходстве ее с сотнями женщин, в особенности с женщинами аристократических кругов с их хорошими и дурными качествами, она во многих отношениях была крупным, выдающимся человеком…»

Однажды она позволила Толстому прочесть написанную ею повесть о любви, в которой фигурировали два героя — молодой «обольстительный Смирнов» и средних лет, непривлекательной наружности Дублицкий. Мнительный Толстой решил, что Дублицкий списан с него, и невыносимо страдал. Чувства все разгорались: «Я влюблен, как не верил, чтобы можно

любить… Она прелестна во всех отношениях, а я — отвратительный Дублицкий… Теперь уже я не могу остановиться. Дублицкий — пускай, но я прекрасен любовью…»

Соня любила рукодельничать, охотно помогала по хозяйству.

Толстой 16 сентября делает предложение Софье: «Я бы помер со смеху, если б месяц тому назад мне сказали, что можно мучаться, как я мучаюсь, и счастливо мучаюсь это время. Скажите, как честный человек, хотите ли вы быть моей женой? Только ежели от всей души, смело вы можете сказать: да, а то лучше скажите: нет, ежели в вас есть тень сомнения в себе. Ради Бога, спросите себя хорошо». Софья Берс согласна.

Лев Николаевич считал, что секретов от невесты у него быть не должно, поэтому еще до свадьбы показал Соне свои дневники. В них было все: карточные долги, пьяные гулянки, цыганка, с которой намеревался жить вместе, девки, к которым ездил с друзьями, яснополянская крестьянка Аксинья, с которой проводил летние ночи, и, наконец, барышня Валерия Арсеньева, на которой три года назад чуть было не женился.

Сразу после свадьбы молодые уехали в Ясную Поляну. Конечно, юной Софье Толстой не мог не льстить графский титул. Она еще долго будет обращаться к мужу на «вы». Не следует забывать, что граф был всего на два года моложе собственной тещи, они вместе играли в детстве.

Первая брачная ночь заставила Соню забеспокоиться: «У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно — у меня никакой, напротив». Толстой, конечно, тоже почувствовал что-то неладное: «Ночь, тяжелый сон. Не она». Так что первые ссоры произошли уже во время медового месяца. Примирение было быстрым и страстным.

«Люблю его ужасно — и это чувство только мной и владеет, всю меня обхватило… — радуется Софья Андреевна. — Все больше его узнаю, и все он мне милее. С каждым днем думаю, что так я еще его никогда не любила. И все больше. Ничего, кроме его и его интересов, для меня не существует».

В свою очередь Толстой записывает в дневнике: «Неимоверное счастье. Не может быть, чтобы это кончилось жизнью… Я люблю ее еще больше. Она прелесть».

Боясь спугнуть свое счастье, они, стоя рядом на коленях, молили Бога продлить их блаженство.

Приятель графа И. П. Борисов в 1862 году пророчески замечает: «Она — прелесть хороша собою вся. Здраво умна, проста и нехитроумна — в ней должно быть и много характера, т. е. воля ее у нее в команде. Он в нее влюблен до Сириусов».

В Ясной Поляне Софья сразу взялась за хозяйство. Граф же начал «Войну и мир», и его жене приходилось каждый вечер переписывать начисто то, что он сочинил утром. Как пишет один из современников, «по семи раз она переписывала без конца им переделываемые, дополняемые и исправляемые произведения…».

С появлением детей в семье началась другая жизнь. Первый ребенок рождался в муках. Толстой находился рядом — вытирал жене лоб, целовал руки. Недоношенного, слабенького мальчика назвали Сергеем. «Сергулевич», — шутил Лев Николаевич. Вслед за Сергеем родилась Татьяна, потом появились на свет Илья, Лев, Мария, Андрей, Михаил,

Александра, Иван. Еще четверо умерли в младенчестве.

Софья Андреевна ведет хозяйство безупречно; всех обшивает, сама издает сочинения мужа, принимает подписку, судится с мужиками, которые рубят барский лес. Бунин с нескрываемой симпатией пишет о жене писателя: «Софья Андреевна нравилась мне своей высокой, видной фигурой, черными, гладко зачесанными блестящими волосами, подвижным привлекательным лицом, выразительным крупным ртом, улыбкой и даже манерой присматриваться, щурить большие черные глаза. Настоящая женщина-мать, хлопотливая, задорная, постоянно защищающая свои семейные интересы, наседка!».

Толстой же не был создан для тихого семейного счастья. Как-то на вопрос жены, зачем он женился, граф с горячностью ответил: «Глуп был, думал тогда иначе… В браке люди сходятся только затем, чтобы друг другу мешать. Сходятся два чужих человека и на весь свой век остаются друг другу чужими. Говорят: муж и жена — параллельные линии. Вздор, это пересекающиеся — линии; как только пересеклись, так и пошли в разные стороны».

К моменту переезда в Москву в 1881 году в семье Толстых было семеро детей. Лев Николаевич стал самым знаменитым писателем России.

Толстой все дальше уходит от мелочной суеты быта; он мечтает о ревизии основ христианских догм, о создании новой религии, «соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей блаженства на небе, но дающей блаженства на земле». Настроение Льва Николаевича улучшалось, когда он уходил на Девичье поле и работал вместе с мужиками: «…Бессмысленно связывать свое счастье с матерьяльными условиями — жена, дети, здоровье, богатство».

Софья Андреевна не разделяла новых идей мужа, его стремлений отказаться от собственности, жить своим, преимущественно физическим трудом.

В мае 1884 года великий писатель говорил о своем одиночестве в семье: «Страдаю я ужасно… Они не видят и не знают моих страданий». 17 июня после тяжелого разговора с беременной женой он ушел по направлению к Туле, но, к счастью, возвратился с половины дороги. На следующий день у Толстых родилась младшая дочь Александра…

«До сих пор вижу, как он удаляется по березовой аллее, — вспоминала дочь Татьяна. — И вижу мать, сидящую под деревьями у дома. Ее лицо искажено страданием. Широко раскрытыми глазами, мрачным, безжизненным взглядом смотрит она перед собою. Она должна была родить и уже чувствовала первые схватки. Было за полночь. Мой брат Илья пришел и бережно отвел ее до постели в ее комнату. К утру родилась сестра Александра».

Это был первый уход Толстого. Тогда он вернулся, но не вернулись прежние отношения. Даже в переписке рукописей — то, чем Софья Андреевна самозабвенно занималась всю жизнь, — ей отказывают. «Теперь он дает все дочерям и от меня тщательно скрывает. Он убивает меня систематично и выживает из своей личной жизни, и это невыносимо больно. Бывает так, что в этой безучастной жизни на меня находит бешеное отчаяние. Мне хочется убить себя, бежать куда-нибудь, полюбить

кого-нибудь».

В женщине Лев Николаевич в первую очередь хотел видеть мать и только потом жену. Он считал, что брак без детей — абсолютный грех, и в 1888 году, когда графу было уже шестьдесят, а Софье Андреевне сорок четыре, во время пребывания в Москве у них родился последний сын Иван. Роды были очень трудные. «Два часа эти я неистово кричала почти бессознательно», — писала Толстая сестре.

Лев Николаевич был рад рождению сына, но с женой оставался недолго. Через две с половиной недели он отправился в Ясную Поляну. «Он опять закусил удила: не ест мяса, не курит два месяца, не пьет вина, все дремлет и очень постарел». В поместье Толстой пашет землю, тачает сапоги, изрекает вечные истины в кругу своих приверженцев, приезжавших в поместье со всей России. Софья Андреевна ненавидела окружение мужа: «Такие умственные силы пропадают в пиленье дров, в ставлении самоваров и в шитье сапог!»

23 февраля 1895 года умирает всеобщий любимец шестилетний Ванечка. Родители безутешны. Лев Николаевич плакал. Софья Андреевна говорить не могла, только еще крепче сжимала руку мужа.

Графиню в то время буквально спасла музыка — и особенно музыка Сергея Ивановича Танеева. Отношения Толстой и Танеева были чисто платоническими, но духовная измена жены доставляла Льву Николаевичу огромные страдания. Он говорил и писал ей об этом неоднократно, но она только обижалась: «Я — честная женщина!» И продолжала принимать Танеева или ездила к нему сама.

Толстой часто и подолгу хворал. В его окружении всегда находились домашние врачи, а когда он заболевал, то покорно соглашался на консилиумы именитых медицинских светил.

В начале сентября 1901 года семья Толстых поселилась в Крыму на даче графини Паниной, так как доктора рекомендовали 73-летнему графу поменять климат из-за серьезного заболевания, перенесенного летом. На этот раз все обошлось. Лев Николаевич пошел на поправку.

Когда после десятимесячного пребывания в Крыму Толстые возвратились в Ясную Поляну, Софья Андреевна с облегчением записала в своем дневнике: «Благодарю Бога, что привелось привезти Льва Николаевича еще раз домой! Дай Бог больше никуда не уезжать!»

С ранней молодости Толстого преследовал безумный страх смерти, хотя он пытался убедить себя: «Смерть есть перенесение себя из жизни мирской (то есть временной) в жизнь вечную…» К смерти других людей Толстой относился значительно спокойнее. Когда опасно заболевшей Софье Андреевне врачи предложили операцию, он высказал особое мнение: «Я смотрю пессимистически на здоровье жены: она страдает серьезной болезнью. Приблизилась великая и торжественная минута смерти, которая на меня действует умилительно. И надо подчиниться воле Божией. Я против вмешательства, которое нарушает величие и торжественность акта. Все мы должны умереть не сегодня, завтра, через пять лет. И я устраняюсь: я ни „за“, ни „против“».

Операция прошла успешно.

23 сентября 1910 года, на годовщину свадьбы Льва Николаевича и Софьи Андреевны, в Ясной Поляне собралась вся семья. В последний раз.

В начале октября у Толстого участились обмороки, сопровождавшиеся сильнейшими конвульсиями. Припадки повторялись по несколько раз за вечер. В конце месяца, собравшись с последними силами, граф тайно уехал из Ясной Поляны: «Не думай, что я уехал потому, что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею от всей души, но не могу поступить иначе, чем поступаю… И дело не в исполнении каких-нибудь моих желаний и требований, а только в твоей уравновешенности, спокойном, разумном отношении к жизни. А пока этого нет, для меня жизнь с тобой немыслима… Прощай, милая Соня, помогай тебе Бог».

В ночь на 28 октября (10 ноября) он ушел. В дороге Льву Николаевичу стало хуже. На станции Астапово его положили в домике начальника станции.

В Ясной Поляне все в растерянности, и лишь «моя мать, — писала дочь Татьяна, — с лихорадочной поспешностью обо всем подумала, обо всем позаботилась. Она везла с собою все, что могло понадобиться отцу, она ничего не забыла».

Вместе с Софьей Андреевной на станцию приехали дочь Таня и сыновья Андрей и Михаил. Графиню до последних минут не пускали к мужу. В последнюю ночь, когда началась агония, ей разрешили войти в комнату, где он умирал. Софья Андреевна постояла, издали глядя на мужа, потом тихо подошла, поцеловала в лоб. Опустилась на колени и едва слышно произнесла: «Прости меня».

Он умер в 6 часов утра 7 ноября 1910 года на восемьдесят третьем году жизни. Софья Андреевна была глубоко несчастна: «Невыносимая тоска, угрызения совести, слабость, жалость до страданий к покойному мужу… Жить не могу».

Она осталась жить в Ясной Поляне. «И пусть люди снисходительно отнесутся к той, которой, может быть, непосильно было с юных лет нести на слабых плечах высокое назначение быть женой гения и великого человека», — напишет она в 1913 году в предисловии книги «Письма графа Л. Н. Толстого к жене».

Софья Андреевна тихо умерла, так же как и муж, от пневмонии 4 ноября 1919 года. Ее желание было: «Похороните меня по-христиански».

Эдвард Григ и Нина Хагеруп

На закате жизни, размышляя о природе своего дарования, великий норвежский композитор Эдвард Григ писал: «Не думаю, чтобы к сочинению песен у меня было больше таланта, чем к другим жанрам музыки. Как же случилось, что именно песням принадлежит такая важная роль в моем творчестве? Да просто потому, что я, как и все другие смертные, один раз в жизни был гениальным. Моим гением была любовь. Я полюбил молодую девушку с изумительным голосом и столь же изумительным исполнительским талантом. Она стала моей женой и… единственной настоящей исполнительницей моих песен…»

Вдохновительницей молодого Эдварда была его двоюродная сестра по линии матери Нина Хагеруп. Уроженка норвежского Бергена, она с восьмилетнего возраста жила в Копенгагене, где ее мать, выдающаяся артистка, играла в драматическом театре.

В мае 1863 года в Копенгаген приезжает и Григ — продолжать учебу у великого Нильса Гаде. Здесь он познакомился с такими знаменитостями, как Рикард Нурдрок и Ганс Христиан Андерсен. Здесь Эдвард впервые увидел свою кузину.

Григ рассказывал, что знакомство с Ниной побудило его к созданию целого ряда песен. Первыми родились на свет шесть романсов на немецкие тексты, все они были посвящены кузине.

В декабре были готовы «Мелодии сердца» — четыре песни на стихи Андерсена, и трудно представить более прекрасный подарок к обручению. На Рождество Нина и Эдвард «сыграли си-бемоль-мажорную» («Весеннюю») симфонию Шумана в четыре руки, после чего Григ сделал кузине предложение, и она тут же приняла его!

Однако помолвка оставалась пока тайной. Родители и с той и с другой стороны были настроены против этого союза. Г. Шельдеруп в 1903 году упоминает реакцию матери Нины, жаловавшейся своей подруге: «Он — ничто, ничего не имеет и пишет музыку, которую никто не желает слушать».

27 мая Йун Григ утешил брата тем, что родители «под давлением наличествующих обстоятельств» наверняка дадут «свое согласие на их обнародование», а в июле информировал Эдварда о том, что, наконец, можно объявить о помолвке.

Финансовое положение Грига было достаточно прочным. Единственное, что его огорчает — размолвка с родителями. Отношение к Нине не стало намного лучше и после ее пребывания у Григов в Бергене.

Венчание состоялось 11 июня 1867 года в церкви Иоанна в Копенгагене, затем событие отметили в кругу друзей. Родители Эдварда и Нины не были приглашены на бракосочетание. Григ попросил родных прислать кое-какую мебель и другие вещи для его новой квартиры в Христиании, на Эвре-Воллгате, 2, где молодые обосновались.

Прошло несколько месяцев, прежде чем раздоры начали утихать. 3 февраля 1868 года Александер Григ получил известие, что скоро станет дедушкой. С этого момента тон переписки между отцом и сыном заметно потеплел, а когда 10 апреля 1868 года на свет появилась Александра, Эдвард как бы заново осознал, какой любовью он был окружен в родном доме. Лето он счастливо провел с семьей в датской деревне.

Зимой 1869 года Григ в одном из писем, говоря о своей семье, применяет выражение «может быть, с детьми». Очевидно, они с Ниной ожидали еще одного ребенка. В переписке семьи Григов более поздних лет есть намеки на то, что Нина, должно быть, прервала беременность. Если такой случай действительно имел место, то причина может крыться в потрясении, вызванном болезнью Александры и ее смертью 21 мая.

Месяцем раньше Григ выразил свое упоение семейным счастьем в письме Маттисон-Хансену: «Я пишу тебе в праздничный для меня день. У моей дочурки первый в жизни день рождения. Каким радостным представляется все вокруг».

В середине мая семья совершила поездку в Берген, где и случилась трагедия: Александра умерла. Требовалось время, чтобы пережить этот удар. Похоже, однако, что искусство придавало Григу силы работать и в горе и скорби. Он пишет мрачную, безотрадную песню «Среди роз», а

также глубоко проникновенную — «Горе матери».

Осенью 1871 года Григ всю страсть своего сердца отдает идее создания в Христиании постоянного оркестра.

Первый концерт «Музыкального объединения» состоялся 2 декабря. Среди исполненных произведений были Вторая симфония Бетховена и «Дочь короля эльфов» Гаде, где Нина Григ пела одну из партий. Отзывы прессы были положительными.

Отношения между Ниной и Эдвардом отнюдь не выглядят той идиллией, какой обычно представляют их совместную жизнь. Оба супруга были яркими личностями, которым, с их темпераментом и строптивостью, трудно было приспосабливаться друг к другу.

В 1876 году Григ неоднократно подчеркивал, что находится в депрессии, причиной тому едва ли можно считать только кончину родителей. Немалую роль играли все возраставшие проблемы его супружеской жизни. Он попытался выйти из кризиса, интенсивно занявшись сочинительством. Первым произведением, где отразился этот натиск, явилась «Баллада в форме вариаций на тему норвежской мелодии». Это свое самое большое произведение для фортепиано Григ по праву считал одним из лучших — ведь оно было написано «кровью сердца в дни скорби и отчаяния».

Григ не раз более или менее прямо выражал недовольство своим браком. По-своему он чувствовал себя разочарованным. Нина и стиль ее жизни казались ему барьером между ним и искусством («женщины хотят играть»), а в середине 1870-х годов он чувствовал себя лично уязвленным.

Неудовлетворенность вела в свою очередь к тому, что Эдвард позволил вовлечь себя в сомнительные связи. В начале 1880-х у него появилась другая женщина. Именно это заставило Грига в июле 1883 года покинуть дом, и неизвестно, входило ли вообще в его намерения вернуться. Ряд писем, посланных им в это время другу Францу Бейеру, свидетельствует, по выражению Марии Бейер, о «глубоком кризисе», в котором пребывал музыкант он писал, что «ему необходимо одиночество, чтобы понять самого себя».

Грига притягивал Париж. Именно здесь жила двадцатишестилетняя художница Лейс (Элиза) Шельдеруп, дочь бергенского фогта, с которой Григ познакомился в Бергене. Превратности жизни сделали его особенно восприимчивым к ее необычайному шарму.

Но когда пришло время выбора, Эдвард все-таки решил вернуться к жене. В середине января 1884 года Нина вместе с Бейерами приехала в Лейпциг, чтобы там встретиться с Эдвардом. Григи пробыли на юге четыре месяца и дали там концерт, на котором Ибсен пришел в дикий восторг от пения Нины. Знаменитый немецкий художник Франц фон Ленбах написал прекрасный портрет певицы.

Из Лейпцига супруги отправились в Италию. Четыре месяца воссоединившиеся Григи концертировали на юге. Залы ревели от восторга, а газеты писали: «Играя в четыре руки со своим мужем, госпожа Григ еще раз доказала, что она потрясающая артистка».

Голос Нины был далеко не таким большим и сильным, как у великих певиц концертного плана. Но романсовое искусство Грига ставило перед собой другую цель; в нем прежде всего должны были находить выражение

интимнейшие лирические настроения. А в этой области Нина как раз чувствовала себя наиболее уверенно. Эдвард писал Финку 17 июля 1900 года: «Мои песни… возникали по неодолимому велению души и все были написаны для нее».

Григи вернулись на родину из Италии к празднику троицы 1884 года. Они купили участок пустоши в миле к югу от Бергена, в тихом укромном месте. Учитывая страх Эдварда перед незнакомыми людьми, в контракт был внесен пункт о том, что прилегающие земли не будут проданы кому-либо без его ведома.

Уже тогда раздумывали, какое имя дать дому. Остановились на варианте, предложенном Ниной: «Тролльхауген» (от названия долины — Тролльдален). Не прошло и месяца, как дом был достроен, и Нина с Эдвардом поселились в нем. Долги, в которых увяз Григ, тяготели над ним несколько последующих лет, пока одно из издательств не предоставило ему довольно крупную сумму.

Самой большой радостью этого лета были семейные прогулки по фьорду. Григи и жившая по соседству чета Бейеров отправлялись на маленькой лодке к островкам и шхерам фьорда.

Ведение домашнего хозяйства не было стихией Нины. Она чувствовала себя куда более приспособленной к жизни в модных отелях. Эдвард же, по словам Марии Бейер, «был домоседом, как мало кто другой, и превосходным хозяином. В том узком кружке, в котором он чувствовал себя легко и свободно и состоящем, в сущности, только из ближайших родственников его и Нины, а также людей из „Нэссета“, его любезность и приветливость раскрывались в полную силу. Его светлый ум, мягкий юмор, интересные рассказы и глубокая сердечность делали эти встречи незабываемыми и дорогими для каждого, кому посчастливилось в них участвовать».

Иногда даже летом — в чудеснейшую пору — Эдвард испытывал тягу уйти прочь, вдаль и, словно Пер Гюнт, бежал в горы — без Нины. А в ее обществе маршруты обычно пролегали к Хардангеру или другим местам Вестланна. Зимой супруги уезжали в более далекие края, охотнее всего за границу, а в поздние годы и в Христианию.

В течение двух недель 1886 года Григи дали семь концертов. Нина выступала с романсами, Эдвард с собственными фортепианными пьесами, играли они и вместе в четыре руки. Нина была способной пианисткой.

11 июня 1892 года — день серебряной свадьбы Григов. Эдвард так описывает это событие: «Мы вошли в гостиную — и не узнали ее: так она была заполонена подарками. Нас окружало море цветов, среди них стоял Франц; за окном в это тихое солнечное утро звучал хорал… Вечером все было как в сказке. Сначала пришло 150 человек гостей, а в половине десятого — 230 певцов со своими знаменами. Пение, разговоры, тосты звучали до глубокой ночи, над фьордом грохотали пушечные залпы, а в его воде отражались фейерверки, бенгальские огни…»

Нина мало выступала публично в последние годы жизни Грига. Уже в 1895 году он пишет Бейеру: «Лишь нынче, когда Нина больше не поет, я понимаю, каким обладал счастьем в этом отношении, а теперь настает время, когда я, как Диоген, должен с фонарем искать человека, могущего продолжить то, что она оставила».

…Новогодним вечером 1906 года, сев за письмо к Рентгену, неизлечимо больной Григ заглядывает в наступающий год, который станет для него последним: «Пока живешь, помни: держи голову высоко! И еще: вперед, в ничто или — в нечто большее!»

6 марта он вместе с Рентгеном играл «Норвежские танцы» и аккомпанировал жене, исполнившей несколько его романсов. Для Нины это было серьезным испытанием и рискованным поступком, но все прошло хорошо.

После выступления в Киле 26 апреля — то был его последний концерт — Григ вернулся в Данию. В течение шести недель он проходил курс электрооблучения Финсена. Ни этот метод лечения, ни пребывание в скодсборгском санатории не помогли ему. Врачи понимали, что надежды больше нет. Григ, тоже сознававший, что дело идет к концу, сказал: «Значит, мне суждена эта дорога».

Сразу после полудня 4 сентября он впал в дремоту. Послали за Ниной, но когда она пришла, Эдвард уже уснул навсегда.

Однажды Григ сказал, указав на нависающую над фьордом скалу: «Вот здесь я хотел бы быть похоронен». Нина исполнила его желание. Урну с прахом композитора погребли в маленьком гроте той самой скалы высоко над морем.

А Нине выпала участь пережить любимого мужа почти на тридцать лет. И все эти годы она жила для него, неустанно оберегая и пропагандируя творчество Эдварда Грига. Время от времени все же удавалось уговорить Нину выступить. В 1909 и 1912 годах она пела романсы мужа под собственный аккомпанемент на консерваторских вечерах в Манчестере.

А потом Нина нашла успокоение рядом с ним. На плите, что укрывает их последнее пристанище, с моря видна простая надпись: «Эдвард и Нина Григ».

Владимир Ковалевский и Софья Корвин-Круковская

Софья Ковалевская (Корвин-Круковская) — одна из первых, кто доказал, что русская женщина способна многого достичь в науке. Она была избрана членом-корреспондентом Петербургской Академии наук и стала пожизненным профессором Высшей школы Стокгольмского университета.

Софья родилась в Москве, где ее отец, артиллерийский генерал Василий Корвин-Круковский, занимал должность начальника арсенала. Мать — Елизавета Шуберт была на 20 лет моложе отца. Любимицей в семье была старшая дочка Анюта.

В 1858 году Корвин-Круковский вышел в отставку и поселился в своем родовом имении Палибино, в Витебской губернии. В детстве Софья писала стихи и мечтала стать поэтессой. В пятнадцать лет пришло новое увлечение — математика. Она все чаще задумывается о необходимости получить систематическое образование. Однако в царской России женщинам доступ в русские университеты был закрыт, а для того, чтобы учиться за границей, требовалось вступить в фиктивный брак. Подобные браки заключались с условием, что прямо из церкви молодые разъедутся в разные стороны: «муж» — к своим прежним занятиям, «жена» — за границу, для поступления в университет.

Первой задумала фиктивный брак Анюта. Вместе со своей подругой Анной Евреиновой она нашла человека, согласившегося им помогать. Это был 25-летний Владимир Онуфриевич Ковалевский, много раз объездивший Европу; известный издатель солидных научных трудов, и при всем том милый, необычайно живой, нисколько не заносчивый человек. Он собирался заниматься естественными науками.

На тайные встречи в церкви с ним Анюта ходила вместе с Софьей. Юлия Лермонтова дает такое описание своей подруги Софьи Корвин-Круковской: «Ей минуло уже 18 лет, но на вид она казалась гораздо моложе. Маленького роста, худенькая, но довольно полная в лице, с коротко обстриженными вьющимися волосами темно-каштанового цвета, с необыкновенно выразительным и подвижным лицом, с глазами, постоянно менявшими выражение; то блестящими и искрящимися, то глубоко мечтательными, она представляла собою оригинальную смесь детской наивности с глубокою силою мысли».

После нескольких свиданий брат (так стали называть Ковалевского девушки) вдруг заявил, что предпочитает заключить брак с младшей из сестер. Он разъяснил, что исходит из сугубо деловых соображений: если младшая сестра «выйдет замуж», то родителям трудно будет препятствовать против того, чтобы с нею жила и старшая; следовательно, удастся обойтись без второго «жениха», тем более что такового пока нет на примете.

Владимир Онуфриевич был на семь лет старше Софы. Но только ли расчет был в выборе «невесты» у Ковалевского? Он пишет брату в Неаполь: «Младшая, именно мой воробышек, такое существо, что я и описывать ее не стану, потому что ты, естественно, подумаешь, что я увлечен. […] Несмотря на свои 18 лет, воробышек образован великолепно, знает все языки как свой собственный и занимается до сих пор главным образом математикой…»

Ковалевский стал бывать у Корвин-Круковских. Владимиру Онуфриевичу разрешили заниматься вместе с невестой. За короткий срок с его помощью Софья освоила по трем иностранным руководствам физиологию кровообращения и дыхания. О чем бы Ковалевский ни заговорил с «невестой», она обнаруживала поразительную сообразительность и осведомленность. «Вообще это маленький феномен, и за что он мне попался, я не могу сообразить», — пишет он брату.

Венчание состоялось в Палибине 15 сентября 1868 года, а уже 17-го числа Ковалевская приехала в Петербург, где ее муж снял шестикомнатную квартиру. На следующее утро они отправились на лекцию Сеченова в Медико-хирургическую академию.

Ковалевский не уставал нахваливать ее ум и талант, ее практицизм, работоспособность, женское очарование, чем, конечно, пробуждал в ней тщеславие. Софа все чаще замечала, что разговаривает с «мужем» в покровительственном тоне. Но, уверяла она сестру, он «такой же милый, хороший и настоящий брат, каким он всегда был для нас; с ним можно сойтись вполне, и действительно, для меня теперь немыслимо отделить его от нас».

Лекционные курсы, которые слушала Ковалевская в Петербурге, закончились, а в университетах Западной Европы вскоре начинался

весенний семестр. К этому времени Софья поняла, что медицина не ее призвание, и решила заниматься высшей математикой. Владимир Онуфриевич увлекся геологией.

15 апреля 1869 года Софья с Ковалевским и старшей сестрой Анной выехала за границу. Они обосновались в университетском городке Гейдельберге.

Затем Ковалевский стал путешествовать по Европе со своими геологическими исследованиями. Софья ревновала Владимира к его занятиям. Путешествовать во время каникул она соглашалась только с ним. Часто Ковалевскому приходилось, сообразуясь с ее желаниями, менять свои планы, а иногда бросать все и мчаться к ней через пол-Европы… Владимир считал необходимым наведываться в Гейдельберг хоть раз в три недели.

Правда, первая разлука не только не омрачила их отношений, как это не раз бывало впоследствии, но даже окрасила их особой нежностью. «До свидания, милый, — писала Софья Владимиру в середине декабря 1869 года. — Приеду к тебе, только что начнутся праздники, значит, через полторы недели. С нетерпением жду этого времени. Так хочется потолковать и помечтать с тобой…»

Осенью 1870 года Софья Васильевна стала ученицей профессора Вейерштрасса, преподававшего в Берлинском университете. Поймал свою жар-птицу и Ковалевский, решивший сосредоточиться на палеонтологии, в которой он добьется уникальных успехов.

Владимир Онуфриевич знал, что их фиктивный брак может легко перейти в действительный: следует лишь взять на себя «роль неотступного дядьки». Но именно этого он всячески избегал, поскольку считал нечестным, «заключивши брак по надобности», как бы обманом заполучить себе жену. «Если бы она полюбила кого-нибудь искренне и это был бы хороший человек», то Ковалевский готов был принять на себя «всякие вины и преступления, чтобы добиться развода и сделать ее свободною». Кроме того, он видел, как сильно Софа увлечена математикой. И полагал, что она будет глубоко несчастна, если сделается матерью: ведь забота о ребенке неизбежно отвлечет ее от науки. Да она и сама не скрывала, что «боится этого ужасно».

Однако, прожив в Берлине всего три дня, Владимир Онуфриевич уже пишет брату, что очень хочет остаться там на все лето, но над ним «дамокловым мечом висит поездка в Южную Францию», поэтому Софа шлет его «отделать все это дело теперь, чтобы быть вольнее осенью».

В конце июля 1874 года Софье Васильевне прислали из Геттингена торжественный, золотым тиснением исполненный докторский диплом.

В октябре Ковалевские приехал в Петербург. К этому времени фиктивный брак Софьи «стал настоящим». После долгого аскетического затворничества, после дурной пищи, скверных, сырых «меблирашек» и доводивших до изнеможения умственных занятий Софья Васильевна со всей страстностью своей переменчивой натуры окунулась в удовольствия столичной жизни.

Владимир Онуфриевич всюду сопровождал жену и, видя, что она счастлива, радовался вместе с нею. Но светская жизнь требовала значительных расходов, поэтому Владимиру Онуфриевичу надо было

пристроиться к какому-нибудь делу, дающему твердый заработок, и прежде всего получить наконец магистерскую степень, чтобы иметь возможность претендовать на штатное место в университете.

Осенью 1875 года Ковалевский получил письмо от своего брата Александра Онуфриевича, профессора зоологии в Одессе. Тот писал, что хочет приобрести дом. Одну квартиру он собирался занять сам, другие квартиры сдавать.

Эта идея нашла горячий отклик со стороны Владимира Онуфриевича. Он пишет брату, что человеку с энергией надо не покупать, а строить дома.

Осенью 1875 года умер Василий Васильевич Корвин-Круковский. Он оставил дочерям денежное наследство, а сыну — имение. Небольшая, но постоянная помощь отца прекратилась. Зато в распоряжении Ковалевских оказался капитал в тридцать тысяч, который они в конце концов целиком потратили на строительство домов.

В жизни Ковалевских был короткий период материального благополучия, которое посторонним казалось значительным.

Софья Васильевна предавалась мечтам о том времени, когда они станут настоящими богачами. Будущее же теперь становилось особенно важным. 7 мая 1878 года Владимир Онуфриевич сообщил под большим секретом: брату: есть «основание думать, что мы тоже на пути к почкованию».

В начале октября 1878 года на свет появилась Фуфа. «Девочка родилась, по крайней мере, на 3 недели позже срока и поэтому ужасно велика, — сообщил молодой папаша брату. — Все сошло, по-видимому, благополучно…» И, переходя к новорожденной, заключал, что уже на другой день своей жизни «она стала обнаруживать разнообразные таланты».

Софья Васильевна оказалась беспокойной матерью. Весь дом по ее воле заполняла Фуфа. Купать девочку почему-то не полагалось в той комнате, в которой она спала, а играть ей следовало в третьей; всюду были разбросаны ее игрушки и вещи. Софья Васильевна жила в постоянном страхе за здоровье ребенка.

В 1879 году стало ясно, что все их материальное благополучие — лишь видимость; дома, которые они выстроили, были заложены и перезаложены. Процентов по закладным надо было выплачивать больше, чем получалось доходов. Ковалевских постигло банкротство. «Мы пустились в грандиозные постройки каменных домов… Но все это… привело нас к полному разорению», — сетовала Ковалевская.

Весной 1880 года, после ликвидации дел с домами, Ковалевские переехали в Москву. Здесь Владимиру Онуфриевичу обещали с нового года должность доцента в Московском университете. А пока он вступил в Общество русских фабрик минеральных масел, во главе которого стояли братья Рагозины. Ковалевского провели в директоры общества и загрузили работой, к которой у него было мало способностей. Осенью 1880 года Владимир Онуфриевич поехал по делам своей новой службы за границу, а его супруга отправилась на два месяца в Берлин к Вейерштрассу. Дочь оставили под присмотром Юлии Лермонтовой.

Ковалевский постоянно повторял, что Софа свободна во всем. Она же его стремление ничего ей не навязывать истолковывала иногда как полное к себе равнодушие. Софья Васильевна говорила, что ему «нужно только иметь около себя книгу и стакан чая, чтобы чувствовать себя вполне удовлетворенным».

Софья Васильевна стала слать мужу длинные, нежные послания. Она понимала, что, регулярно высылая ей деньги, сам Владимир Онуфриевич живет «каторжной жизнью» и, кроме того, себя лишает возможности заниматься наукой. Все это, признавалась Софья Васильевна, вызывает у нее по временам угрызения совести. Она писала мужу, что сильно скучает, что мечтает снова путешествовать вместе с ним.

Весной 1881 года Ковалевская поспешно уехала в Берлин, взяв с собой дочь Фуфу и гувернантку, а Владимир Онуфриевич, проводив их, тотчас же отправился к брату в Одессу.

Но и за границей жизнь Софьи Васильевны отнюдь не была спокойной. Однажды период безденежья совпал с болезнью Фуфы. Это случилось в парижской гостинице. Ковалевская была страшно напугана и после выздоровления девочки отправила дочь к Александру Онуфриевичу, в семье которого было несколько детей, а сама осталась в Париже, сократив свои расходы до минимума.

Тем временем Владимир Онуфриевич переживал тяжелую драму постепенного разорения, хотя не хотел сознаваться в этом даже брату. Он надеялся, что скоро его дела улучшатся; но это была лишь иллюзия. Через несколько месяцев ему уже нечего было высылать Софье Васильевне.

Ковалевский не выдержал мучений, которые ему приходилось переживать в связи с возраставшей запутанностью его дел в рагозинском товариществе и предстоявшей угрозой суда, и в ночь с 15 на 16 апреля 1883 года покончил с собой.

По воспоминаниям Марии Мендельсон, узнав о самоубийстве мужа, Ковалевская не хотела ни с кем видеться.

Софья Васильевна приехала в Москву во второй половине августа. Она добилась реабилитации мужа, доказав, что он, будучи невольным участником рагозинских спекуляций, не извлекал из них никакой материальной выгоды.

Рана, нанесенная трагической смертью Владимира Онуфриевича, никогда не заживала в душе Ковалевской. Юлия Лермонтова рассказывала впоследствии, что Софья Васильевна часто плакала, оставаясь с ней вдвоем, и обвиняла себя в том, что покинула мужа в такой момент, когда он больше всего нуждался в ее поддержке.

Ковалевскую спасла математика. Осенью 1883 года ее приглашают читать лекции по математике в только что образованный Стокгольмский университет и дают ставку профессора. Так начинается ее многолетняя жизнь в Швеции, прерываемая наездами в Россию и в Европу.

В 1888 году «Принцесса науки» (так называли Ковалевскую в Стокгольме) встречает человека, с которым пытается построить отношения, подобные тем, о которых мечтала. Этим человеком был видный юрист и социолог Максим Ковалевский, ее однофамилец. Дружба двух ученых вскоре перешла в нечто напоминающее любовь. Они собирались пожениться, но Софья Ковалевская скоропостижно скончалась 29 января

1891 года, в самом расцвете сил, ей был всего сорок один год.

Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус

В истории литературы с именем Дмитрия Мережковского неразрывно связано имя его жены Зинаиды Гиппиус. Эта супружеская пара одна из уникальных. По признанию Гиппиус, она прожила с Мережковским «52 года, не разлучаясь со дня свадьбы в Тифлисе ни разу, ни на один день».

Зинаида Николаевна родилась в 1869 году в городе Белеве Тульской губернии, куда попал ее отец после окончания юрфака Московского университета. Он был выходцем из старинной немецкой колонии в Москве. Мать будущей поэтессы — Степанова, родом из Сибири, дочь уездного полицмейстера.

Детство Зинаиды прошло на Украине, в Нежине. Одно время семья Гиппиус жила в Москве, и Зинаида училась в классической гимназии Фишера на Остоженке. Затем врачи обнаружили у нее начало туберкулезного процесса, и пришлось всем перебираться в Крым. Новое место жительства — Тифлис.

Летом в Боржоми, где отдыхали Гиппиусы, молодежь была без ума от «высокой, стройной блондинки с длинными золотистыми волосами и изумрудными глазами русалки», как описал ее один из современников, Зинаида любила танцевать, увлекалась музыкой, живописью и особенно верховой ездой. И, конечно, сочинительством: вела дневник, писала стихи. Она с юных лет проявила склонность к самообразованию и самовоспитанию.

Там, в Боржоми, она встретилась с Дмитрием Мережковским, серьезным молодым человеком. О нем ей рассказали шепотом как о буддисте из Индии, который «ходит в халатах и ни с кем не разговаривает». Вскоре она увидела «буддиста» собственными глазами — «худенького молодого человека, небольшого роста, с каштановой бородкой».

Дмитрий Сергеевич Мережковский, прозаик, поэт, критик, религиозный мыслитель, родился в 1866 году в семье дворцового чиновника из захудалого дворянского рода. Он учился на историко-филологическом факультете Московского и Петербургского университетов. Дмитрий любил путешествовать. В 1888 году он отправился в поездку с поэтом Минским, но потом они расстались, Мережковский спустился по Военно-Грузинской дороге в Закавказье и случайно (кто-то в дороге же ему посоветовал) попал в Боржом.

Было ему тогда двадцать три года, но он не предавался забавам молодости: гулял в основном один, сочинял пьесу из испанской жизни и штудировал английского философа Герберта Спенсера.

Гиппиус же никакой философией не интересовалась. Молодые люди стали встречаться. Обычно это происходило в тенистом боржомском парке.

22 июля 1888 года в Ольгин день произошло решительное сближение. В ротонде был танцевальный вечер, в зале — духота, теснота, а ночь, как вспоминает Гиппиус, «была удивительная, светлая, прохладная, деревья в парке стояли серебряными от луны. Шли с Д. С. (с Дмитрием Сергеевичем — так Гиппиус называла Мережковского), как-то незаметно оказались вдвоем, на дорожке парка…»

Во время этой прогулки и произошел откровенный разговор: не «объяснение в любви», не «предложение», а, как пишет Гиппиус, «оба — вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся, и что это будет хорошо».

В сентябре Мережковский уехал из Тифлиса, и тогда они стали писать друг другу каждый день. Это была их единственная разлука после знакомства.

Наконец пришло время подумать о свадьбе. «В этот период мы с Д. С. ссорились, хотя не так, как в дни первого знакомства и в первый год после свадьбы, но все же часто. У обоих был характер по-молодому неуступчивый, у меня в особенности. Но в том, что всякие „свадьбы“ и „пиры“ — противны, что надо сделать все попроще, днем, без всяких белых платьев и вуалей, — мы были согласны».

8 января 1889 года, в церкви Михаила Архангела в Тифлисе произошло венчание. Зинаиде Гиппиус — 19, Мережковскому — 23 года. Остановившийся в гостинице жених явился в выстуженную церковь в толстой шинели с бобровым воротником, но, поскольку ступать под венец в верхней одежде не принято, шинель пришлось скинуть. Обряд был коротким и аскетичным.

Дома молодоженов ждал обычный завтрак, после чего, вспоминала впоследствии Гиппиус, «мы с Д. С. продолжали читать в моей комнате вчерашнюю книгу, потом обедали… Д. С. ушел к себе в гостиницу довольно рано, а я легла спать и забыла, что замужем».

Утром мама крикнула через дверь: «Ты еще спишь, а уж муж пришел. Вставай!»

«Муж? Какое удивление!» — восклицает Гиппиус.

Молодожены переезжают в Петербург. Началась семейная, а точнее, литературно-семейная жизнь, без детей. В воспоминаниях Елены Данько приведены слова Федора Сологуба. Когда разговор зашел о детях, поэт заметил: «Вот, например, Мережковский и Гиппиус — они сознательно говорили, что им детей не надо — они были сами в себе — во всей полноте».

Почти сразу Мережковский повез Гиппиус в редакцию «Северного вестника». Затем последовало «Живописное обозрение», всевозможные литературные вечера, знакомства с видными писателями и поэтами.

Мережковские вскоре перебрались в громадный дом на углу Литейного и Пантелеймоновской, известный как «дом Мурузи».

У Дмитрия Сергеевича была привычка гулять каждый день утром (перед завтраком, после работы, а работать каждый день с утра, это тоже было неизменно) — потом среди дня и вечером.

Мережковский способствовал появлению первой публикации Гиппиус — стихов, написанных под влиянием Надсона. Затем постепенно Зинаида Николаевна обрела свой собственный голос.

Свояченица Валерия Брюсова Бронислава Погорелова вспоминает: «Странное впечатление производила эта пара: внешне они разительно не подходили друг к другу. Он — маленького роста, с узкой впалой грудью, в допотопном сюртуке. Черные, глубоко посаженные глаза горели тревожным огнем библейского пророка. Это сходство подчеркивалось полуседой,

вольно растущей бородой и тем легким взвизгиваньем, с которым переливались слова, когда Д. С. раздражался. Держался он с неоспоримым чувством превосходства и сыпал цитатами то из Библии, то из языческих философов.

А рядом с ним — Зинаида Николаевна Гиппиус. Соблазнительная, нарядная, особенная. Она казалась высокой из-за чрезмерной худобы. Но загадочно-красивое лицо не носило никаких следов болезни. Пышные темно-золотистые волосы спускались на нежно-белый лоб и оттеняли глубину удлиненных глаз, в которых светился внимательный ум. Умело-яркий грим. Головокружительный аромат сильных, очень приятных духов. При всей целомудренности фигуры, напоминавшей скорее юношу, переодетого дамой, лицо З. Н. дышало каким-то грешным всепониманием. Держалась она как признанная красавица, к тому же — поэтесса. От людей, близко стоявших к Мережковским, не раз приходилось слышать, что заботами о семейном благоденствии (то есть об авансах и гонорарах) ведала почти исключительно З. Н. и что в этой области ею достигались невероятные успехи».

В 1890-е годы в кругу общения Мережковских преобладали писатели старшего поколения: Полонский, Плещеев, Случевский, Суворин и другие. Гиппиус, по воспоминаниям Слонимского, когда начинала печататься в «Вестнике Европы», то «кокетничала со старичками, и, так как была замечательно красива, с зелеными глазами, бойкая страшно, очаровывала их».

Литературный талант Мережковского и женское обаяние Гиппиус множили все новых их сторонников. 6 декабря 1901 года состоялось знакомство с Андреем Белым.

Мережковский и Гиппиус усиленно разрабатывали идею «тройственного устройства мира», Царства Третьего Завета, которое должно прийти на смену историческому христианству, а на уровне более практически-житейском — старались создать небольшую духовную общину.

Андрея Белого Мережковским так и не удалось завлечь в свою «коммуну», а вот Дмитрий Философов, литературный критик и публицист, в нее угодил.

Образование «тройственного союза» было некоторым вызовом обществу, его литературно-художественным кругам. С духовной общностью люди примирялись легко, но вот с совместным проживанием троих…

Укрепление «тройственного союза» совпало с паломничеством в Париж. Отъезд состоялся 25 февраля 1906 года.

11 мая 1907 года Гиппиус пишет Брюсову: «Теперь мы в Париже, пока радуемся ему и нашему оригинальному новому хозяйству (квартира дорогая и громадная, а мебели всего — 3 постели, несколько кухонных столов и 3 сломанных кресла!) и похожи, по настроению, на молодоженов. Новый способ троебрачности…»

Любовь любовью, но и мужа З. Н. не обделяла вниманием. Она по-прежнему была первой слушательницей всех его сочинений, его критиком и советчиком.

В Париже «у нас было три главных интереса: во-первых, католичество и модернизм (о нем мы смутно слышали в России), во-вторых, европейская политическая жизнь, французы у себя дома. И наконец —

серьезная русская политическая эмиграция, революционная и партийная».

Летом 1908 года троица вернулась в Петербург, но и здесь союз их не распался. Он был настолько тесен, что некоторые письма подписывали втроем, втроем сочинили пьесу и втроем же путешествовали по России.

О жизни Мережковских ходили легенды. Художник Александр Бенуа в своих мемуарах дает яркие зарисовки царивших в салоне нравов. «Особенно же озадачила нас супруга Мережковского „Зиночка Гиппиус“, очень высокая, очень тощая, довольно миловидная блондинка с постоянной „улыбкой Джоконды“ на устах, но неустанно позировавшая и кривляющаяся; была она всегда одета во все белое — „как принцесса Грез“. Не успели мы… с ней познакомиться, как она бухнулась на коврик перед топящимся камином и пригласила нас возлечь рядом».

Революцию Мережковские не приняли. В начале 1920 года супруги вместе с Дмитрием Философовым и студентом Володей Злобиным, который впоследствии станет секретарем Гиппиус, покидают Россию.

В эмигрантском изгнании сначала была Польша. В Варшаве Мережковские развили бурную деятельность, организовали газету, разрабатывали планы по освобождению России от большевиков. Как известно, все подобные проекты потерпели крах, и Мережковские уехали в Париж, где у них еще сохранилась квартира с дореволюционных времен. «Они отперли дверь своим ключом, — пишет Нина Берберова, — и нашли все на месте: книги, посуду, белье. У них не было чувства бездомности, которое так остро было у Бунина и других».

Мережковские сравнительно плавно вошли в парижскую жизнь. Гиппиус писала статьи на злободневные политические темы.

Любой союз недолговечен, пришел конец и «святой троице». Александр Амфитеатров в письме к Борису Савинкову от 22 марта 1924 года выразил удовлетворение, что Философов «отделил свою пуповину от лона Зинаиды и Дмитрия» и что это «огромный шанс в его пользу».

Мережковские не изменили своему стилю жизни: писать и общаться с пишущими, проповедовать и наставлять. С 1925 года возобновились, как было и в Петербурге, литературные «воскресенья». На «воскресеньях» бывали и Ходасевич с Ниной Берберовой, и Фондаминский, и Бунин, и Керенский, и Варшавский, и Шаршун, и Тэффи, и Шестов, и Бердяев…

На «воскресеньях» обсуждались общественные, политические, литературные и религиозные вопросы, чаще всего под свойственным Мережковскому «метафизическим углом зрения». Отвергались хозяевами только разговоры, общепринятые за чайным столом, — о здоровье, о погоде и тому подобном.

С 5 февраля 1927 года начались регулярные писательски-религиозно-философские заседания общества под названием «Зеленая лампа». Во время одного из первых заседаний молодой поэт Довид Кнут заявил, что литературная столица России теперь не Москва, а Париж…

«Зеленая лампа» должна была спасать если не весь мир, то по крайней мере Россию и ее филиал — эмиграцию.

В 1930-х годах «Зеленая лампа» уже не горела ослепительно и не проливала яркого света на эмиграцию, освещая ее совесть, душу, ум. Все же «Лампа», все более сокращая круг своей деятельности,

просуществовала до самой войны.

Мережковские вели размеренную по часам жизнь. Зинаида Николаевна ложилась поздно, проведя полночи в писании писем, дневника, стихов, рассказов и статей, и вставала очень поздно. Она выходила из своей комнаты только к завтраку, уже вполне одетая, причесанная, подкрашенная и подтянутая.

Они оба курили. Но не больше раз навсегда положенного числа папирос и только после завтрака.

Вернувшись из Италии, куда они ездили по приглашению Муссолини, Зинаида Николаевна на одном из «воскресений», делясь своими «итальянскими впечатлениями», рассказывала между прочим и о мелких, неизбежных неприятностях. О том, как они забыли в Риме ключи от своих чемоданов и обнаружили это только приехав в другой город.

«Они так до самой смерти Димитрия Сергеевича и прожили, не расставаясь ни на один день, ни на одну ночь, — пишет Ирина Одоевцева. — И продолжали любить друг друга никогда не ослабевающей любовью. Они никогда не знали скуки, разрушающей самые лучшие браки. Им никогда не было скучно вдвоем. Они сумели сохранить каждый свою индивидуальность, не поддаться влиянию друг друга. Они были далеки от стереотипной, идеальной супружеской пары, смотрящей на все одними глазами и высказывающей обо всем одно и то же мнение. Они были „идеальной парой“, но по-своему неповторимой идеальной парой. Они дополняли друг друга. Каждый из них оставался самим собой. Но в их союзе они как будто переменились ролями — Гиппиус являлась мужским началом, а Мережковский — женским. В ней было много М — по Вейнингеру, а в нем доминировало Ж. Она представляла собой логику, он — интуицию».

…Первым умер Дмитрий Мережковский — 9 декабря 1941 года, в возрасте 76 лет. По поводу вдовы Юрий Терапиано написал: «З. Н. — окаменелая совсем».

3 июня 1943 года в оккупированном немцами Париже Гиппиус начинает писать книгу о Мережковском. Но закончить ее не успела — осенью 1945 года Зинаида Николаевна скончалась.

Фритьоф Нансен и Ева Сарс

Знаменитый покоритель Гренландии Фритьоф Нансен был известен в Норвегии не только как вдумчивый ученый, но и как великолепный лыжник. После Гренландской экспедиции началось повальное увлечение этим видом спорта.

…Однажды во время прогулки в лесу Фритьоф увидел в снежном сугробе две барахтающиеся ноги с лыжами. Он поспешил на помощь. Перед ним стояла девушка сияющей красоты! Нансен влюбился в нее с первого взгляда… Прекрасная незнакомка холодно поблагодарила спасателя и посоветовала ему идти своей дорогой.

Эта встреча произошла еще до гренландской экспедиции. Потом Нансен встречал девушку на улице. Ему удалось выяснить, что ее зовут Ева, что она дочь Михаэля Сарса, выдающегося зоолога, океанографа, профессора университета в Христиании. Мать девушки, Марен, — известная собирательница народных песен и великолепная рассказчица старинных саг.

Сама Ева Сарс обладала хорошим голосом, училась музыке в Берлине, славилась как отличная спортсменка. Говорили, что она окружена поклонниками и не отличается кротостью нрава.

Незадолго до начала гренландской экспедиции один из знакомых привел Нансена в дом Марен Сарс, где собирались поэты, художники, музыканты. На огонек часто заглядывал знаменитый поэт Бьернстьерне Бьернсон. Фритьоф провел приятный вечер, слушая рассказы Марен и пение Евы.

После возвращения из экспедиции, летом 1889 года, Фритьоф сделал Еве предложение, признавшись при этом, что собирается отправиться в новое далекое путешествие. «Куда?» — спросила она. «На Северный полюс!» — ответил он, не желая скрывать от близкого человека заветной мечты.

Перед свадьбой матери Евы пришлось поволноваться: Фритьоф сначала отказывался венчаться в церкви. Марен Сарс долго уговаривала его, напоминала о религиозности отца, говорила о сплетнях, которые поднимутся вокруг брака, не освященного церковью. И он сдался.

В церкви была давка. Еще бы! Молодой и уже знаменитый путешественник женится на молодой и уже известной певице!

Вместо веселого свадебного путешествия супруги поехали на географический съезд в Лондон. Рассказ о путешествии в Гренландию и планах новой экспедиции к полюсу повсюду производил глубочайшее впечатление и всякий раз заканчивался восторженным чествованием.

Вернувшись на родину, Нансены сначала поселились в усадьбе Сторе-Френ у Марты Ларсен, служившей когда-то экономкой у родителей Фритьофа. Но им хотелось иметь свой дом. Нансен решил поселиться на берегу Черной бухты — не так далеко от города — скалы, сосны, море. Еве это место — Люсакер — тоже понравилось.

Поначалу здесь был выстроен совсем легкий дом, с полом, настланным прямо на земле, отчего в единственной комнате царил такой холод, что зимой по ночам замерзала вода в умывальнике. «В ту зиму он отучил меня мерзнуть!» — говорила Ева Нансен. В этом холодном, похожем на сарай помещении рождалась книга о Гренландии. Друзья шутили: «Автору легко было писать — он воображал себя вновь на материковом льду».

По предложению поэта Бьернстьерне Бьернсона новому дому в память прославленного эскимосского селения дали название «Готхоб» — «Добрая Надежда». Вся его обстановка была выдержана в национальном древненорвежском стиле. Музыканты, артисты, художники часто собирались под крышей гостеприимного дома.

Счастливо текла жизнь в «Готхобе». В ночь под Новый год Нансены решили взобраться на гору Норе. Но несмотря на все трудности они были счастливы и потом не раз вспоминали это приключение.

План похода к Северному полюсу Фритьоф вынашивал особенно долго, тщательно разрабатывая его во всех деталях. В этом ему неизменно помогала жена. Семья уже состояла из троих: родилась дочь Лив, что означает — Жизнь.

Теперь все гадали, как Нансен назовет свой корабль: «Ева», «Лив», «Норвегия» или, может быть, «Северный полюс»?

Поздней осенью 1892 года Ева Нансен твердым шагом приблизилась к носу нового корабля. Капитан Калин Арчер подал ей бутылку шампанского. Ева разбила бутылку о форштевень. «„Фрам“ — имя ему!» — громко произнесла она. «Фрам» по-норвежски означает «вперед»!

На другой день в доме Нансена собрались друзья. Ева, снова беременная, пела старинные норвежские песни о героях, которых ждут жены…

Несколько недель после ухода «Фрама» она провела дома и никого не принимала. Первые заметки о гибели экспедиции на «Фраме» Ева Нансен прочитала в английских газетах. Потом норвежская «Утренняя почта» сообщила, что гибель «Фрама» не помешала Нансену дойти на лыжах до Северного полюса и открыть неизвестную землю. В других газетах писали, что адмирал Макаров строит ледокол, на котором русские пойдут искать Нансена к Земле Франца-Иосифа.

Назло всем сочувствующим и соболезнующим Ева появилась на улицах Христиании веселая, улыбающаяся, жизнерадостная. Молва тотчас осудила ее за легкомыслие.

Ева Нансен взяла учеников и усердно занималась с ними музыкой. Ей предложили вспомнить былое и дать несколько концертов. Ева наотрез отказалась, но потом передумала.

Первый же концерт собрал массу публики, пришли послушать певицу Еву Сарс и посмотреть, как выглядит жена Нансена. Газеты напечатали восторженные отзывы о концерте. Вдохновленная успехом, Ева пела в Христиании, потом в Бергене, Стокгольме, Гетеборге…

Последние письма от Фритьофа она получила глубокой осенью 1893 года. Из конверта выпало несколько засохших цветов тундры — бледных, хрупких. Фритьоф послал их из Хабарова. Он писал, что Ева везде с ним, во льдах и туманах, в работе и в мыслях. Он повторял, что верит в победу, но не согнется и при поражении.

Дрейф «Фрама» продолжался три года. Экспедиция завершилась триумфом Нансена и его друзей, о маленькой Норвегии заговорили на всех континентах. В 1897 году вышла в свет книга Нансена «„Фрам“ в полярном море» с посвящением: «Ей, которая дала имя кораблю и имела мужество ждать»

Фритьоф пообещал жене, что станет отшельником и будет писать научный отчет об экспедиции «Фрама». С раннего утра он уединялся в своем кабинете. Домашние старались как можно реже открывать обитую шкурами дверь. Пианино перенесли в самую дальнюю комнату. По вечерам Ева пела там вполголоса, готовясь к своему прощальному концерту. Она бросала сцену, чтобы заняться воспитанием дочери Лив и сына Коре.

«Готхоб» стал казаться тесным, неудобным для разросшейся семьи. Рядом со старым домом был построен новый, двухэтажный, получивший название «Нульхегда». Над ним поднималась башня. Там Нансен устроил рабочий кабинет. Мебель в новом доме была куда богаче, чем в «Готхобе», но ее не хватило на все комнаты. Нансен и Вереншельд расписали стены. Новоселье отметили карнавалом.

Фритьоф купил еще один дом, далеко в горах. Бревенчатый, без всяких украшений, с крестьянскими столами и скамьями, с некрашеным полом, он стоял над озером.

Ева вела хозяйство, взяв на себя заботу о денежных делах, в которых Фритьоф был удивительно беспечным.

Фритьоф Нансен все больше уходил в политику. Выполняя поручения норвежского правительства, он переезжает из города в город. Копенгаген, Лондон, Берлин. Снова Копенгаген, Карльстад, Лондон, Христиания, опять Копенгаген… Открытые совещания и тайные переговоры, газетные статьи и шифрованные донесения…

В качестве дипломата Нансен попадает в Лондон. Из окон гостиницы «Рояль-Палас», где временно разместилось норвежское посольство, виден Гайд-парк. Великосветские сплетники и сплетницы уже злословили, связывая его имя с другой…

Ева чувствовала перемену в том, кого любила, кому верила, и постоянная тревога сделала ее раздражительной, замкнутой. Письма от Фритьофа приходили часто, но была в них какая-то сухость, отчужденность, недосказанность.

До Норвегии докатились слухи о какой-то даме из самого высшего лондонского общества. Намекали, что Нансен пользуется лестными симпатиями женщины из королевской семьи. В одном из писем Фритьоф признался Еве, что давно мучился «всем этим», не имея мужества сознаться. Он запутался, или, может быть, его запутали. Но «теперь там все кончено». Он любил и любит только Еву, одну Еву…

Потянулись мучительные дни. Каждый день из Лондона приходили письма, полные раскаяния. Наконец Ева телеграфировала: «Понимаю все, буду тебе помогать».

Она приехала к мужу в Лондон и тут же получила приглашение во дворец. Придворные дамы мило улыбались ей, а за спиной она слышала насмешливый шепот.

Приемы следовали за обедами, обеды — за банкетами. Через неделю Ева почувствовала себя разбитой, усталой. Ей хотелось домой, к детям, и она уехала в Норвегию. Нансен же остался в Лондоне — встречался с дипломатами, ездил с влиятельными лицами охотиться на лисиц, посещал балы, сопровождал королевскую чету в поездке на север… Опять ненадолго приезжала Ева, и снова говорили они о том, что уж теперь-то подписания договора осталось ждать совсем недолго…

Пришло лето, и, потеряв терпение, Фритьоф взял короткий отпуск. Ненадолго задержавшись в Христиании, он поспешил в Серке. Горный дом ждал его. Дети собрали морошку, наловили форелей. Отец пришел со станции пешком, с рюкзаком за плечами.

Давняя мечта об экспедиции в Антарктику по-прежнему не отпускала Фритьофа. Это настоящее большое дело. И когда другой полярный исследователь Амундсен просит одолжить ему «Фрам», Нансен спрашивает совета у жены. Ева говорит, что она привыкла ждать и готова терпеть и дальше. Пусть он не думает о ней и детях. Нансен все же передает «Фрам» Амундсену.

«Я не могу забыть, какой чуткой и доброй ты была, когда мы говорили о „Фраме“… — писал он Еве. — Скоро я закончу здесь все работы,

и мы опять будем вместе».

«Тот, кто любит, счастлив, если чем-либо помогает любимому в его труде, — отвечала Ева. — Помни об этом на будущее. Уедешь ты или останешься около меня — я все равно благодарю Бога, что мы встретились когда-то. Лучше с тобой и с грустью, чем без грусти с банальным человеком, который ничего не ищет и никуда не стремится».

Потом из Лондона пришло долгожданное письмо: «Родная, договор будет подписан в ближайшие дни. Моя долгая и тяжелая миссия заканчивается».

6 декабря — день рождения Евы. Поздравительная телеграмма из Лондона лежала под подушкой. Ева несколько раз перечитывала ее. Фритьоф писал, что скоро вернется домой и у них будет впереди много счастливых лет.

Когда дочь пришла вечером пожелать спокойной ночи, Ева сказала: «Лив, если со мной что случится, помогай отцу, помогай Коре ималеньким».

Через несколько дней врач телеграфировал в Лондон: «Положение Евы серьезное, выезжайте немедленно». Но Нансен, которого встревожили первые же известия о болезни жены, был уже в дороге.

Ева прошептала: «Бедный, он опоздал…» Это были ее последниеслова.

…Долгие недели никто не видел Нансена. Он закрылся в своей башне. Потом Фритьоф неожиданно уехал в горный дом.

Говорили, что в снежную бурю он пошел на лыжах к заросшему темными елями ущелью, куда раньше ходил с Евой. В руках у него видели что-то похожее на погребальную урну; и тут вспомнили, что перед смертью Ева просила отдать ее пепел горным ветрам. Как все было — никто не знает точно. Фритьоф Нансен никогда никому и ничего не говорил об этом. Но в Норвегии нет могилы Евы Нансен…

Фритьоф долго болел. Врачи говорили о подавленном состоянии духа, о последствиях тяжелого душевного потрясения…

Но постепенно жизнь возьмет свое, и в 1919 году Нансен женится на Зигрун Мунте, с которой проживет одиннадцать лет, до самой своей смерти, настигшей великого норвежца 13 мая 1930 года.

Пьер Кюри и Мария Склодовская

Какие только испытания не выпадали на долю Марии, дочери многодетного учителя физики Владислава Склодовского из Варшавы, прежде чем она совершила настоящий переворот в мировой науке. Ей пришлось пройти через унизительную нищету, голод, через многие лишения, утратить и вновь обрести веру в истинную любовь.

В 18 лет Склодовскую пригласили гувернанткой в богатое поместье под Варшавой. Сын хозяев, студент Казимеж, увлекся умной и обаятельной Марией. Увлечение было взаимным. Однако родители Казимежа посчитали, что брак с гувернанткой покроет позором их семью, а юноша перечить им не решился. Марии пришлось искать другую работу. Она стала учить детей польскому языку.

А потом пришло письмо из Парижа от сестры Брони, недавно вышедшей замуж за студента-медика: «Не пора ли и тебе как-то устроить свою жизнь, моя малышка Маня? Если бы ты собрала в этом году несколько сотен рублей, то в будущем году могла бы приехать в Париж… Тебе действительно необходимо подкопить несколько сотен, чтобы записаться в

Сорбонну… Я тебе гарантирую, что через два года ты получишь ученую степень…»

Осенью 1891 года Мария Склодовская впервые переступила порог факультета естествознания в Сорбонне. Она занималась со страстью и с завидным упорством. А по вечерам возвращалась в скромную квартирку сестры и зятя. Но здесь часто собирались шумные компании, поэтому Мария предпочла снять комнату около Сорбонны, где ее ничто не отвлекало от занятий. Экономить приходилось буквально на всем, денег не хватало даже на отопление. Из Парижа Мария писала подруге, что планы о создании семьи «погребла, замкнула, запечатала и позабыла». Она решила, что никогда не выйдет замуж и посвятит себя науке.

Возможно, все так бы и произошло, если бы не случайная встреча. Мария искала лабораторию для проведения экспериментов. Узнав об этом, муж ее подруги Юзеф Ковальский пообещал познакомить Марию с молодым ученым, у которого, возможно, окажется подходящее помещение в Школе физики и химии, где он преподает. Этим молодым ученым был Пьер Кюри.

Склодовская так описала в мемуарах свои впечатления от встречи в доме Ковальского: «Войдя в комнату, я увидела молодого человека высокого роста с каштановыми волосами и большими светлыми глазами. Его лицо было серьезным и симпатичным, а легкая неухоженность в его крупной фигуре выдавала мечтателя, поглощенного своими мыслями». Пьер Кюри в свои тридцать пять оставался холостяком. По происхождению эльзасец и протестант, он был сыном и внуком медиков. В шестнадцать лет Пьер стал бакалавром естественных наук, а в двадцать четыре года его назначили руководителем практических работ в парижской Школе физики и химии.

Кюри был очарован этой хрупкой девушкой, ее серыми глазами, белокурыми волосами. А когда он перевел разговор на физику, то был поражен высоким уровнем ее знаний.

После знакомства у Ковальских они встречались в Физическом обществе, на конференциях. Однажды Пьер подарил Марии свой научный доклад с посвящением: «Мадемуазель Склодовской — с почтением и дружбой от автора».

Пьер и Мария совершали долгие прогулки по окрестностям Парижа и, собирая цветы, вели беседы. В отличие от довольно благодушного Кюри, Склодовская была более целеустремленной. Под ее влиянием Пьер опубликовал свою докторскую диссертацию и оформил работы по магнетизму.

Сначала их объединяла физика, но совсем скоро дружба переросла в более глубокое чувство. Пьер и Мария, по общему мнению, составляли удивительно гармоничную пару. Но Склодовская — упрямая, принципиальная — противилась изменениям в личной жизни. Ей было 26 лет, что по тем временам считалось возрастом старой девы. К тому же брак с французом казался ей чуть ли не изменой родной Польше…

Но Пьер проявил настойчивость, и Мария сказала «да». Они заключили брак 26 июля 1894 года в мэрии Со, на следующий день после защиты Пьером докторской диссертации.

У молодоженов не было ничего, кроме двух велосипедов, купленных накануне свадьбы на деньги, подаренные одним из кузенов. На велосипедах они совершили свадебное путешествие по деревням Иль-де-Франс.

В октябре супруги сняли квартиру. «Наше первое жилище, — вспоминала Мария, — небольшая, очень скромная квартира из трех комнат была на улице Гласьер, недалеко от Школы физики. Основное ее достоинство — вид на большой сад. Мебель, — самая необходимая, — была подарена нашими родителями. Прислуга нам была не по средствам. На меня легли заботы о домашнем хозяйстве, но я к ним привыкла за время студенческой жизни.

Наша жизнь была полностью отдана научной работе, и многие дни проходили в лаборатории, где Шютценберже позволил мне работать вместе с мужем…

Мы жили очень дружно, наши интересы во всем совпадали: теоретическая работа, исследования в лаборатории, подготовка к лекциям или к экзаменам. За одиннадцать лет нашей совместной жизни мы почти никогда не разлучались, и поэтому наша переписка за эти годы занимает лишь несколько строк. Дни отдыха и каникулы посвящались прогулкам пешком или на велосипедах либо в деревне в окрестностях Парижа, либо на побережье моря или в горах».

Мария ожидала ребенка, и теперь ей приходилось следить за своим здоровьем. Профессор Склодовский, проводивший лето во Франции, настоял, чтобы дочь пожила вместе с ним в Пор-Блане, в отеле «У серых скал». Так супруги в первый раз разлучились.

Пьер Кюри писал ей (по-польски!): «Моя маленькая девочка, дорогая, милая девочка, которую я так сильно люблю, я получил сегодня твое письмо и был безмерно счастлив. У меня нет никаких новостей, кроме той, что мне тебя ужасно не хватает: моя душа следует за тобой…»

Мария отвечала ему: «Приезжай скорее… Я жду тебя с утра до вечера…»

Мария была уже на восьмом месяце беременности, когда Пьер наконец приехал к ней в Пор-Блан. И они как ни в чем не бывало отправились в Брест на велосипедах!

Но будущий ребенок уже рвался на свободу, вынудив родителей спешно вернуться в Париж. 12 сентября роды у своей невестки принимал сам доктор Кюри; он первым взял на руки Ирен, когда никто и не подозревал, что ей суждено стать Нобелевской лауреаткой.

Однажды Мария написала: «Жизнь нелегка, но что поделаешь — надо иметь упорство, а главное — верить в себя. Надо верить, что ты родился на свет ради какой-то цели, и добиваться этой цели, чего бы это ни стоило».

Завершив свое исследование по магнетизму, Мария Склодовская-Кюри заинтересовалась открытием урановых излучений Беккереля. Пьер отложил свои собственные исследования по физике кристаллов, чтобы помочь жене. В июле и декабре 1898 года супруги Кюри объявили об открытии двух новых элементов, которые были названы полонием, в честь Польши, и радием.

Супругам пришлось покинуть улицу Гласьер, потому что для маленькой Ирен нужен сад, где девочка могла бы свободно развиваться. Решение было принято быстро: на бульваре Келлерман нашелся свободный домик, достаточно просторный для того, чтобы доктор Кюри мог жить здесь вместе с сыном, невесткой и внучкой.

Четыре года Кюри выделяли из руды радий. Свои эксперименты они проводили в небольшой постройке, принадлежавшей Школе физики и химии. Бывшая мастерская служила им теперь и кладовой, и лабораторией. Никаких удобств, сырость, безнадежно устаревшие приборы… В то время когда Пьер занимался постановкой тонких опытов, Мария переливала жидкости из одного сосуда в другой, несколько часов подряд мешала кипящий материал в чугунном тазу.

Кроме того, Пьер читал лекции в университете. Но его жалованья не хватало для содержания семьи, и в 1900 году Мария начала преподавать физику в Севре, в учебном заведении, готовившем учителей средней шкалы.

В 1902 году пришла к супругам Кюри великая победа — им удалось выделить небольшое количество радия, белого блестящего порошка.

В декабре следующего года Шведская королевская академия наук присудила Нобелевскую премию по физике Беккерелю и супругам Кюри. Мария и Пьер получили половину награды «в знак признания… их совместных исследований явлений радиации, открытых профессором Анри Беккерелем». Склодовская-Кюри стала первой женщиной, удостоенной Нобелевской премии. И Мария, и Пьер были больны и не смогли приехать в Стокгольм на церемонию вручения премии. Они получили ее летом следующего года.

«Присуждение Нобелевской премии, — писала Склодовская-Кюри, — было для нас важным событием ввиду престижа, связанного с этими премиями, учрежденными по тем временам еще совсем недавно [1901]. С точки зрения материальной, половина этой премии представляла собой серьезную сумму. Отныне Пьер Кюри мог передать преподавание в Школе физики Полю Ланжевену, своему бывшему ученику, физику с большой эрудицией. Кроме того, он пригласил препаратора для своей работы».

В октябре 1904 года Пьер был назначен профессором физики в Сорбонне, а месяц спустя Мария стала официально именоваться заведующей лабораторией. Но даже для самой скромной лаборатории нужны были кредиты, приходилось биться за каждый франк…

В декабре 1904 года у них родилась вторая дочь, Ева, которая станет концертирующей пианисткой и биографом своей матери.

Их семейная жизнь была счастливой и радостной, они вместе работали, и научным изысканиям не помешало рождение дочерей Ирен и Евы. И вдруг все оборвалось. Трагедия случилась 19 апреля 1906 года. Пьер, как обычно, утром вышел из дому, направляясь на службу. И больше не вернулся… Он погиб под колесами конного экипажа.

Мария, безутешная в своем горе, отказалась от почестей, какие полагались при похоронах знаменитостей; она попросила только, чтобы ей разрешили устроить их в Со, в самом узком кругу, и если уж обязательно должен присутствовать министр, а именно — министр народного просвещения, то пусть он приедет туда как частное лицо: известный

политик Аристид Бриан также счел необходимым отдать последний долг погибшему.

Марии Склодовской-Кюри было всего тридцать восемь лет, и ей надо было поставить на ноги дочерей. Все ее исследования, все открытия будут посвящены Пьеру. Она отказалась от пенсии, назначенной министерством общественного образования («Я еще достаточно молода, чтобы заработать на жизнь себе и дочерям»), но согласилась принять в Сорбонне кафедру физики, которую прежде возглавлял ее муж.

По правилам полагалось начинать курс лекций со слов благодарности в адрес предшественника. Мария же произнесла фразу, которой закончил свой курс в прошлом семестре Пьер… В своем дневнике она будет постоянно обращаться к нему: «Я хотела тебе сказать, что альпийский ракитник в цвету, и глицинии, и боярышник, и ирисы тоже начинают цвести… Тебе бы все это очень понравилось…»

В 1911 году Склодовская-Кюри становится дважды лауреатом Нобелевской премии, а спустя 24 года эту же награду получает ее дочь Ирен. И все-таки Мария вынуждена признать: «Нет необходимости вести такую противоестественную жизнь, какую вела я. Я отдала много времени науке потому, что была увлечена ею, потому что я любила научное исследование… Все, чего я желаю женщинам и молодым девушкам, — это простой семейной жизни и работы, какая им по душе».

Мария Склодовская-Кюри умерла от облучения. Ее не стало 4 июля 1934 года. Спустя шестьдесят лет супруги вновь соединились — их останки были перенесены в парижский Пантеон и похоронены рядом.

Николай II и Александра Федоровна

Будущий император Николай II родился в 1868 году в семье Александра III и Марии Федоровны. Императрица была дочерью короля Дании Кристиана и в девичестве звалась Дагмарой.

Николай вырос в атмосфере роскошного императорского двора, но в строгой и, можно сказать, почти спартанской обстановке. Получив начальное образование, он перешел к изучению дисциплин, предусмотренных программами Академии Генерального штаба и двух факультетов университета — юридического и экономического.

Николая произвели в штабс-капитаны и определили в лейб-гвардии Преображенский полк. Для приобщения к кавалерийской службе отец перевел его в лейб-гвардии Гусарский полк, где он командовал эскадроном.

В 1890 году обучение наследника завершилось. В мае месяце Николай записал в своем дневнике: «Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия».

Любопытно, что первую любовь Николай испытал к принцессе Алисе Гессенской, которая через несколько лет станет его женой. Впервые они встретились в 1884 году в Петербурге на свадьбе Эллы Гессенской (старшей сестры Алисы) с великим князем Сергеем Александровичем. Ей было 12 лет, ему — 16. В 1889 году Аликс провела в Петербурге шесть недель. Позже Николай писал: «Я мечтаю когда-нибудь жениться на Аликс Г. Я люблю ее давно, но особенно глубоко и сильно с 1889 года… Все это долгое время я не верил своему чувству, не верил, что моя заветная мечта может сбыться».

Императрица Мария Федоровна принципиально противилась браку с германской принцессой (всю свою жизнь она была убежденной германофобкой).

Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса (таково было ее полное имя) родилась в Дармштадте в 1872 году и была четвертой дочерью герцога Гессенского Людвига и его жены герцогини Алисы Английской — младшей дочери королевы Виктории.

Когда Аликс было шесть лет, вместе с сестрами и матерью она заболела дифтерией; сама поправилась, но мать и самая младшая сестренка Мэри двух лет от роду умерли. Аликс не только осиротела, но и осталась самым младшим ребенком в семье великого герцога Гессенского Людвига IV. Внучку взяла к себе на воспитание королева Виктория. Никто не знал, что Алиса Английская была носителем гена гемофилии.

С детства Аликс была чрезвычайно замкнутым и серьезным ребенком, своими интересами поражавшая окружающих. С ранних пор тянулась к литературе, постоянно читала и конспектировала книги по философии и теологии. Позднее она была удостоена степени доктора философии Кембриджского университета.

Тем временем цесаревич Николай увлекся балериной Кшесинской. Но даже в этот период он не забывал об Аликс. Кшесинская писала позже: «Он от меня не скрыл, что из всех тех, кого ему пророчили в невесты, он ее считал наиболее подходящей, что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение…»

Весной 1894 года Александр III и Мария Федоровна уступили желаниям сына. Но оставалось еще одно препятствие к браку — невеста должна была перейти в православие. Зная, сколь серьезно Аликс относится к религии, Николай понимал, что этого будет нелегко добиться.

В апреле цесаревич со своими дядьями, великими князьями Сергеем и Владимиром, а также их женами выехал из Петербурга в Кобург на свадьбу герцога Гессенского, старшего брата Аликс.

Во время этого визита Николай сделал Аликс предложение. «Что сегодня за день! — писал он в дневнике. — После кофе в 10 часов я пошел с тетей Эллой к Аликс. Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда между нами начался тот разговор, которого я давно и сильно желал и, вместе, очень боялся. Говорили до 12–14 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно».

Но уже на следующий день Аликс капитулировала. Николай ликующе записал в дневнике: «Чудный, незабвенный день в моей жизни, день моей помолвки с дорогой и ненаглядной моей Аликс…»

В июне Николай еще раз посетил Англию, где встречался с Аликс. Возвратившись в Гатчину, цесаревич застал семью в большой тревоге за здоровье отца. Но, несмотря на недомогание, император поехал на охоту в Спалу. Здесь Александру стало еще хуже. По настоянию врачей он переехал в Ливадию, в Крым. Николай сопровождал его.

В октябре в Крым приехала Аликс. Какое счастье доставила бы эта встреча при других обстоятельствах! Но для Николая наступает время тревог и бесконечных забот.

20 октября Александр III умер.

На другой день, когда дворец задрапировали в черное, Аликс приняла православие и с этого дня стала именоваться великой княгиней Александрой Федоровной.

7 ноября произошло торжественное погребение покойного императора в Петропавловском соборе в Петербурге, а через неделю состоялось бракосочетание Николая и Александры. Эта свадьба, сыгранная среди поминальных панихид, произвела на всех современников тягостное впечатление.

Сразу после свадебной церемонии императорская чета переехала в Аничков дворец. Здесь, в апартаментах, состоящих из шести комнат, они провели первую зиму. Николай занимался государственными делами в небольшом кабинете, а в соседней комнате его жена изучала русский язык; они могли видеться, когда хотели, и были безмерно счастливы этим. Вскоре после свадьбы Александра записала в дневнике своего мужа: «Никогда не предполагала, что могу быть такой абсолютно счастливой в целом мире, так чувствовать единство двух смертных».

Весной 1895 года Николай перевез жену в Царское Село. Они поселились в Александровском дворце, который оставался главным домом императорской четы в течение 22 лет. Все здесь было устроено согласно их вкусам и желаниям, и поэтому Царское всегда оставалось их любимым местом.

Став императрицей, Александра Федоровна оказалась в атмосфере изысканного и богатого российского двора, настроенного к ней довольно прохладно. Свое влияние здесь долго сохраняла вдовствующая императрица, не проявлявшая особых симпатий к невестке. В окружении Марии Федоровны принцесса Алиса получила оскорбительное прозвище «гессенская муха». Врожденная застенчивость молодой царицы, принимавшаяся часто за холодную надменность, не способствовала росту ее популярности.

Царица пыталась укрыться от окружающего мира в семье. Через год после свадьбы у нее родилась дочь Ольга. В 1897 году родилась Татьяна, в 1899-м — Мария, в 1901-м — Анастасия. Заботы о детях или воспитание и образование занимали ее постоянно. Однако полного счастья все-таки не было. Отец и мать страстно хотели иметь сына. Нужен был наследник, но годы шли, а сына все не было.

12 августа 1904 года в императорской семье родился пятый ребенок. К великой радости родителей, это оказался мальчик. Николай записал в своем дневнике: «Великий незабвенный для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В 1 час дня Аликс родила сына, которого при молитве нарекли Алексеем».

Однако безмерная радость довольно скоро была омрачена трагическим открытием: цесаревич страдал гемофилией (несворачиваемостью крови), которая была наследственной болезнью в гессенском роду. От этого страшного недуга умерли брат, дядя и два племянника Александры Федоровны. Страх за жизнь наследника, подвергавшегося серьезной опасности при любом ушибе или царапине, навсегда поселился в душе императрицы.

Следующие годы прошли в тяжелой борьбе за жизнь и здоровье наследника. Особенно переживала за Алексея императрица, которая сделалась мнительной и крайне религиозной. Потеряв веру во врачей, она все свои надежды возложила на милость Божию. Всякого рода странники и Божьи люди стали желанными гостями в императорской семье. Постепенно среди них выделился и набрал огромную силу сибирский крестьянин Григорий Распутин.

Впервые Распутин появился в Петербурге в 1905 году, когда ему было 36 лет. Этот человек обладал феноменальным даром внушения. Он пророчествовал — и многие из его предсказаний сбывались, он брался лечить людей — и действительно, после общения с ним многие испытывали облегчение.

Григорий Распутин оказался единственным человеком, способным облегчить страдания наследника. О том, что Алексей тяжко болен, и о силе распутинских чар за пределами узкого семейного круга никто не знал.

Общение Распутина с Николаем и Александрой точно соответствовало его роли. Он был почтителен, но никогда не раболепствовал; он мог громко смеяться и свободно высказывать критические замечания. Григорий обращался к царствующим особам, называя их не «Ваше Величество», а «батюшка» и «матушка». В 1912 году в Спале цесаревич Алексей после сильнейшего кровоизлияния едва не умер. Доктора признали свое бессилие, и только таинственное вмешательство Распутина в очередной раз спасло наследника. С этого времени авторитет Распутина в глазах императорской четы стал безграничным.

Николай очень любил свою семью. Каждый день он совершал с детьми прогулки. Зимой император вместе с детьми увлеченно строил ледяные горки. Вечером часто сидел в семейной гостиной, читая вслух, в то время как жена и дочери рукодельничали. По его выбору это мог быть Толстой, Тургенев или его самый любимый писатель Гоголь. Но мог быть и какой-нибудь модный роман.

Между тем Россия переживала один из самых бурных этапов своей истории. Вслед за японской войной началась первая революция, подавленная с огромным трудом. Императору пришлось согласиться на учреждение Государственной думы. Следующие семь лет были прожиты в покое и даже при относительном процветании.

В утешении и поддержке царя Александра Федоровна видела одну из главных целей своей жизни. Постоянно присутствовал и все время усиливался страх за жизнь Николая, и это чувство, после убийства в 1905 году революционерами мужа сестры Эллы, приняло маниакальный характер. «Кругом вражда и заговор!» — восклицала императрица неоднократно. Спокойствие и душевное равновесие она обретала в молитве и в беседах на духовные темы, которые охотно и часто вела и в кругу семьи, и вне ее со священниками и различными «божьими людьми» — странниками, предсказателями, ясновидящими.

Одно время казалось, что России удастся избежать новых социальных потрясений, но вспыхнувшая в 1914 году Первая мировая война сделала революцию неизбежной.

Стараясь творить добро, Александра Федоровна занялась деятельностью, просто немыслимой для человека ее звания и положения. Она не только патронировала санитарные отряды, учреждала и опекала лазареты, в том числе и в царскосельских дворцах, но вместе со своими старшими дочерьми окончила фельдшерские курсы и стала работать медсестрой.

Сокрушительные поражения русской армии весной и летом 1915 года вынудили Николая лично возглавить армию. С тех пор он много времени проводил в Могилеве и не мог глубоко вникать в государственные дела. Александра с большим рвением взялась помогать мужу. По всем вопросам императрица советовалась с Распутиным. Влияние последнего на все стороны государственной жизни как раз в это время страшно возросло. Дело дошло до того, что по его капризу назначали и меняли министров. Все, кто заботился о престиже династии — министры, великие князья, генералы и депутаты Думы, — сходились на том, что Распутина нужно устранить. В декабре 1916 года «великий старец» был умерщвлен. На смерть «своего друга» императрица написала поэму.

В ходе Февральской революции Николай II подписал отречение от престола в пользу брата Михаила, однако тот отказался принять власть.

Положение императорской семьи между тем постепенно ухудшалось. Под давлением Петроградского Совета Временное правительство арестовало царскую семью и заключило ее под стражу в Царскосельском дворце.

Николай и Александра возобновили занятия с детьми. Сам Николай взял на себя преподавание истории и географии. По газетам и журналам он с острым интересом следил за политическими и военными событиями. Много и подолгу возился с детьми, сам чистил снег на дорожках и много читал.

Ситуация в стране снова начала обостряться. Глава Временного правительства Керенский решил, что в целях безопасности царскую семью надо отправить подальше от столицы. После долгих колебаний он приказал перевести Романовых в Тобольск.

Дом тобольского губернатора, назначенный для жизни низложенного государя и его семьи, оказался полуразрушенным. В течение восьми дней, пока шел ремонт, Романовы жили на пароходе. 13 августа состоялся переезд. В этом доме царская семья прожила восемь месяцев.

Будущее стало внушать Николаю все большую тревогу. Октябрьский переворот произвел на него тягостное впечатление.

22 апреля в Тобольск приехал комиссар Яковлев с бойцами. У него был приказ перевезти Романовых в Москву. Под Омском поезд был остановлен, и Яковлев получил приказ передать царскую семью в руки Уральского Совета в Екатеринбурге. С вокзала Романовых доставили на автомобиле в дом купца Ипатьева.

В ночь на 17 июля Николай II, Александра, их дети и четверо приближенных были расстреляны в подвале по постановлению Уральского Совета.

Спустя восемьдесят лет останки царской семьи были захоронены в Екатерининском приделе бывшей зимней церкви Петропавловского собора

в Санкт-Петербурге.

Михаил Врубель и Надежда Забела

Они не могли не встретиться — художник оперной постановки «Гензель и Гретель» Гумпердинка и исполнительница главной партии — Михаил Александрович Врубель и Надежда Ивановна Забела. Певице было почти тридцать, художнику — сорок. Знакомство состоялось в марте 1896 года за кулисами Панаевского театра в Петербурге на гастролях Частной оперы С. И. Мамонтова.

Михаил Александрович Врубель родился в семье военного юриста. Рисованию обучался с детства. Окончив юридический факультет Петербургского университета, он поступил в Академию художеств. Учителя считали его гениальным мастером рисунка.

Осенью 1889 года Врубель переехал в Москву и вступил в Мамонтовский кружок, взяв на себя руководство керамической мастерской в Абрамцеве. В его творчестве наиболее ярко отразилась важная тенденция в развитии изобразительного искусства — тяготение к музыке, к оперному театру и, наконец, как к высшей цели, к синтезу искусств.

Врубель никогда не умел ни копить, ни тратить. Говорят, что он много пил и бросал деньги на ветер. Но даже Константин Коровин, с которым он какое-то время жил и работал в одной мастерской, не догадывался, что почти все средства Врубель отсылал отцу — для младших сестер: на их образование, заграничные поездки, свадьбы. То, что оставалось, Михаил Александрович широко тратил, угощая знакомых и незнакомых.

Если Врубеля-художника в 1896 году знал лишь узкий круг ценителей, то Надежда Ивановна Забела уже была примадонной Частной русской оперы Саввы Мамонтова.

Выдающаяся русская певица, лирико-колоратурное сопрано происходила из состоятельной семьи. Она обучалась в Петербургской консерватории. Первые же выступления на сцене приносят Забеле большой успех, внимание композиторов.

Известно, что, услышав впервые певицу, Врубель, сам в душе музыкант, был сразу и навсегда пленен ее голосом. «Другие певицы поют как птицы, а Надя поет как человек», — говорил позже Врубель. После репетиции Надежда разговаривала со своей партнершей Татьяной Любатович и была шокирована, когда незнакомый мужчина с горящими от восторга глазами стал целовать ей руки, повторяя: «Прелестный голос!» Татьяна Спиридоновна успокоила подругу: «Наш художник Михаил Александрович Врубель, человек очень экспансивный, но вполне порядочный». Тогда все и началось…

На следующий день Михаил Врубель вызвался писать картину «Гензель и Гретель», на которой хотел изобразить Надежду вместе с Татьяной Любатович в виде маленьких девочек. А еще через сутки предложил Забеле руку и сердце. Надя, смеясь, сказала, что если картина удастся, то она согласится выйти за него замуж. Врубеля прельщало, что она много моложе его и мало знает жизнь. Картина удалась…

Между предложением, сделанным в марте, и состоявшимся в конце июля венчанием произошло событие, доставившее много страданий Врубелю. По заказу Мамонтова он пишет для Всероссийской

Нижегородской выставки два огромных панно: «Микула Селянинович» и «Царевна Лебедь». Заказчика они устраивают, но, как пишет Константин Коровин, «художники Академии и другие взбесились как черти. Приехало специальное жюри из Академии, смотрели панно и картоны, было заседание, где поставлен был вопрос — быть или не быть панно Врубеля на выставке». Панно сняли. Возмущенный таким решением Савва Мамонтов специально для картин Врубеля выстроил павильон на той же выставке. Но травля художника продолжалась.

Надежда Ивановна была в курсе всех событий, но ничто не могло ее остановить. Она любит человека и безоглядно верит в его искусство. Свадьба состоялась в Женеве, куда Врубель чуть не пешком добирается к невесте.

«Вот уже четвертый день, как мы женаты, а мне кажется, очень давно, — пишет Забела сестре. — Мы как-то удивительно сошлись с Михаилом Александровичем, так что никакого стеснения не существует, и мне кажется, что мы давно муж и жена».

Врубель сделал жене массу подарков. Покупает он Наде только самое великолепное и дорогое. А Забела каждый день находит в Михаиле Александровиче все новые достоинства: он необыкновенно кроткий и добрый, даже трогательный. Деньги она у мужа все отбирает, чтобы тот ими не сорил. Врубель читает жене на ночь Лермонтова и Пушкина.

Следующий оперный сезон Врубель и Забела провели в Харькове. Музыка, которую разучивала певица, новые роли — все становится чрезвычайно близким Михаилу Александровичу: он вникает в детали исполнения, дает меткие советы по трактовке образов. Он добивается изменения театрального костюма Татьяны, заново создает платья Недды, Марии, Маши Троекуровой и других персонажей. Чуткий к музыке, Врубель не мог не пленяться Маргаритой — Забелой, тем более что он был страстным поклонником Гете.

В 1897 году художник и певица были приглашены Мамонтовым в Москву, в его Русскую частную оперу.

Первым триумфом в Москве было появление Забелы в партии Волховы в «Садко». Римский-Корсаков считал Надежду Ивановну единственной Волховой, не терпел замены.

Врубель участвовал в «расписывании» подводного царства, сочинял эскизы костюмов. При изучении партии Морской царевны Михаил Александрович поражал жену глубоким пониманием музыки и помогал ценными советами. В свою очередь, партитура «Садко» и пение Забелы бесконечно волнуют художника, «переплавляются» им в звучащие линии и краски акварели «Морская царевна», майоликовой «Волховы» и других работ.

К 1899 году заканчивается строительство нового доходного дома на углу Пречистенки и Зубовского бульвара. Врубели становятся чуть ли не первыми его жильцами.

Меблировку заменяет фантазия художника. С помощью дешевых тканей Врубель превращает кухонные табуретки в изысканную по цвету стильную мебель. Необычные драпировки отделяют уголок, который он оставляет себе для работы. В новых стенах рождаются лучшие его полотна: «Пан», «Валькирия», «Наяды», иллюстрации к Пушкину, эскизы декораций

к «Царской невесте» и «Кавказскому пленнику». Почти ежедневно художник работает над майоликой в Гончарных мастерских Мамонтова у Бутырской заставы. В доме Врубелей полно гостей — артистов, художников, и среди них Римский-Корсаков.

Кажется, жизнь наконец-то налаживается. Лето Врубели проводят у княгини Тенишевой в Талашкине или на хуторе у Ге, где в распоряжении художника мастерская покойного Николая Николаевича с сохраняющимся на стене огромным рисунком его картины «Голгофа». В 1901 году в семье рождается Саввочка, рождается точно таким, каким писал его отец младенца Христа в киевских храмах: с непонятно осмысленным взглядом трагических глаз и раздвоенной заячьей верхней губкой.

Роковая страсть к бесконечному самосовершенствованию владела Врубелем. Своего «Демона» он переписывал более сорока раз! Художник не отходил от мольберта по 15–20 часов в сутки. Тут и начались проблемы со здоровьем: сильные головные боли, бессонница и в конце концов психиатрическая клиника. «Маниакальное возбуждение, идея величия, он — Государь, святой, Пушкин», — записано в истории болезни.

Забела переживала тяжелейшие удары — душевный недуг Михаила Александровича, смерть отца, болезнь матери.

Зимой 1903 года Врубель начинает возвращаться к жизни, но в мае по пути на юг, в Киеве умирает от крупозного воспаления легких Саввочка.

Врубель снова попадает в психиатрическую больницу, на этот раз со страшным диагнозом — прогрессивный паралич. К отчаянным усилиям Забелы спасти мужа присоединяется сестра художника, Анна Александровна. Отныне они все время рядом, только меняются специалисты и клиники. Надежда Ивановна не задумывается над тратами. Самое большое для нее счастье, когда муж берет в руки кисть или карандаш, когда просит ее позировать. Никого, кроме Нади, он не хочет писать и рисовать. Ее образ появляется на бесчисленных портретах и набросках.

К началу июня 1904 года Врубель как по волшебству воскресает. Для полного завершения лечения профессор Сербский советует Наде перевести его в частный санаторий Усольцева. Здесь художник остается до осени.

Забела получает приглашение в труппу Петербургского Мариинского театра. Накануне первого ее ответственнейшего появления на сцене Дворянского собрания состоялась домашняя репетиция в доме Зилоти, на которой присутствовал Врубель. Тут же он сделал набросок графитным карандашом: «А. И. Зилоти и Н. И. Забела у рояля».

Одно из сильнейших переживаний Врубеля в последний период пребывания дома — выступление Надежды Ивановны осенью 1904 года, когда в сопровождении оркестра она с редкой проникновенностью исполнила арию Сервилии «Цветы мои». Со страстью, любопытством Врубель вновь изучает облик жены, стремится запечатлеть все то разнообразие чувств, которое пробуждает в нем она сама и ее искусство. Еще весной 1904 года в лечебнице начат один из самых вдохновенных ее портретов — «На фоне березок». Забеле тридцать шесть, но она кажется хрупкой, юной, нежной. Тонкое лицо с тенью беспомощной улыбки трогательно-печально…

В 1905 году Врубель снова оказывается в больнице. В течение последующих пяти лет он чаще бывал в психиатрических лечебницах, чем дома.

«Единственное, чем он жил, была музыка, — писал художник С. Судейкин. — Символом, идеальным выразителем прекрасного для него оставалась Надежда Ивановна. Жена лечащего врача В. А. Усольцева писала ей 31 марта 1905 года: „Любовь к Вам проходит красной нитью через все разговоры. Он Вам предсказывает блестящую будущность на Вашем артистическом поприще“».

Навещая мужа, Забела по его просьбе часто пела Колыбельную Волховы, арии Марфы, Царевны-Лебеди, знакомила его с новыми произведениями, причем Михаил Александрович не только наслаждался музыкой, но высказывал весьма тонкие замечания и оценки.

В 1906 году Врубель теряет зрение. Сестра читала ему вслух, а жена пела. Забела никому не признается в своем отчаянии, даже Анне Александровне. Главное — быть рядом с мужем, оттянуть неизбежную разлуку.

Последние четыре года для художника — годы больничной тишины, темноты и ощущения руки жены в своей руке. Перед смертью он коснется ее губами в благодарном поцелуе.

Надежда Ивановна переживет Врубеля всего на три года. Ее концертно-камерная деятельность последних лет поражает своей целеустремленностью. С особым чувством готовилась она к «программным» концертам, посвященным бесконечно волнующей ее теме «Врубель и Римский-Корсаков», — служение делу и памяти великих художников стало единственной целью и смыслом ее существования.

День 20 июня 1913 года оказался для нее последним. Забела спела на концерте три романса Н. А. Римского-Корсакова: «Когда волнуется желтеющая нива». «С берегов Ганга» и «Вертоград». А ночью ее не стало. По всем признакам она покончила жизнь самоубийством.

Анна Александровна продала весь немудреный скарб, и свой, и Врубелей, чтобы соорудить черную мраморную балюстраду над их общей могилой на кладбище московского Новодевичьего монастыря: М. А. Врубель и Н. И. Забела-Врубель. Художник и его Муза.

Владимир Ульянов и Надежда Крупская

В январе 1894 года в Петербург приезжает молодой революционер Владимир Ульянов. За спиною скромного, двадцатичетырехлетнего провинциала было, однако, немало переживаний: внезапная смерть отца, казнь старшего брата Александра, смерть от тяжелой болезни любимой сестры Ольги. Он прошел слежку за собой, арест, легкую ссылку в имение матери.

В Петербурге Ульянов устанавливает легальные и нелегальные связи с марксистами города, руководителями некоторых социал-демократических кружков, заводит новые знакомства. В феврале на квартире инженера Классона состоялась встреча группы марксистов города. Владимир знакомится с двумя активистками — Аполлинарией Якубовой и Надеждой Крупской.

После этого Ульянов часто встречается с подругами, как вместе, так и порознь. По воскресеньям он обычно наносил визиты в семью Крупских.

Надежда жила вместе с матерью Елизаветой Васильевной. Отец, Константин Игнатьевич, умер в 1883 году. Окончив Кадетский корпус, он получил должность начальника уезда в польском Гроеце. Но из-за политической неблагонадежности со службы был уволен. Понадобилось восемь лет, чтобы восстановить справедливость…

Надежда, родившаяся в 1869 году, училась в одной из лучших школ России — гимназии княгини Оболенской. Но уже в четырнадцать лет она была взята под опеку революционеров. Окончив восьмой педагогический класс, Крупская получила диплом домашней наставницы и успешно преподает, готовя к экзаменам учениц гимназии княгини Оболенской.

Осенью 1890 года Надя бросает престижные женские Бестужевские курсы. Она штудирует книги Маркса и Энгельса, ведет занятия в социал-демократических кружках.

В январе 1898 года Ульянов просит директора департамента полиции продолжить отбывание ссылки в Шушенском Крупской как своей невесты. Надежда Константиновна пишет, что это она «перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил Владимир Ильич, для чего объявилась его „невестой“».

Надежда получила разрешение ехать вместе с матерью. Елизавета Васильевна будет сопровождать супружескую чету везде, куда ее забросит судьба «профессионального революционера». Они приехали к Ульянову в начале мая, проделав немалый путь по железной дороге, на пароходе, лошадьми.

Елизавета Васильевна хотела, чтобы венчание было по всей форме. И хотя молодые (впрочем, Ульянову уже исполнилось двадцать восемь лет, а Крупской на год больше) довольно давно стали на тропу безбожия, они были вынуждены подчиниться матери.

Владимир пригласил на свадьбу Кржижановского, Старкова, других друзей из ссыльных. 10 июля 1898 года состоялась скромная свадьба, на которой свидетелями были простые крестьяне из Шушенского.

Шушенская ссылка (1898–1900) описана самой Крупской как счастливое время жизни. Она писала: «Мы ведь молодожены были — и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти. Мещанства мы терпеть не могли, и обывательщины не было в нашей жизни. Мы встретились с Ильичем уже как сложившиеся революционные марксисты — это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу».

Надежда Константиновна сразу становится «домашней», незаменимой при подборе материала, переписке отдельных фрагментов. Некоторые главы своих рукописей Ульянов читает супруге, однако с ее стороны критических замечаний всегда мало.

Для молодой женщины семья всегда связана не только с мужем, но и с детьми. Так было суждено, что этот брак оказался бездетным. Супруги никогда публично, даже с близкими людьми, не делились своей болью по этому поводу. Правда, Владимир Ильич в одном из писем к матери, когда они уже уехали из Шушенского, довольно прозрачно сказал о болезни жены (она в то время не была с ним в Пскове): «Надя, — писал Ульянов, —

должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2–6 недель лечь. Я ей послал еще денег (получил 100 р. от Водовозовой), ибо на лечение понадобятся порядочные расходы…». Позже, уже за границей, Крупская заболела базедовой болезнью, пришлось делать операцию. В письме матери Ульянов сообщал, что Надя «была очень плоха — сильнейший жар и бред, так что я перетрусил изрядно…».

Оказавшись за границей, Крупская быстро приняла тот щадяще-прогулочный режим, которого придерживался Ульянов. Из Женевы Владимир Ильич пишет: «…все еще веду летний образ жизни, гуляю, купаюсь и бездельничаю»; из Финляндии: «Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего…» Из Франции: «Мы едем на отдых в Бретань, вероятно, в эту субботу…»

Полтора десятка лет провели Ульяновы за рубежом. Постоянного источника дохода у них не было. До начала войны Надежда Крупская получила наследство от своей тетки, умершей в Новочеркасске; кроме того, Анна с Елизаровым и Мария продолжали эпизодически высылать деньги Владимиру…

В конце декабря 1909 года супруги после долгих колебаний переехали в Париж, где Ульянову было суждено встретиться с Инессой Арманд. Прелестная француженка, очаровательная жена богача Арманда, одинокая ссыльная, пламенная революционерка, истая большевичка, верная ученица Ленина, многодетная мать. Судя по переписке Владимира и Инессы (значительная часть которой сохранилась), можно сделать вывод, что отношения этих людей были озарены светлыми чувствами.

Как рассказывала А. Коллонтай, «вообще Крупская была „au corant“ (в курсе. — *фр.*). Она знала, что Ленин был очень привязан к Инессе, и не раз выражала намерение уйти. Ленин удержал ее».

Надежда Константиновна считала, что в Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции. Но она не устраивала сцен ревности и смогла установить с красивой француженкой внешне ровные, даже дружеские отношения. Та отвечала Крупской тем же…

Однако между супругами были теплые отношения. Надежда Константиновна волнуется за мужа: «С самого начала съезда нервы Ильича были напряжены до крайности. Бельгийская работница, у которой мы поселились в Брюсселе, очень огорчалась, что Владимир Ильич не ест той чудесной редиски и голландского сыру, которые она подавала ему по утрам, а ему было и тогда уже не до еды. В Лондоне же он дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно».

Владимир ценит жену и соратницу. «Ильич лестно отзывался о моих обследовательских способностях… я стала его усердным репортером. Обычно, когда мы жили в России, я могла много свободнее передвигаться, чем Владимир Ильич, говорить с гораздо большим количеством людей. По двум-трем поставленным им вопросам я уже знала, что ему хочется знать, и глядела вовсю», — писала Крупская спустя много лет после смерти мужа.

Скорее всего, без верной подруги Владимир Ильич никогда не добился бы всех своих ошеломляющих успехов.

Долгожданное чаще всего приходит неожиданно. «Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда в библиотеку, а я кончила убирать посуду, пришел Бронский со словами: „Вы ничего не знаете?! В России революция!“ Мы пошли к озеру, там на берегу под навесом вывешивались все газеты… В России действительно была революция».

Они возвращались в феврале 1917 году в Россию, мыслями о которой жили повседневно и в которой не были много лет. В пломбированном вагоне Крупская и Арманд ехали в одном купе.

В России Надежда Константиновна встречается с мужем урывками, но держит его в курсе всех дел. А он, видя ее способности, все больше нагружает Крупскую делами.

Осенью семнадцатого года стремительно нарастают события. Днем 24 октября Надежду Константиновну находят в Выборгской районной думе и передают записку. Она раскрывает ее. Ленин пишет в ЦК большевиков: «Промедление в восстании смерти подобно».

Крупская понимает — час настал. Она бежит в Смольный. С этой минуты она неразлучна с Лениным. Эйфория счастья и успеха прошла быстро. Жестокие будни съели радость.

Летом 1918 года Крупская поселилась в Кремле в скромной, специально оборудованной для нее с Лениным маленькой квартирке. Она не возражала.

А потом была Гражданская война. Борьба с контрреволюцией. Болезни Надежды Константиновны. Выстрел эсерки Фани Каплан в Ленина. Смерть Инессы Арманд…

Внезапная болезнь мужа испугала Надежду Константиновну. Что бы там ни говорили, супруги были привязаны друг к другу. Елизавета Драбкина вспоминает рассказ своего друга, курсанта кремлевских курсов Вани Троицкого, как однажды, когда он поздно вечером дежурил на посту у квартиры Ленина в Кремле, Владимир Ильич попросил его, если он услышит внизу на лестнице шаги Надежды Константиновны, задержавшейся на каком-то заседании, постучать в дверь и позвать его. Ваня вслушивался в ночную тишину. Все было тихо. Но вдруг отворилась дверь квартиры, и быстро вышел Владимир Ильич.

— Никого нет, — сказал Ваня.

Владимир Ильич сделал ему знак.

— Идет, — прошептал он заговорщически и сбежал вниз по лестнице, чтобы встретить Надежду Константиновну: она шла, ступая совсем тихо, но он все же услыхал.

И вот Ленин сражен первым приступом болезни. Крупская по долгу и праву жены дежурит у постели Владимира Ильича. Над больным склоняются лучшие врачи и выносят вердикт: полный покой.

Центральный Комитет ВКП(б) поручает своему генсеку товарищу Сталину ответственность за соблюдение режима, установленного врачами.

21 декабря Ленин попросил, а Крупская написала под его диктовку письмо Троцкому по поводу монополии внешней торговли.

Узнав об этом, Сталин по телефону не пожалел грубых слов для Надежды Константиновны. И в завершении сказал: она нарушила запрещение врачей, и он передаст дело о ней в Центральную Контрольную комиссию партии.

Ссора Крупской со Сталиным произошла через несколько дней после начала болезни Ленина, в декабре 1922 года. Ленин узнал о ссоре 5 марта 1923 года и продиктовал секретарше письмо Сталину: «Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

После диктовки Ленин был очень взволнован. Это заметили и секретарши, и доктор Кожевников.

На следующее утро он попросил секретаршу перечитать письмо, передать лично в руки Сталину и получить ответ. Вскоре после ее ухода его состояние резко ухудшилось. Поднялась температура. Отнялась речь. На левую сторону распространился паралич.

Почти целый год еще Владимир Ильич жил. Дышал. Она не отходила от него.

21 января 1924 года в 6 часов 50 минут вечера Ульянов Владимир Ильич, 54 лет, скончался.

Ни слезинки не увидели люди в глазах Крупской в дни похорон. Говорила на панихиде, обращаясь к народу и партии: «Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память — всему этому он придавал при жизни такое малое значение, так тяготился этим. Помните, что многое еще не устроено в нашей стране…»

Крупская пережила мужа на пятнадцать лет. Давняя болезнь мучила и изнуряла ее. Она не сдавалась. Каждый день работала, писала рецензии, давала указания, учила жить. Написала книгу воспоминаний. Наркомпрос, где она работала, окружил ее любовью и почитанием, ценя природную душевную доброту Крупской, уживавшуюся вполне мирно с суровыми идеями.

Из жизни Крупская ушла как-то внезапно. Да, она была уже немолода и много болела, но в смерти ее есть тайна. Пожалуй, самая большая загадка — это то, о чем она собиралась говорить на съезде партии. Не исключено, что эта речь могла быть направлена и против Сталина. Утром 24 февраля 1939 года Надежда Константиновна, как обычно, работала, а днем к ней в Архангельское приехали друзья — отметить приближающееся семидесятилетие. Сталин прислал торт. Все дружно ели его.

В 7 часов вечера она внезапно почувствовала себя очень плохо. Вызвали врача, но он приехал через три с половиной часа. Диагноз поставили сразу: «острый аппендицит-перитонит-тромбоз». Необходима была срочная операция, но ее так и не сделали. Надежда Константиновна умерла 27 февраля. Сталин лично нес урну с прахом Крупской.

Франц Фердинанд и София Хотек

Рано утром 28 июня 1914 года после окончания военных маневров в Боснии эрцгерцог Франц Фердинанд прибыл в Сараево, где ожидался прием в ратуше. Франц Фердинанд был в парадной форме, при всех

орденах. Жена его, София Хотек, — в белом платье и широкополой шляпе. Рядом с ними находился военный губернатор Боснии генерал Потиорек, который показывал достопримечательности города.

Шесть террористов организации «Млада Босна», смешавшись с толпой, готовились бросить бомбы в автомобиль наследника престола. Первым атаковал Габринович на набережной Аппеля, но в результате взрыва был ранен лишь офицер в находившемся в соседнем с эрцгерцогом автомобиле.

Не теряя присутствия духа, Франц Фердинанд все же отправился в ратушу. На обратном пути студент Гаврила Принцип двумя выстрелами из револьвера смертельно ранил эрцгерцога и его жену. Убийство Франца Фердинанда в Сараеве явилось тем поворотом, который повлек за собой самые роковые события европейской истории. Началась Первая мировая война. Убийство это оказалось звеном в цепи роковым образом сложившихся обстоятельств.

Франц Фердинанд был одной из самых загадочных политических фигур страны. Старший сын эрцгерцога Карла Людвига (брата императора Франца Иосифа) родился 18 декабря 1863 года. Его мать — принцесса Антония, дочь Фердинанда II; последнего короля Обеих Сицилий из династии Бурбонов, скончалась в 1871 году; после этого мальчика воспитывала мачеха — Мария-Терезия Браганская. Услужливые архивисты высчитали, что кровь Франца Фердинанда смешивала в себе кровь 112 царствующих домов — 71 немецкого, 8 французских, 7 итальянских и, кроме того, разных других. Эрцгерцог любил говорить, что у него имеется 2047 предков, отмеченных чем-либо в истории!

До поры до времени никто не принимал Франца Фердинанда в качестве престолонаследника. Одним из любимых занятий эрцгерцога было садоводство.

Однако вскоре все круто изменилось. 30 января 1889 года в охотничьем замке Мейерлинг покончил с собой единственный сын Франца Иосифа эрцгерцог Рудольф. Одной из причин трагедии стал категорический отказ императора санкционировать развод сына с его женой Стефанией Бельгийской с целью заключения морганатического брака с баронессой Вечери. Наследником престола стал отец Франца Фердинанда Карл Людвиг. Со смертью последнего (19 мая 1896 года) для Франца Фердинанда открылся прямой путь к престолу. Однако вскоре новоявленный наследник стал причиной династического кризиса.

Франц Фердинанд, как большинство австрийских эрцгерцогов, был определен в армию и предназначался для военной карьеры. Он никогда не отличался крепким здоровьем, может быть вследствие предрасположения к чахотке, унаследованного им от матери. Ему не раз приходилось проводить по несколько месяцев в Бриони или в Мирамаре, на теплых берегах Адриатики. Для поправки здоровья он ездил также в Швейцарию в Давос, а в 1892–1893 годах предпринял десятимесячное кругосветное путешествие.

В начале 1890-х годов в Вене ходили слухи, что Франц Фердинанд ухаживает за эрцгерцогиней Марией-Христиной, старшей дочерью эрцгерцога Фридриха и эрцгерцогини Изабеллы. Он часто посещал их в Пресбурге, иногда по два раза в неделю, и родители стали льстить себя

надеждой, что дочь их со временем будет императрицей. Но в действительности Франц Фердинанд влюбился в одну из фрейлин их двора, графиню Софию Хотек. Это была красивая, высокая, гордая женщина, со сверкающими глазами и стремительной походкой. Она происходила из старинного обедневшего чешского аристократического рода.

Влюбленные ежедневно обменивались страстными посланиями, но встречались редко — графиня почти не отходила от постели умирающего отца. Летом 1895 года Франц Фердинанд должен был отправиться на лечение в Египет. Если бы не София, он ни за что бы не поехал туда. Но графиня сказала: «Ты хочешь, чтобы я полностью принадлежала тебе? Тогда найди в себе силы побороть болезнь!»

После смерти отца в 1896 году Франц Фердинанд был официально объявлен наследником престола. Но ходили упорные слухи, что болезнь не позволит ему стать императором. Однако эрцгерцог был намерен обмануть ожидания злопыхателей — ради любимой и ради собственного, еще неизведанного счастья. Так и случилось: весной 1897 года комиссия из нескольких врачей признала Франца Фердинанда совершенно здоровым. Лишь после этого София, сдержав обещание, стала его любовницей…

Какое-то время их любовь оставалась тайной и не возбуждала подозрений. Когда они временно расставались, то каждую неделю обменивались письмами при посредстве одного из офицеров, пользовавшегося доверием эрцгерцога. Но потом произошла катастрофа. Однажды, переодеваясь после игры в теннис в Пресбурге, Франц Фердинанд забыл свои часы, и лакей принес их к эрцгерцогине Изабелле. Она открыла брелок, по всей вероятности рассчитывая найти там фотографию своей дочери, но вместо нее там оказалась фрейлина. Можно себе представить чувство разочарования, охватившее мать. Графиня София была немедленно уволена со всеми знаками немилости и должна была в ту же ночь покинуть дом.

Для престарелого императора Франца Иосифа весть о решении его племянника явилась очередным ударом: в 1867 году в Мексике был расстрелян его брат Максимилиан, пытавшийся захватить тамошний престол, а жена брата от горя сошла с ума; его единственный сын Рудольф покончил самоубийством; его жена, императрица Елизавета Баварская, была убита в 1898 году итальянским анархистом. Племянник его жены, душевнобольной Людвиг Баварский, утонул в Штарнбергском озере. Его младший племянник Отто, брат Франца Фердинанда, вел распутный образ жизни, нажил себе этим болезнь и неоднократно причинял неприятности престарелому императору, оскорбляя в нем чувство достоинства и приличия. А теперь его прямой наследник желал пренебречь европейскими традициями и испанским этикетом его двора и жениться на какой-то обедневшей графине, у которой к тому же предполагалась неблагополучная психическая наследственность. И окружающие слышали, как император бормотал про себя: «Неужели и это не могло меня миновать?»

В течение месяца Франц Иосиф решительным образом сопротивлялся браку, но когда он увидел, что это только усиливает упорство его племянника и что Франц Фердинанд предпочтет отказаться от

прав на престол, чем от руки любимой женщины, старый формалист пошел наконец на компромисс. Брак должен быть морганатический!

28 июня 1900 года в малом зале совещаний в венском дворце, в присутствии императора, эрцгерцогов и важнейших сановников было торжественно зарегистрировано оглашение брака. Одновременно с этим Франц Фердинанд огласил торжественный «акт об отречении», который был скреплен подписями и печатями в двух экземплярах на немецком и мадьярском языках.

Акт об отречении должен был стать источником невероятных огорчений и неприятностей в будущем, потому что те, кто был для Франца Фердинанда дороже всего, оказались лишенными прав и почестей, на которые они могли бы рассчитывать, если бы не существовали ограничительные правила феодального закона и испанского этикета.

28 июня было роковым днем. Ровно через четырнадцать лет, тоже 28 июня, револьвер убийцы оборвал жизнь Франца Фердинанда и Софии Хотек. 28 июня, девятнадцать лет спустя, тоже в годовщину отречения эрцгерцога, был подписан Версальский договор, зафиксировавший трагический результат Первой мировой войны…

Утром 1 июля 1900 года в небольшой церкви чешского городка Закупы наследник престола Австро-Венгерской империи Франц Фердинанд обвенчался с Софией Хотек, ставшей в этот момент герцогиней Гогенберг — этот титул ей в качестве подарка к свадьбе пожаловал Франц Иосиф.

После женитьбы личные отношения Франца Фердинанда с императором безнадежно испортились. Тем не менее наследник сохранил несомненный авторитет как внутри правящей династии, так и среди европейских коронованных особ.

Супруги жили счастливо. С годами любовь их не слабела. 24 июля 1901 года на свет появилась их дочь Софи. Год спустя, 29 сентября 1902 года, родился Максимилиан, и наконец 27 мая 1904 года свет увидел сын Эрнест. Трое чудесных, красивых и здоровых детей так резко отличались от своих бледных и хилых кузенов, родившихся от слишком часто повторяющихся родственных браков, что это воспринималось как явное оскорбление.

Герцогиня Гогенберг считалась по рангу ниже самой младшей из эрцгерцогинь. Судьба ее была далеко не завидная: «Величие куплено дорогой ценой», — призналась она за год до смерти одному из своих близких друзей. Члены императорской семьи часто подвергали ее жестокому унижению. Ходило много рассказов о чрезвычайно резких сценах, имевших место между Францем Фердинандом и его родственниками из-за обид, причиненных его жене. В конце концов дошло до того, что наследник и герцогиня Гогенберг предпочитали уклоняться от придворных церемоний.

Франц Фердинанд считал, что жену его в Вене оскорбляют и унижают, поэтому он был особенно признателен императору Вильгельму, который относился к ней с почтением. Этим отчасти объясняется тесное сближение перед войной между германским императором и эрцгерцогом.

При первом посещении Берлина Франц Фердинанд, как и многие друзья кайзера, был пленен живостью Вильгельма, его умом. В ноябре 1908 года германский император провел два дня с Францем Фердинандом на

охоте в Экартзау на Дунае. Здесь их отношения приняли дружеский характер. В следующем году эрцгерцог получил приглашение приехать в Потсдам, причем это приглашение относилось также и к герцогине Гогенберг. Ее приняли со всеми почестями, полагающимися эрцгерцогиням.

К сожалению, Францу Фердинанду не было суждено стать императором. 28 июня 1914 года супруги погибли в Сараеве. Террорист выстрелил два раза. Одна пуля попала в шею эрцгерцогу, другая — в живот графини. Последние слова Франца Фердинанда были обращены к жене: «София, София, не умирай, останься жить ради наших детей».

Убийство наследника не только послужило толчком к началу войны, но и сыграло роковую роль в истории дома Габсбургов. С гибелью Франца Фердинанда эта древнейшая царствующая фамилия лишилась последнего крупного представителя.

Франц Иосиф принял детей эрцгерцога на воспитание. Затем детей опекала Мария-Терезия. Она пыталась устроить судьбу сыновей убитого наследника — герцогов Макса и Эрнеста. Во время Первой мировой войны Мария-Терезия вела переговоры с германским императором Вильгельмом II о передаче своим внукам во владение германских земель — Эльзаса и Лотарингии. Но эти попытки оказались безуспешными. При нацистской диктатуре братья Макс и Эрнст фон Гогенберги были брошены в концлагерь Дахау…

Антон Чехов и Ольга Книппер

Впервые Антон Павлович Чехов увидел ее на репетициях своей «Чайки», а потом — пьесы А. Толстого «Царь Федор Иоаннович», где она играла царицу Ирину. Молодая актриса Ольга Книппер, окончившая класс Немировича-Данченко в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества, была принята в труппу только что открывшегося Художественного театра. «Со сцены повеяло настоящим искусством, — напишет потом Чехов о своих впечатлениях. — Ирина, по-моему, великолепна. Голос, благородство, задушевность — так хорошо, что даже в горле чешется».

Ольга Книппер родилась в 1868 году в удмуртском городе Глазов в семье инженера, немца по национальности. После окончания частной женской гимназии Ольга дает уроки музыки. Поступив в драматическое училище, она продолжала давать уроки, чтобы иметь возможность платить за учение и зарабатывать на жизнь. Стать профессиональной актрисой для Книппер также означало быть человеком самостоятельным, материально независимым и — свободным. Таким своим положением она всегда гордилась, и, по-видимому, уже к моменту знакомства с Чеховым это стало ее жизненным кредо.

Итак, в сентябре 1898 года Чехов наблюдает за репетициями «Чайки» и знакомится с Ольгой Книппер. Для него это были два события чрезвычайной значимости. Как известно, в 1896 году «Чайка» провалилась, и провал ее был пережит писателем столь болезненно, что имеет смысл списать на его счет и легочное кровоизлияние, случившееся меньше чем через полгода после провала. Теперь «Чайка» ставится вновь.

В октябре Антон Павлович в письмах все время возвращается к своим впечатлениям от игры Книппер и от всего ее облика. Суворину 8-го числа он сообщает, что если бы «остался в Москве, то влюбился бы в эту

Ирину». 21 октября спрашивает В. И. Немировича-Данченко: «…отчего не пишут об Ирине-Книппер?.. Ирина казалась необыкновенной»; а 26-го делится с братом Михаилом своими соображениями о любви и браке: «Жениться интересно только по любви; жениться же на девушке только потому, что она симпатична, это все равно что купить себе на базаре ненужную вещь только потому, что она хороша. В семейной жизни самый важный винт — это любовь, половое влечение, едина плоть, все же остальное — ненадежно и скучно…»

В то время Чехов был уже болен и жил в «скучной Ялте», выбираясь в столицу лишь по неотложным делам. Отныне же его влекла в Москву большая, настоящая любовь.

После триумфальной премьеры «Чайки» в Художественном театре (декабрь 1898 года) отношения между писателем и актрисой стали еще более доверительными. В первый день Пасхи Чехов нанес визит в гостеприимный дом Книппер. А еще через несколько дней на художественной выставке они вместе любовались левитановским шедевром «Стога сена при лунном свете». Затем в их жизни были три майских дня, когда Ольга Леонардовна гостила в его небольшом подмосковном имении Мелихове.

Но болезнь писателя стала причиной скорой разлуки: Чехову подолгу приходилось жить в Крыму, а Книппер работала в театре в Москве.

Лето 1899-го оказалось счастливым для обоих. Чехов и Книппер еще долго будут вспоминать путешествие на пароходе из Новороссийска в Ялту, а затем поездку через Ай-Петри и Бахчисарай. В письмах они все время возвращаются к этим прекрасным мгновениям. Тем невыносимее Чехову в Ялте, о чем он признается сестре Марии: «Пианино и я — это два предмета в доме, проводящие свое существование беззвучно и недоумевающе, зачем нас здесь поставили, когда на нас некому играть». А любимая зовет его в столицу: «Ну приезжай же, я сделаю все, чтобы… ты оттаял, отошел, чтобы тебе было хорошо от моей любви… Милый, милый, так хочется жить полной жизнью».

Они страстно мечтают о встрече. В их письмах — любовь, сомнения, ревность, страдания. Чехов: «Я ведь тебя люблю, знай это, жить без тебя мне уже трудно». Книппер: «Я решила, что ты охладел ко мне… Приезжай, приезжай скорее, я хочу, хочу, хочу тебя видеть, хочу, чтобы ты был здесь сейчас же». В ответ ей придет письмо, в котором Чехов спросит а зачем, собственно, ему приезжать? Чтобы затем снова уехать?

Коллектив Художественного театра любил Чехова, и, чтобы поднять дух драматурга, труппа весной 1900 года выехала на гастроли в Севастополь. Сюда прибыл и Антон Павлович из Ялты — ему очень хотелось увидеть свою пьесу «Дядя Ваня». Ольга, его Книпперуша, превзошла все ожидания: она не играла, а жила на сцене, почти физически перевоплощаясь в свою героиню, постигая самые сокровенные замыслы Чехова.

Благодарный автор скоро приходит к мысли сочинить новую пьесу, в которой одна из главных героинь была бы специально написана для Книппер. Пьеса «Три сестры» еще не завершена, а Чехов уже пишет Ольге Леонардовне: «А я не знаю, что тебе сказать, кроме того, что уже говорил 10 000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, то есть я люблю тебя и

больше ничего».

Домашние Чехова, мать и сестра Маша, конечно, догадывались о его особенном отношении к Ольге Книппер, приезжавшей в Ялту и гостившей в их доме, но мысль о женитьбе им не приходила в голову. Маша считала, что ее брат Антон и ближайшая подруга Оля не имеют от нее никаких тайн. Между тем тайны были, и первая — начиная с лета 1900 года тайна интимной близости. По письмам Книппер видно, что ей было неловко перед матерью и сестрой Чехова, и с осени она начинает все активнее намекать на венчание; она даже слегка упрекает Чехова за то, что он отмалчивается или отшучивается в письмах, когда она так прямо ставит перед ним этот вопрос: «…в Ялту я теперь не могу приехать. Чем я приеду? Опять скрываться, опять страдания матери, прятки, мне это, право, тяжело, поверь мне… Ты ведь помнишь, как тяжело было летом, как мучительно. До каких же пор мы будем скрываться?» 21 марта 1901 года: «Я бы приехала к тебе, но ведь мы не можем жить теперь просто хорошими знакомыми, ты это понимаешь. Я устала от этого скрыванья, мне тяжело это очень, поверь мне. Опять видеть страдания твоей матери, недоумевающее лицо Маши — это ужасно!»

Но Чехов медлит с решением — несмотря на внутреннюю готовность ответить согласием на предложение Книппер. И в общем понятно, что его останавливает. Это и его смертельная болезнь, и нежелание ломать устоявшийся порядок жизни. И страх перед «тюрьмой» брака…

Наконец Антон Павлович решается, но выдвигает при этом необычное условие: никто из его близких, а также семья Книппер, не должны знать о венчании. В письме актрисе от 19 апреля 1901 года он замечает: «Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, — то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда».

Венчание состоялось в церкви Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня, что на Пометном (Чистом) Вражке 25 мая (7 июня) 1901 года. Присутствовали четыре шафера: брат актрисы В. Книппер, ее дядя А. Зальца, студенты Ф. Зейферт и Д. Алексеев.

Чехов предпочел поставить близких перед фактом. Мать Чехова, Евгения Яковлевна, и сестра, Мария, находившиеся в то время в Ялте, были шокированы, получив телеграмму из Москвы: «Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. Уезжаю на кумыс…»

Сразу после венчания Чехов с Книппер уезжают в Уфимскую губернию, в Андреевский санаторий — на кумыс. Затем супруги перебираются на юг. Три месяца, проведенные ими вместе в атмосфере упоительного счастья, пролетели как одно мгновение. Ольге Леонардовне надо возвращаться в театр.

Семейная жизнь Чеховых состояла из цепи мучительных разлук и радостных ожиданий. И только переписка спасала два любящих сердца от бесконечной тоски. Оставшись в Ялте, Антон Павлович с грустью пишет любимой: «Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству».

Книппер продолжает с успехом работать в Художественном театре. Ольга Леонардовна, по отзывам современников, была великолепна в пьесах Горького, в спектаклях по произведениям Тургенева, Достоевского,

Гоголя, Грибоедова, Толстого. Первой она воплотила на сцене образы чеховских героинь…

Любовь к Художественному театру и любовь к «необыкновенной женщине, чудесной, удивительной актрисе» все теснее переплетались в душе Чехова. Ольга Леонардовна стала для него, постоянно живущего в Ялте, связующей нитью с Москвой и театром. Чехов отчаянно протестует, когда Книппер пытается оставить сцену. И она подчиняется, понимая, как важна для Антона Павловича ее работа. «А потом, — спрашивает она себя, — нужна ли ему „просто жена, оторванная от живого дела?“»

Любящие друг друга супруги жили порознь. Оба с трудом смирялись с таким положением. В письмах жене Антон Павлович иногда не удерживается от того, чтобы робко не пожаловаться на свое одиночество: «Я каждое утро прислушиваюсь: не слыхать ли венгерца [прозвище Книппер], не пройдет ли он с ведром. Мне кажется, что я совсем уже стал обыватель и без супруги жить не могу». 13 декабря 1901 года он пишет жене из Ялты: «Ах, дуся, как я тебе завидую… Завидую твоей бодрости, свежести, твоему здоровью, настроению, завидую, что тебе не мешают жить никакие соображения насчет кровохарканья…».

Трудным и очень коротким было их позднее счастье. Они мечтали о сыне. В феврале 1902 года Ольга Леонардовна уезжала из Ялты на гастроли в Петербург, уезжала в положении, но не знала об этом. Как всегда, много работала и не берегла себя. И — пришла беда: ее увезли в клинику, сделали операцию, после которой она болела так тяжело и долго, что серьезно опасались за ее жизнь. Позже с горькой иронией она писала Чехову: «Не могу удержаться, чтобы не написать остроту Москвина по поводу случившегося: „Осрамилась наша первая актриса, — от какого человека — и не удержала…“»

Супругам так и не суждено было иметь ребенка. Через два года Антона Павловича Чехова не стало.

Жизнь Ольги Леонардовны становится невыносимой. Похоронив мужа, она продолжает мысленно беседовать с ним — писать письма-дневники, исповеди-воспоминания: «Мне кажется, что ты жив и где-то ждешь моего письма…» А через много лет, как бы подводя итоги, она скажет: «Верилось, что жизнь может и должна быть прекрасной, и она стала такой, несмотря на наши горестные разлуки, они ведь кончались радостными встречами».

Николай Рерих и Елена Шапошникова

«Другиней, спутницей, вдохновительницей» называл свою жену великий художник Николай Константинович Рерих и, по его утверждению, под его картинами должны были бы стоять две подписи: мужская и женская. Елена Ивановна — Лада, Прекрасная Дама — разделяла все помыслы, все замыслы, все устремления гения.

Николай Константинович Рерих родился в Санкт-Петербурге в 1874 году и был старшим ребенком в семье юриста-нотариуса Константина Рериха и его жены Марии. С раннего детства он проявлял особые способности к рисованию. Отец настаивал на том, чтобы сын пошел по его стопам. Осенью 1893 года Николай поступил одновременно в Художественную Академию и в Санкт-Петербургский университет.

Закончив университет и получив диплом, Рерих решил провести год в Европе. Перед самым отъездом произошло его знакомство с Еленой Шапошниковой, дочерью архитектора Ивана Ивановича Шапошникова и племянницей композитора Модеста Мусоргского. Она родилась в 1879 году в Петербурге и по линии матери, Екатерины Васильевны, принадлежала к старинному роду Голенищевых-Кутузовых. Детство и юность Елена провела в Петербурге, в доме на Лиговке.

Она получила хорошее образование, в восемнадцать лет свободно говорила на четырех иностранных языках. Была талантливой пианисткой: окончив высшую музыкальную школу при Санкт-Петербургской консерватории, давала сольные концерты в дворянском собрании. Но было у Шапошниковой еще одно увлечение, которое впоследствии захватило ее целиком, — восточная философия.

На балах Елена чаще сидела в глубине зала, окруженная поклонниками. В нее влюблялись миллионеры. Но она, на удивление всем, отказывала первым женихам Петербурга и говорила, что выйдет замуж только за музыканта или художника.

Летом 1899 года Елена Шапошникова отдыхала вместе с многочисленной родней в имении князя Путятина, которое находилось в Бологом Новгородской губернии. По субботам патриархально ходила в баню.

Елена Ивановна рассказывала домашним, как познакомилась с будущим мужем. Как-то, возвращаясь из бани, встретила она молодого человека со светлой бородкой, приняла его почему-то за землемера. А вечером за чайным столом узнала, что это вовсе не землемер, а известный художник. Удивление было взаимным и приятным. Рерих был поражен красотой девушки.

Художник провел в усадьбе несколько дней. Он приехал в Бологое по делам раскопки курганов, а Путятин, член Петербургского археологического общества, был в отъезде и задержался.

Красота, тонкость, ум и такт Елены произвели на Рериха глубокое впечатление. Одна из современниц нарисовала ее портрет: «Полная изящества, женственности, грации и какого-то внутреннего обаяния всего ее облика, она невольно притягивала к себе все взоры. У нее были роскошные светло-каштановые, с золотым отливом волосы и пышная прическа по моде того времени, прелестный небольшой ротик, жемчужные зубы и ямочки на щеках; когда она улыбалась, а улыбалась она часто, все лицо ее освещалось теплом и лаской. Но что было самое примечательное в ее лице — это ее глаза, темно-карие, почти черные, миндалевидные, продолговатые, как бывают у испанок, но с другим выражением. Это были лучезарные очи с длинными ресницами, как опахала, и необычайно мягким, теплым, излучающим сияние взглядом».

Встречи и беседы оставляли чувство внутреннего родства и общности устремлений. У них были одинаковые вкусы. Оба любили музыку Вагнера, Бетховена, Римского-Корсакова, Мусоргского, Стравинского. Любили живопись: Тициана, Куинджи, Леонардо да Винчи. Любили Толстого и Пушкина. Любили философов Спинозу, Сведенборга, Беме…

В первые месяцы знакомства, продолженного осенью в Петербурге, Рерих, дороживший своей творческой свободой, делает 30 ноября запись в

дневнике: «Сегодня была Е. И. в мастерской. Боюсь за себя — в ней очень много хорошего, опять мне начинает хотеться видеть ее как можно чаще, бывать там, где она бывает».

В 1900 году Рерих делает девушке предложение и получает согласие. Правда, свадьбу пришлось отложить — это было связано со смертью отца Николая и необходимостью привести в порядок финансовые дела, а также с поездкой Рериха за границу для завершения художественного образования.

Родственники Елены называли планы ее супружеской жизни с Рерихом «несносными химерами». Пытаясь помешать предстоящему браку, они все активнее вовлекают девушку в светскую жизнь. Однако свет мало привлекает юную Елену Ивановну, хотя она всегда со вкусом одета, не отказывает себе в удовольствии носить драгоценности.

Наконец на Лиговке появляется сам Николай Константинович с рассказами о Париже и Кормоне. Невесте вместо драгоценностей — замыслы картин, радости, сетования, раздумья. Несмотря на сопротивление всего клана Голенищевых-Кутузовых, недовольных скромным финансовым положением художника, Николай и Елена твердо решили связать свои судьбы. 28 октября 1901 года в 6 часов вечера в церкви Академии Художеств на Васильевском острове состоялось их венчание. Невеста шла к алтарю в белом платье, в белых вуалях, и тяжелый венец опускался на вуаль, на легкие цветы, означая начало новой жизни.

Рерихи поселяются на квартире матери Николая. Потом немало пришлось и «покочевать» по квартирам, словно бы предваряя грядущие многочисленные путешествия.

Елена Ивановна не слишком любит домашнее хозяйство, но забот все больше. В августе 1902 года в селе Окуловке, где Рерихи находились проездом в археологическую экспедицию, родился их первенец Юрий, будущий ученый-востоковед с мировым именем.

В 1903–1904 годах супруги совершают путешествие по русским городам (всего не менее сорока!). Целью экспедиции было сравнительное изучение стилей и исторического своеобразия русской архитектуры. Елена Ивановна фотографировала церкви, памятники архитектуры, их роспись и орнамент. Она овладела также мастерством реставратора. Рерихам удалось открыть на некоторых холстах «под слоем позднейшей мазни» шедевры великих мастеров: Ван Орлея, Брейгеля, Рубенса, Ван Дейка…

Рерихов часто можно было видеть в антикварных магазинах и на художественных аукционах. Постепенно сложилась превосходная семейная коллекция — свыше 300 произведений, переданная после революции супругами в Эрмитаж.

В октябре 1904 года в Санкт-Петербурге у Рерихов родился второй сын, Святослав, который станет знаменитым художником, выдающимся общественным деятелем.

Елена и Николай Рерихи имели свой взгляд на воспитание детей. Главное, считали они, помочь ребенку открыть в себе талант, создать условия для его развития. Если Юрий с раннего детства тяготел к филологии, лингвистике, военной истории, то Святослава интересовала живопись, ботаника, собирание минералов и трав. В знаменитой гимназии

Мая наметившаяся специализация была продолжена. Юрий начал заниматься у известных русских востоковедов, а Святослав брал уроки живописи, был увлечен архитектурой и балетом, изучал естественные науки.

Елена Рерих много читала детям, занималась с ними иностранными языками и музыкой, брала с собой в музеи, возила на концерты и выставки. В домашнем театре ставились спектакли классиков драматургии, причем костюмы и декорации мастерили сами дети. «Мы были с детства окружены мыслями Елены Ивановны и Николая Константиновича», — вспоминал Святослав Рерих.

В 1906 году семья переезжает на Мойку, в квартиру, которая располагалась в здании Общества поощрения художеств. Николай Константинович в этой школе начинал работать секретарем, а потом стал ее директором.

В начале 1915 года Николай Константинович заболел воспалением легких. Врачи посоветовали ему вместе с семьей переехать в Финляндию, в Сортавалу.

Первый круг странствий охватывает Скандинавию. В Стокгольме в ноябре 1918 года открылась выставка картин Рериха. Успех превзошел все ожидания. Скандинавом, «богатым славой», сделался Рерих в Норвегии и в Дании. Из гавани Копенгагена путь лежит в Лондон. Вездесущий, преуспевающий Дягилев помогает в устройстве выставки в Англии. Здесь происходит знакомство Рерихов с Рабиндранатом Тагором — он говорит художнику: «Ваше искусство независимо, ибо оно велико». Приглашает семью в Индию.

В 1921 году Рерихи уже в Америке. Николай Константинович основал в Нью-Йорке Главный Институт Объединенных Искусств. В США художник не только провел выставки четырехсот своих работ в разных городах, но и оформил декорации и костюмы к постановкам в Чикагском оперном театре.

Индийский путь оставался главным для всей семьи. Елена Ивановна увлекалась Тагором и индийской философией не меньше, чем Николай Константинович. По приезде в Лондон старший сын поступил на индо-иранское отделение Школы восточных языков Лондонского университета. Затем учился в Гарварде и в Париже. «Юра в Париже занимается с профессором Пеллио по Китаю и с профессором Бако по Тибету. Пишет статьи по искусству, печатает во французских журналах». Он получает степень магистра индийской филологии в Сорбонне.

Лето и осень 1923 года Рерихи провели в Париже. В Бомбей прибыли 2 декабря и сразу же отправились в поездку по главным культурным центрам и древним городам. В Дарджилинге Рерихи поселились в доме, из окон которого открывался красивый вид на Гималаи.

Путешествуя по стране, Рерихи встречались с индийскими исследователями, учеными, художниками и писателями. К концу декабря они уже были на южных склонах Гималаев, в небольшом княжестве Сикким. Здесь окончательно утвердились планы Рериха относительно научно-культурной экспедиции по Срединной Азии. Маршрут предусматривал два перехода через тибетские нагорья: с юга на север через Западные Гималаи в Китайский Туркестан, на Алтайские горы в

Сибирь и в Монголию; затем с севера на юг через пустыню Гоби, Тибетское нагорье и Восточные Гималаи обратно в Дарджилинг.

Экспедиция Рериха началась в марте 1925 года. Это было путешествие по неисследованным районам, где его участники намеревались изучать религиозные верования, языки, обычаи и культуру местных обитателей. Глава экспедиции, Николай Константинович, — художник, историк, археолог. Елена Ивановна занимается философией Востока, собирает легенды и предания. Юрий — филолог, специалист по языкам и диалектам Азии. Младший сын с сожалением отказывается от экспедиции и возвращается в Америку, чтобы продолжать учебу.

Вместе с мужем и сыном Елена Ивановна преодолела 16 500 миль, через обледенелые перевалы и горные хребты, не испугавшись пятидесятиградусных морозов и пуль разбойных тибетских племен. «На коне вместе с нами проехала Елена Ивановна всю Азию, — пишет Н. Рерих в статье „Лада“, — замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она». Рерихи побывали в России, где художник, выполняя поручение гималайских махатм, передал Советскому правительству послание духовного Востока.

26 мая 1928 года экспедиция благополучно завершилась в Дарджилинге. Для обработки ее материалов и для будущих исследований в области истории, искусства, лингвистики Азии, в области биологии, медицины, ботаники, Рерихи организовали Гималайский Исследовательский Институт «Урусвати». Директором института и руководителем его этнолого-лингвистического отдела станет Юрий Николаевич. Отделом народного искусства и народной фармакопеи будет заведовать Святослав Николаевич.

Рерихи поселились в долине Кулу на высоте 1200 метров у подножья Гималаев, с великолепным видом на долину и окружающие ее горы. В доме удобно размещены картины, книги, коллекции. Внизу — мастерская, столовая, где на стенах развешаны тибетские картины. Вверху — жилые комнаты, у каждого по своему вкусу.

Рерихи встают с восходом солнца. Работают над картинами Николай Константинович и Святослав, подолгу живущий в Кулу. Работает Елена Ивановна над собранием восточных легенд и притч. Но самое главный ее труд — учение Живой Этики (Агни Йога) — гигантское духовно-философское наследие. Кроме того, она — хозяйка дома. Мать двух сыновей; мать для Девики Рани, жены Святослава, красавицы киноактрисы.

В 1934–1935 годах Николай Рерих организует вместе с сыном Юрием новую большую научную экспедицию. Морской путь через Филиппины и Японию ведет в Китай. Эмигранты из России были напуганы еретическими взглядами Рериха и его предпочтением буддийской философии — они усиленно распускали слухи о переходе всей семьи Рериха в «буддийскую веру». Тем более что его жена издавала книги с изложением буддийской философии и буддийских легенд.

Незадолго до сорокалетнего юбилея их совместной жизни Николай Константинович записал в своем дневнике: «Сорок лет — немалый срок. В таком дальнем плавании могут быть извне встречены многие бури и грозы.

Дружно проходили всякие препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои: „Елене, жене моей, другине, спутнице, вдохновительнице“. Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. И в Питере, и в Скандинавии, и в Англии, и в Америке, и по всей Азии мы трудились, учились, расширяли сознание. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения должны бы носить два имени — женское и мужское».

…Николай Константинович Рерих умер в Кулу 13 декабря 1947 года. Его тело было кремировано, и часть праха захоронена на склоне, обращенном к его любимым горам. На камне надпись: «15 декабря 1947 года здесь было предано огню тело Николая Рериха — великого русского друга Индии. Да будет мир».

Последние семь с половиной лет жизни Елена Ивановна Рерих вместе со старшим сыном провела в небольшом индийском городке в Восточных Гималаях — Калимпонге. Здесь она продолжала свои духовные изыскания, а также вела обширную переписку.

Умерла Елена Ивановна в 1955 году. На месте ее кремации установили буддийскую ступу, как бы в благодарность за то, что великая дочь русского народа передала ему древние учения Индии.

Франклин Рузвельт и Элеонора Рузвельт

Супружеский союз Франклина Делано Рузвельта и Элеоноры Рузвельт был сложным. Они составляли уникальный политический альянс.

Элеонора родилась 11 октября 1884 года. Ее девичья фамилия была тоже Рузвельт. Говорят, что женщина, выходя замуж и меняя фамилию, меняет судьбу. Элеоноре не пришлось менять ничего: ее отец — Эллиот Рузвельт — был младшим братом Теодора Рузвельта, ставшего в 1901 году президентом США.

Эллиот умер, когда дочери было десять лет. Двумя годами ранее скончалась ее мать Энни Холл, оставив девочку на попечение суровой бабушки-пуританки.

Элеонора была умна, обладала сильным характером. Ее достоинствами считались хорошая фигура, красивые глаза и волосы. На девушку обратил внимание ее дальний родственник — Франклин Делано Рузвельт. Он родился 30 января 1882 года в имении Гайд-Парк на берегу реки Гудзон. Его отец, Джеймс Рузвельт, был вице-президентом ряда корпораций. Мать, Сара Делано, происходила из семьи, также принадлежавшей к высшим слоям общества.

Франклин окончил элитарную школу в Гротоне и Гарвард, где был в числе лучших студентов. В 1904 году он поступил в Школу права Колумбийского университета.

Сара Делано Рузвельт, женщина властная, пыталась препятствовать браку сына с Элеонорой. Но все же в марте 1905 года свадьба состоялась. Посаженным отцом на ней был Теодор Рузвельт, за две недели до этого введенный в должность президента США на второй срок.

Летом молодожены совершили длительное свадебное путешествие по Европе, посетив Англию, Францию, Италию, Швейцарию и Германию.

После возвращения Рузвельты, получившие в наследство двести тысяч долларов, переехали в Нью-Йорк. Франклин поступил на работу в

известную фирму «Картер, Ледиярд энд Милберн» на должность старшего клерка.

Для Америки типичны большие семьи, и Рузвельты не стали исключением: в 1906 году родилась Энн, в 1907-м — Джеймс, в 1909-м — Франклин (который, прожив несколько месяцев, умер), в 1910-м — Эллиот, в 1914-м — второй Франклин, в 1916 году — Джон. Однако главой семьи фактически была Сара Рузвельт, контролирующая все семейные расходы. Она даже нанимала воспитателей для внуков.

Элеонора какое-то время терпела такое положение вещей, пока однажды по своему усмотрению не уволила няню, скрытую алкоголичку. Такой, казалось бы, небольшой самостоятельный шаг многое определил в ее дальнейшей судьбе.

К этому времени энергичный Франклин Рузвельт стал помощником морского министра в администрации Вудро Вильсона. У Элеоноры появилось больше обязанностей, и она была вынуждена нанять секретаря — привлекательную женщину Люси Пейдж Мерсер. Как это часто случается, Франклин увлекся этой женщиной.

В 1918 году Элеонора предложила мужу развод. Рузвельт обладал высоким чувством долга, любил детей, был привязан к жене, но и заботился о своей политической карьере, стремясь к президентскому посту. Сара Рузвельт пригрозила сыну в случае развода лишением материальной поддержки, да и Люси Мерсер, будучи католичкой, понимала, что не может рассчитывать на брак с разведенным мужчиной. Элеоноре удалось отстоять семью. Но измена мужа нанесла ей глубокую душевную травму. Их сын Джеймс называл отношения родителей «вооруженным перемирием, длившимся до самой смерти отца».

Политическая карьера Рузвельта складывалась неровно. Он неудачно баллотировался на пост вице-президента США в 1920 году, а в следующем закончилась его деятельность на посту помощника морского министра. Франклин ушел с государственной службы, заняв должность вице-президента крупной страховой компании, которая обеспечила ему финансовое благополучие и возможность готовиться к президентским выборам.

Но удары судьбы подстерегают человека неожиданно. Летом 1921 года семья проводила отпуск в своей загородной резиденции в Кампобелло, на острове в заливе Фанди у берегов штата Мэн. Именно там Франклин Рузвельт заболел полиомиелитом, парализовавшим нижнюю половину тела. Он вышел из испытания калекой, не покидавшим инвалидной коляски (за исключением тех случаев, когда приходилось появляться на публике).

У Элеоноры появились новые обязанности — уход за больным супругом, которые она разделила с помощником и другом Франклина — Луисом Хау и секретаршей Маргарет А. Ле Хэнд («Мисси»). Они настаивали на том, чтобы Рузвельт не прекращал свою политическую деятельность и не возвращался как пенсионер в Гайд-парк. Потеря подвижности вынудила Франклина больше полагаться на свое искусство увлекательной беседы и переписку с друзьями по партии по всей стране.

Еще до того как в 1928 году Франклин Рузвельт стал губернатором штата Нью-Йорк, Элеонора приобрела известность в качестве активистки

женского движения. Она начала писать статьи для различных журналов, выступать с публичными лекциями, которые не только собирали аудиторию, но и приносили немалые средства.

В 1932 году Франклин Рузвельт был избран президентом охваченной Великой Депрессией Америки, а его супруга стала самой вездесущей «первой леди» в истории. Она колесила по стране, инспектируя все подряд — от тюрем до угольных шахт. Элеонора вполне заслужила такие сравнения, как Большой каньон, Ниагарский водопад, Чудо природы. Часто о ней говорили как об американском феномене. Интересно, что Элеонора Рузвельт всегда ездила по стране как частное лицо, отказавшись от опеки службы безопасности.

В ее деятельности обнаруживались феминистские проявления. Например, на еженедельные пресс-конференции она допускала только журналисток, ведь даже на очень демократичные пресс-конференции ее супруга женщинам-репортерам путь был закрыт.

Франклин далеко не всегда разделял ее позиции. По своим общественным взглядам Элеонора была более либеральна, в то время как ее супруг часто придерживался консервативной точки зрения. Однако Рузвельт понимал, что позиция жены привлекала к нему представителей либеральных кругов. Несмотря на некоторые разногласия супруги все-таки были единомышленниками.

Избирательная кампания Рузвельта 1936 года, проходившая под лозунгом «Встреча с судьбой», показала впечатляющие для демократов результаты. За них проголосовало на пять миллионов человек больше, чем на предыдущих выборах. Сыграла свою роль в этом и общественная активность Элеоноры.

Однако уже в 1937 году, на фоне спада экономики, почти такого же значительного, как во времена Великой Депрессии, разработчики и исполнители «Нового курса» выглядели довольно беспомощно и вызывали всеобщее раздражение.

«Первая леди» признавалась подругам, что не хочет, чтобы Франклин баллотировался на третий срок, разве что этого потребует политическая ситуация. По ее мнению, ему больше нечего было дать стране.

Еще одной причиной, почему Элеонора возражала против переизбрания ее мужа, было осознание ухудшающегося состояния Франклина. Еще в 1938 году у него случился обморок в Гайд-парке, однако тогда он быстро оправился и присоединился к гостям на званом обеде.

Тем не менее в 1940 году Элеонора поддержала решение мужа баллотироваться на третий срок, так как разделяла его тревогу, что к власти придут консерваторы-южане во главе с вице-президентом Джеком Гарнером или ненавидящие англичан ирландские католики, возглавляемые Джо Кеннеди, и воспользуются широко распространенным в Америке нежеланием воевать, чтобы заключить сделку с Гитлером.

Президент прекрасно понимал, что его пошатнувшееся здоровье может сделать третий срок в Белом доме крайне рискованным предприятием.

Наступили самые сложные годы пребывания Франклина Делано Рузвельта на посту президента США. В стране вновь ухудшилось

экономическое положение, обострились социальные проблемы. 7 декабря 1941 года японские самолеты совершили налет на Перл-Харбор, что вынудило США вступить во Вторую мировую войну.

Физическое состояние Франклина Рузвельта начало стремительно ухудшаться. Кардиограммы показывали недостаточное снабжение сердца кислородом, вызванное высоким давлением и прогрессирующим атеросклерозом. Обследуя президента Рузвельта в марте 1944 года, известный кардиолог Говард Брюенн был поражен его состоянием. Сердечная мышца сильно увеличилась — первый признак закупорки вен. Губы и ногти приобрели синюшный оттенок. Брюенн сказал главному врачу Белого дома Россу Макинтайру, что смерть может наступить в любой момент.

Хотя режим десятичасового ночного сна и сокращение рабочего дня президента до четырех часов дали некоторое улучшение, катастрофическое состояние его здоровья было очевидно для каждого, кто наблюдал президента вблизи.

Элеонора продолжала играть роль его совести. Дочь Рузвельтов Анна писала, что в военные годы, когда она проводила в Белом доме много времени, ухаживая за отцом, ее родители практически жили каждый сам по себе.

«Мне кажется, вы должны проводить в Белом доме больше времени, — сказала как-то миссис Перкинс. — Это пошло бы президенту на пользу».

«Нет, Фрэнсис, я ему больше не нужна, — возразила Элеонора. — У него есть советник Гарри Хопкинс, который говорит ему то, что он хочет услышать».

По этим словам можно судить, до какой степени к концу их жизни ослабли супружеские узы между Рузвельтами.

Более удачными были ее поездки на действующие фронты. Она часто посещала больницы. Потом возвращалась в Нью-Йорк с блокнотами, испещренными фамилиями, адресами и телефонами раненых, и часами названивала их близким.

За двенадцать лет в Белом доме Элеонора провела триста сорок восемь пресс-конференций. Получала и старалась отвечать на триста тысяч писем в год. Писала книги, вела рубрику в ежемесячном журнале и колонку в ежедневной газете, а также не жалела усилий, чтобы добиться аудиенции у президента для людей и организаций, которые поддерживала.

Со временем манера «первой леди» постоянно быть на виду стала раздражать окружающих. Правда, Элеонора говорила, что не располагает политической властью. «Я никогда не пыталась оказывать давление на президента, — заявляла она, — и, разумеется, не чувствовала ни малейшего нажима с его стороны».

Свою четвертую по счету речь в связи с избранием в 1944 году на президентский пост Рузвельт посвятил проблеме мира. В ней прозвучало его своеобразное политическое завещание: «Мы не сможем добиться прочного мира, если мы подойдем к нему с позиции подозрений и недоверия или же страха». Именно американскому президенту принадлежит идея назвать союз стран Объединенными Нациями.

Франклину Делано Рузвельту не суждено было дожить до победы над нацизмом. Он умер 12 апреля 1945 года от кровоизлияния в мозг.

Его похороны в Вашингтоне стали выражением любви и скорби к одному из величайших президентов в истории Соединенных Штатов.

Когда его преемник Гарри Трумэн спросил Элеонору, может ли он чем-то помочь, она ответила в своем стиле: «Нет, могу ли я вам помочь? Ибо проблемы теперь у вас».

Но уже в декабре 1945 года ставший президентом США Гарри Трумэн назначает ее членом американской делегации в ООН.

Последней ее международной миссией стало участие в составе делегации США на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1961 году.

Элеонора не оставляла литературной работы. В журнале «Макколе» постоянно печатались ее статьи под рубрикой «Если вас интересует мое мнение». Выпустила мемуары. Она написала также книги «Жизнь учит», «Индия и просыпающийся Восток», «ООН: сегодня и завтра». Не прекращала она и участия в борьбе за решение социальных вопросов в США, была одним из советников президента Трумэна по внутри- и внешнеполитическим вопросам, пыталась реализовать программу «Доброе дело», которая касалась защиты гражданских прав.

В конце жизни судьба ее не баловала. Она долго и тяжело болела (у нее был туберкулез костного мозга). Но даже в больнице она стремилась закончить свою последнюю книгу, изданную уже посмертно, — «Завтра — это значит сейчас».

Уинстон Черчилль и Клементина Хозье

Имя Уинстона Черчилля прочно вошло в историю XX века. Крупнейший политический и военный деятель, писатель, художник, журналист, блестящий оратор и полемист, Нобелевский лауреат по литературе.

Потомок пирата-адмирала Дрейка и известного полководца герцога Мальборо, сын английского лорда и американки с примесью индейской крови Уинстон Чарлз Спенсер Черчилль родился 30 ноября 1874 года. Его отец, Рандольф, был знаменитым оратором и членом кабинета министров. Мать, Дженни, — женщина редкой красоты. Черчилль любил ее, но на расстоянии.

Отличаясь необыкновенным упрямством, Уинстон не получил принятого в кругах английской знати университетского или высшего военного образования. Один из наиболее эрудированных людей своей эпохи, он имел за плечами лишь кавалерийскую школу.

В 1900 году Черчилль избирается членом парламента от партии консерваторов. В стенах британского парламента он провел с перерывами 64 года и покинул его в возрасте 90 лет. Уинстон был чрезвычайно работоспособен, энергичен, мыслил здраво и смело.

Он был, конечно, женоненавистником, но не настолько, чтобы в личной жизни вовсе отказаться от общения с представительницами прекрасного пола. В молодости Уинстон испытал продолжительное увлечение актрисой Этель Барримор, она была на пять лет моложе Черчилля. Еще совсем юной она уже блистала в театрах Бродвея. Он всерьез подумывал о женитьбе, ведь и отец его был женат на американке. Но судьба распорядилась иначе.

В 1904 году на балу в Лондоне он познакомился с 19-летней Клементиной, дочерью сэра Генри Хозье и его эксцентричной жены Деби Бланш. Признанная красавица Клементина жила в весьма стесненных обстоятельствах.

Четыре года спустя их пути вновь пересеклись. Черчилль отдыхал в имении их общих друзей, когда случился пожар. Уинстон бросился тушить огонь — надел каску, принялся выносить из огня вещи, едва сам не оказался погребенным под горящими обломками.

Узнав об этом, Клементина прислала ему очень милое письмо, и Черчилль немедленно ей ответил: «Пожар был просто великолепный, мы здорово повеселились».

В августе 1908 года газеты опубликовали сообщение о помолвке 34-летнего Черчилля с 23-летней Клементиной Хозье, аристократкой, хотя и из небогатого семейства. Она была остроумна, образованна, о красоте не приходилось и говорить.

Свадебная церемония состоялась в приходской церкви палаты общин в Вестминстере. Среди подарков была трость от Эдуарда VII с золотой надписью: «Моему самому молодому министру». Звонили колокола, и жених был совершенно счастлив. Черчилль не сомневался, что его ждет великое будущее…

Уинстон в это время занимал пост министра торговли.

Черчилль написал в первом томе своей автобиографии «Моя молодость»: «Я женился и жил с тех пор счастливо». Клементина имела большое влияние на Черчилля и во многом способствовала его блестящей карьере.

Но все могло быть иначе, если бы Черчилль женился на другой женщине. Другая — это Мюриел Уилсон из богатейшей английской семьи, но она ответила отказом на предложение руки и сердца Черчиллю в 1904 году. О том, как относился Черчилль к Мюриел, а она считалась одной из самых красивых женщин Британии, можно судить по его письмам, которые был и проданы с аукциона. Вот строки из одного черчиллевского письма к Мюриел: «Вы так далеко, словно величественная, сияющая и, увы, равнодушная ко мне, покрытая сверкающим на солнце снегом вершина».

Да, она лишь благоволила к Черчиллю, но всю жизнь хранила его письма. Замуж она вышла за майора Майкла Уорда. Брак оказался неудачным, и время от времени Мюриел писала своему давнему воздыхателю, он отвечал, так продолжалось даже когда ему было за восемьдесят. Об этих эпистолярных привязанностях Клементина знала. «Полагаю, в свои молодые годы он сильно был влюблен в нее», — говорила она.

Медовый месяц Уинстон и Клементина провели в Бленхейме — родовом гнезде, где все напоминало молодожену о том, что он тут не первый.

Черчилль пришел во власть сторонником консерваторов, а когда верх на выборах взяли лейбористы, переметнулся к ним. Потом снова вернулся к консерваторам. А тут победили лейбористы — Черчиллю уже было неудобно идти к ним на поклон, и он остался временно не у дел. В конце 1920-х годов он посетил Канаду и Штаты, в Голливуде предложил

написать сценарий фильма о Наполеоне.

К этому времени у Клементины и Уинстона было трое детей — семилетняя Диана, пятилетний Рандольф, двухлетняя Сара. Еще одна дочь, Мэри, умерла, когда ей было всего два года. Клементина очень тяжело пережила потерю малышки. Черчилль вспоминал, что она «кричала как раненый зверь в смертельной агонии».

Черчилль был хорошим отцом, всегда любил резвиться с детишками — маскарад, жмурки, шарады, он охотно перевоплощался в «гориллу», видя, как рады дети его дурачествам.

Кроме живописи и публицистики, Черчилль не гнушался и простого труда — откармливал свиноматок, и те получали призы на выставках. В своем поместье хозяин овладел ремеслом каменщика — самолично построил коттедж, часть ограды.

В тридцатые годы, когда Черчилль оказался за бортом политической жизни, он поехал в Нью-Йорк к одному из своих богатых друзей. По дороге он угодил под машину. Когда Черчилля доставили в частный госпиталь, у него были обнаружены переломы пятнадцати костей.

Черчилль написал об этом происшествии в газету, получив гонорар больше двух тысяч долларов. Этого хватило, чтобы Черчилль с женой Клементиной и дочерью Дианой, а также телохранителем и лакеем отдохнули два месяца на Багамских островах. Правда, Черчилль не бездельничал — читал лекции, хотя и отлеживался в промежутках между выступлениями.

Наконец пришел его звездный час. В мае 1940 года он стал премьер-министром Великобритании. В возрасте 65 лет, когда многие уходят на покой.

Ровно за сутки до начала войны между Германией и Советским Союзом личный секретарь спросил Черчилля, как он, антикоммунист, может видеть в Советском Союзе поддержку в войне против Германии? Черчилль ответил, что у него нет иного врага, нежели Гитлер, и, дескать, это сильно упрощает его жизнь.

В военные годы внешне ничто не предвещало будущей вражды, вылившейся в войну холодную. Леди Клементина Черчилль возглавляла фонд помощи России, сын Черчилля майор Рандольф одно время находился при ставке Сталина. Рандольф Черчилль-младший, кстати, не окончил Оксфорда, стал, к огорчению отца, журналистом, пристрастился к алкоголю. Это дало Черчиллю философически заметить: «Современная молодежь делает что хочет, а родители могут контролировать своих чад только до тех пор, пока они находятся в утробе матери».

Клементина принимала Уинстона Черчилля таким, каким он был, со всеми его слабостями, пристрастиями и вкусами (к сигарам, коньяку, к послеобеденному сну). Она не пыталась переделывать и перевоспитывать мужа, она просто сделала себя необходимой ему и в час неудачи, и во время большого успеха.

В годы Второй мировой войны Клементина Черчилль много сделала для России. Дело доходило до семейной ссоры, и Уинстон сокрушался: «До чего дошло! Моя собственная жена совершенно советизировалась. Только и говорит о Советском Красном Кресте, о Красной Армии, о жене советского посла…»

Благородная роль леди Черчилль была оценена. Советское правительство наградило ее орденом Трудового Красного Знамени. А во время пребывания в Москве в День Победы Сталин подарил ей золотое кольцо с бриллиантами.

Черчилль, казалось, уже вдосталь насытился властью, пора было вроде бы и на покой. Однако власть утомляет лишь тех, кто не имеет ее. Престарелый Черчилль продолжал влиять на умы западного мира, он опять взялся за мемуары. Шесть томов труда «Вторая мировая война», четыре — «Истории народов, говорящих по-английски»…

В 1951 году англичане вновь с надеждой обратились к Черчиллю — и он опять стал премьер-министром. На четыре года, пока окончательно не ушел в отставку. Хотя и продолжал активно трудиться в парламенте.

За 56 лет брака Клементина и Уинстон написали друг другу 1700 писем, открыток, телеграмм, записок, которые составили гигантский том переписки «Говорят сами за себя», подготовленный к печати их младшей дочерью Мэри Соумс.

Привычка писать друг другу была столь сильна, что супруги обменивались посланиями, не только находясь по разные стороны океана, но и живя вместе в загородном доме.

Зная впечатлительную натуру жены, он стремился поразить ее, приукрашивая свои рассказы самыми невероятными деталями.

24 января 1965 года Черчилль умер в Лондоне. Ему было девяносто лет. Знаменательно, что он умер в тот же день, что и отец его — с разницей в семьдесят лет.

Клементина пережила его на 12 лет и скончалась 12 декабря 1977 года, было ей 92.

Николай Гумилев и Анна Ахматова

Николай Гумилев был абсолютно убежден в нелепости брака одного поэта с другим. Тем не менее с Анной Ахматовой он прожил в браке целых восемь лет.

Николай Степанович Гумилев родился в 1886 году в Кронштадте. Отец его — Степан (Стефан) Яковлевич — военный корабельный врач, выходец из духовного сословия. Мать — Анна Ивановна — из тверских дворян Львовых. Когда отец вышел в отставку, семья переехала в Царское Село.

Пребывание в Царском Селе прервалось жительством в Тифлисе, где в возрасте шестнадцати лет Гумилев впервые напечатал стихи в местной газете «Тифлисский листок».

В юности Гумилев стал придавать огромное внимание внешности и считал себя некрасивым. Знавший Гумилева по Царскосельской Николаевской гимназии Эрих Голлербах пишет: «Упрекали его в позерстве, в чудачестве. А ему просто всю жизнь было шестнадцать лет».

В рождественский сочельник 1903 года Николай Гумилев познакомился с 14-летней гимназисткой Анной Горенко. Вместе с подругой Валей Тюльпановой она шла от Царскосельского вокзала к Гостиному двору, где девушки собирались купить игрушки для рождественских праздников. По дороге им встретились братья Гумилевы — гардемарин Дмитрий и гимназист Николай.

Анна Горенко родилась в Одессе в семье инженера-механика флота. В Царское Село большая семья Горенко переехала в 1890 году. «Она очень выросла, — вспоминала впоследствии ее ближайшая и многолетняя подруга Валерия Срезневская (Тюльпанова), — стала стройной, с прелестной хрупкой фигурой чуть развивающейся девушки, с черными, очень длинными и густыми волосами, прямыми, как водоросли, с белыми и красивыми руками и ногами, с несколько безжизненной бледностью определенно вычерченного лица, с глубокими, большими светлыми глазами, странно выделявшимися на фоне черных волос и темных бровей и ресниц».

Валя Тюльпанова, возвращаясь с учебы, часто видела, как Коля стоял перед гимназией в ожидании ее подруги. Но Горенко он не интересовал.

Вторая их встреча произошла на катке. Он был поражен: сколько сноровки и физической выносливости таила эта хрупкая с виду грациозность! Гумилев подружился с Андреем — старшим Аниным братом, который знал латынь и увлекался античностью. На Пасху 1904 года Анна с братом были на празднике у Гумилевых.

Горенко не воспринимала всерьез Николая, она была увлечена питерским студентом Владимиром Голенищевым-Кутузовым. А Коля ревновал ее, к тому же ему донесли, что, дескать, не невинна она… Тогда он в первый раз попытался убить себя, Анна же, узнав подробности, страшно разозлилась и прогнала его. У Горенко были свои сложности: их семья распалась, отец ушел из семьи, поселился отдельно в Петербурге. Вместе с матерью, Инной Эразмовной, Анна уезжает в Евпаторию. Там они живут лето, а на зиму — в Киев.

Анна была влюблена в Кутузова безответно и, по-видимому, в душе смирилась с будущим супружеством как с неизбежностью. Шурину Сергею Штейну, мужу старшей сестры Инны, она еще в 1907 году писала: «Я решила сообщить Вам о событии, которое должно коренным образом изменить мою жизнь… Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю». И в том же письме: «Но Гумилев — моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей. Не осуждайте меня, если можете. Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной».

Однако сказать «да» она не торопится. Когда летом 1907 года Анна вместе с Гумилевым стояла на берегу моря в Севастополе, куда он приехал, чтобы повидаться с ней, она снова ему отказала!

Гумилев — весь в поэтической стихии: нимфа, колдовская русалка с горестным взором… Возвратившись в Париж и послав ей свою фотографию со строфой из Бодлера, он отправляется в курортный городок Трувиль в Нормандии, к морю, топиться. Он был арестован местным блюстителем порядка как бродяга.

В Париже он получает от Анны письмо. В ответном Гумилев признается, что «так обрадовался, что сразу два романа бросил». Его общество разделяла Елизавета Дмитриева — из-за которой он решит стреляться в 1909 году с Волошиным.

«Он пишет мне непонятные слова, — делится Аня Горенко с Сергеем Штейном, — и я хожу с письмом к знакомым и спрашиваю объяснение. Всякий раз, когда приходит письмо из Парижа, его прячут от меня и передают с великими предосторожностями. Затем бывает нервный припадок, холодные компрессы и общее недоумение. Это от страстности моего характера. Он так любит меня, что даже страшно».

Гумилев посвятил Анне Андреевне Горенко «Романтические цветы» — сборник стихов, навеянных Парижем. Гум — она так его называла — был строптив и настойчив. Он решает еще раз попытать счастье — вдруг согласится? Но Анна снова отказывает ему. Под новый 1908 год Гумилев сутки пролежал, не приходя в сознание, в Булонском лесу — пытался отравиться. Его спасли.

Последняя попытка добровольно уйти из жизни была предпринята им в Каире, в ботаническом саду, по счастью, безуспешная. После этого сама мысль о самоубийстве сделалась отвратительной Гумилеву.

В ноябре 1909 года он приехал с группой писателей в Киев для участия в литературном вечере. Анна — в зале. Потом Николай пригласил ее пить кофе. И снова сделал предложение. Она неожиданно легко согласилась. Это было 26 ноября, а уже через три дня друзья провожали Гумилева в Одессу: поэт отправляется в африканское путешествие. Пять лет он добивался ее согласия, и вот… Анна Андреевна впоследствии обронила фразу: брак не был началом их отношений, но — «началом конца» их…

25 апреля 1910 года в церкви Никольской Слободки, что на левом берегу Днепра, Анна Горенко и Николай Гумилев обвенчались. В качестве подарка невесте была преподнесена «Баллада», которая начинается словами: «Влюбленные, чья грусть, как облака…», а заканчивается строчками: «Ты знала все, ты знала, что и нам / Блеснет сиянье розового рая».

Медовый месяц молодожены провели в Париже. Анна и Николай сидели под дождем в Люксембургском саду, читали друг другу стихи Вердена, гуляли по ночным парижским улицам… Это были самые счастливые дни в их жизни. Они познакомились с непризнанным и бедным итальянским художником Амадео Модильяни. В те годы Анна была тоненькой и необычайно гибкой. Модильяни с удовольствием рисовал ее…

В июне 1910 года Гумилевы приехали погостить в имение Слепнево. Они занимали часть поместного бревенчатого дома. Мать Николая, родственники, домочадцы относились к невестке холодно. И даже отец Анны ругался, что она позорит его имя своими стихами. Тогда Горенко стала называть себя Ахматовой, якобы по фамилии предков по линии матери.

Анна с первого дня свадьбы вздумала ревновать его. Издатель Маковский, хорошо знавший Гумилевых, утверждал: «Любя и его, и его стихи, не умела она мириться с его мужским самоутверждением. Гумилев продолжал вести себя по-холостяцки, не стесняясь присутствием жены. Не прошло и одного брачного года, а он уж с мальчишеским задором увивался за всеми слепневскими девушками».

Осенью 1910 года Гумилев снова уехал в Африку, где пробыл до конца марта следующего года. Жена его вроде бы как брошена, нелюбима. Из путешествия по дебрям и пустыням Абиссинии поэт привез записи абиссинских песен, коллекцию предметов быта и картин африканских живописцев.

Он вернулся больным, в лихорадке, а весной они снова в разные стороны, он — в Слепнево свое, она — в Париж. Супруги отдалялись друг от друга, терзаясь от одиночества вдвоем.

В 1911 году Анна много писала. Но ни одно из своих стихотворений она не посвятила мужу. Бытует мнение, что Гумилев просто не ценил ее как поэта. «Вам нравится? — говорил он. — Очень рад. Моя жена и по канве отлично вышивает». Сама Ахматова считала, что Гумилев много сделал, чтобы сформировать ее как поэта. Он представил ее в поэтическом кружке «Башня» Вячеслава Иванова. Анна Андреевна вспоминала об одном из возвращений мужа из Абиссинии. Она пришла встретить его на вокзал в Петербурге. Первый вопрос, который он задал ей, был: «Писала?» — «Да». — «Читай». Она прочла. «Да, хорошо, хорошо», — сказал он, лицо его помягчело, и они пошли домой. С этого времени он признал ее как поэта.

В 1912 году Гумилевы поехали в Италию. Но когда друзья повезли Николаю во Флоренцию экземпляр вышедшего в России сборника стихов «Чужое небо», с удивлением узнали, что жена его живет… в Риме.

Вернулись супруги все-таки вместе. Она уже была беременна. 18 сентября в родильном приюте императрицы Александры Федоровны родился сын — Лев Николаевич Гумилев. Биограф Лукницкий пишет, что супруги находились в Царском Селе, когда Анна почувствовала толчки. Разбудила мужа. Они поехали в Петербург. От вокзала до родильного дома — чуть ли не десять верст! — шли пешком. Гумилев так растерялся, что даже не догадался, что можно ехать на извозчике или трамваем. В десять утра пришли… «А вечером, — отмечает Лукницкий, — Н. С. пропал. Пропал на всю ночь. На следующий день приходят к Анне Андреевне с поздравлениями, она узнает, что Н. С. дома не ночевал. Потом наконец приходит и Н. С. с „лжесвидетелем“. Поздравляет. Очень смущен».

Сына Леву воспитывала свекровь, он до шестнадцати лет рос в деревне, редко общаясь с родителями… Своего дома у Ахматовой не было никогда; она так и звала себя — бездомной. Где бы ни появлялась — в салоне ли, в театре, в знаменитом ли ночном кабаре «Бродячая собака», — она сразу же оказывалась в центре внимания.

В 1913 году Николай Гумилев совершает еще одно паломничество в Африку. Это была командировка Музея антропологии и этнографии Академии наук. Поэта сопровождал его племянник Николай Сверчков — «Коля-маленький».

Гумилев не мог не понимать, что теряет жену. «Конечно, они были слишком свободными и большими людьми, чтобы стать парой воркующих „сизых голубков“, — вспоминала Валерия Срезневская. — Их отношения были скорее тайным единоборством. С ее стороны — для самоутверждения свободной от оков женщины; с его стороны — желание не поддаться никаким колдовским чарам, остаться самим собою, независимым и властным над этой вечно, увы, ускользающей от него женщиной, многообразной и не подчиняющейся никому».

Гумилев ревновал ее страшно. Когда художник Борис Анреп, близкий друг Анны, навсегда уезжал из России в Англию, она подарила ему кольцо на память. Николай, узнав об этом, вскипел: «Я отрежу тебе руку и пошлю ее Анрепу: вот вам еще в придачу к кольцу».

«Ахматова вызывала всегда множество симпатий, — говорил Гумилев. — Кто-кто не писал ей писем, не выражал восторгов. Но так как она всегда была грустна, имела страдальческий вид, думали, что я тиранический муж, и меня за это ненавидели. А муж я был самый добродушный и сам отвозил ее на извозчике на свидание».

В начале войны Гумилев подал рапорт на фронт — вольноопределяющимся. Своему другу востоковеду Вольдемару Шилейко он внушал, что смерть надо заслужить, что природа скупа и выжмет из человека все соки и, выжав их, — выбросит. Гумилев попадает в Лейб-гвардии уланский полк. К началу 1915 года за проявленную храбрость в боях он был награжден двумя Георгиевскими крестами. Гумилева производят в прапорщики и переводят в Пятый гусарский Александрийский полк.

Летом 1917 года поэт снова в Париже. Встречается с русскими художниками Н. Гончаровой и М. Ларионовым. Здесь у него разгорается страстный роман с Еленой Дюбуше, которую он воспел в стихах под именем «синей звезды».

Вслед за Парижем — Лондон, где Гумилев работает над стихами, пьесами, повестью. В апреле 1918 года он покидает Лондон и через Мурманск возвращается в Петроград.

Анна Ахматова в это время жила у своей гимназической подруги Валерии Срезневской. Когда Гумилев позвонил Срезневским, ему сказали, что Анна у востоковеда Шилейко. Николай отправился туда. Сидели вместе, пили чай…

Объяснение супругов состоялось в присутствии хозяйки дома: «Сидя у меня в небольшой темно-красной комнате, на большом диване, Аня сказала, что хочет навеки расстаться с ним. Коля страшно побледнел, помолчал и сказал: „Я всегда говорил, что ты совершенно свободна делать все, что ты хочешь“. Встал и ушел».

Вскоре Гумилев и Ахматова уехали в Бежецк, где в это время с родителями Николая жил их маленький сын. Анна Андреевна вспоминала: «Только раз он заговорил об этом. Когда мы сидели в комнате, а Лева разбирал перед нами игрушки, мы смотрели на Леву…» Гумилев внезапно поцеловал руку Анне и грустно сказал: «Зачем ты все это выдумала?»

Решение Ахматовой было для него сильным ударом, но не таким уж неожиданным. Позже Анна Андреевна, как пишет Лукницкий, составила донжуанский список Гумилева; у него было много увлечений, особенно в последние годы. Правда, все биографы сходятся единодушно на одном: по-настоящему он всю жизнь любил только Анну Андреевну…

После официального развода Анна Андреевна повенчалась во Владимирском соборе с… Вольдемаром Шилейко, а Гумилев в 1919 году женился на Анне Николаевне Энгельгардт, которая родила ему дочь Елену. Но семейная жизнь у Николая не складывалась. «Он думал, она — воск, а она оказалась — танк», — едко заметила Ахматова.

В ночь с 3 на 4 августа 1921 года Гумилев был арестован за участие в контрреволюционном заговоре — он «не донес органам советской власти, что ему предлагали вступить в заговорщицкую офицерскую организацию». 25 августа поэт был расстрелян в поселке Бернгардовка под Петроградом. Похоронен там же в общей могиле.

После гибели отца Лев Гумилев переехал к матери в Ленинград. Судьба у сына великих поэтов оказалась трудной: четырнадцать лет он провел в лагерях и тюрьмах, но не сломился и стал крупным ученым — востоковедом, географом, философом.

Брак Анны Андреевны с Владимиром Шилейко счастья ей не принес. Востоковеду была нужна жена, а не поэт, и он сжигал ее стихи в самоваре… Третий муж Анны Андреевны, Николай Пунин, после сталинских лагерей к ней не вернулся…

Анна Андреевна Ахматова скончалась 5 марта 1966 года, через сорок пять лет после гибели Гумилева.

Альберт Швейцер и Елена Бреслау

Немецкий мыслитель, протестантский теолог и миссионер, врач и музыковед Альберт Швейцер считал, что своими успехами он во многом обязан жене Елене.

Альберт Швейцер родился в 1875 году в городке Кайзерсберг, в Верхнем Эльзасе. Он был вторым ребенком пастора Людвига Швейцера и его жены Адели. Альберт с детства учился игре на органе. Окончив школу, он изучал теологию и философию в Страсбургском университете, философию в Сорбонне. В 26 лет он уже имел две докторские степени — философии и теологии.

В 1902 году Швейцер был назначен профессором теологического колледжа св. Фомы, а через год стал его директором. Он продолжал читать проповеди на кафедре в старинной церкви св. Николая, играл на органе, а в свободное время писал монографию, посвященную творчеству Баха.

Однажды во время одной из вечерних проповедей, на которых бывало мало прихожан, он заметил знакомое лицо. Это была Елена Бреслау, девушка из их кружка, образованная, умная, деликатная. Она была красива: высокая, стройная, с нежным и тонким профилем, с задумчивыми глазами.

При встрече Швейцер спросил Елену, что она думает о его проповеди. Смутившись, девушка ответила, что ей особо запомнились слова: «Мы хотим верить и боимся неверия». Теперь пришла его очередь смутиться. Альберт сказал, что его больше интересуют недостатки проповеди. Елена была гувернанткой, у нее хороший слог, а он озабочен стилем, так как много пишет. Девушка предложила просмотреть его рукопись. Швейцер уже думал об этом, но не решался попросить ее.

Он стал чаще встречаться с Еленой. У них было много общего. Она любила детей и мечтала стать учительницей. Помимо этого, увлекалась музыкой и училась в Страсбургской консерватории, изучала живопись в Италии. Ее отец, профессор истории Гарри Бреслау, был одно время ректором университета.

В начале двадцатого века социальные проблемы жестокого, бесчеловечного мира все больше захватывают Елену. Она находит

единомышленников. В страсбургском кружке и происходит ее знакомство с Альбертом Швейцером.

В 1902 году Елена уехала работать гувернанткой в Англию. По возвращении она работала в сиротском приюте, потом убедила Швейцера построить в Страсбурге дом для матерей-одиночек. Бреслау по подписке собирала деньги для сирот, причем успешно.

В 1908 году вышло, наконец, из печати расширенное немецкое издание «Баха», что сильно облегчило материальное положение Швейцера. Он поступил в медицинский колледж Страсбургского университета, возмещая расходы на обучение за счет органных концертов. В 1911 году Альберт сдал экзамены.

Елена Бреслау собиралась поступать на курсы медицинских сестер во Франкфурте. В это время в университетской клинике стажировалась медицинская сестра фрау Морель, жена священника Мореля из Ламбарене (Французская Экваториальная Африка, ныне Габон). Швейцер очень хотел, чтобы Елена услышала обо всех трудностях работы в Африке, и зазвал фрау Морель в гости. Фрау пришлось ответить на такое количество вопросов, что она упала в обморок. Когда Морель очнулась, Швейцер, решивший, что они услышали достаточно много для того, чтобы испугаться, объявил об их с Еленой помолвке. По существу, это было подтверждением того, что решимость их не поколеблена. Елена уехала учиться во Франкфурт, Альберт снова засел за медицину.

Швейцер отказался от преподавания в Страсбургском университете, а также от чтения проповедей в церкви св. Николая. Теперь он мог спокойно осваивать тропическую медицину и делать закупки для Африки.

18 июня 1912 года состоялось бракосочетание Альберта Швейцера и Елены Бреслау. Сразу после свадьбы они стали готовиться к отъезду в Африку. Надо было тщательно продумать, какое медицинское оборудование, какие лекарства брать с собой. Супруги располагали весьма ограниченными средствами, приходилось считаться и с этим.

Эти двое нашли друг друга. Елена всегда стремилась помогать униженным, обездоленным. Она готова была помочь Альберту в осуществлении той грандиозной задачи, которую он перед собой поставил. Возможно, ее самоотречение было еще большим, чем его: она отрекалась от себя не только во имя дела, но и во имя мужчины, так, во всяком случае, она представляла себе идеал немецкой женщины.

Елена еще до замужества много помогала Швейцеру в его литературной работе. И сейчас они уехали в Гюнсбах работать над новым изданием его труда о поисках «исторического Иисуса».

В 1913 году супруги отплыли на пароходе в Африку. По поручению Парижского миссионерского общества они должны были основать больницу при миссии в Ламбарене. Не получая медицинской помощи, туземцы страдали от многих болезней. Доктор Швейцер и его жена плыли навстречу неизвестности. Одно они знали наверняка — легко им не будет.

По возвращении из Африки в 1917 году Швейцеры как германские подданные были интернированы во Францию до конца Первой мировой войны.

14 января 1919 года, через два месяца после перемирия, доктору Швейцеру исполнилось сорок четыре. В день его рождения Елена подарила

ему дочь Рену.

Швейцер поступил на работу в муниципальную больницу в Страсбурге, кроме того, он возобновил органные концерты. С помощью архиепископа Натана Седерблю Швейцер в 1920 году давал концерты и читал лекции в Упсальском университете и других местах.

В 1920 году Цюрихский университет присвоил Швейцеру звание доктора. Тогда же ему намекнули, что он может получить кафедру в Цюрихе. Это было заманчивое предложение — и для него, и для Елены. Снова работа, наука, музыка, прекрасная мирная страна. Они с Еленой и раньше уже подумывали о Цюрихе. Однако теперь, когда вдали неясно забрезжила надежда на раскаленное, душное Ламбарене, Швейцер отказался от профессорской должности. Он снова собирался в Африку.

Существовала одна важная проблема, которая долгое время ставила под вопрос планы Швейцера: Елене по состоянию здоровья была противопоказана Африка. Супругам пришлось принять суровое решение — о разлуке на долгие годы. И только благодаря тому, что Елена понимала важность замысла своего мужа и, находясь в Европе, деятельно помогала ему во всем, Швейцеру удалось заново создать, а впоследствии и расширить прославившуюся на весь мир больницу в Ламбарене. Заслуга Елены Швейцер в осуществлении дела, которому посвятил свою жизнь ее муж, весьма велика. Альберт сознавал, сколь велика эта жертва со стороны Елены. Об этом он думал, надписывая перед самым отъездом посвящение к «Культуре и этике», главному философскому труду своей жизни: «Моей жене, самому верному моему товарищу».

В 1923 году, в Верхнем Шварцвальде, в городке Кенигсфельд, Швейцер построил дом для Елены и дочери. Он не хотел уезжать в Африку, пока дом не будет готов. Сам руководил строительством.

Второй отъезд в Африку был назначен на начало 1924 года.

В 1927 году Швейцер вернулся в Европу совершенно измученным. Изредка он уходил на прогулку в горы Шварцвальда. Иногда маленькая Рена гуляла с отцом, и он рассказывал ей об Африке, куда она поедет когда-нибудь вместе с ним и с мамой. Доктор увидел, как у внимательно слушавшей его дочери поднялось изо рта легкое облачко пара, и рассказал ей историю про габонского мальчика, который никогда не видел, как пар идет изо рта у человека, потому что в Габоне никогда не бывает такого холода. Попав в Европу, мальчик увидел однажды на улице, что пар показался у него изо рта, и решил, что он болен. «Я болен! — закричал он. — Я болен! У меня огонь внутри!» С трудом его удалось успокоить.

В декабре 1929 года Швейцер снова поплыл в Ламбарене. На речном пароходике, спешившем вверх по Огове, на этот раз вместе с ним были Елена, новый доктор и лаборантка.

Периоды работы в Африке Швейцер чередовал с поездками в Европу, во время которых читал лекции, давал концерты, чтобы собрать средства для больницы.

14 января 1934 года Альберту Швейцеру исполнилось пятьдесят девять. Рене — пятнадцать. Они с женой оставили дом в Шварцвальде и переселились в Лозанну: для Елены климат там тоже прекрасный, а Рене нужно учиться.

В 1937 и 1938 годах Елена дважды вместе с дочерью побывала в Америке, где выступала с лекциями. Она рассказывала о больнице в Ламбарене, восстанавливала старые связи, завязывала новые. У Швейцера становилось все больше сторонников в Америке; и в последующие годы это оказалось спасительным для ламбаренской больницы, для больных габонцев.

Осенью 1940 года война пришла в Габон. К счастью, командованию обеих сторон удалось договориться, и оно отдало приказ авиации не бомбить больницу Швейцера.

Доктор Швейцер занимался хозяйством, делал операции, вел прием. Елена сменяла на дежурстве сестер, помогала готовиться к операциям и лучше, чем обычно, справлялась с ламбаренским климатом. Швейцер отмечает, что ее помощь в войну была для них очень ценной.

После войны Елена приезжала в Ламбарене ненадолго. Много лет назад во время катания на лыжах она повредила позвоночник и теперь тяжело переносила последствия этого несчастья. Болезнь согнула ее совсем.

В ноябре 1948 года Швейцер вернулся в Гюнсбах после почти десятилетнего отсутствия.

Швейцер снова был в Ламбарене, когда пришла весть о присуждении ему Нобелевской премии мира.

В начале ноября 1954 года Альберт и Елена прибыли в Осло. Празднество угрожало быть помпезным. В отеле супругам отвели роскошный номер — везде краны, ванные, умывальные. «Может, они думают, что мне, как форели, нужна проточная вода», — буркнул доктор.

Во время торжественной церемонии Швейцер поклонился королю Норвегии, но король сказал: «Это я должен вам поклониться». Потом на доктора набросились корреспонденты, которые требовали новых рецептов спасения мира. Швейцер предложил им «возрождение духа» вместо «успехов науки и техники» или хотя бы в дополнение к ним.

Альберт и Елена вернулись в Гюнсбах в надежде отдохнуть от торжеств. Однако приближалось восьмидесятилетие доктора. В Страсбурге, Кальмаре, Гюнсбахе, Гиршбахе не прочь были достойно и торжественно отметить этот день. А доктор был уже едва жив от торжеств.

Вскоре умерла Елена. А что значит «умерла»? «Этого мы не знаем, — писал Швейцер. — Пока человек живет в нашем сердце, он жив». Когда доктор поднимал глаза от работы, он видел под окном деревянный крест.

Верный друг и помощник Швейцера, его нежная и мужественная Елена покоилась теперь в сердце джунглей под деревянным крестом. Доктору шел уже девятый десяток, и он решил сам сколотить себе на досуге такой же деревянный крест с такой же короткой надписью, как эта: «Елена (1957, Цюрих)». На его кресте будет просто: «Альберт Швейцер».

Швейцер скончался в Ламбарене 4 сентября 1965 года. Его похоронили рядом с женой. Руководство больницей перешло к их Рене Швейцер.

Виктор Дандре и Анна Павлова

Балерине Анне Павловой удалось стать легендой еще при жизни. Она любила повторять: «Я — монахиня искусства. Личная жизнь? Это театр, театр, театр». Только самые близкие люди знали подлинную

историю ее любви.

Анна Павловна (Матвеевна) Павлова родилась в 1881 году в Петербурге. Официально она считалась дочерью прачки и рядового солдата Преображенского полка. Есть предположение, что в действительности Павлова была внебрачной дочерью богатого петербургского банкира Лазаря Полякова.

В десять лет Анна поступила в Императорскую балетную школу. Она успешно дебютировала на сцене Мариинского театра в 1899 году. «У Павловой есть то, чему может научить только Господь Бог», — любил повторять ее учитель, итальянский хореограф Чекетти. В двадцать два года Анна стала первой солисткой Мариинского театра, а потом и примой-балериной.

Подлинная ее слава началась с «Жизели», поставленной великим Петипа. Анне были также близки новаторские искания Михаила Фокина, который поставил для нее «Египетские ночи», «Шопениану», «Стрекозу», «Вальс-каприз», «Павильон Армиды». В содружестве Фокин — Павлова родился знаменитый «Лебедь», ставший символом русской хореографии той эпохи.

Среди поклонников таланта балерины выделялся Виктор Эммануилович Дандре. Обрусевший сын родовитого француза, он имел чин надворного советника, служил в сенате, состоял гласным городской думы. Дандре отличался прекрасными манерами, элегантностью, аристократизмом и образованностью.

Серьезно увлекшись Анной, он вскоре подарил ей квартиру с роскошным белым залом для танцевального класса.

В сезоне 1910 года Павлова с успехом гастролировала в Америке и Англии. Анна пришла к мысли, что необходимо создать собственную постоянную труппу. Нетерпеливая и решительная, она начала воплощать идею в жизнь еще в Лондоне.

Вторая поездка в Соединенные Штаты состоялась уже с постоянной труппой. Выступления Павловой как в Англии, так и в Америке не только усилили интерес к балету в этих странах, но и привели к возникновению здесь в дальнейшем национальных профессиональных школ танца и балетных трупп.

До сих пор зарубежные турне, как бы долго они ни продолжались, не отрывали Павлову от России. Она оставалась русской танцовщицей и каждую осень возвращалась в свое Лигово, в Петербург, участвовала в спектаклях на сцене Мариинского театра. После второй поездки по Америке Анна появилась на родине только к концу года…

Еще не успела Павлова наговориться с матерью, как приехал Дандре. Между ними были странные отношения. Виктор и Анна любили друг друга. Много лет спустя одной из своих подруг Павлова передала однажды состоявшийся между ними диалог. «Я ему говорю: женись на мне, и я для тебя сделаю все на свете. А он мне: „Нет! Тебе не замужем быть, а артисткой сделаться“».

Виктор Эммануилович заставил ее работать, познакомил с Дягилевым. Всю жизнь Павлова считала, что без помощи Дандре она вряд ли завоевала бы всемирную славу, но обида, нанесенная им, не забывалась долгие годы.

Искренне привязанная к Виктору, она обращалась с ним как капризный ребенок — бранила, гнала прочь, потом просила прощения, неизменно получала его, и тогда все начиналось сначала. Из этих сцен во многом и состояли их личные отношения, не отражавшиеся, впрочем, ни на танцах Анны Павловны, ни на деятельности Дандре.

Во время петербургской встречи Виктор Эммануилович сообщил ей, что идет ревизия общественного управления и бог знает чем это все кончится; с него взяли подписку о невыезде. Непомерные траты на балерину толкнули поклонника на коммерческие махинации. В итоге он оказался под следствием.

Павлова, казалось, отнеслась к этому равнодушно и уехала с Дягилевым на «Русские сезоны». Вскоре Париж был у ее ног: пресса неистовствовала, публика сходила с ума от русской звезды.

Шведский король Оскар II вручил ей орден «За заслуги перед искусством», последовали предложения — одно заманчивее другого. И вдруг — сенсационная новость. Павлова расторгает блестящий контракт с Дягилевым и подписывает новый — с агентством «Брафф» в Лондоне, по которому обязывалась танцевать дважды в день в Англии, Шотландии и Ирландии. Никто не понимал происшедшего, а сама балерина говорила одно: «Я так хочу».

Кабальные условия нового договора усугублялись тем, что выступления проходили не в театрах первой величины, а в мюзик-холлах. Причину странного поступка Анны поняли только после того, как она внесла залог, требовавшийся для освобождения Дандре из долговой тюрьмы, пригласила его в Лондон и сделала своим импресарио.

В мае 1911 года начинались выступления Павловой с труппой в «Палас-театре». В окрестностях Лондона она приобрела особняк Айви-хаус, некогда принадлежавший знаменитому английскому художнику-пейзажисту Джону Тернеру.

Айви-хаус высился среди старого парка. Длинная деревянная терраса дома смотрела на пруд, в котором при новой хозяйке стали жить белоснежные лебеди. Широко известна фотография Анны с лебедем на коленях, его голова доверчиво лежит у нее на плече.

Виктор Дандре объявился в Айви-хаус осенью 1912 года. Санкт-петербургская Судебная палата вынесла решение отстранить его от должности.

Скорее всего, Павлова и Дандре заключили тайный брак, хотя документальных подтверждений тому нет. В Айви-хаус Виктора Эммануиловича знали как управляющего делами, импресарио. С первого же дня пребывания в Англии он взял в свои руки все театральные дела Павловой. Владея романскими языками, Дандре заменял собой целую канцелярию с дюжиной служащих и помощников.

Скоро предприятие Анны стало почитаться в театральном мире образцовым.

В периоды краткого отдыха между гастролями Павлова и Дандре любили устраивать светские рауты, на которых потчевали английских аристократов блюдами русской национальной кухни.

Дандре был одним из первых импресарио, который понял могущество прессы. Он приглашал фоторепортеров и газетчиков на выступления Павловой, давал многочисленные интервью, связанные с ее жизнью и творчеством, умело обыгрывал сюжеты, навеянные романтическим образом «Лебедя».

Анна Павлова открыла русский балет для Америки, где впервые балетные спектакли стали давать полные сборы. Только в декабре 1914 года ее труппа дала 31 спектакль в разных городах — от Цинциннати до Чикаго.

В Лондоне жизнь входила в мирное русло.

В высшей степени деловой и предусмотрительный человек, Дандре на программках «Королевского зала» помещал две строчки с адресом импресарио для писем и предложений Анне Павловой.

Виктор Эммануилович ограничивал расходы на постановки, и в целом спектакли не поднимались выше среднего уровня. Анна сама ставила себе хореографические номера.

Балет для Анны Павловой, объехавшей сорок четыре страны, был своего рода религией, к которой она приобщила народы всего мира. За двадцать два года бесконечных турне балерина проехала на поезде более полумиллиона километров; по приблизительным подсчетам, она дала около девяти тысяч спектаклей. Это был действительно труд на износ.

…В августе 1930 года начинались репетиции для очередного турне по Европе.

Балетные спектакли в Европе начинались с Нидерландов. Местные газеты коротко сообщили: «Павлова прибыла в субботу 17 января из Парижа в свое последнее кругосветное турне. В поезде, возвращаясь с Ривьеры, она простудилась…»

Врачи советовали ей отменить гастроли. В Нидерландах климат сырой и холодный, простое простудное заболевание может осложниться. Но Анна решила все же ехать.

В Гааге воспаление легких у нее перешло в гнойный плеврит. У постели балерины днем и ночью дежурили врачи. Иногда к Анне возвращалось сознание, и она беспокойно спрашивала: «А моя труппа? Что с нею?»

Согласно легенде, последний раз приподнимаясь на постели, как будто готовясь встать, она отчетливо и строго, как всегда распоряжалась, сказала: «Приготовьте мой костюм Лебедя». То была холодная ночь 23 января 1931 года…

Анну Павлову похоронили на лондонском кладбище Голдерс-Грин, вокруг — только белые цветы. Божественная русская балерина как-то заметила: «Ребенком я думала, что успех — это счастье. Я ошиблась. Счастье — мотылек, который чарует на миг и улетает…»

Виктор Дандре пережил жену на 13 лет. Все эти годы были посвящены Анне. Он создал клуб поклонников Павловой. Фотографии, редкие пленки, костюмы из спектаклей — все было принесено на ее алтарь. Дандре хотел, чтобы о ней помнили всегда. Увы, клуб просуществовал недолго: пришли иные кумиры и иные времена.

После смерти Анны Дандре заявил свои претензии на Айви-хаус. Когда же мать балерины, отвергая эти посягательства, подала на него в

суд, Дандре не смог предъявить никаких свидетельств о браке, ни свадебных фотографий, ссылаясь на то, что документы не сохранились после революции в России.

Александр Таиров и Алиса Коонен

Алиса Георгиевна Коонен родилась в 1889 году в Москве. Ее отец — поверенный по судебным делам, мать — прекрасная музыкантша, но слабое здоровье и большая семья лишили ее возможности давать уроки.

В 1905 году Коонен поступила в Художественный театр к Станиславскому и стала его любимой ученицей. После восьми успешных сезонов Алиса неожиданно переходит в «Свободный театр» к Марджанову. Она уже сознавала себя актрисой трагедийной и догадывалась, что ей нужен другой театр.

В первый же день Марджанов подводит Коонен к молодому режиссеру: «Познакомьтесь, Алиса. Александр Яковлевич Таиров. Ему поручена постановка „Покрывала Пьеретты“». Эта неожиданная новость ошеломила актрису. Уйти из Художественного театра, от Станиславского, для того чтобы работать с неизвестным, совсем молодым режиссером!

Таиров сказал несколько приветливых слов, на которые Алиса ответила холодно, но невольно подумала, что у него хорошая улыбка, что держится он независимо и с достоинством.

Несмотря на молодость (он был старше Коонен на четыре года) первые режиссерские опыты Александра Таирова относились к 1907–1909 годам и были сопряжены с его работой в Литовском Общедоступном театре Гайдебурова. Он работал также в Театре Веры Комиссаржевской и одновременно заканчивал Петербургский университет по юридическому факультету. Разочаровавшись в театре, Александр решил вступить в коллегию адвокатов. Но когда Марджанов предложил ему поставить пантомиму «Покрывало Пьеретты» Артура Шницлера, он отказаться несмог.

Начались репетиции. Тема «Покрывала Пьеретты», говорил Таиров, любовь и смерть.

После одной из репетиций Александр Яковлевич вызвался проводить Коонен до дому. Актриса пишет в книге воспоминаний «Страницы жизни»: «Я сухо поблагодарила его и, подозвав проезжавшего мимо извозчика, сказала, что прекрасно доеду одна. Каково же было мое удивление, когда, сев в пролетку, я увидела Таирова рядом с собой. Он вежливо сказал, что, так как время позднее, он считает своим долгом меня проводить, хотя и видит, что мне этого явно не хочется. Перебрасываясь незначительными репликами, мы доехали до Спиридоновки. Прощаясь, Таиров рассмеялся: „Говорят, Станиславский считал, что у вас своевольный, упрямый характер. Я этого не нахожу. Вы все же позволили мне проводить себя, хотя вам этого ужасно не хотелось. Правда?“ Растерявшись, я ничего не ответила и молча открыла дверь в подъезд, оставив Таирова наедине с извозчиком. Эту ночь я провела беспокойно. С тревогой думала о том, как не сходятся мои поиски с тем, что требует Таиров. Всплывали в памяти отдельные его слова, советы. „Что за человек этот Таиров?“ — спрашивала я себя. Ни на кого не похож, точно с луны свалился. Он так много знает, так настойчив в своих требованиях…»

Утром в день генеральной репетиции Алисе Коонен принесли домой корзину цветов с запиской: «Верю в ваш большой успех. Ни пера ни пуха.

Александр Таиров». Это были первые цветы, которые она получила в тот вечер.

Премьера «Покрывала Пьеретты» состоялась 4 ноября 1913 года. Первое впечатление от спектакля, зафиксированное всеми рецензентами, — поразительное совпадение со временем.

После ликвидации Свободного театра артистам выплатили деньги за летний отпуск. Получив значительную сумму, Алиса Коонен решила осуществить свою давнюю мечту — поехать в Париж, а перед началом сезона провести недели две в Бретани, у моря. Воодушевленная этой перспективой, она поведала о своем плане Таирову. Когда Коонен с билетом в кармане уже готовилась к отъезду, Александр Яковлевич вдруг предложил ехать вместе. Актриса неожиданно для себя согласилась…

Вернувшись в Москву, они встречались редко, урывками, чаще всего поздно вечером или ночью, бродили по Спиридоновке или сидели на Патриарших прудах. Наконец состоялось объяснение. «Разговор затих сам собой. Ночь была чудесная, светлая. Пройдя по Тверскому бульвару на Спиридоновку, мы вышли к Патриаршим прудам и сели на мою любимую лавочку. Над головой сияли звезды, пахло липой… И скоро все взволнованные раздумья о пути театра, о новых формах отошли в сторону, уступив место самому простому и самому прекрасному человеческому чувству, о котором во всем мире люди поют песни и поэты слагают стихи. „Только влюбленный имеет право на звание человека“».

…1914 год. Идет Первая мировая война. А на Тверском бульваре, 23, открывается Камерный театр. Он станет спутником юности, символом нового искусства. Театр никогда бы не открылся, если бы не любовь Таирова к Алисе Коонен. Камерный театр был воздвигнут во имя этой любви. В «Записках режиссера» о ней одна только строчка. На титуле, курсивом: «Алисе Коонен Александр Таиров». Он посвятил ей свою книгу, свою судьбу. Он был щедр, как может быть щедр только любящий человек. Но он был и практичен, как может быть практичен только истинный человек театра.

Судьба подарила Таирову великую актрису. Коонен воплощала особый романтический тип. Из зрительного зала было видно, как она недоступна, как умеет владеть собой, как высоко держит подбородок и как прекрасны ее глаза в приливах гнева, страсти или веселья. «Они могли быть черными, карими, темно-синими. Однажды они… показались даже голубыми. Они как бы меняли свой цвет в зависимости от роли», — свидетельствует А. К. Гладков.

Таиров и Коонен были необычной парой. Татьяна Бачелис отмечает: «Таиров ей поклонялся, поклонялся так, как можно поклоняться богине. Он и считал ее богиней. Я в этом совершенно уверена. Но театр он любил еще больше. Вот в чем, мне кажется, состояла скрытая тайна их отношений».

Вскоре в жизни Таирова и Коонен произошла неожиданная перемена. Александр Яковлевич довольно долго жил в маленькой квартире в доме Нирензее в Гнездниковском переулке. И вдруг извещение о том, что этот дом реквизируется, а всем жильцам предлагается освободить помещение. В то время найти отдельную квартиру или хотя бы комнату в Москве было чрезвычайно трудно.

Подумав, Коонен решила, что единственный выход — предложить Таирову переехать к ним, о чем тут же весьма категорически сообщила ему, а потом, набравшись храбрости, объявила об этом дома. Родители были ошеломлены.

Некоторое время Алиса Коонен никак не могла привыкнуть к тому, что надо говорить не «у меня», а «у нас», приглашать в гости не «ко мне», а «к нам». И это очень забавляло ее. Внешне в их жизни мало что изменилось, Таиров, как и раньше, целые дни пропадал в театре, Алиса Коонен почти каждый вечер играла. Только посиделки с друзьями после спектаклей стали теперь более частыми и более многолюдными. Большой такт Александра Яковлевича в конце концов покорил ее родителей. Правда, мама Алисы огорчалась до слез, что этот союз не был освящен подвенечной фатой и белым платьем. Отец отнесся к этому спокойно и очень скоро подружился с Александром Яковлевичем.

На гастролях Таирову и Коонен почти никогда не удавалось побыть вдвоем. Когда же театр возвращался в Москву, на Таирова наваливалась уйма всяких дел и забот. Повидав целый ряд людей, познакомившись с театральной ситуацией в Москве, Александр Яковлевич возвращался в лоно семьи.

Несмотря на то что время артистов было занято и утром, и днем, и ночью, жизнь не замыкалась в стенах театра. Театральная Москва в то время вообще жила шумно. После спектаклей Таиров и Коонен часто бывали в Кружке искусства, который помещался в Старо-Пименовском переулке, в подвале. Там было тесно, шумно, обсуждались театральные новости, спорили, весело смеялись. Председателем Кружка был А. И. Южин.

Год 1934-й был знаменательным в жизни Камерного театра — год его двадцатилетия. Празднование юбилея было отодвинуто с 25 декабря на 4 и 6 января.

Встречать Новый год Таиров и Коонен поехали в Кружок. Вернувшись домой, как всегда, зажгли на елке свечи и сидели до утра. После гремящего оркестра и шумных тостов тишина в доме располагала к душевному разговору. На пороге нового года Алиса Георгиевна любила оглянуться назад, вспомнить прошедшее: «Будущее всегда казалось мне таинственным, заглядывать в него я не решалась. У Александра Яковлевича был другой характер. Он не склонен был оглядываться на прошлое и всегда стремительно несся куда-то вперед. В то время он был целиком поглощен замыслом спектакля „Египетские ночи“».

Война застала Камерный театр на гастролях в Ленинграде. Спешный отъезд в уже затемненную Москву. В начале сентября состоялась премьера спектакля о войне — «Батальон идет на Запад» Г. Мдивани. Только в эвакуации на Балхаше и в Барнауле театром было показано более 500 спектаклей.

Во время войны Таиров заболел острым воспалением печени. Положение было тяжелым. В те дни все поражались мужеству режиссера. Не считаясь с болезнью, с высокой температурой, вопреки запрещению врача подниматься с постели, он продолжал работать. Репетиции часто велись дома. Сидя в кресле, он работал с таким запалом, что это заражало и увлекало актеров. А потом, когда все расходились, Алиса Георгиевна

тихонько напевала ему «Темную ночь» или «Прощай, любимый город» — песни, которые он особенно любил…

Послевоенные годы Камерного театра были очень драматичны. Перед Таировым стоял целый ряд серьезных проблем. И одна из самых неразрешимых — репертуарная. К этому надо добавить трудности, переживаемые внутри самого коллектива: плохие сборы, закрытие актерского училища при театре, обветшалое здание, требовавшее капитального ремонта.

Решение Комитета по делам искусств от 19 мая 1949 года об увольнении Таирова из Камерного театра было явно несправедливым. Вместе с ним театр покинула и Алиса Коонен.

В последний раз занавес Камерного театра закрылся 29 мая 1949 года. Шел спектакль «Адриенна Лекуврер». Алиса Георгиевна играла вдохновенно, самозабвенно. Тишина зала нарушалась порой сдержанными всхлипываниями, взрываясь безудержными аплодисментами. А затем в доме у них началась непривычная жизнь.

Вскоре они получили бумагу-приказ, где от имени правительства выражалась благодарность за многолетний труд, высоко оценивались достижения их обоих в советском театральном искусстве и предлагалось перейти на «почетный отдых, на пенсию по возрасту» (Таирову было тогда около 65-ти лет, Коонен — 59). Это был последний удар, который пришлось перенести Александру Яковлевичу. Вскоре начали замечать у него признаки болезни, быстро развивающейся. Очень горестно было видеть этого, всегда такого энергичного, человека погруженным в апатию.

9 августа 1950 года Камерный театр был переименован в Московский драматический театр имени А. С. Пушкина и тем самым фактически ликвидирован. Коонен писала: «…Как-то, вскоре после закрытия театра, Александр Яковлевич подозвал меня к окну и показал на мостовую. „Видишь, — сказал он, — между булыжниками пробивается трава. (В то время мостовая на Бронной была булыжная.) Кажется невероятным: ездят машины, грузовики, топчут землю прохожие, а трава выпрямляется, живет и дает новые ростки. Вот так и искусство. Оно пробьется и будет жить снова!“»

Таиров умер 25 сентября 1950 года…

Она продолжала жить в том же доме. Тяжелым ходом шагали дни, недели, месяцы. Наконец Алиса Коонен находит в себе силы вернуться к активной жизни. Она проводит творческие вечера, читает со сцены блоковские стихи, участвует в концертах, записывается на радио, пишет книгу воспоминаний. Но тоска по привычному, четко организованному ритму жизни театра, со всеми его волнениями, радостями и неудачами таится где-то глубоко в подсознании и до конца дней не исчезнет.

Алиса Георгиевна Коонен пережила мужа почти на четверть века. Она умерла в 1974 году. А потом имущество супругов было выставлено на продажу.

Жорж Питоев и Людмила Сманова

В 1922 году Жорж и Людмила Питоевы приехали покорять Париж. Он — актер и режиссер, она — актриса. Жорж и его жена, уроженцы Тифлиса, говорили на французском языке с заметным акцентом. Это не помешало им завоевать любовь зрителей. Никого из самых любимых

мастеров театра не называли по именам. Питоевы для парижан сразу стали Жоржем и Людмилой. И когда эти имена появлялись в заголовках газетных статей, все знали, о ком идет речь.

Питоев, художник самобытный и непосредственный, был счастливым режиссером, потому что работал с идеальной актрисой — Людмилой Питоевой, которую он мысленно «заставлял» проигрывать все роли в готовящемся спектакле и тогда понимал, как его ставить. Популярность Людмилы Питоевой была так велика, что когда Жоржа предупреждали о рискованности выбора той или иной пьесы, он отвечал: «Ничего, они придут смотреть Людмилу». И «они» действительно приходили.

Жорж, или на русский лад — Георгий Иванович Питоев родился 4 сентября 1884 года в богатой тифлисской семье. С ранних лет он больше всего интересовался математикой. Закончив гимназию, Питоев поступил в Московский университет. Через два года перешел в Институт путей сообщения, увлекся театром. В 1908 году, на одном из спектаклей Артистического кружка, присутствовала Вера Комиссаржевская. На следующий день она пришла к Питоевым и взволнованно стала уговаривать Жоржа посвятить себя театру. В составе труппы Передвижного театра Гайдебурова и Скарской он в течение пяти лет ездил по городам России и Сибири.

Родители его тем временем оказались в Париже. В конце 1913 года они приехали к Жоржу в Тифлис. Радость встречи вскоре сменилась горем — в феврале 1914 года скоропостижно скончалась мать. Отец почти насильно увез потрясенного Жоржа в Париж.

Так кончился «русский период» театральной деятельности Питоева. Он не вернулся в Россию — этому помешала сначала встреча с Людмилой Смановой, затем — мировая война.

Людмила была дочерью крупного тифлисского чиновника Якова Сманова, в сорокалетнем возрасте женившегося на молоденькой хористке. По требованию отца, который стремился держать девочку подальше от эксцентрических выходок матери, ее отдали в закрытое учебное заведение — Институт святой Нины. Здесь девиц из состоятельных семей обучали светскому обхождению, музыке, языкам, закону Божьему.

Но когда Людмила закончила институт, мать повезла ее учиться пению в Париж, и привыкшая к строгому институтскому режиму девушка окунулась в полубогемную жизнь. Ходила в театры, занималась пением, танцами, музыкой, английским и немецким языками. Пыталась поступить в драматический класс Консерватории. Ей посоветовали не тратить времени зря и забыть о сцене.

Часто они с матерью бывали в доме Питоевых. Людмила в мае 1914 года, за два месяца до начала войны встретила там Жоржа. Любовь возникла с первого взгляда.

Питоева не взяли в армию из-за плохого зрения. Без денег, без театра, без всякого будущего — имел ли он право связать судьбу Людмилы со своей, омрачить ее юность? Много раз Жорж пытался покинуть Париж, но так и не смог. В июле 1915 года они поженились и уехали в Швейцарию, куда еще раньше переселились отец и сестра Жоржа.

В начале следующего года Питоев приступает к созданию собственной труппы. Однако еще раньше, чем сложилась труппа, Жорж открыл, что судьба подарила ему актрису, о которой любой режиссер мог только мечтать. За пленительной непосредственностью, звонким детским смехом и ясными глазами маленькой, хрупкой Людмилы таилось огромное актерское дарование, о котором поначалу не подозревали ни она сама, ни ее муж.

С этого времени начинается новый этап в артистической жизни Жоржа Питоева. Он был одержим жаждой ставить все новые и новые спектакли. «Я бы хотел играть двадцать пьес в сезон», — говорил режиссер журналисту.

Работали на износ, но это был единственный способ существования, какой они знали. За семь лет жизни в Швейцарии Питоев поставил 74 пьесы 46 авторов. Тут были все жанры — от фарса до трагедии, и в большинстве спектаклей Жорж и Людмила играли центральные роли.

Деньги никогда не значили много в их жизни. Но театр требовал расходов. С 1917 года Питоевы перестали получать материальную помощь от семей. Надо было зарабатывать. На Людмилу и Жоржа легла материальная забота о родителях, появлялись дети — росла семья.

Часто приходилось терпеть лишения и даже голодать: доходы были слишком малы. Кое-кто обвинял Жоржа в неблагодарности, тщеславии, эгоизме. Говорили, что он берет себе и жене лучшие роли, что в труппе есть актеры, которых он не желает замечать…

В 1922 году супруги перебираются из Швейцарии в Париж. В их репертуаре были Чехов, Горький, Л. Толстой, Шекспир, Стриндберг, Честертон, Уайльд, Шоу, Ленорман. В полулюбительскую труппу входили семнадцать швейцарцев, трое русских, один итальянец, один голландец и лишь одна француженка.

1 февраля 1922 года Питоев открыл свой первый парижский сезон «Расточителем снов» Ленормана.

С первых дней в Париже Питоев работал в темпах, привычных для труппы, — десять спектаклей в неделю, семь вечерних, три утренних, две, три, иной раз даже четыре премьеры в месяц. Дочь, Анюта Питоева, уверяет, что летом 1922 года, «отдыхая» с семьей в Ландах, Жорж готовил одновременно шестнадцать постановок! А Людмила, ожидая пятого ребенка, работала сразу над тремя ролями.

К концу первого сезона, продлившегося всего три месяца, на спектаклях Питоева стала появляться «своя» публика. Самые прозорливые из критиков предсказали театру большую будущность.

В 1929 году Жорж, уступая настойчивому стремлению Людмилы, написал вместе с Рене Арну по протоколам суда над Жанной д'Арк пьесу «Подлинный процесс Жанны д'Арк». Не меняя ни одного слова, только осторожно сокращая длинноты, авторы показали трагедию XV века со всей ее потрясающей достоверностью. И тут произошло почти неожиданное: не отдавая себе в этом отчета, Жорж толкнул Людмилу на гибельный путь тяжелого духовного кризиса. Она все больше уходила в себя, в религию, все больше чувствовала себя «недостойной» играть Жанну.

Актриса съездила в Руан, в Реймс, на место сожжения Жанны. Она все больше сливалась с образом героини. Еще сильнее это проявилось в

1936 году, когда перед спектаклем «Святой Иоанны» актриса стала играть драму Шарля Пеги «Жанна д'Арк», где Жанна показана в ореоле святости, как символ нравственного величия нации.

Занятый делами театра, бесконечной подготовкой новых спектаклей, Жорж не сразу заметил, что происходит с женой. А когда заметил, было уже поздно.

На каком-то этапе произошел роковой кризис, который отравил последние годы творчества Питоевых и превратил Людмилу в замкнутое существо, живущее в себе и для себя, погруженное в мистические видения. С искаженным, залитым слезами лицом, шатаясь, уходила актриса со сцены; актеры молча и бережно вели ее к дивану…

Здоровье Жоржа было подточено годами изнуряющей борьбы за театр, к которой в последние годы присоединились осложнившиеся отношения с Людмилой. В начале апреля 1938 года тяжелая сердечная болезнь оторвала Питоева от театра.

Однако как только Жорж поднялся, он снова начал обдумывать одну постановку за другой. С сентября 1938 года он вернулся к режиссерской работе и до конца года поставил три спектакля.

Летом семья Питоевых поехала в Швейцарию. Потом началась война, и это было последним ударом, подорвавшим силы Жоржа. Он умер 17 сентября 1939 года, в день, когда ему исполнилось пятьдесят четыре года.

Тогда стало ясно, как велика была его роль в артистическом содружестве с Людмилой. Она пережила мужа на двенадцать лет. В сущности, это были годы угасания, хотя ее талант до конца сохранил свою силу. В Париже ей отказались сдать помещение театра «Матюрен». Два года полуголодной жизни в Швейцарии, скитания по швейцарским городам с возобновленными спектаклями Жоржа измучили ее вконец. И когда одна из старших дочерей — Варвара прислала вызов из США и оплатила переезд матери и двух младших сестер, растерянная, охваченная страхом за детей, Людмила дала себя уговорить на отъезд.

В Америке ее никто не знал. Заново начинать карьеру в 46 лет, да еще играя на французском языке, было бессмысленно. Потянулись тоскливые годы. Людмила преподавала и играла во французской Канаде. Созданная ею труппа из учеников была, вероятно, первой профессиональной труппой Монреаля.

Старый друг Жак Эберто организовал для Людмилы спектакли «Обмена» в «Комедии Елисейских полей».

Сын Питоевых, Саша, играл роли отца и ставил новые спектакли. Людмила играла в них. Ее чистый голос, ее трогательная душевность по-прежнему захватывали публику. Но как часто она играла лишь для горсточки зрителей. Однако когда Людмила Питоева умерла в сентябре 1951 года, проводить ее пришли толпы молодежи и множество театральных друзей…

Пабло Пикассо и Ольга Хохлова

Пикассо делил своих возлюбленных на «богинь» и «половые коврики». К первым он, несомненно, относил русскую балерину Ольгу Хохлову. К моменту знакомства с художником в 1917 году 25-летняя Хохлова выступала в знаменитой труппе Сергея Дягилева. Танцовщицей

она была старательной и дисциплинированной, имела хорошую технику, но никогда не была примой и, не считая нескольких партий, выступала в кордебалете.

«Моя бабушка Ольга Хохлова родилась в украинском городе Нежине в семье полковника русской императорской армии, — рассказывает Марина Пикассо. — Вопреки родительскому желанию Ольга, которая была очень красива, стала балериной и получила приглашение в труппу от самого Дягилева. Он и познакомил ее с Пикассо».

Пабло Пикассо в свои 36 лет был уже знаменитым художником. Серж Дягилев, умевший привлечь к работе над своими балетами для «Русских сезонов» самые громкие имена, пригласил его оформить балет «Парад» в постановке Леонида Мясина.

Весной 1917 года труппа Дягилева выехала на гастроли в Рим. Здесь и произошло сближение испанского художника и русской балерины. Пикассо увлекся Ольгой с присущим ему темпераментом. «Будь осторожен, на русских девушках надо жениться», — предупреждал его Дягилев.

В Риме Пабло с Ольгой совершали длинные прогулки. Но балерина не спешила отвечать на бурные признания художника, хотя слава Пикассо производила на нее впечатление.

Мать Хохловой допытывалась у Дягилева: «Может ли художник быть человеком серьезным?» Тот отшучивался: «Не менее серьезным, чем балерина».

В мае 1917 года в парижском театре «Шатле» состоялась премьера «Парада». Затем Дягилев повез балет в Мадрид и Барселону. За балетом и за Ольгой последовал Пикассо. Он много ее рисовал в манере сугубо реалистической, на чем настаивала сама балерина, которая не любила непонятные ей эксперименты в живописи. «Я хочу, — говорила она, — узнавать свое лицо».

В Барселоне Пикассо познакомил Ольгу со своей матерью. Она тепло приняла русскую девушку, ходила на спектакли с ее участием, но предупредила: «С моим сыном, который создан только для самого себя и ни для кого другого, не может быть счастлива ни одна женщина». В Барселоне художник написал портрет Хохловой в испанской мантилье, который подарил матери. В этом полотне он выразил весь накал своих страстей. Ольга изображена на нем с величайшей нежностью.

Когда русский балет отправился в Латинскую Америку, Ольга по настоянию Пикассо возвращается с ним в Париж. На этом ее артистическая карьера заканчивается.

Во Франции они поселились в маленьком доме в парижском пригороде Монруж — со служанкой, собаками, птицами в клетках и еще тысячей разных предметов, которые повсюду сопровождали художника. Ольга неплохо говорила по-французски и любила слушать фантастические истории, которые ей рассказывал Пабло. Он, похоже, пресытился мимолетными любовными приключениями и стремится к покою и уравновешенной жизни. Именно в Монруже он написал знаменитый «Портрет Ольги в кресле».

12 июля 1918 года в мэрии VII парижского округа прошла церемония бракосочетания Пикассо и Хохловой. Вслед за гражданской церемонией состоялось венчание в православном соборе Александра Невского на улице

Дарю. В числе приглашенных — Серж Дягилев, Анри Матисс, Макс Жакоб, Жан Кокто, Гийом Аполлинер, Гертруда Стайн.

Пикассо был убежден, что женится на всю жизнь, и поэтому в брачный контракт вошла статья о том, что имущество супругов — общее.

Первые годы ничто не омрачало семейного счастья. Пабло все больше убеждался в правильности сделанного им шага. Ольга была прирожденной хозяйкой и со вкусом обставила квартиру. Она позаботилась о том, чтобы новая гостиная, окна которой выходили на улицу, и столовая с видом на сад были обставлены мебелью, отвечающей ее вкусу.

Студия Пикассо находилась этажом выше. В ней он хранил бесчисленное множество предметов. Картины Руссо, Матисса, Ренуара, Сезанна и других художников в беспорядке висели на стенах или были прислонены к ним, придавая беспорядку своеобразную привлекательность.

Супруги старались не расставаться: вместе отдыхали на курорте Биарриц на Средиземном море, вместе проводили время в Париже. Пикассо много пишет, ему часто позирует молодая жена.

В сентябре 1918 года супруги Пикассо отправились в Лондон вместе с русским балетом. Дягилев показывал там «Парад» и работал над новым балетом «Трикорн», для которого Пабло выполнял декорации и костюмы.

Вместе с труппой Пикассо и Хохлова жили в дорогом отеле «Савой» и по вечерам ходили на приемы. Ольга обладала красотой, страстью и большими претензиями. Ей нравилось быть «мадам Пикассо». Она обедала в дорогих ресторанах, приобретала изысканные туалеты.

Пикассо стремился к достижению гармонии с женщиной, которая всегда оставалась бы для него источником чувственных наслаждений и опорой домашнего очага. Но, как вскоре стало очевидно, Пикассо хотел оставаться свободным человеком и был готов во имя этого пожертвовать всем остальным.

4 февраля 1921 года у супругов родился сын Поль. В сорок лет Пикассо впервые стол отцом. Эта событие взволновало его, неожиданно для него самого наполнило гордостью. Он делал бесконечные рисунки сына и жены, помечая на них не только день, но и час. Все они выполнены в неоклассическом стиле, а женщины в его изображении напоминают олимпийских богинь. Ольга относилась к ребенку с почти болезненной страстью и обожанием.

Работа с русским балетом прославила художника и, по мнению специалистов, обогатила его талант. В апреле 1925 года Пикассо вместе с Ольгой и сыном поехали в Монте-Карло к Дягилеву. Там на репетициях он снова стал рисовать балерин. Ольга интересует его все меньше. Видя равнодушие мужа, Хохлова теряла спокойствие, нервничала и еще больше вызывала раздражение Пикассо, желавшего освободиться от ее назойливой опеки.

В январе 1927 года Пикассо увлекся семнадцатилетней Мари-Терез Вальтер. Предаваясь этой безумной страсти, он пытался забыть Ольгу, вычеркнуть ее из своей жизни. Пикассо любил повторять, что жизнь продляют только работа и женщины. «Каждый раз, когда я меняю женщину, — говорил Пикассо, — я должен сжечь ту, что была последней. Таким образом я от них избавляюсь. Это, возможно, и возвращает мне молодость».

Несмотря на то что Пабло и Ольга решили расстаться, они продолжали жить в одном доме, оставаясь в браке даже после того, как в жизнь Пикассо вошла Мари-Терез. В 1935 году любовница родила ему дочь Майю. Ольга, не выдержав холодного безразличия супруга и присутствия счастливой соперницы, вместе с сыном покидает дом.

Существует много свидетельств того, что в период между 1932 и 1936 годами он стремился обрести полную свободу. Однако для испанца бракоразводная процедура оказывается невероятно сложной. С большим трудом ему удается поделить имущество, но с юридической точки зрения он остается мужем Ольги Хохловой вплоть до самой ее кончины.

В 1943 году Пикассо находит новую музу — молодую художницу Франсуазу Жило. Это был очередной удар для Ольги, которая продолжала ревновать бывшего мужа ко всем его новым пассиям. Она писала ему гневные записки на смеси испанского, французского и русского, содержание которых сводилось к тому, что Пикассо ужасно опустился. Обычно она прикладывала к посланиям изображения Рембрандта или Бетховена с припиской, что он никогда не станет таким же великим, как эти гении.

Летом Ольга отправлялась в средиземноморский городок, где жили Пикассо и Франсуаза с сыном Клодом, и преследовала молодую женщину. Та молча переносила оскорбления, ибо понимала, что Ольга страдает от одиночества и отчаяния.

В 1949 году Жило произвела на свет дочку Палому, а три недели спустя Пикассо стал дедом — у Поля родился сын, которому в честь художника дали имя Пабло, но впоследствии обычно звали Паблито.

Поль провел всю войну в Швейцарии и вернулся в Париж только после его освобождения. У него не было работы, к тому же он сильно пил и употреблял наркотики. В 1954 году после тяжелого воспаления легких он оказался на грани смерти. Доктор послал Пикассо телеграмму с просьбой срочно приехать в Канн. Ответа не последовало.

Ольга Хохлова в последние годы жила в Канне в полном одиночестве. По словам Алисы Токлас, до конца дней остававшейся ее подругой и посещавшей ее в больнице, Ольга тепло отзывалась о Пикассо и их сыне, который, как она утверждала, был к ней добр и проявлял о ней заботу. Ольга Хохлова долго и мучительно болела и 11 февраля 1955 года скончалась от рака в городской больнице. На похороны пришли только ее сын Поль и несколько друзей. Пикассо в это время в Париже заканчивал картину «Алжирские женщины» и не приехал.

Пабло Пикассо прожил еще 28 лет и скончался 8 апреля 1973 года в преклонном возрасте.

Первенец Пикассо Поль умер в возрасте 50 лет. Паблито, сын Поля, покончил с собой и похоронен в той же могиле, где покоится прах его русской бабушки. Мари-Терез повесилась в гараже в возрасте 68 лет. Ее дочь от Пикассо Майя погибла в автомобильной катастрофе.

Дора Маар, сменившая Мари-Терез, закончила дни в психиатрической лечебнице. Жаклин Рок, вторая и последняя официальная жена Пикассо, отвадившая от него всех потенциальных наследников, на которой художник женился почти в 80-летнем возрасте,

страдала тяжелой формой депрессии. 16 октября 1986 года она выстрелила себе в висок…

Знаменитый особняк «Резиденция короля» в Канне унаследовала внучка Хохловой Марина Пикассо. Она создала носящий ее имя фонд, который построил в пригороде Хошимина деревушку из 24 домов для 360 вьетнамских сирот.

Скотт Фицджеральд и Зельда Сэйр

В 1917 году младший лейтенант пехоты Скотт Фицджеральд был направлен на службу в один из американских фортов. В свободное время он вместе с друзьями ходил на танцы в клуб городка Монтгомери. Однажды его внимание привлекла 17-летняя красавица. Позже Фицджеральд писал: «Я был от нее в восторге и сразу пошел в атаку. Она была самой прекрасной девушкой, которую я видел в своей жизни. Я сразу же понял, что она просто должна стать моей».

С ранних лет Зельда мечтала прославиться — стать балериной, художницей или писательницей. Она была сторонницей свободных нравов, считая, что «главное назначение женщины — вносить сумятицу в жизнь мужчин».

Именно Зельде Сэйр суждено было завоевать сердце 22-летнего офицера, мечтающего стать писателем и жаждущего ярких жизненных впечатлений. Зельда с ним не скучала. Он рассказывал ей о своей жизни в родном Сент-Поле, о родителях, об учебе в Принстонском университете, который так и не окончил, отправившись добровольно на военную службу с надеждой попасть в воюющую Европу. Фицджеральд был убежден, что станет знаменитым писателем.

Незаметно подошел февраль 1919 года, а с ним и демобилизация. Незадолго до нее Фицджеральд сделал предложение Зельде. Девушка ответила уклончиво, намекнув, что глава семьи должен хорошо зарабатывать.

Фицджеральд уехал в Нью-Йорк, но Зельду не забывал.

Фицджеральд сообщил супругам Сэйр, что обязательно женится на их дочери. Зельда, в свою очередь, написала родителям Фицджеральда и получила теплое письмо от его матери. И все же девушка не спешила переехать к своему другу, боясь неустроенности и бытовых проблем. Недели разлуки перерастали в месяцы, и для Скотта жизнь вдали от возлюбленной становилась невыносимой.

3 сентября 1919 года переработанный роман «По ту сторону рая» был отправлен в издательство, а через две недели пришел положительный ответ — роман принят к изданию!

Книга «По ту сторону рая» имела оглушительный успех. Посыпались деньги, посыпались предложения — одно заманчивее другого. Фицджеральд разделался с долгами, сшил модный костюм и в ноябре 1919 года приехал в Алабаму к Зельде Сэйр. На этот раз у девушки не было причин для отказа.

За неделю до свадьбы Фицджеральд восторженно писал бывшей сокурснице: «Когда ты в следующий раз приедешь в Нью-Йорк, я непременно познакомлю тебя с Зельдой, потому что она очень красивая, очень умная и, как нетрудно догадаться, очень храбрая, но сущий ребенок, и более легкомысленную пару, чем мы, трудно себе представить».

Вершиной этого счастливейшего периода его жизни стало венчание с Зельдой в соборе Святого Патрика 3 апреля 1920 года.

Все складывалось как нельзя лучше. Один за другим публикуются рассказы Фицджеральда, в которых так или иначе запечатлен образ его возлюбленной. Вышло второе издание его романа. Родилась дочь Скотти. Супруги много путешествовали, заводили новые знакомства. Зельда не умела и не желала вести домашнее хозяйство, ей гораздо интереснее было ходить по магазинам, ресторанам и тратить деньги.

Скотт и Зельда почти всегда и везде были вместе, не отпуская друг друга ни на шаг. Оба были жутко ревнивы. Однажды со Скоттом открыто начала флиртовать Айседора Дункан, и Зельда, вспылив, бросилась в проем лестничной клети. К счастью, все обошлось ушибами. Когда же Зельде понравился молодой красивый французский летчик Эдуард Жозан, муж запер ее в одной из комнат на их вилле и не выпускал в город целый месяц. Фицджеральд долго не мог забыть эту историю.

Зельда отличалась редким честолюбием. Ей не хотелось оставаться в тени знаменитого Скотта Фицджеральда. Она была незаурядной женщиной, однако ни занятия балетом и живописью, ни сочинение романов славы ей не принесло.

Зельда переживала свои неудачи мучительно. В 1925 году у нее появились первые признаки душевного недуга. В течение нескольких лет приступы истерического безумия и ясности сознания чередовались у нее с пугающей закономерностью.

В начале лета 1930 года Зельду поместили в швейцарскую психиатрическую клинику. Скотт Фицджеральд без колебаний отказался от всех соблазнов столичной жизни и поселился в деревне рядом с клиникой.

Скотт возил жену по знаменитым врачам, помещал в лучшие клиники, а едва болезнь отступала, спешил увезти домой и хоть ненадолго ощутить рядом с собой прежнюю Зельду. Она же пыталась добиться успеха в танцах или сочинительстве романов…

«Наша любовь была единственной в столетии, — написал тогда Скотт одному из друзей. — Если Зельда поправится, я снова буду счастлив и обрету покой».

Полного выздоровления не наступило, но страшный кризис миновал, «ее удалось в самый последний миг спасти от безумия», — сообщает Фицджеральд Перкинсу и отправляет издателю рукопись написанного Зельдой автобиографического романа «Вальс ты танцуешь со мной».

Осенью 1932 года роман Зельды Фицджеральд «Вальс ты танцуешь со мной» выходит в свет. Удовлетворив писательское тщеславие, она увлекается живописью; муж, естественно, поддерживает ее. Ценой огромных усилий Фицджеральду удается устроить в Нью-Йорке ее персональную выставку. «Для Зельды, — пишет он, — я был величайшей земной опорой, а часто и единственным связующим звеном между нею и реальностью».

О дочери он не забывал и уделял много внимания. Скотти было девять лет, когда ее мать попала в клинику, и с этого момента вся забота о девочке легла на плечи Фицджеральда. Он обеспечил ей возможность

учиться в лучших учебных заведениях. Когда Скотти шел тринадцатый год, отец разработал для нее целую программу самовоспитания.

В борьбе с болезнью прошло шесть лет, и он понял, что Зельда обречена всю оставшуюся жизнь провести в лечебницах. Скотт все чаще находил утешение в алкоголе, не помогало даже присутствие рядом любимой дочери. «Если я трезв, — пишет Скотт своему другу Джеральду Мерфи, — то нет такой ночи, чтобы я не думал часами о том, что она перенесла. Возможно, тебе покажется странным или даже неправдоподобным, но она всегда была моим ребенком».

Тем не менее Фицджеральд умудряется написать полторы сотни рассказов, четыре романа, книгу эссе, несколько сценариев!

В его жизни появляются другие женщины. Скотт говорил, что стал изменять Зельде после того, как состояние ее здоровья резко ухудшилось. Сохранилось письмо Фицджеральда приятельнице. Вот отрывок из него: «Однажды ты сказала: „Ты никого не любил, кроме Зельды“. Да, я отдал свою юность и свежесть чувств ей. Наше общее прошлое так же реально, как мой талант, ребенок, деньги».

В 1937 году, чтобы рассчитаться с огромными долгами, Скотт перебрался в Голливуд и начал писать сценарии для «МГМ». Платили там хорошо, но у Фицджеральда часто возникали споры и конфликты с руководством компании. Вскоре контракт с ним был разорван. «То, чем я здесь занимаюсь, — с горечью писал он дочери из Голливуда, — это последнее усилие человека, умевшего раньше создавать вещи более глубокие и совершенные».

В конце концов писатель не выдерживает. У него обостряется залеченный в юности туберкулез. Фицджеральд старался скрыть от жены свое опасное положение: «Ей опять станет хуже, если она увидит меня больным», но Зельда узнает о его состоянии и, встревоженная, хочет покинуть клинику. Муж категорически против. «От тебя я прошу лишь одного: предоставь меня с моим кровохарканьем и надеждами самому себе, а я постараюсь заслужить право спасти тебя».

Скотт Фицджеральд умер от инфаркта 21 декабря 1940 года, работая над романом о киноиндустрии. Его похоронили на кладбище в Роквилле — там, где погребены солдаты-южане, погибшие в Гражданской войне.

После смерти мужа Зельда писала: «Скотт был необыкновенно щедр душой… Можно подумать, он был только тем и занят, что хотел осчастливить нас со Скотти…»

Зельда пережила мужа на восемь лет. Скотти вышла замуж, родила сына. Зельда погибла в ночь на 11 марта 1948 года — в клинике случился пожар, и она вместе с семью другими пациентами оказалась отрезанной на последнем этаже…

Дуглас Фэрбенкс и Мэри Пикфорд

Дуглас Фэрбенкс и Мэри Пикфорд… Одна из первых «звездных» супружеских пар в истории кино. Никто не знает, когда начался их роман, вероятно потому, что знаменитые актеры опасались скандала. Маленькая Мэри, исполнительница роли наивной и невинной Золушки, была национальным символом, «мифом и легендой».

Обаятельный Дуглас Ульман, прославившийся под фамилией Фэрбенкс, играл преимущественно в легких пьесах и сам был легок и жизнерадостен. В Нью-Йорке он был довольно известным актером и выступал на Бродвее. В 1915 году Дуглас начинает сниматься в кино. «Он похож на Ариэля», — писал журналист Алистер Кук. Фэрбенкс выполнял сложнейшие трюки с завидной легкостью.

В 1915 году Элси Джанис открыла элитный салон в своем особняке в Тарритауне на Гудзоне. В середине ноября Джанис пригласила к себе Мэри Пикфорд и ее мужа Оуэна Мура. Среди гостей был и 32-летний Дуглас Фэрбенкс. Он приехал в Тарритаун вместе с женой Бет Салли на модном автомобиле «Стутс Беркэт». На этой вечеринке Фэрбенкс сделал Мэри комплимент: «Вы и Чарли Чаплин — два гения, которых подарило миру кино». Пикфорд улыбнулась в ответ.

Через месяц они встретились на балу в отеле «Алгонкуин». Мэри была одна, и Фэрбенкс завел разговор о кино. Фэрбенкс говорил с ней просто, как с равной. По признанию Пикфорд, Дуг стал для нее «дыханием новой жизни».

Слух об этом романе быстро разлетелся по Голливуду. О нем знали все, кроме Бет, которая хоть и чувствовала, что Дуглас ей изменяет, но подозревала Аниту Лус.

В 1916 году Фэрбенкс перевез жену и сына в Лос-Анджелес, где каждый месяц снимался в новом фильме. Он вступил в концерн «Феймес артистс», основал собственную кинокомпанию и доверил прокат своих фильмов престижной фирме «Арткрафт». В семье появился достаток. Бет Салли была счастлива.

Дуглас часто увлекался женщинами, хотя и не считал, что изменяет супруге. Все эти увлечения ничего не значили для него, пока он не встретил Мэри. Роман с Пикфорд совпал с началом взлета его кинокарьеры. Мэри могла помочь ему советами и связями в кинематографическом мире.

«Он всегда оставался мальчишкой, — говорила Пикфорд. — Дуг так же верил в справедливость в жизни, как и на экране. Для меня он олицетворял новый мир».

В 1918 году Пикфорд и Фэрбенкс вместе с Чаплином совершили поездку по Штатам, распространяя военный «Займ свободы».

В следующем году «великая голливудская четверка» — Пикфорд, Фэрбенкс, Чаплин и режиссер Гриффит — создает собственную фирму «Юнайтед артистс», чтобы самим производить и продавать свои картины. В первые годы существования фирмы Мэри Пикфорд получает от каждого фильма до миллиона двухсот тысяч долларов дохода, Фэрбенкс — до двух миллионов, а Чаплин — до трех.

Мэри наконец развелась с Оуэном, и Фэрбенкс сделал ей предложение. Пикфорд тянула с ответом. Чаплин предложил им жить вместе не расписываясь, но этот вариант Мэри не устраивал. Она все спрашивала Дуга: «Если мир не одобрит нас, будет ли твоя любовь достаточно сильна? Если мы оба потеряем работу, хватит ли нашей любви для того, чтобы счастливо жить вместе?» Он отвечал: «Я люблю тебя всей душой».

28 марта 1920 года Фэрбенкс все же заставил Мэри сказать «да» в доме Брюэра в воскресенье (хитрый Дуг заверил ее, что по

астрологическому календарю этот день особенно благоприятен для женитьбы). После краткой церемонии новобрачные отправились к Фэрбенксу, в бывший охотничий домик в Беверли-Хиллз.

В течение трех дней Пикфорд приезжала на съемки фильма «Мыльная пена», обвязав кольцо лентой. Вечера она проводила вдвоем с Дугласом. Наконец они сообщили о бракосочетании репортерам и родственникам.

Супруги Фэрбенкс отправились в свадебное путешествие. В Нью-Йорке у входа в отель их встречала ликующая толпа. Вечером, в театре, зрители стоя аплодировали знаменитой паре.

Вернувшись в Голливуд, супруги поселились в Пикфэре — доме на холме, который Фэрбенкс преподнес Мэри в качестве свадебного подарка.

Однажды Пикфорд увидела в окно нанятых Фэрбенксом гавайских музыкантов. Они играли и пели серенады только для нее. «Это счастливый дом, — говорила Мэри. — В нем нельзя ссориться».

Фэрбенкс и Пикфорд придумали друг другу ласковые прозвища. Он называл ее Хиппер или Туппер, а она его — Тиллер или Дуббер. Но для всех знакомых они оставались просто «Дугом и Мэри». Эти двое почти не расставались. Актриса Коллен Мур рассказывала, что если Фэрбенкс где-то задерживался допоздна, Мэри отправлялась за ним на своеймашине.

Они даже танцевали только друг с другом. Мэри не понимала, как можно «увидеть человека впервые и в следующую минуту уже быть в его объятиях и танцевать с ним». Даже герцогу Йоркскому она отказала: «Я уже обещала этот танец Дугласу».

За столом Фэрбенкс и Пикфорд всегда были рядом. Актриса Пола Негри вспоминает, как Дуг и Мэри сидели во главе стола в Пикфэре, взявшись за руки и рассказывая гостям о своих фильмах.

Они дарили друг другу дорогие подарки. Мэри преподнесла Фэрбенксу старинное оружие, пятнадцать графических работ Фредерика Ремингтона, а также самый настоящий бар времен Золотой лихорадки. Фэрбенкс подарил Мэри первый «форд» модели «А», а также чайный сервиз из фарфора с золотом, состоящий из ста двух предметов. Этот сервиз когда-то преподнес Наполеон Жозефине.

За десять лет супруги совершили семь длительных путешествий. В 1921 году Фэрбенкс и Пикфорд посетили Италию, Францию, Швейцарию, Ближний Восток и Африку. В 1924 году всего за три месяца побывали в Лондоне, Париже, Мадриде, Берне, Люцерне, Цюрихе, Мюнхене, Берлине, Осло, Копенгагене, Амстердаме и Брюсселе. Поскольку Фэрбенксов принимали царственные особы и аристократы, в сознании людей они ассоциировались с международной элитой.

Когда в 1926 году Дуглас и Мэри отправились в Россию, зрители всего мира воспринимали их как небожителей. На границе голливудских актеров пересадили в бывший царский вагон. Тридцать пять тысяч поклонников криками «Маруся!» встречали поезд на московском вокзале и провожали чету до гостиницы «Метрополь».

Американцы встретились с Эйзенштейном. Мэри Пикфорд выразила свое восхищение фильмом «Броненосец „Потемкин“». Теплый прием в Москве запомнился им надолго.

Дуглас и Мэри старались выглядеть стопроцентными американцами. В газетах писали, что Фэрбенкс встает в пять утра, полчаса бегает трусцой вокруг дома, делает стойку на руках. Вернувшись в дом, он выбирает себе подходящую одежду из тысячи рубашек, семидесяти пиджаков и брюк, тридцати пяти плащей, тридцати семи шляп и пятидесяти пар туфель. В шесть часов он встречается с женой в столовой. Супруги пьют чай из серебряного сервиза и обсуждают планы на день.

Вечером, после работы, в Пикфэре накрывали стол на пятнадцать персон, поскольку Фэрбенкс часто приглашал кого-нибудь из студии, поклонников или друзей. Он любил позабавиться. Так, перед сменой блюд Дуг залезал под стол, хватал гостей за лодыжки, лаял по-собачьи и кусался. Иногда в один из стульев подводились электрические проводки, и тот, кто на него садился, получал слабый удар током. Дуглас покатывался со смеху.

Чаплин вспоминал, что в Пикфэре обедали герцог Альба, герцог Сазерлендский и Остин Чемберлен. Можно еще назвать короля Испании, кронпринцессу Пруссии, принца Швеции, Скотта Фицджеральда, Альберта Эйнштейна, сэра Артура Конан Дойля, Макса Райнхарда, Бернарда Шоу, Герберта Уэллса…

В конце 1920-х в кино пришел звук. Многие звезды немого кино были вынуждены завершить свою карьеру. Фэрбенкс и Пикфорд снялись вместе в «Укрощении строптивой». Фильм был далек от Шекспира. Мэри возненавидела эту картину еще до того, как она вышла на экран.

После окончания работы над «Укрощением строптивой» супруги решили отдохнуть и отправились в кругосветное путешествие. Фэрбенкс настоял на поездке в Афины, где их появление произвело фурор.

Они пили чай с Хирохито, играли в гольф с его племянником. Затем они отбыли на Гавайи и оттуда в Сан-Франциско. Это было их последнее звездное турне.

Кино все меньше интересовало Фэрбенкса, и если раньше он отдыхал в перерывах между съемками, то теперь делал фильмы в промежутках между путешествиями. Пикфорд часто понятия не имела о планах мужа. В 1932 году Дуглас посетил Олимпийские игры, потом — Филиппины, Суэцкий канал, Сибирь, Маньчжурия, Монголия, Марокко…

«Фэрбенкс был привлекательным мужчиной, — говорил Чак Льюис, — и его окружало множество женщин, готовых пофлиртовать с ним. Конечно, он ухаживал за дамами только тогда, когда поблизости не было Мэри. Он никогда никого не обижал и сохранял благоразумие».

Весной 1932 года в Лондоне на приеме, посвященном визиту короля Испании, он увлекся леди Сильвией Эшли, красавицей со скандальной репутацией. Друзья звали ее Силки («Шелковая»). Фэрбенкс попал под влияние ее чар. Он разъезжал по всему миру, регулярно присылая жене письма с заверениями в любви, но забывал о ней, как только на горизонте появлялась Силки.

Узнав об увлечении Дугласа, Мэри подала на развод. В качестве причины называлась «психологическая несовместимость». «У нее не осталось сил для борьбы», — заметил один репортер.

Фэрбенкс приехал в Калифорнию мириться. «Я помню, как меня шокировал его приезд, — вспоминала Мэри. — Он был по-прежнему

жизнерадостен и находился в хорошей физической форме, но что-то в нем сломалось. Казалось, Дугласа покинул его дух…».

Фэрбенкс вернулся в Англию и послал Мэри телеграмму из двухсот слов с признаниями в любви. Но Пикфорд уже все решила…

В ходе бракоразводного процесса суд сохранил за Фэрбенксом ранчо в Санта-Монике, а Мэри отошел Пикфэр. 10 января 1936 года развод был оформлен официально. В тот вечер Фэрбенкс вместе с леди Эшли обедал в нью-йоркском ресторане «Конни инн». Когда музыкант объявил, что следующая песня посвящается Сильвии, Дуглас резко встал из-за стола и стремительно покинул зал еще до того, как заиграла мелодия.

Фэрбенкс признавался брату, что только после развода понял, как много значила для него Мэри. Он называл ее своей «единственной любовью». Дуглас продолжал наведываться в Пикфэр. Но когда он хотел преподнести Мэри в знак примирения бриллиантовый браслет, она наотрез отказалась от подарка.

7 марта 1936 года Дуглас Фэрбенкс и Сильвия Эшли поженились в Париже. Они поселились в доме на побережье. Дуг готовил коктейли для гостей, играл в карты и рассказывал старые истории. Иногда Фэрбенкс приезжал в Пикфэр повидаться с бывшей женой. «Какая ошибка, Мэри», — признался он ей однажды. Пикфорд отвела взгляд в сторону: «Мне очень жаль»…

Фэрбенкс умер от сердечного приступа 12 декабря 1939 года. За шесть лет до трагической развязки, в день своего пятидесятилетия, Дуглас говорил, что жизнь наскучила ему; он добился всего, чего хотел, и желает лишь внезапной смерти.

Пикфорд не пришла на похороны: Мэри позвонила Чаплину, который тоже не собирался идти на похороны: «Я не могу видеть, как положат на Дугласа могильную плиту». Чарли объявил день траура, приостановив съемки своей картины.

В 1937 году Мэри Пикфорд выходит замуж за Бадди Роджерса, бывшего киноактера, ставшего известным дирижером, усыновляет двух приютских малышей.

Последние пятнадцать лет жизни актриса провела в Пикфэре. Спала, мечтала, читала Библию и целыми днями пила виски. 25 мая 1979 года Бадди Роджерс отвез жену в больницу в Санта-Монике. У нее случился сердечный приступ, и через два дня она впала в кому. Мэри Пикфорд умерла 29 мая в возрасте 87 лет.

Осип Мандельштам и Надежда Хазина

Великий поэт Осип Эмильевич Мандельштам прожил всего 47 лет. Он родился в 1891 году в Варшаве. Отец, выходец из Курляндии (историческая область в западной части Латвии) имел диплом мастера перчаточного дела и сортировщика кож; звание купца первой гильдии дало ему, еврею, право жить в Петербурге.

В семнадцать лет Осип Мандельштам писал стихи, не уступающие по мудрости, духовной зрелости стихам, написанным через три десятилетия.

…Поздним вечером 1 мая 1919 года в «Хлам», подвал самой большой в Киеве гостиницы, приспособленный под ночной клуб для местной богемы, спустился из своего номера Осип Мандельштам. Молодой

человек обвел быстрым взглядом собравшихся и сразу же приметил тоненькую глазастую девушку. Это была двадцатилетняя киевская художница Надя Хазина.

Она родилась в семье киевских интеллигентов. Мать ее была врачом, отец — присяжным поверенным. После гимназии Надя, считавшая себя художницей, работала в мастерской Александры Экстер.

Она тоже обратила внимание на странного субъекта с неправдоподобно запрокинутой головой. Чуть позже незнакомец принялся читать стихи, полузакрыв глаза от удовольствия… Мандельштам читал стихи всегда и везде, даже на улице.

В первый же вечер Хазина отправилась к нему в гости, где они «безумно сошлись». Подобная решительность приветствовалась среди представителей богемы.

На подворье Михайловского монастыря купили пару дешевых колечек. Осип свое сунул в карман, а Надя, продернув в кольцо цепочку, повесила ее на грудь. Написал он и «свадебные стихи» — знаменитую «Черепаху» и преподнес подарок — гребенку с надписью: «Спаси тебя Бог…» Они полюбили друг друга, но очень скоро разлучились: Мандельштаму опасно было оставаться в Киеве после ухода большевиков. Уезжая на юг, он обещал Наде Хазиной, что вернется и заберет ее.

В 1920 году Мандельштам дважды попадал в тюрьму: во врангелевской Феодосии (вырваться оттуда помог ему М. А. Волошин) и в Батуме, где он был арестован меньшевистскими властями по подозрению в «большевизме».

Вернувшись в Петроград, Осип окунается в литературную среду, пишет стихи. В марте двадцать первого года он внезапно объявился в доме Хазиных в Киеве и как обычно принялся читать стихи. Потом заявил, что больше не отпустит Надю.

Они отправились в длительную поездку по Закавказью, где Осип переводил грузинских поэтов из группы «Голубые роги».

С 1922 до осени 1924 года Мандельштамы живут в Москве.

Мандельштамы почти не расстаются. Но когда у Нади обострился туберкулезный процесс, Осип отправил ее в Ялту. И забрасывал письмами. Однако, будучи человеком увлекающимся, Мандельштам позволял себе вольности, которые ни в коем случае не потерпел бы со стороны жены.

Знакомую с детских лет Ольгу Ваксель поэт случайно встретил на улице и привел домой. Ваксель принадлежала к кругу старой петербургской интеллигенции. Осип Эмильевич был буквально ослеплен этой красивой женщиной, она очаровала его и поэтичностью и одухотворенностью облика, естественностью и простотой обращения.

Надежде из-за вспышек туберкулеза иногда приходилось лежать в постели. Отец поэта, зашедший как-то проведать сына и заставший его с двумя женщинами, заметил: «Вот хорошо: если Надя умрет, у Оси будет Лютик…» И тут жена не выдержала и собрала чемодан. Уже написала прощальную записку и направилась к двери, как та вдруг открылась и на пороге возник Осип. Он сразу все понял — вырвал чемодан, разорвал записку. Когда вскоре пришла Ольга и произнесла, показывая на соперницу: «На что она вам?», то услышала в ответ: «Мое место с Надей».

В изложении Ольги Александровны Ваксель эта история выглядит куда более прозаично: «Около этого времени [осень 1924] я встретилась с одним поэтом и переводчиком, жившим в доме Макса Волошина в те два лета, когда я там была. Современник Блока и Ахматовой, из группы „акмеистов“, женившись на прозаической художнице, он почти перестал писать стихи. Он повел меня к своей жене (они жили на Морской), она мне понравилась, и с ними я проводила свои досуги. Она была очень некрасива, туберкулезного вида, с желтыми прямыми волосами. Но она была так умна, так жизнерадостна, у нее было столько вкуса, она так хорошо помогала своему мужу, делая всю черновую работу по его переводам! […]

Все было бы очень мило, если бы между супругами не появилось тени. Он, еще больше, чем она, начал увлекаться мною. Она ревновала попеременно то меня к нему, то его ко мне. Я, конечно, была всецело на ее стороне, муж ее мне не был нужен ни в какой степени. Я очень уважала его как поэта […]

…Он снова начал писать стихи, тайно, потому что они были посвящены мне. Помню, как, провожая меня, он просил меня зайти с ним в „Асторию“, где за столиком продиктовал мне их.

Вся эта комедия начала мне сильно надоедать. […] Я сказала о своем намерении больше у них не бывать, он пришел в такой ужас, плакал, становился на колени, уговаривал меня пожалеть его, в сотый раз уверял, что он не может без меня жить, и т. д. Скоро я ушла и больше у них не бывала…»

Отказавшись от Ольги Ваксель, Мандельштам с женой уехал в Царское Село.

В двадцатых годах Мандельштам пробовал жить литературным трудом. Все статьи и «Шум времени» написаны по заказу, по предварительному договору. Однако основной заработок давали переводы.

В мае 1930 года Мандельштамы поехали в Армению (затем — в Тифлис). Осенью создается лирический цикл «Армения» и ряд сопутствующих ему «армянских» стихов. Тем не менее явно обозначилась изоляция поэта в литературно-издательском мире. Еще весной 1931 года Осип Эмильевич писал отцу: «Хвалят много и горячо… договоров… не заключают и авансов не дают». Работа, однако, продолжается. Поэт много пишет.

В это время Мандельштам сделал жену полной соучастницей своей жизни. «Наша связь, как мне думается, стала нерасторжимой, — пишет Надежда Яковлевна. — Связь двоих — не мираж, как думала Ахматова. Я недавно узнала, что есть даже молитва двоих, потому что двое — основная форма человеческой жизни».

Осип Мандельштам по-прежнему любил читать свои стихи, среди которых были и антисталинские. В ночь с 13 на 14 мая 1933 года он был арестован. Поэт даже не отпирался.

Приговор, вынесенный на самом верху, гласил: «Изолировать, но сохранить». Поэт был сослан на три года в Чердынь на Каме. В ссылку Надежда Яковлевна отправилась с ним, хотя могла остаться в Москве.

В Чердыни в состоянии депрессии Осип Мандельштам выбросился из окна больницы и сломал руку. Надя послала телеграмму в ЦК. Сталин велел пересмотреть дело и позволил выбрать другое место.

С июня 1934 года началась воронежская ссылка. Надежда Мандельштам писала Нине Грин: «Живем мы очень плохо — и что хуже — очень тревожно. Заработков нет никаких. Ося работу потерял, а мне работу не дают. Все поездки в Москву кончались ничем, и я перестала ездить. […] Единственное, что остается, это помощь друзей, и вот о чем я вас прошу, в Москве и Ленинграде сейчас никого нет. Но в Коктебеле наверное отдыхают какие-нибудь писатели. Съездите в Коктебель. Если там есть кто-нибудь из поэтов — Осе помогут. Ни один поэт не откажет…»

В Воронеже за три года он написал около ста стихотворений — это почти треть написанного им. Весной 1937 года опальный поэт писал Пастернаку: «Я очень болен и вряд ли что-либо может мне помочь… И тем, что моя „вторая жизнь“ еще длится, я всецело обязан моему единственному и неоценимому другу — моей жене».

Разрешение покинуть Воронеж поэт получил в мае 1937 года. У Мандельштамов не было никакого жилья, они ездили из Калинина в Москву и обратно; лето провели в Савелово.

2 мая 1938 года в доме отдыха «Саматиха», около станции Черусти, поэт был снова арестован. Надежда Яковлевна хотела ехать с мужем, но ей не позволили.

В письме к брату Александру (он думал, что жена арестована вслед за ним) Мандельштам сообщал, что получил пять лет за контрреволюционную деятельность и теперь, после месячного этапа, находится во владивостокской пересыльной тюрьме. Несколько строк адресовано и жене: «Родная Наденька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка. Родные мои, целую вас. Ося».

Последнее письмо Надежда Яковлевна написала в октябре 1938 года, а в январе узнала, что Мандельштам (по документам 27 декабря) погиб под Владивостоком.

В последние годы жизни Надежда Яковлевна все чаще начинала разговор своим любимым «когда встретимся с Оськой…»

Она умерла 29 декабря 1980 года. Рядом с дубовым крестом, что стоит на могиле Надежды Яковлевны на московском Старокунцевском кладбище, лежит небольшой камень, на котором выбито: «Светлой памяти Осипа Эмильевича Мандельштама».

Сергей Есенин и Айседора Дункан

Необыкновенный талант Айседоры Дункан проявился очень рано. Едва научившись уверенно ходить, она уже плавно двигалась под музыку. Ей не нравился классический балет, она танцевала иначе — босиком, в легких развевающихся одеждах, свободно импровизируя под музыку. «Айседора танцует все то, что другие люди говорят, поют, пишут, играют и рисуют, — писал поэт Максимилиан Волошин. — Она танцует Седьмую симфонию Бетховена и Лунную сонату, она танцует „Primavera“ Боттичелли и стихи Горация…»

Вся жизнь Айседоры Дункан до встречи с Есениным — это трудное восхождение к успеху: гастроли, путешествия, обучение детей и череда любовных романов, в которые были вовлечены поэты Дуглас Энсли и Анри Батайль, художник Чарлз Галле, писатели Андре Бонье и Габриэль

Д'Аннунцио, театральный режиссер Гордон Крэг и пианист Вальтер Пуммель… Все были влюблены в Айседору Дункан, и все были готовы кинуть к ее ногам деньги, славу, талант…

Она приехала в Россию летом 1921 года. Советское правительство пригласило Айседору для создания в Москве детской школы танца. Дункан сопровождали ее ученица, приемная дочь Ирма и камеристка Жанна. Айседора была еще в расцвете славы, но злые языки утверждали, что в Европе интерес к «босоножке» идет на спад.

Дункан уже бывала в России. В 1904 году она блистала на Петербургской сцене. «Красота, простая, как природа», — отзывался об искусстве танцовщицы Станиславский, большой поклонник ее таланта. По словам поэта Ходасевича, она была из тех людей, которые делали «ту эпоху».

Прежде чем покинуть Лондон в июле 1921 года, Айседора нанесла визит к известной гадалке, которая сказала ей: «Вы собираетесь совершить длительное путешествие в страну под бледно-голубым небом. Вы будете богаты, очень богаты. Я вижу миллионы и миллионы и даже миллиарды, лежащие вокруг. Вы выйдете замуж…»

Тут Айседора расхохоталась прямо в лицо гадалке и отказалась далее слушать подобный вздор.

Школу Дункан открыли на Пречистенке в особняке балерины Балашовой, сбежавшей на Запад. На сцене Большого театра «божественная Айседора», как ее называли в прессе, танцевала под звуки «Интернационала» с красным флагом в руках. Успех ее «Марсельезы» был огромный.

На одной из пирушек, устроенной Якуловым в своей студии, Айседора познакомилась с поэтом Сергеем Есениным. «…В первом часу ночи приехала Дункан, — вспоминал Анатолий Мариенгоф. — Красный хитон, льющийся мягкими складками, красные, с отблеском меди, волосы; большое тело. Ступает легко и мягко. Она обвела комнату глазами, похожими на блюдца из синего фаянса, и остановила их на Есенине. Маленький, нежный рот ему улыбнулся. Изадора легла на диван, а Есенин у ее ног. Она окунула руку в его кудри и сказала „Solotaya golova“. Было неожиданно, что она, знающая не больше десятка русских слов, знала именно эти два. И вторично ее рот, маленький и красный, как ранка от пули, приятно изломал русские буквы: „Anguel!“ Поцеловала еще раз и сказала: „Tschort“. В четвертом часу утра Изадора Дункан и Есенин уехали».

Это одна из версий знакомства поэта и танцовщицы. По другой, сам Есенин искал этой встречи и ворвался с толпой поэтов-имажинистов в студию Якулова с криком: «Где Айседора?» С помощью друга-переводчика Дункан сказала Есенину: «Я сейчас буду танцевать только для вас!» Когда вальс Шопена смолк, она подошла к Есенину, громко говорившему что-то своим товарищам, и спросила его, как ему понравился ее танец. Есенин сказал что-то грубое и непристойное, что вызвало грубый хохот его пьяных приятелей. Друг, игравший роль переводчика, сказал Айседоре: «Он говорит, что это было ужасно… и что он сам может сделать это лучше!» И тут же поэт вскочил на ноги и заплясал посреди студии, как бешеный. Балалайка бренчала, и его собратья по богеме издавали крики одобрения.

Тогда Айседора ничего не знала ни о гениальном поэтическом даре Есенина, ни о его скандальной славе. Для искушенной сорокалетней женщины во внезапно завязавшемся романе все было необычно, притягательно. «Я не знала ни слова по-русски, а он вообще не понимал никакого иностранного языка. Но наши глаза говорили о любви», — вспоминала Дункан. Под утро они вместе уехали в особняк Айседоры на Пречистенке.

Есенин дважды пытался завести семью, но оба брака распались. В душе поэта царило смятение. У него не было близкого человека, которому можно довериться.

Дункан же говорила, что Сергей напоминает ей погибшего сына. Несколько лет назад она пережила трагедию. Двое ее маленьких детей нелепо и трагично погибли в автомобиле, который упал в Сену. Тогда вместе с ней плакал весь мир. За ночь студенты Парижской академии изящных искусств скупили все белые цветы в городе и прикрепили их к ветвям деревьев и кустов в саду ее дома. Клод Дебюсси плакал всю ночь, сидя за роялем, и извлекал скорбную мелодию.

Сергей Есенин стал часто посещать Айседору, а вскоре и вовсе переехал к ней в особняк на Пречистенке. С этого момента дом Дункан становится главным прибежищем поэтов-имажинистов. Позже Дункан скажет, что три года, проведенные в России, несмотря на все невзгоды, были счастливейшими в ее жизни, и глубоко ошибочен вывод многих женщин, которые считают, что «после сорокалетнего возраста любовь несовместима с достоинством человека». В момент их знакомства Есенину было 25, а Айседоре — 43 года.

«Малиноволосая, беспутная и печальная, чистая в мыслях, великодушная сердцем, — писал об Айседоре художник Юрий Анненков, — Дункан пленилась Есениным, что совершенно естественно: не только моя Настя считала его „красавчиком“. Роман был ураганный и столь же короткий, как и коммунистический идеализм Дункан».

Нет сомнения в том, что встреча с Айседорой оставили глубокий след в душе Есенина. Дункан была талантлива, щедра, непосредственна. Она была широко образованна, тонко чувствовала искусство, сама владела пером, о чем говорит написанная ею книга «Моя жизнь». Великая артистка, познавшая триумф, избалованная роскошью, капризная и своевольная, очень ревнивая. Друзья говорили, что вся ее жизнь «сплошные прыжки через препятствия».

Айседору поразил «страстный напор славянской души». Покорили трепетная нежность, детскость, незащищенность души поэта, ничего подобного она не встречала никогда в жизни!

Об их союзе говорили много. Одни со злостью, завистью, другие с восхищением и симпатией. Третьи с состраданием, как Ирина Одоевцева, сразу почувствовавшая «трагизм и обреченность этого брака».

Есенин звал возлюбленную «Изадора» на ирландский манер, как называла себя она сама. Их общению, конечно, мешало то, что Есенин говорил только по-русски, а Дункан — по-английски, французски и немецки. У Айседоры и ее молодого поэта без конца возникали забавнейшие сцены, когда они хотели что-то внушить друг другу, ведь большая часть их языка состояла из жестов. В конце концов они нашли для

себя ломаный английский язык, который понимали только они, но который годился на все случаи жизни.

Танцы Айседоры сводили Есенина с ума. Особенно с шарфом. Без конца он просил ее танцевать для своих друзей. «Замечательно она с шарфом танцует», — говорил Есенин поэту Георгию Иванову.

12 апреля 1922 года в Париже умерла мать Айседоры Дункан. Танцовщица решила, что должна на время уехать из России. К этому ее вынуждало и безнадежное финансовое положение школы.

Но с Есениным Айседора расставаться не намерена, она надеется, что участие «первого поэта России» привлечет к ее гастролям внимание мировой печати. Чтобы ускорить получение визы для Есенина, пришлось зарегистрировать брак. Они пожелали носить двойную фамилию — Дункан-Есенин. 10 мая супруги на почтово-пассажирском самолете вылетели в Берлин, где «Изадора, — пишет поэт, — вышла за меня замуж второй раз и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина». Узнав об этом, репортеры осаждают гостиницы. Все выступления, встречи знаменитой пары широко освещаются в печати, обрастают слухами.

Поездка за рубеж, по мнению Дункан, должна была встряхнуть Есенина, отвлечь, излечить от депрессии. Но ни встречи со знаменитостями, ни красоты и достопримечательности других стран не затронули его души. Есенин топит тоску в вине, временами обещая встревоженной Айседоре не брать «три месяца ни капли в рот».

Айседоре пришлось много танцевать, чтобы их пребывание повсюду было обставлено с комфортом и доставило большое удовольствие. Сергей почувствовал себя в благах цивилизации, как рыба в воде, и требовал, чтобы ему каждый день мыли голову, чтобы у него была отдельная ванна, много одеколона, пудры, духов и т. п.

Супруги провели два очень счастливых месяца в Париже, совершая поездки в Италию и другие места. Много времени и сил положила Дункан на организацию перевода и публикацию стихов Есенина. Всюду в их честь устраивались приемы, и она была счастлива.

Есенина захотел увидеть живший тогда в Берлине писатель Максим Горький. Он просит Алексея Толстого: «Зовите меня на Есенина, интересует меня этот поэт».

Встреча состоялась в пансионе Фишера. Есенин приехал с Айседорой. «За русски революс!» — говорила она, протягивая Горькому стакан водки. Дункан танцевала в тесной комнате и, закончив танец, опустилась на колени перед Есениным. По просьбе Горького Сергей читал стихи из цикла «Москва кабацкая» и поэму «Черный человек». «Взволновал он меня до спазма в горле, рыдать хотелось», — записал Горький в дневнике.

Из Берлина через Париж Есенин с Айседорой отправились в Америку. По контракту Дункан должна была танцевать в ряде городов восточных и центральных штатов. После выступлений она выводила на сцену Есенина, представляя его публике как «второго Пушкина».

Роль «мужа своей жены» была явно не по душе поэту.

В Америке «красная Айседора» со своим «молодым русским мужем» оказались в центре внимания прессы. Репортеры толпились у их номера в гостинице в предвкушении сенсаций. На вечере у поэта Мани-Лейба Есенин

читал главы из поэмы «Страна негодяев». Вечер закончился скандалом, после которого концертные выступления Айседоры по Америке стали невозможны.

Есенин и Дункан возвратились в Россию в августе 1923 года (поездка заняла пятнадцать месяцев). Айседора на платформе московского вокзала, держа Сергея за руку, сказала: «Вот я привезла этого ребенка на его родину, но у меня более нет ничего общего с ним».

Есенин же привез в Россию из поездки множество костюмов, пар обуви, плащей, пальто, шелковых рубашек, пижам и массу денег, и все это он собирался раздарить приятелям. «Поэзия там никому не нужна, — с горечью рассказывал Есенин друзьям. — А с Изадорой адьо! Безвозвратно… Я русский, а она… не могу… Я когда границу переезжал, плакал… землю целовал…»

Айседора поехала в Крым, туда должен был приехать и Есенин. Несмотря ни на что, его там ждали.

Есенин отправил ей телеграмму: «Я люблю другую женат счастлив Есенин». «Жена» — это Галина Бениславская. Именно в ее комнате поселился поэт по приезде из-за границы. Бениславская была ему верной подругой, доверенным лицом и помощницей по издательским делам.

Но на этом любовная драма с Айседорой Дункан не закончилась. Она появилась в Москве, и Есенину пришлось поехать к ней объясняться. Сделав несколько безуспешных попыток вернуть поэта, Айседора уехала из России во Францию. Это был не самый лучший период ее жизни: конец любви и осень возраста. Ни о каких громких турне и гастролях не приходилось и думать, ее время прошло.

В декабре 1925 года пришла весть о трагической гибели Сергея Есенина. В день похорон поэта на Ваганьковское кладбище пришли близкие женщины Есенина: Изряднова, Райх, Бениславская, Вольпин, Толстая… Была оглашена и телеграмма, присланная Айседорой Дункан.

После смерти Есенина Айседора прожила всего два года. Она писала Ирме из Ниццы: «Я была потрясена смертью Сергея, но я оплакивала его и рыдала о нем столько долгих часов, что, кажется, истощила все человеческие способности к страданию…»

Вечером 14 сентября 1927 года она села в гоночный автомобиль прокатиться «с ветерком». Набросив на плечи свой длинный красный шарф, Дункан дважды обмотала его вокруг шеи, закинув конец за спину, и села в автомобиль. «Прощайте, мои друзья! Я иду к славе!» — были ее последние слова. По трагичной случайности шарф намотался на спицы колеса, и когда машина тронулась, он туго сдавил ее горло.

Всеволод Мейерхольд и Зинаида Райх

…19 января 1924 года театр имени Мейерхольда показал свой новый спектакль «Лес» по пьесе Островского. Постановка была буквально начинена режиссерскими новшествами и изобретениями. Но главным своим достижением Всеволод Эмильевич считал открытие новой актрисы — Зинаиды Райх, блиставшей в роли Аксюши.

Она родилась в 1894 году в селении Ближние Мельницы под Одессой в семье железнодорожника, машиниста. Мать была из обедневших дворян. Зинаида очень рано включилась в политическую борьбу. С 1913 года она — член партии эсеров. В качестве курсистки и эсерки Райх

перебралась в Петроград. Здесь она вышла замуж за поэта СергеяЕсенина.

Но семейная жизнь не сложилась. Есенинских гонораров на жизнь не хватало. Беременная Райх уехала рожать к родителям, которые к этой поре переселились в Орел. 29 мая 1918 года появилась на свет дочь Татьяна. 3 февраля 1920 года родился Константин. К этому времени Есенин уже оставил семью.

На какое-то время Райх нашла приют в доме матери и ребенка на Остоженке. Болел Костя. Потом заболела сама Зинаида Николаевна. Чудом выжила.

Осенью 1921 года она стала студенткой Государственных экспериментальных театральных мастерских, которые возглавлял режиссер-реформатор Всеволод Мейерхольд. Он собрал вокруг себя талантливую молодежь, и, как пишет Константин Рудницкий, «Зинаида Райх сразу почувствовала себя среди своих в этой веселой стае ниспровергателей старого искусства».

Их готовность идти на риск, их азарт, бесстрашие — все это было по ней.

Ко времени появления Зинаиды Райх Мейерхольд уже расстался со своей первой женой Ольгой Мунт. Красивая и способная ученица сразу покорила сердце мастера, хотя он был старше ее на двадцать лет.

Райх стала женой Мейерхольда и с двумя маленькими детьми, Татьяной и Константином, переехала к нему на Новинский бульвар. Зинаида Райх вошла в жизнь Мейерхольда так, как до нее ни одна женщина не входила. Прежде личная жизнь и сценическая работа были разъяты, отделены друг от друга. Если он и увлекался порою, как увлекся было очаровательной Ниной Коваленской, то увлечения неизменно оставались в духовной, платонической сфере. Райх прочно и быстро связала в одно целое две, прежде раздельные, половинки бытия Мейерхольда: дом и сцену, работу и любовь, театр и жизнь. Тем нужнее было, чтобы на сцене Райх обрела себя.

Мейерхольд отдал Райх не только свою жизнь, но и свое искусство. Он хотел сделать Зинаиду настоящей, большой актрисой. Это было совсем не просто, но его изобретательность не знала границ. Для Мейерхольда в сценическом искусстве не было никаких тайн. Ей же предстояло многому научиться. Два года она занималась на режиссерском факультете ГЭКТЕМАСа, третий год — на актерском. И только через три года Мастер вывел Райх, как выразился Пастернак, на «дебют роковой», на роль Аксюши в «Лесе».

Мейерхольд закручивает вокруг нее свои гениально придуманные мизансцены, и в его спектаклях ярко высвечивается все, чем Зинаиду Райх наградил Господь — прекрасное лицо, красивый голос, внезапные вспышки бешеного гнева. Действие разворачивается вокруг нее — высокой, загадочной, поражающей зрительный зал глубиной глаз и белизной плеч. Великий режиссер Мейерхольд вложил в актрису Райх все свое мастерство педагога и весь дар любви — и она стала большой актрисой.

После премьеры «Леса» Мейерхольд мог сказать себе, что упорные репетиции с Райх увенчались полным успехом. «Лес» выдержал тысячу триста двадцать восемь представлений и неизменно шел при переполненном зале.

Но в театре Мейерхольда была своя прима — тоненькая, гибкая Мария Бабанова, сводившая с ума театральную Москву хрустальным голосом и нежным обаянием. Актеры Театра имени Мейерхольда не любили Зинаиду Райх. 24 августа 1925 года в «Новой вечерней газете» появилась заметка «Уход Бабановой», а потом покидает театр его любимый ученик Эраст Гарин (с Райх поссорилась его жена).

В 1928 году Мейерхольд и Райх переехали в кооперативный дом, построенный известным архитектором Рербергом в Брюсовском переулке, близ Тверской. Две небольшие квартиры слили воедино, и получилась одна — четырехкомнатная: кабинет Мейерхольда, гостиная (она же столовая, она же комната Райх, она же и так называемая «желтая комната»), маленькая комнатка Кости, чуть побольше — комната Тани Есениной.

Вскоре начались гастроли театра за границей. В Берлине Райх, что называется, произвела фурор.

О, это было счастливое время, несмотря на весь ужас той эпохи. Творческие и любовные порывы Мейерхольда и Райх были едины, они жили, черпая друг в друге силы для каждого следующего шага вперед.

Борис Пастернак, потрясенный постановкой «Ревизора», написал длинное восторженное письмо Всеволоду Эмильевичу. А в заключение: «Я преклоняюсь перед Вами обоими и пишу Вам обоим, и завидую Вам, что Вы работаете с человеком, которого любите».

Однажды в Италии Мейерхольда и Райх арестовали, когда они страстно целовались среди развалин Колизея: карабинеры не могли поверить, что пожилой мужчина и немолодая женщина — муж и жена, прожившие в браке около десяти лет.

А на родине Райх часто критиковали. В «Известиях» И. Осинский язвительно писал: «Женам театральных директоров можно рекомендовать большую воздержанность по части туалетов, сменять которые при каждом новом выходе ни в „Ревизоре“, ни в „Горе от ума“ никакой необходимости нет».

На самом деле Райх одевалась скромно и недорого. Она просто хорошо знала «свой стиль» и тщательно обдумывала свои наряды — особенно вечерние, для дипломатических приемов. «Вы думаете, ей всегда легко было соответствовать Мейерхольду своим внешним видом? — спрашивает Татьяна Есенина. — Когда Мейерхольд надевал фрак, можно было упасть навзничь: эта одежда выносила наружу всю его артистичность. Он знал это».

Если в театре Мейерхольд был требователен, упрям, подозрителен, часто грозен и несправедлив, то в домашней жизни и с друзьями он был добр, мягок, уступчив, смешлив. И дома не он выполнял роль главы семьи, а именно Зинаида Николаевна. Она царила. Она решала. В театре и в быту Мейерхольд и Райх как бы менялись местами.

Возвращаясь домой после репетиции, возбужденная Райх нередко еще в дверях выпаливала: «Мейерхольд — бог!» Это вовсе не мешало ей через пять минут обругать «бога» из-за какой-нибудь бытовой мелочи: «Всеволод, тысячу раз я тебе говорила!..» И тотчас позаботиться о том, чтобы никто не помешал Мейерхольду отдохнуть и перевести дух. И блаженно поведать домашним: «А как он сегодня орал на меня в театре!» И

тут же похвастаться своими актерскими находками, получившими одобрение Мастера.

Режим в стране становился все жестче. А Мейерхольд жил в плену собственных фантазий и страхов. Однажды на улице Горького за его спиной хлопнул автомобильный двигатель, и Мастер шарахнулся в подворотню, потянув следом спутника: «Они подкупили администратора театра, чтобы тот меня застрелил!»

В январе 1938 года театр Мейерхольда был объявлен «чуждым советскому искусству» и закрыт. 7 января 1938 года состоялся последний спектакль театра. В этот день шло 725-е представление «Дамы с камелиями» Александра Дюма-сына. Зинаида Райх создала насыщенный драматизмом образ Маргариты Готье — женщины, задыхающейся в тисках обстоятельств, в мире, лишенном чувств. В этот последний вечер Зинаида Райх играла с необыкновенным подъемом. Переполненный зал скандировал: «Мей-ер-хольд!» Все уже знали о закрытии театра.

Мейерхольд оказался без театра, но ненадолго. Станиславский приглашает его в Государственный оперный театр имени К. С. Станиславского в качестве режиссера. Здесь он начал работу над последним своим спектаклем — оперой Сергея Прокофьева «Семен Котко». Но постановка, премьера которой состоялась в 1940 году, была осуществлена уже другим режиссером.

7 августа 1938 года Станиславский умер, и уже ничто не могло спасти опального режиссера. Еще состоялось его назначение на должность главного режиссера Государственного оперного театра им. Станиславского, он еще успел завершить незаконченную Станиславским постановку оперы Верди «Риголетто»…

Зинаида Райх заказала себе новую блузку, расшитую нотными знаками, и говорила: «Кто я теперь? Жена музыкального режиссера!» Пыталась писать сценарии для кино.

…В 1939 году их московских соседей все чаще тревожили дикие крики, доносившиеся из мейерхольдовской квартиры, но жившие рядом знаменитые актеры не спешили выяснить, в чем дело. К этому времени с Мейерхольдом уже боялись общаться, да и сам он никому не рассказывал о своей беде: его женой овладело безумие, и психиатров поражали исходившие от нее волны ужаса и ярости. Сначала Райх пыталась убедить в своей любви к советской власти охранявшего их дом милиционера (при этом она объяснялась с ним через окно), затем отправила в Кремль дерзкое письмо Сталину, о чем позже жалела. Вскоре она перестала узнавать детей и мужа: женщина билась на кровати, пытаясь разорвать веревки, и отчаянно кричала. Врачи советовали отправить ее в психиатрическую клинику.

Однако лишившийся работы, находившийся на грани ареста Мейерхольд не отдал жену в сумасшедший дом. Неделя шла за неделей, а он кормил ее с ложечки, умывал, разговаривал с ней, держал за руку, пока жена не засыпала. И случилось чудо — однажды его разбудил голос Зинаиды. Это был не крик, а членораздельная речь, которой он не слышал от нее больше месяца, — женщина сидела на кровати, рассматривая свои руки, и бормотала: «Какая грязь, какая грязь…» Мейерхольд помог ей встать и отвел в ванную. Через несколько дней Зинаида Райх вернулась к

нормальной жизни.

15 июня 1939 года Мейерхольд уехал в Ленинград для постановки парада физкультурников на Дворцовой площади. 20-го числа он был арестован. В ту же ночь в Москве, на Брюсовском, у Райх был произведен обыск. Зинаида Николаевна была возмущена не только самим обыском, но и поведением тех, кто его проводил. В графе «Заявленные жалобы» она написала (такие дерзости обычно никто себе не позволял), что один из сотрудников допускал «грубый тон и огрызания».

15 июля 1939 года Зинаида Николаевна была убита там же, на Брюсовском, в своей квартире. Убийство произошло около часа ночи, когда актриса выходила из ванны… Ей нанесли множество ножевых ран. Когда приехала милиция и вошли в квартиру, Райх была жива, находилась в сознании, с нее снимали допрос. Потом ее увезли в больницу к Склифосовскому, умерла она по дороге от потери крови.

Таня с годовалым сыном в это время жила на даче в Горенках, Костя уехал на родину Есенина в Константиново. Сразу после похорон Райх им было предложено в 48 часов освободить квартиру. В ней поселились личный шофер и молодая сотрудница из аппарата Берии.

Мейерхольд ждал своей участи в тюрьме. Его нещадно избивали. 1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда приговорила Мейерхольда «к высшей мере уголовного наказания расстрелу с конфискацией принадлежащего ему имущества». На следующий день приговор был приведен в исполнение.

Сергей Герасимов и Тамара Макарова

Это был союз равных. И познакомились они как равные — начинающий режиссер Сергей Герасимов и начинающая актриса Тамара Макарова.

Ассистентка основателей Фабрики эксцентрического актера (сокращенно ФЭКС) Григория Козинцева и Леонида Трауберга буквально выхватила из толпы девушку в обтянутой сверхмодной юбке. Именно такая девица нужна была «фэксам» на роль машинистки Дудкиной в фильме «Чужой пиджак». Девушку звали Тамара Макарова.

В детстве она обожала петь в граммофонную трубу, подражая Вере Паниной. Потом увлеклась пантомимой. Тамару отдали в балетную школу. У себя во дворе она организовала театр. А потом, после трудовой школы Макарова поступила в мастерскую Форегера, спектакли у которого в ту пору ставили Эйзенштейн, Юткевич, Кторов. В мастерской много времени уделяли пластике, фантазировали на темы исторических и конструктивных танцев — актеры показывали, например, различные механизмы. За ней закрепилось прозвище «американка».

Именно в мастерской Форегера ее впервые увидел Сергей Герасимов, молодой лысоватый человек с острыми глазами и усиками, быстрый, легкий, удивительно элегантный в костюме с чужого плеча и громадной по моде тех времен кепке. После спектакля он отыскал «американку» за кулисами, потащил на какую-то вечеринку. Протанцевали всю ночь (оба были страстные танцоры), а утром расстались: он любил тогда другую, да и у нее был другой. Сергей Герасимов был прирожденным актером. В фильмах Козинцева и Трауберга он исполнял самые невероятные роли: главаря притонов, фокусников, иностранца-индуса и

прочее. Он прекрасно танцевал, умел убеждать, обладал напором.

Через некоторое время они снова встретились на вокзале и уехали в Белгород, чтобы сниматься вместе в фильме «Чужой пиджак». Макарова вспоминала: «Леонид Захарович Трауберг сказал мне: „Вот Сережа тебе поможет, проводит на вокзал“. Мы были уже знакомы, но эта поездка стала решающей. В двадцать лет — какие авторитеты! Хотя Герасимов был ненамного старше меня, но мне всегда было важно, что он подумает и скажет. Держалась я очень независимо. Год спустя он стал моим мужем».

Герасимов и Макарова поженились 21 марта 1928 года. Старый доходный дом на Большой Зелениной — их первое пристанище.

Соединив свои жизни, они долго не могли соединиться творчески. Герасимов уходит в режиссуру («Это Тамара меня постоянно толкала в режиссуру!») и ставит «Двадцать два несчастья» с Жеймо и Кузьминой. Макарова в это время учится в Ленинградском техникуме сценических искусств. Она с успехом снималась у других: И. Хейфица и А. Зархи. В. Пудовкина, И. Пырьева. Целый год супруги прожили врозь: она — в Москве, он — в алтайской глубинке.

Герасимова-художника влекли деревенское раздолье, тайга, горы: ведь сам он был с Урала, родился в заводском поселке. Его отец, по происхождению дворянин, за организацию социал-демократических кружков среди рабочих Путиловского завода был арестован и сослан.

А Тамара выросла на асфальте, ее манили огни большого города, недаром ей пророчили, что она всю жизнь будет играть «американских девушек».

Только в четвертой, уже звуковой картине Герасимова «Люблю ли тебя?» Макарова появилась в главной роли. Это был фильм о студенческой семье. Молодожены Сергей и Наташа ссорились и мирились, мирились и ссорились, совсем как бывало Сергей с Тамарой.

В одном из интервью Герасимов говорил о Макаровой-актрисе: «В силу своего характера она не обнаруживала склонности к „переживаниям“ ни на площадке, ни в жизни. Из нее трудно было выжать слезу. И всевозможные фантасмагории, которыми мы тогда увлекались, оставляли ее почти равнодушной — это была трезвая голова. Но именно благодаря своей трезвости она принимала мир таким, каков он есть…»

И пошли знаменитые герасимовские фильмы, один за другим: «Семеро смелых», «Комсомольск», «Учитель», «Маскарад»… Тамара Макарова становится одной из самых популярных актрис советского кино.

Когда началась война, Герасимов решил снять ее, что называется, «без грима», озабоченной, усталой, такой, какой Тамара приходила с дежурства в госпитале: пока писался сценарий, она работала сандружинницей. Они не уехали из блокадного Ленинграда, пока не закончили «Непобедимых». Фильм этот так же, как и снятая потом на Урале «Большая земля», по словам одного из киноведов, «явил зрителю удивительное качество русской женщины — способность жертвовать собой, жить ради людей».

В 1944 году Герасимов вернулся к педагогической деятельности во ВГИКе. Прочитав первые главы романа Александра Фадеева «Молодая гвардия», он загорелся идеей поставить на этом материале дипломный спектакль своей актерско-режиссерской мастерской. А потом был снят

фильм.

В «Молодой гвардии» Тамара Федоровна сыграла мать Олега Кошевого — небольшая по объему работа.

«Ребята наши были в основном бедные, вечно голодные, и вот Тамара Федоровна приносила на репетицию бутерброды, горячий чай из дома… — вспоминала актриса Инна Макарова. — Говорят, Герасимов деспотично работал. Ни в коем случае! Никакого тиранства. А уж о Тамаре Федоровне и говорить нечего. Никогда не слышала от них ни одного бранного или вульгарного слова. Даже в самые эмоциональные моменты».

Фильм «Молодая гвардия» имел громадный зрительский успех — на него ходили целыми заводами и школами.

Но прошло несколько лет, и настал день, когда режиссер уже не смог разделить успех со своей первой и любимой актрисой. «Тихий Дон» вывел Герасимова в режиссеры мирового класса. Но Макарова в этом фильме не снималась, сыграть Аксинью ей помешал возраст. Когда-то, еще до войны, роль была обещана ей, но в ту пору они не получили «добро» на эту постановку.

Тамара Федоровна снималась не только у мужа — достаточно вспомнить «Каменный цветок» Александра Птушко или «Первоклассницу» Ильи Фрэза — и порой с неменьшим успехом.

Конечно, Сергей Аполлинариевич не забывал жену. Он писал для нее сценарии — один, другой, третий. Два из них — «Память сердца» и «Дорогу правды» — поставили его ученики, третий — «Люди и звери» — ставил он сам.

«…О них ходили легенды, — пишет Лариса Ягункова. — Говорили, что у каждого в доме своя половина и они не входят друг к другу без стука. Говорили, что она увлекается разведением аквариумных рыбок и построила себе аквариум во всю стену… Что было правдой и что вымыслом? Двери между комнатами всегда были настежь — он не затворялся, даже когда работал: ему нужно было постоянно слышать дыхание своего дома, чувствовать его тепло. Они жили бок о бок, перекликаясь через открытую дверь. Почти никогда не расставались — вместе на студию, вместе во ВГИК, вместе на просмотры и в театры. Единственно, чего она не могла, — это долго бродить с ним по лесу, особенно зимой: давали себя знать обмороженные в отрочестве ноги…»

Одно лето неизменным спутником всех прогулок Герасимова стал драматург Александр Володин. Режиссер просто влюбился в новый володинский сценарий «Дочки-матери». Еще бы, столько интересных ролей для его учеников. А главное — большая яркая роль для Тамары! Их обоих увлекла, что называется, «мысль семейная».

Супруги вознамерились запечатлеть на экране свой мир, свое житье-бытье. Художник выстроил в павильоне кабинет хозяина, до мелочей повторив кабинет Сергея Аполлинариевича. Кухня оказалась похожей на их кухню. А комната дочек удивительно напоминала комнату их племянницы. Детей у Герасимова и Макаровой не было. Но жили большой семьей: Сергей Аполлинариевич, Тамара Федоровна, ее сестра Людмила с дочерью Эммой и Артуром, усыновленным Герасимовыми.

Все знали о необыкновенной филантропии Герасимова и Макаровой, о том, что они помогали многим студентам — деньгами в том

числе, — дом всегда был открытым. Михаил Ножкин писал о них песни — при жизни.

Десять курсов. Десять выпусков. Любимыми учениками всегда оставались Бондарчук, Ларионова, Рыбников, Болотова, Вадим Спиридонов. Но заботились обо всех. Если Герасимов не мог снимать выпускников в своих фильмах, пристраивали к другим режиссерам. Считалось, что если окончил мастерскую Герасимова и Макаровой, то работа будет. Педагоги болели за «своих», хотя и не скрывали, что у них есть любимчики.

…21 марта 1978 года Тамара Федоровна Макарова и Сергей Аполлинариевич Герасимов приглашают друзей на встречу по поводу одного семейного события. Золотая свадьба!

Супруги многого добились в жизни: он — крупный режиссер, она — знаменитая актриса. И все их знают, и многие им завидуют. Принято думать, что все-то у них ладится, удача сама плывет в руки. Что ни фильм, то премия, что ни год — фестиваль. Они объехали чуть ли не все столицы, и везде их принимали по первому классу. Семейное счастье стало вроде бы порукой счастливой творческой судьбы.

После юбилея им было отпущено быть вместе еще семь лет, восемь месяцев и семь дней…

…На съемках «Льва Толстого» Герасимова отговаривали от сцены, в которой он должен был лечь в гроб. Но Сергей Аполлинариевич был создателем фильма. Он считал непорядочным и по отношению к творчеству, и просто по-человечески подстраховаться двойником. И тогда, может быть, впервые в его режиссерские установки вмешалась жена.

Через полгода, измотанный долгими съемками и монтажом, он вернулся с какого-то конгресса. Чувствовал себя скверно. Побаливало сердце. С усмешкой говорил: «Снаряды ложатся все ближе».

В больницу он поехал вместе с Тамарой Федоровной. Врач пообещал ей отпустить Герасимова на следующий день, после обследования.

Ночью сообщили о его смерти… В сейфе служебного кабинета Герасимова комиссия обнаружила только партбилет и негатив фильма «Комиссар» Аскольдова, запрещенного ЦК…

Последней своей работой Тамара Макарова считала вечер, посвященный 85-летнему юбилею мужа. Она долго размышляла, советовалась, как сделать это, не превращая в заунывные поминки. Выстраивала монтаж из фильмов. Выглядело это достойно.

Какое-то время Тамара Федоровна еще преподавала во ВГИКе. Но недолго. Связано это было с тем, что она больше не могла содержать личного шофера на сравнительно небольшую пенсию, а ВГИК не нашел возможности дать его.

Артур окончил Литературный институт. В «Калине красной» у Шукшина он сыграл бандита в кожаной куртке и очках. Автор двух книг прозы, нескольких сценариев, он в конце восьмидесятых ушел в бизнес. Артур постоянно помогал Тамаре Федоровне. Но случилась трагедия: в октябре 1995 года он был заколот огромным испанским клинком из его же коллекции. Убийство произошло ночью в квартире актрисы Жанны Прохоренко, как писали тогда газеты, «гражданской жены» покойного.

Смерть Артура стала для Макаровой страшным ударом. После этого справиться с собой уже не могла. Она умерла в 1997 году.

Диего Ривера и Фрида Кало

Сегодня картины Фриды Кало можно увидеть в самых престижных музеях мира. Она входит в число наиболее известных художников-примитивистов. Фрида обладала многими талантами. Один из них — умение влюблять в себя мужчин. Главным же ее избранником оказался Диего Ривера, только вот жизнь с ним причинила ей немало страданий. «В моей жизни было две трагедии, — любила повторять Фрида, — первая — трамвай, вторая — Диего. Вторая была страшнее».

Фрида родилась в Мехико в 1907 году. Отец — фотограф, по происхождению — германский еврей, а в матери слились испанская и индейская кровь. В раннем детстве она переболела полиомиелитом, из-за чего ее правая нога была короче и тоньше левой. Чтобы скрыть явный недостаток своей внешности, она стала носить брюки, а после замужества — длинные красного цвета мексиканские платья.

17 сентября 1925 года Фрида попала в страшную аварию. В автобус, в котором она ехала, врезался трамвай. Кало получила многочисленные травмы и переломы. Самое страшное — был поврежден позвоночник. Как отмечает Анджела Картер в статье об автопортретах художницы, «катастрофа и ее физические последствия не только послужили стимулом для обращения Кало к живописи, но и навели ее на мысль, о чем писать — о своих страданиях… Она сделала собственное изуродованное, униженное, мятущееся „я“ объектом серии шедевров, посвященных увечьям…»

Когда Фрида, наконец, смогла ходить, то первым делом собрала свои работы и пошла показать их тогдашнему мэтру мексиканской живописи. Диего Ривера был огромен и толст, с выпученными глазами. Этот огромный человек со скандальной репутацией, «мистик или мистикоман», по словам Эли Форе, занимал прочные позиции в мексиканском обществе, особенно в интеллектуальной и артистической среде. Женщины обожали его.

Ривера только что расстался со второй женой Гваделупой Марин, матерью двух его дочерей. Он тут же увлекся двадцатилетней художницей, остроумной, смелой и явно талантливой.

21 августа 1929 года Фрида Кало вышла замуж за Диего Риверу. Ей было 22 года, ему около 43-х… По сообщению газеты «Пренса», обряд бракосочетания прошел в пригороде Койоакан. Невеста была в длинном цветастом платье с оборками, а на Диего — костюм и галстук, повязанный поверх мятой рубашки. Церемония прошла без помпы и показного великолепия, в приятной обстановке, чрезвычайно скромно. Фрида писала: «Я влюбилась в Диего, и это огорчало моих родителей, потому что Диего был коммунистом и походил, по их словам, на портреты толстого, жирного Брейгеля. Говорили, что это свадьба слона и голубки. Несмотря на все это… мы поженились 21 августа 1929 года. На свадьбе не было никого, кроме моего отца, который сказал Диего: „Не забывайте, что моя дочь больна, и будет больной всю жизнь; она умна, но некрасива. Подумайте об этом… и если вы все-таки хотите жениться на ней, я даю свое согласие“»

Но уже в день свадьбы Диего показал свой взрывной нрав: перебрав текилы, начал палить в небо из револьвера. Увещевания только распаляли

разгулявшегося жениха, и Фриде пришлось в тот вечер бежать под родительскую крышу. Правда, проспавшись, Диего пришел просить прощения…

10 ноября 1930 года счастливые супруги отправились в Соединенные Штаты, где Диего заказали серию муралей…

В Сан-Франциско они остановились у скульптора Ральфа Стекпола… На званых вечеринках Фрида привлекала к себе внимание благодаря своей живости, историям, которые она рассказывала на плохом английском, чувству юмора, открытости и мексиканским песням…

В июне 1931 года Ривера получил вызов от мексиканского правительства: требовалось закончить работу над фресками в Национальном дворце. В Мексике супруги поселились в Голубом доме, а Диего на деньги, которые только что заработал, начал строительство в квартале Сан-Анхель дома, окруженного кактусами…

В апреле 1932 года Фрида и Диего снова оказались в Америке. На этот раз в «городе моторов» — Детройте.

Ривера целыми неделями пропадал на заводах, заполняя тетради набросками зданий. Он был поглощен новой работой. Фрида же старается отдыхать, особенно по утрам. И это понятно: она была беременна. Кроме того, ей не слишком нравилась автомобильная столица.

В июне стояла страшная жара. Фрида страдала от кровотечений, тошноты. Она беспокоилась за жизнь ребенка и, как оказалось, не напрасно. 4 июля среди ночи у нее случился выкидыш.

Вообще, отношения Кало и Риверы, по свидетельству близкой знакомой Фриды, фотохудожницы Тины Модотти, были «страстными, одержимыми и порой мучительными». Диего постоянно изменял жене. Однажды Фрида застала мужа в собственной спальне, занимавшегося любовью с ее младшей сестрой Кристиной. Ривера пытался оправдаться: «Забудь это как маленькую царапину!» Но она не забыла. Свою обиду Фрида даже выплеснула на холст, нарисовав картину с названием «Всего-то несколько царапин».

В 1936 году Кало в третий раз прооперировали правую ногу. Боли в позвоночнике то затихали, то возобновлялись. Фрида мучилась, но страдания не сломили ее, закалили ее характер…

Дом в Сан-Анхеле был очень оживленным: чета Ривера, сестры Фриды, слуги, шоферы. Не говоря о многочисленных животных: обезьянках, попугаях, собаках. Все это требовало необычайно больших расходов, и супруги Ривера жили куда расточительней, чем могли себе позволить. Фрида ничего не зарабатывала и чувствовала себя виноватой от того, что Диего приходилось постоянно тратиться на ее лечение. Она стала брать в долг у друзей и через друзей же передавала Диего записки, в которых просила выдать ей нужную сумму на хозяйство, на прачку, на лекарства, не решаясь сама обращаться к нему…

Помимо повседневных расходов добавлялись еще траты на произведения искусства доколумбовой Мексики для обширной коллекции Диего. Нельзя забывать и о коллекции предметов культа и народных промыслов, которую собирала Фрида: куколки, платья, украшения…

В ноябре 1936 года Ривера получил телеграмму из Нью-Йорка, в которой его просили ходатайствовать перед мексиканским правительством

о предоставлении политического убежища Льву и Наталье Троцким. Диего отправился за разрешением к президенту Мексики Карденасу и заручился его согласием.

9 января 1937 года Троцкие прибыли в Тампико. Они с удовольствием расположились в Голубом доме в Койоакане.

Ривере, с присущей ему раскованностью, удалось установить с Троцким теплые отношения. Несмотря на некоторый анархизм, что не нравилось Льву Давыдовичу, природная непосредственность и благородство Диего искупали все…

Ореол «великого революционера», которому ежеминутно грозила смертельная опасность, не мог не подействовать на экзальтированную натуру Фриды. И Троцкий, и Кало были людьми со сложным внутренним миром, хотя проявлялось это по-разному. Но им было интересно друг с другом.

Они пытались быть осторожными: говорили между собой по-английски (Наталья не знала этого языка). В книги, которые Троцкий посылал художнице, он вкладывал письма. Обычные уловки любовников, которые не ускользнули от Натальи и заставили ее страдать.

Была весна. Отношения Льва Давыдовича и Фриды становились все более очевидными, они встречались даже в доме Кристины. В июле Троцкий на некоторое время уехал в деревню, откуда писал Наталье: «Можешь думать обо мне без волнений». Но он писал и Фриде, умоляя не покидать его.

Но если Троцкий так и не решился оставить жену, то между Диего и Кало произошел разрыв.

20 августа 1940 года состоялось роковое покушение на Троцкого. Ривера, оказавшийся в числе подозреваемых, поспешил уехать в Сан-Франциско.

Диего писал, звонил Фриде, предлагая соединиться вновь… И та дрогнула: отправила телеграмму в Сан-Франциско, сообщая, что приедет к нему в конце ноября.

В декабре 1941 года они поженились вновь. Кало поставила перед Диего ряд условий: они должны прервать интимные отношения, при которых его измены были невыносимыми для Фриды. Оба должны быть терпимы друг к другу, независимыми и дружелюбными. Ривера условие принял.

Вернувшись в Мехико, они расположились в голубом доме, где Фрида старательно приготовила комнату для Диего.

Кало работала столько, сколько позволяла ей жизнь с Диего и ее измученное тело. Она больше творила в периоды одиночества и тоски, чем когда на ней были домашние хлопоты… В отличие от Диего, о котором Фрида говорила, что «его энергия сокрушает все маятники и календари», она работала всего по нескольку часов в день.

В 1942 году в Мехико открылась школа искусств «Эсмеральда» с весьма либеральной и демократичной системой обучения. Среди живописцев и скульпторов, преподававших в школе, были также супруги Ривера.

Из-за слабого здоровья Фрида давала уроки у себя дома. Учащиеся, очарованные ею с первого же дня, охотно включились в игру. Те дни, когда

группа собиралась в Голубом доме, всегда были праздником.

К сожалению, здоровье художницы с каждым годом становилось все хуже. Одна операция следовала за другой. Картины, написанные в последний период ее жизни, прекрасны, мучительны. Вот, например, автопортрет «Диего в моих мыслях» — полотно необычайной тонкости, где изображение Диего, того, которого всегда недоставало ей, который всегда был слишком далеко, чей образ становится наваждением, написан на лбу Фриды.

В конце 1940-х годов их союз опять едва не распался из-за открытой связи Риверы с актрисой Марией Феликс. Фрида пристрастилась к алкоголю. Ей был нужен Диего, а Диего — другие женщины. «Чем сильнее я люблю женщин, тем сильнее я хочу заставить их страдать», — признавался он.

В 1950 году состояние Фриды стало катастрофическим. Всего же за свою недолгую жизнь она перенесла 33 операции! Несколько попыток самоубийства совсем истощили ее, но она не знала своей смертельной дозы. Однажды она чуть было не сожгла себя. Но выжила.

В августе 1953 года Фриде ампутировали правую ногу. В это время ей очень нужен был Диего, и он часто дежурил у ее постели. Ривера втайне приготовил ретроспективную выставку жены в красивой галерее фотографа Лолы Альварес. Выставка открылась 13 апреля 1953 года.

Художницу привезли на «скорой помощи». Когда одетую в яркое мексиканское платье, украшенную драгоценностями Фриду вносили в галерею, толпа ее почитателей расступилась, давая дорогу. Ее положили на кровать. Через несколько минут художницу вновь переложили на носилки и увезли в Койоакан.

Фриде было сорок шесть лет, когда ей сделали последнюю операцию — ампутацию ноги. Она была не в состоянии работать, и это отягчало жизнь. Вскоре прибавилось еще одно заболевание: пневмония. На рассвете 13 июля 1954 года Фриду нашли мертвой в постели…

«Фрида Кало — это восхитительное существо, одаренное жизненной силой и способностью сопротивляться боли, выходящей далеко за пределы естественной. И, конечно, эта сила связана с повышенной чувствительностью, немыслимой тонкостью и восприимчивостью. […] Фрида Кало это самый крупный мексиканский художник», — писал безутешный Диего Ривера.

Макс Мэллоуэн и Агата Кристи

До первого брака она носила имя Агата Мэри Кларисса Миллер, после второго стала леди Мэллоуэн, но для миллионов читателей на всех континентах эта удивительная женщина была и останется великой и неподражаемой Агатой Кристи.

Ей было 22 года, когда на одном из званых ужинов в родном городе Торки она познакомилась с бравым лейтенантом корпуса королевских военно-воздушных сил Арчибальдом Кристи. Вскоре они обручились. Агата родила дочь Розалинду, начала сочинять. Но семейная жизнь не сложилась. В апреле 1928 года супруги развелись, Агата хотела сменить фамилию, но этому решительно воспротивились издатели — писательница Кристи была популярна.

Она с головой ушла в работу. О новом замужестве даже не помышляла — слишком болезненной была история первого брака. Кристи отличала скромность, она предпочитала больше слушать, чем говорить, больше наблюдать, нежели демонстрировать себя. Ее наблюдательность, юмор, умение радоваться жизни были обратной стороной того, что составляло содержание ее книг.

Агата Кристи любила путешествовать. В 1930 году она отправилась в Ирак на знаменитом поезде «Orient Express». В нем была даже ванная, отделанная мрамором, в вагоне-ресторане — изысканная кухня, вышитые вручную скатерти. Легко догадаться, что путешествие в этом экспрессе обходилось весьма недешево. Но понесенные расходы окупились с лихвой. Роман «Убийство в Восточном экспрессе» — одно из самых популярных произведений Агаты Кристи, а снятый на его основе фильм, получил шесть номинаций на премию «Оскар». «Восточный экспресс» принес писательнице изрядное состояние и новую жизнь. Ибо в конечном пункте путешествия ее ждала встреча с человеком, который затем в течение 45 лет был ее опорой, надежным другом, с которым она делила все радости и горести.

На месте раскопок легендарного шумерского города Ур писательница познакомилась с талантливым археологом Максом Мэллоуэном. Ему было тогда двадцать шесть, ей — сорок. Худой, темноволосый молодой человек, очень тихий, Макс мало говорил, но, когда требовалось, действовал моментально.

Друзья попросили Мэллоуэна быть гидом писательницы. В дороге им пришлось пережить немало приключений. Однажды грузовик, в котором они ехали по пустыне, увяз в песке. Макс с шофером, достав лопаты, проволочные сетки и прочие приспособления, старались освободить машину из песчаного плена — увы, безрезультатно. Час проходил за часом. Невыносимая жара не спадала. Агата не паниковала. Она просто легла в тени машины и… уснула.

Кристи пришлось вскоре уехать — она неосторожно попала ногой в одну из квадратных ям, приготовленных для высадки деревьев, и растянула связки. Мэллоуэн вызвался сопровождать ее домой, в Англию.

«Он замечательный человек, — отметила про себя Агата. — Молчалив, скуп на выражение сочувствия, но делает то, что нужно именно вам, и это помогает лучше всяких слов».

В пути Мэллоуэн рассказывал спутнице о своей семье, братьях, матери-француженке — женщине артистического склада, способной художнице; об отце, финансовое положение которого отличалось завидной стабильностью…

В Европе они расстались, но ненадолго. Погостив во Франции, Мэллоуэн приехал в Лондон, где ему была обещана работа в Британском музее. Конечно, Макс тут же пригласил свою новую знакомую на свидание. Агата искренне разделяла его увлечение археологией, которая была делом жизни Макса. Это и предопределило развитие их отношений. Они понимали друг друга с полуслова.

Кристи чувствовала себя счастливой. Но когда молодой друг осмелился сделать ей предложение, она ответила отказом. «Я все ему объяснила: я намного старше его — он признал это, но сказал, что всегда

хотел жениться на женщине старше себя, — пишет в автобиографии Кристи. — …Мы проспорили, думаю, часа два. И постепенно он сломил меня — не столько доводами, сколько мягким напором».

Розалинда дала согласие на второй брак матери, получив от Макса «взятку» в виде нескольких пакетиков с леденцами.

Бракосочетание состоялось 11 сентября 1930 года в Эдинбурге в маленькой часовне при соборе святого Коломба. Свадьба получилась именно такой, как они хотели — никаких репортеров, все удалось сохранить в тайне. Новобрачные расстались на церковном пороге. Макс поехал в Лондон заканчивать работу, связанную с урскими находками. Агата с Розалиндой вернулась домой.

Через два дня Мэллоуэн заехал за женой в нанятом «даймлере». Они прибыли в Дувр, откуда направились в Венецию. Макс все продумал до мельчайших деталей. Его жене оставалось лишь наслаждаться отдыхом. «Уверена, никто не получал от свадебного путешествия такого удовольствия, как мы», — пишет Агата Кристи.

Супруги посетили Дубровник, Сплит, потом проехали вдоль побережья Далмации и Греции в Патры. Дельфы поразили их неправдоподобной красотой. Мэллоуэны даже нашли место, где можно было бы построить домик.

Агата с удивлением узнала, что Макс никогда не читал ее романов. Однажды друзья посоветовали ему прочесть «Убийство Роджера Экройда», но тут же кто-то сказал, чем кончается там дело. Облегченно вздохнув, Мэллоуэн заявил: «Какой смысл читать роман, если знаешь, чем он кончится?»

Однако после свадьбы он прочитал все, что написала Агата Кристи.

К тому времени она уже написала книг десять. Поскольку легким чтением Макс считал профессионально написанные труды по археологии и древней культуре, его жене было забавно наблюдать, с каким трудом давалось ему чтение детективов.

Но Мэллоуэн был не только мужем известной писательницы, ежегодно издававшей как минимум две книги. Он добился больших успехов в археологии, открыв множество тайн Нимруда: знаменитую крепость Шалманезер на границе города, сделал другие находки в разных местах кургана. Перестала быть загадкой история Калаха, военной столицы Ассирии. Музеи мира обогатились изящными, изысканно вырезанными фигурками из слоновой кости.

Весну и осень семейство Мэллоуэн проводило в пустыне, остальное время года — в Англии. Агате нравилось работать на археологических раскопах. Она с удовольствием чистила находки из слоновой кости. Максу и Агате было невыразимо хорошо вместе, и раскопкам сопутствовал успех.

Вообще, годы с 1930-го по 1938-й Кристи считает особенно удачными. Агата писала детективные истории, Макс — книги по археологии, доклады и статьи. «Мы были заняты, но не чувствовали постоянного напряжения, — отмечает писательница. — Вот так мы и жили. Макс со своей археологией, которой был предан всей душой, я — со своим писательством, становившимся все более профессиональным и вызывавшим поэтому во мне все меньше энтузиазма».

Мэллоуэны приобрели особняк Гринвей, стоявший на берегу Дарта. Белый дом в георгианском стиле, построенный в конце XVIII века, и роща со множеством прекрасных деревьев и кустов, простирающаяся до самого Дарта, — идеальное имение, о таком можно мечтать.

Во время войны супругам пришлось переехать в многоквартирный дом в Хампстеде. Агата Кристи начала работать провизором в аптеке университетского колледжа. Максу было предписано отправиться за границу, на Ближний Восток или в Северную Африку для службы в колониальной администрации: там его знание арабского языка могло пригодиться. Агата радовалась за него, так как знала, сколько усилий он прилагал, чтобы добиться этого назначения. За десять лет супружества они впервые расставались надолго.

Розалинда, вышедшая незадолго до войны замуж за майора Хуберта Причарда, родила сына и уехала жить в деревню, подальше от постоянно подвергавшегося бомбардировкам Лондона.

Впервые Агата почувствовала себя одинокой и решила написать психологическую повесть под псевдонимом Мэри Вестмакотт, впоследствии признанную многими критиками одним из лучших ее произведений.

Через три года супруги встретились так, словно расстались вчера.

После возвращения из Северной Африки Мэллоуэн поступил в распоряжение Министерства авиации.

Незадолго до окончания войны муж Розалинды погиб, оставив ее с сыном Мэтью, которому было суждено стать утешением писательницы в старости. Мэтью называл бабушку Нима и обожал ее. Агата сочиняла для внука прекрасные сказки, но никогда их не записывала.

Война были кошмаром, в котором действительность словно замерла. Наконец она позади. В 1948 году ученые возобновили свои экспедиции. В институте археологии Лондонского университета открылась кафедра западноазиатской археологии, профессором которой стал Мэллоуэн.

После десятилетнего перерыва Макс и Агата с восторгом вернулись к работе на Ближнем Востоке. Они выехали на север Ирака, в город Эрбил, неподалеку от которого находился курган. Оттуда их путь лежал в Мосул, но по дороге супруги посетили Нимруд.

Дональд Уайзмен, один из эпиграфистов, прикрепил на дверь комнаты писательницы табличку, оповещавшую, что это «Бейт Агата» — «Дом Агаты». Здесь писательница уединялась, чтобы немного поработать. Но большая часть дня уходила на фотографирование или реставрацию и чистку находок из слоновой кости.

Мэллоуэны прожили вместе сорок шесть счастливых лет (Агата взяла фамилию мужа, но писать продолжала под прежним именем). Все эти годы она совмещала собственную литературную работу с самоотверженной помощью мужу. Ей принадлежат такие строки: «Спасибо тебе, Господи, за мою хорошую жизнь и за всю любовь, которая была мне дарована».

В 1968 году Макс Мэллоуэн за заслуги перед британской археологией был возведен в рыцарское достоинство. Теперь его жена имела право на титул леди.

Когда же писательнице исполнилось 80 лет, королева наградила ее Командорским орденом Британской империи. Супруги отправились на

несколько дней в Париж. Там он впервые отметил, что Агата уже «не так шустра», как в былые времена, и впервые ощутил себя моложе жены. Подошла осень жизни. Еще было написано семь книг, среди них «Занавес», в которой Агата лишает жизни Эркюля Пуаро. Сама она отправилась в последний путь вслед за своим героем 12 января 1976 года ранним морозным утром в своем доме в небольшом местечке Уоллингфорд. Похоронена Агата Кристи на церковном кладбище в Челси. Через полтора года Макс женился второй раз и, не прожив и года в новом браке, умер от инфаркта.

Сальвадор Дали и Елена Дьяконова

«Мировую славу я завоевал только с помощью Бога… и повседневного героического самоотрешения необыкновенной женщины — моей жены Гала», — говорил испанский художник Сальвадор Дали. Кто же она, которая «вместе с Богом» помогла завоевать мировую славу одному из самых удивительных художников современности?

Поначалу жизнь не сулила Елене Дьяконовой ничего хорошего. В одиннадцать лет она потеряла отца (он был скромным казанским чиновником), в семнадцать переехала в Москву, поселившись с матерью у отчима — адвоката Дмитрия Ильича Гомберга.

В 1913 году заболевшая туберкулезом Елена Дьяконова переезжает в Швейцарию, на курорт Клаваделе. И там она всем объявляет, что зовут ее Гала.

На курорте Дьяконова знакомится с молодым поэтом Эженом Гренделем, который станет широко известным под псевдонимом Поль Элюар. Он с удовольствием читал ей свои стихи. Через несколько лет они поженятся, и у них родится дочка Сесиль.

В начале лета 1929 года Гала и Элюар отправляются на автомобиле в долгую поездку по Европе. По дороге из Швейцарии они оказываются в небольшом каталонском городке Кадакесе, куда Поля пригласил едва с ним знакомый молодой художник Сальвадор Дали…

Гала выглядела уставшей и скучающей. Дали ей сначала показался «невыносимым» и «неприятным». Каталонец же, напротив, очень скоро стал глядеть на нее не отрываясь. Любовь поражает его как удар молнии. Что же касается Гала, она сдержанна и холодна, более высокомерна, чем когда-либо, а поведение Дали ее, несомненно, раздражает. Сальвадору было двадцать пять лет, Елене — тридцать пять.

Итак, первое впечатление Гала было негативным, тем более что сама она предпочитала в одежде стиль строгий и даже аскетичный. Но… «Она распознала во мне наполовину сумасшедшего гения, способного на большую отвагу».

Дали родился в семье провинциального нотариуса в испанском городе Фигерас, столице провинции Ампурдан. В семье были еще сестра Анна-Мария, брат, который умер от менингита до рождения Сальвадора. Дали был потрясен смертью матери, случившейся в 1921 году, и долго не мог простить отца, женившегося на его молодой тетушке.

Однажды Дали и Гала отправились вдвоем на прогулку. Они забираются на скалы, идут вдоль маленьких бухточек туда, где Сальвадор чувствует себя счастливым и сильным; там он открывает для Гала свой мир — уголок Испании, где ему нравится жить.

Гала, повинуясь внезапному порыву, произносит: «Мой мальчик, мы больше не будем расставаться». Что-то подсказывает Гала, что у Дали великое будущее. Она вдохновляет его: «Скоро вы будете таким, каким я хочу вас видеть».

«Тело Гала, — говорит ослепленный Дали, — мне казалось сделанным из божественной плоти цвета золотистого муската». И вот она под лучами солнца превратилась в глазах влюбленного Дали в королеву.

Через два месяца он приезжает к ней в Париж. Ему не хватает Гала: «Я по-настоящему могу с тобой поздороваться только занимаясь с тобой любовью», — пишет Сальвадор.

Поль Элюар не хочет расставаться с женой и посвящает ей одно стихотворение за другим, умоляет не покидать его. Но Гала все больше времени проводит с Дали. Благородный Элюар оставляет им свою квартиру, которую с большой любовью когда-то обставлял.

У Гала появляются новые заботы: где взять деньги на еду, кино (единственное развлечение), холсты и краски? Она без особого успеха пытается продать работы Дали. А вечером Гала занимается хозяйством и кухней, не забывая подбадривать Сальвадора, чтобы он продолжал писать картины.

В Париже Дали живет как в изгнании. Гала — его опора, без нее он никогда не осмелился бы ходить по враждебным улицам: «Гала, дай мне руку. Я боюсь упасть». Но именно в Париже о них начнут говорить. Виконт де Ноайя отправит на имя Дали чек в двадцать девять тысяч франков — авансом, за будущую картину. Благородный князь из старинного французского рода Жан-Луи де Фосини-Люсэнж также покупает картину Дали. Более того, князь решает создать специально для художника клуб «Зодиак» для состоятельных людей. И настанет конец горькому и трудному этапу в жизни супругов Дали. Они смогут переехать в каталонскую деревню Порт-Льигат, где художнику работается особенно хорошо.

15 июля 1932 года гражданский суд французского департамента Сена утвердил развод Эжена и Гала Грендель после пятнадцати лет супружеской жизни. Дочь Сесиль осталась с отцом.

Осенью того же года Гала сделали операцию, после которой она больше не могла иметь детей. Впрочем, ни она, ни Сальвадор не хотели обременять себя ребенком. «Я ничего не желаю передавать будущему от Дали, — доверится Сальвадор доктору Луису Повелси. — Я хочу, чтобы все закончилось на мне».

Дали и Гала настолько увлечены друг другом, что окружающий мир мало интересует их. Дали всегда говорил, что он сторонится политики. Но когда Испанию потрясает всеобщая забастовка, супруги в панике покидают свою уютную хижину на берегу моря и отправляются во Францию.

Перед Дали и Галой открыты двери лучших домов Парижа, популярность художника растет с каждым днем. Их брак регистрируют зимой 1934 года в консульстве Испании.

Тридцатые годы — время, когда Дали всерьез заявляет о себе на весь мир. Особым вниманием пользуются его работы в Америке. Туда-то и отправляются супруги в конце 1934 года. Дали боится пересекать океан. Гала придется долго убеждать его, прежде чем он согласится на

путешествие.

Выставка художника в галерее на Мэдисон-авеню прошла с огромным успехом, его полотна отлично продавались. Как ни странно, американцам Дали оказался куда ближе, чем консервативным жителям Старого Света.

В начале Второй мировой войны супруги вновь отправляются в США. Первые шесть месяцев Дали живут не в Нью-Йорке, а в имении «Хэмптон манор» в штате Вирджиния, куда супругов пригласила их подруга Кэрес Кросби. Гала удается подчинить своей воле распорядок жизни всех обитателей имения.

У Кросби Сальвадор работал не менее плодотворно, чем у себя дома. И написал он за это время не только полотна. Именно тут была создана первая книга художника «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим». Это гимн любви в честь Гала.

Гала заключает контракты, ведет переговоры с организаторами выставок, потенциальными покупателями. Имя Дали становится популярным. Его картины приобретает миллиардер Морс. Семья Клевеленд решает купить одновременно несколько десятков полотен Дали (в итоге в частную коллекцию миллиардеров попали 94 картины художника). Цены на работы выставляются соответственные. Художник и его жена не пренебрегают случайными приемами, бывают везде, куда их приглашают директора музеев или богатые коллекционеры.

Супруги путешествуют по Америке, едут в Чикаго или в Кливленд — и всегда вместе. С тех пор как они покинули Париж, у них нет больше дома, они живут в отеле. Сначала в «Сен-Морице», затем — в «Сан-Реджесе», в одном из самых красивых зданий Нью-Йорка, на углу Пятой и Пятьдесят пятой улиц.

Добиваясь богатства, Дали, по его собственным словам, преследовал цель обрести как можно больше власти. Под воздействием жены он за хорошую плату берется за любую работу. Дали иллюстрирует книги и рисует костюмы и декорации к балетам. Он делает рекламу, украшает витрины больших магазинов, рисует новые модели платьев и украшений, предлагает свои услуги в качестве декоратора кинопродюсерам, пишет статьи для первых полос популярных изданий. Все это приносит немалый доход.

Дали — самый верный мужчина в мире. Несмотря на то что художника окружают юные соблазнительные модели, позирующие ему чаще всего обнаженными, он остается верным Гала. «С какой знаменитой женщиной вы хотели бы провести ночь?» — спросил его поэт Ален Боске. «Ни с какой, — ответил Сальвадор. — Я на сто процентов верен Гала».

Она становится главным персонажем полотен художника. Для знаменитой «Атомной Леды» — картины размером 61 х 45 сантиметров — Гала позировала в течение нескольких месяцев.

В 1948 году Дали решают вернуться в Порт-Льигат. Разбогатев, они расширяют и перестраивают свои владения в Каталонии. Но в округе их дом будут по-прежнему называть *Casa Dali* .

До конца пятидесятых годов супруги лишь изредка принимали избранных гостей — потенциальных клиентов, приехавших посмотреть, как работает мастер в своем ателье.

Желая отдохнуть, Гала совершает длительные поездки на средиземноморские курорты или в крупные города. Большие деньги позволяют ей менять молодых любовников как перчатки. Лишь один из них, актер Джеф Фенхольд, станет спутником Галы на протяжении нескольких лет.

Несмотря ни на что, она остается для Дали божеством. Он пишет картины, на которых Гала изображена в облике Мадонны. Одну из работ Дали преподнес во время аудиенции папе римскому Пию XII. Тогда же он попросил разрешение на церковный брак с Гала, однако получил отказ. Лишь в 1958 году, по прошествии шести лет после смерти Элюара, Гала и Сальвадор обвенчались в маленькой часовне провинции Жерона.

Осенью 1965 года художник познакомился с очаровательной Амандой Лир, приехавшей в Париж для участия в демонстрации мод. Ростом метр семьдесят шесть сантиметров, с длинными светлыми волосами, в мини-юбке, она, по мнению Дали, являла собой архетип красоты.

Жизнь художника-миллиардера является противоположностью ее жизни, жизни богемной. «Дали был наполовину лысым, толстоватым, он показался мне претенциозным и даже смешным…» — напишет Аманда позже. Однако совсем скоро она находит в нем очаровательного собеседника, забавного и интересного, ее покоряют ум и фантазия Дали.

В течение десяти лет Аманда большую часть своего времени будет проводить в компании Сальвадора Дали. Она позирует обнаженной для картин художника, которые называются «Анжелика и Дракон», «Святой Георгий». Вместе с ней Дали появляется в 1974 году на открытии своего музея в Фигерасе.

Гала не стала менее внимательной и заботливой по отношению к своему «маленькому Дали». Когда он болеет, она ухаживает за ним; когда он совершает ошибки, она старается их исправить. Сначала Гала очень недоверчиво относилась к Аманде Лир, но вскоре поняла, что девушка оказывает благотворное влияние на Дали. С Амандой он вновь улыбается, к нему возвращается желание рисовать и работать.

Гала же устала и готовится к отъезду. Своего «маленького Дали» эта удивительная женщина оставляет на попечение Аманды Лир, которую считает своей преемницей. Однако Дали боится, что жена уедет слишком далеко, и дарит ей замок Пуболь (что по-каталонски означает «тополь»), нависающий над холмом возле Ля-Биспаль, в восьмидесяти километрах от Кадакеса.

Пуболь станет последним прибежищем Гала, она будет приезжать сюда каждое лето начиная с 1970 года, оставляя Дали в Порт-Льигате. Это было время долгих разлук.

Вскоре здоровье Дали стало таким плохим, что Гала покидает свой дворец в Пуболе и переезжает к нему.

Последнее лето в Порт-Льигате, освященное визитом короля Хуана Карлоса и королевы Софии, прошло под знаком Паркинсона и Альцгеймера: Дали клацает зубами, ему мерещится, что носороги подбираются к его кровати, и кажется, что его вот-вот убьют. Гала замыкается в себе, выход из состояния задумчивости сопровождается

сильными приступами ярости.

В начале лета 1982 года Гала решает принять таинство соборования, пригласив местного священника. 10 июня, во второй половине дня Дали, отдыхавший в своей комнате, вдруг громко закричал. Гала умерла.

Она была похоронена в склепе Пуболя в присутствии немногочисленных «близких» и слуг.

Через месяц после смерти Гала король Хуан Карлос наградил Дали большим крестом Карла III и пожаловал ему титул маркиза де Пуболя. Сальвадор гордится именем, сближающим его с Гала.

В начале 1983 года Дали пытается заняться живописью. Он работает в столовой в Пуболе, сидя на табурете, при электрическом свете, а одна из сестер милосердия, мадам Фабрега, читает ему, как это раньше делала Гала. Но уже в марте Дали раз и навсегда откажется от карандаша и кисти. Он хочет умереть…

Последим днем для него станет 23 января 1989 года. Набальзамированное тело художника-сюрреалиста, одетое в белую тунику, вернется в Фигерас в сопровождении большого кортежа. Каталонцы, отдавая должное своему великому земляку, проводят катафалк аплодисментами…

Григорий Александров и Любовь Орлова

В своей книге «Эпоха и кино» знаменитый режиссер Григорий Александров написал, что родился в 1903 году в Екатеринбурге, в семье горнорабочего.

Осенью 1921 года Александров поступил в Первый рабочий театр Пролеткульта. Он знакомится с Сергеем Эйзенштейном и помогает ему в съемках фильмов «Стачка» и «Броненосец „Потемкин“».

В Москве Александров женился на Ольге Ивановой, выступавшей в ансамбле «Синяя блуза». В 1925 году у них родился первенец — Дуглас. Режиссер любил экзотику и даже сына назвал в честь голливудского актера Дугласа Фэрбенкса.

При работе над фильмами «Октябрь» и «Старое и новое» Александров уже выступал соавтором и сорежиссером Эйзенштейна. Они вместе побывали в Америке.

Вернувшись из поездки в августе 1932 года Александров расстался с женой, которая к этому времени сблизилась с актером Борисом Тениным. Разошлись его пути и с Эйзенштейном.

Используя накопленный в Америке опыт, Григорий Александров задумал снять музыкальную кинокомедию. С музыкой определились сразу — только Дунаевский. Роль влюбленного пастуха выстраивалась на Утесова и музыкантов его оркестра. Оставалось найти актрису на главную роль Анюты. Александрову посоветовали посмотреть в Музыкальном театре им. В. И. Немировича-Данченко спектакль «Перикола» с артисткой Любовью Орловой. Он пошел на «Периколу» и впоследствии никогда об этом не пожалел.

«Любовь Петровна в „Периколе“ превосходно пела и танцевала, — рассказывал Григорий Васильевич. — После спектакля я оказался за кулисами, мы познакомились. И мне сразу же захотелось поближе ее узнать, побеседовать, как говорят, с глазу на глаз. Набравшись храбрости,

я пригласил ее на следующий день пойти со мной в Большой театр на торжества, посвященные Леониду Витальевичу Собинову. Она удивилась, но дала согласие. И вот после собиновских торжеств мы до рассвета бродили с ней по московским улицам. И говорили, говорили без конца…»

Спустя двадцать лет Любовь Орлова так сказала о встрече с Александровым: «Я увидела голубоглазого, золотоволосого бога, и все было кончено». Она поняла, что с ним никогда не будет скучно.

Любовь Петровна Орлова родилась в Москве. Ее отец, Петр Федорович, потомственный дворянин, служил по военному ведомству. Из дворянского рода была и мать — Евгения Николаевна Сухотина. Закончив гимназию, Любовь Орлова поступила в Московскую консерваторию по классу рояля. После революции семья оказалась на мели. Люба утром училась в балетной школе, а вечерами работала тапером в кинотеатрах.

В 1926 году она вышла замуж за Андрея Гаспаровича Берзина, но этот брак оказался несчастливым. Берзин был одним из тех борцов за идею, которые сидели и на царской каторге, и на сталинской. В бытность замнаркомом земледелия он был арестован по делу Чаянова в 1929-м. О нем ничего не знали до конца сороковых годов, когда его отпустили умирать от рака к матери в Литву.

Орлова стала «поющей актрисой» в 1926 году, когда была принята в театр им. В. И. Немировича-Данченко. Роль Периколы была ее первой главной ролью на сцене Музыкального театра. К этому времени Берзин уже сидел в тюрьме, и Орлова встречалась с немецким бизнесменом, разъезжая с ним по Москве на роскошном «Мерседесе».

Когда Александров предложил ей роль поющей и танцующей домработницы Анюты, Любовь Петровна покачала головой: «Но мы, пожалуй, часто будем спорить… Это не помешает работе?» — «Ничего страшного, — ответил режиссер. — В спорах рождается истина». Орлова была утверждена на роль. Автору первой советской музыкальной комедии было в ту пору ровно тридцать, актрисе на год больше.

В сентябре 1933-го начались натурные съемки в Гаграх. Роман между Орловой и Александровым развивался стремительно. Вскоре после съемок Орлова стала женой Александрова.

После их первой совместной картины Орлова подарила Григорию Васильевичу свою фотографию, которую он окантовал и держал постоянно на своем рабочем столе. «Моему обожаемому режиссеру Александрову всем сердцем благодарная актриса», — сделала Любовь Петровна надпись.

После «Веселых ребят» Александров снимает фильмы «Цирк» и «Волга-Волга». В главной роли, позволившей актрисе показать новые грани своего дарования, поистине блистала Любовь Орлова.

Супруги жили очень замкнуто. Им было хорошо друг с другом. Московская квартира на улице Немировича-Данченко и особенно дача всегда оставались для них местами уединения.

Дачный поселок во Внуково построили перед войной и очень скоро стали называть поселком «Веселых ребят». В нем жили Ильинский, Утесовы, Лебедев-Кумач, Дунаевский… У всех гектар леса, удобные дома. Дом Александрова и Орловой называли домом двух любящих сердец.

В начале войны немцы подошли к Москве, и встал вопрос об эвакуации. Сын Александрова от первого брака Дуглас рос практически без

родителей: мать постоянно в гастрольных разъездах, отца в тот период он вообще почти не видел.

Любовь Петровна высказала сомнение относительно того, стоит ли брать Дугласа с собой в Алма-Ату, куда эвакуировался весь «Мосфильм». На этот раз Александров был непреклонен: либо они едут все, либо он остается с сыном в Москве. Так что поехали все вместе. Сначала в Алма-Ату, затем Александров забрал Дугласа на Бакинскую киностудию. Там он помогал отцу: монтировал пленки, писал титры.

После войны Александров вновь обращается к своему любимому жанру — комедии. В фильме «Весна» он поручил Орловой сразу две роли — жизнерадостной, веселой актрисы Веры Шатровой и суровой, недоступной ученой Ирины Никитиной.

Через несколько дней после приезда на съемки в Прагу Александров, Орлова и актер Черкасов попали в аварию — вынырнувший из-за поворота грузовик врезался в их машину. Если Григорий Васильевич отделался легкими ушибами, то его спутники угодили в больницу.

Работа тем не менее не остановилась. Снимались сцены, в которых не было двух главных персонажей. Никому, кроме мужа, Орлова не позволяла навестить себя в больнице. Никто не должен был видеть ее в бинтах и повязках…

После смерти Сталина Александров снимал мало. А начиная с 1961 года вообще не поставил ни одной комедии. Жил в основном прошлым: писал мемуары, «приводил в порядок» фильмы С. М. Эйзенштейна, выступал на юбилейных вечерах, открывал мемориальные доски.

Любовь Петровна зарабатывала куда больше мужа — постоянные концертные гастроли приносили приличные деньги.

Александров и Орлова много путешествовали. Правительство знало, кого выпускать за границу: владевшая тремя языками, безупречно стильная Любовь Орлова в сопровождении своего золотоволосого спутника была одинаково органична и на светских раутах, и на встречах со зрителями. Они были знакомы с Фернаном Леже, Пабло Пикассо, Ренато Гуттузо, Эдуардо де Филиппо, Жан-Полем Сартром, Питером Бруком и другими корифеями западной культуры.

Они были очень разные. Александров — неутомимый рассказчик, способный говорить часами. Орлова — молчунья, очень собранная, никого никогда не обсуждала, ни о ком не рассказывала. Но они очень чувствовали настроение друг друга… Любовь Петровна как-то сказала: «Я храню каждую Гришину записку, даже такие — „вернусь в шесть“, „буду в восемь“».

В 1973 году супруги попытались вернуться в кино. Красочный портрет Орловой в главной роли в фильме «Скворец и Лира» был напечатан в журнале «Искусство кино». Увы! Сомнения актрисы оказались справедливыми. Хотя многие сцены фильма и были сняты, он остался незавершенным.

В декабре 1974 года в среде деятелей искусства, работников театра и кино все чаще с большой тревогой из уст в уста передавали весть о тяжелой болезни Любови Петровны. Вскоре диагноз — рак поджелудочной железы — сообщили родственникам.

Перед Новым годом актрисе разрешили на несколько часов уехать домой. Она многим звонила в этот вечер. Поздравляла, говорила, что чувствует себя вполне сносно.

За одну минуту до наступления Нового года Александров и Орлова вышли из дома. Дойдя до «Метрополя», они вернулись по другой стороне улицы Горького и до двух часов ночи гуляли по Тверскому бульвару…

Любовь Петровна Орлова умерла 26 января 1975 года. Ей было семьдесят два.

Киновед Глеб Скороходов спросил Александрова, чем в его жизни была Любовь Петровна. «Всем. Всем лучшим, что мне выпало в жизни, — сказал он медленно. — Любимой женщиной, другом, советчиком, актрисой. Я и сегодня вижу ее так, будто вчера, только вчера смотрел впервые „Периколу“, будто вчера, только вчера она выходила на съемочную площадку».

Через три года после смерти Любови Орловой умер Дуглас. И Александров предложил его вдове зарегистрировать брак. Это решение повергло в негодование коллектив «Мосфильма», многие сочли поступок Григория Васильевича аморальным. А он просто не привык жить один, о нем должен был кто-то заботиться.

Великий режиссер умер в больнице. Это случилось в декабре 1983 года. Его положили на обследование в Кремлевку, и все произошло очень быстро: инфекция в почках — и его не стало. Его последней работой в кино был документальный фильм «Любовь Орлова»…

Эдуард VIII и Уоллис Симпсон

История любви Эдуарда VIII и его жены Уоллис, по-своему необыкновенная, загадочная, полная нераскрытых тайн и захватывающих подробностей, стала одним из самых популярных мифов XX века. Мифом о власти любви, перед которой даже королевская власть бессильна.

Будущий король родился 23 июня 1894 года и был крещен как Эдуард Альберт Кристиан Джордж Эндрю Патрик Дэвид (в семье его называли просто Дэвидом). Его отец, герцог Йоркский, стал королем Георгом V в 1910 году (Дэвида при этом возвели в звание принца Уэльского). Его матерью была немецкая принцесса Виктория Мария Тек, которая после вступления мужа на престол стала называться королевой Марией.

Король Георг отличался крайне суровым нравом и любовью к дисциплине. Мать постоянно напоминала детям, что они подданные своего отца. Как пишет Эдуард в своих мемуарах, «у меня было немного друзей и совсем мало свободы».

Принц увлекался спортом, любил американский джаз и… замужних дам. Его первая большая любовь, Фреда Дадли-Уард, была не только замужем, но и имела двух дочерей. В 1931 году Фреда развелась, однако к тому времени принц уже увлекся другой светской красавицей, американкой Тельмой Фернесс. Именно леди Тельма познакомила принца со своей соотечественницей Уоллис Симпсон.

Бесси Уоллис Уорфилд родилась 19 июня 1896 года в Блю-Ридж-Саммит в Пенсильвании, за 17 месяцев до официального бракосочетания своих родителей. Чтобы избежать скандала, мать с девочкой уехала к дальним родственникам в Балтимор.

Выросла Уоллис без отца — когда ей не было года, он умер. Если бы не благодеяния состоятельной тетушки Бесси, не видать бы Уоллис привилегированной частной школы для девочек.

В двадцать лет она вышла замуж за летчика-инструктора военно-морских сил США Эрла Винфилда Спенсера. Почти сразу обнаружилось, что ее муж — алкоголик, к тому же ужасно ревнивый. Промучившись пять лет, Уоллис развелась с ним.

Она сочеталась вторым браком с Эрнстом Симпсоном — сотрудником судоходной компании, владельцем которой был его отец. Супруги перебралась в Лондон. Миссис Симпсон полностью отдалась устройству респектабельного дома, поиску новых друзей и своего места в свете. Наконец, настал день, когда Симпсоны получили приглашение в дом лорда и леди Фернис.

Впоследствии Уоллис вспоминала, что ужасно боялась неправильно присесть и вообще умирала от страха, а потому первая встреча не удалась. Принц спросил, не страдает ли она, американка, без центрального отопления. «Прошу прощения, сэр, — ответила Уоллис, — но вы меня разочаровали». «Почему?» — удивился принц. «Этот вопрос задают здесь каждой американке. Я надеялась услышать от принца Уэльского что-нибудь более оригинальное». Эдуард отошел к другим гостям, но миссис Симпсон его заинтриговала.

Встретившись еще несколько раз в обществе, они стали планировать свои свидания. На выходные принц приглашал супругов Симпсонов в свое загородное поместье Форт-Бельведер.

В июле 1935 года, участвуя в военно-морских празднествах в одном из английских портов, принц Уэльский адресовал Уоллис такие строки: «Вам следует знать, что ничто — и даже звезды — не способно нас разлучить. Мы вечно принадлежим друг другу, любим друг друга сильнее самой жизни, и пусть нас благословит Господь. Ваш (подчеркнуто дважды) Дэвид».

Летом того же года они отправились без Эрнста на юг Франции, и там во время совместного плавания по Средиземному морю, по утверждению биографов принца, между ним и Уоллис пала последняя, отделявшая их физически, черта.

После этого путешествия в европейских и американских газетах появились первые сообщения о новом увлечении наследника. Уоллис имела сильный и властный характер, что нравилось принцу Уэльскому. Даже ее соперницы отмечают идеальную фигуру, которую Уоллис сохранила до глубокой старости. Кроме того, она отличалась безукоризненным вкусом и, когда у нее появились почти неограниченные средства, стала законодательницей дамской моды, признанной по обе стороны Атлантики.

Не только наедине, но и на публике они вели себя наподобие супружеской пары. А Эрнст Симпсон? Он исчезал из поля зрения общества и не скрывал от жены появления у него любовницы.

20 января 1936 года скончался Георг V. Принц Уэльский стал королем Эдуардом VIII. Однако полностью легитимным монархом он мог стать лишь после коронации, назначенной на 12 мая 1937 года. Лишь

впоследствии стало известно, как переживал старый король увлечение сына. Королева Мария до конца своих дней не желала простить Уоллис этой любовной истории, считая ее виновницей безвременной, как она полагала, кончины мужа.

Ночью Дэвид позвонил Уоллис по телефону и сообщил ей скорбную весть, поспешив прибавить: «Ничто не может изменить моих чувств к вам».

В августе король отправился в новый круиз. В числе других гостей его сопровождала Симпсон. Где бы ни бросала якорь яхта, везде, в том числе и в небольших портовых городках, жители приветствовали ступивших на берег титулованных туристов.

Затем Уоллис направилась в Париж — делать покупки для своего гардероба, а Эдуард вылетел в Лондон.

В Париже американка просмотрела прессу и пришла в ужас. Газеты пестрели материалами о круизе по Средиземному морю, причем они выглядели молодоженами, наслаждающимися медовым месяцем! «Я осознала, что круиз на „Налине“ был ошибкой», — писала Уоллис в мемуарах.

Признаваться следовало в серии промахов. Среди них самым серьезным было решение об ускорении развода с Эрнстом Симпсоном. Пока Уоллис формально являлась его женой, она могла оставаться на положении любовницы короля. Такой ее, с позволения сказать, статус ни к чему Эдуарда VIII не обязывал.

20 октября 1936 года премьер-министр Стэнли Болдуин впервые заговорил с королем на щекотливую тему. Он просил Эдуарда вести себя более осмотрительно и ни в коем случае не предавать огласке тот факт, что Уоллис Симпсон начала бракоразводный процесс. «Эта женщина — мой друг, и я не желаю, чтобы оно входила сюда через черный ход», — сказал король.

16 ноября король сообщил премьеру, что намерен жениться на Уоллис Симпсон. Премьер решительно ответил, что народ не примет такую королеву. Если на то пошло, заявил король, то он готов к отречению.

22 ноября Эдуард еще раз встретился с Болдуином и сказал ему, что брак может быть морганатическим, то есть таким, при котором супруга монарха не имеет титула королевы, а дети, родившиеся от этого брака, не наследуют трон. Болдуин ответил, что должен обсудить вопрос с членами кабинета. 2 декабря премьер сообщил монарху, что идея морганатического брака отвергнута британским кабинетом. У Эдуарда, сказал он, теперь три варианта действий. Первый — прекратить отношения с миссис Симпсон. Второй — жениться на ней и принять отставку кабинета. Третий — отречься и жениться.

6 декабря все воскресные газеты выразили единодушное мнение английского народа: король должен остаться на троне. 7 декабря «Дейли миррор» рассказала о волнениях и пикетах, прокатившихся по стране: «Народ хочет, чтобы король остался!» Газеты обратились с призывом к Британскому кабинету: «Король желает жениться на Уоллис Симпсон, а мы желаем, чтобы он остался на троне. Наше правительство должно найти выход из этой скандальной ситуации».

Но процесс принял необратимый характер. Уоллис Симпсон, не выдержав всеобщего возмущения, уехала из страны в Канны. Король был в

отчаянии. Его друг Уинстон Черчилль озабоченно констатировал: «Его величество находится на грани нервного срыва… любовь короля к миссис Симпсон являет собой одно из самых сильных проявлений любви в истории человечества. Без сомнения, он не может жить без нее».

Уоллис в телефонных разговорах с Эдуардом призывала его продолжать борьбу за королевские права. 8 декабря в газетах появилось заявление миссис Симпсон с указанием на готовность отказаться от того, что становится неприемлемым и вызывает чувства сожаления.

Вся королевская семья была потрясена происходящим. 9 декабря в Бельведерском замке король Эдуард VIII подписал свой последний королевский документ — отречение от британского престола.

На другой день этот документ был ратифицирован в парламенте, и «Его королевское высочество принц Эдуард», как объявили по радио бывшего короля, в последний раз обратился к английскому народу с трогательной речью. «Вы должны понять меня, — говорилось в ней, — когда я говорю вам, что для меня оказалось невозможным нести тяжелое бремя ответственности и достойно исполнять обязанности короля без помощи и поддержки женщины, которую я люблю».

12 декабря британским монархом был провозглашен младший брат Эдуарда, Альберт, герцог Йоркский, — он стал Георгом VI. Двумя днями раньше Эдуард, получивший титул герцога Виндзорского, отплыл на континент из Портсмута на борту английского военного корабля. Он находился на престоле 325 дней.

3 мая Уоллис Симпсон получила окончательный развод. Она позвонила герцогу и сказала: «Торопитесь!» На следующий день он сидел в вагоне Восточного экспресса. Их разлука длилась двадцать две недели, показавшиеся ему вечностью.

Бракосочетание было назначено на 3 июня в замке Канде. Королевская семья отказалась присутствовать на бракосочетании, подав пример, которому тут же последовала британская аристократия. Решением кабинета министров появился так называемый «Акт о лишении», согласно которому титул «королевское высочество» не распространялся ни на жену герцога Виндзорского, ни на его потомков.

Гостей было всего шестнадцать. Приехали сын Уинстона Черчилля Рэндолф, чета Ротшильдов, консул Великобритании в Нанте и первый секретарь Британского посольства.

После свадьбы Виндзоры, остановившись на несколько часов в Венеции, направились в Австрию. Эдуард и Уоллес обосновались в старинном замке. Они были счастливы.

В октябре 1937 года герцог и герцогиня Виндзорские отправились с визитом в нацистскую Германию. 22 октября их принял Гитлер в своей альпийской резиденции «Орлиное гнездо». Один из немногих сопровождавших их журналистов, корреспондент «Нью-Йорк таймс», написал, что «герцогиня находилась под явным впечатлением от личности фюрера, а он давал понять, что они стали друзьями, прощаясь с ней с подчеркнутой нежностью. Он взял ее руки в свои и долго говорил последние напутствия, после чего отдал строгий нацистский салют, и герцог ответил тем же». Когда Виндзоры наконец уехали, фюрер обернулся к переводчику Шмидту и сказал: «Из нее выйдет хорошая королева».

Однако за данной поездкой не последовали акции герцога в пользу нацистов, а протесты общественности против заигрывания с нацистской верхушкой отрезвили супругов.

В феврале 1938 года Уоллис была названа «самой элегантной женщиной года». Словно доказывая свое право носить это звание, она появилась на приеме по случаю отъезда американского посла Буллита в простом белом креповом платье с маленьким квадратным декольте, украшенном лишь двумя золотыми аппликациями от талии до подола. На голове красовался последний подарок герцога — диадема из бриллиантов и изумрудов.

Надежда на возвращение престола стала навязчивой идеей герцога и герцогини. Они поселились в Париже. После вторжения немецкой армии во Францию в мае 1940 года Виндзоры переехали на юг страны. Черчилль настаивал на их возвращении на Британские острова. Британский генеральный консул в Ницце не смог уговорить их отправиться на английском торговом судне в Гибралтар. Супруги направились в Испанию.

Наконец, уступая неослабевающему давлению Лондона, 2 июля Виндзоры переехали в Португалию. Черчилль счел за благо не требовать прибытия герцога в Англию, а назначил его губернатором и главнокомандующим на Багамских островах, добавив: «Я сделал все, от меня зависящее, чтобы назначение состоялось, и считаю, что это — лучший выход из той тяжкой ситуации, в которой мы все оказались».

Эдвард, удаляясь в изгнание, не предполагал, что оно станет пожизненным. Как условие своего возвращения он потребовал для своей супруги, во-первых, титул Ее Королевское Высочество и, во-вторых, чтобы ее признали членом королевской семьи. Получив титул герцога Виндзорского, Эдвард думал, что месяца через два, когда уляжется весь шум, он сможет вернуться на родину в качестве «брата короля». Но семья и официальный Лондон навсегда отвернулись от него.

Герцог Виндзорский лишь однажды нарушил многолетнюю добровольную эмиграцию. Во время единственной встречи в 1945 году в Мальборо-хаус он спросил свою мать, вдовствующую королеву Марию, почему семья продолжает так упорно отвергать его жену? И та дала ответ, достойный супруги монарха: «Я часто думаю, мой сын, о всех тех солдатах, которые пожертвовали своей жизнью ради нашей страны в двух мировых войнах. Ты же не хотел пожертвовать для страны меньшим — женщиной, не подходящей в супруги королю».

Виндзоры пробыли на Багамских островах до конца войны. В мае 1945 года они приехали в Нью-Йорк и прогостили там до сентября. Для них наступило беспечное и веселое время: ходили в театры, навещали друзей, загорали на пляжах Лонг-Айленда.

В пятьдесят лет герцогиня выглядела лет на десять моложе. Когда однажды Эльза Максвелл спросила, отчего она уделяет столько времени таким пустякам, как одежда, герцогиня ответила: «Мой муж ради меня отказался от всего; если все смотрят на меня, когда я вхожу в гостиную, он может испытывать гордость. В этом моя ответственность».

В феврале 1952 года умер король Георг. На похороны герцог выехал один. В кругах, близких к королевской семье, отношение к нему стало еще

более нетерпимым: вдова короля заявляла, что он своим отречением сократил жизнь брату.

Новая королева — Елизавета — была его племянницей и не раз заявляла, что нежно любит своего дядюшку. От нее требовалось только одно: пригласить герцога и герцогиню Виндзорских на свою коронацию, и атмосфера мгновенно разрядилась бы. Елизавета спросила мнение своих советников. Те проконсультировались в правительстве. Правительство сказало: «нет».

Через год скончалась мать герцога, и он прибыл на похороны. Эдуард всегда говорил о ней холодно, но портрет ее висел в гостиной. Она чувствовала себя прежде всего королевой, а потом уже матерью.

В 1953 году Виндзоры арендовали у французского правительства виллу в Булонском лесу, что свидетельствовало об их окончательном решении обосноваться на чужой земле. Виндзорам очень понравился этот дворец, окруженный парком и расположенный в очень тихом месте, хотя до самого центра Парижа было не более пятнадцати минут езды.

В своем доме Виндзоры часто устраивали званые вечера. На них Эдуард принимал, давал аудиенции, «играл» короля. Этот дворец в миниатюре кем-то был точно назван «бархатной тюрьмой».

Каждый год Виндзоры по четыре месяца проводили в США, бывали в Лондоне, ездили на Ривьеру и в Биарриц.

«История моя проста — это история обыкновенной жизни, ставшей необыкновенной судьбой», — так начинается книга воспоминаний герцогини Виндзорской.

В это время супругам было уже около шестидесяти. Друзья думали, что ритм их жизни замедлится, однако Уоллис демонстрировала, какие огромные запасы сил и энергии у нее остаются. Девиз ее был: «Работать так же увлеченно, как играю, смеяться так же самозабвенно, как плачу, и отдавать все, что получаю».

В 1965 году умер Черчилль. В последние годы они с герцогом не были близки. Когда Виндзору сообщили, что состояние его ухудшается, он заметил: «Ему ведь восемьдесят семь, не так ли? Мы давно с ним не виделись». На похороны великого государственного мужа он не поехал. Примирение с Черчиллем было формальным: прошлые обиды не забылись.

Сразу после семидесяти герцог резко сдал: Его трижды оперировали в Лондоне по поводу отслоения сетчатки. Уоллис же отличалась завидным здоровьем и успешно противостояла годам.

В 1967 году Елизавета II перестала бойкотировать супругов Виндзоров, пригласив их на церемонию в Лондон в память о королеве Марии.

Мир по-прежнему следил за ними, хотя газетные заголовки стали поменьше. Они были самыми желанными гостями на всех благотворительных балах — в Биаррице или Баден-Бадене, Палм-Бич или Ньюпорте, Нью-Йорке или Новом Орлеане.

4 апреля 1970 года прием в Белом доме давал Ричард Никсон. Герцог поднял бокал с шампанским и сказал: «Мне необыкновенно повезло, что очаровательная юная американка согласилась выйти за меня замуж и на протяжении тридцати лет была мне любящим, преданным и заботливым спутником».

И это была правда. Когда Док Холден показал ему три фотографии — юного принца, короля и герцога, — Виндзор написал на последней: «Эти сорок лет были самыми счастливыми. Э.».

Жизнь текла размеренно и неспешно. Герцог играл в свой любимый гольф, много читал и много курил.

Мирное течение жизни нарушил страшный диагноз врачей: у герцога обнаружили рак. Его облучали кобальтовой пушкой, и это помогло. Впрочем, ремиссия была недолгой. Смерть Виндзора не пугала, он боялся лишь разлуки с той, которую любил. Он купил два места на балтиморском кладбище, ибо опасался, что британское правительство не разрешит похоронить Уоллис рядом с ним.

«Я убежден, — свидетельствует один из друзей, — герцогиня не разрешала себе понимать, что он умирает. Потрясение было громадным, и она отказывалась воспринимать ужасное известие».

В 1972 году Елизавета посетила супружескую чету в Париже незадолго до смерти Эдуарда. Говорили, что, следуя протоколу, смертельно больной герцог встал с постели — встретить королеву подобающим образом. Через 11 дней его не стало, он умер за месяц до своего 78-летия.

Первое официальное извещение о его смерти последовало из Букингемского дворца: «С глубоким прискорбием сим сообщается, что в воскресенье 28 мая 1972 года в два пополуночи в своем доме в Париже скончался герцог Виндзорский».

Прибывшая в Лондон на похороны мужа герцогиня получила приглашение остановиться в Букингемском дворце.

Почетный военный караул встретил в Оксфордшире военный самолет, доставивший тело герцога Виндзорского. Его отвезли с торжественными почестями в Виндзорский дворец. Целый день нескончаемым потоком шли люди, чтобы с ним проститься. Похороны состоялись 5 июня, во время службы герцогиня сидела возле королевы Елизаветы.

После смерти герцога Уоллис жаловалась подруге: «Я очень одинока. Мне ужасно, ужасно его не хватает».

Уоллис все чаще говорила о смерти, повторяя: «Мне не надо много места, пусть меня похоронят рядом с ним, а на камне напишут: „Уоллис, герцогиня Виндзорская“».

24 апреля 1986 года в возрасте 90 лет она умерла. По желанию герцога она была похоронена на королевском кладбище рядом с мужем.

Кларк Гейбл и Кэрол Ломбард

Немногие реальные любовные истории становятся содержанием фильма, как это произошло с картиной «Гейбл и Ломбард», поставленной Сиднеем Фьюри в 1976 году. Кларк Гейбл превратился в легенду еще при жизни. Для женщин всех возрастов он был романтическим идеалом.

Кларк Гейбл родился в 1901 году в Кадисе, штат Огайо. Его отец занимался добычей нефти. Кларк начинал играть на театральных подмостках. Первый успех в кино пришел с фильмом «Свободная душа». Когда в июне 1931 года картина вышла на экраны, Гейбл за одну ночь приобрел сенсационную известность. Стали приходить тысячи

восторженных писем. Кларк принес на экран новый тип грубой мужской сексапильности.

Женщины играли в карьере актера большую роль. Его первая жена Джозефина Диллон, бывшая бродвейская актриса, руководила драматической школой в Портленде. Она была на тринадцать лет старше Кларка. Джозефина научила его азам актерского мастерства. В 1931 году Гейбл женился на 43-летней Рие Лэнгхем — богатой светской женщине из Техаса, вдове нефтяного миллионера. В трудную минуту Рия всегда была рядом.

В 1932 году студия «Парамаунт» возлагала большие надежды на комедию «Не ее мужчина» — о взаимоотношениях очаровательного мошенника и библиотекарши маленького городка, которую должна была играть Кэрол Ломбард. Режиссером выбрали Уэсли Раггльса. Оставалось найти исполнителя на главную мужскую роль. Боссы «Парамаунта» рассматривали Кларка Гейбла как типаж для ролей «убийц». Но в конце концов было принято решение договориться с «МГМ» о приглашении актера. Итак, Гейблу предстояло сыграть с новой партнершей.

Джейн Элис Питерс, известная как Кэрол Ломбард, появилась на свет в 1908 году в Форт-Уэйне, штат Индиана, в обеспеченной семье. Когда девочке не было и восьми лет, родители развелись, и мать с Джейн и двумя ее старшими братьями перебрались в Лос-Анджелес. В детских забавах Кэрол не отставала от братьев. Она была спортивной гордостью школы. В кино Джейн впервые снялась в 12 лет. В начале 1930-х она была восходящей звездой компании «Парамаунт». Кэрол была замужем за Уильямом Пауэллом, одним из самых именитых актеров Голливуда.

«Кларк и Кэрол сразу поладили и составили прекрасную комедийную пару, — вспоминал режиссер Раггльс. — На меня производило большое впечатление возросшее профессиональное мастерство Кларка».

Работа над фильмом «Не ее мужчина» продолжалась шесть недель, и за это время Гейбл и Ломбард множество раз остроумно разыгрывали друг друга. На вечеринке по случаю завершения съемок Кэрол преподнесла Кларку огромный окорок с напечатанным на ярлыке его именем. Он же в свою очередь подарил ей потрепанные огромного размера балетные туфли «для танцев».

Кларка выводили из себя ее резкие манеры и далеко не литературная речь. Кэрол находила его излишне консервативным. После того как работа над фильмом закончилась, пути актеров разошлись на несколько лет.

Гейбл становился одной из самых популярных и любимых зрителями «звезд» Голливуда. Однако его отношения с женой заметно ухудшились. Кларк принял решение разойтись с Рией. В декабре 1935 года он переехал в отель «Беверли Уилшир».

В начале следующего года на вечеринке Кларк вновь встретился с Кэрол Ломбард. В День святого Валентина он получил от нее подарок. Зная страсть Гейбла к автомобилям, Кэрол приобрела на свалке развалившийся «форд Т», по ее просьбе машину разрисовали сердечками, и отправила Гейблу. Кларк позвонил актрисе и предложил поехать куда-нибудь потанцевать. Она, предвкушая чудесную поездку в шикарном кабриолете, вырядилась в роскошное платье. И чуть не лишилась чувств, когда увидела

Гейбла, подъезжающего к ее дому на «форде» с сердечками. Дребезжа, дергаясь и отчаянно дымя, они поползли по голливудским бульварам и хохотали всю дорогу.

Для Гейбла Кэрол оказалась той самой женщиной, которую он тщетно искал все предыдущие сорок лет своей жизни. Между ними возникло полное взаимопонимание и согласие.

Осенью 1937 года Кларк стал главной сенсацией газетных новостей. По опросу зрителей ему был присужден титул Короля кино. Кэрол и ее друзья часто посмеивались над его «королевским саном», и Гейбл иногда смущался.

После завершения съемок фильма «Созданные друг для друга» Кэрол начала поиски дома, в котором они с Гейблом могли бы поселиться после свадьбы. Ее внимание привлекло выставленное на продажу ранчо Рауля Уолша в Энкино, в долине Сан-Фернандо. Сделку оформили очень быстро.

«Всю жизнь мечтал пожить в таком раю, — говорил Кларк. — Наконец-то у меня будет свой дом! — Он обнял Кэрол. — Ма, я думаю, мы будем очень счастливы здесь». Кларк часто называл возлюбленную Ма, а она звала его Па.

В середине августа 1938 года продюсер Дэвид Селзник объявил, что Гейбл утвержден на роль Ретта Батлера в «Унесенных ветром». Многие удивлялись, как Кларку Гейблу и Вивьен Ли удалось не влюбиться друг в друга. Ведь они целых пять месяцев изображали страсть Ретта и Скарлетт! Ответ, видимо, прост: Кларк любил Кэрол, а Вивьен — Лоренса Оливье.

14 декабря 1938 года Гейбл сделал заявление прессе, что намерен получить развод, и подарил Кэрол на Рождество свою собственную статую в натуральную величину и роскошный ярко-желтый «кадиллак»-кабриолет. Таких дорогих подарков Гейбл не делал больше никогда и никому.

К тому времени Кларк глубоко увяз в съемках «Унесенных ветром». Жесткое расписание съемок не позволяло ему отлучиться, чтобы потихоньку сыграть свадьбу вдали от чужих глаз и без шума в прессе.

Они остановили свой выбор на Кингмене, штат Аризона, в 350 милях от Голливуда. Дни 29 и 30 марта у Кларка оказались свободными. Но предстояло еще избавиться от репортеров.

Гейбл жил в Северном Голливуде. 29 марта в половине пятого утра он подъехал к дому Ломбард. Оба для маскировки были одеты в поношенную одежду. Наряды поменяли перед бракосочетанием. Церемония прошла тихо и достойно в присутствии двух свидетелей.

На следующее утро счастливые Гейбл и Ломбард в свадебных нарядах позировали перед фотокорреспондентами и отвечали на вопросы.

Съемки «Унесенных ветром» закончились в июне, и Гейбл и Ломбард переехали на ранчо. Первое лето оказалось хотя и хлопотливым, но радостным. У Кларка выдалась передышка, и они с Кэрол могли как следует обустроиться и насладиться семейной жизнью.

Заботы по дому Ломбард взяла на себя. «Я хочу, чтобы это был настоящий домашний очаг, — говорила она, — а не просто приют». Она решила создать атмосферу, в которой Кларк смог бы обрести столь желанный покой.

Ее карьера отступила на второй план. Кэрол сказала Мирону Селзнику, что не подпишет ни одного контракта на то время, когда Гейбл не снимается. Когда он был свободен, она тоже хотела быть свободной. «Кларк у меня на первом месте», — говорила она.

Все вращалось вокруг Гейбла, учитывалось все, что он любит и что не любит. Их дом был наполнен весельем, смехом, острыми шутками и розыгрышами.

Кларк редко болел, и, хотя он никогда не жаловался, у него побаливало плечо после травмы, полученной в 1936 году на съемках «Сан-Франциско». Кэрол уговорила мужа отправиться в Балтимор, чтобы пройти курс лечения в клинике Джонса Хопкинса. Врачи рекомендовали актеру массаж и гимнастику.

По окончании курса лечения Кларк и Кэрол решили немного развлечься. Они отправились в Вашингтон, где посетили Капитолий, Белый дом, мемориал Линкольна.

Слухи об их присутствии в городе дошли до Белого дома. Президент Рузвельт как раз готовился к очередной «беседе у камина». Он пригласил Гейбла и Ломбард присутствовать вместе с другими гостями во время его выступления по радио.

Вторая годовщина свадьбы четы Гейблов пришлась на период съемок фильма «Они встретились в Бомбее». В честь этого события Кэрол устроила вечеринку для всей съемочной группы. На ней все было представлено попарно — подарки, блюда, напитки, чтобы подчеркнуть, что со дня их свадьбы прошло два года.

В воскресный день 7 декабря 1941 года они мирно отдыхали на ранчо, когда по радио прозвучало сообщение о нападении японцев на Перл-Харбор.

В понедельник утром супруги отправили письмо президенту Рузвельту, в котором предлагали свою помощь. Через несколько дней был получен ответ. Президент выражал им благодарность и писал, что искусство очень важно для поддержания морального духа нации. «Вы принесете больше пользы на своем месте», — заключал он. Актеры были разочарованы ответом.

Вскоре в Голливуде был создан Комитет Победы, в который вошли все организации киноиндустрии. Кларка назначили председателем Отдела киноактеров.

Кэрол Ломбард как уроженка Индианы выехала в столицу штата проводить подписку на военный заем. Ей очень хотелось, чтобы Кларк присоединился к ней, но у него были другие дела.

16 января в четыре часа утра актриса должна была вернуться на самолете в Лос-Анджелес.

Вечером на ранчо приехал Кларк. Он очень радовался скорому возвращению жены и хотел пригласить на ужин гостей. Потом Гейбл узнал, что самолет с Кэрол сделал вынужденную посадку около Лас-Вегаса. Он с друзьями вылетел туда.

По прибытии в Лас-Вегас Кларк и его спутники узнали, что самолет, на котором была Ломбард, потерпел катастрофу. Через несколько часов спасатели достигли места падения. Самолет врезался в гору Тейбл-Рок на двести футов ниже вершины и рухнул в глубокое ущелье. Пламя растопило

снег и выжгло деревья вокруг. В живых не осталось никого. Гейблу передали серьгу Кэрол…

Президент Рузвельт прислал Гейблу телеграмму соболезнования.

Панихида состоялась в кладбищенской церкви Форест Лоун Мемориал Парка 22 января 1942 года. На церемонии присутствовали только родственники и несколько близких друзей. Как и хотела Кэрол, не было ни речей, ни пения гимнов, звучала только органная музыка.

Гейбл скрывал горе от чужих глаз. Он отдалился даже от близких друзей. «Садился в машину, — вспоминает Говард Стриклинг, — и мчался, не разбирая дороги, все равно куда, лишь бы ехать».

Со временем он заставил себя ходить пешком по ранчо. Было невыносимо больно ступать по тропинкам, столько раз исхоженным вместе с Кэрол. Он забредал в конюшню, поглаживал лошадей. Всюду его сопровождал верный пес Кэрол — такса по кличке Депутат, которая при жизни хозяйки никогда к нему не подходила.

Кларк сумел выстоять только благодаря своей доброте и заботе о других. И ни разу не возникло у него желания забыться или найти утешение в алкоголе. 23 февраля 1942 года Гейбл вернулся в кино. А потом он ушел добровольцем на фронт и стал летчиком. Пройдя путь от лейтенанта до майора, Гейбл получил многочисленные награды за полеты над Берлином.

15 января 1944 года Кларка пригласили выступить с речью при спуске на воду корабля, построенного Калифорнийской судостроительной корпорацией, руководство которой решило присвоить ему имя «Кэрол Ломбард».

Более пятнадцати тысяч кораблестроителей и гостей собрались на церемонии, которую открывал глава «МГМ» Луис Майер. Этим событием открывалась кампания по продаже облигаций военного займа, и Майер в своем выступлении напомнил о том рекорде, который установила Кэрол, продав за один день облигаций на два миллиона долларов.

Когда пришла очередь выступать Гейблу, он сжал руки в кулаки, чтобы не дать волю чувствам. Но когда Айрин Данн объявила о том, что кораблю присваивается имя «Кэрол Ломбард», Кларк не смог сдержать слез.

12 июня 1944 года Гейбл был с почестями уволен в запас. Приказ о его увольнении подписал капитан Рональд Рейган, служивший в управлении кадров военно-воздушных сил.

Кларк вернулся в Голливуд. Он постоянно искал женщин, похожих на Кэрол. Четвертой его женой стала Сильвия Эшли — вдова Дугласа Фэрбенкса. Их брак просуществовал шестнадцать месяцев. Наконец в его жизнь входит Кетлин Уильямс, с которой он часто встречался после возвращения с военной службы. Начинавшая карьеру манекенщицей, Кетлин была на пятнадцать лет моложе Кларка. Она жила в Беверли-Хиллз с двумя детьми. В 1955 году Кларк и Кетлин поженились. Для него это был пятый брак, для нее четвертый.

В 1960 году Гейбл с Мэрилин Монро снимался в фильме «Неприкаянные». Работать приходилось в тяжелых условиях пустыни. Через две недели после окончания съемок Гейбл скончался от инфаркта. В своем последнем разговоре с Монро он сказал: «Всем нам придется рано или поздно уйти. Смерть — такая же естественная штука, как и жизнь. Я

заметил, что тот, кто боится умирать, точно так же боится и жить. Поэтому об этом просто надо забыть. Так мне кажется»…

Юлиус Розенберг и Этель Гринглэсс

Супруги Розенберги — это единственные люди, отказавшиеся сотрудничать с федеральным правительством по делу о шпионаже. Поэтому их казнили на электрическом стуле.

Немного найдется в истории шпионажа дел, о которых написано столько же, сколько о деле супругов Роэенбергов.

Этель Гринглэсс родилась в иммигрантской семье: отец был выходец из России, мать — из Галиции. Она выросла в нижнем Ист-Сайде в Нью-Йорке — районе острова Манхэттен, где родным языком взрослых был идиш. Семья не бедствовала: отец держал мастерскую по починке швейных машин. Дэвид Гринглэсс, брат Этель, также научился этому ремеслу.

Мать Этель в молодости была суфражистка и однажды даже приковала себя цепью к воротам. Многие жители района разделяли идеи коммунизма.

Окончив школу, Этель хотела поступать в колледж, но тут грянула Великая депрессия — пришлось искать работу. Она выучилась на секретаря-машинистку и устроилась в крупную компанию. В 1935 году приняла участие в объявленной профсоюзом забастовке — забастовочный комитет собирался у нее дома. Этель уволили, однако она подала апелляцию в только что учрежденную Национальную комиссию по трудовым спорам, и администрации приказали восстановить ее на работе.

На Рождество 1936 года Этель, обладавшая красивым оперным голосом, исполнила итальянскую песню на благотворительном вечере Международного союза моряков. После номера к ней подошел худощавый юноша и без долгих предисловий представился: Юлиус Розенберг. Ей было двадцать один год, ему — восемнадцать.

В послужном списке Юлиуса значилась организация ячейки Лиги молодых коммунистов в городском колледже, где он учился. Окончив в 1939 году колледж по специальности «инженер-электрик», Розенберг женился на Этель.

Летом 1943 года Дэвид Гринглэсс проходил военную подготовку в Мэриленде, то и дело приезжая на побывку в Нью-Йорк. В один из таких приездов Гринглэссы и Розенберги отправились вместе в кино. В очереди к кассе Юлиус рассказал Дэвиду, что он побывал в советском посольстве и предложил его сотрудникам свои услуги в качестве шпиона. В посольстве, по его словам, к нему поначалу отнеслись как к провокатору. Тогда Юлиус рассказал, что он организовал ячейку Лиги молодых коммунистов, что все ее члены теперь инженеры и работают на оборонных предприятиях, а кроме того, его зять служит на военной базе, где хранятся и испытываются новые виды оружия.

Сотрудник нью-йоркской резидентуры и куратор Розенберга Александр Феклисов, ныне Герой России, полковник Службы внешней разведки, рассказывает совсем другую историю. По его словам, Юлиус попал в поле зрения советской разведки весной 1942 года. Осенью на многотысячном митинге в Центральном парке по случаю Дня труда он был представлен предшественнику Феклисова Семену Семенову. Познакомил их Бернард Шустер, казначей нью-йоркского отделения компартии, через

которого поддерживалась связь между головкой партии и резидентурой. Юлиус Розенберг был инженером на заводе, выпускавшем радиоэлектронику для военных целей.

В оперативных сводках сохранилась переписка. Центр: сообщите данные на Этель. Резидентура ответила: домашняя хозяйка, больна, нигде не работает. К работе ее не привлекали, но, безусловно, она была в курсе дел мужа и поддерживала его.

Вербовка Рут Гринглэсс, жены Дэвида, прошла удивительно гладко. За обедом в доме Розенбергов Юлиус для начала спросил ее, как она относится к Советскому Союзу и сколь глубоки ее коммунистические убеждения. Рут без промедления ответила, что, по ее мнению, социализм — единственная надежда человечества, а Советским Союзом она бесконечно восхищается. Не желает ли она в таком случае помочь Советскому Союзу? Рут сказала, что почтет за честь, а на реплику Этель, что неплохо было бы спросить об этом и Дэвида, заявила, что Дэвид, вне всякого сомнения, согласится с ее решением.

Розенберги жили очень скромно. Несмотря на это Юлиус первые годы отказывался от вознаграждения за помощь советской разведке. Потом ему стали давать небольшие суммы — встретиться с друзьями и изучить возможный источник, угостить кого-то. Выходило долларов по 25–30. У Юлиуса и Этель была искренность и огромное желание помогать советскому народу в борьбе с Гитлером.

24 декабря 1944 года Александр Феклисов получил от Юлиуса «подарок для Красной армии». Коробка весила килограммов семь. В ней был полностью собранный радиовзрыватель и запасной комплект ламп к нему. Этот прибор советские специалисты оценили очень высоко. Они усовершенствовали американский образец радиовзрывателя. Эта его модификация применялась в ракете, которой был сбит 1 мая 1960 года над Уралом самолет-шпион «У-2», пилотируемый Пауэрсом.

Юлиус Розенберг очень рисковал.

А вот к атомным делам Юлиус отношения не имел. Дэвид Гринглэсс передал секретные чертежи из Лос-Аламоса, где американцы делали свою атомную бомбу. Но это был случайный эпизод. Гринглэсс передал два рисунка без указания размеров частей линзы, которые он как механик вытачивал на станке. Видные американские ученые-атомщики оценили эти чертежики как «никчемные».

Как же все-таки американцы вышли на Розенбергов? Все началось с предательства агента советской резидентуры Гарри Голда, которого ФБР перевербовало в 1948 году. Он вывел на физика Фукса из атомной лаборатории и Гринглэсса. Фукс о Розенбергах, естественно, ничего не знал, а Гринглэсс с женой под давлением ФБР показали на своего родственника Юлиуса Розенберга. За это Гринглэссу было обещано если не помилование, то малый срок, а его жена Рут, которая собственно и вовлекла мужа во все это дело, вообще избежала наказания.

В отношении четверых, которые могут стать жертвами признаний Голда, были приняты меры к их эвакуации. План побега был готов уже на следующие сутки. Гринглэссов и Розенбергов предполагалось переправить в Мексику, а оттуда морем в Швецию. На операцию выделялось десять тысяч долларов.

В июне 1950 года Розенберг обзавелся «запасными» документами на себя, жену и детей. Но было уже поздно, 17 июля ФБР арестовало его по обвинению в шпионаже.

Юлиус Роэенберг был арестован на основании показаний Дэвида Гринглэсса, которые он дал в этот день. Против Этель Роэенберг, по заключению экспертов министерства юстиции, достаточных свидетельств все еще не было.

Этель взяли под стражу 11 августа в зале суда, после того как она отказалась отвечать на вопросы большого жюри на основании пятой поправки. (Пятая поправка освобождает обвиняемого от обязанности свидетельствовать против самого себя.)

Детей Розенбергов — Майкла и Роберта — отправили на попечение их бабушки, матери Этель Розенберг.

Они отрицали абсолютно все обвинения, а на вопросы о своем членстве в коммунистической партии отвечали ссылкой, на пятую поправку к Конституции США. Некоторые эксперты полагают, что эта тактика защиты была ошибочной: если обвиняемые не считают предосудительным членство в компартии, то почему подтверждение этого факта они квалифицируют как свидетельство против самих себя?

В том, что Юлиус Розенберг руководил шпионской группой, сомнений не было. По словам Феклисова, Розенберг и члены его группы передали советской разведке тысячи страниц секретной технической документации стоимостью в миллионы долларов.

Иное дело Этель. После безуспешных попыток склонить ее к сотрудничеству (впоследствии Уильям Роджерс, в то время заместитель министра юстиции США, позднее — госсекретарь в администрации Никсона, подтвердил, что именно таков был замысел обвинения) ей был инкриминирован один-единственный эпизод, о котором рассказала следствию Рут Гринглэсс. Дэвид полностью подтвердил ее показания.

Дело было в квартире Розенбергов. Когда Дэвид вручил Юлиусу схему бомбы и ее описание, Юлиус тотчас удалился в другую комнату. Прочитав описание, он сказал, что материал очень хорош и его нужно немедленно перепечатать. Из дальнейших реплик выяснилось, что по причине неразборчивого почерка Дэвида Розенберги перепечатывают все его донесения и делает это, будучи профессиональной машинисткой,Этель.

Дело Розенбергов многие в США считают процессом века. В качестве свидетелей обвинения намеревались пригласить более сотни специалистов во главе с Робертом Оппенгеймером — хотели привлечь светил, которые создавали первые атомные бомбы. Но ни единого видного атомщика на суде не оказалось. Или ученые отказались, или судьи не были уверены, что ученые дадут нужные показания. Суд шел с нарушением многих статей закона. Ведь к смертной казни приговариваются только шпионы, работающие в военное время в пользу врага.

29 марта 1951 года жюри присяжных признало супругов виновными в заговоре в целях шпионажа. 5 апреля судья Кофмэн объявил приговор. Розенберги были приговорены к смертной казни. Обвинение не просило смертного приговора. Оглашая свое решение, судья сказал, что преступление Розенбергов «хуже, чем убийство». Он обратил внимание

членов конгресса на то, что максимальное наказание за шпионаж в мирное время — двадцать лет тюрьмы, и призвал их ужесточить закон.

На следующий день «Нью-Йорк таймс», ссылаясь на охранников тюрьмы, сообщала, что Розенберги, которых наконец-то поместили в одну камеру, пели. Юлиус исполнял «Боевой гимн Республики»; Этель, учившаяся вокалу, — арию Чио-Чио-сан из второго акта «Мадам Баттерфляй», самую знаменитую, самую пронзительную: «Ясный день, желанный».

3 июня 1953 года Розенбергам удалось переправить из тюрьмы Синг-Синг, где они содержались в строгой изоляции, заявление для печати, в котором, в частности, говорилось: «Вчера генеральный прокурор Соединенных Штатов предложил нам сделку — согласиться на сотрудничество с правительством и тем самым купить себе жизнь. Предлагая нам признать себя виновными, правительство тем самым заявляет, что испытывает сомнения в нашей виновности. Мы не будем способствовать оправданию грязного дела, сфабрикованного процесса и варварского приговора. Торжественно заявляем, что не поддадимся шантажу смертного приговора, не станем лжесвидетелями и не откажемся от наших прав свободных североамериканцев, как того требует тираническое правительство».

Приговор вызвал у многих шок. За смягчение приговора выступали гениальный Альберт Эйнштейн, знаменитые ученые-атомщики Джордж Кистяковски, Харольд Ури, папа римский, десять кардиналов католической церкви и 24 тысячи священнослужителей США. Даже директор ФБР Эдгар Гувер написал меморандум президенту Эйзенхауэру: рекомендовал не приговаривать Этель Розенберг к смертной казни. У ФБР против нее ничего не было.

В последнюю минуту адвокатам Розенбергов удалось добиться от члена Верховного суда Дугласа решения об отсрочке приведения приговора в исполнение. 19 июня 1953 года шестью голосами против трех Верховный суд постановил, что для пересмотра дела нет оснований, и отменил отсрочку исполнения приговора. В тот же день судья Кофмэн отклонил последнее ходатайство. Через 21 минуту Юлиус Розенберг был мертв, спустя 10 минут казнили и его жену. Супруги были казнены в тюрьме Синг-Синг.

У. Рюбен, автор исследования о процессах против «атомных шпионов», пришел к выводу, что все обвинения против Розенбергов были ложью. Он считает, что, если бы Розенберги встали на путь сотрудничества с ЦРУ и ФБР, было бы невозможно раскрыть потом, что их дело было сфабриковано и что они пошли на тайное сотрудничество в надежде этим купить себе жизнь, пожертвовав собой. Отказ Розенбергов спас много невинных людей. Они вели себя геройски. Это озлобило правительство и стоило Розенбергам жизни.

Дэвид Гринглэсс был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Он освободился уже в 1960 году.

Дэвид признавал, что лжесвидетельствовал против своей сестры Этель. Он не помнит случая с перепечаткой своего рукописного донесения. Не помнил и в 1951 году — забыл начисто. Он всего лишь повторил показания жены.

Гринглэсс говорит, что не ожидал смертного приговора для Юлиуса и Этель. Он думает, что Розенберги вполне могли спастись, если бы дали признательные показания. Во всяком случае, спастись могла Этель — если бы свидетельствовала против мужа.

Это мнение разделяют адвокаты, видевшие или изучавшие процесс. По их оценке, Этель должна была предстать перед судом не убежденной коммунисткой, а домохозяйкой, заботливой женой и матерью-наседкой, и тем разжалобить членов жюри.

Но она этого не сделала…

Перед казнью Юлиус писал жене: «Нелегко продолжать борьбу, когда на весах — жизнь любимой жены и твоя собственная. Но… мы сознаем свой долг перед соотечественниками и никогда их не подведем».

Мао Цзэдун и Цзян Цин

Всего три месяца не дожил Мао Цзэдун до своего 83-летия. Умер в ночь на 9 сентября 1976 года. Прощались с «великим кормчим» в большом зале Дома народных собраний. Море венков и цветов. Но, пожалуй, самое почетное место у постамента с саркофагом Мао занимал венок, сплетенный из бумажных белых цветов. Цветы для венка сотворила Цзян Цин — последняя официальная жена Мао.

Она родилась в 1914 (по другим данным, в 1912) году в провинции Шаньдун в семье мелкого предпринимателя Ли Дэвэня. В 1928-м поступила в Цзинани на театральные курсы. К моменту знакомства с Мао успела трижды побывать замужем — за сыном торговца по фамилии Хуан, коммунистом Юй Цивэем и театральным критиком Тан На.

В ноябре 1937 года Мао Цзэдун, читавший в академии лекции, обратил свой благосклонный взор на привлекательную молодую женщину. Утверждают, что именно Мао назвал свою новую подругу именем Цзян Цин («Речная лазурь»).

Мао Цзэдун родился в 1883 году. Отец тщетно пытался приобщить мальчика к ремеслам и торговле, от которых тот неизменно бежал к книгам. В ранней юности родители хотели женить Мао на двадцатилетней девице по фамилии Ло. Делалось это с целью заполучить в дом дополнительные женские руки. Однако Мао воспротивился, и до логического конца обряд не был доведен.

Его первой официальной женой была Ян Кайхуэй — дочь профессора Ян Чанцзи. Поженились они в 1920 году, а через десять лет Ян Кайхуэй была казнена гоминьдановцами в городе Чанша. Она родила троих сыновей.

Потом Мао Цзэдун жил в Цзинганшане — с Хэ Цзычжэнь. Эту девушку из крестьянской семьи принято считать третьей женой Председателя. От нее от Мао родилось пять дочерей. С Цзычжэнь он расстался в 1937 году, отправив ее на лечение в Москву.

А вскоре в освобожденном районе на северо-западе Китая Яньань появилась Цзян Цин, молодая представительница шанхайской богемы «левой ориентации».

Как она попала в личное окружение Мао? Как удалось ей пройти заслон из соратников, охраны, жены, наконец?

Еще в Шанхае, по словам Цзян Цин, до нее доходили слухи о странствующем вожде «красных» Мао Цзэдуне. Она могла только мечтать о встрече с ним. Мао сам заметил Цзян Цин и пригласил на свою лекцию в Институт марксизма-ленинизма. Удивленная и преисполненная благоговейного трепета, Цзян Цин сначала отказалась, но позже приняла приглашение. Так началась их связь, которая долгое время тщательно скрывалась от окружающих. Тем более что в Яньане находилась до конца 1937 года прежняя жена Мао, «несгибаемый революционный боец» Хэ Цзычжэнь, делившая с ним тяготы Великого похода. Приходилось маскироваться. Цзян Цин получила скромную должность сотрудника военного архива и только через несколько месяцев перебралась в «пещерную квартиру» Мао.

Их свадьба тоже связана со скандальной историей. Известно, что в Политбюро ЦК КПК раздавались голоса против развода Мао Цзэдуна с Хэ Цзычжэнь, которая в то время находилась на лечении в Советском Союзе, и особенно против брака с женщиной, имевшей сомнительную репутацию. Этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро, однако Мао Цзэдун заявил, что личную жизнь будет устраивать по своему усмотрению.

Новая жена Мао погрузилась в хозяйственные заботы, трогательно ухаживала за Мао, пропадала на кухне, стараясь готовить острые, пряные блюда его любимой хунаньской кухни. В 1940 году она родила дочь Ли На.

Цзян Цин любила фотографироваться, играла в карты, танцевала. Путешествуя по Китаю, она останавливалась в «сингунах» («путевых дворцах»). Там первая дама Поднебесной непременно начинала всяческие реконструкции и перестройки. И при этом требовала в основном следовать плану хорошо запомнившейся ей сталинской дачи с поправкой на собственные причуды: боялась шума, сквозняка, света. Мастера добавляли вторые и третьи рамы в окнах, мебель делалась из легкого дерева, ножки подбивались резиной, войлоком.

Лишь один раз в 1950-е годы попыталась Цзян Цин ворваться в большую внутрикитайскую политику, выбрав роль полномочного представителя Мао «по культуре».

Супружеские отношения между Мао и Цзян Цин фактически прекратились в начале 1950-х, то ли из-за проявившегося с годами склочного характера Цзян Цин, то ли после нескольких операций, сделанных ей в Советском Союзе по поводу женских болезней. Официально они оставались мужем и женой до последней черты. Подруг у Мао, по слухам, было немало, среди них признанные красавицы, поэтессы, актрисы…

В первые годы «культурной революции» Мао был полон доверия к Цзян Цин. Подобно небесному светилу, он высоко стоял над миллионами людей. Однако официальное положение «солнца нации» не давало гарантий от комплексов, одолевающих временами если не всех, то многих мужчин. И «кормчий» пытался найти в близкой ему женщине опору, обрести с ее помощью внутреннее равновесие.

Мао жил в некоем фантастическом мире, где действительность перемежалась с иллюзиями. Среди реальных людей ему виделись образы китайского фольклора — черти, оборотни, духи. Цзян Цин научилась направлять его.

Власть во второй половине 1960-х — начале 1970-х ассоциируется у многих китайцев не с лучезарным Мао, а с Цзян Цин в зеленой армейской кепке с красной звездой среди толпы преданных ей хунвэйбинов. В годы «культурной революции» она — связующее звено между Председателем и «студенческими массами».

На съезде компартии в 1969 году Цзян Цин под гром аплодисментов была избрана в Политбюро. Летом следующего года на пленуме она вступила в схватку с могущественной «военной» группировкой Линь Бяо. И победила. Во многом благодаря вмешательству супруга, опубликовавшего в ее поддержку письмо под заголовком «Мои кое-какие соображения».

Но Мао Цзэдун стал терять доверие к жене. То ли сам он в запоздалом прозрении увидел неспособность Цзян Цин и ее окружения к серьезным делам, то ли его убедили в этом ветераны партийного руководства, но лик «солнца нации», обращенный к жене, становился все более хмурым и неприветливым.

В последние годы своей жизни он предпочитал изъясняться с женой в письменной форме. В ответ на очередную просьбу о личной встрече от него поступала такая, например, записка: «Цзян Цин, нам все-таки лучше не видеться. Ты не исполняешь многое из того, о чем было между нами говорено за многие годы. Так зачем же видеться? Есть ведь труды марксизма-ленинизма, есть мои книги, но ты их не изучаешь. Я обременен тяжким недугом, ведь мне уже 81 год — как не понять? У тебя большая власть, я помру — что будешь делать? К тому же ты не обсуждаешь крупные дела, а изо дня в день шлешь людей по пустякам. Пожалуйста, обдумай это».

Теперь Цзян Цин должна была добиваться свиданий с Председателем через канцелярию ЦК КПК, откуда прошения передавались на личное утверждение «кормчему». Нередко ее визиты удручали старца, например когда она попросила 30 тысяч юаней. После ухода жены по щекам Мао покатились слезы: «Она увидела, как я немощен, и готовит себе отступление, намереваясь унаследовать мои гонорары…»

Цзян Цин, судя по всему, и вправду не испытывала к Мао Цзэдуну особого сочувствия, она даже не проявляла интереса к его болезни.

Летом 1974-го, когда здоровье Мао Цзэдуна улучшилось, он собрал заседание Политбюро. Между ним и Цзян Цин началась очередная перепалка из-за Дэн Сяопина. «Как говорил старина Конфуций, — процитировал Мао древнего философа, — речи должны вызывать доверие, а дела — приносить плоды». После чего вдруг произнес: «Послушайте, она отнюдь не представляет меня, она представляет сама себя. В ней две части: одна — хорошая, а другая — не слишком».

На этом заседании Мао впервые, указав пальцем в сторону Цзян Цин, воскликнул: «Да ведь она, можно сказать, из шанхайской банды! Прошу обратить внимание, не надо создавать секту четырех!»

Мао все более и более отдалялся от супруги. По воспоминаниям окружающих, он даже вздыхал: «Простолюдины, когда хотят развестись, идут в суд, а куда мне направить заявление?»

Тем не менее Цзян Цин продолжала повсюду называть себя доверенным лицом Председателя, утверждая, что он здоров и отлично себя

чувствует.

«После меня ты упадешь на дно самого глубокого ущелья. Твое тело разобьется вдребезги», — незадолго до своей смерти писал Мао Цзэдун жене. И оказался провидцем.

«Великий кормчий» умер 9 сентября 1976 года, а менее чем через месяц в Пекине арестовывают ближайших его соратников, так называемую «банду четырех», в которую входила и Цзян Цин. Официальное разъяснение было кратким: «четверка» планировала контрреволюционный переворот, но ее опередили.

Лишь в ноябре 1980 года начался судебный процесс. Цзян Цин, появляясь в зале заседаний специального трибунала, выкрикивала: «Революция — не преступление, бунт — дело правое!», издевательски вопрошала судей, где они прятались, пока она в течение десятков лет находилась рядом с Председателем. Она отрицала все обвинения, так и не признав себя виновной. «Я была собакой Председателя Мао, — заявила она. — Если он приказывал искусать кого-то, я делала это».

В январе 1981 года трибунал приговорил Цзян Цин к смертной казни с двухлетней отсрочкой приговора и пожизненным поражением в политических правах.

Спустя два года казнь была заменена пожизненным заключением. В тюрьме Цзян Цин имела право раз в две недели видеться со своей дочерью Ли На.

Однажды она на какое-то время ослепла. Потом у нее обнаружили рак горла. От облучения во время лечения выпали волосы. В мае 1984 года Цзян Цин по состоянию здоровья перевели из тюрьмы под домашний арест в Пекин.

Рано утром 14 мая 1991 года жену Мао обнаружили повесившейся в одной из комнат ее пекинской резиденции. Утверждают, что она повесилась на спинке кровати, сделав петлю из пояска халата.

…Когда Мао ухаживал за молодой актрисой на «красной» революционной базе в Яньани, он посвятил ей несколько трогательных стихов. В этих одах говорилось о желании быть похороненным вместе с любимой.

Китайские партийные деятели нарушили волю вождя, посчитав, что не стоит осквернять мавзолей памяти Мао прахом какой-то заурядной в прошлом актрисы, пусть даже и ставшей впоследствии его «законной и любимой женой и верным сторонником в революционной борьбе». Тело Цзян Цин кремировали и пепел втайне от общественности передали ее дочери от брака с Мао — Ли На.

Лоренс Оливье и Вивьен Ли

Никто не может сказать с уверенностью, как познакомились Вивьен Ли и Лоренс Оливье. По одной из версий, Вивьен обедала в знаменитом «Савое» вместе с Джоном Бакмастером, сыном Глэдис Купер. Он указал ей на сидевших за соседним столиком Оливье и его жену, актрису Джилл Эсмонд: «До чего же забавно выглядит Ларри без усов». Непонятно почему, но эта реплика рассердила актрису. «Я возмутилась и произнесла весьма напыщенно, что ничуть не нахожу его смешным. Когда мы уходили, Ларри подошел к нам и пригласил меня провести с ними вместе уик-энд. Я ответила, что он, конечно, имеет в виду и моего мужа, и мы приняли

приглашение; я помню, что мы играли в футбол, а потом Ларри, поднимавший оглушительный шум, вдруг уснул как убитый, свалившись под пианино».

Но еще до этой встречи Вивьен незадолго до Рождества 1934 года побывала на спектакле Королевского театра, где Оливье блистал в роли эксцентричного Тони Кэвендиша. Повернувшись к приятельнице, она заявила: «Вот за этого человека я выйду замуж». Та возразила: «Не сходи с ума. Вы оба женаты». Ответ Вивьен («Не важно. Все равно я выйду за него в свое время. Ты увидишь») со всей ясностью свидетельствует, что все эти годы она жила страстным предощущением нового, другого будущего и встречи с человеком, который повернет ее судьбу.

Вивьен родилась в Индии, в Париже закончила комедийную школу, свое обучение завершила в Королевской драматической академии в Лондоне. Ее муж, юрист Герберт Ли Холман, владел фирмой в Темпле и был далек от театра. В 1932 году в семье родилась дочь Сюзанна.

По прошествии нескольких недель Оливье отпраздновал рождение сына Саймона Тарквина. По воле судьбы прибавление в семействе совпало с первым случаем, когда он с Вивьен играли вместе. Три с небольшим месяца съемок «Огня над Англией» изменили жизнь обоих актеров.

При встрече она ограничилась вежливой фразой — как приятно, что они работают вместе. Ответ Оливье широко известен: «Скорее всего, мы кончим тем, что подеремся. Все так надоедают друг другу во время съемок».

Лоренс и Вивьен сразу ощутили редкостную духовную близость. Дороти Мазер, куратор актеров, вспоминает: «В Денхеме было принято, чтобы все сидели вместе за длинными обеденными столами, а не парами — во избежание сплетен. Вивьен и Ларри сидели вдвоем, совершенно поглощенные друг другом, и никто не мог даже подумать устроиться рядом с ними. Их окружало огромное пустое пространство. Они были так влюблены, что вокруг возникала особая атмосфера…»

Фильм «Пламя над Англией» имел огромный успех. Критик Лайонел Колльер восторженно писал: «…Вивьен Ли и Лоренс Оливье исключительно хороши в ролях молодых возлюбленных. Любовные сцены в их исполнении особенно привлекают своей искренностью и естественностью».

Добившись признания в качестве актера кино, Оливье перешел в театр «Олд Вик», где начал с Гамлета, поставленного в его полном, более чем четырехчасовом объеме.

В конце сезона театр отправился в Данию на гамлетовский фестиваль в Эльсинор. На роль Офелии неожиданно была приглашена 23-летняя Вивьен Ли. Ее появление в труппе театра «Олд Вик» до сих пор покрыто тайной. Лоренс отрицал свою причастность к этому событию. Так или иначе, и Оливье, и мисс Ли были очень довольны.

Поездка в Эльсинор совпала с тридцатилетием Оливье. Кроме того, именно в Дании — через год после первой встречи — Лоренс и Вивьен решили жить вместе. Решение это давалось мучительно: оба относились к своим супругам с уважением.

Вернувшись из Дании, Вивьен и Лоренс объяснились со своими супругами. Через несколько дней Оливье приобрел новый дом

(«Дарэм-коттедж») и переехал туда вместе с мисс Ли. К счастью, газеты не подхватили сенсацию, чему способствовала сдержанность Ли Холмана. Он надеялся на благоприятный для него поворот и расценивал решение жены как непродуманный поступок увлекающейся молодой женщины. Джилл Эсмонд также отказалась дать супругу развод.

…Однажды, во время перерыва в съемках фильма «Первый и последний», зашел разговор о задуманной экранизации «Унесенных ветром». На роль Ретта Батлера прочили Оливье, а он отшучивался. Вивьен Ли неожиданно заявила: «Ларри не будет играть Ретта Батлера, зато я сыграю Скарлетт О'Хара. Вот увидите». На роль героини в «Унесенных ветром» пробовались 1400 актрис. Друзья уверяли ее, что англичанке никогда не доверят Скарлетт — южане этого не потерпят. Однако скептики умолкли, когда Вивьен подписала контракт.

В конце сентября 1939 года в одном из кинотеатров Санта-Барбары состоялся премьерный показ фильма «Унесенные ветром». Лоренс Оливье был искренне поражен игрой Вивьен Ли: «Я не ожидал, что она способна на это». Роль Скарлетт принесла актрисе мировую славу.

29 января 1940 года Джилл Эсмонд получила развод (смирившись с судьбой, она сама обратилась в суд), а 19 февраля была рассмотрена аналогичная просьба Ли Холмана. Суд передал детей на попечение обоих истцов, однако решение о разводе Ли Холмана вступало в силу только через полгода.

Вивьен и Лоренс выехали в Сан-Франциско для участия в премьере спектакля «Ромео и Джульетта». Оливье вложил в эту постановку все сбережения. Катастрофический провал спектакля остается одним из самых загадочных и необъяснимых в истории театра.

Летом 1940 года сын Оливье заболел менингитом. Ему стало лучше, но врачи советовали вывезти мальчика из Англии на случай голода и бомбардировок. Как ни старались Лоренс и Вивьен, но денег они не достали. Предложение продюсера Александра Корды сняться вместе в фильме об адмирале Нельсоне и Эмме Гамильтон оказалось как нельзя кстати. Гонорар позволил вывезти в Америку не только Тарквина, но и дочь Вивьен Сюзанну.

28 августа 1940 года суд утвердил развод Ли Холмана. Еще через три дня в небольшом провинциальном городке местный судья объявил Лоренса Оливье и Вивьен Ли мужем и женой.

Но уже через три дня Лоренс и Вивьен вернулись в Лос-Анджелес. Недели работы над «Леди Гамильтон» были самыми счастливыми в их кинематографической судьбе. Актеры обложились книгами о Нельсоне и Эмме. Оливье особенно был увлечен своим будущим героем. Фильм «Леди Гамильтон» идеально соответствовал духу времени.

Вивьен Ли хотелось добиться успеха не только в кино, но и театре. Она выехала в Беркли, куда на время войны переехал театр «Олд Вик».

Вскоре Оливье получил приказ пройти курс переквалификации на английских самолетах в местечке Ли-на-Соленте. Вивьен Ли оставила сцену и последовала за мужем. По утрам она провожала Оливье на аэродром, умоляя его быть осторожным. Лоренс мечтал стать асом пилотажа. Ничего не вышло. После обязательного экзамена его перевели в Уорзи-Даун, рядом с Винчестером.

Летом 1944 года начались съемки «Цезаря и Клеопатры» по Б. Шоу. Вивьен Ли играла Клеопатру. Через шесть недель после начала работы актрису, которая готовилась стать матерью, срочно доставили в клинику, но врачам спасти ребенка не удалось. Это несчастье оставило настолько глубокий след, что Вивьен отказывалась смотреть фильм в течение шести лет.

В феврале 1945 года она серьезно заболела: холода не прошли бесследно для ее легких. Врачи обнаружили признаки туберкулеза. Вивьен предлагали лечь в больницу, но она отказалась и каждый вечер продолжала выходить на сцену. После очередного приступа ее все же госпитализировали. Через несколько недель Вивьен становится лучше, но начинаются приступы депрессии.

Оливье приобрел загородный «дворец» — Нотли-Эбби, построенный в XII веке для монахов-августинцев в Бэкингемшире. Именно сюда в конце сентября он перевез жену. Весной 1946 года Вивьен стало лучше, но она снова переживала — из-за Лоренса, который был на грани нервного кризиса.

Оливье мечтал о «родовом поместье», и Вивьен превратила «Нотли» в уютный дом, где можно было отдыхать и работать. Пока Лоренс с братом занимался фермой, она привела в порядок сад, обставила комнаты, нашла место для любимых картин, коллекции фарфора, ваз с цветами.

Позволив себе продолжительный летний отдых — с теннисом, садоводством и работами на своей маленькой ферме, — в сентябре 1946 года чета Оливье возвратилась на лондонскую сцену. Лоренс поставил «Короля Лира» и играл в нем главную роль. Вивьен появилась в роли Сабины в пьесе Уайлдера «На волосок от гибели». Публика восторженно приветствовала артистов.

Но врачи снова забеспокоились о легких Вивьен. Брат Ли Холмана предложил воспользоваться его виллой в Канне, и после завершения «Гамлета», захватив Тарквина и Сюзанну, супруги Оливье направились на юг.

В июле 1947 года Оливье был удостоен дворянского звания, приняв посвящение от Георга VI. Теперь друзья стали называть его сэр Ларри.

А впереди были гастроли с труппой театра «Олд Вик» в Австралии. Для Вивьен Ли эта поездка на Зеленый континент связана с самыми теплыми воспоминаниями. Наконец никаких депрессий, несмотря на каторжный труд и далеко не подходящий климат. Гастроли прошли с большим успехом. 1 ноября 1948 года они прибыли на родину.

В начале пятидесятых годов супруги Оливье имели славу самых ярких звезд. Однако их финансовое положение оставляло желать лучшего. Предпочитая театр, они вернулись в кино, приносившее быстрое и солидное вознаграждение.

В конце июля 1951 года, оставив «Трамвай „Желание“» на лондонской сцене, мисс Ли отправилась в Голливуд для участия в экранизации пьесы. Через десять дней к ней присоединился и сэр Лоренс, собиравшийся сниматься в фильме по роману Драйзера «Сестра Керри».

Трехмесячное пребывание в Голливуде Вивьен дало очень многое. За работу в «Трамвае» она получила свой второй «Оскар». Однако в

апреле 1952 года актрису настиг нервный приступ (сказались девять месяцев ежедневных выступлений в сложнейших ролях). Оливье задумался всерьез: а если болезнь будет прогрессировать?

Лето актриса провела в «Нотли». Лоренс готовился к съемкам «Трехгрошовой оперы», где хотел сыграть Мэкхита. Известие, что для нее в фильме роли нет, углубило депрессию Вивьен. Осенью супругам предложили сняться в американском фильме «Слоновьи тропы». Оливье был занят, но рекомендовал Вивьен подписать контракт.

Продюсер фильма спросил Лоренса, выдержит ли Вив натурные съемки в разгар тропического сезона. «Я думаю, это принесет ей только пользу. Новая обстановка и интересная роль. Она совершенно забыла о туберкулезе», — ответил сэр Ларри.

Во время натурных съемок на Цейлоне Вивьен изнуряла себя работой и мучительно переживала одиночество. Пугал ее и предстоящий перелет в Голливуд (трое суток в воздухе). Кризис произошел в марте 1953 года. Вивьен с трудом запоминала текст, несколько раз теряла сознание, во время съемок с ней происходили необъяснимые истерики…

Тем не менее в Лос-Анджелесе съемки были продолжены. Состояние Вивьен заметно ухудшилось: она перестала узнавать друзей и начала называть своего партнера Питера Финча «Ларри». В результате ее решили отправить домой, а роль передать Элизабет Тейлор.

Прямо из лондонского аэропорта Вивьен отвезли в частную лечебницу, где врачи предписали ей три месяца полного покоя.

В конце апреля 1953 года Оливье привез жену домой в «Нотли». Он с опасением ожидал, не возобновятся ли приступы Вивьен, но она казалась совершенно здоровой и веселой. По уик-эндам супруги принимали гостей — цвет искусства Англии.

В сентябре в Манчестере состоялась премьера «Спящего принца» Рэттигана. Гримерная мисс Ли тонула в белых цветах. То же повторилось и в Лондоне, но с еще большим размахом. Премьера в «Фениксе» совпала с сорокалетием Вивьен. Букеты и поздравления наводнили театр.

В апреле 1955 года под шум рекламы чета Оливье появилась в Мемориальном Шекспировском театре в Стратфорде-на-Эвоне. Они играли в «Двенадцатой ночи», «Тите Андронике» и «Макбете». Их колоссальная известность еще до открытия сезона гарантировала полные сборы.

В возрасте 42 лет Вивьен Ли обнаружила, что беременна. Оливье хотел дочку, и они уже выбрали имя: Кэтрин. Вивьен заверили, что, несмотря на выкидыш, случившийся во время съемок «Цезаря и Клеопатры», она сможет родить здорового ребенка. Однако у нее снова случился выкидыш. Друзья говорили впоследствии, что Вивьен хотела ребенка исключительно для Ларри, обожавшего детей.

Нервные приступы настигали Вивьен Ли чаще и чаще, а продолжительность их все возрастала. Начало приступа всегда совпадало с ухудшением ее отношений с Оливье.

В начале 1958 года Оливье снимался в фильме «Комедиант». Вместе с ним играла мисс Джоан Плоурайт. Много лет спустя, вспоминая ужасное чувство утраты, которое он пережил после смерти матери, Оливье сказал, что «с тех пор искал ее постоянно. Может быть, в Джоан я обрел ее вновь». Многое она воспринимала так же, как сэр Ларри. Они расцветали в

обществе друг друга.

Оливье решил получить развод и начать «законную» жизнь. Однако он по-прежнему боялся неблагоприятной реакции публики и лето провел в «Нотли».

Дом Оливье не знал отдыха от гостей. В отличие от сэра Лоренса, необходимость «сохранить лицо» стоила Вивьен Ли очень дорого и вызвала вспышку болезни. Не помогла даже поездка с матерью в Италию. К счастью, в октябре начинались спектакли «Поединка ангелов», что помогло перенести присланное Оливье из Парижа письмо на четырнадцати страницах, в котором он объяснял, почему им необходимо расстаться.

20 июня 1960 года Вивьен Ли вернулась в США. На другой день она обратилась к ошеломленным журналистам с заявлением: «Леди Оливье имеет сообщить, что сэр Лоренс просил о разводе, чтобы жениться на мисс Джоан Плоурайт. Она, естественно, сделает все, чего он ни пожелает».

Через три дня после развода Вивьен Ли принимала на Итон-сквер своих друзей. Рядом с ней был Джон Мерривейл — американский актер, исполнявший одну из ролей в «Поединке ангелов». Он помог пережить Вивьен отчаянные дни перед развязкой.

Мерривейл знал все о ее болезни и сообщил сэру Лоренсу, что берет на себя ответственность за судьбу актрисы. Облегченно вздохнув, Оливье описал признаки ее депрессивного состояния.

В Лондоне ждали, что бывшая леди Оливье скоро выйдет замуж, но она говорила: «Это частное дело». Вивьен все еще надеялась на примирение с Оливье и считала себя женой Ларри до конца. Для нее было страшным ударом сообщение о регистрации брака Оливье и Плоурайт. В сентябре 1961 года у них появился первенец — сын Ричард Керр, потом родились четыре девочки.

Вивьен Ли продолжает работать — получает премию «Тони», приз Венецианского фестиваля, награду Британской киноакадемии. Но приступы депрессии продолжают мучить ее. 7 июля 1967 года ее друг, актер Джон Мерривейл, обнаружил ее лежащей на полу в спальне лицом вниз…

Отдыхавший в Брайтоне Оливье немедленно отправился в Лондон. Сэр Лоренс знал, что Вивьен, лечившаяся от туберкулеза, уже несколько недель была нездорова и не вставала с постели, но это не избавило его от сильнейшего потрясения. Она скончалась в возрасте пятидесяти трех лет. В этот вечер все театры Вест-Энда, отдавая дань ее памяти, на час притушили огни.

Величайший трагический актер XX века Лоренс Оливье умер в 1989 году в Брайтоне, окруженный своими домашними.

Константин Симонов и Валентина Серова

…1939 год. В театре имени Ленинского комсомола Серафима Бирман поставила пьесу Горького «Зыковы». Актриса Валентина Серова играла роль Павлы. Ей очень мешало, что на каждом спектакле в первом ряду сидел какой-то молодой человек с цветами, который испытующим взором следил за ней. В антракте она подглядывала за ним в дырочку занавеса.

Выяснилось, что горячим поклонником таланта Серовой был 24-летний поэт Константин (Кирилл) Симонов, начинавший тогда входить в

моду. Он терпеливо ждал, когда актриса обратит на него внимание. Так начинался любовный роман, который будет переживать вся страна.

Валентина Половикова родилась в семье знаменитой московской актрисы Клавдии Михайловны Половиковой. Театром она была увлечена с детства. В двадцать лет Валя встретилась с молодым прославленным летчиком Анатолием Серовым. Любовь была с первого взгляда. Серов провожал ее на Ленинградском вокзале в Москве, когда она уезжала с театром на гастроли, и утром встречал ее в Ленинграде на Московском вокзале. Они поженились, но счастье их было недолгим. Серов погиб в 1939 году на испытаниях, через месяц после этой трагедии Валентина родила сына Анатолия.

К моменту знакомства с Серовой Константин Симонов был женат дважды: коротким и официально не зарегистрированным браком — на Аде Типот, дочери знаменитого режиссера-эстрадника Виктора Типота, и потом — на Евгении Самойловне Ласкиной, которая в 1939-м подарила ему сына Алексея. Но Симонов признался супруге в том, что полюбил другую, и ушел из семьи, сняв комнату на Арбате.

Зимой 1941 года на страницах «Правды» было напечатано знаменитое «Жди меня» Симонова, начинающееся строчками: «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди…» Посвящение состояло из двух букв — «В. С.».

В тяжелом 1942 году Государственное издательство художественной литературы издало лирический дневник поэта «С тобой и без тебя». Он вышел с посвящением — «Валентине Васильевне Серовой». Стихи пользовались оглушительным успехом, их переписывали от руки, посылали на фронт. Всех интересующихся его отношениями с актрисой Константин Михайлович отсылал к этим стихам: «Там все сказано».

Валентина Серова сыграла Лизу Ермолову в фильме «Жди меня», снятом по сценарию Симонова. Как был нужен и понятен этот фильм в 1943 году! «Ее лирическая струя придавала образу щемящую трогательность, — отмечает киновед Виталий Вульф. — Она всегда, играя любовь на сцене, была бесконечно трогательна. Пока ее героини были любимы — они ничего не боялись, наоборот, всегда были готовы прийти на помощь, но когда они теряли любовь — медленно шли на дно жизни».

В 1943 году Серова и Симонов зарегистрировали брак. Серафима Бирман была рада этому союзу. Она верила молодой актрисе, которой было двадцать четыре года.

Константину Михайловичу пришлось немало пережить, особенно в годы войны. Серова тогда ездила с концертными бригадами по госпиталям, пела романсы, читала стихи.

В небольшом архиве Валентины Васильевны сохранились письма и записки тех, кто увлекался ею. Ее любили, о ней мечтали…

После войны Симонов и Серова живут счастливо. Казалось, наступил долгожданный покой. Он уже известный писатель, Валентина снова блистает на сцене Театра Ленинского комсомола, успешно снимается в кино.

Супруги ездили в Париж, где встречались с Буниным, Тэффи, о чем сохранились записи в бумагах русских эмигрантов. Серова могла петь весь вечер старые русские песни и романсы. Послушав ее, Иван Бунин произнес:

«Как я хочу в Россию…»

Симонов продолжал писать нежные письма жене. 8 марта 1946 года, Токио. «…Что сказать тебе? Во-первых, работаю, как вол, глушу тоску, как могу. Написано уже больше тысячи страниц, делаю все, чтобы к 25-му кончить все и быть готовым лететь или плыть первой оказией. Во-вторых и главных, — нет жизни без тебя. Не живу, а пережидаю и работаю и считаю дни, которых, по моим расчетам, осталось до встречи 35–40. А в-третьих, верю как никогда, в счастье с тобой вдвоем».

28 января 1947 года. «…Я очень скучаю по тебе. Сегодня сижу у себя и листаю „Историю одной любви“. Вдруг понял, что это была хорошая пьеса, а главное, нагрянули воспоминания — трепетные, бестолковые, дерзкие, веселые, печальные, всякие — репетиции, прогулки, ночные блуждания, дребезжащие разбитые такси, бог знает что, и среди всего этого упрямое и сильное, не от самодовольства, а от любви, предчувствие общей жизни, годов ласк, ночей, ссор, примирений, разлук, гнева и обожания…».

Валентина Серова была разной, непредсказуемой. Она слегка выпивала еще во время войны — с мужем, красиво, «за здоровье тех, кто на фронте». Теперь же пила все больше и больше, ей уже хватало одной рюмки, чтобы захмелеть. Пила так, что болезнь стала необратимой. Симонов же постоянно находится в командировках. Он добился положения в обществе, но с любимой женщиной справиться не смог.

Из письма Симонова к Серовой:

«…Валя, я боюсь за тебя, я очень боюсь за тебя, невозможно представить, что ты погибла, загубив и себя, и свой талант. Я очень люблю тебя, и перед нами только еще чуть-чуть забрезжила наша настоящая жизнь такой, какой она может быть. Как ты смеешь не беречь ни себя, ни своего таланта, ни нашей любви, ни своего будущего…»

Но когда Симонов возвращается домой, гости не переводятся. В этих застольях Валентна находится в центре внимания. Симонов строит дачу в Переделкине, несколько позже — вторую, под Сухуми, на Черном море. Семья живет в полном достатке. С бывшей женой Константина, Евгенией, Валентина ладит, его сынишка часто гостит у них в Переделкине, и, кажется, ничто не предвещает краха…

11 мая 1950 года у Валентины родилась дочь Маша. Серова сыграет немало ролей в Театре имени Моссовета, снимется в фильме «Бессмертный гарнизон» по сценарию Симонова. Он будет радоваться ее успехам, ее призванию к сцене.

Но наступит день, когда Константин Михайлович напишет ей: «…Люди прожили вместе четырнадцать лет. Половину этого времени мы жили часто трудно, но приемлемо для человеческой жизни. Потом ты стала пить… Я постарел за эти годы на много лет и устал, кажется, на всю жизнь вперед. Я продолжал писать, но один я знаю, чего мне стоило то, что я все-таки делал в этом аду и что я мог бы сделать, не будь этого ада…»

Он еще объяснял ей в письмах, что разлюбил, сообщал, что если встретит человека, которого полюбит, то, не колеблясь, свяжет с ним свою жизнь, советовал выйти замуж, желал ей счастья и того, «чтобы ты не разрушила еще одну жизнь так, как уже разрушила один раз».

Симонов и Серова развелись в 1957 году. Мать актрисы Клавдия Михайловна взяла внучку к себе.

В новой семье Симонова царили мир и покой. Лариса Алексеевна Жадова — преемница Валентины и полная ее противоположность — подчинила свою жизнь интересам мужа и создавала ему «условия для плодотворного труда». И потом, после смерти Симонова, она, как истинная жена писателя, делала все для увековечивания его памяти: в сборнике «Константин Симонов в воспоминаниях современников» Жадова — один из составителей. Имени Серовой в этом сборнике не найти…

В середине 1950-х Серова работала в Театре имени Моссовета. Здесь ее любили, она была добрым и отзывчивым человеком, особенно нежна с ней была Фаина Раневская. Она часто жила у Валентины на даче летом и после развода с Симоновым долго поддерживала с ней дружескую связь.

Серова не сумела приноровиться к иной для себя ситуации. В кино она снималась от случая к случаю. В последние годы Валентина Васильевна узнала и безработицу, и крайнюю материальную стесненность, и унижения.

В 1974 году Серова похоронила сына. Он был добрым, но пьющим, и избавиться от этой беды не сумел.

Осталась дочь Мария Кирилловна Симонова. Она вспоминала: «Друзья и знакомые стали обходить за версту, потянулись бесконечные вечера, когда она поднимала трубку телефона, набирала номер диспетчерской театра и слышала одно: „Для вас ничего нет…“ Еще пыталась работать, учила — как назло кому-то! — те роли, которые уже никогда не смогла бы сыграть, еще ездила с шефскими концертами. Но сил подняться у нее уже не было…»

Серова уничтожила почти весь свой архив, многое сожгла. Она умерла в декабре 1975 года — одна в пустой квартире. Врач констатировал смерть от острой сердечной недостаточности. В газете «Вечерняя Москва» появилось коротенькое извещение о смерти заслуженной артистки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Валентины Васильевны Серовой. На эту смерть не откликнулся никто.

Хоронили Серову из Театра-студии киноактера, там она служила последнее время.

Симонов, напрочь вычеркнув Валентину из биографии, забыть ее не сумел. За всеми женскими образами симоновской поздней прозы угадывается Валентина. Как напророчил когда-то: «Я сам пожизненно к тебе себя приговорил…»

За месяц до своей смерти Константин Михайлович попросил дочь привезти ему в больницу письма, которые он когда-то писал Валентине Серовой. Писем было много — четыре больших мешка. Прежде чем выполнить волю отца, Мария Кирилловна — втайне от отца — сняла копии с его писем к матери и сохранила их.

Когда Маша приехала снова, она не узнала отца. Всегда собранный, подтянутый, он теперь как-то сразу постарел, осунулся. Долго ходил, потом остановился и посмотрел на дочь — в глазах было столько боли и страдания, что она до сих пор не может забыть этот взгляд.

«Знаешь, прошло столько лет… А я вот перечитал все эти письма, и ощущение такое, что это было только что… Я говорил тебе, что уничтожу письма. Я уничтожу их. Не хочу, чтобы после моей смерти чужие руки копались в этом».

Помолчал и добавил: «Прости меня, девочка, но то, что было у меня с твоей матерью, было самым большим счастьем в моей жизни… и самым большим горем».

Чарлз Чаплин и Уна О'нил

Великий актер и режиссер Чарлз Спенсер Чаплин очень долго искал счастья в семейной жизни. Совершенно особая, идеальная любовь пришла к нему лишь в пятьдесят три года.

Ее звали Уна О'Нил. Она была дочерью известного драматурга Юджина О'Нила от его второй жены Агнессы Боултон. Природа наделила ее красотой, очарованием и тонким умом. Весной 1942 года в неполных семнадцать лет она была названа «дебютанткой года». Ее агент Минна Уоллес, узнав, что Чаплин подыскивает исполнительницу на роль Бриджит в фильме «Призрак и действительность», тут же представила ему Уну О'Нил.

Правда, Чаплин сомневался, что роль Бриджит окажется по силам юной актрисе. Но когда Минна Уоллес сообщила, что ее подопечной заинтересовалась компания «Фокс», Чаплин тут же предложил Уне подписать контракт.

Сыновья Чаплина, Сидней и Чарли, впервые увидев Уну в доме, были тотчас же покорены ею: «Когда она глядела на отца, в глазах ее читалось немое обожание. Она тихо сидела, внимая каждому его слову. Немногие женщины могли устоять перед обаянием отца, но с Уной был особый случай. Она боготворила его, упивалась каждым его словом, будь то отзыв о последнем сценарии, разговор о погоде или философские размышления. Сама она редко вступала о разговор, но когда изредка по ходу вставляла тонкое замечание, даже отца поражали ее интуиция и глубина мысли».

Начало 1943 года прошло в спокойной обстановке. После Рождества Чаплин показывал Уне и ее матери «Огни большого города», «Цирк», «Праздный класс» и «На плечо!» «Чем больше я узнавал Уну, тем больше изумляли меня ее чувство юмора и терпимость — она всегда с уважением относилась к чужому мнению, — пишет в автобиографии Чаплин. — Я полюбил ее и за это, и за многое другое. К этому времени ей едва исполнилось восемнадцать, но я видел, что она не подвержена капризам этого возраста. Уна была исключением из правил, но вначале меня все-таки пугала разница в возрасте. Однако Уна была настроена решительно, как будто она точно знала, что надо сделать. Мы решили пожениться, как только закончим съемки „Призрака и действительности“».

Они решили пожениться по достижении Уной восемнадцатилетнего возраста, чтобы она могла обойтись без родительского согласия: если мать всем сердцем приветствовала этот союз, то отец был категорическипротив.

Во вторник 15 июня Чаплин и Уна направились в Санта-Барбару.

Чаплин и Уна задержались в Санта-Барбаре на шесть недель. Репортерам так и не удалось напасть на их след. Чарли был совершенно счастлив. По вечерам, никем не узнаваемые, они отправлялись на

загородные прогулки, во время которых Уна читала вслух «Трильби» Дюморье — произведение в викторианском духе.

После свадьбы Уна призналась мужу, что не хочет быть актрисой. Это Чарлза очень обрадовало: «Наконец у меня была жена, а не девушка, которая делала карьеру». Правда, потом он часто думал о том, что кино в лице Уны потеряло превосходную комедийную актрису с замечательно тонким чувством юмора.

Общество Уны, готовившейся стать матерью, было для него радостной отдушиной. Единственно, чего им обоим хотелось, — это уехать из Калифорнии. Они взяли своего черного котенка, сели в поезд и поехали в Нью-Йорк, а оттуда в Ниак, где сняли старинный дом.

31 июля 1944 года в семье родилась дочь Джералдина. За ней последовал сын Майкл (1946). Пока Чаплин работал над сценарием «Огней рампы», у них появились еще две дочери, Джозефина Ханна (1949) и Виктория (1951).

Дни рождения Джералдины справлялись в Голливуде как общий семейный праздник. Летом всем семейством Чаплины совершали морские прогулки на новой яхте. Детей приобщали к кино: 5 декабря 1950 года Уна в первый раз сводила Джералдину, Майкла и Джозефину на студию посмотреть «Золотую лихорадку».

17 сентября 1952 года Чарли вместе с семьей на трансатлантическом корабле отплыл в Англию.

Чаплины решили остаться в Европе. В декабре 1952 года они отбыли в Швейцарию. Супруги временно обосновались в лозаннском старомодном роскошном отеле. Из Лозанны они съездили в Рим на итальянскую премьеру «Огней рампы». Чарли наградили орденом «За заслуги перед Республикой».

Чаплины скоро подыскали подходящий дом. Уже в январе они заняли Мануар-де-Ван («Поместье изгнанника») в Корсье-сюр-Веве, который поначалу арендовали у бывшего американского посла. Через месяц они купили это поместье, изящную виллу вкупе с 37 акрами земли, занятыми под парк, сад и цветник. Сама вилла представляла собой трехэтажное здание из пятнадцати комнат.

В семье родилось еще трое детей: Юджин (1953), Джейн (1957), Аннет (1959). Пока подрастали дети, в доме, как правило, было человек двенадцать прислуги.

В день семидесятилетия, 16 апреля 1959 года, Чарлз Чаплин шутил: «Чувствую себя на шестьдесят девять и ни на день старше. Хватило бы только времени сделать все, что хочется!» Он получил свыше тысячи поздравительных писем из всех частей света. О юбилее сообщили газеты всего мира.

Чаплин не уставал выражать чувство благоговения, в которое его повергает идиллически сложившаяся семейная жизнь. В интервью 1959 года он раскрыл тайну своего счастья: «Мы с женой любим друг друга, оттого и счастливы. Не нужно требовать друг от друга слишком многого — эта заповедь, по-моему, ближе всего подходит к формуле семейного счастья. Все остальное достигается терпимостью…

Она мое вдохновение; к тому же она и хороший критик. Это у нее от природы, и ее оценки мне всегда помогают…»

Уна в этом интервью отметила: «Я замужем за молодым человеком. Люди считают, что Чарли мне в отцы годится, но в нашем доме возраст не в счет. По мне, так он молодеет с каждым днем. Мое чувство к Чарли не имеет, разумеется, ничего общего с „отцовским“ комплексом. Он подарил мне зрелость, я храню его молодость. Триста шестьдесят четыре дня в году я и не вспоминаю про то, сколько Чарли лет. Вот только его день рождения всякий раз застает меня врасплох».

Примерно в это время писателю Иэну Флемингу довелось отобедать с Чаплинами в Мануар-де-Ван. «Поразительное это зрелище, когда двое так естественно согревают друг друга взаимной любовью», — подытожил Флеминг свои впечатления. Застенчивые и скрытные во всем остальном, Чаплин и Уна без всякого смущения обнимались и целовались на глазах у других.

Оксфорд, а затем и Даремский университет присудили Чаплину почетную докторскую степень. Церемония вручения диплома состоялась в Дареме 6 июля, и Чаплин сразу поспешил в Швейцарию, чтобы успеть к рождению восьмого ребенка. Он вернулся 7 июля, лег спать, но в три часа ночи его разбудили, чтобы срочно везти Уну в лозаннскую частную клинику. Через два с половиной часа она разрешилась мальчиком, которого назвали Кристофером Джеймсом. На этом кончилось прибавление семейства.

Чаплину было пятьдесят пять лет, когда родилась Джеральдина, его первый ребенок от Уны; когда появился последний, Кристофер, ему было семьдесят три. Поднять на ноги столь многочисленное потомство было делом отнюдь не простым.

Чаплин по-прежнему был предан своей работе, и она, как всегда, была для него самым главным. Дети хорошо усвоили первейшую домашнюю заповедь — ни в коем случае не мешать папе работать. Сам Чаплин утверждал: «Мне никогда не бывает в тягость, что дети все время рядом. Они не только не мешают работать — напротив, их общество идет мне во благо. Я, прямо скажу, расцветаю, когда вокруг веселье и молодость».

Все дети Чаплина ощущали свою обособленность от сверстников. Они жили в роскошном доме с парком, у них были слуги. Разбогатев, Чаплин с подозрением встречал любые приглашения к дружбе или сближению. Друзей своих детей Чаплин всесторонне проверял и редко одобрял. Во взаимоотношениях между родителями и детьми установились известные сдержанность и уклончивость.

Первой покинула родительский дом Джеральдина, уехав из дома учиться в Королевской балетной школе в Лондоне. Вскоре ее примеру последовал Майкл. Он поступил в Королевскую академию театрального искусства, снимался в кино, записывал шлягеры, женился и наградил Чаплина с Уной их первым внуком. Майкл был человеком незаурядным, обаятельным и сердечным; незадолго до смерти отца он полностью помирился с семьей.

В конце жизни почести сыпались на Чаплина одна за другой. Американская академия киноискусства присудила почетного «Оскара» и направила ему приглашение. Чаплины решили несколько дней отдохнуть на Бермудах (где Уна родилась и где у нее сохранилась завещанная отцом

недвижимость), а оттуда отправиться в Соединенные Штаты. 2 апреля 1972 года супруги прилетели в Нью-Йорк, в аэропорту Кеннеди их приветствовало около сотни репортеров. Великий Чарли приготовился к нападкам, но появление его на церемонии вызвало бурные овации. Пораженный таким приемом, он с трудом подбирал слова и продемонстрировал знаменитый трюк с котелком.

Чаплин был неверующим, никогда не холил в церковь, однако смерть его не страшила. «Когда уйду, так уйду», — часто говорил он. Чарли часами просиживали с Уной, взявшись за руки и изредка перекидываясь парой слов. «Она способна делить с ним его непонятное одиночество», — заметил Юджин.

В хорошую погоду шофер Ренато или дворецкий Джино отвозили Чаплина и Уну в тихий уголок у озера, где оставляли на час-другой, а потом возвращались за ними. Был куплен электромобильчик, чтобы возить Чаплина по парку.

15 октября 1977 года Чаплин в последний раз выбрался из Мануар-де-Ван.

Силы Чаплина быстро таяли, теперь он нуждался в постоянном уходе. Несколько недель Уна никого к нему не подпускала, пока родные и домочадцы не начали всерьез тревожиться уже о ее здоровье и не уговорили ее разделить заботы с сиделкой. Под Рождество вся семья, за исключением Джералдины, занятой на съемках в Испании, по традиции собралась на вилле встретить праздник. У Чаплина набралось уже порядочно внуков. Подарки от детей отнесли к Чаплину в спальню и оставили дверь открытой, чтобы он слышал, как юное поколение веселится у елки.

Этой ночью, в предрассветный час Рождества 1977 года, в возрасте 88 лет Чарлз Чаплин тихо скончался во сне. Его похоронили на кладбище при англиканской церкви в Веве. Но двое вандалов выкопали и украли гроб. Полиции удалось найти негодяев, и великий Чаплин был перезахоронен…

Федерико Феллини и Джульетта Мазина

Год 1938-й. В Рим приезжает 18-летний юноша, прозванный друзьями «Ганди» за свою худобу. Сын коммерсанта из Римини, он уже успел зарекомендовать себя как талантливый художник-карикатурист. («Я был тогда бледен и романтичен. Работал секретарем в „Пополо ди Рома“, занимался там разборкой почты и был вообще на посылках».) Помимо газетной работы, он рисует во множество газет и журналов, пишет скетчи и куплеты для варьете, сочиняет рекламные тексты и сценарии для небольших радиопостановок.

В 1943 году Феллини написал для римского радио серию забавных передач о жизни двух влюбленных — Чико и Паллины. Комические злоключения молодоженов имели успех; одному из кинопродюсеров пришла мысль показать их на экране. Феллини, которому предложили взять на себя постановку, позвонил исполнителям ролей в радиоварианте.

Встреча с «Чико» его разочаровала — он оказался пожилым господином. Феллини решил, что «Паллина», должно быть, под стать своему партнеру. В кафе, где было назначено свидание, он явился, опоздав на целый час. За столиком его ждала маленькая светловолосая девушка,

ее звали Джульетта Мазина. Она родилась под Болоньей в семье учительницы и служащего. После окончания начальной школы Джульетту отправили к тетушке в Рим учиться. В университете Мазина прилежно изучала литературу и археологию, играла в драмкружке.

Много лет спустя Джульетта вспоминала об этой встрече: «Я увидела худенького мальчика в черной шляпе и слишком коротких брюках. Он показался мне славным и застенчивым и очень интеллигентным. Он пригласил меня в шикарный ресторан, и я подумала: „Ему нечем будет платить“. Тогда я съела только овощной суп, а он ветчину, равиоли, жаркое, пирожки… А под конец он вытащил кучу лир. Наша встреча была волшебной, он говорил, что будто родился в этот момент. И я тоже научилась смотреть на мир другими глазами, когда он держал меня за руку».

Фильм «Чико и Паллина» не состоялся. Зато страсть между Феллини и Мазиной разгорелась вовсю. Оглядываясь назад, «Фефе», как позднее станут называть Феллини друзья, так описывал рассвет их любви с Джульеттой: «Мы оба были молоды и вместе постигали жизнь. Я ввел ее в мир любви. Ни у одного из нас не было еще сколько-нибудь значительного опыта — ни в жизни, ни в любви. Я, правда, был все же поопытней…»

Феллини не чувствует себя созревшим для семейной жизни. И хотя он любит Джульетту, жениться не спешит. «Она была хрупка и нуждалась в защите. Милая и невинная, добродушная и доверчивая. Я властвовал над нею, был рядом с нею великаном. Она всегда смотрела на меня снизу вверх — и не только в прямом смысле слова. Я ее ошеломлял, она была мною очарована».

И все же пару недель спустя Феллини переехал в дом тети Джулии на виа Лютеция. Обвенчались они через несколько месяцев, 30 октября 1943 года. Федерико рассылает нарисованные им пригласительные открытки, где они с невестой изображены коленопреклоненными в церкви, а с небес к ним спускаются два ангелочка — тонкий намек на готового появиться на свет ребенка. Правда, венчание в целях предосторожности происходит не в церкви, а дома. Гостей совсем мало. Нет даже родителей жениха и невесты — до них не смогли дозвониться. Родители Феллини в Римини только через Красный Крест узнают о женитьбе сына.

Поскольку лучший друг Федерико Альберто Сорди не мог прийти, потому что в тот день играл в театре, они с Джульеттой отправились к нему сами.

Когда они вошли, Сорди как раз стоял на сцене. Увидев их, он попросил включить свет и обратился к зрителям: «Мой лучший друг только что женился. Я уверен, что его ждет много аплодисментов. Попробуем сегодня устроить ему первую мощную овацию!» На них направили прожекторы, и весь зал встал, аплодируя молодоженам. Это и был свадебный подарок Федерико.

Через несколько недель после свадьбы Джульетта упала с лестницы. У нее случился выкидыш. Вторая беременность закончилась в марте 1945 года рождением сына, названного в честь отца — Федерико. Но через две недели ребенок умер…

Джульетта потом годами восстанавливала подорванное здоровье. И на всю жизнь останется незаживающая рана: у нее никогда уже не будет

детей. «Мои фильмы — это наши дети», — говорил Феллини всякий раз, когда речь заходит об этой трагической стороне их брака.

Феллини сначала добился известности как сценарист, а потом уже стал снимать фильмы сам. Джульетта Мазина тоже увлеклась кино. Но продюсеры находили ее недостаточно красивой. Феллини мечтал снять фильм с Джульеттой в главной роли.

Сценарий «Дороги» был готов уже в 1949 году. Феллини долго не мог найти продюсера для фильма, в котором ведущие роли предназначены совершенно неизвестным актерам — Энтони Куину и Джульетте Мазине.

Картина «Дорога» выйдет на экран только в 1954 году. Награда за все мучения — полный и безусловный триумф. Десятки международных премий! В Америке на церемонии вручения «Оскара» Феллини именуют «мистер Мазина», настолько слава героини фильма маленькой клоунессы Джельсомины — Джульетты затмевает славу режиссера.

Благодаря «Дороге» Федерико и Джульетта смогли наконец-то покинуть дом тетушки и купить себе просторную квартиру в Париоли, чудесном зеленом районе, расположенном вдалеке от центра Рима. Потом они переберутся в самое сердце Вечного города, на улицу Маргутта, хотя богатые и популярные люди предпочитали жить в пригороде.

Голливуд предложил Джульетте контракт на пять лет. Актриса отказалась главным образом потому, что не могла разлучиться с мужем так надолго. Они никогда не расставались друг с другом больше, чем на месяц, хотя были очень разными людьми. Федерико обладал противоречивым характером, был скептиком по натуре. Джульетта — женщина строгих правил, очень религиозная, получившая безупречное воспитание. Он заказывал свои знаменитые красные шарфы в дорогих ателье. Его мало интересовало, что у жены нет ни меховых манто, ни россыпи бриллиантов. Федерико любил помолчать. Джульетта любила общество, путешествия.

И все же они остаются неразлучны. Друзья вспоминают, что во время работы над фильмами выше всего для Феллини было мнение жены. Если Джульетты не было на съемочной площадке, Федерико постоянно звонил ей домой и советовался даже по пустякам. Она редактировала сценарии, утверждала актеров, выбирала натуру.

Супруги часто ссорились. Феллини обвинял Джульетту в сварливости, она его — в нетерпимости. Энтони Куин замечает: «Да, она полностью посвятила себя мужу, но „внутри“ этой пары перевес был на ее стороне, даже если могло, на первый взгляд, показаться, что все не так. В жизни вела его она, она командовала — и фильм „Джульетта и духи“ доказывает это. Их маленькая семья жила закрытой ото всех жизнью, они не любили выходы, бурное светское общение — все это допускалось только в том случае, когда было необходимо для работы. Джульетта и Федерико — настоящие итальянцы — очень любили и свой дом, и Рим, где они жили».

Поначалу Феллини хотел снимать только жену. Две главные роли в фильмах «Дорога» и «Ночи Кабирии» вознесли Джульетту на недосягаемую высоту. Ее начали называть великой, сравнивать с Чарли Чаплином, ей вручали «Оскары» и предлагали самые выгодные контракты. Но Мазина неизменно отказывалась. Много лет спустя Джульетта говорила по этому поводу: «Если бы начать сначала, я приняла бы сегодня вчерашние предложения других режиссеров, например, Антониони или Джерми,

которым я говорила „нет“. Чтобы утешиться, я убеждаю себя, что, после того как я сыграла моих героинь в фильмах моего мужа, я действительно не могла сниматься ни в чем».

Джульетта «предоставила себя в распоряжение» мужа. Понимая, что с годами ролей в кино у нее будет все меньше, она не зацикливается на кино. Имея диплом преподавателя современной и христианской литературы, она вела колонку в туринской газете «Стампа», еженедельно отвечая на вопросы читателей. Мазина помогала детям в качестве председателя итальянского отделения ЮНИСЕФ. В последние годы жизни она наговаривала на магнитофон мысли и молитвы матери Терезы.

Если Феллини был одержим любовными похождениями, то Мазина оставалась верной женой.

Во время съемок фильма «$8\,^1/_2$» Федерико завел роман с актрисой Сандрой Мило. На этот раз дело зашло так далеко, что Джульетта хотела подать на развод. Но семейный корабль выдержал испытание. После того как буря улеглась, Мазина вздохнула с облегчением: «Когда знаешь, что он по-прежнему с тобой, вновь дарит тебе розы и пишет нежные письма, то чувствуешь себя очень даже неплохо».

Тем не менее Федерико признавал, что лучшей жены, чем Джульетта, он не встречал. Она является для «него единственным объектом культа», и поэтому ему не нужна религия. «Моя религия — это Джульетта…»

Один из друзей вспоминал, как однажды Мазина ждала мужа в аэропорту. Самолет опаздывал на полчаса. Когда наконец Феллини увидел Джульетту, то бросился к ней со всех ног, подхватил на руки, словно ребенка, и кружил, осыпая поцелуями. И это после сорока лет брака!

Супруги жили на улице Маргутта, в центре старого Рима. Дом был у них простой, не загроможден ни мебелью, ни безделушками. Джульетта баловала Федерико особыми блюдами из Болоньи, откуда она родом. Порядок в доме также поддерживали экономка и домработница. После того как в начале 1970-х под колеса автомобиля Феллини попал юный велосипедист (мальчик отделался легким испугом), Федерико больше не садился за руль. Супруги предпочитали ездить в метро или на автобусе, чаще ходить пешком.

В начале 1990-х годов, размышляя о своем браке, Джульетта словно подводила итоги: «Жизнь супружеской пары — вещь деликатная, то, что спрятано глубоко внутри. Наши фильмы — самые прекрасные страницы нашей жизни. В семи фильмах я играла чудесных персонажей и, казалось, ходила по облакам. Одно это дает мне возможность жить. Существуют союзы, которые не истощаются: я его жена, его дочь, его мать, его любовница. Он для меня — множество мужчин. Это был настоящий союз, который определил и мою карьеру, и мою жизнь. Я счастлива».

А вот что говорил по этому поводу Федерико: «Я не был хорошим другом. Наверное, мог бы быть лучшим. Я не был хорошим мужем, и Джульетта, наверное, заслуживала лучшего. Скорее всего, я был для нее самым лучшим режиссером, но не мужем. Она всегда обо мне очень беспокоилась».

Юбилейный «Оскар» за вклад в развитие кинематографа оказался последней наградой Федерико. В марте 1993 года супруги снова приехали в

Америку. После вручения приза Феллини оглядел из-под очков зал и крикнул ей, сидевшей в партере: «Перестань плакать, Джульетта!» Все камеры, как по команде, нацелили свои объективы на залитое слезами лицо Мазины. Но Джульетта зарыдала еще сильнее…

30 октября 1993 года они собирались отпраздновать в кругу друзей свою золотую свадьбу. В качестве пригласительных открыток Феллини использует то самое собственноручно нарисованное им приглашение на свадьбу 1943 года. Однако сам он, пораженный инсультом, с 15 октября лежит в отделении интенсивной терапии римской клиники Умберто I. И праздновать больше нечего. 31 октября Феллини не стало. А ведь он хотел заранее отпраздновать юбилей, боясь, что Джульетта не доживет. У нее был обнаружен рак легких. Поэтому в начале октября настоял на том, чтобы его перевели из больницы Феррары в столицу — хотел быть рядом с ней, думал хоть чем-то помочь…

Когда Италия хоронила Федерико Феллини, движение в Риме было остановлено. Многотысячная толпа провожала траурный кортеж аплодисментами по дорогам Италии — от Рима до фамильного склепа семьи Феллини в маленьком приморском городке Римини. Там маэстро родился, там и был похоронен.

Джульетта пережила его на неполных пять месяцев. Перед смертью, наступившей 23 марта 1994 года, она выразила желание быть погребенной с фотографией Федерико в руке.

Орсон Уэллс и Рита Хейуорт

11 августа 1941 года на обложке журнала «Лайф» была напечатана фотография голливудской актрисы Риты Хейуорт. Очень скоро это фото можно было увидеть у тысяч американских солдат «джи-ай». Хейуорт сразу стала национальным секс-символом. Только через десять лет она уступит этот титул Мэрилин Монро.

Среди тех, кто влюбился в Риту по ее фотографии, оказался и Джордж Орсон Уэллс, молодой актер и режиссер, создатель фильма «Гражданин Кейн» и нашумевшего радиоспектакля о вторжении марсиан. В начале 1940-х он испытывал немалые трудности: всемогущий газетный магнат Уильям Херст не мог простить режиссеру знаменитого кадра из «Кейна», когда по портрету героя, прототипа Херста, шагают люди. Правда, скандал обеспечил фильму огромную рекламу и позволил Орсону собрать средства для съемок «Могущественных Эмберсонов». Но эту картину постигла печальная участь: в отсутствие Уэллса ее безжалостно искалечили продюсеры. Уэллс снимал в это время в Бразилии большой документальный фильм «Все это правда», который так и остался незавершенным.

Вернувшись в США, Орсон сразу же принялся за поиски Риты, говоря при этом всем в Голливуде, что она будет его второй женой (первая супруга режиссера принадлежала высшему чикагскому обществу). В течение пяти недель он звонил Хейуорт по телефону, пока хозяйка сама не сняла трубку.

На самом деле ее звали Маргарита Кармен Кансино. Родилась она в 1918 году. Мать Риты была хористкой в варьете, отец — танцором фламенко. Ее тетушка — известная актриса Джинджер Роджерс.

Первый муж Риты, Эдди Джадсон, много сделал для того, чтобы превратить скромную восемнадцатилетнюю Маргариту Кармен Кансино, полуцыганку, полуирландку, в голливудскую диву. Это ему принадлежала гениальная идея выкрасить ее волосы в рыжий цвет, что сделало Риту еще более привлекательной. Джадсон познакомил жену со всемогущим главой «Коламбии» Гарри Коном, большим охотником до юных «звездочек». Ей придумали звучный псевдоним Рита Хейуорт. Первый успех пришел к актрисе в 1939 году, когда она сыграла в фильме Говарда Хоукса «Только у ангела есть крылья».

Рита была многим обязана Джадсону, поэтому долго не решалась порвать с ним.

Ворвавшийся в ее жизнь Орсон все изменил. Он настойчив и обаятелен. Рита сначала настороженно относится к его знакам внимания. Но через месяц все же уступила.

Утром 7 сентября 1943 года она тайно покинула съемочную площадку и прямо в гриме поехала на бракосочетание с Уэллсом в Санта-Монику. Орсону было 28 лет, Рите — 24. Узнав о свадьбе, Гарри Кон пришел в дикую ярость.

Поражало то, с каким безразличием она относилась к своему статусу голливудской звезды. «Она занимала положение, — напишет Орсон позднее, — о котором раньше и не могла мечтать, но слава не принесла ей радости. Она ненавидела своих героинь. Ей не нравилось быть Ритой Хейуорт. Но у нее не было возможности вырваться из этого плена, ей приходилось зарабатывать на жизнь».

Рита не любила развлечений, она была застенчивой и неуверенной в себе женщиной. Ей хотелось радоваться каждому дню жизни с Орсоном. Она старалась не обращать внимания на его «интеллектуализм» и с интересом слушала рассуждения мужа о политике. Но еще больше, чем говорить о политике, Уэллс любил ночную жизнь, он был человеком общительным. Так что не без оснований Орсона и Риту называли «самой непостижимой парой Голливуда».

…Не имея новых контрактов в Голливуде, страдающий астмой и плоскостопием Орсон Уэллс принимает предложение поставить в цирке «Меркьюри уондер» шоу с участием Риты Хейуорт. Но вмешивается студия «Коламбия», с которой она связана контрактом. Гарри Кон не разрешает Орсону «распилить» Риту. Ему пришлось довольствоваться Марлен Дитрих.

Впрочем, увлечение цирком в карьере Уэллса было недолгим. Во время войны он снимался в кино. Кроме того, Орсон возобновил свою работу на радио, стал репортером.

Уэллс участвует в избирательной кампании своего друга Франклина Рузвельта. Рита сопровождает мужа в поездках по стране. Но ее присутствие на митингах отвлекает внимание от Орсона, и это злит его. А тут еще на горизонте появляется Эдди Джадсон с угрозами опубликовать «нескромные» письма Риты, если она не возобновит выплату его «отступных», выторгованных при разрыве.

И, как это часто бывает в Америке, выпущенный шантажистом яд начинает действовать даже на Орсона Уэллса. К тому же в Голливуде новых контрактов ему не предлагают. Он находит утешение в алкоголе.

Рита Хейуорт увозит его подлечиться во Флориду. Там они проведут самые счастливые месяцы своего брака. Щадя беременную жену, он меньше пьет, и это оказывает доброе влияние на его больную печень. В декабре 1944-го Рита родила дочь Ребекку.

Уэллс с головой уходит в политику, все больше отдаляясь от жены. Но Орсона интересует не только политика. Рита ревнует его, причем не без оснований. Ей доносят о романе мужа с певицей Джуди Гарланд, о мимолетных связях со «звездочками», гримершами, девицами легкого поведения. Для интимных встреч у него была квартирка на территории компании «МГМ». Орсон посмеивается над ревностью жены, относя ее взрывы к «излишкам цыганского темперамента».

Подобные объяснения не очень понятны Рите. Ей понятно одно: ее бросили. Она плачет, кричит, проклинает и вновь погружается в меланхолию. Хейуорт решает отомстить мужу, закрутив роман с мультимиллионером Говардом Хьюзом. Причем встречается с ним в домике Мэрион Дэвис, любовницы магната Херста, который ненавидел Уэллса за его фильм «Гражданин Кейн».

В конце 1945 года Рита объявляет, что расстается с мужем. Орсон проводит Рождество в одиночестве у подножия пирамид майя в Мексике. Позже он признавался, что очень любил Риту, но она требовала от него невозможного: чтобы он принадлежал только ей.

Официально они будут оставаться мужем и женой вплоть до осени 1947 года.

Уэллс и Хейуорт в это время много работают. Он ставит не принесший ему славы фильм «Преступник», она же снимается в знаменитой «Джильде» Кинга Видора. Эта картина окончательно превратила Хейуорт в секс-символ Америки. «Мужчины ложатся спать с Джильдой, а просыпаются — со мной», — жаловалась она своей секретарше.

В 1947 году Орсон получает возможность поставить еще одну картину — «Леди из Шанхая». Ее герой — доверчивый моряк, попадающий в сети роковой женщины. Роль злодейки по настоянию Гарри Кона была отдана Рите Хейуорт.

Орсон превратил Джильду, богиню, первую красавицу Голливуда с огненно-рыжими волосами, в стриженую блондинку Эльзу Баннистер, хладнокровную соблазнительницу, «тихую, как спящая кобра».

«В то время я уже развелся с Ритой, мы даже не разговаривали, — вспоминал Уэллс. — Я вовсе не собирался снимать с ней фильм. Кон спросил, почему бы мне не снять Риту. Она ответила, что предложение ей очень нравится. Я объяснил, что героиня ее отрицательная, убийца, и что это может повредить тому представлению о ней как о кинозвезде, которое создалось у зрителей. Рита продолжала упорствовать, и фильм обошелся в 2 миллиона вместо первоначально предполагавшихся 350 000 долларов. Рита работала прекрасно. А после просмотра в ужас пришла не она, а Кон».

Фильм откровенно автобиографичен: героиня замужем за человеком, который много старше ее (Эдди Джадсон?) и который грозит раскрыть ее тайну. Другой мужчина (Орсон Уэллс?) спасает ее, но потом бросает. Фильм заканчивается эффектной перестрелкой в зеркальном зале. Рита, умирая на руках героя (его играл Уэллс), шепчет «Да, я

совершила иного ошибок».

Это была самая волнующая роль Риты и… начало кризиса ее карьеры, который так уже никогда и не кончился. Еще она играла Кармен, Саломею и мисс Сэди Томпсон, но пылкость и очарование Джильды были утеряны: словно во сне, она кочевала из фильма в фильм, от мужчины к мужчине.

В 1949 году Хейуорт вышла за Али Хана, став «принцессой Ритой». Она родила ему дочь Ясмин. Но вскоре актриса вновь ушла в себя. Али завел любовницу, а Хейуорт сбежала — из дворца в Канне. Она много пила и выглядела все хуже и хуже. Рита стала меланхоличной и угрюмой, страдала агнозией, расстройством, при котором иногда не узнают даже хорошо знакомых людей и предметы. То были первые симптомы болезни Альцгеймера. С 1981 года ее опекала Ясмин, потому что Рита уже не могла сама заботиться о себе.

Орсон Уэллс продолжал работать в кино как актер и режиссер. В 1955 году он женится на Паоле Мори. У него родилась дочь Беатрис. Правда, повторить успех «Гражданина Кейна» ему больше не удалось. Орсон умер в октябре 1985 года, через полтора года не стало Риты.

Брак Уэллса и Хейуорт был союзом противоположностей. Они любили друг друга, но Орсон не мог ей дать ничего, кроме страданий. Рита мечтала о традиционном браке, что было невозможно с таким человеком, как Орсон. В любом случае они навсегда останутся легендами Голливуда, их навсегда связало последнее объятие в фильме «Леди из Шанхая».

Винсенте Минелли и Джуди Гарланд

Музыкальный зал в Радио-Сити, 23 апреля 1991 года. Премьера моноспектакля Лайзы Минелли «Шаг навстречу». В конце спектакля вся публика, в едином порыве, стоя устроила ей десятиминутную овацию.

Лучшая песня была посвящена памяти отца, которого она, любя всем сердцем, боготворила.

…С рождением дочери Винсенте Минелли и Джуди Гарланд 12 марта 1946 года в госпитале Седарс в Лос-Анджелесе в истории Голливуда появилась новая звезда.

Когда ее привезли из больницы домой, примчался Фрэнк Синатра, ему не терпелось посмотреть на ребенка, которого родила героиня «Волшебника из страны Оз».

Лайза почти до пяти лет жила в мире, полном тепла и спокойствия, где царила любовь двух людей, сила которой равнялась только силе их любви к дочери.

Винсенте Минелли встретил Джуди Гарланд в 1943 году, когда он ставил мюзикл «Встречайте меня в Сент-Луисе», где она играла героиню. В то время 22-летняя Джуди уже была кинозвездой. Ее красивый голос и нежное лицо считались воплощением «американского стиля».

Джуди Гарланд появилась на подмостках еще девочкой, «маленькая девочка с большим голосом», писали о ней газеты, замечательно пела и танцевала и пришла на голливудский экран во всеоружии своего природного таланта.

Первый продюсер 13-летней Гарланд Луис Майер без кинопроб заключил контракт с юной красавицей. И в первой же своей картине «Каждое воскресенье» она стала партнершей Дины Дурбин. А через три

года пришел настоящий, ошеломительный успех. На экраны вышла музыкальная сказка «Волшебник из страны Оз», где Джуди не только играла главную роль, но и прекрасно пела. Семнадцатилетняя актриса получила за этот фильм премию «Оскар».

Она тратила тысячи долларов на покупку понравившегося платья или сумочки. Ее внимания стали домогаться самые известные люди. Джуди выбрала композитора Дэвида Роуза и всерьез собралась строить семейную жизнь, родить ребенка… Но благодаря заботам родной мамочки, пришедшей в ужас от того, что блестящая карьера Гарланд может прерваться, поддалась на уговоры, сделала аборт, а потом и вовсе развелась.

Первые жизненные драмы и испытания оставили неизгладимый след в душе актрисы. Она начала применять таблетки для похудения и от бессонницы. Мать контролировала каждый шаг дочери, не позволяя той ничего, что отвлекало бы от кино. Съемки шли непрерывно. Джуди Гарланд была одной из самых разносторонних актрис в американской индустрии развлечений.

Для Винсенте Минелли все еще было впереди. Он начинал режиссером и художником сцены в мюзик-холле Радио-Сити, затем уехал в Голливуд, снимал фильмы. Наконец ему доверили картину с участием Джуди Гарланд. Для него это был шанс. И он его использовал.

Винсенте был необыкновенно талантливым человеком, широко образованным, с утонченным вкусом. Внешне, по своему поведению, Джуди — избалованная вниманием звезда, не скрывающая своих эмоций, имела мало общего с Винсенте. Однако как только начались съемки фильма в студии «МГМ», они понемногу начали склоняться к признанию таланта друг друга, а вскоре и влюбились. Джуди поняла, что картина «Встречайте меня в Сент-Луисе» была настоящим произведением искусства. Минелли был непревзойденным мастером постановки массовых сцен. Винсенте, в свою очередь, был загипнотизирован чарами и хрупкостью Джуди.

Он был на 19 лет старше Гарланд. Вскоре Винсенте стал играть роль наставника по отношению к ней: доставал ей книга, знакомил с французской литературой, классической музыкой, искусством. Он обнаружил, что Джуди — способная ученица. Она была любознательна, сообразительна и обладала способностью легко распознавать подлинное качество и стиль.

«Встречайте меня в Сент-Луисе» принес громадный успех как Винсенте, так и Джуди.

Весной 1944 года они стали жить вместе. Минелли познакомил свою подругу с кипучей жизнью Нью-Йорка.

В июне 1945 года она и Винсенте поженились. Гарланд поклялась, что перестанет принимать таблетки. Их следующая совместная работа «Часы», в которой Джуди сыграла свою первую драматическую роль, была также успешной, и, согласно опросу Гэллапа, Гарланд была признана одной из пяти самых популярных звезд в стране.

Джуди и Винсенте души не чаяли в своей дочери, и, в отличие от многих других детей артистов Голливуда, Лайза мало времени проводила в детской, вдали от своих родителей. Она была неизменной любимицей и баловнем, которую окружали вниманием, восторгами и серенадами.

Однако Джуди, которая привыкла к роли единственного «ребенка» Винсенте, стала время от времени испытывать плохо скрываемое чувство зависти к Лайзе из-за его пламенной любви к дочери… Подверженная приступам колита и бессонницы, Джуди пытается найти спасение в легких наркотиках.

Прием наркотиков привел к параноидальным явлениям, быстрой смене настроений и резким вспышкам раздражения. Все это не могло не отразиться на ее карьере, чей немеркнущий блеск начал тускнеть…

Винсенте боролся за то, чтобы сохранить семейный союз и спасти Джуди от ее пристрастия к наркотикам. Только Лайза давала ему уверенность и постоянство, и с самого начала именно в ней он искал надежду на счастье.

Лайза стала свидетельницей яростных споров, попыток самоубийства… Вместе с тем Джуди и Винсенте делали все, чтобы в детстве дочь испытала все радости материального благополучия своих родителей, ни в чем не отставая от детей других актеров Голливуда…

Дом Джуди Гарланд и Винсенте Минелли был гостеприимным. В нем любили бывать Дирк Богард и Лорен Бэкол, Гарольд Арлен, написавший для Джуди ее знаменитую песню «Поверх радуги», Заза Габор.

На праздниках для детей часто устраивались катания на ослике, кукольные представления, просмотр всех последних картин. Позднее Лайза писала: «Когда твоя мать — Джуди Гарланд, а отец — Винсенте Минелли, кинорежиссер, у тебя в жизни остается один-единственный путь: пойти по их стопам».

Маленькая Лайза жила в радости и довольстве. Особенно ее баловал отец, внушивший ей уверенность в том, что она самая лучшая девочка на свете. В три года ее сняли в эпизоде в фильме «Старым добрым летом», где она появляется в последней сцене в роли ребенка Ван Джонсона и Гарланд. В то время Джуди сама заметила: «Лайза теперь понимает, когда мы заводим беседу о нашей работе в студии. Я полагаю, что профессия актера — чудесная вещь, и я уверена, что она сделает Лайзу счастливой».

Самой Джуди участие в шоу-бизнесе никогда не приносило полного счастья и уверенности, она часто мечтала о нормальной жизни. В конце, оглядываясь назад, на свою разбитую жизнь, она заключила: «Голливуд забрал у меня мое детство, мой покой».

Летом 1949 года Гарланд проходила лечение шокотерапией, после того как несколько раз пыталась наложить на себя руки… Однако, только успев выйти из больницы, на попечение измученного Винсенте, Джуди опять теряет над собой контроль, прибегая к таблеткам и барбитуратам.

Винсенте оказался не в состоянии побороть привычки Джуди. 22 декабря 1950 года Гарланд и Минелли расстались. Официально они развелись в начале 1951 года, потратив большую часть денег на оплату психиатрам и на медицинский уход за Джуди. Согласно соглашению об опекунстве, Лайза должна была проводить по шесть месяцев то с матерью, то с отцом.

Лайза постоянно требовала любви к себе, и Винсенте не останавливался ни перед чем для удовлетворения ее желаний. Он читал ей

книжки, рассказывал сказки, водил гулять, кормил, учил. Винсенте приводил дочь на съемочную площадку; зная, что девочка обожает танцевать, попросил Фреда Астера давать ей уроки танца.

Винсенте полагал, что для Лайзы будет очень важно воочию познакомиться с громадным талантом матери, чтобы лучше понять ее. С этой целью он отправляет дочь в Англию, где она проводит целую счастливую неделю с Джуди, разделяя с ней блеск триумфального приема, оказанного актрисе страной, которая всегда так любила ее.

По возвращении домой шестилетняя Лайза узнает из вечерней программы новостей о том, что Джуди вышла замуж за Сила Лафта. 21 ноября 1952 года Гарланд родила вторую дочь — Лорну Лафт. Винсенте высказал надежду, что Сил сделает ее жизнь более спокойной. Он мечтал, чтобы у Лайзы наладились хорошие взаимоотношения с Джуди, но правда была неутешительной. «Джуди чаще всего души не чаяла в Лайзе, но наступали периоды, когда она полностью забывала о ней. Слава Богу, я мог быть рядом с ней в это трудное время».

Впервые на сцене с матерью Лайза появилась в театре «Палас», где она танцевала перед публикой, в то время как Джуди пела «Свани», и она никогда не забудет вал аплодисментов, захлестнувших их.

Винсенте Минелли женился во второй раз в 1954 году на француженке Жоржетт Мартель, от этого брака у него родилась дочь Тина-Найна, но Лайза до конца дней оставалась его самой большой привязанностью. Брак с Жоржеттой длился пять лет. Затем сводная сестра Лайзы переехала с матерью в Мексику.

В 1960 году Винсент Минелли женился в третий раз, опять на француженке, женщине умной и властной, имевшей на Лайзу большое влияние. У отца был дом на бульваре Заходящего Солнца, и в нем было тепло и уютно.

Когда Лайза заявила о своем решении стать актрисой — Винсенте, который всегда поддерживал любое начинание дочери, дал ей свое благословение. В Лос-Анджелесе Лайза сообщает о своем желании матери. Всегда обладавшая тонкой интуицией, Джуди также дала согласие.

Премьера мюзикла «Флора, Красная опасность» с участием Лайзы состоялась 11 мая 1965 года на Бродвее. Успех был большой. Мать прислала телеграмму: «Моя дорогая девочка, я уверена, ты будешь блестящей сегодня вечером, ничего не бойся, выйди на сцену и убей их всех в зале наповал. Я люблю тебя. Мама». Телеграмма отца была короткой: «Наилучшие пожелания моей любимой девочке. Я люблю тебя очень крепко».

В ноябре 1965 года Джуди Гарланд вышла замуж за молодого актера Марка Херрона, уехала с ним в Австралию. В состоянии опьянения упала на сцене в Мельбурне во время концерта, не могла вспомнить ни одного слова из песенок, которые распевала всю жизнь. Срочно покинув Австралию, в Гонконге Джуди пыталась в двадцать третий раз покончить жизнь самоубийством.

Лайза старалась относиться к матери нежно, но постепенно начала избегать частого общения, она боялась скандалов. 22 июня 1969 года Джуди Гарланд все-таки покончила жизнь самоубийством, ей было 47 лет. Тело ее привезли из Лондона, в аэропорту имени Джона Кеннеди гроб

встречала Лайза. «Мама прожила восемь жизней, уместив их в одну. Она была великой звездой и великим талантом, и всю оставшуюся жизнь я буду благодарна судьбе, что я ее дочь», — произнесла Лайза Минелли в те горькие дни, когда Америка хоронила Джуди Гарланд.

У Лайзы остался только отец, с которым она поддерживала теплые отношения. Винсенте попросил ее сняться в его фильме «Это покажет время», сыграть провинциальную девушку, приехавшую в Рим в 1949 году и поступившую горничной к старой графине. Фильм снимали в Риме на пьяцца Навона. Винсенте Минелли не снимал почти шесть лет, ему приходилось трудно. Фильм успеха не имел. Для Лайзы это был еще один удар, для отца — трагедия. Больше он ничего не снимал. Винсенте Минелли умер в 1986 году.

Хэмфри Богарт и Лорен Бэкол

О голливудском актере Хэмфри Богарте говорили, что он мог казаться «крутым», даже не доставая пистолет. Между 1932 и 1942 годами Хэмфри появлялся на экране в тридцати шести лентах, причем в двадцати двух из них был застрелен, повешен, посажен на электрический стул или брошен за решетку. Богарт и в жизни был суров, холодно-насмешлив. Ночи напролет он проводил с дружками в барах. «У меня нет доверия к тем, кто не пьет», — говаривал он.

Хэмфри Богарт родился в 1899 году в Нью-Йорке. Его отец был хирургом, мать — преуспевающим художником-иллюстратором. Богарт учился в одной из привилегированных частных школ. Но увлекся театром и к двадцати годам уже сыграл несколько ролей на Бродвее. Во времена Великой депрессии Хэмфри остался без работы, добывая деньги игрой в шахматы или бридж.

Богарт прославился в один день, сыграв в 1934 году роль гангстера Дюка Монти в спектакле «Окаменевший лес».

Права на постановку фильма на основе пьесы купила компания «Уорнер бразерс». Богарту предложили роль злобного убийцы, и он едет в Голливуд. За ним надолго закрепилось амплуа жестокого негодяя. Успех принесли Богарту картины «Мальтийский сокол» и «Касабланка».

Но семейная жизнь у «крутого парня» не складывалась. С первой женой, театральной актрисой Хелен Менкен, он прожил всего десять месяцев. Второй брак с бродвейской актрисой Мэри Филипс длился восемь лет, хотя по сути распался задолго до развода.

В 1938 году Богарт женился на сущей фурии Мэйо Метт, также актрисе. В первые дни совместной жизни Хэмфри находил воинственность супруги возбуждающей, ее поведение раскрепощало его. Эту пару стали называть «Боевые Богарты». Однако артистическая карьера Мэйо Метт не складывалась, и она все чаще топила тоску в алкоголе. Богарт же становился все более знаменит. Несколько раз Мэйо предпринимала попытки самоубийства, поджигала дом. Доставалось и мужу. Однажды она ранила его кухонным ножом.

В 1945 году Богарт снимался в фильме Говарда Хоукса «Иметь и не иметь» по роману Эрнеста Хемингуэя. Он играл роль Моргана, американца, грубого морского волка с золотым сердцем. На роль героини, Мари, была выбрана девятнадцатилетняя красавица с миндалевидными глазами. Лорен Бэкол только что окончила Нью-Йоркскую академию драматических

искусств. Урожденная Бетти Джоан Перске, она взяла фамилию матери, Бэкол, еще ребенком, когда отец сбежал из семьи. На киностудии Хоукс дал ей имя Лорен. Но друзья по-прежнему звали ее Бетти.

Впервые попав на съемочную площадку, юная актриса страшно нервничала. Но Богарт, как настоящий джентльмен, делал все, чтобы успокоить ее. При встрече он сказал Бетти, что видел ее пробы и что они повеселятся вместе. Очень скоро Бэкол поняла, что окружена великими. Кроме Хоукса и Богарта, она часто видела Уильяма Фолкнера, работающего над сценарием.

Каждый день Хоукс собирал своих актеров. Сначала они читали текст, затем сцена проигрывалась до тех пор, пока не начинала устраивать режиссера. Богарт помогал партнерше.

По сценарию главные герой и героиня ощущают взаимное влечение с первой же минуты их встречи. После нескольких вызывающе дерзких словесных дуэлей Мари сама садится к нему на колени, целует его и с наивным бесстыдством заявляет: «Будет еще лучше, если ты мне ответишь!» Когда Морган не отвечает на ее поцелуй, она произносит ставшие знаменитыми слова: «Не нужно ничего говорить и ничего делать. Совсем ничего. Или, может быть… просто свистни! Ты ведь умеешь свистеть? Это так просто — сложить губы трубочкой и свистнуть…»

Спустя три недели после начала съемок Богарт зашел к Бетти в гримерную, чтобы пожелать спокойной ночи, и вдруг наклонился и поцеловал ее. Затем записал номер ее телефона. Девушка была поражена.

Несмотря на большую разницу в возрасте, они страстно влюбились друг в друга. Бетти была без ума от его индивидуальности, интеллигентности, язвительного остроумия. Они называли друг друга «Слим» и «Стив» по именам героев из фильма «Иметь и не иметь».

Богарт и Бэкол теперь много времени проводили вместе. Каждую ночь они говорили по телефону. Хэмфри предпочитал соблюдать осторожность. Мэйо была очень ревнива.

Мать Бетти не одобряла увлечение дочери. Даже Говард Хоукс, который еще недавно прочил великое будущее своей протеже, был недоволен их затянувшимся романом.

Но вот закончились съемки. Хоукс был доволен, тиранический Джек Уорнер тоже. Богарт радовался. Только Бэкол тревожилась. Ей казалось, что все закончится и станет в один ряд с другими любовными историями, как того хотелось Хоуксу. К счастью, она ошиблась.

Второй фильм — «Порт страха» принес Лорен Бэкол долгожданную известность. Счастливая комбинация Богарт — Бэкол так понравилась публике, что режиссер Хоукс пригласил актеров в свою экранизацию детектива Р. Чандлера «Долгий сон».

10 мая 1945 года Богарт получил развод, а уже 21-го числа на ферме друзей в Огайо сочетался браком с Лорен Бэкол. Невеста была в розовом платье, жених — в сером костюме. Они обменялись золотыми кольцами в присутствии родственников и друзей. Богарт подарил Бэкол свисток с выгравированной надписью: «Если ты чего-то захочешь, только свистни», а Джек Уорнер — роскошный открытый черный «бьюик».

Лорен Бэкол оказалась такой женой, о какой Хэмфри мог только мечтать. Она была готова пожертвовать карьерой актрисы ради домашнего

очага. Бетти не стала отваживать друзей мужа, а, напротив, часто присоединялась к их теплой компании, которую она называла «Крысиная стая». Сюда входили Фрэнк Синатра, Джуди Гарланд, Пол Дуглас, Джон Бишоп…

Бетти понимала мужа лучше, чем кто-либо другой, и невозмутимо справлялась со вспышками ярости у Богарта, случавшимися после обильных возлияний. «Счастливые браки не строятся на одном товариществе. Все мы нуждаемся в любви и понимании, и, может быть, Богги (так звали его друзья) это нужно было даже больше других», — говорила она.

Когда сразу после свадьбы Хэмфри подарил ей норковую шубу, она расстелила ее на полу гостиной и, неспешно пройдясь по ней, сказала: «Я всегда мечтала ступать по мехам». Богги был счастлив.

В 1948 году супруги снялись в фильме «Кей Ларго» — тогда еще никто не знал, что они играют вместе в последний раз. У Богарта к тому моменту была одна проблема — он начал очень быстро лысеть. Это взволновало его до такой степени, что он стал меньше пить. Бетти обычно добивалась всего, чего хотела, и она решила, что Хэмфри должен стать отцом.

6 января 1949 года появился на свет Стивен Богарт, названный по имени героя фильма «Иметь и не иметь». День рождения сына Богги отпраздновал в кругу друзей. Майк Романов, Фрэнк Синатра, Пол Дуглас помогали счастливому отцу освоиться в новой роли отца с помощью изрядного количества мартини.

Счастливые родители установили переговорное устройство между спальней и детской. Однажды Бетти случайно подслушала, как Богги разговаривает с сыном. Он был несколько смущен, так как не знал, что говорить грудному ребенку: «Хэллоу, сынок. Ты маленький мальчик, не так ли? Я твой папа. Добро пожаловать домой».

«После моего рождения распорядок дня отца почти не изменился, — пишет в книге „В поисках отца“ Стивен Богарт. — Он работал на студии каждый день и делал в среднем две картины в год. Домой приезжал в семь часов вечера. Затем ему хотелось побыть одному, и поэтому он не ужинал с нами».

Когда три года спустя родилась Лесли, Богарт чувствовал себя гораздо увереннее. Он проявлял к девочке больше нежности, сажал ее на колени и качал. Это была папенькина дочка. Богарт уже не исчезал из дома в ночь, но одной традиции остался верен до конца жизни: каждую субботу он ходил к островам на своей яхте «Сантана». «Я что угодно продам, но яхта будет у меня всегда», — говорил он. Когда была напечатана повесть Хемингуэя «Старик и море», Богги сказал жене: «Вот, прочти. Именно это я и чувствую, гуляя по волнам».

Богарт и Бэкол провели вместе двенадцать лет. Нельзя сказать, что их супружество было идеальным. Бывали и ссоры. Но, как заметила Кэтрин Хэпберн, снимавшаяся вместе с Богартом в фильме «Африканская королева», «даже когда они ссорились, между ними сохранялось полное доверие друг к другу. Они совершали это с изяществом двух кошек, запертых в одной клетке». Премия «Оскар», полученная Богартом в 1952 году за исполнение главной роли в «Африканской королеве», увенчала

карьеру непревзойденного мастера.

В 1954 году на съемках «Босоногой графини», где Богарт играл с Авой Гарднер, его работе стал мешать изнурительный кашель. Превозмогая усиливающиеся боли в груди, он принял участие еще в четырех фильмах, ни разу не пожаловавшись на недомогание.

В 1956 году ему поставили диагноз — рак горла. Лорен Бэкол держала это от мужа в секрете. Когда после тяжелой операции Богарта привезли домой, на пороге его встречали жена и дети. По щекам Хэмфри покатились слезы. «Часто спрашивают, зачем нужно жениться… Вот за этим», — прошептал он.

Бэкол была с ним до последней минуты. Смерть наступила 14 января 1957 года. Богарт прожил три недели после своего пятидесятисемилетия.

Вся страна была в трауре. У дверей Епископальной церкви всех святых в Беверли-Хиллз собрались три тысячи человек. Панихиду вел Джон Хьюстон. На столе, обитом черным сукном, вместо гроба стояла модель яхты «Сантана». А в это время тело ее бессменного капитана отправлялось в свой последний путь — в крематорий «Форест Лоун». В руку мужа Бетти вложила тот самый свисток, который он подарил ей когда-то. «В этом городе много девчонок, но я женился на настоящей леди» — эти слова, сказанные Богартом сразу же после их свадьбы, Лорен Бэкол будет вспоминать еще долгие годы.

Хуан Перон и Эва Дуарте

Чету Перон называли идеальной политической парой. Хуана латиноамериканцы считали идеалом мужчины, Эву — женщиной, «сделавшей себя».

Она была пятым ребенком землевладельца Хуана Дуарте и посудомойки Хуаны Ибаргурен. Родители находились во внебрачной связи. В 16 лет Эва, мечтавшая о карьере актрисы, уехала в Буэнос-Айрес. Здесь она находит покровителя — издателя Э. Картуловича, благодаря которому дебютирует в кино. Вскоре издателя сменил мыльный фабрикант. Так Эва добралась до места ведущей актрисы в радиотеатре национальной радиокомпании.

Когда в 1943 году в Аргентине произошел военный переворот, Эве удалось соблазнить полковника Имберта, занимавшего пост министра связи.

В январе следующего года ужасное землетрясение уничтожило старейший колониальный город Сан-Хуан. Эва приняла участие в кампании по сбору пожертвований и убедила своего покровителя Имберта организовать грандиозный благотворительный вечер в Луна-Парке.

Во время этого шоу Эва Дуарте заметила, что в центре внимания находится другой полковник — Хуан Перон, статный и моложавый. Он сидел в первом ряду зрителей. Улучив момент, Эва заняла место рядом с ним, чтобы потом уже никогда и никому не уступать его. Благотворительный вечер закончился их первым свиданием в одном из отелей прибрежного района Эль-Тигре…

Хуан Перон родился в небольшом аргентинском городке-крепости Лобос. Он был типичным аргентинцем по родословной: испанско-креольской и сардинской от прадедов матери и

баскско-французской по землевладельцу-отцу.

В 1928 году он женился на молодой музыкантше Аурелии Тисон, которая через десять лет умерла от рака.

Закончив высшую военную школу, Хуан преподавал в ней военную историю и стратегию. Благодаря связям в военных верхах Перон сделал дипломатическую карьеру. В начале 1944 года он занял посты военного министра и секретаря труда и обеспечения, а затем вице-президента. В правительственных и военных кругах его за глаза называли «оперным призраком», появлявшимся неожиданно где угодно.

Один из современников Перона писал: «Он был красивым мужчиной атлетического сложения, ростом около 180 сантиметров, с шевелюрой черных волос, зачесанных назад, открывавших широкий лоб, с темно-карими, почти черными сверкающими глазами и лицом, пышащим полнокровием от мелких вен, проступающих на его выдающихся скулах».

Эва Дуарте всерьез увлеклась Хуаном, хотя полковнику было уже 48 лет, а ей всего 24. Их любовная связь была мезальянсом в глазах многих военных коллег Перона. Чтобы завоевать Хуана и затем стать его гражданской женой (хотя в Аргентине не принято жениться на любовницах), Дуарте пришлось превратиться в публичного политика.

Эва организовала в своей квартире нечто вроде салона для сторонников Перона. Она появлялась рядом с Хуаном на публике, сопровождала его на профсоюзных собраниях и во время походов по рабочим кварталам.

Однако военный переворот 9 октября 1945 года привел к отставке Перона со всех постов и заключению его в тюрьму на одном из островов.

Эва Дуарте, тут же потерявшая место на «Радио Бельграно», обратилась за помощью к профсоюзным лидерам и безрубашечникам — выходцам из бедных провинций. «Эвита была той женщиной из народа, которая встала рядом с Пероном, не имея ни политического опыта, ни предрассудков, — писал один из ее соратников, — поэтому она явилась новатором при проведении массовых кампаний».

Грандиозное выступление безрубашечников привело к освобождению Хуана из тюрьмы. Отныне день 17 октября будет торжественно отмечаться как главный перонистский праздник «Освобождения лидера».

На следующий день Хуан Перон и Эва Дуарте заключили гражданский брак, подтвержденный церковной церемонией 10 декабря.

Будучи законной супругой кандидата в президенты, Эва сопровождала Перона на всех предвыборных митингах, фактически возглавляя его предвыборный штаб.

В феврале 1946 года Хуан Перон стал народным президентом. Эва превратилась в Эвиту — так ее теперь называли перонисты. Она стала Первой дамой в республике.

Хуан и Эва составили идеальную политическую пару, действовавшую согласно формуле «Перон управляет, Эва представляет». Он был образцом мужчины и идеалом нации, она — прекрасной латинской женщиной, хранительницей национальных и семейных ценностей. Высокий красивый брюнет с мужественными чертами лица и хрупкая красавица блондинка. Президент всегда вставал при ее появлении, а при уходе

провожал до дверей и целовал руку. На публике они расточали друг другу комплименты. Хуан называл ее мостом любви между ним и народом. У Эвиты не было детей — она была матерью нации.

Их первым семейным домом стал президентский дворец Каса Росада. Залы Розового дома, декорированные позолоченной мебелью и картинами XIX века, были более пригодны для дипломатических приемов, чем для личной жизни.

Эвита по старой привычке, приобретенной за артистическую карьеру, не разделяла дни и ночи в своей работе. Перон же был сторонником строгого распорядка дня, регулярного отдыха и сна. Бывали случаи, что, когда он вставал, его жена только ложилась спать.

Перон был безусловно уверен в ее преданности, фанатичной вере в него лично и в перонизм. Супруги контролировали четыре крупнейшие газеты и все радиокомпании. С недовольными безжалостно расправлялись. Эвита занималась делами профсоюзов, применяя политику кнута и пряника. Ее фонд назывался благотворительным, но горе было тому, кто не перечислит в него деньги.

Майская площадь перед президентским дворцом и самый широкий в столице проспект Авенида Ривадавия собирали ежегодно 9 июля миллионную толпу, которая исполняла перонистский гимн и взывала: «Перон, Перон!», «Эвита, Эвита!». И тут на балконе или трибуне появлялась «блистательная пара». Первым брал слово Хуан, подняв обе руки вверх и как бы укрощая людское море. Потом выступала Эвита.

В 1947 году состоялась первая международная поездка Эвиты. Аргентина находилась в экономической блокаде, и, чтобы преодолеть недоверие европейских стран, Перон послал жену-красавицу в Европу. Вслед за ее самолетом двинулся по морю аргентинский сухогруз с мясом и пшеницей для европейцев. Эвите предстояло завоевать и европейскую элиту, и публику из народа.

Во время двухмесячного турне она посетила Испанию, Францию, Италию, Швейцарию… Ее встречали на высшем уровне. Франко вручил Эвите высшую награду Испании. Ее принял папа римский… Но не было дня, чтобы она, устно или письменно, не общалась с Хуаном.

Очередная президентская кампания 1951 года открылась обшей перонистской ассамблеей, собравшейся под девизом «Эвита с Пероном» и выдвинувшей формулу: «Хуана Перона — в президенты, Эву Перон — в вице-президенты!».

Главной и печальной причиной для отказа от выдвижения своей кандидатуры для Эвы явился страшный медицинский диагноз: она больна раком. Несмотря на самую квалифицированную помощь зарубежных медицинских светил и специальный курс лечения в одной из швейцарских клиник, Эвита слабела с каждым днем.

День 17 октября 1951 года был посвящен публичному чествованию Эвиты. Прежде чем предоставить ей слово, Перон попросил многотысячную толпу хранить тишину, чтобы были слышны ее слова. Он поддерживал жену за талию. Но даже в такой момент Эвита призвала народ к бдительности, к готовности умереть за Перона. Сцена, когда президент прикреплял высший перонистский орден на ее груди, а Эвита рыдала на его плече, как и весь этот траурный прижизненный митинг, запечатлены в документальной

хронике. Любовь с большой буквы стала вскоре частью перонистской мифологии, и некоторые ее выражения пережили самих героев. Например, одна из фраз в предсмертной речи Эвиты: «Не плачь, Аргентина! Я оставляю тебе самое дорогое, что у меня есть, — Перона».

Она умирала в мучениях в самой скромной из президентских резиденций, на улице Либертадор. Ее окружали родные, духовник и Перон, который отлучался только по самым неотложным государственным делам. Эвита отдала указания, как забальзамировать ее тело, и точные инструкции о своем посмертном туалете, прическе и макияже.

Эва Дуарте скончалась 26 июля 1952 года. Враги торжествовали, народ скорбел. В течение суток ее тело забальзамировал испанский патологоанатом Ара.

Подобных похорон Латинская Америка еще не знала. Вся Аргентина прощалась с Эвитой. В память о ней прошло грандиозное факельное шествие.

Ее останки хранились как священная реликвия в часовне центрального здания Всеобщей конфедерации труда. В 1956 году они были похищены военными, перевезены через океан и тайно захоронены в Милане под именем другой женщины.

Перон, оповестивший народ, что «Эвита ушла в вечность», не мог убедить всех, что она действительно умерла.

Умирая от рака, Эвита умоляла мужа никогда не верить военным. И заклинала полагаться только на народ. Но через несколько месяцев после ее смерти страну потряс очередной военный переворот. Хуан Перон бежал из страны.

Опальный политик, лишенный гражданства, званий, состояния и всех прав, долгое время был вынужден жить на чужбине. Отмечая свое 60-летие в узком кругу друзей, Перон с усмешкой заметил: единственное, что он заслужил, — это право на частную жизнь. Он женился на бывшей танцовщице Исабель Мартинес.

В начале 1970-х Перону позволили переехать в Аргентину. Военные власти вернули ему звания и гражданские права, прерогативы бывшего президента, включая пенсию и охрану, генеральский чин, а также… останки Эвиты.

Перон активно включился в политическую жизнь страны. Президентские выборы 23 сентября 1973 года принесли ему победу в паре с Исабель Мартинес. Они получили более шестидесяти процентов голосов — беспрецедентное большинство в условиях Аргентины.

Но торжество оказалось недолгим. Перон скончался от инфаркта 1 июля 1974 года.

Фрэнк Синатра и Ава Гарднер

Если кто-то произносит или пишет слова «олд блю айз», любой американец понимает, что речь идет об эстрадном певце и киноактере Фрэнке Синатре. Глаза у него были на редкость интенсивного голубого цвета. Невысокий, худощавый, считавшийся в конце 1940-х лучшим американским эстрадным певцом, он обладал завораживающей исполнительской манерой. Когда Фрэнк пел, каждой женщине в зале казалось, что он поет только для нее одной.

Фрэнсис Альберт Синатра был единственным ребенком в итальянской семье. Петь он начинал в придорожном заведении в Нью-Джерси.

Неприятности с женщинами начались у Фрэнка на заре его эстрадной карьеры. В 1938 году 23-летний певец закрутил бурный роман с Антуанеттой Франке. Синатра пообещал жениться на ней, если она разведется с мужем. Когда же Антуанетта выполнила его условие, Фрэнк вдруг заявил, что родители подобрали для него девушку-итальянку, и в феврале 1939 года женился на Нэнси Барбато. Она безумно любила Синатру и не только материально поддерживала будущую знаменитость, но и родила двух дочерей и сына. Конец этому браку положила встреча Фрэнка с актрисой Авой Гарднер. Их бурный роман — одна из самых сумасшедших любовных историй, когда-либо происходивших в киномире.

Гарднер, как и Синатра, происходила из бедной семьи. Она была дочерью фермера из Северной Каролины. Ее детство — длинная цепь тягот и лишений. Однажды Ава приехала погостить к сестре в Нью-Йорк, муж которой был фотографом. Он сделал несколько снимков девушки и отослал их в кинокомпанию «МГМ». В 1940 году Ава попала в Голливуд. Она была знойной красавицей, с темными волосами, грудным голосом, ямочкой на подбородке и сексуальностью пантеры. У всех мужчин возникало желание закрутить с ней роман.

В 1946 году Гарднер получила известность, снявшись в фильме Роберта Сьодмака «Убийцы». В это время актриса познакомилась с Фрэнком Синатрой. Он был знаменит, его песни распевала вся Америка, а Гарднер только вступала на путь славы. Она уже побывала замужем — за комиком Микки Руни и кларнетистом Арти Шоу.

После буйной вечеринки Ава и Фрэнк всю ночь разъезжали по улицам калифорнийского городка. Она палила в воздух из бутафорских пистолетов и хохотала. А Фрэнк подбадривал ее громкими ругательствами. Их связывало родство душ и общие увлечения — изысканная еда, крепкая выпивка. Оба были вспыльчивы, ревнивы, но быстро отходили. Фрэнк любил бокс, Ава — корриду.

Гарднер поддерживала отношения с миллиардером Говардом Хьюзом — у того было гораздо больше возможностей баловать ее, чем у Фрэнка, который все же был женат и к тому же испытывал финансовые трудности. Хьюз дарил ей обувные коробки с бриллиантами, выполнял ее любой каприз.

Когда заболела мать Авы, Хьюз выслал к ней самолет с медицинскими светилами. Она называла его «личным пилотом». Дружба с Хьюзом сохранилась у нее на всю жизнь. Он единственный, кто в день пятидесятилетия прислал актрисе шикарный букет алых роз.

Но Ава полюбила Синатру. Довольно долго они скрывали свои отношения. Вернувшись в Голливуд, Фрэнк вынужден был сказать Нэнси, что уже полтора года неразлучен с Авой и хочет получить развод.

Отношения с Гарднер доставляли Фрэнку немало страданий. Он требовал, чтобы Ава больше не встречалась ни с одним мужчиной и принадлежала ему одному. Сам же при этом не торопился разводиться с Нэнси. В отместку Ава крутила любовь с другими, зачастую только ради того, чтобы Фрэнк сходил с ума от ревности. Свои чувства он выразил в

балладе «Глупец, я захотел тебя». О том, как он ее спел, рассказывают легенды. Синатра был настолько измучен этой женщиной, что оказался в состоянии исполнить эту песню только раз. И, едва не разрыдавшись, выбежал из студии.

Фрэнка пригласили выступить в «Копакабану». Уверенный, что скоро получит вожделенную свободу, он пригласил на вечер Аву. Она явилась сильно декольтированная, во всем блеске своих двадцати шести лет.

Критики шумели, что у Синатры сел голос и что Ава Гарднер — разрушительница семейного счастья. Она пришла в ярость и решила отправиться в Испанию на съемки «Пандоры» на две недели раньше намечавшегося срока.

Ава улетела в Испанию, а Нэнси отпраздновала свой день рождения в новой норковой шубе, подаренной Фрэнком.

Гарднер не просила его о разводе. Во время съемок в Испании фильма «Пандора» газеты писали о романе Гарднер с партнером по съемкам тореро Марио Кабре. Все время, свободное от съемок, Ава проводила на трибунах стадионов и однажды даже попробовала сама сразиться с быком.

Синатру ждала новая драма. 26 апреля 1950 года в «Копакабане» он открыл рот, и, по его выражению, «оттуда вылетело только облачко пыли». В ужасе от того, что потерял сокровище, которое стоило миллионы долларов, Фрэнк полетел в Испанию, где жила Ава.

Репортеры принялись живо обсуждать, когда состоится свадьба. Одновременно пошли слухи, что Ава завела роман с тореадором Марио. Это выглядело тем более убедительно, что Фрэнк вдруг уехал в Париж. Потом он вылетел в Америку, чтобы выступить — за хороший гонорар — в шоу Боба Хоупа. Они предполагали встретиться в Лондоне. И вдруг оттуда пришла весть о том, что Ава сблизилась с актером Ричардом Грином. Газеты сообщили, что Фрэнк пытался отравиться снотворным.

Встретившись в Голливуде, Фрэнк и Ава таинственно исчезли. Телефон в доме актрисы был отключен.

Общие друзья осаждали Нэнси, уговаривая ее согласиться на размол. Но менеджер Синатры Джордж Эванс предупредил своего клиента: если он бросит жену с тремя детьми, может смело ставить крест на карьере. Но даже эта угроза не удержала ослепленного любовью Фрэнка от решительного шага, и на пятнадцатом году совместной жизни он развелся с Нэнси. Без горечи и сожалений.

Синатра сразу же попытался оформить брак с Авой. Но никакой поблажки им не дали — пришлось ждать до ноября.

В октябре 1952 года в газете «Пост» появилось сообщение под заголовком «Фрэнки выгнал Аву». По версии полиции, Синатра пришел в ярость, когда жена пригласила погостить у них в доме Лану Тернер, которая тогда страдала от размолвки с актером Фернандо Ламасом.

Здесь могла быть и другая причина: гибкая пышногрудая блондинка Мэрилин Максвелл, которую Ава, знавшая о ее романе с Фрэнком, увидела на его концерте. «Ты пел специально для нее», — укоряла она мужа.

Но вскоре на сцене голливудского «Палладиума», они и помирились, долгожданная свадьба состоялась. Его любовь к Аве была

по-старомодному романтичной. У себя в кабинете он разместил целую коллекцию ее фотографий, освещенную мягким светом.

Ава Гарднер прочно утвердилась в роли кинозвезды. Она была кормилицей в семье. Вынести такое самолюбивому итальянцу былонелегко.

Синатра загорелся идеей сыграть Маджио, американского солдата в фильме «Отныне и во веки веков». Фрэнк предложил свои услуги за скромный гонорар. Всемогущий босс «Коламбии» Гарри Кон пообещал Синатре, что его обязательно пригласят на пробы.

Понапрасну прождав много дней, Синатра уехал в Африку, где Ава снималась вместе с Кларком Гейблом в «Могамбо». Он прилетел чартерным рейсом и привез на Рождество индеек, шампанское. Там же отметили годовщину свадьбы. «Я была замужем два раза, но никогда так долго», — иронизировала Гарднер на устроенной в эту честь вечеринке.

Синатру все-таки вызвали на съемки фильма «Отныне и во веки веков». Потом Кон рассказывал, что Ава позвонила ему по телефону из Найроби: «Вы обязаны дать эту роль Фрэнку, иначе он убьет себя».

В результате Синатра получил премию «Оскар» за роль второго плана. Самый авторитетный в мире кино журнал «Вэрайети» назвал его возвращение в шоу-бизнес триумфальным. Но самое главное — у Синатры восстановился голос, причем его исполнительская манера стала более зрелой и по-прежнему неотразимой.

Вернув себе популярность, Синатра потерял Аву. Она обвиняла Фрэнка в том, что, оказавшись на коне, он стал заносчивым и высокомерным. А еще страшно ревнивым. Фрэнком руководило желание безраздельно владеть женой. Он не прощал ей ни единого жеста независимости. В нем кипела унаследованная от предков сицилианская ревность.

Гарднер принадлежала к числу женщин, боровшихся за эмансипацию. В то же время она ревновала мужа к другим красоткам. Ава страстно любила Фрэнка, но жизнь с ним была невыносимой. Она уехала обратно в Испанию. В октябре 1953 года студия «МГМ» объявила о разводе мистера и миссис Синатра. Дело кончилось тем, что Ава осталась его поклонницей, другом, возлюбленной и время от времени — гостьей его дома.

Расставание с Авой (официально они развелись в 1957 году) Синатра перенес тяжело. После ее ухода Фрэнк в ярости разорвал на мелкие кусочки любимую фотографию Авы. Потом одумался и начал ее склеивать, но один кусочек потерялся. Когда недостающий обрывок нашел мальчишка-посыльный, певец на радостях подарил ему золотые часы.

У каждого была своя личная жизнь. Любовником Авы стал тореадор Луис Домингин.

Долгие годы Гарднер жила в Мадриде, затем в Лондоне. Она оказалась в полном одиночестве — любовники остались в прошлом, а детей у нее из-за неудачного аборта не было. Роли стареющих аристократок приносили мало удовлетворения… «Богиня Голливуда» незадолго до смерти призналась, что была несчастна, поскольку так и не встретила человека, которому могла бы довериться. Скончалась она в 1990 году от пневмонии. Синатра похоронил Аву за свой счет на ее родине, в Северной Каролине. Правда, на похоронах не присутствовал.

В жизни Фрэнка Синатры было еще множество увлечений и два брака. В 1966 году он женился на молодой актрисе Миа Фэрроу, хотя брак продолжался всего лишь год. Последней избранницей певца стала Барбара Маркс — бывшая супруга известного комика Зеппо Маркса. С ней он прожил больше двадцати лет.

Но все же Гарднер была единственной женщиной, которую Синатра по-настоящему любил и продолжал любить до самой ее смерти. Уже много лет спустя после их разрыва, когда Аве потребовалась помощь и срочная операция, он сделал все, что было в его силах, и заплатил за лечение большие деньги. Фрэнк каждую неделю звонил Аве.

Синатра умер 14 мая 1998 года в Лос-Анджелесе от сердечного приступа.

Ив Монтан и Симона Синьоре

Сегодня, когда группы туристов посещают Сен-Поль-де-Ванс (Франция, Прованс), гид обязательно ведет их в ресторан «Золотая голубка» и объясняет, что именно здесь познакомились знаменитые артисты Ив Монтан и Симона Синьоре.

Встреча эта была во многом случайной: 10 августа 1949 года Монтан заехал в «Золотую голубку» между выступлениями в Ницце и Каннах, а у Симоны здесь был свой домик, в котором она отдыхала вместе с четырехлетней дочерью. Синьоре была уже известной актрисой, снималась в нескольких фильмах своего мужа, режиссера Ива Аллегре. Ее девичья фамилия — Каминкер (Синьоре — псевдоним, взятый в честь знаменитого французского артиста Габриэля Синьоре). Родилась она в состоятельной семье и воспитывалась в строгости. В детстве Симона брала уроки музыки и английского языка.

Ив Монтан, непревзойденный шутник и юморист, певец и актер, был сыном итальянского крестьянина. Иво Ливи (Монтан — тоже псевдоним) с детства мечтал стать певцом. Но начинал он парикмахером, докером, чернорабочим. Большую роль в жизни Монтана играли женщины. Эдит Пиаф посоветовала ему исполнять французские песни. Во многом благодаря протекции великой певицы он попал на столичные подмостки.

На следующий день Монтан уехал на репетицию в Ниццу. Но уже днем вернулся в «Золотую голубку», хотя это не было предусмотрено программой. За десертом он взял за руку Симону и прошептал: «Какие у вас тонкие запястья!» — и с тех пор они не расставались.

Вечером у Монтана был концерт, и Синьоре пригласила его отдохнуть в своем доме. Ив с радостью согласился. Потом Симона ездила с ним на репетиции и на концерты, каждый раз возвращаясь в Сен-Поль-де-Ванс. Но вот выступления в Ницце закончились, Монтан продолжил гастроли в Даксе, а Симона призналась мужу, что полюбила другого. Ив Аллегре был потрясен, но повел себя великодушно.

Синьоре и Монтан сразу стали знаменитой парой. Однако Симона долго не решалась уйти от Аллегре: у них была общая дочь, она любила его сына от первого брака. Ив вспоминал: «Это было что-то огромное, буря страсти, радость, восторг, праздник, а потом ровно в семь она шла „домой“, то есть к другому».

Перед двухнедельными гастролями по Северной Африке Монтан сказал возлюбленной, что пришло время выбора — или жить вместе, или расстаться навсегда. Через несколько дней после его возвращения с гастролей Симона вместе с дочерью Катрин переехала к Монтану на улицу Лоншан в Нейи.

Летом 1951 года Синьоре не пропускала ни одного концерта с участием Монтана. «Знать, что Симона в зале, — совершенная радость, радость, которая меня возносит», — говорил певец.

Осенью режиссер Жак Беккер предложил Синьоре сняться в фильме «Золотая каска». После долгах колебаний она согласилась и сыграла одну из лучших своих ролей в кино.

22 декабря 1951 года в Сен-Поль-де-Ванс Иво Ливи женится на Симоне Каминкер. «Это именно такая деревенская свадьба, какой я ее себе представляла, — говорила Симона. — Я счастлива, как маленькая девочка наутро после Рождества».

Свадьбу сыграли в «Золотой голубке». На торжестве присутствовали Жак Превер (свидетель со стороны невесты), владелец «Золотой голубки» Поль Ру (свидетель со стороны жениха), Марсель Паньоль с супругой, Дина Дурбин, Пабло Пикассо, преподнесший молодым расписанную керамику и поздравление, сделанное фломастерами (во Франции их тогда еще не знали). Веселились от души.

В Бельгии они отправились на просмотр «Золотой каски». Монтан прослезился от восторга, увидев прекрасную Симону на экране. Но большинство зрителей скучало. Задетая за живое, актриса заявила, что уходит из кино.

Она посвящает себя Иву и Катрин, гуляет, читает книги и принимает гостей. Симона была интересной и остроумной собеседницей, владела несколькими языками. Она первой оценивала новые песни мужа, причем не обходилось без критики. Синьоре предпочитала называть мужа «Монтаном», потому что Ивом звали и Аллегре.

Друзья шутили, что в этом браке Ив был «ногами», а Симона — «головой». «К моменту знакомства у них не было ничего общего, кроме возраста, — отмечал французский журналист. — Ни славы, ни таланта, ни происхождения, ни связей в среде парижской интеллигенции, ни „культуры“. Симона, как боксер на ринге, вела по очкам — это было заметно. Но Ив был именно тот парень, который ей был нужен…»

Ив Монтан был непростым в общении, особенно с любимыми женщинами. Порой вел себя вызывающе, любил повелевать и, как многие большие актеры, упиваться своей славой. И тогда он становился непредсказуемым.

Спокойная, интеллигентная Симона с усмешкой реагировала на его поступки. Как-то она призналась своей близкой подруге: «Если бы ты знала, как я люблю его, этого парня… Жизнь без него — пустота…»

Монтан настоял на том, чтобы жена продолжила карьеру в кино. Режиссер Фрэнк Таттл пригласил Симону сняться в детективе «Загнанный». Правда, Ив не мог избавиться от чувства ревности, когда видел жену на съемочной площадке в объятиях другого актера, хотя понимал, что ревновать глупо.

Весной 1953 года Симона получает роль в фильме «Тереза Ракен» по роману Золя, а Монтан уезжает в Италию на съемки картины «Несколько шагов по жизни».

Актриса вернулась в Париж очень уставшая, фильм оказался еще более мрачным, чем роман Золя. В середине августа у нее случился выкидыш. Симона лежала в больнице, поправлялась очень медленно, шок был слишком силен.

Симона считала главным своим призванием — быть женой Монтана. Она часто сопровождала мужа в его гастрольных поездках, побывала с ним во многих странах, от Бразилии до Советского Союза. Жизнь на колесах нисколько не тяготила ее.

Брак Синьоре — Монтан выдержал немало испытаний. Достаточно вспомнить роман Ива с Мэрилин Монро. После нью-йоркских концертов Монтана пригласили сниматься в фильме «Миллиардер» (в американском прокате — «Займемся любовью»), где Мэрилин должна была играть главную роль.

Когда в январе 1960 года начались съемки, Монтан и Синьоре поселились в отеле «Беверли-Хиллз». Монро и ее супруг Артур Миллер жили по соседству. Каждый вечер они вместе ужинали в ресторане. Симона много говорила с Миллером, ее очень интересовал этот неординарный человек. Мэрилин же была просто очарована Монтаном.

Артур Миллер отправляется в Ирландию писать сценарий фильма. Симона должна ехать в Италию на съемки. Для нее эта история станет едва ли не самой большой драмой в жизни.

Между тем роман Монтана заканчивается с последним съемочным днем «Миллиардера». «Мысль о том, что я мог покинуть Симону, смешна», — объявил актер. Через несколько месяцев пара воссоединяется. Правда, спустя много лет Ив все-таки скажет: «Где бы я ни был, как бы ни жил, Мэрилин всегда будет со мной…»

Профессиональная карьера Монтана — на подъеме. Его с нетерпением ждут концертные залы Парижа. А когда он осенью 1961 года едет выступать в США, зал «Золотого театра» переполнен. Симона сопровождает его на гастроли, в том числе и в Америку, а потом — в Японию и Англию.

Монтан говорил: «Мы стареем вместе с Симоной, но стареем по-разному». Лучшие годы актрисы позади. Она очень располнела, ее голос стал тихим и еще более низким.

В 1976 году вышла книга Синьоре «Ностальгия уже не та, что раньше». Она писала ее в течение нескольких лет. Монтан первый прочитал книгу и был очень доволен Симоной, убеждая ее продолжать сочинять.

Наступил 1985 год, принесший Монтану самое большое несчастье в жизни. 30 сентября его Симона умерла от рака. Ее пытались прооперировать, но болезнь зашла слишком далеко. В последние годы, несмотря на надвигающуюся слепоту, она много писала, делала переводы, издала роман «Прощай, Володя», участвовала даже в телепередачах, причем зрители не замечали, что она почти ничего не видит.

Симону похоронили на кладбище Пер-Лашез. Монтан больше не приходил на ее могилу. Для него она не умерла. Ив продолжал мысленно

разговаривать с ней. «Я жалею, что огорчал ее. Об этом я жалею, только об этом». На концертах Ива теперь всегда оставалось одно пустое место в восьмом ряду. Место Симоны. «Весь мир знает, что Симона — это женщина, которую я больше всего любил».

Тем не менее в жизнь Монтана входит молодая Кароль Амьель. Они познакомились еще в 1982 году, когда девушка в качестве секретарши сопровождала Ива в турне по странам мира. Ей тогда было двадцать два. Любовники тщательно скрывали свои отношения от Симоны. 31 декабря 1988 года Монтан впервые становится отцом. В глубине души он надеялся дожить до 85 лет, до совершеннолетия сына Валентина. Но судьба отмерила ему совсем немного — в ноябре 1991 года великого артиста не стало.

Роберто Росселлини и Ингрид Бергман

Итальянского режиссера Роберто Росселлини часто называют «отцом неореализма». В 1945 году он снял фильм «Рим — открытый город», в котором правдиво изображалась жизнь народа. Этот фильм сыграл большую роль не только в творчестве режиссера, но и круто изменил его личную жизнь.

Роберто Росселлини был сыном архитектора. В 1936 году он женился на Марчелле де Марки из знатной аристократической семьи. Она родила ему двух сыновей — Марко и Ренцо. Но это не помешало Роберто закрутить бурный роман с актрисой Анной Маньяни, блистательно сыгравшей в его картинах неореалистического направления.

Весной 1948 года фильм «Рим — открытый город» случайно посмотрела голливудская актриса шведского происхождения Ингрид Бергман. Спустя некоторое время она познакомилась с еще одной работой Росселлини — «Пайза». Оба фильма ошеломили актрису. В Голливуде ей поручали роли очаровательных, трогательно беззащитных женщин, попавших во власть жестоких циничных мужчин. Бергман хотела избавиться от навязанного ей амплуа, и она пишет письмо Росселлини: «Я видела ваши фильмы, и они произвели на меня глубокое впечатление. Если вам нужна шведская актриса, которая хорошо говорит по-английски, еще не забыла свой немецкий, не слишком хорошо понимает по-французски, а по-итальянски не знает ни слова, кроме „люблю тебя“, то я готова приехать, чтобы сделать с вами фильм».

Росселлини отвечает Бергман, что собирается снимать «Стромболи, земля Божья». Можно подумать о совместной работе. Он сообщил также, что собирается на съемки в Амальфи, но прежде посетит Париж, где можно встретиться в отеле «Георг V». Бергман ответила, что приедет на встречу вместе с мужем Петером Линдстромом.

Вначале Росселлини хотел снимать фильм с Анной Маньяни. Но потом появилась Бергман, и он отдал роль шведке. Узнав об этом, разгневанная Маньяни вывалила ему на голову блюдо спагетти.

«Я не знала, женат ли он, — писала Ингрид Бергман в книге „Моя жизнь“. — Я думала о нем как о великом режиссере, с которым я хочу работать… Нас представили друг другу. Петер что-то сказал мне, но я его не слышала: я не могла оторваться от этих темных глаз, глаз Роберто. Он был лет на десять старше меня. Очень застенчив и совсем не похож на „человека кино“, в том плане, к которому я привыкла».

Вскоре после встречи в Париже Росселлини в поисках продюсера отправляется в Америку. Из Нью-Йорка он телеграфировал Линдстромам: «Прибыл с дружеским визитом». Ингрид улыбнулась, прочтя эти слова, и ответила: «Жду Вас на Диком Западе». Более двух месяцев провели они вместе, слушая музыку, болтая на смеси английского с французским, обсуждая «Божью землю».

Для Ингрид встреча с Роберто обещала свободу и новую творческую жизнь. Она уже одна приезжает в Рим. Росселлини показывает ей Италию. Актриса приходит в восторг. «Я нашла место, где хочу жить». Для Роберто Ингрид оказалась своего рода вызовом. Он был уверен, что о женщинах ему известно все. Однако Ингрид всегда удавалось преподнести ему сюрприз. Любовь захватила сердце итальянца, а ради любви он был готов пойти на любую жертву.

В письме в Америку Бергман сообщает мужу, что полюбила Роберто. Петер Линдстром в недоумении. Десять лет безоблачного супружества, чудесный дом, прелестная дочка Пиа… Он убежден, что, отдавшись чувству, Ингрид не подумала о последствиях этого романа: «Такая связь не для честной и доброй хозяйки…» Росселлини женат, он живет в католической стране, и она просто займет место его любовницы. Разрешение на новый брак итальянец не получит никогда, решает Линдстром.

О письме, которое послала Ингрид мужу, знали только она, Петер и Роберто. Каким образом его содержание стало достоянием нью-йоркской прессы? Благодаря сведениям, приходящим из Италии, затевался грандиозный скандал.

Линдстром приезжает на Сицилию, чтобы встретиться с женой. Роберто, опасаясь, что Ингрид даст себя уговорить и вернется с Петером домой, послал ей записку с угрозой врезаться на автомобиле в дерево, если она покинет его. Но Ингрид уже привыкла к мелодраматическим жестам итальянца.

«Развода не будет», — заявил Петер журналистам на вокзале в Мессине.

2 августа 1949 года в дневнике Ингрид коротко отмечено: «Покинули Стромболи». Вместе с Роберто она приезжает в Рим. В их распоряжении — десятикомнатная квартира на улице Бруно Буоцци, но денег на роскошную жизнь не хватало.

Через несколько дней Ингрид сообщила журналистам, что уходит из кино и собирается вести частную жизнь, а ее адвокат начал бракоразводный процесс.

В отличие от Линдстрома жена Роберто Марчелла сразу согласилась на развод. «Ингрид Бергман — идеальная супруга для него: милая, спокойная, настоящий оазис очарования. Они поженятся, как только смогут».

Римляне относились к любовникам с подчеркнутым обожанием. Большая группа сопровождала их до дома, аплодируя, распевая лирические песни и выказывая свое одобрение.

2 февраля 1930 года Ингрид отвезли в клинику на Вилла-Маргарита. Там ее ждал Роберто. В семь часов Ингрид родила мальчика, которого

назвали Ренато Роберто Джусто Джузеппе.

Росселлини зарегистрировал рождение ребенка. В графе «мать» отметили, что таковая «временно не установлена». Дело в том, что по итальянским законам ребенок замужней женщины должен быть также и ребенком ее мужа.

В Италии жизнь шла своим чередом. 24 мая Бергман и Росселлини поженились по доверенности. В мексиканском городе Хуарес два джентльмена, представ перед судьей, произнесли от их имени клятву верности. Развод актрисы признавала лишь одна страна — Мексика, но Ингрид и Роберто не рискнули поехать за океан. «Конечно, мы очень сожалеем, что не можем присутствовать на своей свадьбе, — с юмором говорила Бергман, — но в общем-то какое это имеет значение?»

Во время мексиканской церемонии Роберто и Ингрид произнесли положенные слова в римской церквушке и обменялись золотыми кольцами. Возвратившись домой, они отметили это событие в узком дружеском кругу.

Через несколько дней чета Росселлини переехала в дом на берегу моря, в сорока милях к северу от Рима.

Росселлини был со всеми великодушен и щедр. Каждый понедельник по утрам Ингрид приходила к нему за деньгами на домашнее хозяйство. «Кстати, — говорила она, — мне нужна новая пара туфель». На это он обычно отвечал: «Прекрасно. Только не покупай одну пару, купи сразу пар шесть, чтобы понапрасну не тратить времени».

В отличие от мужа Ингрид была экономной и скуповатой. Ей нравилось делать покупки и торговаться с рыбаками.

Роберто был непредсказуем. Он часто ставил Ингрид в трудное положение; мог, например, пригласить к обеду десять — двенадцать человек, а сам опоздать, вынуждая жену занимать порой совершенно незнакомых ей людей. «Он был типичный расхлябанный итальянец, а я типичная аккуратная шведка», — шутила Ингрид.

В ноябре 1950 года в суде Лос-Анджелеса брак между Линдстромом и Бергман был расторгнут. Дочь Пиа оставалась в Калифорнии под опекой отца. Встречаться с ней актриса могла только в Америке.

Несмотря ни на что Бергман была счастлива. «В отличие от большого и пустого дома в Голливуде, — рассказывала она, — в моей римской квартире всегда было полно народу: монахи, писатели, автогонщики, уличные попрошайки. Я узнала столько тепла и любви, столько нового и интересного, сколько никогда не узнала бы в Голливуде. Да, конечно, в Италии хватало трудностей, но и трудности в Италии интереснее».

18 июня 1952 года в Риме Ингрид родила Изабеллу Фьореллу Эллетру Джованну и Изотту Ингрид Фриду Джулиану, которую всегда звали Ингрид: «Я очень хотела девочку, потому что у Роберто уже было двое сыновей — один от первой жены и другой от меня. Поэтому для начала я выбрала имя для девочки — Изабелла, но, поскольку ожидалась двойня, второе имя мы не выбирали. Ведь мог родиться и мальчик. Когда появилась Изабелла, я сказала доктору: „Скорее позвоните Роберто и скажите, что у него дочь“. Доктор вернулся со словами: „Он счастлив“. Потом сел около меня, сказав: „Ну что же, подождем следующего“. А через некоторое время я услышала: „Еще одна девочка“. Две девочки — какое

чудо! Роберто придумал второе имя. Изотта Ингрид. Но с самого начала мы стали называть ее Ингрид».

В течение шести лет Бергман снималась в фильмах своего мужа. К сожалению, после «Стромболи» работы тандема Росселлини — Бергман («Европа, 51». «Мы, женщины», «Путешествие в Италию», «Страх») были не столь удачны из-за различия творческих индивидуальностей режиссера и актрисы.

Росселлини не разрешал Ингрид сниматься у других режиссеров. Он ревниво относился к ее успехам. А ведь с Бергман хотели работать замечательные итальянские постановщики — Дзеффирелли, Феллини, Висконти, Де Сика. Ей, правда, удалось сыграть у Жана Ренуара в «Елене и мужчинах». Фильм, кстати, имел во Франции большой успех.

Ингрид несколько лет не видела свою дочь Пиа. Росселлини заявил, что визит в Америку он воспримет как предательство. «Никто не поверит, каким жестким и суровым был Роберто, — говорила она. — И я не могла уехать против его воли».

За семь лет, что они были вместе, горячий темперамент итальянца несколько раз заявлял о себе. Ингрид вспоминала, как однажды она попыталась успокоить мужа, обняв руками за шею: «Он так швырнул меня на стену, что я едва поднялась. Я ничего не могла сделать. Даже подходить к нему в такие минуты было рискованно».

В 1954-м Росселлини поставил для Бергман ораторию Онеггера «Жанна д'Арк на костре». С этим спектаклем семья объехала всю Европу.

Что касается кино, то здесь дела у Роберто шли неважно. Он испытывал огромные трудности, добывая деньги для следующего фильма, так как его ленты не пользовались коммерческим успехом.

Руководство «Театр де Пари» предложило ему поставить спектакль «Чай и симпатия». Пьеса ему решительно не понравилась: «Над ней будет смеяться весь Париж, и через неделю ее снимут с репертуара». Ингрид все же решила сыграть в этой пьесе, причем на французском языке. Роберто усмехнулся: «Долго ты не продержишься. И будь готова к тому, что в первом же антракте половина зала уйдет».

Спектакль прошел с триумфом. Зрители аплодировали стоя и кричали «браво». Когда Ингрид вышла на поклон, то, выпрямившись, взглянула туда, где стоял Роберто. «Наши глаза встретились. Мы пристально посмотрели друг на друга. И я поняла, что наш брак подходит к концу, даже если мы останемся вместе», — вспоминает Бергман.

Роберто беспокоило то, что его жена может возродиться как актриса без его участия. Он вдруг потребовал раздельного проживания, при котором дети оставались бы с ним. Угрозы и обвинения не прекращались, доводя Ингрид до шока.

В 1956-м состоялось примирение Ингрид Бергман с Голливудом: за исполнение роли Анастасии в одноименном фильме о жизни дочери последнего русского царя, якобы избежавшей расстрела, актриса получила второго «Оскара». Она встретилась в Лос-Анджелесе с Пиа, прилетевшей из Окленда, где училась в колледже.

Росселлини принял предложение снять в Индии документальный фильм. Из Индии Росселлини вернулся в 1958-м с молоденькой любовницей, экзотической красавицей Сонали Даш Гупта. Бергман

предложила ему развестись. Роберто, выдержав паузу, произнес: «Да, я устал быть мистером Бергманом». В свою очередь Бергман скажет перед разводом: «Жизнь с Роберто никогда не была скучной».

Развод сопровождался унизительной борьбой за детей. В конце января 1959 года в зале парижского суда Ингрид была разрешена временная опека над детьми. Судья объявил, что они должны учиться в итальянской школе в Париже и что мистеру Росселлини дано право навещать их во время уик-эндов.

Роберто пытался опротестовать решение французского суда, мотивируя это отсутствием юридических прав. Началась, как и предполагала Ингрид, открытая вражда. Теперь ей предстояла тяжба в итальянском суде.

Поняв, что так может продолжаться бесконечно, Бергман сама отправила детей в Италию, и сразу между бывшими супругами воцарился мир. Росселлини великодушно разрешил Ингрид навещать детей в любое время.

У нее появились поклонники, среди которых выделялся элегантный, спокойный Ларс Шмидт — швед, занимающийся театральной антрепризой на Бродвее. Ингрид вышла за него замуж. Она обретает спокойное счастье и возвращается в Америку… Росселлини и Бергман предстоит еще многое сделать в кинематографе. Роберто останется убежденным реалистом. Ингрид вернется к амплуа романтических героинь и вернет себе славу в Голливуде. Время от времени они вместе обедали, говорили о детях.

В 1973 году Бергман узнала, что неизлечимо больна. И на протяжении девяти лет она мужественно противостояла своей болезни. Для всех она продолжала оставаться энергичной, наполненной жизнью и радостью «лучезарной Ингрид».

Но первым ушел Роберто. Он умер от сердечного приступа 3 июня 1977 года. «Это был великий мастер кино, — сказала Ингрид, — замечательный отец и мой хороший друг».

Бергман скончалась 29 августа 1982 года в Лондоне в день своего 67-летия.

Роже Вадим и Брижит Бардо

За всю историю современной Франции лишь две женщины удостаивались чести сократить свое имя до инициалов: Брижит Бардо и Коко Шанель. Их называли соответственно латинскими буквами B. B. и C.C.

Считается, что таковой Брижит Бардо стала под влиянием двух людей российского происхождения — балетмейстера Бориса Князева и Вадима Племянникова, известного всем Роже Вадима, сценариста, режиссера фильмов, которого критики называют предтечей «новойволны».

Бардо родилась в семье парижских буржуа. Родители мечтали дать дочери хорошее образование. Брижит занималась в Национальной консерватории танца у Бориса Князева. В пятнадцать лет она снялась на обложку популярного женского журнала «Elle». Спецвыпуск журнала от 8 мая 1950 года был посвящен моде «Дочки-матери». Юная Бардо фигурировала во всех ракурсах и платьях. Режиссер Марк Аллегре, увидев фотографии, пригласил ее на пробы. Ни Тоти — мама Бардо, ни сама Брижит не могли подумать, что этот визит перевернет всю их жизнь.

«Я отправилась к Аллегре, — вспоминает Бардо. — Принял меня Роже Вадим, его помощник. Вадим ничего не говорил, но смотрел на меня хищно, и пугал, и притягивал, и я чувствовала, что сама не своя».

Брижит между тем бросала взгляды на молодого человека, которого Марк Аллегре насмешливо представил: «Роже Вадим… Уже написал сценарий, ленив, вечно опаздывает и для своего возраста слишком способный». Брижит рассмеялась непосредственным и заразительным смехом, который сразу понравился Роже Вадиму. Позднее Бардо призналась ему, что почувствовала любовь с первого взгляда. Было решено, что Вадим поможет мадемуазель репетировать ее сцену после занятий в балетной студии Уолкера.

Настоящая фамилия начинающего журналиста и кинематографиста Роже Вадима была Племянников.

После 1917 года Игорь Племянников, отец будущего режиссера, приехал во Францию и получил гражданство. Как и все выходцы из дворянских семей, он бегло говорил по-французски, блестяще окончил Школу политических наук. А в двадцать восемь лет был назначен вице-консулом и женился на француженке Мари-Антуанетте Ардилуз. Первый его пост был в Александрии.

Сын Племянникова Вадим решил «офранцузиться» и стал Роже Вадимом.

Вспоминая же знакомство с Бардо, Вадим пишет в книге «Три самые прекрасные женщины»: «Когда мы познакомились, больше всего меня поразила в Брижит ее стать. Тонкая талия. Царственная посадка головы. И манера смотреть. Многие люди смотрят, но не видят».

Они начали встречаться у Вадима. Юная Бардо прогуливала школу. Вскоре об этом стало известно родителям. Разразился страшный скандал. Отец объявил Брижит, что решил отправить ее на учебу в Англию. Когда родители ушли в театр, девушка пыталась покончить жизньсамоубийством.

Брижит разрешили остаться дома, но запретили выходить замуж за Вадима до ее восемнадцатилетия. Думая о будущем дочери, родители видели в качестве ее жениха банкира, промышленника, в крайнем случае — министра. Правда, на супругов Бардо произвело определенное впечатление, что отец Вадима служил консулом Франции. Однако они и подумать не могли, что Брижит его любовница. Вадиму и Бардо приходилось встречаться урывками, пускаясь на всякие хитрости.

Долго так продолжаться не могло. «Если выйду за него замуж, то должна буду зарабатывать, потому что у него средств нет», — прикидывала Бардо. И когда ей предложили новую роль в кино, она сразу согласилась. И на два месяца укатила на юг на съемки своего второго фильма «Манина, девушка без покрывала».

Вадим ушел из кино в журналистику, стал писать в «Пари-матч». Имея постоянный заработок, он мог просить руки Брижит. Родителям девушки ничего не оставалось, как дать свое согласие, но при этом они потребовали венчания в церкви. Священник, однако, отказался обвенчать Брижит с православным. Наконец решили, что Вадим два раза в неделю будет ходить на курсы катехизиса, чтобы добрым католиком пойти под венец. Скрепя сердце он согласился.

20 декабря 1952 года гражданский брак Роже Вадима и Брижит Бардо был зарегистрирован в мэрии XVI округа. Ей было восемнадцать, ему — двадцать четыре. Невеста была в юбке и пиджаке, жених — в синем костюме с галстуком в тон. Свидетелями выступили близкие Вадимовы друзья — Даниэль Делорм и Даниэль Желен.

На следующий день Бардо и Вадим венчались в соборе Пасси.

Родители Бардо купили квартиру на улице Шардон-Лагаш и предоставили ее в распоряжение молодых, очень надеясь, что вскоре они найдут себе другую, а эту из экономии можно будет сдать. Брижит и Вадим наняли служанку, пожилую даму. Аида была русской княгиней.

В мае 1953 года Роже Вадим был командирован на Каннский кинофестиваль. Бардо уже снялась в нескольких картинах, но еще не была звездой, поэтому она просто сопровождала мужа, молодого репортера «Пари-матч» по имени Роже Вадим.

Бардо нравилось гулять, развлекаться в кругу друзей, но она терпеть не могла светские приемы. Уговорить ее пойти на премьеру было для Вадима целым событием.

Среди их друзей были и знаменитости, в частности Марлон Брандо. По совершенно непонятным причинам отношения Брижит с Марлоном не сложились. Они развлекались вместе, поддерживали добрые отношения — не более того.

Вадим многому научил юную жену, он рассказывал ей об Андре Жиде, с которым играл в шахматы, он говорил о книгах Симоны де Бовуар и Сартра. Она слушала, зачарованная его эрудицией, умом, юмором, воображением. «Мой Вава, — говорила Брижит ему, беря за руку. — Один ты меня понимаешь». Она называла мужа Вава или «Старым русским», Вадимом — в чрезвычайных обстоятельствах…

Вадим, зная, как жена любит животных и как в детстве хотела иметь собаку, подарил ей Клоуна, прелестного двухмесячного черного кокера. Сам же стал пропадать вечерами — то на съемках, то за карточным столом… Разумеется, Брижит очень скучала.

А потом Вадим специально для нее написал сценарий фильма «…И Бог создал женщину». Партнером Бардо должен был стать молодой Жан-Луи Трентиньян. По воспоминаниям Вадима, он нашел актера в театре: «Его застенчивое обаяние, физическая сила, скрытая под неловкой жестикуляцией, и, разумеется, талант убедили меня в том, что он будет идеальным исполнителем роли Мишеля».

Во время первой встречи Брижит отнеслась к Трентиньяну весьма скептически: «Это обалдуй какой-то… Я никогда не сумею сыграть, что влюблена в такого типа. Могли бы подобрать другого».

Роже Вадим не сомневался, что отношение к партнеру у нее переменится. Но даже он не подозревал, каким провидцем окажется. «Ощутив мой стиль, Брижит все больше сливалась с образом своей героини, — пишет Вадим о книге „Три самые прекрасные женщины“. — На экране менялось день ото дня ее отношение к Мишелю, в жизни — к тому, кто играл его роль, Трентиньяну. Я старался, насколько это представлялось возможным, снимать фильм, следуя хронологии экранных событий, так что каждый день действительность догоняла вымысел».

Бардо и Трентиньян не заметили, как оказались в объятиях друг друга. В это время Жан-Луи был женат на Стефани Одран.

«С Вадимом мы жили как брат и сестра, — оправдывала себя Бардо. — Я оставалась к нему бесконечно привязана, он был мне опорой, другом, семьей. Но не возлюбленным. Я давно остыла к нему. А к Жану-Луи я испытывала безумную страсть. Скромный, глубокий, внимательный, серьезный, спокойный, сильный, застенчивый — не похожий на меня, лучше меня!»

Как же реагировал на создавшуюся ситуацию Роже Вадим? «Я знал, что теряю ее. Я быстро заметил, как у них рождается взаимная симпатия, любовь… Но все спустил на тормозах. […] Я больше не ревновал и не страдал, даже наоборот. Последние недели съемок были для меня заклинанием злых духов прошлого. При разрыве больше всего опасаешься, что будет дальше. Я и не рассчитывал вернуть Брижит…»

В 1957 году фильм «…И Бог создал женщину» был показан в Америке. Рецензии одна лучше другой. Бардо стала самой знаменитой француженкой за океаном, а Вадим был признан лучшим режиссером за последние десять лет.

Сам Роже Вадим говорил: «Нет, я не создал Брижит Бардо. Я только содействовал расцвету ее таланта, помогая ей оставаться самой собой. В карьере любой звезды есть роли, словно специально для них написанные. Такова была роль Жюльетты в картине „…И Бог создал женщину“. Она уже до этого снялась в шестнадцати фильмах, но лишь семнадцатый сделал ее звездой».

…Брижит хотела сохранить брак, сделать своего мужа счастливым. Несмотря на размолвки, они умудрялись иногда находить в себе прежний пыл и прежнюю нежность. Но, как утверждает Вадим, он не обманывался по поводу этого миража и рассматривал конец семейной жизни как неизбежность.

Позже Бардо в интервью английскому журналу скажет: «Если бы только Вадим был ревнив, все бы, вероятно, уладилось». Она рассталась с ним, но еще долгие годы будет находить в этом человеке поддержку и участие.

Брижит так и не вышла замуж за Трентиньяна. Когда Роже Вадим снимал «Опасные связи», Бардо играла в картине «Бабетта идет на войну». Ее партнером был молодой актер Жак Шарье. И она снова влюбилась. 18 июня 1959 года они поженились. 11 января Бардо родила мальчика — Николя.

Что касается Роже Вадима, он и в дальнейшем будет покорять сердца молодых актрис, таких, как Катрин Денев и Джейн Фонда…

Рональд Рейган и Нэнси Дэвис

В 2004 году скончался Рональд Рейган, один из самых популярных президентов в истории Америки. Вместе с ним умерла удивительная любовь, связывавшая Рональда и Нэнси ровно 50 лет. За эти годы влюбленный Рейган написал своей супруге множество писем, открыток, телеграмм, записок.

«Я подумала, неужели все это осядет на полках библиотеки имени Рейгана? — спросила себя Нэнси. — Документы говорят так много о нем и о нас, они должны быть доступны всем». В результате появилась

трогательная книга, в которой письма Рейгана перемежаются с воспоминаниями бывшей «первой леди». Нэнси назвала ее «Я люблю тебя, Ронни». И написала во вступлении: «Моя жизнь началась, когда я встретила Рональда Рейгана».

Они увиделись впервые осенью 1949 года. Многообещающая актриса Нэнси Дэвис обнаружила в одной из голливудских газет свое имя в списке лиц, симпатизирующих коммунистам. В пору «охоты за ведьмами» этого было вполне достаточно для краха карьеры. Влиятельный голливудский друг Нэнси Мэрвин Лерой посоветовал ей позвонить президенту актерской гильдии Рональду Рейгану, только что расставшемуся с прежней женой актрисой Джейн Уайман.

Рейган откликнулся и предложил обсудить проблему за ужином, осторожно добавив, что не сможет уделить много времени, поскольку должен рано вставать поутру. Нэнси заверила, что и у нее полно утренних хлопот.

Они ужинали во французском ресторане; а потом Рональд сказал, что знаменитая певица Софи Такер дает концерт в театре «Сиро». Нэнси заметила, что никогда не была на ее выступлениях, и тогда Рональд предложил: «А почему бы нам прямо сейчас не пойти и не послушать Софи». Они посмотрели друг на друга и признались, что никаких дел следующим утром у них нет.

«Оглядываясь назад, — вспоминает Нэнси, — я по-прежнему не могу понять, почему он сразу же показался мне идеальным мужчиной. Он не говорил о себе или о своих фильмах. Рассказывал о гражданской войне, которую хорошо знал. Любил лошадей. Прекрасно разбирался в винах. Он был всем, чего я хотела».

Рональд Рейган рос в Диксоне, штат Иллинойс. Его отец, Джек, был алкоголиком. Мать Ронни, Нелли, бывало, говорила ребятам, что отец их страдает болезнью, которая порой лишает его возможности контролировать себя. Джеку трудно было удержаться на работе, и семья постоянно скиталась.

Нэнси была дочерью актрисы Эдит Лакетт Дэвис. При крещении ей дали имя Энн Фрэнсис — в честь обеих бабушек, но называли всегда почему-то Нэнси. Ее отцом был Кеннет Роббинс, выпускник Принстона. Он был не слишком честолюбив и торговал автомобилями в Нью-Джерси. Брак оказался неудачным, и родители вскоре после рождения дочери развелись. Второй муж матери — Лоял Дэвис, известный чикагский нейрохирург, был серьезен, исполнен достоинства и принципиален. Нэнси почитала его за настоящего отца…

Накануне Рождества 1951 года, в сочельник, Ронни принес Нэнси маленькую елочку, и она решилась наконец задать чрезвычайно важный вопрос: «Ты хочешь, чтобы я тебя ждала?»

Он ответил коротко: «Да, хочу».

Рональд и Нэнси обвенчались 4 марта 1952 года в Маленькой глиняной церкви в Долине.

К свадьбе Ронни подарил невесте букет цветов. На следующий день они отправились в Финикс, где их ждали ее родители, чтобы отпраздновать свадьбу.

Медовый месяц был очень счастливым, а вот первый год брака — трудным. 22 октября 1952 года родилась дочь Пэтти. Нэнси оказалась весьма беспечной матерью. К тому же карьера Ронни в Голливуде пошла на спад. Нэнси пришлось вернуться в студию и сняться в нескольких фильмах.

В 1954-м Рейган поступил в театр «Дженерал электрик». Новая работа означала постоянные гастроли по стране. Но она позволила Рональду значительно расширить свои представления об американских реалиях и установить контакты с влиятельными людьми. Именно эти обстоятельства, а вовсе не жена, как заверяет Нэнси, подтолкнули его в мир большой политики.

Когда Рейган решил баллотироваться в губернаторы, Нэнси поняла, что их жизнь теперь станет совершенно иной. Но она и представить себе не могла, насколько иной она будет, до тех пор пока они не переехали в Сакраменто.

Резиденция калифорнийского губернатора в Сакраменто была их первым просторным домом. В нем, по воспоминаниям миссис Рейган, ссоры были так редки, что они становились событием.

Рональд Рейган заканчивал второй срок губернаторства в Калифорнии, когда помощники стали убеждать его баллотироваться в президенты США. Нэнси поначалу не верила в эти планы. Но спустя четыре года он победил на выборах Джимми Картера. Президентом Рейган стал, когда ему исполнилось семьдесят.

Нэнси Рейган с головой окунулась в разные дела: представительствовала, была хозяйкой, руководила обслуживающим персоналом — но было одно дело, которое она считала превыше всех прочих. Прежде всего «первая леди» — жена президента.

Составной частью работы Нэнси стала борьба с наркоманией. Позже, вернувшись в Лос-Анджелес, она продолжала принимать участие в ней через Фонд Нэнси Рейган.

На одной из улиц деловой части города перед отелем «Хилтон», где Рейган выступал с речью, произошла попытка покушения на него. Нэнси завтракала с Барбарой Буш за несколько кварталов от этого места. Вот когда проявились почти мистические узы, связывавшие ее с мужем!

«В тот день, 30 марта 1981 года, у меня был обед в картинной галерее Вашингтона. Но я все время чувствовала, что должна вернуться домой. Там меня встречал начальник охраны Джордж Опфер: „Была стрельба, — сказал он. — Но президент в порядке“… Ронни лежал в реанимации с кислородной маской на лице. Увидев меня, он поднял маску и сказал: „Прости, дорогая, я не успел увернуться“. Пуля прошла в сантиметрах от его сердца. Эту ночь я провела рядышком с ним. Он должен был чувствовать мою близость».

После покушения Нэнси чувствовала себя совершенно опустошенной. Она увлеклась астрологией, что позже станет предметом резкой критики. Астрология была просто одной из возможностей справиться со страхом, который она испытывала с той поры, как ее муж чуть не умер.

Рейган продолжал писать любовные послания. Теперь уже — на гербовой бумаге. Из письма президента Рональда Рейгана: «Дорогая первая леди! Как президент США я имею честь и право отметить ваши

успехи в деле, по ходу которого вы сделали одного человека (меня!) самым счастливым мужчиной в мире на протяжении 29 лет. Начиная с 1951 года Нэнси Дэвис служит спасением одинокого человека, который даже не представлял, насколько он одинок, оберегая его от пустой и никчемной жизни. Из своего Овального кабинета я вижу твое окно и чувствую тепло от мысли, что ты там».

В 1983 году Нэнси попыталась уговорить мужа не ввязываться в новые выборы. Она скучала по друзьям и родным, скучала по Калифорнии. Ронни сделал так много, что, пожалуй, можно было и опустить занавес.

Рейган, однако, был настроен баллотироваться снова. Он хотел еще кое-что сделать. В течение какого-то времени супруги обсуждали это каждый вечер, пока ей не стало ясно, что иначе он просто не может. И в конце концов Нэнси сказала: «Ладно, если это для тебя так важно, действуй. Я не в восторге, но что поделаешь!»

«Думая о прошлом, радуюсь своей тогдашней капитуляции, особенно имея в виду то, чего удалось достичь Ронни в области отношений с Советским Союзом. Но следует признать, что во время второго срока он проводил гораздо более жесткую политику, чем во время первого».

О своем решении Ронни объявил 29 января 1984 года по радио из Овального кабинета.

Фамилию Рейган носят четверо детей; по старшинству это Морин, Майкл, Пэгги и Рон. Морин и Майкл — дети Ронни от первого брака с Джейн Уаймен. Пэтти родилась в 1952 году, с самых ранних лет она была своевольна. Рон появился на свет в 1958-м и долгие годы был Нэнси ближе всех.

Вероятно, бывали моменты, когда все они чувствовали себя в какой-то мере брошенными. «Как и наши родители, мы с Ронни всегда считали, что по достижении определенного возраста детям нужно дать возможность жить самостоятельно… Я обожаю своих детей. Больше всего на свете я хотела быть хорошей женой и матерью. Как теперь стало ясно, в первом я преуспела больше, чем во втором…»

Покушение наложило на сверхчувствительную натуру Нэнси зловещий отпечаток. А ухудшившееся здоровье Рональда Рейгана (в 1985 году ему сделали операцию по поводу рака толстой кишки, а в 1987 году — операцию на простате) заставило ее с еще большим рвением оберегать его от стрессов и перегрузок.

В августе 1994 года медики обнаружили у Рейгана болезнь Альцгеймера, неизлечимая, постепенно, но неумолимо убивающая его мозг. Узнав о диагнозе, Рональд обратился с письмом к нации, простившись заранее со всеми, кто ему симпатизирует, и попросил прощения у друзей за то, что однажды не сумеет их узнать.

Из письма пенсионера Рональда Рейгана: «Дорогая миссис Р.! Я обожал первую леди за то, что она привносила столько шарма и грации во все формальные церемонии, что они становились веселой и изящной игрой. Есть еще милая женщина со взглядом Мадонны, когда она держит на руках больного ребенка. Третья дама всегда изумляла меня своей способностью создавать уют. В три дня она превращала в милый дом любой холодный гостиничный номер. К тому же я всегда был без ума от девушки, которая отправлялась со мною на ранчо и сливалась с природой. И любовался

сентиментальной барышней, которая заливалась слезами от грусти и чей смех в минуты радости был похож на колокольчик. К счастью, все эти женщины в моей жизни — ты. К счастью для меня, поскольку свою жизнь без тебя я не представляю».

В конце жизни Рейган уже не узнавал свою жену. «Прогрессирующая болезнь знает лишь один путь — вниз, в туннель, в конце которого нет света, — писала Нэнси. — С каждым днем все больше воспоминаний, которые я уже не могу больше разделить с ним. Но приходит новый день, я просыпаюсь рядом с ним с одной мыслью любить. Любить без ума».

Джон Кеннеди и Жаклин Бувье

Американская история знает одну-единственную «первую леди», гармонично сочетавшую в себе демократизм и аристократический шик. Речь идет о Жаклин Бувье-Кеннеди.

Ее мать, Джейнет Ли, принадлежала к респектабельному семейству Очинклоссов. Отец, Джек Бувье, был маклером.

Когда Жаклин было одиннадцать лет, ее родители развелись. Для девочки это было страшным ударом, она очень любила играть с отцом.

Будущая «первая леди» училась журналистике в Америке и в Париже. Предки Бувье были родом из Франции. Жаклин прекрасно говорила на французском, немецком, итальянском, увлекалась живописью и согласно выбранной профессии — фотографией. В 1951 году она окончила Университет имени Джорджа Вашингтона.

Относительно личной жизни определенных планов девушка не строила, говоря подругам: «Я не уверена, что кто-то возьмет меня замуж».

Однажды она оказалась на приеме, устроенном какой-то газетой. Напротив нее сидел конгрессмен Джон Кеннеди. Он был старше ее, и этот факт сыграл положительную роль в их сближении. По признанию Жаклин, она не могла себя представить замужем за ровесником. Джон, уже известный своими романами, обратил внимание на хорошенькую журналистку и начал действовать с присущим ему напором.

Он родился в Бруклайне (штат Массачусетс) в респектабельной семье католиков ирландского происхождения. Джон окончил Лондонскую школу экономики и Гарвардский университет. В годы войны служил в военно-морском флоте США на Тихом океане. Вернувшись домой, избрал политическую карьеру. В 1953 году Кеннеди стал сенатором.

Несмотря на свое состояние, насчитывающее 400 миллионов долларов, энергичные Кеннеди не допускались в узкий круг американской элиты. Поэтому свадьба между сенатором штата Массачусетс Джоном Кеннеди и Жаклин Бувье, девушкой из высшего общества, была объявлена бракосочетанием года и привлекла к себе всеобщее внимание.

Обычно семья невесты организует свадьбу. На этот раз все произошло иначе. Ведь Джозеф Кеннеди — отец будущего президента — был назначен послом США в Великобритании 9 декабря 1937 года, и до конца жизни в кругу друзей и знакомых его называли послом. Он решил устроить грандиозное и экстравагантное бракосочетание, о котором напишут на первой странице «Нью-Йорк таймс».

К всеобщей радости, в день свадьбы — 12 сентября 1953 года — стояла хорошая погода. Светило солнце, дул свежий ветерок. Как только

утреннее солнце стало пробиваться сквозь старинные оконные стекла церкви св. Марии, перед ней начал собираться народ. Джону было 36, Жаклин — 24.

Свадебный прием был устроен на загородном ранчо семействаКеннеди.

Молодой жене, пригласив ее на первый танец, Кеннеди сказал: «Я женился на ангеле». Жаклин была легка и воздушна в платье из тафты цвета слоновой кости, на которое пошло почти 50 метров ткани. Ее шею украшала нитка жемчуга, а фата была бабушкиной. Невеста держала букет из орхидеи.

Однако после свадебных торжеств и медового месяца Джекки (сокращенное имя от Жаклин) заскучала: «Почти каждый уик-энд я провожу в одиночестве». Она утешалась длительными конными прогулками и частыми поездками к матери в Вирджинию. Джон же был занят политикой — это требовало частых и длительных отлучек из дома. «Политика — мой главный враг. У нас нет никакой личной жизни», — Джекки предстояло неоднократно повторять эти слова.

Политическая звезда Джона поднималась, и супруге приходилось сопровождать его в утомительных поездках по стране. Джекки сразу стала очевидным плюсом тому облику нового, более открытого и прогрессивного политика, который ассоциировался с образом Джона Кеннеди. Его помощник Пауэр свидетельствовал: «Когда Джекки была вместе с Джоном, количество людей, приходивших на встречу с ним, сразу удваивалось».

Джекки следила за тем, как питается ее муж, заставляла его есть три раза в день и принимать необходимые лекарства. Часто она посылала ему горячие завтраки прямо в его кабинет в сенате. «Я внесла порядок в его жизнь», — говорила она.

27 ноября 1957 года в семье Кеннеди появилась маленькая Каролина. Джон как-то сказал репортерам: «Конечно, я редко бываю дома, но когда наконец оказываюсь там, я замечаю, что очень нравлюсь Каролине». Жаклин освободилась от комплекса одиночества и говорила: «У Джона — политика, у меня — семья. Мы пробуем это объединить, чтоб быть счастливыми».

В январе 1960 года Джон Кеннеди официально объявил о намерении баллотироваться в президенты. Его основным соперником был Ричард Никсон. Несмотря на то что Джекки ожидала второго ребенка и врачи советовали ей быть поближе к дому, она продолжала предвыборные поездки с мужем.

Джекки была на восьмом месяце беременности, когда стало ясно, что Джон Кеннеди одержал победу на президентских выборах. Она гордилась победой мужа, но ей самой это не принесло радости.

В результате всех этих волнений у миссис Кеннеди начались преждевременные роды. Она поспешила вызвать доктора Джона Уолша. Через пятнадцать минут Джекки уже везли в Джорджтаунскую больницу и там сделали кесарево сечение.

В 1.17 поступило сообщение о том, что в Вашингтоне родился Джон Фицджеральд Кеннеди-младший.

Малыш, завернутый в детское одеяльце своего отца, сохраненное в семье, был крещен в баптистской церкви госпиталя Джорджтаунского университета в Вашингтоне.

На первых порах положение «первой леди» внушало Джекки ужас. Она говорила, что кажется себе мотыльком, бьющимся о стекло. Как ей удалось превратить эти недостатки в достоинства, снискавшие ей колоссальную популярность?

Джекки назвали самой модно одетой женщиной 1960 года и внесли ее в список наиболее модных женщин мира. Она была вне себя от радости, тогда как муж негодовал по этому поводу, утверждая, что ее болезненный интерес к одежде погубит его новую администрацию. В ответ Джекки говорила: «Я должна хорошо одеваться, Джек, чтобы не подвести тебя. Как президент ты будешь унижен, если я появлюсь на фотографиях в журналах одетой в какой-то старый хлам и буду походить на расплывшуюся домохозяйку. Все будут говорить, что твоя жена — неряха, и перестанут голосовать за тебя». Однако он не прислушивался к подобным аргументам.

В ходе президентского визита во Францию Джекки Кеннеди превратилась в международную сенсацию. Жаклин Бувье была француженкой. Она училась в Париже, сначала в коллеже, а потом в Сорбонне. Возвращение в Париж в качестве «первой леди» явилось символическим возвращением к корням. Парижане сходили по ней с ума. Выстроившись вдоль тротуаров, они часами ждали ее появления.

Джона Кеннеди ошеломил невероятный успех его жены. Во время пресс-конференции он сказал корреспондентам: «Мне кажется, я не имею права выступать перед публикой. Я просто сопровождаю Жаклин Кеннеди в Париже, и это доставляет мне огромное удовольствие».

Ее красота, безупречные манеры, французский шарм и прекрасное владение языком покорили знаменитого французского президента. «А, великолепная миссис Кеннеди», — проговорил Шарль де Голль.

С этой поездки во Францию началась слава Жаклин. Она решила, что Белый дом должен походить на Версаль и производить на посетителей подобное же впечатление. «Мы должны сделать Белый дом таким, чтобы все американцы могли гордиться им, понимая, что здесь живет наша история».

Джекки создала здесь свой мир. Она основала Комитет изящных искусств при Белом доме и собрала миллионы долларов, которые потом позволили приобрести картины, мебель, гравюры, ковры. Потом Джекки основала Историческую ассоциацию Белого дома для привлечения средств на полномасштабную реставрацию.

Жаклин ввела моду на концерты классической музыки и встречи с выдающимися деятелями культуры, как американскими, так и зарубежными.

Однако семейная жизнь президентской пары вовсе не походила на идиллию. При содействии тайной полиции и преданных помощников и не без помощи братьев и сестер новый президент вел весьма свободный образ жизни, постепенно меняя женщин, многие из которых работали у него секретаршами.

Истории о том, что Джекки собирается подать на развод, не имели под собой оснований, ибо она понимала, что романы ее Джона не угрожают их браку. Однако нельзя сказать, что Жаклин легко переносила его измены. Стены Белого дома слышали и ее плач, и выяснения отношений с

мужем. Бывало, Жаклин впадала в депрессию.

Чего Джекки добивалась во время своего пребывания в резиденции американского президента и что она, как ни странно, начала получать, — это признание мужем ее ума. Во время визита премьер-министра Индии Неру Кеннеди вконец измучился в обществе этого человека, начисто лишенного чувства юмора. Зато Джекки подобрала ключ и совершенно очаровала высокого гостя.

«Постепенно Джон стал питать огромное уважение к политическому чутью своей супруги, — рассказывал бывший сенатор от Флориды Джордж Смазерс. — Чем дольше он оставался на посту президента, тем больше гордился ее достижениями».

Джек любил подтрунивать над женой, дурачиться и баловаться с маленьким Джоном-младшим. Жаклин тоже с любовью относилась к детям, не обращая внимания на их капризы и разрешая им делать все, что они хотели.

Настоящей трагедией для семьи стала смерть сына Патрика. Мальчик родился 7 августа 1963 года на пять недель раньше срока, был окрещен и получил имя Патрик Бувье Кеннеди в честь своего деда — Черного Джека Бувье. Но у ребенка были проблемы с дыханием, и он прожил всего два дня.

Президент был безутешен. «Он отчаянно боролся за жизнь, — сказал он дрожащим голосом. — Это был красивый мальчик». Затем удрученный отец расплакался.

Многие близкие друзья Кеннеди заметили, что в недели, последовавшие за смертью Патрика, Джон и Джекки сблизились. Они не стеснялись обниматься на публике (хотя никогда раньше этого не делали), вместе катались на яхте.

Жаклин согласилась сопровождать мужа в намеченном на ноябрь путешествии по беспокойному штату Техас. «Разумеется, я поеду с тобой. Когда и куда захочешь».

У нее было предчувствие несчастья. Сообщение о визите президента Кеннеди в Даллас в газетах почему-то было обведено черной рамкой. Джон вдруг сказал: «Если кто-то попытается меня здесь убить, никто не сможет предотвратить это».

Дальнейшее хорошо известно и многократно описано. 22 ноября 1963 года раздались внезапно прогремевшие выстрелы в Далласе. Обезумевшая Джекки, которая, сидя на заднем сиденье президентского лимузина, простирает руки к охраннику, а из груди рвется душераздирающий вопль: «Боже, что они делают? Господи, они убили Джека, они убили моего мужа. Джек! Джек!»

Кеннеди еще был жив, и Жаклин сказана помощнику президента, что надела мужу на палец свое обручальное кольцо. Джекки еще надеялась. Она всегда носила два кольца: обручальное и тонкое, с изумрудными брызгами, которое ей подарил муж в память Патрика.

Потом, выйдя из палаты, где лежало тело уже мертвого Кеннеди, его помощник вернет ей это обручальное кольцо…

«Пусть его душа покоится в мире», — шептал священник, освящая лоб президента благовонием. «Пусть вечный свет озаряет его», — проговорила Жаклин.

…За день до отъезда из Белого дома она заказала бронзовую табличку, которую поместили над камином в спальне президента. На табличке была надпись: «В этой комнате жил Джон Фицджеральд Кеннеди со своей женой, Жаклин. Они прожили здесь два года, десять месяцев и два дня, с 20 января 1961 года по 22 ноября 1963 года».

Став вдовой, Жаклин превратилась в настоящий культ американцев. Но она этому не радовалась. В дождливый октябрьский день 1968 года Джекки вышла замуж за миллиардера Онассиса.

Но ее брак вызвал настоящую бурю во всем мире. В средствах массовой информации различных стран задавался один и тот же вопрос: «Как вы смогли поступить так, Жаклин?» Пожалуй, наиболее убедительным и исчерпывающим ответом послужили слова Ли — сестры Жаклин, которая заявила: «Моя сестра нуждается в человеке, который может оградить ее от человеческого любопытства. Онассис к тому же достаточно богат, чтобы обеспечить ей приятную жизнь, и весьма могуществен, чтобы сохранить ее спокойствие».

До 1973 года супруги Онассисы живут в согласии. Но затем Джекки начинает проводить все больше времени в США — вдали от супруга, оставляя его одного в Греции. Аристотель Онассис умер в 1975 году на руках у своей дочери в Париже. Жаклин в тот момент находилась в Нью-Йорке.

Ну а затем наступает черед Мориса Темпеломана. Они никогда не были женаты, но жили всегда в любви. Морис появился впервые в ее квартире в 1982 году и стал жить в комнате для гостей. Торговец бриллиантами из Антверпена, Темпеломан проводил много времени в разъездах по Африке.

Зимой 1993 года Жаклин заболевает раком. Морис находился рядом с ней в гостиной, когда она сообщила эту ужасную новость Джону и Каролине. Дети потрясены. По признанию некоторых очевидцев, теряя последние силы, Джекки мужественно прощалась с представителями клана Кеннеди и со своими друзьями. Она умерла после агонии у себя дома 19 мая 1994 года.

Михаил Горбачев и Раиса Титаренко

Как знать, решился бы когда-нибудь первый и последний президент СССР Михаил Горбачев начать свои судьбоносные для страны реформы, если бы у него была не такая жена.

Михаил Сергеевич Горбачев родился в 1931 году в селе Привольном Ставропольского края в семье колхозника. Трудовую деятельность начал в пятнадцать лет, работал на комбайне. За ударную уборку урожая был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1950 году Михаил поступил на юридический факультет МГУ.

Со своей будущей женой, Раисой Титаренко, Горбачев познакомился на танцах в студенческом клубе на Стромынке. У нее был гордый и независимый характер.

Рая Титаренко родилась в 1932 году в Рубцовске Алтайского края. Ее отец, Максим Андреевич, строил железные дороги. Семья часто переезжала с места на место. Мать, Александра Петровна, домохозяйка, родила троих детей. Брат Женя был младше Раисы на три года, сестра

Люда — на шесть.

Десятый класс Раиса закончила в Башкирии, в городе Стерлитамаке. Золотая медаль давала право выбрать любой вуз. Так в 1949 году она оказалась в Московском государственном университете, на философском факультете.

После знакомства на танцах они несколько месяцев не встречались. Только случайно в декабре 1951 года, отыскивая свободное место в клубе, опоздавший на концерт Горбачев вдруг увидел Раису: «Нет свободного местечка?» Она ответила: «Я как раз ухожу, садись на мое».

Но ушли они вместе. С тех пор проводили друг с другом практически все свободное время.

В июне 1952 года в одну из «белых ночей» они просидели и проговорили в скверике у общежития на Стромынке до утра. Наверное, уже тогда поняли, что не могут и не должны расставаться. Через год решили пожениться.

В летние каникулы Михаил уезжал в родное село Привольное, садился с отцом на комбайн. В конце сезона продал с отцом 900 килограммов заработанного зерна, вместе с другими доходами получилось больше тысячи рублей — чуть ли не пять стипендий. Если не для семейной жизни, то по крайней мере для женитьбы вполне серьезный капитал.

25 сентября 1953 года Михаил и Раиса просто и буднично расписались в Сокольническом ЗАГСе.

Только к концу учебы Горбачевы «объединились», долго сражаясь с ханжеством администрации, не разрешавшей оставаться на ночь вместе даже супругам.

Защитив диплом, Рая поступила в аспирантуру. Горбачев получил направление в Прокуратуру СССР. Ему предложили несколько мест в провинции, но молодые посовещались и решили, что уж если ехать, то не в чужую, а родную провинцию.

В Ставропольском крае Горбачевы прожили 23 года.

Проходя стажировку в местной прокуратуре, молодой специалист отыскал дом, хозяева которого сдали 11-метровую комнату, треть которой занимала печь, узкая железная койка с сеткой, продавленной до пола. Столом и шкафом служил ящик из-под книг. К приезду жены супруг купил два стула. Так и устроились на ближайшие годы.

Все несуразности с его распределением, невнимание прокуратуры к семейной ситуации привели к тому, что Михаил ушел на комсомольскую работу, куда его очень звали. Но это было уже начало политической карьеры, которая сложилась бы, вероятно, иначе, останься он в Москве.

В начале 1960-х годов семья уже жила в двухкомнатной квартире. У Горбачевых родилась дочь Ирина. Ее отец быстро поднимался по партийной лестнице. В 1966 году он стал первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

Главным их увлечением были походы. Они уходили в горы на целый день — без палатки, потому что важно было именно идти.

Дочь Ирину часто отправляли к папиным родителям — бабушке Марии Пантелеевне и дедушке Сергею Андреевичу. У них было крестьянское хозяйство — коровы, куры. Бабушка тайно крестила Ирину.

В то время беспартийной Раисе Максимовне трудно было найти работу по специальности. Какое-то время она работала в библиотеке, преподавала в местной школе, позже читала курс философии в университете. Она начала писать диссертацию по социологии, которая тогда только начинала зарождаться. Трудно было работать и поддерживать порядок в доме.

Огромными резиновыми сапогами деревенский социолог Раиса Горбачева месила грязь на сельских дорогах. Изучала крестьянскую семью. Стучалась в дома колхозников, стариков, солдатских вдов.

Горбачевы часто переезжали с одной казенной квартиры на другую. Процессом создания домашнего уюта руководила Раиса Максимовна. С собой в первую очередь перевозили картины, цветы, коврики, книги.

В Ставрополе была всего одна элитная английская спецшкола, но туда Ирину не отдали. Это было проявлением принципиальной жизненной позиции родителей. Дочь Горбачевых ходила в обычную школу по месту жительства.

На первом курсе Ставропольского мединститута Ирина познакомилась с будущим мужем. С Анатолием они учились в одной группе, поженились в 1978 году. И в этом же году Михаил Сергеевич был избран секретарем ЦК Коммунистической партии. Вся семья перебралась вМоскву.

Когда Горбачевы приехали в Москву, квартиры не было, и они жили на государственной даче.

В марте 1985 года, после смерти Черненко, Горбачев был избран на высший государственный пост. Фактически сразу после избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС он произвел кадровые перестановки в высших эшелонах власти. В частности, был снят со своего поста первый секретарь МГК КПСС Виктор Гришин, на его место был назначен Борис Ельцин.

У Горбачевых было внутреннее убеждение, что перемены необходимы. В мае 1985 года Михаил Сергеевич провозгласил курс на «перестройку и ускорение».

Когда он стал главой государства, в России в отношении жен руководителей страны была одна традиция — не существовать. И эта традиция была сформулирована еще со времен Сталина. Жены главы государства как понятия вообще не было. Поэтому появление рядом с Горбачевым его элегантной супруги было воспринято как революция.

Как-то в одном из своих интервью западным журналистам Горбачев сказал, что он обсуждает дома все, в том числе вопросы государственной важности.

Раиса Максимовна занималась исключительно общественной деятельностью, была заместителем председателя Фонда культуры, членом президиума правления Советского фонда культуры.

Всякий, кто следил за встречами в верхах между Михаилом Горбачевым и американским президентом Рональдом Рейганом, должен был прийти к выводу, что существовало два пакета проблем: отношения между двумя сверхдержавами и отношения между двумя женами. Каждая деталь дуэли Нэнси Рейган с Раисой Горбачевой досконально изучалась.

«Всего Ронни с Горбачевым встречались четыре раза: в Женеве в 1985 году, в Рейкьявике в 1986-м, в Вашингтоне в 1987-м и в Москве в

1988-м, — пишет в книге мемуаров Нэнси Рейган. — Я была с Ронни на трех из этих встреч, и каждый раз мы с Раисой становились предметом самых горячих обсуждений. Отчасти потому, что на переговоры прессу не допускали и тысячам корреспондентов было не о чем больше писать. Мы с Раисой были лишь маленьким подстрочным примечанием к великим событиям. Но она играла важную для меня роль во время подобных встреч, и я стала одним из ведущих экспертов по русской первой леди.

Когда мы встретились впервые, в Женеве, в ноябре 1985 года, я пригласила ее на чай в нашу резиденцию. Она удивила меня своей внешностью: была ниже ростом, чем я ожидала, и волосы ее были рыжее, чем можно было представить, глядя на нее по телевизору. Кроме того, что можно увидеть на снимках, я о ней больше ничего не знала. […]

Если я нервничала перед первой встречей с Раисой Горбачевой — а я нервничала, — то она, должно быть, нервничала еще больше перед встречей со мной. Я не знала, о чем буду говорить с ней, но вскоре выяснилось, что это не имеет никакого значения. С первой минуты она сама говорила, говорила, говорила — так много, что мне едва удавалось вставить словечко. Быть может, это было от неуверенности, которую она испытывала, но после почти дюжины наших встреч в трех разных странах основное впечатление, которое осталось у меня от Раисы Горбачевой, — что она никогда не перестает говорить. А точнее сказать, читать лекции. Иногда темой был триумф коммунистической системы. Иногда — советское искусство. А чаще всего — марксизм-ленинизм. Один или два раза она даже прочла мне лекцию о недостатках американской политической системы. […]

Несмотря на все трудности общения с Раисой, знаю, что она испытывала такое давление, какого я даже представить себе не могу, и я ее не виню. Когда, например, Горбачевы приземлились в Женеве, я заметила, что они вышли из самолета вместе. А когда вернулись в Москву, он вышел один, без нее, а она незаметно выскользнула через дверь в хвостовой части. Я бы взбесилась, если бы мне нужно было вести себя за границей совсем не так, как дома».

Крис Огден, автор книги «Маргарет Тэтчер. Женщина у власти» писал о визите британского премьер-министра в Москву в марте 1987 года: «Визит в Москву дал Тэтчер первую реальную возможность оценить и Раису Горбачеву, которой она преподнесла первое издание „Ярмарки тщеславия“ Теккерея. Она очень быстро поняла, почему Нэнси Рейган так не нравилась Раиса. Жена советского руководителя имеет ученую степень, она умна, имеет собственное мнение и не колеблясь говорит о том, что знает или думает. Убежденная марксистка, она подходит к дискуссиям диалектически, проповедуя и формулируя закономерность. Как заметил один из английских экспертов, если бы Раиса жила в Англии, она скорее всего стала бы активисткой Движения за ядерное разоружение». «Ее непросто сбить с толку», — заметила как-то Тэтчер.

Семья Горбачевых через многое прошла. Все было: и сплетни, и грязь, и предательства, и измены.

В 1990 году, на 3-м съезде народных депутатов, Михаила Сергеевича избирают президентом СССР. В апреле следующего Горбачевым были подписаны соглашения с руководителями десяти

союзных республик о совместной подготовке проекта нового Союзного договора. Но 19 августа, накануне его подписания, ближайшие соратники президента, в том числе «силовые» министры, объявили о создании ГКЧП. Горбачевы оказались отрезанными от мира на госдаче в Форосе.

Сразу же после провала заговора ГКЧП с телевизионного экрана надолго исчезла Раиса Максимовна. Пошли слухи: «Пережила. Переволновалась. Инсульт. Рука отнялась».

Однако, как бы компенсируя исчезновение, повсюду появилась ее книга «Я надеюсь», с улыбающимся портретом на обложке. В Форосе действительно был серьезный срыв. «Сегодня, конечно, я чувствую себя хуже, чем до Фороса, но гораздо лучше, чем могло быть».

Писательница Лариса Васильева считает, что самым удивительным и естественным было поведение Раисы Максимовны во время «путча»: «Она вела себя не мужественно, а женственно: испугалась за семью. Да так, что сама заболела. И это было ее главным поступком. К сожалению, ее испуг ничему не научил заигравшийся мир. Но это уже не ее вина. Она испугом сказала свое нежное женское слово. И оно останется на добрую память потомкам…»

25 декабря 1991 года Михаил Горбачев сложил с себя полномочия главы государства и вскоре стал президентом Международного общественного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд).

Для семьи настали тяжелые времена. Семью экс-президента буквально за сутки выселили из служебной квартиры. Дали здание для фонда, но вскоре его отобрали. Причем с милицией, наручниками…

Раиса Максимовна говорила, что ни разу не видела мужа отчаявшимся. Даже в тот момент, когда он узнал о решении беловежских «зубров».

Первые три года после ухода с поста президента Горбачев получал пенсию — 4 тысячи рублей. Он сделал все, чтобы семья ни в чем не нуждалась. Написал несколько книг, читал лекции за рубежом. «Годы реформ» во Франции стали бестселлером. На гонорары Горбачева и спонсорские взносы существует и его фонд. Начали помогать республиканскому центру «Гематологи мира — детям», и не только ему. Одна из главных благотворительных программ фонда — «Детские лейкозы в России». Через фонд в НИИ детской гематологии поступили лекарства, собранные за рубежом, на 600 тысяч долларов.

После того как Горбачев сошел с политического Олимпа, он оказался в изоляции, у него не было доступа на телевидение, все было перекрыто. И в 1996 году он участвовал в президентской кампании потому, что, куда бы ни приезжал, везде слышал: «Вы же давно смылись в Америку». Во время поездки по стране Горбачев вышел к разбушевавшейся, резко настроенной против него толпе с возгласом: «Ну что ж, распните меня, если вам от этого станет легче…» Все это надо было выдержать. Но Горбачевы сохранили моральную силу делать и говорить то, что считали нужным.

В это время дочь Ирина развелась со своим мужем. Занялась, переквалифицировавшись в менеджеры, бизнесом. Так что Раиса Максимовна много времени проводила с внучками — Ксюшей и Настей.

Дочь Ирина полагает, что президентская кампания 1996 года стала причиной многих волнений Раисы Максимовны и явилась одной из причин страшной болезни — лейкемии: «Мама очень тяжело все переживала, и, может быть, в этом плане лейкемия была расплатой».

Когда стало известно, что Раиса Максимовна опасно заболела, бюллетени о состоянии ее здоровья передавались всеми радиостанциями, и «Горбачев-фонд» оказался завален сочувственными письмами и телеграммами.

20 сентября 1999 года около 3 часов утра по местному времени (6 часов по Москве) в университетской клинике германского города Мюнстера Раиса Максимовна скончалась. Она умерла от лейкемии в возрасте 67 лет.

Злая ирония судьбы: Раиса Максимовна столько отдала сил, чтобы помочь детям, больным лейкемией. И никаких объективных факторов для этой болезни у нее не было. Диагноз был поставлен достаточно быстро, еще в Москве, когда она попала в ЦКБ. Но Михаил Сергеевич сказал ей о диагнозе только в Германии. Она боролась, насколько хватало сил, практически до комы. Но болезнь была неизлечима…

«Я много видела людей того поколения и поняла, что у них отношение друг к другу было более бережным, чем сейчас у нас, — говорит дочь Горбачевых Ирина Вирганская. — Они вступали в брак с признанием взаимной ответственности друг за друга. Между папой и мамой было именно то, что называют настоящей любовью. И оттого, что я это видела своими глазами, во мне навсегда осталась вера в любовь. […]

Это чувство выглядело так, как будто они — один человек. У них были и споры, и ссоры, но они были одно целое. Когда приходилось расставаться, родители бесконечно друг другу звонили, письма писали. Даже когда мы с мамой уезжали в отпуск, то в течение этих нескольких недель писали папе домой, а он — нам. Помните старый миф о том, как Зевс разрубил андрогинов на две половинки — мужчину и женщину, — они либо встретятся, либо нет? Их половинки встретились…»

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская

Величайший музыкант современности Мстислав Ростропович родился в 1927 году в Баку. Его отец, Леопольд Витольдович, преподавал в Бакинской консерватории. Стремление дать детям лучшее образование побудило семью переехать в Москву.

Мстислав поступил в Московскую консерваторию, которую блестяще окончил в 1946 году. Он начинает давать концерты в Советском Союзе, а потом и за рубежом.

Иногда известных советских артистов приглашали на приемы иностранных делегаций в качестве гостей, и на одном таком приеме в ресторане «Метрополь» в апреле 1955 года Мстислав Ростропович познакомился со звездой Большого театра Галиной Вишневской. Певица позже вспоминала: «Он сел за наш стол, я с кем-то болтала, на него не обращая никакого внимания. Имя его я слышала в первый раз — да еще такое трудное, я его сразу и забыла. Он рассказывал какие-то смешные истории, потом смотрю — яблоко от него ко мне через весь стол катится (как Парис в „Прекрасной Елене“ — „Отдал яблоко он ей…“)».

Вишневская была на год старше Мстислава. Она многое повидала в жизни. В детстве была брошена непутевой матерью и пьяницей-отцом, гордившимся тем, что после революции стрелял в мятежных кронштадтских моряков. Галину воспитывала бабушка. Жили они в городе Кронштадте — ленинградской военно-морской базе на острове Котлин. Гале не было и семнадцати, когда она вышла замуж за морского офицера Вишневского. Брак распался очень быстро.

Галина обладала естественной постановкой голоса, слухом и редкой памятью на музыку, впечатления, лица. В 1944 году она начала петь в областном ансамбле оперетты. Директор ансамбля Марк Ильич Рубин стал ее вторым мужем, он был старше избранницы на двадцать два года. У них родился сын, который вскоре умер.

Попав в стажерскую группу Большого театра, Вишневская смогла в полной мере раскрыть свой великий талант певицы. Появились приглашения на концерты, приемы, завязались интересные знакомства.

Вскоре Ростропович и Вишневская вместе оказались за границей на фестивале «Пражская весна».

Ухаживал Слава красиво, тактично, щедро, выражая ей свое восхищение, свое желание. Противиться такой стихии было трудно. Вишневская пишет в автобиографической книге «Галина»: «Я ждала любви, ради которой стоило бы умирать, как мои оперные героини. Мы неслись навстречу друг другу, и уже никакие силы не могли нас удержать. Будучи в свои двадцать восемь лет умудренной жизненным опытом женщиной, я всем сердцем почувствовала его молодой безудержный порыв, и все мои чувства, так долго бродившие во мне, устремились ему навстречу».

Через четыре пражских дня они уже были мужем и женой. Но приходилось молчать, иначе грозило модное тогда обвинение в бытовом разложении.

В Москве их ожидала самая большая трудность: развод Вишневской с Рубиным, который любил ее, ревновал, радовался ее успехам. Кончилось тем, что она просто сбежала к Ростроповичу.

Галина жаждала постоянства, душевного спокойствия. В 1956 году она родила дочь Ольгу. Ростропович чувствовал себя счастливым отцом, ребенка обожал, помогал пеленать, купать, из зарубежных поездок привозил детские питательные смеси.

В новом кооперативном доме на улице Огарева супруги купили в рассрочку квартиру из четырех комнат — жилье по тем временам роскошное. Галина позаботилась об уюте. После концертов у них часто собирались гости, с дружеским застольем, шампанским. Позже Ростроповичи купили дачу в живописном подмосковном поселке Жуковка.

В семье родилась вторая дочь Елена. Детей отец обучал музыке по своей методике: «Фортепиано — фундамент инструментализма». Старшая дочь Ольга пошла по стопам отца, выбрав виолончель; младшая, Елена, стала пианисткой, имея безусловные композиторские задатки.

Творческая карьера супругов складывалась успешно. Галина Вишневская блистала в театре. Она овладела многими ведущими сопрановыми партиями текущего репертуара. В шестидесятые годы три поездки Вишневской в США и ряд других гастролей прошли уже с

Ростроповичем как пианистом. Триумф был общим.

Вместе с мужем Вишневская вошла в круг друзей Шостаковича, стала первым интерпретатором многих его вокальных сочинений, посвященных ей.

Мстислав Ростропович в течение сезона давал от ста тридцати до двухсот концертов, как в Советском Союзе, так и за рубежом. В 1964 году за выдающиеся заслуги в развитии музыкального искусства он был удостоен Ленинской премии.

Словом, Ростропович и Вишневская стали гордостью советского искусства. Все резко изменилось после того, как Мстислав помог опальному писателю Александру Солженицыну. Ростроповича перестали выпускать на гастроли, до предела сократили его концертные выступления. Музыкант чуть было не сломался, начал пить и впал в состояние душевной депрессии.

В этих тяжелейших условиях Ростроповича спасла жена с ее твердым характером. Галина не колебалась: надо ехать на Запад. Ничто не могло ее остановить. Много лет спустя Вишневская говорила: «…Останься мы тогда в Москве, Ростроповича не было бы вообще — это точно. Он либо спился, либо покончил с собой, и я потеряла бы мужа, семью».

Первый концерт за рубежом дала Вишневская — на него был контракт, заключенный еще Госконцертом.

Супруги официально значились в зарубежной творческой командировке сроком на два года, имели советские паспорта и формально даже сохраняли свои московские места службы: Вишневская — в Большом театре, Ростропович — в Консерватории. На Западе они хотели заниматься своим делом — музыкой. Ростропович как-то сказал: «О высоких политических материях я вообще никогда не рассуждаю, ибо, как я всегда говорю, я не политик, а музыкант».

Хотя Ростропович и Вишневская официально не считались изгнанными из страны, их имена в советских средствах массовой информации не упоминались, записи их игры и пения убирались в дальние углы архивов, а то и уничтожались. К юбилею Большого театра был выпущен альбом, но тщетно искать там даже упоминание о Вишневской.

Американцы пригласили Ростроповича на место художественного руководителя Вашингтонского симфонического оркестра. Обаяние, простота, жизнерадостность, талант и человечность Мстислава Леопольдовича создали атмосферу обоюдной влюбленности дирижера и оркестра. За сезон давалось около двухсот концертов.

В 1977 году Вишневская была признана лучшей певицей мира, она записала множество пластинок, которые удостоились различных премий.

Ростропович и Вишневская стали давать интервью, в которых говорили о своей родине все, что думали. В результате 15 марта 1978 года они были лишены советского гражданства. Супруги узнали об этом в Париже из телевизионной передачи, но никакого гражданства решили не оформлять. Взяли лишь паспорта маленького княжества Монако, где когда-то дали первый концерт.

На чужбине Ростропович особенно ощутил значение в его жизни такой надежной опоры: рядом была женщина, понимавшая его характер; артистка, с ним сотрудничавшая; мать, умевшая находить общий язык с повзрослевшими, строптивыми дочерьми, умелая хозяйка, обладавшая

хорошим вкусом. И при этом она не стесняла его свободу.

Дочери радовали Ростроповичей. Старшая, Ольга, начала преподавать виолончельную игру в Манхэттенской школе Нью-Йорка. Младшая, Елена, вышла замуж, родила трех сыновей: Ивана, Сергея и Александра. И дочь от второго брака Елены с итальянским бизнесменом тоже получила русское имя — Анастасия. Как и прежде в России, так и в изгнании семья оставалась интернациональной: зятья — француз и итальянец, Вишневская — полуцыганка, Ростропович — литовско-польско-русских корней.

Ростропович дирижировал спектаклями, в которых пела Вишневская, организовал и провел ряд записей, из которых нужно выделить: «Катерину Измайлову» Д. Шостаковича в первой редакции, «Войну и мир» С. Прокофьева в полном варианте, «Пиковую даму» и «Иоланту» П. Чайковского, «Тоску» Пуччини.

Супруги внимательно следили за тем, что происходит в Советском Союзе. Отношение к инициатору перестройки Михаилу Горбачеву у них было разным. Мстислав Леопольдович симпатизировал человеку, позволившему стране вздохнуть свободнее, а Галина Павловна видела в советском лидере говоруна и позера.

Беды родной страны Ростропович и Вишневская принимали близко к сердцу. После землетрясения в Армении Мстислав Леопольдович организовал в Лондоне благотворительный концерт, на котором играл сам, а Вишневская пела романсы Чайковского.

В начале 1989 года была достигнута договоренность о гастролях в Москве и Ленинграде Вашингтонского оркестра под управлением Ростроповича. Не без колебаний он ответил согласием. Вишневская ехать не хотела: «Зачем? Чтобы вновь переживать прошлое, исходить гневом? Власть была прежняя, как и раньше, держала народ в скотском состоянии. А всевозможным красивым словам я давно научилась не верить».

В мае 1989 года Ростропович и сыграли свадьбу старшей дочери Ольги с Олафом Герран-Гермесом. Свадьбу устроили с размахом, на удивление немало повидавшему Парижу. Свадебный туалет дли невесты изготовил в русском стиле знаменитый Ив Сен-Лоран: сарафан, кокошник, ленты в волосах, украшенные драгоценностями. Молодые венчались в русской церкви Св. Александра Невского в Париже, дорогу из церкви устилали розы, а гостям играл на свадебном обеде ансамбль из пятидесяти скрипачей.

В январе 1990 года Ростроповичу и Вишневской вернули советское гражданство. Они приехали на родину.

Прямо из аэропорта супруги отправились на Новодевичье кладбище, на могилу Шостаковича: ему предназначался первый поклон… Два концерта в Москве дополнились двумя концертами в Ленинграде, где Вишневская успела съездить в родной Кронштадт, на могилу бабушки…

В парижской квартире Ростропович установил спутниковую антенну, чтобы смотреть телепередачи из Москвы. Утром 19 августа 1991 года Мстислав Леопольдович узнал об антиправительственном путче в СССР и сразу же решил ехать в Москву. Жену и детей предупреждать не стал — в час дня он был уже в самолете.

Этот шаг стал переломным для Ростроповича Он поверил, что страна готова к переменам. Мстислав Леопольдович произнес яркую речь на российском телевидении. Музыкант провел в Белом доме без малого трое суток, и когда напряжение спало, возвратился к своим делам, концертам, к семье с мыслью, что должен помогать России более активно.

В марте 1992 года Большой театр к сорокапятилетию творческой деятельности Вишневской посвящает большой концерт, певице символически возвращается пропуск в родной театр. Галина Павловна учреждает фонд для помощи ветеранам сцены, в который она вносит все деньги, полученные за русский перевод ее книги «Галина», изданной в пятнадцати странах.

Ростропович и Вишневская продолжают заниматься благотворительными проектами. Они основали свой фонд, находят деньги на лечение больных детей, за что от всех россиян низкий поклон.

Чествование 75-летия Ростроповича началось еще в декабре 2001 года в сердце музыкального Рима, концертном зале «Санта-Чечилия», а завершились торжества в Лондоне. Газеты писали: «Ростропович — гений», «Ростропович — волшебник». В дни юбилея на родине маэстро в Баку открылся дом-музей отца и сына Ростроповичей — Леопольда и Мстислава.

Князь Ренье и Грейс Келли

…Утром 13 сентября 1982 года княгиня Монако Грейс вместе с 17-летней дочерью Стефанией отправилась на своем «ровере» в Париж. На горной дороге она не справилась с управлением, и машину выбросило в пропасть. Стефания отделалась царапинами, а ее мать пробила головой ветровое стекло и через два дня скончалась в больнице. Так трагично завершился жизненный путь Грейс Келли, чей брак с князем Монако Ренье стал одним из самых громких романтических историй XX века.

Грейс родилась в Филадельфии 12 ноября 1929 года. Ее отец, Джек Келли, став миллионером, ушел в политику. Мать, Маргарет Майер, немка по происхождению, была преподавателем в Пенсильванском медицинском колледже. Родители внушали Грейс, что залог успеха в жизни — благовоспитанность, целомудренность и покорность.

Келли работала манекенщицей и одновременно училась в Американской академии драматического искусства. В 1950-е Келли стала звездой Голливуда. Ее называли «новой Гарбо». В триллерах Хичкока она играла «роковых женщин». У Грейс было много поклонников: актеры Кларк Гейбл и Кэри Грант, модельер Олег Кассини, шах Ирана Реза Пехлеви…

В мае 1955 года актриса приехала на Каннский фестиваль представлять картину «Поймать вора». Грейс тогда весело проводила время в компании французского актера Жан-Пьера Омона. 6 мая Келли предстояло нанести визит монакскому князю Ренье в его дворце, расположенном в полутора часах езды вдоль побережья. Эту встречу для нее организовал журнал «Пари-матч». Предполагалось, что Грейс совершит прогулку по садам и обменяется с Ренье III рукопожатием.

Княжество Монако занимает площадь около двух квадратных километров. Это клочок суши, прилепившийся к живописной бухте с дворцом на одном берегу и казино на другом.

Ренье III пришел в восторг от встречи с белокурой кинозвездой, хотя и не выказал ровно никакого раскаяния по поводу того, что опоздал на назначенную заранее встречу больше чем на час. Князь повел Грейс через сад в зверинец, где, просунув сквозь прутья руку, нежно погладил тигра.

В 1989 году в интервью американскому писателю Джерри Робинсону князь Ренье впервые признался, что его торопливое рукопожатие с Грейс привело к переписке, которую они временно держали в секрете.

Ренье подыскивал себе супругу. 31 мая 1955 года он в тридцать второй раз отметил свой день рождения. Родители Ренье начали жить раздельно вскоре после рождения сына, а позднее вообще развелись. Его мать, княгиня Шарлотта была беспокойной особой: в 1920 году она сбежала от мужа с доктором-итальянцем, проклиная напыщенность и занудство своего супруга, князя Пьера де Полиньяка. Ренье был младшим ребенком в этой несчастливой семье, и раздоры родителей не сделали его ближе к его единственной старшей сестре Антуанетте. На престол он взошел в 1949 году в возрасте 26 лет.

Князь жил со своей давней любовницей Жизель Паскаль, тоже французской актрисой, на что ему строго пенял Ватикан, требуя вернуть католическое княжество в границы морали и пристойности.

Грейс произвела на Ренье впечатление серьезной, надежной и честной женщины, а еще он оценил в ней чувство юмора. Князь решил встретить Рождество 1955 года в Америке. 25 декабря он увиделся с Грейс в Филадельфии. Все решилось очень быстро. Келли и Ренье очень быстро поняли, что они родственные души. На предложение князя выйти за него замуж Келли ответила согласием. Стать княгиней, получив благословение самого епископа; жить в замке на юге Франции; превратить реальную жизнь в мечту и наслаждаться ею, не зная тревог и забот, до конца своих дней — все это и вдобавок любовь остроумного, темпераментного мужчины, в черные глаза которого она могла смотреться бесконечно! Ради этого стоило распрощаться с карьерой голливудской актрисы.

12 апреля 1956 года Грейс Келли прибыла в Монако. Свадебная церемония должна была состояться ровно через неделю, и все семь дней были отданы приемам и вечерам знакомств.

День венчания ознаменовался ясным и солнечным утром. Был четверг, 19 апреля 1956 года. Являя миру редкое зрелище, гости — каждый из них сам по себе знаменитость — тянулись к своим местам в соборе: Аристотель Онассис, Рендольф Черчилль, Ава Гарднер, восточные правители.

Ренье сам придумал себе наряд для этого события — псевдовоенный мундир, расшитый золотыми листьями, эполетами и страусовыми перьями, и небесно-голубые брюки.

Голливуд проявил вкус в выборе элегантного подвенечного платья невесты: двадцать ярдов шелка, двадцать пять ярдов шелковой тафты, девяносто восемь ярдов шелкового тюля и более трехсот ярдов валансьеннских кружев. Под облаком фаты, оборок и складок угадывался силуэт прекраснейшей из женщин.

Епископ произнес краткую речь, в которой, помимо нескольких пасторских наставлений, напомнил князю, что тот должен смягчить свою власть нежностью; Грейс же он напомнил о том, что земная красота

преходяща.

Ренье и Грейс провели большую часть своего медового месяца в плавании вокруг Корсики. Молодую жену почти все время тошнило, однако вполне вероятно, что виной тому была не только морская качка. Когда Грейс вернулась в Монако в конце мая, врачи подтвердили — она беременна.

Грейс успела почувствовать тяжелый характер Ренье еще во время их помолвки в Америке, однако она не ожидала, насколько вспыльчивым и несдержанным окажется князь. Перепады его настроения подчас пугали: он был то ласковым, то вдруг взрывался яростью.

Однако, готовясь стать отцом, князь проявил себя с лучшей стороны. Вместе с Грейс он занялся подготовкой к появлению на свет их собственного чада. Согласно багажной квитанции, общий вес сделанных супругами в Нью-Йорке покупок составлял не менее двух тонн. Джорж Стейси, декоратор квартиры Грейс на Пятой авеню, согласился приехать в Монако, чтобы помочь в оформлении детской комнаты.

23 января 1957 года Грейс родила девочку весом почти в четыре килограмма. Это событие свершилось всего через девять месяцев и четыре дня после свадьбы.

В гавани пушки сделали двадцать один залп, а колокола четырнадцати церквей и часовен княжества радостно отозвались мелодичным звоном. Был объявлен национальный праздник. Новорожденная малютка была наречена Каролиной Луизой Маргаритой.

Спустя год и два месяца, 14 марта 1958 года, пушки в порту дали сто один залп. Менее чем за два года со дня свадьбы Грейс, как от нее и требовалось, обеспечила свою новую семью и страну законным наследником. Ренье объявил, что его сын и наследник будет наречен Альбер Александр Луи Пьер.

Грейс и Ренье свили для себя и своих двух малюток уютное гнездышко в Рок-Ажель, скрытом от посторонних взглядов загородном поместье в горах над Монако, которое они приобрели вскоре послесвадьбы.

Грейс занималась благотворительностью. Зимой 1956 года она организовала в княжеском дворце рождественскую елку для всех детей Монако в возрасте от трех до двенадцати лет. На святочной неделе устроила чаепитие, на котором встречалась с престарелыми и больными жителями княжества.

Грейс навещала местные дома престарелых и приюты для сирот. В 1958 году она открыла в Монако больницу, позже названную ее именем, а спустя несколько лет — детский сад в помощь работающим матерям.

Грейс и Ренье серьезно относились к воспитанию своих детей. Если им вечером предстоял выход в общество и Грейс знала, что не сможет лично уложить детей в постель и почитать им перед сном, она обязательно выкраивала время, чтобы перед тем, как переодеться в вечерний туалет, немного поболтать с детьми за ужином. Княжеская чета пыталась сделать детство своих отпрысков более беззаботным и счастливым, чем их собственное.

В начале шестидесятых Грейс была не столь счастлива, как могло показаться. Смерть отца стала для нее тяжелым ударом. В Монако у нее не было настоящих друзей.

В подавленном состоянии, устав от бесцельности своего существования, Грейс обратилась к Альфреду Хичкоку. Режиссер пообещал князю с супругой, что подыщет для Грейс хорошую роль, и действительно весной 1962 года режиссер послал Грейс сценарий фильма, написанный им по роману Уинстона Грэма.

Как и в других работах Хичкока, где снималась Грейс, сюжет «Марии» строился на обыгрывании сексуальных противоречий. Хичкок назначил съемки картины на лето 1962 года в одном из северо-восточных штатов США. Ренье и Грейс уже запланировали для себя длительный отдых в Америке.

Однако ни Грейс, ни Ренье, ни тем более Хичкок не были готовы к тому, какой скандал последует за этим известием. Особенно яростно протестовали против возвращения Грейс в кино ее подданные — граждане Монако: «Ей же придется целовать главного героя! Как она собирается это делать?» Именно эти настроения и повлияли в начале июня на решение Грейс отказаться от съемок.

В 1965 году Грейс снова стала матерью. 1 февраля, после двух неудачных попыток, она наконец родила третьего ребенка. Принцесса Стефания Мария Елизавета была на семь лет младше своего брата Альбера и на восемь — Каролины. Она сразу стала любимицей всей семьи, причем родители, для которых ее появление на свет явилось долгожданным праздником, лелеяли и баловали ее без меры.

1966 год был отмечен десятилетием брака Ренье и Келли. «Я действительно обрела некое душевное спокойствие, — сказала княгиня. — Для меня мои дети — огромный источник счастья. За последние десять лет жизнь предоставила мне немало поводов чувствовать себя удовлетворенной».

Однако в июле 1967 года ее ждал тяжелый удар. В возрасте тридцати семи лет она была снова беременна и ожидала к январю появления на свет своего четвертого ребенка.

Грейс почувствовала себя плохо. Ее доставили в больницу. Операция, которой подверглась Грейс, среди врачей известна как запоздалый аборт. Врачи сказали, что она больше никогда не будет иметь детей.

Грейс очень старалась быть идеальной женой. Но супруги все больше отдалялись друг от друга. А большую часть времени Ренье посвящал благоустройству своего государства. Грейс очень страдала оттого, что мужа больше не волновала ни она сама, ни ее интересы.

Никто, пожалуй, так, как Грейс, не сумел бы укрепить авторитет и королевский имидж семьи Гримальди. Актер Дирк Богард, побывавший в 1981 году у нее в гостях в Монако, вспоминал, что Грейс была величественна, как истинная королева, и при этом обаятельна и легка в общении.

В апреле 1981 года Грейс и Ренье отпраздновали серебряную свадьбу, по этому поводу был устроен торжественный обед с детьми и старыми друзьями. Принц Альбер произнес тост, к которому присоединились Кэри Грант и Фрэнк Синатра.

В конце августа 1982 года с двумя старшими детьми Грейс вылетела в Норвегию, чтобы совершить северный круиз. Они пересекли Северный полярный круг, оказавшись в тех самых водах, в которых когда-то плавал прадед Ренье — любитель приключений и океанограф князь Альбер.

Стефании с ними не было. В свои семнадцать лет она влюбилась в девятнадцатилетнего Поля Бельмондо, сына своего знаменитого отца Жан-Поля, и хотела во что бы то ни стало провести каникулы только вместе с ним. Грейс удалось устроить Стефанию в чрезвычайно престижный Институт дизайна моды в Париже, но дочь захотела вместе с Полем Бельмондо учиться в школе автогонщиков. В сентябре Грейс взяла ее с собой в загородную резиденцию, но отговорить дочь ей не удалось.

13 сентября 1982 года Грейс должна была увезти Стефанию из Рок-Ажель в Монако, а затем в Париж, чтобы наконец-то определить ее в институт. Погода в этот день выдалась ясная и солнечная. Шофер Грейс стоял возле «ровера», готовый отвести мать с дочерью в Монако, однако Грейс сказала, что поведет машину сама.

Она не доехала одного километра до границы Франции и Монако. На очередном повороте автомобиль, пробив щиты ограждения и вылетев за них метров на сто, перевернулся и ударился о скалы. Первым на место трагедии прибыл муж Грейс, принц Ренье. В тот день он также возвращался во дворец после короткого отдыха. Сообщение ему в машину передала служба дворцовой охраны. Грейс лежала без сознания. Стефания практически не пострадала.

В 12.20 Ее Светлость доставили в главный госпиталь Монако, носивший имя принцессы Грейс. Были приглашены медицинские светила из Ниццы, однако в госпитале не оказалось необходимого оборудования. Спустя сутки главный хирург Монако встретился с принцем Ренье, старшими детьми Альбером и Каролиной и констатировал, что помочь Грейс медицина бессильна.

Муж и дети вошли в палату, попрощались с умирающей, и затем аппарат искусственного дыхания был отключен. Грейс Патрисия Келли, принцесса Монакская, скончалась в возрасте 52-х лет.

Три дня гроб с телом Грейс стоял в боковой часовне собора, весь усыпанный цветами. 18 сентября 1982 года его опустили в фамильный склеп Гримальди. Надпись на простой мраморной плите: «Грейс Патриция, супруга князя Ренье III, скончалась лета Господня 1982».

Князь Ренье больше не любит позировать перед фотообъективом, однако если такое случается, то, как правило, становится на фоне портрета своей покойной супруги. Это портрет Грейс в первые месяцы их супружества: высокая и стройная, в серебряном платье, она словно исходит сиянием той удивительной весны 1956 года. Грейс составляла половину его жизни, и у него сохранилась вторая половина — Монако.

Артур Миллер и Мэрилин Монро

Первая их встреча произошла в 1950 году на коктейле в Голливуде, куда в поисках продюсера заглянули драматург Артур Миллер и его друг режиссер Элиа Казан. Продюсера они не нашли, зато познакомились с Мэрилин Монро, восходящей голливудской звездой. Мэрилин, благодарная слушательница, была покорена интеллектом драматурга.

Миллер обратил внимание на молодую женщину, «такую испуганную, что она не могла вымолвить ни слова, а просто стояла молча, отказываясь принимать участие в пустой светской болтовне». По словам драматурга, он сумел завоевать ее доверие, потом в течение трех дней провел с нею в общей сложности часов восемь. Она пожаловалась ему на «удушающее чувство неполноценности, на неспособность завести настоящих друзей, на то, что люди воспринимают ее только как тело и ничего больше».

Миллер сказал ей, что она должна поехать в Нью-Йорк и учиться актерскому мастерству. После того как Артур уехал из Калифорнии, они вели переписку, правда, недолго.

В январе 1954 года Монро вышла замуж за известного игрока в бейсбол Джо Ди Маджо. Брак оказался недолговечным. Джо поставил вопрос ребром: или он, или кино. Мэрилин попыталась найти компромисс, но вскоре убедилась, что это невозможно.

Одержимая желанием овладеть актерским мастерством, Монро появляется в знаменитой актерской студии Ли Страсберга. Корреспонденту «Тайм» Артур Миллер говорил: «Я знать ничего не знал о том, что Мэрилин собирается в Нью-Йорк, пока не прочел об этом в газетах».

В апреле 1955 года они встретились вновь. По словам Мэрилин, встреча произошла снова на вечере, куда была приглашена театральная общественность Нью-Йорка. Монро было приятно находиться рядом с такой знаменитостью.

Через две недели Миллер позвонил Пауле Страсберг из Актерской студии и попросил дать ему номер телефона Мэрилин. Они встретились в доме их общего друга, поэта Нормана Ростена. Так начался их любовный роман. Мэрилин было двадцать девять, Артуру — под сорок.

Миллер был осторожен, как и подобает мужчине, затеявшему развод. Его брак с Мэри Грейс Слаттери дал трещину еще до встречи с Монро. Артуру это решение далось тяжело, все-таки у них были сын и дочь.

Монро, восхищавшаяся интеллектом Миллера, вскоре заметит: «Я люблю мужчину, а не его ум. Артур, который привлек меня, был человеком, излучавшим тепло и дружелюбие. Он помог мне переделать себя. У меня всегда была неуверенность в себе, Артур помог мне преодолеть это чувство».

Миллер, в свою очередь, сказал репортеру «Тайм» Роберту Эджемиану: «Она самая женственная из женщин, какую можно себе представить. Находясь рядом с ней, хочется умереть. Эта девушка находит отклик в душе каждого мужчины».

2 июня 1956 года, снявшись в фильме «Автобусная остановка», Мэрилин вернулась в Нью-Йорк. Миллер же в это время получил от Комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности повестку с требованием явиться на слушание дела.

Перед Комиссией он предстал 21 июня. Отказ Миллера назвать фамилии людей, с которыми он встречался на коммунистических митингах, послужил поводом для его судебного преследования. Монро в этой тяжбе приняла сторону Миллера и поддерживала его не только морально, но и материально.

Вскоре Монро и Миллер стали жить вместе. В одном доме жили родители драматурга: семидесятидвухлетний Айзадор и Августа. Монро со слезами на глазах говорила им: «Впервые в жизни у меня появились люди, которых я могла бы назвать отцом и матерью». Миллеры были иудеями, и актриса пожелала вступить в иудейскую веру и справить свадьбу по иудейскому обычаю.

Бракосочетание состоялось 29 июня 1956 года. Два дня спустя специально для Мэрилин сыграли еврейскую свадьбу. «Это было похоже на сказку, ставшую явью, — вспоминал Норман Ростен. — Появился принц — принцесса была им спасена».

К этому дню Миллер купил золотое обручальное кольцо, на котором было выгравировано: «М. от А., июнь 1956. Сейчас и всегда». Мэрилин, в свою очередь, на обороте свадебной фотографии написала три слова: «Надежда, Надежда, Надежда».

Через две недели после свадьбы Миллеры отбыли в Англию, чтобы вместе с сэром Лоренсом Оливье начать работу над фильмом «Принц и хористка».

В Англии Миллер так и не смог закончить очередную пьесу. Мэрилин же была истощена съемками в «Принце и хористке». Оба нуждались в отдыхе. Миллеры отправились на Ямайку и в течение нескольких дней блаженствовали, сняв роскошную виллу «Мут-Пойнт».

Вернувшись в Нью-Йорк, они поселились в доме на Восточной 57-й улице. Это жилье супруги будут называть «Апартаменты Мэрилин».

Миллеру, кстати, посвятившему свой новый сборник пьес Мэрилин, было нелегко привыкнуть к тому, что их повсюду узнавали. Артур с жаром защищал ее увлечение излишне откровенными нарядами.

Монро легко поладила с детьми Миллера от первого брака — Джейн и Робертом. В первый год замужества она с помощью горничной и повара постигла азы домоводства. Но от своей необязательности Мэрилин так и не избавилась. Она могла опоздать на два часа на званый обед.

В мае 1957 года драматурга вновь вызвали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, чтобы он назвал имена людей, с которыми встречался на коммунистических митингах. Мэрилин сопровождала его в Вашингтон на слушание. Артур не стал давать показания, и теперь ему грозило тюремное заключение сроком на год и штраф в тысячу долларов.

Миллеры уединились в маленьком домике в Амагансете на мысе Код (Лонг-Айленд). Здесь Мэрилин впервые сыграла роль хозяйки: она ходила за покупками, вытирала пыль, готовила еду и каждую минуту наслаждалась тихой семейной жизнью. А Миллер засел за пишущую машинку и пытался закончить очередную пьесу для театра. Но написал всего несколько коротких рассказов. Один из них назывался «Неприкаянные», который позже был переработан в киносценарий.

Супруги любили ходить на пляж. Они прогуливались или сидели на песке. На одном из снимков Монро восторженно обнимает мужа, в то время как он ловит рыбу. Оба счастливы: Мэрилин ждет ребенка. В июньском интервью, которое при ее жизни не было опубликовано, она сказала: «Мужчина и женщина нуждаются в чем-то своем собственном. Ребенок делает брак совершенным».

В августе мирное течение жизни супругов прервала сирена «скорой помощи». Мэрилин потеряла ребенка. Беременность продлилась не более двух месяцев. Врачи утешали, что она еще сможет родить. Миллер заявил, что «она хочет иметь столько детей, сколько получится, я хочу того же. В ней больше отваги, чем в ком бы то ни было».

В последние дни лета 1957 года Миллеры вернулись в свою квартиру на Манхэттене. Мэрилин была в подавленном состоянии. Она очень страдала от бессонницы, и еще больше от успокоительных средств. В Амагансете Миллер стал свидетелем того, как его жена из-за передозировки снотворного впала в кому. Жизнь ее была спасена благодаря слаженным действиям врачей «скорой помощи».

Мэрилин пыталась найти утешение в алкоголе. Миллер был терпелив. К счастью для них, зима принесла им новое занятие: «Ферма Артура», которую они купили с тремя сотнями акров земли в Коннектикуте.

В 1958 году Монро снималась у Билли Уайлдера в комедии «Некоторые любят погорячее». На этот раз актриса находилась под присмотром психиатра и терапевта. 15 сентября Мэрилин с диагнозом «нервное истощение» доставили в больницу «Ливанские кедры», где она провела три дня. Настало время всерьез подумать о ее психическом состоянии. К тому же Мэрилин снова была беременна.

Завершающие сцены фильма, снимавшиеся в начале ноября, потребовали от больной Мэрилин неимоверных физических усилий. Выписавшись из больницы, она лежала в отеле, «чтобы не растрясти ребенка». Потом на машине «скорой помощи» ее отвезли в аэропорт, и она улетела в Нью-Йорк. Там незадолго до Рождества Мэрилин в третий раз пришлось отказаться от надежды стать матерью. Для нее это была катастрофа.

Под угрозой оказалась и ее кинокарьера. Когда ее утвердили на главную роль в фильме «Займемся любовью», никто из знаменитостей — Кэри Грант, Рок Хадсон, Грегори Пек — не захотели с ней работать. На выручку пришел европейский знакомец Миллера — Ив Монтан, который приехал вместе с женой Симоной Синьоре в Нью-Йорк с концертами.

Несмотря на профессиональные разногласия, у Ива и Мэрилин начался роман. «Идиллия без будущего» — так окрестили газетчики новую любовь самой знаменитой блондинки Америки и самого известного француза. Мэрилин рассчитывает на большее, чем мимолетный роман, но Монтан не собирается расставаться с женой.

И все-таки главной причиной развода Миллера с Монро была не связь ее с Монтаном. Просто наступил момент, когда Артур устал от беспокойной жены.

В фильме «Неприкаянные» Мэрилин предстояло сыграть роль прелестной, но несчастной женщины с тонкой душевной организацией, страдающей от внутренних противоречий. По ходу действия героиня фильма едет в город Рино, чтобы получить развод.

Когда группа отмечала сорокапятилетие Артура Миллера, Мэрилин появилась на торжественном ужине. Но произнести тост в честь мужа отказалась.

Работа над фильмом продвигалась медленно. Кроме необязательности Монро дело тормозило стремление Джона Хьюстона снимать каждый эпизод как идеальный. Когда наконец отсняли три четверти материала, Мэрилин внезапно упала в обморок. Лечащий врач потребовал госпитализации и длительного отдыха.

Болезнь кинозвезды оживила старые сплетни и слухи. Высказывалось мнение, что недуг спровоцировали осложнения в отношениях Монро и Миллера. А в сентябре газеты сообщили: Мэрилин выбрала адвоката для ведения бракоразводного процесса.

В октябре закончились съемки фильма; Мэрилин и Артур возвратились в Нью-Йорк. Разными авиарейсами.

Выход на экраны «Неприкаянных» не привлек к себе внимания журналистов, зато газетчики с готовностью откликнулись на известие, что Мэрилин Монро тайно проходит лечение в психиатрической больнице Пейн-Уитни в Нью-Йорке, скрываясь под именем Фей Миллер. Мэрилин погрузилась в глубочайшую депрессию.

20 января 1961 года в городе Хуаресе в Мексике Монро и Миллер получили развод с мотивировкой «несходство характеров». Адвокат, представлявший интересы драматурга, сказал, что желание расстаться у них обоюдное.

Желая избежать широкой огласки, Монро поехала в Мексику в день инаугурации президента Кеннеди. Одетая во все черное, она подписала необходимые бумаги, не читая их, потом с трудом протиснулась через толпу зевак. На другой день Монро вернулась в Нью-Йорк.

«Жизнь с Мэрилин была прекрасна, необычна. Каждый день был новым, не похожим на предыдущий. Но мы были слишком взрывными. Водоворот голливудской жизни затягивал нас, не оставляя времени для личной жизни», — вспоминал Артур Миллер.

На съемках «Неприкаянных» работала фотограф Инга Морат. Она и станет третьей женой Миллера, с ней он будет жить в счастливом согласии.

Смерть Мэрилин произвела на Артура гнетущее впечатление. Всю оставшуюся жизнь его не отпускало чувство вины — он понимал, что бросил Монро на произвол судьбы. «Самоубийство Мэрилин принесло мне много страданий. Я знала, что Артур любит меня, но видела, что он не может забыть трагедию. Он чувствовал себя виноватым», — заключает Инга Морат.

Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева

Это была почти мистическая история. Летом студентка Школы-студии МХАТ Ирина Скобцева отдыхала в Доме творчества художников. Живописец Василий Ефанов, вдохновленный красотой девушки, написал ее портрет. Вскоре у Ефанова состоялась выставка в Академии художеств, и среди прочих своих картин он выставил портрет Ирины Скобцевой. Она вошла в зал и увидела, что перед ее портретом стоит Сергей Федорович Бондарчук, народный артист СССР.

Он начинал играть в Ейском драмтеатре. Тогда же в первый раз женился, у него родился сын. В сорок первом Бондарчук ушел добровольцем на фронт. После Победы окончил актерский факультет ВГИКа в мастерской Герасимова. Первая же работа Бондарчука в кино — роль Валько в фильме «Молодая гвардия» — принесла ему всесоюзную

известность. В этой картине снялась Инна Макарова, ставшая его второй женой. В 1950 году на свет появилась дочь, будущая актриса и режиссер Наталья Бондарчук.

В 1955 году режиссер Сергей Юткевич без кинопроб решил поручить Бондарчуку роль венецианского мавра в новой экранизации трагедии Шекспира «Отелло». На роль Дездемоны была утверждена Ирина Скобцева. После встречи в картинной галерее они виделись мельком на киностудии имени Горького. На «Отелло» актеры впервые работали вместе. «И вот в кадре он взял меня за руку, и так — рука об руку — мы прожили вместе сорок лет, до последнего его земного вздоха», — вспоминала Скобцева. А Сергей Федорович шутил: «Сперва задушил, а потом женился».

Они быстро поняли, что не могут существовать друг без друга. Но прежде чем объединились в семью, им пришлось пройти через многочисленные преграды и внушения аж на правительственном уровне. Бондарчука и Скобцеву вызывали в ЦК КПСС, не выпускали вдвоем на зарубежные премьеры. А успех у «Отелло» был огромный, актеров приглашали с картиной по всему миру.

К новой жене он уходил тяжело: переживал, метался. В прежней семье была маленькая дочь Наташа. Окончательно все решила Инна Макарова: уходишь — уходи!

«Однажды, это был 1958 год, мы должны были улетать в Англию, а накануне вечером мне сообщили, что я не еду, — рассказывает Скобцева. — И Сергей Федорович прямо с аэродрома приехал ко мне, заявил, что больше никуда без меня не поедет. Но, перед тем как мы расписались, он поставил мне два незыблемых условия: никогда не расставаться и время от времени давать ему возможность помолчать, хотя бы три дня…»

Бондарчук переселился в двухкомнатную квартиру жены, где были бабушка, мама и папа. Приняли его очень радушно. Глава семьи был научным работником Главного управления метеослужбы, а Юлия Николаевна, мама Ирины, всю жизнь работала в архивах. Молодоженам отдали одну комнату.

После встречи с Бондарчуком вся жизнь Ирины Скобцевой была подчинена семье и совместной работе, других интересов у нее не было.

Она от многого отказывалась, в том числе от карьеры актрисы. Начало ведь у нее действительно было блестящим — заметные роли в фильмах «Отелло», «Неповторимая весна», «Поединок», «Обыкновенный человек»… Но по-другому поступить не могла, да и не хотела.

Они ждали, когда им построят кооперативную квартиру, но так получилось, что им дали квартиру на Тверской. Свой кооперативный взнос Бондарчук отдал детскому садику. Двухкомнатную квартиру сдали государству и все вместе переехали жить в новую квартиру.

Счастье прирастало детьми. Обстоятельства складывались так, что дети рождались без отца. Когда родилась Аленка, Сергей Федорович был на молодежном фестивале в Хельсинки, где режиссер был почетным гостем. Телеграмму с сообщением о рождении дочери ему принесла девочка. Он спросил: «Как тебя звать?» — «Аленушка». — «Вот и у меня будет Аленушка».

Федя тоже родился в тот момент, когда Бондарчук был вдали от дома. Сначала его называли Тарасик, затем князь Андрей: няньки, когда его приносили, говорили: «Вот князь Андрей». Но буквально через три месяца после его рождения умер отец Бондарчука, Федор Петрович, и сына назвали в честь деда.

Перед съемками «Войны и мира» Сергей Федорович сказал жене: «Я буду снимать картину, а все остальное — твоя забота…»

Работа над грандиозной эпопеей заняла десять лет. Ирина Скобцева сыграла Элен, хотя ей очень не хотелось играть эту роль: «Во-первых, она мне была неприятна, а во-вторых, знаете, как всегда потом начинают говорить: „Конечно, он ее снимает. Она ведь жена режиссера“. Но Сергей Федорович меня уговорил: „Ну пожалуйста, сыграй. Ты мне очень нужна в этом фильме“».

Дом Бондарчуков превратился в филиал съемочной площадки. Может быть, в личном плане они многое тогда упустили: никаких «светских» вечеров, четыре года съемок, постоянные экспедиции, а там — неустроенность, иногда и есть-то приходилось на подножке грузовика, но они были счастливы. Кстати, с Ириной Константиновной Бондарчук строже всех делал пробы. Она же никогда не позволяла себе вести как жена режиссера, была всегда тактичная и организованная.

Сергей Федорович был по натуре очень страстным человеком. Скажем, увлекся работой над фильмом и ни о чем вообще больше не думал. Он мог забыть про день рождения жены, она же никогда не обижалась, понимая, что у Сергея Федоровича голова постоянно занята другим… Однажды Бондарчук привез ей огромный флакон духов на пол-литра. Эти духи потом у Ирины Константиновны держались десять — пятнадцать лет.

Все, что связано было с творчеством, с фантазией, — на это Сергей Федорович был мастер… Когда не было подарка — он за пару дней из куска березы вырезал бюст Толстого. У Бондарчука на даче был сарай, в котором он мастерил всякие интересные вещи из дерева. Из зарубежных поездок режиссер привозил столярные инструменты.

Как депутат Верховного Совета СССР, Сергей Федорович получал огромное количество писем и считал своим долгом ответить на каждое. Ходоки ехали к нему со всего Союза — в основном на студию. Домой их старались не пускать — на страже стояли Ирина Константиновна и ее мама. Однако просители все равно проникали. Их всех приходилось кормить, поить. Скобцева однажды бросила в сердцах, что Ленинская премия за «Судьбу человека» целиком ушла на то, чтобы отметить ее получение.

Да, у Бондарчуков всегда был хлебосольный дом. У них дневали и ночевали друзья, коллеги, просто знакомые, которые хотели сделать карьеру с помощью Сергея Федоровича, и множество странных личностей — изобретателей, врачевателей. Кроме того, за Бондарчуком все время ходили какие-то люди с блокнотами и записывали каждое его слово. Дети между собой называли их «бытописателями».

К своим детям Сергей Федорович всегда относился как ко взрослым. И если читал им стихи, то даже для малышей делал это будто со сцены… Аленке было года три, она знала уже очень много стихов наизусть

и даже рассказывала сказки, в точности по интонации и манерам повторяя отца. Однажды Бондарчук прочел ей пушкинского «Пророка». Она развела ручонки в стороны: «Ну, папа, это уж не для детей!»

Алена окончила школу-студию МХАТа. Играла в Пушкинском театре, в «Моссовете». Со спектаклем «Дорогая Елена Сергеевна» ездила на гастроли в Америку. Потом она стала одной из ведущих актрис МХАТа имени Горького. Федя окончил режиссерский факультет ВГИКа, снимает клипы. Их жизненный выбор нетрудно объяснить. Они ведь постоянно были рядом и варились в том же кинематографическом котле, что и родители.

Жизнь не раз и не два испытывала их брак на прочность. После пятого съезда Союза кинематографистов, на котором Бондарчука не просто вывели из секретариата правления, но и постарались максимально, насколько способны завистники и недоброжелатели, облить грязью, он долгое время оставался не у дел. В это трудное время его поддержала семья.

«Бывали у нас отливы, бывали приливы, был и девятый вал — это и есть жизнь, — говорил Бондарчук в 1992 году, давая интервью газете „Семья“. — А жить как в раю и слушать пение ангелов — это скучно и даже тоскливо. Жизнь, она в тревогах и в заботах, на взлетах и падениях. Жена для меня друг, ближайший помощник, человек, который разделяет все мои горести, неудачи, успехи, поражения, победы… Мы уже 18 лет вместе преподаем во ВГИКе, она доцент, я профессор. И я надеюсь, что мы будем всегда помогать друг другу и в творчестве, и в жизни».

Сергей Федорович давно вынашивал планы новой постановки «Тихого Дона». Но поддержки и средств на этот проект в России он не нашел. Зато свои услуги предложили итальянцы.

В январе 1990 года в Риме он подписал с продюсером соглашение о производстве десятисерийной теле- и пятичасовой киноверсии романа Михаила Шолохова «Тихий Дон». Съемки прошли на удивление быстро, всего за одиннадцать месяцев. В картине снималось более 1000 актеров. Ирина Скобцева сыграла Ильиничну, Алена Бондарчук — Наталью.

Итальянский продюсер обанкротился и исчез вместе с фильмом. Бондарчук так и не увидел конечного результата. Последние месяцы его жизни были замешены на крови (открылись три кровоточащие язвы), кофе и сигаретах. Работа, которая была для него единственным стимулом и смыслом жизни, не двигалась с мертвой точки. Только в живописи он находил для себя маленькую отдушину. Рисовал все, что попадалось на глаза: свои призы, курительные трубки, книжки, цветы… Врачи не сразу поставили ему диагноз. Оказалось, поражено легкое и уже ничего нельзя поделать.

Уходил он тихо. Перед смертью за два часа причастился и исповедовался. Сергей Федорович Бондарчук умер 20 октября 1994 года в Москве.

«Долгое время после смерти отца мама не могла прийти в себя, — рассказывает Федор Бондарчук. — Добивалась установки мемориальной доски на доме, разбиралась с архивом, оставшимся после папы… Однажды я ей посоветовал: „Слушай, мам, записывай все, что только вспомнишь… Не делай из воспоминаний философский труд или учебник по режиссуре. Вспомни, что было у вас интересного, и запиши“».

Алена буквально вытащила мать к жизни. Помогла отремонтировать дачу. Ирина Константиновна начала сниматься в кино. «У меня было все: счастье, любовь, семья… — говорит она. — А теперь темнота. Мне часто говорит моя дочь Алена: „Мама, у тебя нет друзей“. А моя жизнь тогда и теперь принадлежит Бондарчуку, служению ему».

Карло Понти и Софи Лорен

«Мне в жизни ничего не давалось легко, — говорит знаменитая итальянская актриса Софи Лорен. — Мои дети, мой брак, моя карьера — все было результатом упорной борьбы. И думаю, что именно тяжкий труд и верность поставленной цели приносили мне высшее счастье в жизни».

Софи Виллани Шиколоне (Лорен) родилась в 1934 году в римском госпитале для неимущих и была дочерью Ромильды Виллани, неудавшейся актрисы. В пятнадцать лет Софи начинает участвовать в конкурсах красоты. Позднее пришло увлечение кино. При подписании контракта с киностудией «Чиночитта» продюсер придумал ей более звучное имя — Лорен. Так на свет появилась актриса Софи Лорен. Правда, она сомневалась, что ей удастся стать кинозвездой: «Я была слишком высока, слишком широка в бедрах, имела слишком длинный нос и слишком широкий рот. И при этом никаких связей и никакого актерского образования. Да к тому же у меня был неаполитанский акцент. Актерское будущее рисовалось мне в черных цветах».

Однажды вечером Софи с друзьями сидела в кафе, с веранды которого открывался прекрасный вид на Колизей. Она даже не знала, что в программу вечера входил финал конкурса «Мисс Рим». Вдруг к их столику подошел один из организаторов и попросил Софи принять участие. Девушка отказалась. Однако через некоторое время он вернулся и сказал, что членами жюри являются известные кинодеятели и один из них, продюсер Карло Понти, обратил на нее внимание и лично просит, чтобы она приняла участие…

На этот раз Софи согласилась. Подумала: если к тебе расположен член жюри, можно и победить… Лорен присудили второе место, а Карло Понти пригласил ее на разговор. Они ходили по саду, мило беседовали. Наконец продюсер сказал: «Я наблюдал за вами. У вас интересное лицо и естественное выражение. Я думаю, что у меня неплохой глаз. Я смог помочь Джине Лоллобриджиде, Алиде Валли и многим другим. Приходите завтра ко мне в офис, и мы сделаем пробные снимки».

Карло Фортунато Пьетро Понти родился в 1912 году. Он вырос в городке Мажента под Миланом. Получив университетское образование на факультете права, Карло устраивается на работу в кинокомпанию и вскоре становится ее вице-президентом. Свой первый фильм он выпустил в 1939 году. Понти был в числе тех, кто восстанавливал итальянское кино после войны…

Рассказывает Софи Лорен:

«…операторы говорили, что они не могут снять меня достаточно привлекательным образом.

Карло не отказывался от меня. Он спокойным голосом говорил: „Подожди пять минуточек…“ Хотя тогда между нами ничего не было. Мне только что исполнилось шестнадцать лет, а ему тридцать восемь. У него

была жена и двое детей…»

Карло Понти изменил ее образ жизни, вкусы, манеры, даже косметику. Он помог Лорен избавиться от неаполитанского акцента, научил вести беседы с самыми разными людьми, приобщил к чтению, открыв ей мир Бальзака, Стендаля, Томаса Манна, Бернарда Шоу, Толстого и Чехова. Продюсер отрабатывал с Лорен все, вплоть до походки. Она должна была, например, ходить по коридору между двумя рядами столов с открытыми дверцами и покачиванием то одного, то другого бедра закрывать их.

Карло Понти, этот грузный и лысоватый господин, без устали, подобно Пигмалиону, творил миф о Софи Лорен, не жалея ни денег, ни таланта предпринимателя.

В Италии первую настоящую роль ей дал режиссер Витторио Де Сика, снявший Лорен в ленте «Золото Неаполя». У них образовался блестящий и редкий для кино творческий союз, подаривший мировому киноискусству фильмы, вошедшие в «золотой фонд»: «Вчера, сегодня, завтра», «Чочара», «Брак по-итальянски», «Подсолнухи». Прозорливый Карло Понти заключил с Де Сикой контракт, по которому режиссер должен был снимать ежегодно по фильму с участием Лорен.

Понти был на двадцать сантиметров ниже Софии и более чем на двадцать лет старше нее. «Карло верил в меня и любил меня. Я знала об этом. Мое чувство к нему медленно росло. Однажды он послал мне маленькую коробочку. Внутри было обручальное кольцо…»

Однако роман Понти и Лорен был отмечен и драматическими коллизиями: Карло был женат на Джулии Фиастри. Они вместе прожили девять лет и имели двух сыновей — Джулиано и Джузеппе. Впоследствии мальчики получили экономическое образование в Миланском университете, жили всегда с матерью, а с Лорен никогда не встречались. Да и она не стремилась приблизить их к себе.

В дни, когда Софи и Карло мечтали о совместной жизни, а их преследовали, он признался: «Дорогая, единственный мой грех состоит в том, что я хочу с тобой обвенчаться…» Как известно, католическая церковь выступает против разводов. В 1957 году Лорен и Понти все-таки зарегистрировали брак в Мексике.

Софи же полюбила Карло всем сердцем и была счастлива, что после множества неурядиц все встало на свои места. Можно сказать, он завоевал супругу добротой, щедрыми подарками и заботой, которых Лорен была лишена с детства. Во всяком случае на вопрос, почему она обвенчалась с человеком намного старше ее, актриса призналась: «Да потому, что в прошлом я всегда чувствовала себя беззащитной».

В Италии многие были на их стороне. Против выступали только власти и церковь. По итальянским законам Карло становился двоеженцем. На католических соборах появились обращения к верующим, чтобы они забыли имена Лорен и Понти. Их фильмы были запрещены.

Карло Понти нашел выход из сложившегося положения. Он обратился к французским друзьям и коллегам, надеясь с их помощью получить французское подданство, тем более что жена уже взяла его.

Через некоторое время подданство ему было предоставлено за заслуги перед Францией в области культуры. Карло Понти пообещал, что все его фильмы обязательно будут идти во французском кинопрокате. В

1962 году он наконец-то развелся с Джулией Фиастри.

Союз Карло Понти и Софии Лорен оказался счастливым — в личной и творческой жизни обоих. В 1966 году они еще раз официально оформили свои отношения.

И все-таки тяжелые сомнения не раз посещали Софию Лорен. Много тревожных, беспокойных часов и дней она провела наедине с собой, обращаясь к Богу… Как истинная женщина, Софи мечтала о ребенке. Оставалось единственное неосуществленное желание. Трижды в совместной жизни с Карло Понти эта мечта, тяжело раня душу Софии, неожиданно обрывалась… Несмотря ни на что, Лорен не теряла самообладания.

«На этот раз я должна родить любой ценой», — сказала Софи, когда ее положили в клинику на пятом месяце беременности. Врачи не верили в благоприятный исход, но ничего не говорили ей.

Через пять месяцев Софи Лорен родила мальчика. Карло-младший появился на свет в 1969 году в женевском роддоме. Его рождение стало мировой сенсацией. В палату, где лежала счастливая мать, проникла толпа фотокорреспондентов… Взгромоздясь друг на друга до самого потолка, они снимали младенца и Софию Лорен.

На этом актриса не остановилась. Второй сын, Эдуардо, родился в 1973 году без особых страданий.

Большая разница в возрасте не оказывала влияния на их сердечные взаимоотношения. Когда актрису просят дать хотя бы два определения своему мужу, она отвечает: интеллигентный; с большим чувством юмора.

Когда успех фильмов с участием Лорен начал ослабевать, Карло Понти убедил жену написать автобиографию «Живя и любя». Говорят, не без участия Понти появилась и книга А. Хотчинер «Софи: история ее жизни и любви», на основе которой Джоан Кроуфорд написала телепьесу, а режиссер Мэл Стюарт снял фильм «Софи Лорен: ее история», причем сама Лорен сыграла две роли — своей матери и себя…

В феврале 1991 года Софи Лорен получила почетную премию «Оскара» — за вклад в киноискусство. И конечно же на церемонии присутствовали ее муж и двое сыновей. Карло Понти-младший, закончив один из калифорнийских университетов, получил ученую степень бакалавра музыки. Младший Эдуардо пробовал себя в кинорежиссуре.

В одном из интервью, рассказывая о супруге, Софи Лорен отметила: «Я в жизни знала многих мужчин. Но, по сравнению с моим Карло, все они похожи на плоские деревянные фигуры. Живым среди них был толькоон…»

На вопрос: что для нее в жизни важнее — любовь или карьера, и мучает ли ее эта вечная проблема, возникающая у творческих людей, Софи Лорен с присущим ей достоинством отвечала: «Могу сказать всем, кто не верит в любовь. Я всегда любила. И всегда верила в любовь. Иначе в жизни не может быть счастья. Любовь, семья — единственное, что является для меня важным. Ничто, даже получение „Оскара“, не принесло мне такого счастья и удовлетворения, как материнство. Это главная роль в моей жизни, перед которой все меркнет. Возможно, обо мне скажут, что это несовременно. Ну что ж, пусть считают, что я несовременна…»

Родион Щедрин и Майя Плисецкая

1 марта 1958 года на сцене Большого театра состоялась премьера балета Арама Хачатуряна «Спартак».

Майя Плисецкая пригласила нескольких своих знакомых, оставив на их фамилии билеты в кассе. Два билета были забронированы на фамилию «Щедрин». За несколько дней до премьерного вечера она виделась с ним у Лили Юрьевны Брик, женщины Маяковского…

«Впервые мы встретились в том же доме Бриков в пятьдесят пятом году, когда в Москву приехал Жерар Филип, — пишет прославленная балерина в книге „Я, Майя Плисецкая“. — Вот дословная запись из моего дневника, помеченная 25 октября: „Сегодня была у Лили Брик. К ним в гости пришел Жерар Филип с женой и Жорж Садуль. Все были очень милы и приветливы. Супруги высказали сожаление, что не видели меня на сцене, но я „утешила“ их, подарив им свои фото с надписью (весьма плохие, хороших не было). Гостей больше не было (был еще композитор Щедрин)“.

В этот осенний французский вечер Щедрин много играл на бриковском „Бехштейне“ свою музыку, которая увлекла присутствующих. Какая-то искра обоюдного интереса пробежала между нами, но тут же затухла. Совсем в ночи мы начали расходиться, и Родион развез поздних гостей на своей машине „Победа“ по домам».

Последующие годы они несколько раз мимолетно виделись с Щедриным, перекидываясь шутливыми репликами.

После премьеры «Спартака» Щедрин позвонил Майе по телефону и наговорил комплиментов. Потом продолжил: «Я работаю с Радунским над новым „Коньком-Горбунком“. Для вашего театра. Радунский просвещает меня по балету, как может. Настаивает, чтобы я пришел несколько раз в класс. Это правда поможет? А Вы когда занимаетесь? В одиннадцать? А завтра в классе будете?»

Следующим днем они увиделись в классе. Плисецкая репетировала в облегающем черном купальнике-эластик. Это произвело впечатление. И уже вечером Родион позвонил Плисецкой и предложил покататься по Москве. Разумеется, он получил согласие. С тех пор они вместе.

Майя Плисецкая родилась 20 ноября 1925 года в Москве. С юных лет она мечтала только о сцене, целыми днями изводила родителей просьбами о поступлении в хореографическое училище. Весна 1938 года стала для двенадцатилетней Майи трагедией. Арест матери, расстрел отца, опечатанная квартира. Девочку приютила ее тетка Суламифь, артистка балета.

Первый настоящий успех пришел к Майе в «Шопениане». Но решающую роль в жизни Плисецкой сыграл балет «Лебединое озеро». На каких только сценах, в каких только городах не танцевала Майя Михайловна свою Одетту-Одиллию. С 1947 года по 1977-й она станцевала в «Лебедином озере» более восьмисот раз!

Ее избранник, Родион Щедрин, родился 16 декабря 1932 года в Москве. Его отец был музыкантом. Родион окончил Московскую консерваторию, в которой занимался сразу на двух факультетах — фортепианном и композиторском. Он упорно учился мыслить и говорить на родном музыкальном языке. Впервые все это с особой силой проявилось в фортепианном концерте и в балете «Конек-Горбунок», созданных в середине 1950-х годов. Оба произведения обратили на себя внимание

слушателей и были оценены по достоинству.

Щедрин и Плисецкая встречались в композиторском доме на улице Огарева, где Родион жил с матерью, и у Майи, на Щепкинском.

Летом Щедрин уехал в Сортавалу. Там, на берегу Ладожского озера, был у московских композиторов приют. Майя присоединилась к нему после гастролей по Чехословакии.

2 октября 1958 года они зарегистрировали свой брак в Москве. «Сегодня признаюсь, что это была моя инициатива, — пишет Плисецкая. — Щедрину не хотелось брачных официальных уз. Но мне интуиция подсказывала — власти меньше терзать меня будут, если замужем. Об этом не раз намекали. А Фурцева впрямую говорила — выходите замуж, вам веры будет больше. Даже квартиру новую обещали…»

Долгие года Плисецкая в КГБ считалась «невыездной». Пять лет Майю Михайловну вычеркивали из списков гастролеров, и все пять лет она ходила по кабинетам Лубянки и партийных начальников. Только в 1959 году, когда руководителя КГБ Серова сменил более лояльный начальник, Плисецкую наконец включили в семидесятидневный тур по США. И тогда началась всемирная слава русской балерины.

Брак с Щедриным поставил точку и в фантастических рассказах о романах примы. Друзья говорили о Плисецкой, что она чересчур влюбчива. Враги — что она гуляет направо и налево. Но в чем сходятся и те и другие: Плисецкая всегда безумно влюблялась…

Щедрин женился тайно, без родительского благословения. Лишь однажды пригласил он своего дядю-москвича познакомиться с Майей. Дядя приехал с большим тортом. Родион помогал ему распаковывать — и они вывалили торт прямо на ковер. Все растеклось. Дядя сказал: «Вот сейчас молодая жена даст нам жизни!» — «Да она даже не среагирует». — «Ты ври, да знай же меру!» Майя опаздывала. Вошла: «Ой, торт провалили…» Дядя был потрясен и сказал Родиону с облегчением: «Вдвойне поздравляю».

Щедрин и Плисецкая всегда подчеркивали, что их соединяют не только чувства — общее дело, музыка, балет. «С тех пор как я вышла замуж за Щедрина, танцую для него», — не уставала повторять Плисецкая.

С именем Щедрина связаны балеты, которые Плисецкая просто и прямо называет «мои». Когда ей поднадоел старый, проверенный репертуар — «Спящая красавица», «Дон Кихот», «Лебединое озеро», — Майя Михайловна стала задумываться о своих пристрастиях. «Мысль о Кармен жила во мне постоянно — то тлела где-то в глубине, то повелительно рвалась наружу. С кем бы ни заговаривала о своих мечтах — образ Кармен являлся первым…»

Поначалу Плисецкая хотела зажечь этой мыслью Шостаковича, но композитор отказался, мотивируя это тем, что музыка Бизе настолько сильна, что любая новая трактовка знаменитой истории о цыганке будет лишь раздражать. Тогда за дело взялся Родион Щедрин. Он нашел единственно верный вариант: максимально сохранил музыку французского композитора, приспособив ее к хореографической интерпретации. Так появилась «Кармен-сюита». Балет, за который Плисецкая долго сражалась, был поставлен кубинцем Альберто Алонсо. Успех «Кармен-сюиты» (премьера — 20 апреля 1967 года) был колоссальным.

В 1971 году Плисецкая начала репетировать в новом балете — «Анна Каренина». Музыку этого балета тоже написал Щедрин. А идею балета подсказала Жаклин Кеннеди. Восхитившись Майей Плисецкой на гастролях в США, жена американского президента поразилась, насколько великая русская балерина похожа на героиню Толстого.

Затем последовал Чехов на балетной сцене — балеты «Чайка» (премьера — 27 мая 1980 года) и «Дама с собачкой» (20 ноября 1985 года).

«Щедрин человек особенный, — говорила в интервью Плисецкая. — Действительно бывает, что талантливые люди ревнуют к успеху друг друга. Это у Щедрина исключено, чувство зависти ему чуждо, наоборот, он мне всю жизнь помогает. Я не знаю, что бы я в жизни имела, если бы не Щедрин. Он пишет мне балеты, чтобы я продлила свою сценическую жизнь. „Чайка“, „Анна Каренина“, „Дама с собачкой“ — все это его идеи. Я бы ушла со сцены лет на 25 раньше».

На титульных листах четырех балетов Родиона Щедрина стоит имя жены:

«Конек-Горбунок» — Майе Плисецкой.

«Анна Каренина» — Майе Плисецкой, неизменно.

«Чайка» — Майе Плисецкой, всегда.

«Дама с собачкой» — Майе Плисецкой, вечно…

В последних трех балетах Плисецкая была не только исполнителем заглавных партий, но и постановщиком. Во всех своих спектаклях Плисецкая танцевала в костюмах Кардена, с которым супругов связывала дружба. Правда, о его авторстве запрещено было даже упоминать в программке.

С начала 1990-х Родион Щедрин живет преимущественно в Мюнхене, в центре старого города. «Майя Михайловна работала в Испании, и мы постоянно мотались туда-сюда. Лишь потом она окончательно перебралась ко мне, когда не продлила свой контракт. В Мюнхене я работаю. Как композитор, я там себя лучше чувствую: в городе Вагнера уважают твои авторские права. Хорошо издают сочинения. Город этот люблю. Он красив, полон зелени. Там прекрасное баварское пиво. В нашем квартале 32 ресторана».

В мемуарах известная актриса Мария Шелл призналась: у нее был многолетний роман с русским композитором Родионом Щедриным. Из-за него она даже чуть было не покончила жизнь самоубийством.

Сам Щедрин рассказывал в интервью: «Слухи, как всегда, преувеличены. Я действительно дружил с этой семьей. И с Марией тоже. Кстати, она не только сестра Максимилиана Шелла, но и сама замечательная актриса. Но когда с ней случился душевный кризис, меня уже три месяца не было в Германии. Обо всем я узнал в Англии из газет. Так что в этом смысле у меня есть алиби».

В Литве Плисецкая и Щедрин купили каменный дом на берегу озера. Литва им все-таки не чужая — у Майи Михайловны там родилась мать, живут родные, друзья. Дом был отреставрирован. Зимой и летом там рыбалка просто замечательная! Встал с постели — и прямо к воде… Кроме того, Щедрин обожает кататься на водных лыжах.

2002 год — ЮНЕСКО объявил годом Щедрина. О главных жизненных ценностях композитор сказал коротко: «Я считаю, что существуют только две вещи (все остальное — тлен и суета): это искусство и любовь». Торжества в честь 70-летия Щедрина проходили по всему миру. Премьера за премьерой его произведений в разных странах, фестиваль за фестивалем. Великолепные музыканты играли его музыку. На открытии фестиваля в его честь в Большом театре Плисецкая танцевала Лебедя…

Кстати, одна из мистических историй у балерины связана именно с образом девушки-лебедя Одетты.

«Мы последние годы много времени проводим в Литве, где у нас небольшой уютный дом, — рассказывает Майя Плисецкая. — Там замечательная природа, и там Щедрину хорошо работается. Так вот, мы приехали туда 31 декабря, как раз в канун 2002 года. Напротив дома — замерзшее озеро. И вот я вижу, что прилетела стая лебедей, как будто меня приветствовать. Конечно, это могло быть случайное совпадение. Но в следующем году, в мой день рождения 20 ноября, мне позвонили из Литвы и сказали: „Мистика продолжается“. Оказывается, семь лебедей прилетели на наше озеро и сели на плотик у нашего дома. Так что жду новых встреч с этими изумительными птицами».

Пол Ньюмен и Джоанна Вудворд

Брак Пола Ньюмена и Джоан Вудворд считается в Голливуде образцовым. За время супружества у них не было даже мысли об измене друг другу. «Мне просто повезло, так как я встретил женщину, которая подходит мне на двести процентов!» — уверяет Пол.

Кинематографический дебют Пола Ньюмена состоялся в 1954 году, когда Голливуд лихорадочно искал «новые лица». Кстати, фамилия «Ньюмен» в переводе означает «новый человек», «новичок».

Призвание обнаружилось у него довольно поздно и почти случайно. В семье торговца спортивными товарами Артура Ньюмена из Кливленда ожидали, что сын займется семейным бизнесом. Когда Пол, отслужив два года радистом в морской пехоте (куда он пошел добровольцем в 1944 году), вернулся в колледж, ему исполнился уже 21 год.

В студенческий драмкружок он вступил только потому, что за потасовку его в числе других исключили из футбольной команды. Красивый, атлетически сложенный, с яркими синими глазами и открытой улыбкой, он быстро добился успеха на студенческой сцене. Пол учился в театральной школе при Йельском университете. А в 1952 году, по совету своих наставников, перебрался в Нью-Йорк. К тому времени он уже был женат на молодой актрисе, с которой познакомился в Вудстоке, у них родился сын.

Ньюмен поступил в знаменитую Актерскую студию Ли Страсберга. Благодаря успеху в «Пикнике» голливудская фирма «Уорнер бразерс» предложила ему долгосрочный контракт. И еще одним событием был отмечен этот первый год в Нью-Йорке — в «Тиэтр Гилд Пол» познакомился с актрисой Джоанной Вудворд. Приятельские отношения переросли в дружбу, а вскоре и в более сильное чувство. Любовь их была трудной: только через пять лет Пол решился нарушить обязательства перед своей бывшей семьей и соединиться с женщиной, которая не только стала ему женой и другом, но в полной мере разделила с ним все профессиональные

радости и заботы. Они поженились 29 января 1958 года. Вряд ли будет ошибкой сказать — не будь с Ньюменом такой поразительно одаренной актрисы и яркой индивидуальности, как Вудворд, его биография в искусстве была бы иной, не столь полной и многогранной.

В 1957 году Ньюмена в очередной раз «сдали напрокат» фирме «XX век — Фокс» на фильм «Долгое жаркое лето» по мотивам нескольких рассказов Фолкнера. Это была первая совместная работа с Джоанной Вудворд, незадолго до этого ставшей женой Пола.

Хотя за «Долгое жаркое лето» Ньюмен получил премию Каннского фестиваля, эта роль была не из числа его больших удач. Следующий фильм Ньюмена — экранизация пьесы Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше» — принес ему выдвижение на премию «Оскар» за 1958 год.

К этому времени Ньюмена всерьез стал тяготить контракт с «Уорнер бразерс». Снявшись (вместе с Джоанной) в малоудачной комедии и (без Джоанны) в драме из жизни высшего общества, весной 1959 года он снова уехал в Нью-Йорк. Здесь его ждала настоящая работа: Элиа Казан ставил в театре «Сладкоголосую птицу юности» Уильямса, и Ньюмен 336 раз подряд сыграл в этом спектакле Чэнса — с наслаждением и с огромным успехом. А летом он, посоветовавшись с Джоанной, за огромную сумму, поглотившую все его сбережения, выкупил у «Уорнер бразерс» свой контракт, который должен был «отбывать» еще три года.

В 1963 году за роль Хода в одноименном фильме Ньюмен был в третий раз выдвинут на премию «Оскар» — и в третий раз обойден. Актеру явно припомнили разрыв с Джеком Уорнером. Кого-то раздражало, что Ньюмен так и не стал «своим» в Голливуде: он с семьей поселился на Востоке, подальше от суеты и сплетен киноколонии, и тщательно оберегал свою личную жизнь от рекламной шумихи. Джоанна Вудворд впоследствии упоминала и о том, что определенным кругам пришлась не по вкусу общественная деятельность ее мужа: в 1963 году он принял участие в походе на Вашингтон в защиту гражданских прав негров, а потом, вместе с Марлоном Брандо, в антирасистском митинге в штате Алабама, который проводил Мартин Лютер.

В самом деле, жизнь его не грозила оскудением. В Коннектикуте чета Ньюменов переоборудовала себе из старого каретного сарая вместительный дом, всегда заполненный детьми: приезжали погостить сын и две дочери Пола от первого брака; у Пола с Джоанной подрастали уже три дочки. И день за днем был заполнен неустанной разнообразной работой.

По мнению критиков, Джоанна Вудворд — актриса «удивительной внутренней и внешней пластичности, наделенная редкой способностью к перевоплощению». Роль Евы в фильме «Три лица Евы», принесшая ей мгновенное признание и премию «Оскар», дала ей возможность обнаружить свой дар в полной мере. Однако двенадцать картин, в которых она снялась после «Евы», так и не принесли ей настоящей творческой радости.

В 1976 году она прочла еще в гранках роман писательницы М. Лоуренс «Шутка Бога» и предложила известному сценаристу Стерну, другу семьи Ньюменов, экранизировать книгу, с тем, чтобы уговорить какую-либо из крупных студий снять по ней фильм. Однако все студии отвергли

сценарий, ссылаясь на «слишком мелкую» тему. И тогда Ньюмен, разделявший интерес Джоанны к книге, решил сам взяться за постановку.

Фильм получил название «Рейчел, Рейчел», по имени героини, и вышел в 1968 году. Картина была удостоена нескольких значительных премий. Лучшим режиссером и лучшей актрисой года назвали Ньюмена и Вудворд самые взыскательные в стране нью-йоркские кинокритики. Национальный просмотровый совет включил «Рейчел, Рейчел» в десятку лучших картин. Свой приз — Золотой Глобус — вручила режиссеру и актрисе голливудская ассоциация зарубежной кинопрессы.

Успех знаменитой четы не вызывал сомнений. Пол состоялся как режиссер. Актерскую работу Джоанны называли «триумфальной». Если раньше Вудворд находилась как бы в тени своего знаменитого мужа, то теперь их союз можно было считать союзом равных.

В 1972 году Ньюмен принялся за режиссерскую работу — поставил для Вудворд фильм «Влияние гамма-лучей на лунные маргаритки» по одноименной пьесе Зиндела.

Джоанна вновь ошеломила зрителей гибкостью своего таланта, способностью к перевоплощению. Героиня нового фильма — «настоящее чудовище», грубая, развязная женщина. Вудворд так погрузилась в роль, что впоследствии жаловалась на депрессию, от которой страдала во время съемок постоянно. «Я ненавидела свою внешность. Я ненавидела свою героиню, то, что она творила со своими детьми. Даже дома я была чудовищем, и мы с Полом, насколько возможно, избегали друг друга», — рассказывала она.

На фестивале в Каннах Вудворд получила премию за лучшую женскую роль, а Национальный просмотровый совет США включил фильм в число лучших картин года.

В начале 1980-х в США заметно активизировалось антивоенное движение. В нем приняли участие и супруги Ньюмен. Они выступали по телевидению, выходили на демонстрации за разоружение. Их общие чувства выразил Пол, отвечая на вопрос английской журналистки — не пострадают ли те, кто занимается политикой, в атмосфере нынешней «консервативной» Америки: «Те, кто не имеет врагов, не имеют и характера».

Пол Ньюмен мог стать самым большим неудачником американского кино: он семь раз выдвигался на премию «Оскар» и семь раз его не получал. Только в 1985 году ему дали вожделенную статуэтку за творческую карьеру, а в следующем наконец-то за роль в фильме Мартина Скорсезе «Цвет денег».

Однако Ньюмен не явился за своим «Оскаром». По сообщениям прессы, в марте 1986 года, когда проходила очередная церемония вручения призов, он находился в Чикаго на съемках новой картины, и позолоченную статуэтку за него получила актриса Салли Филд.

В 1990 году на экран вышел фильм Джеймса Айвори «Мистер и миссис Бридж», в котором представлена картина образцового брака, жизнеописание процветающего семейства. Отдельные моменты этого фильма напоминают страницы жизни исполнителей главных ролей — Пола Ньюмена и Джоанны Вудворд. Более чем за тридцать лет совместной жизни у них было немало проблем, но любовь и уважение, которое они

испытывают друг к другу, никогда не покидали их.

«Для существ, у которых практически нет ничего общего, наш брак поразительно прочен», — улыбается Пол Ньюмен. В фильме «Мистер и миссис Бридж» они вместе снимались в четырнадцатый раз (в том числе в четвертый раз как муж и жена по роли). Джоанне Вудворд с годами все труднее было найти хорошие роли в кино, и она переключилась на режиссуру, которая приносит ей столько же удовлетворения, как и игра на сцене.

Пол Ньюмен и Джоан Вудворд вырастили трех красавиц дочерей, тяжело пережили раннюю смерть сына, вместе снимались в кино, вместе организовали семейный бизнес по производству кетчупа. Шло время. Они превратились в убеленных сединами пожилых людей. Но и в почтенном возрасте супруги сохранили привычку неторопливо прогуливаться рука об руку по цветущему парку одного из своих поместий в Коннектикуте. На вопрос, в чем секрет их долговечного брака, Джоанна отвечала так: «Юмор. И взаимное уважение». И добавляла: «Мы всегда старались вместе разобраться во всем, что не ладилось».

Ричард Бартон и Элизабет Тейлор

«За всю свою жизнь я по-настоящему любила двух человек: Майкла Тодда и Ричарда Бартона» — эти слова голливудская звезда Элизабет Тейлор произносила неоднократно.

Она родилась в 1932 году в Хэмпстеде, в шикарном пригороде Лондона. Ее отец, Фрэнсис Тейлор, был продавцом картин и антиквариата. Мать, Сара, до замужества работала актрисой. В 1939 году семья переехала в Калифорнию. В одиннадцать лет Лиз заключила многолетний контракт с американской киностудией «МГМ», в двенадцать снялась в пяти фильмах, зарабатывая по 300 долларов в неделю.

Ее первым мужем стал миллионер Ники Хилтон, сын владельца знаменитой сети отелей. Элизабет прожила с ним всего около года: богач оказался алкоголиком.

После развода Элизабет Тейлор влюбляется в Майкла Уилдинга, сорокалетнего английского актера. Этот брачный союз был более прочен и продержался с 1952 по 1957 год. Тейлор родила ему двух сыновей — Криса и Майкла.

Следующим обладателем руки и сердца актрисы становится продюсер Майкл Тодд, ее первая настоящая любовь. Через полтора года после свадьбы Майкл трагически погиб в авиакатастрофе. Элизабет тяжело переживала трагедию. Дочь Лайза отца никогда не видела.

Из депрессии Тейлор вывел молодой певец Эдди Фишер, за которого она вышла замуж в 1959 году. Лиз увела его у своей давней подруги Дебби Рейнольдс, что шокировало многих. Эдди вызвался сопровождать жену в поездках.

В 1961 году руководители кинокомпании «XX век — Фокс» запустили в производство супер-колосс «Клеопатра». Элизабет Тейлор был обещан гонорар в один миллион долларов — впервые в истории Голливуда. Все шло по плану, пока на роль Антония не был приглашен английский актер Ричард Уолтер Дженкинс Бартон.

Он родился в 1925 году в многодетной семье. Мать свою Ричард не помнил, так как она умерла при родах своего последнего ребенка. Его отец,

спившийся шахтер, был очень беден.

Ричарда оценили еще в студенческом театре. Бартон быстро совершенствовался на стратфордской сцене и в театре «Олд Вик». Его считали наследником великого Лоренса Оливье, главным исполнителем в пьесах Шекспира. В 1961 году он удостоился награды «Тони» как лучший бродвейский актер за короля Артура в спектакле «Камелот». Спустя несколько месяцев студия «XX век — Фокс» выкупила актера у театра, заплатив за него 50 тысяч долларов, чтобы подписать с ним контракт на 250 тысяч за три месяца участия в съемках «Клеопатры».

Бартон был женат на валлийке Сибил, у них было две дочери. Ричард открыто изменял ей направо и налево с такими звездами, как Джин Симмонс, Клэр Блум, Сюзен Страссберг.

22 января 1962 года, в день, когда Бартон и Тейлор появились перед камерами, чтобы сыграть свою первую совместную сцену, всем присутствующим стало ясно, что между Лиз и Бартоном проскочила искра. Тейлор записала в дневнике: «Он был таким взволнованным, таким изящным, что я открыла ему свое сердце. Мне хотелось его убаюкать!»

Рядом с Элизабет находился мужчина ее мечты. В его коренастой, ловко скроенной фигуре ощущалась земная сила, во взгляде — испепеляющая страсть, в характере — несгибаемая твердость и эмоциональность. Элизабет Тейлор не могла оставаться равнодушной.

Через несколько недель их роман перекочевал на первые страницы газет. Пока Эдди Фишер находился в Нью-Йорке, а Сибил Бартон — в Лондоне, Элизабет и Ричард вовсю наслаждались своей любовью, как на съемочной площадке, так и вне ее. Они в обнимку обедали и танцевали. Они нежились на пляжах острова Искил. Они предавались любви в Порто Сан-Стефано.

Поскольку Элизабет больше всего на свете хотелось называться миссис Ричард Бартон, она вцепилась в своего возлюбленного мертвой хваткой. Тейлор подарила ему пейзаж работы Ван Гога, стоимостью 257 тысяч долларов. Она заказала для него библиотеку из пятисот переплетенных в кожу книг, обошедшуюся ей в 10 тысяч долларов. Она терпела его черную меланхолию, которую называла «валлийским настроением».

15 марта 1964 года Тейлор и Бартон решили заключить брак в Монреале. Уже к девяти утра Ричард успел как следует набраться. Через несколько часов 38-летний жених поджидал на восьмом этаже отеля «Ритц-Карлтон» свою 32-летнюю невесту. Принадлежащий к лону Пресвитерианской церкви валлиец и его перешедшая в иудаизм суженая должны были предстать перед священником-униатом, единственным служителем культа, которого им удалось найти.

Элизабет нарядилась в ярко-желтое декольтированное шифоновое платье, украшенное брошью стоимостью в 150 тысяч долларов — той самой, которую Бартон подарил ей во время съемок «Клеопатры».

На ее день рождения он преподнес ей ожерелье из бриллиантов и изумрудов, и вот теперь, в качестве свадебного подарка — такие жесерьги.

Элизабет и на это бракосочетание опоздала почти на час, отчего Бартон, не выдержав, взревел: «Разве эта толстушка еще не пришла? Клянусь вам, она у меня опоздает к Страшному Суду!»

Наконец, появилась Элизабет. Голову ее венчал дорогущий, за 600 долларов, итальянский шиньон, в который были вплетены римские гиацинты, ниспадавшие ей на спину. Церемония заняла десять минут, после чего жених громогласно объявил: «Мы с Элизабет Бартон очень, очень счастливы».

«Мое счастье, что я стала его женой, — соглашалась с ним Тейлор. — По своей натуре Ричард — необычный мужчина. Правда, он еще продолжает носить в себе след джунглей, где многое подчинено физической силе и неуемной раскованной страсти. Но от этого в жилах любой женщины закипает кровь. Он мужик прямолинейный, но добрый и честный. Он беспокоится обо мне, моих денежных расходах. Все мои заработки перечисляются в детский фонд… Я нисколько не сожалею, что уже буду не миссис Лиз Тейлор. Хочу быть женой Ричарда Бартона… Хочу быть его тенью. Может, мои слова вам покажутся смешными, но с ним я могу жить в пустыне и в шалаше…»

На следующем представлении «Гамлета» Бартон удостоился бурной овации. Несколько раз раскланявшись, он выступил вперед и произнес: «Мне бы хотелось процитировать строки из пьесы — третий акт, сцена первая: „Больше браков у нас не будет“».

И актеры, и зрители ответили бурной овацией. Актеры приготовили для молодоженов специальное поздравление. Бартон открыл праздник тем, что взял помаду Элизабет и написал на зеркале слова «Он ее любит».

Супружеская пара целое десятилетие была в центре внимания обывателей. В Нью-Йорке необходимо было перекрывать улицы, когда выезжала чета Бартонов: перед отелями патрулировали охранники с автоматическим оружием.

«Я хочу быть богатым, богатым, богатым…» — провозглашал Ричард и постоянно увеличивал свою казну. Всего они вместе снялись в одиннадцати фильмах — в девяти из них как муж и жена — и стали обладателями состояния в 50 миллионов долларов.

Через своих адвокатов и бухгалтеров Бартоны основали для себя и своих детей трастовые фонды. Своим родственникам они оплачивали авиапутешествия первым классом по всему миру, чтобы те могли почтить своим присутствием премьеры фильмов с их участием. Каждая из сестер Ричарда и их дочери появлялись на этих премьерах в бывших платьях Элизабет. Ричард также дарил своим братьям и сестрам кому дом, кому машину, кому ежегодно чеки.

По вечерам Бартон играл на Бродвее. Он творил сам, побуждая творить и Тейлор. «Ты настоящая драматическая актриса, — говорил он, — и не должна забывать об этом. У тебя талант, который нужно ценить и которым обладают единицы… Ты больше чем звезда!»

«Ричард научил меня лучше разбираться в поэзии и не пугаться ее. Он говорил: „Просто читай ее, как если бы это был Теннесси Уильямс, читай ее ради смысла, а не ради размера“».

Вместе с Элизабет они снялись в фильмах, которые принесли им признание: «Отель „Интернациональ“», «Кто боится Вирджинии Вульф?», «Укрощение строптивой».

Бартону нравилось делать жене дорогие подарки. «Мне это только доставляет удовольствие, — говорил он. — Придает ощущение могущества — неограниченного могущества».

Ричард сделал свое первое баснословное приобретение в 1968 году, купив знаменитый крупповский бриллиант, размером в 33,19 карата стоимостью 305 тысяч долларов. За крупповским бриллиантом последовала знаменитая жемчужина «Ля Перегрина» стоимостью в 37 тысяч долларов, которая стала частью ожерелья из жемчуга, бриллиантов и рубинов, общей стоимостью в сто тысяч долларов. Венец всей коллекции — знаменитый бриллиант «Картье-Бартон» в 62,42 карат стоимостью в один миллион пятьдесят тысяч долларов.

Позднее Ричард объявил, что истратил 192 тысячи долларов на яхту «Кализма», названную так в честь их троих дочерей — Кейт, Лизы и Марии, — добавив при этом, что на внутреннее убранство судна потребовалось еще 240 тысяч долларов. Затем Бартон выложил миллион долларов за десятиместный реактивный самолет, оборудованный кухней, залом, баром и киноэкраном. «Я купил самолет, чтобы мы могли летать на нем на обед в Ниццу», — пояснил он. Элизабет, конечно же, дала машине свое имя.

Живя под стать коронованным особам, Бартоны имели слабое представление о реальной жизни. Они общались в основном с сильными мира сего в лице барона и баронессы Ги де Ротшильд, принцессы югославской Елизаветы, князя Ренье и княгини Грейс Монакских.

Скандалы, как правило, вспыхивали из-за пьянства Бартона или его любовных романов. Самый кошмарный из них разразился тогда, когда Бартон, забыв имя жены, представил ее кому-то, назвав чужим именем. Постепенно пристрастие к выпивке превратилось в длительные и порой безобразные запои.

Через некоторое время прекрасная любовь (о ней много писали и в самых восторженных тонах — «о такой любви каждый из нас может только мечтать») снова приобретала черты навязчивого кошмара. Страстная натура Бартона, его гневные вспышки выводили из себя Элизабет.

Супруги снялись в телевизионной ленте, задуманной специально для них: «Его развод — ее развод». Это был их одиннадцатый совместный фильм начиная с «Клеопатры» — и последний. После его показа в феврале 1973 года стало ясно, что экранная магия Бартонов канула в прошлое.

Они развелись 26 июня 1974 года. Элизабет подвела итог: «Между нами так мало общего. Я испробовала буквально все средства для примирения».

Но это еще не финал истории. После развода Лиз жила с новым любовником Генри Уинбергом, не забывая при этом о бывшем супруге. В октябре 1974 года, когда Бартон объявил о своей помолвке с принцессой югославской Елизаветой, с Элизабет случился приступ болей в спине, и ее положили на растяжку в спальне. Вскоре Ричард оказался в объятиях фотомодели, и его помолвка с принцессой Елизаветой расстроилась.

10 августа 1975 года Элизабет устроила пирушку в честь окончания работы над «Синей птицей». Вершиной торжеств стала телеграмма от Ричарда, в которой он приглашал ее встретиться в Швейцарии для серьезного разговора.

Это известие стало неожиданностью и для детей, особенно для приемной дочери Марии, которой в ту пору исполнилось четырнадцать. Она первой узнала о возможном примирении.

«Надолго ли?» — поинтересовалась она. «Навсегда», — заверил ее Бартон.

Он согласился вторично взять Элизабет в жены на берегу африканской реки. 10 октября 1975 года, в день их бракосочетания, он впервые за многие недели поднес к губам бокал и к восьми часам утра успел напиться до бесчувствия. Элизабет на несколько часов уложила его в постель, а затем, разбудив, посадила его к себе в «лендровер». После этого она отправилась в Касану, что расположена на территории Ботсваны, где поджидал окружной судья.

Бартон быстро осознал, что, женившись вторично на Элизабет, он допустил чудовищную ошибку. Между ними снова начались скандалы, и Элизабет в очередной раз угодила в лондонскую клинику с жалобами на сильные боли в шее и спине, требуя, чтобы Ричард неизменно находился при ней.

На Рождество Бартон отправился кататься на лыжах. На прогулке он познакомился с красавицей Сьюзи Хант. Ричард не мог оторвать глаз от этой стройной и высокой 27-летней девушки.

В Нью-Йорке Ричард Бартон сказал Лиз, что ему нужен развод, потому что он хочет жениться на Сьюзи Хант. Потребовалось несколько месяцев, прежде чем Элизабет нашла в себе силы признать, что ее шестой брак окончательно потерпел крах, и нет никаких надежд на примирение.

Со Сьюзи Хант Ричард прожил шесть лет, а с Салли Хей оставался до самой смерти, наступившей 5 августа 1984 года.

Тейлор тоже выходила замуж дважды. В седьмой раз она вступила в брак с сенатором Джоном Уорнером, с которым она, как всегда, хотела прожить всю оставшуюся жизнь, но развелась спустя шесть лет. С последним супругом, простым рабочим Ларри Фортенски, Лиз познакомилась в клинике, где они оба лечились от алкоголизма. Брак с Ларри, в довершение ко всему на двадцать лет моложе ее, ко всеобщему удивлению, продлился пять лет и закончился, как и следовало ожидать, очередным разводом.

Как бы там ни было, но в конце жизни Бартон не раз говорил, что лучшая роль в его жизни была роль мужа Элизабет Тейлор…

Фердинанд Маркос и Имельда Ромуальдес

Ничто так не развращает людей, как абсолютная власть. В этом отношении весьма показательна история взлета и падения филиппинской четы Маркосов, находившейся у власти в течение двадцати лет.

Фердинанд Эдралин Маркос родился в 1917 году в местечке Саррат (провинция Северный Илокос) в семье дона Мариано Маркоса, учителя, адвоката, а затем губернатора провинции и конгрессмена. Его воспитанием занималась мать — донья Хосефа Эдралин, дочь богатого помещика, учительница в младших классах. Мальчик с детства говорил на трех языках — родном (илоканском), испанском и английском, любил читать.

В 1939 году Фердинанд Маркос окончил Юридический колледж Государственного университета Филиппин, получив диплом бакалавра права с отличием, и в том же году был первым в списке тех, кто сдавал

экзамены на адвокатское звание.

Война на Тихом океане застала Маркоса в звании лейтенанта армейской разведки. Попав в плен, он бежал и присоединился к партизанам.

После провозглашения независимой Республики Филиппины Маркос увлекся большой политикой. В 32 года он впервые избирается в Палату представителей Конгресса Филиппин. Затем переизбирается на второй срок.

В последние десять лет, ведущие к победе на президентских выборах 1965 года, ему усердно и успешно помогала жена Имельда. Ее прозвали Железной бабочкой Филиппин: за яркой внешностью скрывалась непреклонная воля.

Имельда родилась в 1929 году в семье Висенте Орестеса Ромуальдеса, члена богатого и влиятельного бискайского клана. Ее мать — Ремедиос Тринидад, дочь местного ювелира. Родители не ладили между собой, несколько раз разъезжались. Мать умерла, когда Имельде было всего восемь лет.

Первым успехом в жизни Ромуальдес считается избрание ее «королевой красоты» Толосы в 15 лет. Окончив колледж бакалавром искусств и просвещения, она отправилась искать счастье в столицу Филиппин. В Маниле она появилась в одном-единственном платье, с небольшим саквояжем в руке и с пятью песо в сумочке. Ей повезло устроиться продавщицей в солидный музыкальный магазин-салон П. Доминго.

В 1954 году Имельда Ромуальдес встретилась с Фердинандом Маркосом, только что переизбранным в Палату представителей. Их брак вызвал тогда немало разноречивых толков. «Мало кто понимал тогда, — писал впоследствии один из биографов, — что эта женитьба была чем-то большим, нежели просто союз мужа и жены». Фердинанд Маркос сразу понял, что его способности и честолюбие в сочетании с неповторимой красотой Имельды откроют ему путь к головокружительной политической карьере.

Путь во дворец Малакананг для Маркосов оказался трудным. Позже Имельда будет вспоминать, что роль жены, матери, помощника и консультанта в политических схватках и интригах оказалась для нее непосильной, и у нее произошел нервный срыв. Фердинанд отправил жену в Нью-Йорк к лучшим врачам.

Пройдя курс лечения, Имельда вновь с головой окунулась в общественную и политическую жизнь. Она стала незаменимым помощником Маркоса в проведении избирательной кампании. Фердинанд с гордостью называл ее своим «секретным оружием». Имельда экономила ему деньги, силы и время.

Перед выборами она объезжала острова архипелага, давала обеды, пела, умоляла местных жителей проголосовать за ее мужа — спортсмена, юриста, героя войны, просто хорошего человека. Сам Маркос выступал с зажигательными речами об «этике свободы — не свободы уединения, а свободы борьбы». Этот политический дуэт околдовал страну.

Три срока в Палате представителей, один — в Сенате, руководство Либеральной партией, прекрасное происхождение, героическая биография,

красавица жена, трое милых детей, которым он, несмотря на свою занятость, уделяет много внимания, — все это позволило Маркосу выиграть президентские выборы 1965 года.

Первое время Маркос был вынужден считаться с конституцией. Но, обладая огромной властью, чета Маркосов утратила чувство реальности. В борьбе за «счастье народа» Фердинанд и его семейство все больше заботились о себе. Их «личная экономика» состояла из множества процветающих предприятий промышленности и сферы обслуживания, оформленных на имя родственников и знакомых. 29 марта 1968 года Маркос под псевдонимом Уильям Сондерс открыл счет в Цюрихе. Имельда в ведомостях швейцарских банкиров значилась как Джейн Райен.

По филиппинским законам, через восемь лет правления — в случае поражения на очередных президентских выборах — Маркос мог потерять свой пост. В 1972 году он ввел в стране чрезвычайное положение, безжалостно расправившись с оппозиционерами.

Фердинанда Маркоса стали угодливо называть «отцом народа» и «вождем нации», Имельду — «матерью». Маркосов восхваляли как искренние почитатели, так и нанятые с этой целью журналисты, писатели, художники, музыканты, скульпторы, архитекторы. В честь президента слагались поэмы и оды.

В качестве «первой леди» Имельда выполняла ряд важных внешнеполитических миссий, среди которых — ее «исторические» визиты в Китай и в Советский Союз. Жену президента сопровождала большая группа ее сторонниц, прозванных «леди в голубом». Они носили традиционные белые платья с рукавами бабочкой и голубыми поясами.

Ни один глава государства не доставлял принимающей стороне столько трудностей, сколько Имельда Маркос во время своих государственных визитов: ее приезду предшествовал целый десант из слуг, камеристок, парикмахеров, поваров, массажистов, врачей, при ней следовал груз из 200–300 чемоданов, повергавший ответственных дипломатов в панику. Она очень любила подарки.

Имельда разъезжала по свету не только для того чтобы пополнить свой огромный гардероб: она искала и находила поддержку режиму Маркоса, уговаривала монархов и высокопоставленных особ из Европы посетить Филиппины, отдохнуть там и лично убедиться в процветании страны.

Кропотливая работа Фердинанда и Имельды по сотворению собственного образа приносила свои плоды. Тем более что филиппинская «первая пара» действительно обладала актерскими способностями. Президент Маркос все более откровенно злоупотреблял властью. В 1976 году Имельда стала губернатором Большой Манилы, а затем также министром жилищного строительства и окружающей среды. Фердинанд-младший возглавил одну из провинций в Илокосе в 20-летнем возрасте, обучаясь при этом в университете в США; старшая дочь, Имельда-младшая, руководила официальным «Советом молодежи», вторая, Ирен, подвизалась на поприще искусств и уже в 20-летнем возрасте дирижировала Манильским симфоническим оркестром.

В провинциальном центре Северного Илокоса Маркос открыл новый Университет имени дона Мариано, своего отца, на базе… средней школы.

На острове Палаван был основан город Маркос, одно из местечек на острове Ромблон было названо Имельда. Их именами назывались улицы, площади, колледжи, дворцы, конкурсы и фестивали искусств. Для Фердинанда Маркоса существовала специальная поликлиника. Для Имельды работало специальное ателье, чтобы обеспечить безумную прихоть «первой леди» каждый день быть в новом платье.

Имельда Маркос приобрела такую огромную власть, что перетрясла весь кабинет министров, и новое правительство назвали «кабинетом Имельды». Члены ее семьи и приближенные лица получили высокие посты, а все нити прибыльного бизнеса оказались в руках любимчиков «первой леди».

В 1981 году Маркос отменил военное положение и выдвинул свою кандидатуру на очередные президентские выборы. Выборы состоялись, и никого не удивило, что Фердинанд опять оказался «народным избранником».

Отпраздновав победу, Имельда Маркос решила по этому случаю приобрести что-нибудь стоящее. За баснословные деньги она купила в Нью-Йорке торговый комплекс, роскошные здания на престижной Пятой авеню, административные здания на Уолл-стрит и Мэдисон-авеню, старинные особняки в Нью-Джерси.

Государственное имущество она расхищала с поистине королевским размахом. В это увлекательное занятие она втянула и отличавшегося аскетическими наклонностями Маркоса — «сильный человек Филиппин» питался исключительно рисом и овощами. Клан Маркосов насчитывал около трехсот человек (в общей сложности они присвоили совершенно фантастическую сумму в 90 миллиардов долларов).

Убийство Бенигно Акино в августе 1983 года в Манильском международном аэропорту справедливо рассматривается большинством исследователей как «начало конца» Маркосов. Тень убийства пала на президента.

В 1986 году Маркос объявил о внеочередных выборах президента. Возмездие настигло властолюбивую чету. Победу на выборах одержала Корасон Акино, вдова мученика и мать пятерых детей. Но результаты подсчета голосов были фальсифицированы, и 15 февраля Фердинанд снова объявил себя президентом.

На Филиппинах назревала революция. Понимая, что подавить ее не удастся, Фердинанд с Имельдой были вынуждены тайно покинуть Манилу, захватив награбленное богатство.

Корасон Акино не позволила возвратиться на родину Маркосу, который, находясь в тяжелом состоянии, выразил пожелание умереть в своем родном городе Саррате. По этому поводу даже собирался Совет национальной безопасности. Однако вечером 28 сентября 1989 года на Филиппины с Гавайев пришло ожидаемое здесь со дня на день известие о смерти бывшего президента.

Президент Корасон Акино выразила соболезнование родственникам покойного, но подтвердила свое прежнее решение «запретить возвращение Маркоса на родину живым или мертвым» по соображениям «национальной безопасности». 15 октября 1989 года Фердинанд Маркос был похоронен на Гавайях.

Имельда осталась одна. Против Имельды Маркос в различных судебных инстанциях было возбуждено около 80 исков с обвинениями в незаконном присвоении государственных средств, коррупции и уклонении от уплаты налогов.

В 1990 году бывшая «первая леди» Филиппин получила разрешение вернуться на родину — при условии, что оплатит все необходимые налоги и пошлины. Пережив изгнание и ряд судебных тяжб, Имельда в 1998 году выставила свою кандидатуру на президентских выборах, но проиграла их.

Она по-прежнему отмечает дни Фердинанда Маркоса и корректна в общении с журналистами. На излюбленный вопрос о ее коллекции обуви Имельда с улыбкой отвечает: «Я никогда не покупала трех тысяч пар туфель, у меня их было только тысяча шестьдесят».

Джон Леннон и Йоко Оно

Джон Уинстон Леннон родился 9 октября 1940 года в Оксфордском родильном доме Ливерпуля. Его отец Альфред — моряк на торговых судах — покинул семью вскоре после рождения сына. Мать Джулия оставила Джона на попечение своих сестер.

Леннон был трудным ребенком — сообразительным, самостоятельным, непослушным. Джон с ранних лет научился играть на пианино, аккордеоне и гитаре. Успех пришел к нему после знакомства с Полом Маккартни и образования ансамбля «Битлз».

У Леннона было много поклонниц. Фортуна улыбнулась Синтии Пауэлл: в нужный момент она забеременела и превратилась в миссис Леннон. Несмотря на рождение сына Джулиана счастья в семье не было. Преданная жена Синтия была глубоко несчастна. «Наш разрыв начался тогда, когда разрушительное действие конопли и ЛСД вторглось в нашу жизнь», — вспоминала она. Синтия готовила еду, к которой Джон не притрагивался, пыталась говорить с ним, хотя и не получала ответа.

9 ноября 1966 года, как раз в тот день, когда продюсер Брайан Эпстайн публично заявил о том, что «Битлз» прекращают свою гастрольную деятельность, Джон Леннон познакомился с японкой, одетой во все черное. Ее звали Йоко Оно (Дитя океана), и была она художницей-модернисткой. Их встреча стала началом самой яркой и самой шумной любовной истории эпохи рок-н-ролла.

Йоко была на семь лет старше Леннона. Ее отец — преуспевающий японский банкир, мать происходила из очень знатной семьи. Йоко окончила один из лучших американских колледжей и занималась современным искусством. В двадцать три года она вышла замуж за композитора Тоси Итиянаги, но сделала это против воли родителей, за что была лишена наследства. Брак продлился семь лет. Ее вторым мужем стал художник Тони Кокс. У них родилась дочь Киоко. В 1966 году Коксы прибыли в Лондон.

Йоко Оно, тщетно пытавшаяся добиться признания в артистических кругах, устроила в лондонской галерее «Индика» претенциозную выставку «Картины и предметы». Джон Леннон получил приглашение на предварительный просмотр.

Словесная пикировка в «Индике» длилась считанные минуты, но и Йоко, и Джон почему-то долго вспоминали мимолетное знакомство: «Это

было так славно!»

Йоко попыталась снова увидеть Джона и убедить его финансировать другую выставку, но ей не удалось проскочить мимо охраны. Другой ее шаг оказался более удачным. Она послала Леннону книгу «Грейпфрут», написанную три года назад. Почти каждый день Йоко отправляла Джону открытки с шутливыми наставлениями: «Дыши» или «Смейся целую неделю», или «Стукнись головой об стену». Она считала себя равной Джону во всем и требовала равных с ним прав.

В апреле 1968 года Леннон, воспользовавшись отъездом жены на отдых в Грецию, пригласил Йоко Оно к себе в гости.

Когда Синтия вернулась в Уэйбридж, она обнаружила, что Джон и Йоко удобно устроились в ее доме и в ее постели. «Как будто меня больше не существовало», — возмущалась Синтия.

После апрельской ночи Оно и Леннон стали неразлучны. Когда Пол, Джордж и Ринго собрались в студии для работы, то в изумлении обнаружили Йоко, которая сидела за пультом, слушала, наблюдала, отпускала нелестные замечания. Джон, уверовав, что прежняя жизнь душит его, уже не мыслил будущего без японки. Стоило ей приболеть, как он требовал, чтобы ее кровать перенесли в студию, где он записывался.

Леннон развелся с Синтией на основании своей супружеской измены, выплатив ей сто тысяч фунтов.

В декабре 1968 года Джон и Йоко выпускают пластинку «Двое девственников». Разыгрывается грандиозный скандал. На конверте Джон и Йоко изображены нагими.

Маккартни страшно возмутился. Мало того что альбом нарушал правила приличия, он мог еще нанести значительный вред новой пластинке «Битлз» под названием «Белый альбом». Но это вовсе не трогало Леннона. Маккартни пришел в ужас, но он был бессилен помешать этому. Пол попытался поговорить с Ленноном, но у него ничего не вышло. С самого начала Пол отнесся к этой странной японке как к обычному очередному чудачеству Леннона. Он даже не особо возражал, когда Джон, нарушив основное правило «Битлз», привел ее в студию звукозаписи на Эбби-роуд. Но Йоко надолго вошла в жизнь Джона.

Леннон искал подходящее место для женитьбы на Йоко с февраля 1969 года, с того момента, когда с Виргинских островов пришло от Кокса свидетельство о разводе. В марте в Гибралтаре Джон и Йоко оформляют свои отношения. Шафером у них был Питер Браун.

Молодожены начинают знаменитую кампанию под названием «В постели против агрессии во Вьетнаме», сначала в Амстердамском отеле «Хилтон», затем перед кафедральными соборами Англии и наконец снова в «Хилтоне», но на сей раз в канадском городе Торонто.

Они решили превратить свой медовый месяц в «паблисити за мир», как говорил Леннон. «Генри Форд знал, как продавать автомобили с помощью рекламы. Я и Йоко „продавали“ мир. Многим это казалось смешным, но многие начинали задумываться», — вспоминал впоследствии Леннон.

В 1970 году «Битлз» выпускают свой последний альбом — «Эбби-роуд». Он был записан в рекордно короткий срок. Работа спорилась, как в далекие годы гармонии и расцвета. Но как только работа над

«Эбби-роуд» закончилась, Джон Леннон объявил потрясенным друзьям: «Мне скучно. Я подаю на развод». Вместе с Йоко он собирался обосноваться в США.

Но администрация президента Никсона рассматривала Джона Леннона как внутреннего врага. Приближалась очередная избирательная кампания, а в администрации знали, что вскоре Леннон отправится в антивоенное турне, в том, что оно станет антипрезидентским, не сомневался никто. Против певца и его подруги было затеяно дело о депортации.

Йоко Оно была жесткой женщиной. Лучшие адвокаты страны, бесконечные судебные заседания, участие в респектабельных благотворительных концертах… В течение четырех лет Леннон и Оно вели изнурительную борьбу против насильственной депортации из Америки. Шум, поднятый в мировой печати, грандиозная популярность Леннона и виртуозное искусство его адвоката Леона Уайлдса помешали иммиграционным властям депортировать певца из Америки.

На вопрос, стоило ли бороться с иммиграционными властями, Джон Леннон отвечал, что стоило, и в качестве оправдания кивал на сына. Шон Леннон родился 9 октября 1975 года — в тот же день, что и его знаменитый отец. «Мы с ним близнецы», — говорил Леннон-старший. Потом Джон с улыбкой скажет, что именно так он и планировал.

Иметь сына было навязчивой идеей Джона и Йоко. Врачи говорили им, что это невозможно, что частые преждевременные роды и аборты Йоко и увлечение Джона наркотиками и алкоголем подорвали их здоровье. Долгое время все их усилия оказывались тщетными, пока судьба наконец не смилостивилась над ними.

Супруги хотели, чтобы малыш родился дома, на глазах у Леннона, но жизнь распорядилась иначе — ослабевшую Йоко забрали в больницу, сделали кесарево сечение и почти две недели продержали в палате.

В течение пяти лет — с рождения сына и почти до самой смерти — Леннон полностью отошел от всяких дел. Как писал ведущий американский музыкальный критик Джим Миллер, «Леннон стал первой и пока что последней, единственной суперзвездой, которая добровольно отказалась от своего звездного статуса».

Ленноны были странной семьей: с присущим ей напором Йоко вращалась в деловых кругах, а молодой отец вел домашнее хозяйство. Для сына Джон купил ферму в часе полета от Нью-Йорка: «Мальчик должен расти в естественных условиях среди животных».

Йоко вела его дела, руководила граммофонными и издательскими компаниями «Эппл» и «Маклин», занималась помещением капитала и приобретением недвижимости, участвовала в скотоводческих торгах и в совещаниях с юристами…

В 1980 году Леннон вышел из своего заточения. У него было много творческих планов. 9 октября Джон говорил: «Мой новый альбом о сегодня и завтра. Я как бы веду беседу с поколением, выросшим и мужавшим вместе со мной. Я как бы окликаю его: я — о'кэй, а как идут ваши дела? Как вы прошли сквозь все это? Да, тяжелыми были семидесятые, как отрава. Но ничего, мы выжили. Давайте же сделаем восьмидесятые прекрасными! В конце концов это от нас зависит, какими они будут…»

«Я никогда не видел Джона таким счастливым, как в последний день его жизни», — вспоминает продюсер Леннона Дэвид Геффен. Работа спорилась в этот декабрьский день на «Фабрике пластинок», где Леннон и Оно записывали свой второй диск — «Молоко и мед». Джон был в приподнятом настроении, строил планы на будущее. Он говорил, что собирается совершить кругосветное путешествие с «Двойной фантазией», а затем записать «с натуры» еще один альбом песен и передать весь гонорар от него в пользу престарелых граждан.

На следующий день Джон и Йоко собирались лететь в Сан-Франциско, чтобы принять участие в демонстрации протеста, которую должны были провести рабочие азиатского происхождения, требующие равной оплаты труда.

Последняя песня, которую записали в тот декабрьский день Джон и Йоко на «Фабрике пластинок», прежде чем отправиться домой в готическую «Дакоту», называлась «Тонкий лед»…

Жена предложила поужинать где-нибудь в городе, но усталый Леннон решил ехать прямо домой. Лимузин студии подвез их к «Дакоте», старому роскошному дому в пересечении 72-й стрит и авеню Сентрал-парк Вест, где живут многие известные представители артистического мира Нью-Йорка.

Леннон вышел из машины и направился к подъезду — массивным витым железным воротам, когда кто-то окликнул его: «Мистер Леннон!».

Джон оглянулся. Раздались выстрелы. Первый пробил навылет грудную клетку и левое легкое жертвы. Затем последовало еще три выстрела.

Вызванные швейцаром полицейские не стали дожидаться «скорой помощи», уложили в свой автомобиль истекающего кровью Леннона, усадили рядом с ним бившуюся в истерике Йоко Оно и помчались в госпиталь имени Рузвельта. Но Леннон скончался по дороге.

Ровно два месяца назад — 9 октября 1980 года Джону Леннону исполнилось сорок лет…

Суд установил имя покушавшегося. Им оказался некто Марк Дэвид Чэпмен, двадцатипятилетний частный детектив.

На шестой день после кремации Джона Леннона его почитатели по всему миру объявили в память о погибшем музыканте десять минут молчания. Певец и композитор Элтон Джон дал концерт в Мэдисон-сквер-гардене, посвященный Леннону.

После смерти все состояние Леннона досталось Йоко Оно. Арт-галереи проводили выставки Йоко, но интерес к ним падал с каждым годом. Йоко утешала себя, покупая меха от Фенди (а ведь когда-то Оно заставила Джона стать активистом движения «зеленых») и драгоценности от Картье (в свое время «дети цветов» восставали против буржуазности). Когда расходы выходят за рамки запланированных, Оно распродает вещи Джона…

Пол Маккартни и Линда Истман

Пол Маккартни родился 18 июня 1942 года в ливерпульской больнице Уолтон, где много лет работала медсестрой его мать. Его отец, Джим Маккартни, в то время занимался торговлей хлопком и в свободное

время играл в джаз-ансамбле на пианино и трубе.

Первую гитару Маккартни подарили в четырнадцать лет, после смерти матери от рака груди. Пол пытался музыкой заглушить горе.

В начале лета 1957 года братья Маккартни впервые выступили дуэтом в пансионате Батлина, Йоркшир. Вскоре произошла легендарная встреча Пола с Джоном Ленноном. Успех «Битлз» начался с выступлений в гамбургском ресторане «Кайзеркеллер».

С английской актрисой Джейн Эшер Маккартни был близок со времени начала расцвета битломании, и все верили, что они вскоре поженятся. Это была очень популярная пара. Пол стал миллионером, увлекся элитарным искусством, владел особняком в Сент-Джонз-Вуд. Однако наркотики оказывали на него сильное влияние. «Потом появилась Линда, и разум вернулся ко мне», — говорил музыкант.

…В один из летних вечеров 1967 года работа в студии закончилась рано, и Питер Браун с Маккартни отправились в поход по ночным клубам. В одном из них к Брауну подошла поздороваться высокая блондинка. Это была Линда Истман.

Маккартни вспоминает: «Я заметил эту блондинку, когда она шла через зал, и сразу заинтересовался ею. А когда она подошла к нашему столику, я сказал какую-то глупость типа: „Привет, как поживаете? Позвольте мне увести вас отсюда“».

Линда Истман неплохо разбиралась в рок-музыке. Она родилась 24 сентября 1941 года в Нью-Йорке, в районе Скарсдейл. Ее отец был известным адвокатом. Линда посещала престижный колледж Сары Лоуренс. «Единственное, что меня всегда интересовало, — это животные, рок-музыка и фотография, — к великому разочарованию моей семьи», — говорила она.

Когда Линде исполнилось восемнадцать, ее мать погибла в авиакатастрофе. Линда вышла замуж за студента-геолога Боба Си, родила дочь Хизер. Семья распалась, когда Боб предложил переселиться в Африку, где ему предложили интересную работу.

Линда начала работать в одном из престижных нью-йоркских журналов, а переломным моментом в ее жизни стало приглашение на встречу с группой «Роллинг стоунз». Пресс-конференция состоялась на борту яхты, и, как оказалось, единственным фоторепортером там была Линда. Ее снимки напечатали многие издания.

Используя свои внешние данные и скромные способности фотографа, Истман занялась тем, что встречала рок-звезд, приезжавших в Нью-Йорк, и преуспела в этом деле.

В мае 1967 года Линда прилетела в Лондон с намерением встретиться с «Битлз». Она позвонила Брауну.

«В тот раз я впервые нарушил правила и разрешил Линде прийти, — говорит Браун. — Поговорить им не удалось, потому что „Битлз“ позировали фотографам, а потом Линда ушла. Но Пол заметил ее».

Через несколько вечеров Маккартни снова увидел Линду в ночном клубе. Когда Истман вернулась в Америку, они продолжали поддерживать связь, а по приезде Пола в Нью-Йорк он все вечера проводил с ней. Когда же Маккартни уехал в Лос-Анджелес на собрание руководства фирмы грамзаписи, Истман отправилась туда за свой счет.

Линда была рьяной поклонницей Маккартни, и слишком сообразительный и самовлюбленный Пол не мог не заметить этого. А кроме того, Истман была девушкой из хорошей семьи, что тоже было весьма важно. Браун сухо замечает: «Полу очень льстило ее внимание, потому что он видел в ней привлекательную девушку из интеллигентной, преуспевающей нью-йоркской семьи». Хотя Линда была из богатой семьи, деньги не имели для нее большого значения, украшения и наряды не интересовали ее, что также было отмечено Маккартни.

Но было в ней что-то еще, что действительно отличало ее от других женщин, вращавшихся среди рок-звезд. Когда Пол навестил подругу в Нью-Йорке, она оставила его нянчиться со своей дочерью, пока была занята съемкой ансамбля в Филмор-Ист. Вернувшись в Лондон, Маккартни получил от Линды фотографию, где он был изображен вместе с Хизер. Пол, сохранивший идеалистические воспоминания о собственном детстве, не мог не оценить этот жест.

Линда олицетворяла собой ту стабильность, в которой Маккартни, по его словам, так нуждался. «Она прекрасна, эмоциональна, практична и сексуальна». Более того, похоже, что Линда была начисто лишена того, что Пол назвал позже ложным притворством.

2 марта 1969 года они поженились. Их брак был зарегистрирован в Марилебонской брачной конторе, а свидетелем был Питер Браун. За церемонией регистрации последовало венчание в англиканской церкви, расположенной в Сент-Джонс-Вуд. Линда была беременна, дочь Мэри, названная так в честь матери Пола, родилась 28 декабря.

Маккартни вернулся к работе над альбомом «Эбби-роуд». Радости эта работа приносила мало. Его содружество с Ленноном, всегда считавшееся отличительной чертой «Битлз», окончательно распалось. «Ко времени работы над „Эбби-роуд“ мы с Джоном уже совершенно открыто критиковали музыку друг друга, и я чувствовал, что Джон не слишком заинтересован в исполнении песен, которые написал не он, а кто-то другой», — говорил Пол.

По словам Линды, распад «Битлз» разрушил Маккартни. «Я почувствовал, что жизнь моя закончена», — говорил он. В своем поместье в Шотландии супруги вели жизнь отшельников.

Что касается его профессиональной деятельности, то «у меня было только два пути, — говорил Пол. — Бросить все или продолжать». Первый сольный альбом «Маккартни» был встречен без особого энтузиазма. Вторую пластинку он назвал «Баран». Решение привлечь к работе над альбомом Линду, которая не умела ни играть, ни петь, вызвало насмешки. «Она не очень испортила общую картину, лишь слегка сфальшивила в некоторых моментах», — признавался Пол.

Альбом разошелся миллионным тиражом и занял верхнюю строчку в хит-параде США. Однако музыкальные критики не обратили на него внимания.

Маккартни решил создать новый ансамбль, первым его участником стала Линда. «Мне просто очень хотелось, чтобы Линда была со мной, а не оставалась дома, когда я куда-нибудь уезжал. Я показал ей среднее „до“, сказал, что научу нескольким аккордам, и мы посмеялись над этим. Такое у

нас тогда было настроение».

13 сентября 1971 года в лондонской клинике при Кингз-колледже Линда родила дочь, которую назвали Стелла. Роды были трудные, и пришлось прибегнуть к кесареву сечению. «Уход за нашей малышкой был великолепный, поэтому, вместо того чтобы сидеть и бездельничать, я пыталась придумать для нового ансамбля название, которое бы принесло ему удачу, и именно в тот момент возникла идея назвать его „Уингз“ („Крылья“). Это название звучало очень хорошо», — вспоминала Линда.

Первый альбом ансамбля «Уингз» был сделан всего за две недели и быстро канул в безвестность. Естественно, что большинство нападок пришлось в адрес Линды. Впоследствии Маккартни признавался: «На самом деле это была глупость: включить Линду в ансамбль означало то же самое, что сказать ей: „Не хочешь ли сыграть в теннис с Бьерном Боргом?“ Сейчас мы понимаем это, а тогда понять не смогли. Было бы разумнее настоять на том, чтобы Линда серьезно занялась музыкой, а не выступать вдвоем в большом телевизионном шоу и оправдываться».

Линда захотела уйти из ансамбля. Денни Лейн вспоминает, как она в отчаянии плакала у него на плече: «Она снова и снова повторяла мне, что не хочет оставаться в „Уингз“, она хотела все бросить и быть просто матерью».

Однако Маккартни считал, что она необходима ему на сцене, чтобы, как он сам признавался, «я чувствовал себя уверенно. Это действительно было для меня главным». Линда же хотела сидеть дома и ухаживать за детьми. 12 сентября 1977 года у них родился сын, которого в честь отца Пола назвали Джеймсом.

Линда говорила, что за первые одиннадцать лет их совместной с Полом жизни не было ни единой ночи, которую бы они провели не вместе, пока 16 января 1980 года Маккартни не был арестован японскими полицейскими в международном аэропорту «Нарита». У него было обнаружено двести девятнадцать грамм высококачественной марихуаны. Это преступление в Японии каралось тюремным заключением сроком до восьми лет.

Линда, проживавшая с детьми в отеле «Окура», пребывала в ужасе. Когда ей все же удалось добиться встречи, Пол, как заботливый семьянин, был больше озабочен делами семьи, нежели своими собственными.

К тому времени Маккартни уже смирился с неизбежностью своей тюремной жизни. Но и на этот раз он отделался испугом.

Маккартни был руководителем «Уингз» до 1981 года. Позднее большим успехом пользовались его выступления с Майклом Джексоном и Элвисом Костелло. В 1991 году вместе с композитором Карлом Дэвисом Маккартни написал первое свое сочинение в жанре классической музыки — «Ливерпульскую ораторию», которая исполнялась в кафедральном соборе.

Маккартни считал лучшим времяпрепровождением общение по вечерам с детьми, и эти его убеждения прозвучали в заключительной части оратории, где есть такие слова: «То, что нужно людям, — это семья… ров вокруг замка и поднятый вверх подъемный мост».

Именно так и поступала семья Маккартни, приглашая на ферму в Суссексе только самых близких знакомых. «Для меня очень важно быть

простым, — объяснял Пол. — Моя простота очень рациональна, и это отнюдь не надуманно».

После распада «Уингз» Линда Маккартни возобновила занятие фотографией. Издавались фотоальбомы ее работ. Кроме того, она была без ума от лошадей и по-прежнему ратовала за вегетарианство. Линда даже наладила выпуск замороженных продуктов.

Спустя два десятилетия они по-прежнему были влюблены друг в друга. «Я очень горжусь Линдой», — говорил Пол. А его жена отмечала: «Больше всего в мужчине я ценю заботливое отношение, и это очень привлекает меня в Поле. Даже после стольких лет совместной жизни он всегда после работы заходит куда-нибудь, чтобы купить мне цветы». По утрам он готовил для Линды чай.

«Как и у всяких женатых пар, у нас случаются ссоры, — замечала Линда. — Пол иногда может быть невыносимым, потому что он очень взыскателен и знает чего хочет, а если что-то делается не так, он сильно злится».

Когда журналисты спросили супругов, что бы случилось, если бы вдруг кто-то из них нашел другого партнера и захотел уйти, оба ответили, что не чинили бы препятствий. Союз, держащийся силой, не имеет смысла. Счастливое супружество — это не только любовь, но и желание быть вместе в любой ситуации.

Они прожили 29 лет. «29 лет — как один день! Мы никогда не разлучались больше чем на три дня. Я засыпал ночью счастливый, знал, что завтра меня будет ждать такой же счастливый день. И все благодаря моей любимой леди Линде…» — так говорил журналистам безутешный вдовец после неожиданной смерти от рака своей жены. Линда умерла 17 апреля 1998 года.

«Поначалу я совсем не знал, что делать, — вспоминает Пол Маккартни. — Друзья советовали уйти с головой в работу, но мне казалось: тем самым я буду пытаться отрицать смерть Линды. И я ушел в семью, к нашим детям. Было много тяжких дум, много слез. Не думаю, что мужчинам не положено плакать. Напротив, убежден — слезы помогают пережить горе. Я чувствую: Линда охраняет меня. До сих пор. Кто знает, может, это она послала мне Хизер как талисман…»

Хизер Миллз — так зовут вторую жену музыканта. Они поженились 11 июля 2002 года. Все четверо детей сменили гнев на милость и признали молодую жену отца. Накануне своего 61-го дня рождения свершилось настоящее чудо — Маккартни узнал от Хизер, что у них будет ребенок! Счастливый сэр Пол заметил: «Наш малыш будет счастливым и сильным, в маму. И он обязательно продолжит дело „Битлз“!»

Владимир Высоцкий и Марина Влади

О том, как она познакомилась с Владимиром Высоцким, французская актриса Марина Влади рассказала в своей исповедальной книге «Владимир, или Прерванный полет».

«На сцене неистово кричит и бьется полураздетый человек. От пояса до плеч он обмотан цепями. Ощущение страшное. Сцена наклонена под углом к полу, и цепи, которые держат четыре человека, не только сковывают пленника, но и не дают ему упасть. Это шестьдесят седьмой год. Я приехала в Москву на фестиваль, и меня пригласили посмотреть

репетицию „Пугачева“, пообещав, что я увижу одного из самых удивительных исполнителей — некоего Владимира Высоцкого. Как и весь зал, я потрясена игрой, отчаянием, необыкновенным голосом актера. Он играет так, что остальные действующие лица постепенно растворяются в тени. Все, кто был в зале, аплодируют стоя.

На выходе один из моих друзей приглашает меня поужинать с актерами, исполнявшими главные роли в спектакле. Мы встречаемся в ресторане ВТО — шумном, но симпатичном. […]

Краешком глаза я замечаю, что к нам направляется невысокий, плохо одетый молодой человек. Я мельком смотрю на него, и только светло-серые глаза на миг привлекают мое внимание.

Но возгласы в зале заставляют меня прервать рассказ, и я поворачиваюсь к нему. Он подходит, молча берет мою руку и долго не выпускает, потом целует ее, садится напротив и уже больше не сводит с меня глаз. Его молчание не стесняет меня, мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы. Я знаю, что это — ты. Ты совершенно не похож на ревущего великана из спектакля, но в твоем взгляде чувствуется столько силы, что я заново переживаю все то, что испытала в театре. А вокруг уже возобновился разговор. Ты не ешь, не пьешь — ты смотришь на меня.

„Наконец-то я встретил вас“. Эти первые произнесенные тобой слова смущают меня, я отвечаю тебе дежурными комплиментами по поводу спектакля, но видно, что ты меня не слушаешь. Ты говоришь, что хотел бы уйти отсюда и петь дня меня».

Остаток вечера они провели у Макса Леона, корреспондента «Юманите». Высоцкий сидел у ног Марины и пел под гитару. Он объяснил Влади, что театр — его ремесло, а поэзия — его страсть. И тут же, безо всякого перехода признался актрисе в любви.

На следующий день знакомство Высоцкого и Влади продолжилось в пресс-баре гостиницы «Москва», где проходил заключительный банкет. Владимир без конца приглашал французскую гостью танцевать и на протяжении всего вечера никому из присутствующих не позволял отнять у него партнершу.

Но они должны расстаться. Марина Влади возвращается во Францию, где у нее работа и дети.

Высоцкий посвятил ей проникновенные строки:

Не сравнил бы я любую с тобой —
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой, —
Как Мадонной рафаэлевой.

В дальнейшем таких поэтических признаний будет немало.

Проходит время. Влади получает нежное письмо из Москвы. Потом в ее квартире раздается телефонный звонок. «Я слышу теплый тембр твоего голоса и русский язык, напоминающий мне об отце, которого я обожала, — и от всего этого у меня ком в горле. После разговора я кладу трубку и реву. „Ты влюблена, моя девочка“, — говорит мама. Я стараюсь найти другое объяснение — много работы, устала, но в глубине души понимаю, что она

права: я жду не дождусь встречи с тобой».

В июне 1968 года Марина Влади вступает в коммунистическую партию Франции и вскоре приезжает в Москву для участия в фильме Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа».

Высоцкий в это время снимается в Сибири. Вернувшись в столицу, он сразу находит Марину и без предисловий заключает ее в объятия. Однажды он посмотрел фильм «Колдунья» с участием Влади и сразу в нее влюбился. Когда в 1965-м она приехала на фестиваль в Москву, Владимиру не удалось с ней встретиться. По несколько раз в день он ходил в кино смотреть хронику, чтобы увидеть Марину хотя бы на экране. Он и представить себе не мог, что однажды не только увидит ее совсем близко, но и заключит ее в свои объятия. Из всей этой мистической истории Высоцкий делает вывод: «Во всяком случае, теперь-то я знаю, что ты станешь моей женой». Он говорит Марине, что жизнь без нее для него не имеет смысла.

К этому времени Влади побывала замужем и не один раз, родила троих сыновей. Владимир впервые женился во время учебы в Школе-студии МХАТа на студентке Изе Жуковой. Его второй супругой стала киноактриса Людмила Абрамова. Она родила ему сыновей Аркадия и Никиту…

Высоцкий и Влади много времени проводит вместе. Наконец происходит решительное сближение. Однажды вечером Марина просит гостей оставить их одних.

«Закрыв за ними дверь, я оборачиваюсь и смотрю на тебя. В луче света, идущем из кухни, мне хорошо видно твое лицо. Ты дрожишь, ты шепчешь слова, которых я не могу разобрать, я протягиваю к тебе руки и слышу обрывки фраз: „На всю жизнь… уже так давно… моя жена!“

Всей ночи нам не хватило, чтобы до конца понять глубину нашего чувства. Долгие месяцы заигрываний, лукавых взглядов и нежностей были как бы прелюдией к чему-то неизмеримо большему. Каждый нашел в другом недостающую половину. Мы тонем в бесконечном пространстве, где нет ничего, кроме любви. Наши дыхания стихают на мгновенье, чтобы слиться затем воедино в долгой жалобе вырвавшейся на волю любви.

Нам по тридцать лет, у нас большой опыт жизни — несколько жен и мужей, пятеро сыновей на двоих, профессиональные успехи и неудачи, взлеты и падения, слава. А мы очарованы друг другом, как дети, впервые узнающие любовь.

Ничто и никогда не сотрет из памяти те первые минуты бесконечной близости. На третий день на рассвете мы уходим из этого доброго дома. Мы вместе отныне и во веки веков».

Они перебрались к матери Высоцкого Нине Максимовне, в ее двухкомнатную квартирку в Новых Черемушках. Мама работает архивариусом, уходит из дома очень рано и приходит только вечером. Влюбленные наконец одни.

Марина готовит, убирает, стоит на холоде в очередях за продуктами. У Владимира много приятелей среди директоров гастрономов, которые оставляют ему дефицит: парное мясо, копченую рыбу, свежие фрукты…

Высоцкий много работает: утром уезжает в театр на репетицию, днем снимается или дает концерт, вечером играет спектакль, а ночью пишет стихи и под утро читает их Марине. Со сцены он бросает ей знаменитые слова из спектакля «Послушайте!» Маяковского: «Нам тридцать лет, полюбим же друг друга…»

Но Марине пора возвращаться в Париж. Она покидает Москву, прожив здесь около года.

Как только Влади приезжает к себе в Мэзон-Лаффит, звонит телефон. Это Высоцкий. Он читает ей стихи:

Мне каждый вечер зажигают свечи,
И образ твой окуривает дым,
И не хочу я знать, что время лечит,
Что все проходит вместе с ним…

В начале июля 1969 года в Москве проходил очередной Международный кинофестиваль. Марина Влади, совместив приглашение на фестиваль, дубляж фильма по Чехову и туристическую поездку, получила вид на жительство на несколько недель. Владимир безмерно счастлив.

Но в один из фестивальных дней сопровождавшего Влади Высоцкого бдительный контролер не пустил в автобус с артистами. Он остался один на тротуаре…

Домой он вернулся поздно ночью совершенно пьяным. А ведь друзья предупреждали Марину: не давай ему пить, иначе будешь кусать себе локти.

Вспоминая события того дня, Влади пишет: «Через некоторое время, проходя мимо ванной, я слышу стоны. Ты нагнулся над раковиной, тебя рвет. Я холодею от ужаса: у тебя идет кровь горлом, забрызгивая все вокруг. Спазм успокаивается, но ты едва держишься на ногах, и я тащу тебя к дивану».

Влади тут же вызывает врачей, но те, приехав и обследовав Высоцкого, наотрез отказываются увозить его с собой. «Слишком поздно, слишком большой риск», — говорят они. Но Влади в ответ грозит врачам устроить международный скандал. Этот аргумент оказывается решающим.

Высоцкого привозят в Институт скорой помощи имени Склифосовского и тут же направляют в операционную. Влади шестнадцать часов ждет в коридоре, прежде чем доктор скажет ей: «Было очень трудно. Он потерял много крови. Если бы вы привезли его на несколько минут позже, он бы умер. Но теперь — все в порядке».

Марина еще не раз будет спасать возлюбленного. Где бы ни находилась — в Париже, Москве, — она бросала все дела и мчалась туда, где Владимир «входил в пике». Об этом Влади пишет в своей книге: «А иногда мне звонят из другого города, откуда-нибудь из дальнего уголка Сибири или из порта, где стоит корабль, на котором ты оказался. Если, несмотря на то что я — иностранка, мне туда можно приехать, я еду. Если нет — я жду, пока твои приятели привезут тебя. И вот тогда начинается самое трудное: я запираюсь с тобой дома, чтобы отнять тебя от бутылки».

В Москве они снимают комнату в районе станции метро «Аэропорт». На какое-то время Высоцкий приходит в душевное и физическое

равновесие, старается писать.

Жизнь налаживается. Владимир щеголяет в модной одежде, по три раза в день меняет куртки. И главное — он просто упивается музыкой: Марина привезла проигрыватель. Они без конца ставят «Порги и Бесс», Армстронга и Эллу Фицджеральд.

1 декабря 1970 года Высоцкий и Влади официально оформили свои отношения в загсе, причем расписались в кабинете заведующей. Сразу после бракосочетания они отправились на теплоходе «Грузия» в свадебное путешествие по маршруту Одесса — Сухуми — Тбилиси.

В начале совместной жизни Высоцкий мечтал о ребенке. Но Марина была против: «Наше положение, и без того трудное, было бы совершенно невыносимым, если бы между нами было маленькое существо. Он был бы не связью, а препятствием, он воплотил бы в своем существовании все противоречия, которыми мы болели. Мотаясь между Востоком и Западом, он никогда не смог бы найти своих настоящих корней».

Благодаря жене он побывал во многих странах, увидел мир. В США на устроенной в его честь вечеринке присутствовали голливудские знаменитости: Минелли, Де Ниро, Хадсон, Ньюмен, Пек…

В Москве Высоцкий и Влади купили кооперативную квартиру на Малой Грузинской. Но прежде чем въехать в нее, супругам пришлось пожить в квартире друга Высоцкого и его коллеги по театру Ивана Дыховичного (он тогда только что женился на дочери члена Политбюро Дмитрия Полянского).

Вскоре Высоцкий начинает принимать наркотики. К старой болезни прибавится новая — еще более страшная и неизлечимая.

В апреле 1977 года Высоцкого положили в Институт Склифосовского. Положение его было настолько серьезным, что он не узнал приехавшую жену. Доктора сказали ей, что если Высоцкий еще раз «сорвется» подобным образом и не умрет, то на всю жизнь останется умственно неполноценным человеком.

Между тем отношения Высоцкого и Влади заметно ухудшились. На смену любви и искренности, которые были характерны для них обоих в первые годы супружества, пришли усталость и раздражение от общения друг с другом. Об этом пишет Влади: «Я отношу твое охлаждение ко мне за счет усталости, обычной для супружеской пары, прожившей вместе больше десяти лет. Я не знала тогда, что это — из-за морфия. И главное — ты, очевидно, отчаялся выжить, и это было как бы высшим отказом существа, готовящегося уйти из жизни. Я узнаю — потому что все в конце концов узнается — о твоих многочисленных изменах. Просто больная от ревности, я не понимаю того, что все это — отчаянные попытки уцепиться за жизнь, доказать себе самому, что ты еще существуешь. Я не слышу того, что ты пытаешься мне сказать. Это — тупик. Ты кричишь о главном, я вижу лишь то, что на поверхности. Ты стонешь о своей любви, я вижу только измену».

Сценарист и писатель Эдуард Володарский говорил в интервью: «Марина стала его угнетать. Он уже изнемогал от властности ее натуры. В том, как они вели себя раньше и потом, была большая разница. Раньше они все время старались быть вместе — прикоснувшись друг к другу. Стоило ему на минуту исчезнуть, как она начинала шарить глазами — где он? И он вел себя так же. В последние годы он мог ее не встретить из Парижа.

После домашних разборок приезжал к нам ночью в разорванной рубашке. Была еще одна причина — появилась другая женщина, и он о ней думал больше, чем о Марине».

1979 год начался для Высоцкого с гастролей по США — его пригласил выступить у себя ряд колледжей. В Нью-Йорке во время знаменитой передачи Си-би-эс «Шестьдесят минут» Владимир Семенович говорил: «Уехать из России? Зачем? Я не диссидент, я — артист… Я работаю со словом, мне необходимы мои корни, я — поэт. Без России я — ничто. Без народа, для которого я пишу, меня нет. Без публики, которая меня обожает, я не могу жить. Без их любви я задыхаюсь. Но без свободы я умираю».

30 мая 1980 года Марина Влади, которая только несколько недель назад узнала от Высоцкого, что он принимает наркотики, забирает его на юг Франции, в домик своей сестры. Но уже 11 июня он улетает в Москву. Живым своего мужа Влади больше не увидит.

23 июля состоялся последний телефонный разговор супругов. Он говорит, что «завязал», что скоро они вновь увидятся и он уже купил билет на 29 июля.

Владимир Высоцкий умер ранним утром 25-го. Его похороны прошли при огромном стечении народа, несмотря на то что во время Олимпиады Москва была закрытым городом. Актер Валерий Золотухин утверждает, что Марина Влади просила забрать его сердце с собой во Францию…

Марина Влади после смерти Высоцкого и одного из сыновей несколько лет жила одна. Затем вышла замуж за известного врача-онколога Леона Шварценберга…

Аль Бано Карризи и Ромина Пауэр

Не сумев пережить исчезновение любимой дочери — 23-летней Илении, самая знаменитая супружеская пара Италии Аль Бано и Ромина Пауэр решила расстаться. 3 марта 1999 года они начали официальную процедуру развода.

Многие вспомнили, что мать Ромины, актриса Линда Кристиан, была против этого брака. Она воспитала двух дочерей (отец Ромины — голливудский актер Тайрон Пауэр — ушел из семьи через пять лет после рождения дочери) и очень ревниво относилась к их поклонникам. Альбано Карризи ей не понравился сразу. Во-первых, не американец. Во-вторых, певец: она с семи лет готовила дочь к карьере голливудской актрисы. Наконец, к моменту знакомства с Карризи Ромине едва минуло шестнадцать, правда, она уже успела сняться в четырех итальянских фильмах.

Аль Бано — творческий псевдоним артиста, которого на самом деле зовут Альбано Карризи. Семья Карризи живет в окрестностях Бриндизи, в селении Челлино-Сан-Марко. Возделывает виноград. Когда 20 мая 1943 года появился на свет мальчик, отец, дон Кармело, сам придумал ему имя — Альбано (albano — албанец). Дон Кармело провел несколько месяцев в немецком концентрационном лагере на территории Албании и не хотел, чтобы этот опыт ушел из памяти.

Аль Бано вспоминал, что в их доме на одной из стен висел плакат: «Жизнь — это упорная борьба». В шестнадцать лет он решил уехать в Милан. Аль Бано был маляром, чернорабочим, официантом, поваром.

Первые шаги в мире музыки он совершил с Кланом Челентано. Как и все члены Клана, он выбрал себе псевдоним и стал Аль Бано. Вместе с Кланом совершил свои первые турне по всей Италии и Швейцарии. Спустя два с половиной года подписал контракт с EMI. В 1967 году его пластинка «Nel Sole» стала хитом и была продана в количестве более чем миллион экземпляров. Некоторые из наиболее популярных песен Аль Бано стали также названиями фильмов, и во время работы над одним из них он познакомился с Роминой Пауэр. Встретив Аль Бано, она обрела семейный очаг и возможность заниматься любимым делом.

Романтические отношения между ними развивались бурно, разница в происхождении и социальном положении не имела значения. 26 июля 1970 года влюбленные стояли перед алтарем небольшой церквушки в Челлино-Сан-Марко в окружении многочисленной родни жениха и друзей. Ромина ждала ребенка и верила в то, что ее семейная жизнь будет счастливой. В том же году у них родилась дочь Иления. Спустя три года родился сын Йари.

Когда они только поженились, Аль Бано хотел снять квартиру в городе, Риме или Милане, но Ромина настояла на Челлино. Ей было девятнадцать лет, она хотела жить в собственном доме. Причем именно в Апулии, откуда родом ее любимый муж Аль Бано, где живет его родня — родители и братья. О богатом и роскошном поместье Карризи в Челлино-Сан-Марко заговорят во всей Италии…

Семья Карризи была большой и строптивой, со своими традициями и порядками, которые Ромина долго на могла понять. Свекровь Иоланда, женщина суровая и неразговорчивая, все домашние проблемы решала сама. Она даже пробовала запретить американской невестке курить. Только спустя пять лет после свадьбы, когда Аль Бано и Ромина записали свой первый успешный диск, а их песня заняла седьмое место на конкурсе «Евровидения», Иоланда сменила гнев на милость — она вырезала из журнала фотографию сына и невестки и повесила на стену в собственной спальне.

В Италии очень скоро забыли, что Ромина — иностранка. Начав выступать вместе с мужем, она тут же стала своей. В 1970 году семейный дуэт записал первую песню, в 1975-м вышел первый альбом.

Аль Бано безумно любил жену. Денег хватало. И без наследства, полученного Роминой, дуэт хорошо зарабатывал.

В 1982 году они занимают третье место в Сан-Ремо с песней «Феличита» (что означает по-итальянски «счастье»), а еще через два года завоевали главный приз этого самого престижного в Италии музыкального конкурса, исполнив «Чи сара».

Пока была любовь, Ромина и Аль Бано не стеснялись своих чувств. Фильм-концерт «Волшебная белая ночь», снятый в 1984 году по мотивам ленинградского турне, имел большой успех в России. Поклонники эстрады полюбили супружеский дуэт не только за их голоса, но и за очаровательную улыбку Ромины Пауэр, замечательный юмор Аль Бано.

Супруги записывали пластинки, которые расходились огромными тиражами. Дуэт приглашали на концерты в страны Европы и Латинской Америки, на радио и телевидение… Фотографии «апулийского соловья» и «калифорнийской красотки» не сходили со страниц центральных газет и

журналов.

Семья Карризи — Пауэр становилась все больше. В 1985 году Ромина родила вторую дочку, Кристель, а в 1987-м — еще одну девочку, которую счастливый отец назвал в ее честь — Роминой. Правда, домашние быстро переименовали беспокойную крошку в Угу. Последняя беременность далась Ромине-старшей тяжело.

В перерыве между рождениями дочерей, Аль Бано и Ромина Пауэр подписывают контракт с WEA, что знаменует собой следующий важный шаг их карьеры, и выпускают альбом «Sempre, sempre» который подтверждает их интернациональную популярность.

В 1987 году Аль Бано снова повез Ромину в Сан-Ремо, где она, измученная и еще не оправившаяся после родов, должна была петь и улыбаться публике… Аль Бано требовал, чтобы новый альбом они записали не только на итальянском, но и на испанском языке — специально для продажи в Латинской Америке. Кроме того, одну песню Ромина должна была спеть с юной Илением… Карризи считал, что их дуэт можно будет хорошо разрекламировать и удачно продать…

С годами Аль Бано все больше становился похожим на своего отца. Тиражи пластинок достигали миллионов, а муж Ромины ругался с фермерами, арендовавшими у него землю, за каждую лиру… Он следил за расходами жены и упрекал ее в излишней расточительности. Аль Бано в глубине души остался деревенским парнем: он боялся проснуться однажды нищим и старался экономить на всем…

Ромина загрустила, как вдруг в один прекрасный весенний день на пороге их поместья в Челлино-Сан-Марко появился… Тайрон Уильям Пауэр, сын ее отца от последней жены. Он заявил сестре, что желает попробовать свои силы на итальянской эстраде. Ромина с энтузиазмом взялась помогать вновь обретенному брату. В 1991 году на сцене театра «Аристон» в Сан-Ремо выступили Аль Бано и Ромина, а затем Тайрон Пауэр-младший.

В январе 1994 года Аль Бано и Ромина отправились в гастрольный тур по Европе. Младшие дети остались в Челлино, 23-летняя Иления уехала на каникулы в Америку.

Статная, красивая блондинка — очень похожая на мать, — Иления пробовала петь, но больше всего любила путешествовать. Она побывала в Индии, Южной Америке…

Иления поехала в Новый Орлеан, где собиралась неформальная молодежь, об образе жизни и философии которой она как раз задумала написать книгу. Там, по свидетельству очевидцев, девушка связалась с какой-то таинственной и страшной сектой, практиковавшей человеческие жертвоприношения и усиленно насаждавшей среди своих адептов культ наркотиков. Однажды Иления ушла из дома и больше не вернулась.

Когда Аль Бано и Ромина подняли шум, выяснилось, что исчезновение Илении — отнюдь не частный случай. В тот день несколько свидетелей видели девушку, похожую на Илению, которая с криком: «Я принадлежу воде» — бросилась в Миссисипи и утонула. Правда это или нет, и если правда, то была ли это дочь Аль Бано и Ромины Пауэр, — неизвестно. Иления исчезла — и найти ее так и не удалось…

Супруги несколько раз выступали по телевидению. Они не просили вернуть Илению. Они просили откликнуться тех, кто хоть что-нибудь знает

о ней. Ведь самое худшее — неизвестность. Но напасть на след девушки не удалось…

«Любое несчастье в семье — как взрыв бомбы, от него страдают все», — сказал как-то Аль Бано. В Италию они вернулись опустошенными… Ромина целыми днями сидела в комнате дочери, перебирала ее рисунки, книги, пластинки.

Аль Бано и Ромина Пауэр разорвали все контракты, долго не выступали, не записали ни одной ноты. Однако знаменитый дуэт все-таки снова появился на сцене. Было организовано турне по нескольким странам — все концерты прошли с большим успехом. Потом дуэт как бы «разделился». Аль Бано продолжал выступать, Ромина же уехала в Индию на съемки телесериала «Сандокан». Через несколько месяцев она вернулась удивительно спокойной и умиротворенной. В Индии Ромина поняла, что должна разойтись с Аль Бано и начать новую жизнь.

Карризи всеми силами пытался ее удержать: «Подумай о детях, о нашей карьере, о Боге, наконец…» Один из последних совместных концертов знаменитого дуэта состоялся в Ватикане, в резиденции папы римского Иоанна Павла II. Супруги пели о счастье, держась за руки и улыбаясь, совсем как прежде, в далеком Сан-Ремо двадцать лет назад. После концерта папа благословил обоих и признался, что всегда симпатизировал им. Растроганный Аль Бано думал, что это выдающееся событие снова сблизит его с женой, но чуда не произошло…

…Известие о том, что семья Карризи — Пауэр все-таки распадается, повергло Италию в шок: на сентиментальных песнях дуэта о вечной любви и надежде выросло целое поколение итальянцев… Все думали, что это рекламный трюк, ловкий ход, придуманный хитрым, склонным к интригам Аль Бано. Но вскоре стало известно, что Ромина действительно купила себе квартиру в Риме, в фешенебельном районе Трастевер, и уехала из Челлино-Сан-Марко вместе с младшими девочками.

Каждый из бывших супругов по-своему переживал крах семейной жизни. Ромина занялась творчеством, написала книгу об отце Тайроне Пауэре и роман «Я мечтаю о Дон Кихоте», устроила выставку своих картин в Венеции. Аль Бано же продолжил карьеру певца, выступал в Сан-Ремо, записывал сольные альбомы. Но больше говорили о его романах. Первой любовницей известного музыканта стала словацкая журналистка Габриэлла Скрабакова. Потом всю Италию потрясло известие, что 29-летняя Лоредана Леччизо, дочь вице-мэра городка Лечче, ждет от 57-летнего Аль Бано ребенка. У влюбленных родилась дочка, которую назвали Жасмин, Ромина коротко пожелала ей счастья.

Аль Бано обратился в суд Бриндизи с требованием передать опеку над дочерьми Кристель и Угой. Суд отказал ему. Ромина не выдержала: «Когда же он оставит меня в покое? Конечно, я понимаю, ему не дают жить спокойно мои успехи в кино и литературе… Да он просто ревнует, тридцать лет я была его женой, и только, а теперь я самостоятельная и независимая женщина… Если он не прекратит плести интриги, я встану на защиту себя и моих девочек…»

В среду 3 марта 1999 года после более чем 30-летнего брака 56-летний Аль Бано и 48-летняя Ромина, жившие последние годы порознь, встретились друг с другом в последний раз только для того, чтобы

предстать перед судом города Бриндизи, в области Апулия, и официально расторгнуть связывавшие их узы.

Ромина вздохнула с облегчением: «Решила: теперь наконец-то смогу пожить для себя — ведь раньше не было такой возможности! Бесконечные турне, концерты… Многочисленные поклонники принимали наш дуэт с восторгом… Теперь, оглядываясь назад, вижу себя либо с раздувшимся животом, либо с младенцем на руках — я родила пятерых детей. В общем, у меня не было ни беззаботного детства, ни беспечной юности, как у других девушек… Эти два счастливых периода жизни как бы выпали. Теперь хочу вернуть то, что судьба отобрала у меня!»

Билл Клинтон и Хиллари Родэм

Хиллари Клинтон называют самой влиятельной хозяйкой Белого дома в истории Соединенных Штатов. Друзья Хиллари подчеркивают: «Она знает, чего хочет и как этого можно добиться».

Хиллари и ее муж Билл Клинтон вместе вкладывали средства в профессиональную карьеру. Они дополняют друг друга по характеру. Без поддержки супруги Билл Клинтон никогда бы не выставил свою кандидатуру на президентских выборах. Во время предвыборной борьбы 1992 года он говорил: «Если меня выберут президентом, то между супругой и мной будет беспримерное партнерство, еще более сильное, чем это было между Франклином Делано Рузвельтом и Элеонорой Рузвельт».

Хиллари Дайан Родэм родилась 26 октября 1947 года в Чикаго. Ее родители — выходцы из Англии и Уэльса. Отец, Хьюго Родэм, продавец из Чикаго, который основал потом небольшое текстильное предприятие. Мать, Дороти Родэм, воспитывала троих детей.

В 1965 году Хиллари поступила в женское высшее учебное заведение Уэлсли-колледж и закончила его в числе лучших. Изучая юриспруденцию в Йельском университете, Хиллари была сторонницей демократической партии. Профессора вспоминают о ней как об интеллигентной, умной и прилежной студентке.

В один из вечеров 1970 года Хиллари, как обычно, сидела в библиотеке над книгами. Вдруг она заметила студента, пристально смотревшего на нее. В конце концов Хиллари не выдержала и сказала ему: «Послушай, если ты не перестанешь пялиться на меня, я повернусь к тебе спиной. Или, может быть, нам стоит познакомиться? Меня зовут Хиллари Родэм». Студента это так ошеломило, что он забыл назвать свое имя. Это был Билл Клинтон.

Когда он впервые увидел ее, она была для него «сумасбродкой на двух ногах». Хиллари, отвечая на вопрос, что привлекло ее в нем, сказала: «Он меня не боялся».

Уильям Джефферсон Блайт родился 19 августа 1946 года в Хоупе, Арканзас. Еще до его рождения в автокатастрофе погиб его отец. Через четыре года мать вышла замуж за торговца автомобилями Роджера Клинтона, фамилию которого пасынок официально принял в 15-летнем возрасте. Билл был честолюбив и хорошо учился. Он был спикером учеников и руководителем школьного джаз-оркестра (играл на саксофоне).

Ключевым событием в его жизни стала встреча с президентом Джоном Кеннеди, когда он как делегат национальной молодежной организации в июле 1963 года удостоился чести пожать руку президенту в

Вашингтоне. По признанию Клинтона, это посещение Белого дома произвело на него глубокое впечатление и способствовало решению самому стать политиком.

Билл учился в престижном католическом университете Джорджтаун в Вашингтоне. Стипендия Родса позволила ему продолжить образование в Оксфордском университете (Англия). По возвращении в США Клинтон поступил в юридическую школу Йельского университета. Здесь и произошло его знакомство с Хиллари Родэм.

В 1972 годы, еще студентами, они поехали в Техас, чтобы возглавить предвыборную кампанию демократа Джорджа Мак-Гавена. Эта работа сблизила молодых людей.

Через два года Хиллари переехала в Вашингтон. Она работала в юридической комиссии палаты представителей, которая готовила обвинительный акт против президента Ричарда Никсона, замешанного в деле «Уотергейт».

Билл вернулся в Арканзас, где безуспешно добивался места в конгрессе. Он предложил Хиллари приехать к нему. Прежде чем дать ответ, Родэм объездила юридические фирмы в Вашингтоне, Нью-Йорке и Чикаго, чтобы определить, сколько она потеряет, если не будет сотрудничать с известными юристами. Потери будут незначительными, так решило ее сердце. В 1974 году она переехала в Арканзас. Вначале преподавала право в университете Арканзаса, а затем перешла в юридическую фирму «Роуз Лоу фирм».

11 октября 1975 года Клинтон и Родэм поженились. Биллу было в то время 29 лет, Хиллари — 28. На церемонии венчания присутствовало человек двадцать, но на свадебное торжество собралось более ста гостей. В свадебное путешествие молодая пара отправилась в Акапулько, в Мексику.

Вскоре супруги переехали в столицу Арканзаса, Литл-Рок, где Билл стал генеральным прокурором штата. Его необычайная энергия и выдающиеся интеллектуальные способности стали основой блестящей политической карьеры. В 1978 году Клинтон успешно баллотировался на пост губернатора Арканзаса. В возрасте 32 лет стал самым молодым губернатором в истории Соединенных Штатов. Хиллари сопровождала его в поездках во время предвыборной гонки, изъездив Арканзас вдоль и поперек. Супруги вместе разрабатывали стратегию предвыборной кампании.

В 1980 году Хиллари родила «гениального ребенка», как она обычно говорила. Челси Виктория появилась на свет на три недели раньше срока, после кесарева сечения. Хиллари утверждала, что преждевременные роды наступили лишь потому, что она как адвокат была слишком эмоциональна на процессе о праве опеки.

Но рождение ребенка не могло заставить Хиллари отказаться от карьеры юриста. Она вошла в число ста самых влиятельных юристов Соединенных Штатов.

Хиллари старалась как можно больше времени уделять воспитанию Челси. Признанием ее общественной деятельности было звание «Молодая мать года», которого она удостоилась в 1984 году в Арканзасе.

Свободное время Клинтоны любят проводить на кухне или у рояля. Все трое владеют инструментом, но, как говорит Хиллари, «ни один из нас не преуспевает в этом». Охотно они играют в карты. Отпуск Клинтоны обычно проводят все вместе.

Когда 3 октября 1991 года Клинтон выставил свою кандидатуру на пост президента, он уже создал себе имя одного из лидеров «новых демократов». Хиллари вошла в узкий круг его советников. Республиканцы так язвительно атаковали Хиллари, что Билл Клинтон открыто заявил: «Можно подумать, что Джордж Буш борется за пост первой леди Америки».

Челси Клинтон училась в восьмом классе школы, когда ее отец победил на президентских выборах. Родители старались избавить ее от забот предвыборной гонки. Это время она провела у дедушки и бабушки, которые ограждали ее от назойливой прессы.

Президент поручил своей жене руководство рабочей группой, ответственной в Белом доме за реформы здравоохранения, и отвел ей этим самую важную и влиятельную функцию, которую когда-либо официально осуществляла «первая леди».

Супруги начали устанавливать свои порядки в Белом доме. Во всех помещениях было запрещено курить. Клинтоны никогда не курили. Французскую кухню сменила не такая изысканная американская.

Хиллари вновь ввела брокколи: «Мы любим брокколи. Мы вообще охотно едим овощи и фрукты».

Клинтонам нравилось обедать на кухне. К этому они привыкли в губернаторской резиденции в Литл-Роке. Когда этот обычай они хотели ввести в Белом доме, персонал заволновался.

Воспитывая Челси, Хиллари не забывала совет Жаклин Кеннеди: «Держите всех подальше от жизни своих близких». В период скандалов вокруг четы Клинтонов Челси внесла свою лепту в умиротворение отношений, появляясь на людях в образе милого пухлого кудрявого ребенка. Хиллари старалась быть заботливой матерью: делала с дочерью домашние задания, брала с собой за покупками, сама отвозила ее в школу, разрешала встречаться с друзьями. Клинтоны использовали любую возможность, чтобы познакомить Челси с миром. Так, она сопровождала отца в президентских поездках в Африку и Индию.

В первые недели президентства Клинтона Хиллари прозвали вездесущей. Летом 1993 года Америку развеселил следующий анекдот. «Президент Клинтон дал Хиллари дополнительную охрану. Зачем? А если она падет жертвой покушения, то ему придется стать президентом Соединенных Штатов».

В начале президентства Билла Клинтона повсюду ходили слухи о семейных разногласиях президентской четы. Одни рассказывали, что Хиллари бросила в мужа вазу, другие утверждали, что это была Библия, но упоминали и пепельницу. Якобы во время этого семейного скандала кто-то из охраны президента встал перед Хиллари и сказал ей: «Президента мы должны защищать и от вас».

Недоброжелатели не раз обвиняли Хиллари в том, что она оказывает «сильное воздействие» на своего супруга и вмешивается в государственные дела. В ответ «первая леди» говорила, что все решения принимает президент США, а она лишь по возможности помогает ему.

Несмотря на различные споры вокруг ее персоны, миссис Клинтон принимала активное участие во второй предвыборной кампании мужа. В августе 1996 года она присутствовала на съезде демократической партии в Чикаго.

Билл Клинтон победил соперника от республиканской партии Боба Доула и 20 января 1997 года был приведен к присяге на новый срок. За последующие четыре года брак Клинтонов был не раз проверен на прочность. Некая Пола Джонс вчинила президенту иск. Она обвиняла Билла в сексуальных домогательствах по отношению к ней в бытность Клинтона губернатором штата Арканзас. Затем пришел черед практикантки Белого дома Моники Левински, которая рассказала во всех подробностях об интимных отношениях с президентом. Скандал едва не привел к отставке Билла Клинтона.

Выступая в мэрилендском Гоучер-колледже, Хиллари сказала: «Все обвинения в адрес моего мужа абсолютно лживые. Это очень трудно и больно наблюдать, когда человек, которого ты любишь, о котором заботишься, которым восхищаешься, подвергается столь безжалостным обвинениям… По причинам, которые мне не совсем понятны, в определенных кругах президента считают угрозой определенным идеологическим и политическим позициям. Предпринимаются объединенные усилия подорвать его легитимность как президента, подорвать все то, чего он достиг, атаковать его лично, не сладив с ним политически…»

После скандала с Левински многие из числа «добропорядочных американцев» призывали «первую леди» подать на развод. В ответ Клинтоны купили дом в западном пригороде Нью-Йорка, где собирались вместе жить после переезда из Белого дома.

12 октября 2000 года Клинтоны отметили серебряную свадьбу в одном из самых фешенебельных отелей Нью-Йорка «Ле Сирк». Торжественное мероприятие стало грандиозной рекламной акцией в преддверии выборов в сенат (Хиллари баллотировалась от штата Нью-Йорк).

В ноябре 2000 года она одержала победу на выборах в сенат конгресса США в штате Нью-Йорк. Впервые в истории США супруга главы государства добилась избрания в верхнюю палату парламента. Билл первым поздравил Хиллари с победой, заявив, что «безмерно горд» и что эта победа «одержана в честной борьбе».

В 2001 году Билл Клинтон покинул президентское кресло и Белый дом — «служебную квартиру», в которой он со своим семейством прожил восемь лет. Очередные споры и диспуты об этике возгорелись из-за того, что Клинтон решил увезти с собой подарки, к которым по недоразумению были причислены некоторые предметы из интерьера Белого дома. По окончании разбирательства Клинтоны вернули ковры, диваны и другую мебель. Кресло главы страны занял новый президент, а Белый дом обрел нового хозяина.

Тем временем дочь Клинтонов Челси закончила Стэнфордский университет в Калифорнии по специальности «история» и начала учиться в Оксфордском университете по специальности «международные

отношения». Она поступила на работу в нью-йоркское отделение крупнейшей британской фирмы «McKinsey and Company», занимающуюся консалтингом в области менеджмента.

А ее родители предались воспоминаниям. Первой выпустила мемуары Хиллари. Они назывались «Живая история». И все-таки воспоминания ее мужа пользовались большей популярностью. Билл Клинтон не обошел стороной и скандальную историю с Моникой Левински. Экс-президент рассказал, как им с Хиллари удалось в этой непростой ситуации сохранить семью.

Муслим Магомаев и Тамара Синявская

Народные артисты СССР Муслим Магомаев и Тамара Синявская — не просто популярные исполнители, не просто муж и жена: для миллионов советских людей они стали олицетворением целой эпохи. Уникальнейший голос Тамары Синявской завораживал любителей оперной музыки многих стран мира, много лет ее звезда ярко сияла на сцене Большого театра. Невероятной славе Муслима Магомаева может позавидовать любая звезда: такой популярности ни до, ни после него не имел в Советском Союзе никто. Переполненные залы, кордоны конной милиции, море цветов, легенды и сплетни, машина, обцелованная поклонницами, — все это Магомаев вкусил сполна. Сегодня в это трудно поверить: сотни женщин поднимали авто с любимым певцом на руки и несли несколько километров.

Муслим Магомаев родился 17 августа 1942 года в Баку. Его дед — Муслим Магомаев, знаменитый азербайджанский композитор, чье имя носит Азербайджанская филармония. Мать — драматическая актриса, отец — художник, погиб на фронте за два дня до Победы, так и не увидев сына.

Всесоюзная известность пришла к Муслиму после выступления в Кремлевском дворце съездов на заключительном концерте фестиваля азербайджанского искусства в 1962 году. Его восхитительный баритон, высокий артистизм и душевная щедрость покорили слушателей.

1969 год принес ему победу в Сопоте и первый «Золотой диск» на фестивале МИДЕМ в Каннах, — этой награды Муслим Магомаев был удостоен за то, что записанные им пластинки разошлись фантастическим тиражом в четыре с половиной миллиона экземпляров. Певцу едва перевалило за тридцать, когда он стал народным артистом Советского Союза…

Магомаев в первый раз женился в 19 лет. Единственная дочь Марина давно живет в Штатах и подарила певцу внука. Второй брак Муслима был гражданским.

В октябре 1972 года на декаде русского искусства и литературы в Баку Магомаев познакомился с певицей Тамарой Синявской.

Муслим Магомаев пишет в своей книге «Любовь моя — мелодия»: «На очередном концерте в филармонии меня подозвал Роберт Рождественский и представил миловидной молодой женщине. Я назвал себя: „Муслим…“ Она улыбнулась: „И вы еще представляетесь? Вас ведь знает весь Союз“.

Казалось бы, обычное светское знакомство, но у меня сразу возникло приятное ощущение уюта и симпатии — никакой натянутости, как обычно бывает на такого рода мероприятиях с их дежурными полупоклонами, полуулыбками… Тамара мне понравилась сразу. Мне

показалось, что и я ей…

Честно говоря, при той встрече я Тамару не узнал. До этого только раз видел ее по телевизору в 1970 году, когда шла трансляция прослушиваний Международного конкурса имени Чайковского. Тогда Тамара Синявская разделила первую премию с Еленой Образцовой. Помню, как, услышав голос Тамары, я воскликнул: „Что за меццо-сопрано! Глубокое, красивое!..“»

Тамара Синявская — коренная москвичка. Родилась 6 июля 1943 года. Она с детства была наделена особой грацией и рано почувствовала призвание к сцене. В шестилетнем возрасте девочку приняли в танцевальную группу Ансамбля песни и пляски Московского городского Дворца пионеров. Позже Тамара Синявская перешла в хор этого ансамбля, окончила Музыкальное училище при Московской консерватории, а затем ГИТИС по классу пения. Еще будучи студенткой она обратила на себя внимание и была приглашена в Большой театр, стала солисткой, с успехом гастролировала за рубежом.

После бакинской встречи знакомство продолжалось в Москве, хотя Тамара была замужем. Муслим стал бывать у них дома. Магомаев — порядочный человек, и для него брак был серьезным препятствием.

У нее с мужем были прекрасные отношения. Любовный треугольник всегда мучителен.

Магомаев стал завсегдатаем Большого театра: прослушал все спектакли с ее участием, дарил самые большие, самые красивые букеты…

«Я была тогда замужем, но когда с ним встретилась — все перевернулось… — вспоминает Тамара Ильинична. — 17 января 1973-го я отправилась в Италию, на стажировку в „Ла Скала“ — просто сбежала со страху… Он мне и туда названивал. Там по телефону я первый раз услышала „Мелодию“ Александры Пахмутовой. Он мне крутил…»

Так они «разговаривали» минут по 30–40. Он ставил пластинку с песней, слова которой соответствовали моменту их отношений. Тамара слушала, потом находила какую-то пластинку у себя, срочно набирала его номер и включала: «Ему было легче — у него пластинок любовных больше, чем у меня».

Стажировка закончилась, Тамара вернулась в Москву, домой. В честь ее возвращения Магомаев дал концерт во Дворце съездов, на который она не смогла прийти…

Романтика ухаживания продолжалась. Первой решительный шаг сделала Тамара — она развелась с мужем. Второй шаг помог сделать общий друг.

Магомаев и Синявская сидели в номере гостиницы «Россия». Зашел «на огонек» художник Таир Салахов. Накрыли стол, начался обычный в таких случаях разговор… И вдруг Таир сказал решительно: «Ну что вы ходите-бродите, время тянете? Чего еще испытывать?.. Давайте-ка ваши паспорта. У меня в Союзе художников помощник есть шустрый, он все устроит».

23 ноября 1974 года весь свадебный ритуал совершился тихо и скромно. А на улице их уже поджидала толпа поклонников. Видимо, работники загса оповестили своих знакомых, что женится Магомаев.

Свадьбу праздновали в ресторане «Баку». Сто человек сидело в зале, за столом, и более трехсот — толпилось за окнами. В округе стало известно, что Магомаев играет свадьбу, и опять повторилась та же история, что была перед загсом. Люди стояли на морозе и ждали, когда Магомаев начнет петь. Тогда Муслим попросил открыть большие окна и пел собравшимся слушателям… А потом два месяца болел бронхитом…

Звездную чету часто спрашивают: как уживаются двое вокалистов под одной крышей? «А почему бы им не ужиться? — удивляется Магомаев. — Разве мало на свете артистических пар? Мы солисты, у каждого своя партия. Если занимается Тамара, то ей есть где заниматься, чтобы не мешать мне. Скажем, когда я неважно себя чувствую, тогда для меня чей бы то ни было голос звучит в два раза громче и резче. Тамара, зная об этом, уходит в мой кабинет, где есть электропианино, и спокойно себе занимается. Начинаю петь я — Тамара уединяется на кухне, как ока говорит, в „своем кабинете“».

С тех пор — на концертной сцене и в жизни — они вместе. Их дом невозможно представить без огромного собрания пластинок, книг, рояля, музыкального компьютера, картин. Жаль только, что обзавестись детьми этой певческой паре так и не удалось. «Когда мы поженились, ни у Тамары, ни у меня никого из родственников рядом не было, — поясняет Муслим Магометович. — Родив ребенка, Тамара должна была бы оставить сцену, и мы решили обойтись без детей… Наше чадо — наш пуделек Чарли, общий любимец, который очень скучает, когда мы уезжаем на гастроли».

Помимо пения, музыки и преподавательской работы, Муслим Магометович умеет… абсолютно все: он и электрик, и слесарь, и плотник. Магомаев рисует, лепит, настоящая его страсть — компьютеры. И делает все с какой-то истовостью, с любовью, очень профессионально, до конца. Максималист.

Вот и свою роскошную, царственную квартиру после ремонта переделывал за мастерами самостоятельно. Реконструированную квартиру, расположенную в самом центре Москвы рядом со зданием ТАСС, иначе как дворцом не назовешь. Работы шли почти год, и все это время знаменитое семейство жило на подмосковной даче. Гости не могут поверить, что автором проекта является сама хозяйка дома. Дело в том, что Тамара Ильинична давно хотела воплотить архитектурные идеи, которые вынашивала несколько лет. У певицы открылись незаурядные дизайнерские способности.

Две комнаты объединили в гостиную, главное место в которой занимает рояль. В свой кабинет Муслим Магометович посторонних не пускает. Говорит, что сочинять музыку можно только в интимной обстановке. Владения Тамары Ильиничны — уютная спальня и небольшая кухня, хозяйничать на которой ей помогает домработница. Почти без изменений остался лишь холл, превращенный в галерею памятных подарков, преподнесенных хозяевам восторженными поклонниками.

Когда у Магомаева поинтересовались, вкусно ли готовит Тамара Ильинична, певец ответил дипломатично: «Она не готовит, хотя умеет это делать прекрасно. У нас есть кому кухней заниматься. Я стараюсь освобождать жену от этого труда».

В 1999 году супруги отпраздновали серебряную свадьбу. Магомаев с теплотой вспоминает времена Советского Союза. Они с Тамарой Ильиничной получили хорошее образование, причем бесплатно, были хорошо воспитаны. Да и люди были добрее тогда, какие-то более раскованные, более дружелюбные.

Брак Муслима Магомаева с Тамарой Синявской многие называют идеальным, эталонным…

Время от времени звездная пара все же радует поклонников своим появлением на сцене. Семейный дуэт Синявская — Магомаев собирает полные залы. На концертах Муслим, вспоминая свое консерваторское образование как пианиста, садится за рояль и аккомпанирует супруге.

Синявская признает, что сегодняшняя ситуация на российской оперной сцене не очень ее устраивает — нет артистов, которые «могли бы по-настоящему захватить». Сама она продолжает работать, хотя репертуар, к сожалению, существенно сократился. Однако каждое концертное выступление певицы (особенно совместные выступления с Магомаевым) проходит с громким успехом.

Принц Чарлз и принцесса Диана

31 августа 1997 года мировые агентства новостей передали экстренное сообщение: в автокатастрофе погибла принцесса Диана. Ее смерть потрясла Англию — площадь перед Букингемским дворцом утопала в цветах, горели поминальные свечи. Тысячи людей выстаивали по семь часов, чтобы только расписаться в книге соболезнований…

Леди Диана Фрэнсис Спенсер родилась 1 июля 1961 года. Она была третьей дочерью виконта Олторпского, графа Спенсера, который был конюшенным в королевской свите. Мать Дианы также происходила из знатного рода.

У графа Спенсера имелось несколько поместий в Англии, самым престижным считалось владение в Сэндрингеме, поскольку находилось рядом с королевской резиденцией. Там Елизавета с семьей обычно встречала Рождество.

Когда Диане было семь лет, родители развелись. Именно в это время девочка стала страдать булимией — гипертрофированным чувством голода.

Чтобы оградить детей от излишних потрясений, их определили в частную школу-пансионат. Потом Диана училась в престижной школе Вест-хит в городке Севеноукс к югу от Лондона. Она увлекалась музыкой и танцами. По окончании заведения получила награду за старание на поприще милосердия и благотворительности.

Менее успешными были два года, проведенные Дианой в швейцарском колледже. Ей совсем не давался французский язык. Зато она прекрасно танцевала, была отменной чечеточницей — в 1976 году выиграла танцевальный конкурс.

Вернувшись в Англию, она по случаю совершеннолетия получила от отца 50 тысяч фунтов, на которые приобрела в престижном районе Лондона — Эрлз-корт — четырехкомнатную квартиру, сдав в аренду три комнаты подругам по 18 фунтов в неделю — деньги тогда немалые. Молодость не мешала ей быть практичной. К тому же отец дал знать, что теперь она должна сама зарабатывать на жизнь.

Она нанялась «приходящей домработницей» в несколько семей, работала воспитательницей в детском саду.

Как любая девушка, Диана мечтала удачно выйти замуж. Ей было шестнадцать лет, когда она познакомилась с принцем Чарлзом. Поначалу наследник английского престола ухаживал за старшей сестрой Дианы, Сарой Спенсер.

Чарлз Филип Артур Георг родился 14 ноября 1948 года в семье принцессы Елизаветы и Филипа Маунтбэттенского, отпрыска немецко-греческой династии. Чарлз стал наследником 6 февраля 1952 года, когда на трон взошла Елизавета II.

Чарлз учился в закрытой школе в Шотландии и в Кембридже. Он закончил университет с дипломом бакалавра по истории, после чего служил во флоте. Получив звание капитана минного тральщика «Бронингтон», он пилотировал истребители в британских ВВС, совершил несколько прыжков с парашютом.

В начале 1970-х годов Чарлз увлекся Камиллой Паркер Боулз. Она была замужем за армейским офицером и имела двоих детей. Поместье Камиллы находилось по соседству с загородной резиденцией принца Хайгроув. Как и Чарлз, она любила охоту и прогулки на лошади.

Принц уже около пяти лет состоял в интимной связи с Камиллой, когда в 1977 году по настоятельному совету отца стал оказывать знаки внимания Диане во время охоты на лосей в поместье лорда Спенсера в графстве Нортгемптоншир.

Спустя несколько месяцев они увиделись в Сэндрингеме. Там Диана выступила в роли наставницы принца, показав, как надо исполнять модный «степ-танец». В августе 1980 года в Балморале они условились о бракосочетании. Тогда у них обнаружилось общее увлечение — рыбалка.

В марте 1981 года Чарлз и Диана впервые предстали перед фотокамерами в Букингемском дворце. В газетах особо отмечался подарок принца невесте: обручальное кольцо с крупным овальным сапфиром в обрамлении 14 бриллиантов.

«Прыжок от воспитательницы детского сада к принцессе Уэльской кружит голову, но, имея принца рядом с собой, я знаю, что все будет в порядке», — заявила Диана репортерам.

Женитьба была для Чарлза лишь исполнением долга перед родителями, перед нацией. «Мне надлежало принять правильное решение — найти человека, с которым мы были бы прежде всего хорошими друзьями. А уж из дружбы постепенно выросла бы и любовь…», — признавался он.

На следующий день «Дейли мейл» вышла под огромным заголовком: «Они любят друг друга!» Серьезные газеты были не менее восторженными. Диана на вопрос журналиста, действительно ли она и Чарлз питают друг к другу сильные чувства, ответила: «Разумеется!» Чарлз был не столь категоричен: «Все зависит, что понимать под любовью…»

Правительство, Маргарет Тэтчер, Букингемский дворец, пресса, телевидение — все объединились в стремлении придать свадебной церемонии блистательный характер.

29 июля 1981 года Диана Спенсер шла к алтарю собора св. Павла. На церемонии присутствовало более двух с половиной тысяч приглашенных. Среди них — короли Норвегии, Швеции, Бельгии, королевы Дании, Нидерландов, принцесса Грейс из Монако, президенты Франции и ФРГ, премьер Австралии, супруга президента США Нэнси Рейган.

Церемония в соборе длилась 70 минут под аккомпанемент фанфар и духовных гимнов. Не обошлось без накладок. Произнося имя будущего супруга, Диана выговорила имя его отца. Чарлз вместо традиционного «обещаю разделить с тобою все, что мне принадлежит», сказал «разделить с тобою все, что тебе принадлежит». (Кто-то из родственников принца съязвил: «Уж тут-то он не оговорился».) Эти оговорки многие впоследствии принимали за пророчества.

Перед фотокамерами супруги выглядели самыми счастливыми людьми на свете, но их мало что объединяло. Чарлз был на двенадцать лет старше жены и любил верховую езду, охоту, поло, книги. Диана предпочитала танцы. Она чаевничала с прислугой и сплетничала с горничными.

Диана нуждалась в моральной поддержке. Но принц Чарлз был воспитан по-другому. Автор книги о Диане Э. Мортон пишет о том, как прошло для принцессы начало января 1982 года. Она находилась на третьем месяце беременности и чувствовала себя отвратительно, страдала от тошноты, заговаривала даже о самоубийстве. Принц выказывал безразличие, его больше занимали верховые прогулки на лошади.

И вот в один из таких дней Диана с верхней площадки деревянной лестницы бросилась вниз и распласталась на полу. Прибывшую первой королеву-мать затрясло от ужаса. Вызвали врачей. А Чарлз как ни в чем не бывало отправился на прогулку. К счастью, плод у Дианы не пострадал.

Врачи установили у нее состояние хронической депрессии, но принцесса отказывалась от препаратов, ссылаясь на то, что они могут повредить ребенку, которого носила.

Роды были трудными. Врачи подумывали о кесаревом сечении. Все обошлось. 21 июня 1982 года на свет появился сын Уильям.

Его появление на свет стало великим событием для Британии. Монархии было обеспечено еще одно поколение. Все улицы перед госпиталем были запружены людьми, пришедшими «поболеть» за свою любимицу Диану, и когда наконец Англию облетела весть о рождении мальчика, огромная толпа взорвалась криками радости.

После недолгих семейных споров наследнику дали имя Уильям Артур Филип Луис. Юный Уильям стал наиболее «английским» наследником со времен самой Елизаветы I.

Чарлз обожал сына и отказывался от прогулок, чтобы лично его искупать. А когда Уильям подрос, отец прощал ему шалости, хотя при этом Чарлз ухитрялся оставаться сторонником железной дисциплины и строгости.

15 сентября 1984 года родился второй сын — Гарри. Реакция отца было необъяснимой: «Значит, еще один мальчик, да еще рыжий!» (Фамильная черта Спенсеров.) С этими словами принц удалился играть в поло, а у Дианы, как она признавалась, что-то внутри оборвалось.

Принц отмечал психическую неуравновешенность супруги. Принцессу мучили постоянные приступы булимии, ее тошнило по несколько раз в день, что делало Диану раздражительной.

Чарлз продолжал встречаться с Камиллой Паркер Боулз. Он все чаще приходил домой позднее обычного, иногда вообще не являлся.

Несмотря на стресс, вызванный неверностью супруга, Диана успешно справлялась с обязанностями принцессы Уэльской. Переломным было первое заморское турне с Чарлзом по Австралии и Новой Зеландии вскоре после рождения второго сына. Все фотокамеры были нацелены на нее. «Я здесь, очевидно, затем, чтобы держать букеты», — бурчал принц.

Публика увидела новую Диану. «Она отправилась в турне девочкой, а возвратилась зрелой женщиной», — писал Э. Мортон. Прошло немного времени, и она стала самой популярной представительницей королевского семейства.

К 1987 году разлад в королевской семье стал достоянием общественности. Чарлз и Диана были не в силах скрывать взаимной неприязни. Официальные приемы, на которых они должны были по этикету присутствовать, отнимали у них массу нервной энергии.

Примерно в это же время Диана сблизилась с майором Джеймсом Хьюиттом, который давал ей уроки верховой езды. В течение трех лет они очень тесно общались. Но после того как они расстались, Хьюитт с помощью журналистки Анны Пастернак опубликовал книгу, где в подробностях рассказывал о своих отношениях с принцессой. Для Дианы появление этой книги было страшным ударом. А «болтливый любовник», как его окрестила пресса, на заработанные на скандальной книге деньги купил дом и открыл конноспортивную школу.

Во второй половине 1992 года в ходе встреч в замке Балморал Чарлз и Диана договорились о жизни порознь без формального развода: он отправляется в поместье Хайгроув в 160 километрах от Лондона, она с детьми — в апартаментах Кенсингтонского дворца в центре Лондона. За воспитанием Уильяма и Гарри они обязались следить совместно.

В конце декабря Букингемский дворец официально объявил о том, что Чарлз и Диана будут жить отдельно.

Чарлз хотел «тихого» развода: по английскому законодательству супруги, пять лет прожившие врозь, считаются разведенными. Многие надеялись на примирение: ведь разведенный принц терял шанс стать когда-нибудь королем.

20 ноября 1995 года Диана выступила в одной из самых популярных передач Би-би-си «Панорама». Оказалось, она с самого начала знала о романе принца с Камиллой Паркер Боулз, который продолжался даже после замужества. «В этом браке нас всегда было трое, — заявила Диана. — Это слишком много».

Принцесса раскритиковала характер Чарлза и сделала прозвучавший сенсационным вывод о его непригодности к занятию престола. Она упомянула о своем старшем сыне Уильяме как достойном наследнике.

После этого выступления развод стал неизбежен. Диана удовлетворилась предложенными условиями развода: выплатой ей 17 миллионов фунтов стерлингов.

Церемония вынесения решения Верховным судом Англии о разводе Дианы и Чарлза состоялась 28 августа 1996 года и заняла лишь несколько минут. Диана появилась перед судьями в бриллиантах, преподнесенных Чарлзом в «медовую пору» брака.

После развода Диана посвятила себя благотворительной деятельности и воспитанию детей. Она выступала за запрещение противопехотных мин и, чтобы привлечь внимание мировой общественности к этой проблеме, посетила Боснию. В июне 1997 года она распродала коллекцию своих платьев — вырученные три миллиона долларов были перечислены в различные благотворительные фонды.

Летом 1997 года в газетах появились сенсационные снимки Дианы в объятиях ее нового возлюбленного — сына египетского миллиардера 42-летнего Доди аль-Файеда. Фотографы гонялись за влюбленными, стараясь запечатлеть счастливое лицо принцессы. Диана улыбалась и в тот день, когда последний раз садилась в машину вместе с Доди. 31 августа 1997 года принцесса и ее жених погибли в автокатастрофе.

После трагической гибели Дианы отношения Чарлза и его возлюбленной Камиллы стали еще более открытыми…

Брюс Уиллис и Деми Мур

Брюс Уиллис и Деми Мур — редкий пример звездной пары с солидным стажем счастливой семейной жизни. Но и она не выдержала испытание временем.

Голливудские актеры поженились 21 ноября 1987 года в Лас-Вегасе. Так захотела Деми. Она верила, что дата будет «счастливой», хотя многие предрекали их браку скорый крах. Оба прошли через увлечение алкоголем и наркотиками. Оба были способны влюбиться «мгновенно». Страсть Уиллиса к женщинам была вообще легендарной. До того как они познакомились, жизнь не баловала их.

Настоящее имя Деми Мур — Деметрия Джин Гайнс, она родилась в Розвелле 11 ноября 1962 года. Мать Вирджиния — алкоголичка; отец — неудачливый рекламный агент, по милости которого они каждые полгода меняли место жительства, скрываясь от кредиторов. Деми появилась на свет с врожденным косоглазием. После операций на левом глазе она вынуждена была носить уродливые очки. Посмешище в школе, нелюбимое дитя в семье…

Когда Деми было четырнадцать, она случайно узнала, что ее настоящий отец — некий Чарлз Хэрмон. Он сидел в тюрьме Нью-Мексико за кражу автомобилей. Потрясенная этим открытием и измученная материнским террором, Деми решает сбежать из дома в Нью-Йорк.

В восемнадцать лет она влюбилась в рок-музыканта Фредди Мура, который был старше ее на десять лет. Он бросил жену и ушел к Деми. Через три года брак распался, но актриса почему-то решила оставить себе фамилию мужа, уничтожив при этом… все документы о бывшем супружестве. Она вела себя как независимая женщина — продолжала пить, курить травку и крутить романы.

Но в это же время Деми Мур получает первые роли. Все заработанные деньги она потратила на пластические операции: исправила врожденное косоглазие, убрала жир с бедер и увеличила грудь, подправила

живот.

В 1984 году продюсер Джоэль Шумахер предлагает ей большую роль в «Огнях Святого Эльма», поставив при этом условие: Деми должна избавиться от пристрастия к наркотикам и алкоголю. После лечения в клинике актриса решила серьезно заняться карьерой.

…Зайдя как-то вечером после съемок в студийный бар, Мур встречает там потрясающего незнакомца. Когда парень «отключился», Деми написала на салфетке номер своего телефона и положила ему в карман.

Этим незнакомцем был Брюс Уиллис. Он родился 19 мая 1955 года в Западной Германии, где служил его отец. Вернувшись в Америку, Уиллисы поселились в рабочем городке Пеннз-Гроув, штат Нью-Джерси. Отец работал сварщиком на заводе. В школе Брюс учился плохо, был драчуном. Перепробовав множество профессий (ночного сторожа, водителя-дальнобойщика), Брюс или Бруно, как его звали друзья, приехал в Нью-Йорк. Поступив на курсы актерского мастерства, Уиллис подрабатывал барменом в одном из самых популярных у звезд шоу-бизнеса заведений.

Мелкие и бледные роли в кино, круглосуточное пьянство. Так продолжалось в течение восьми лет. До тех пор, пока в 1985 году, снявшись в пилотной серии «Детективное агентство „Лунный свет“», Брюс мгновенно не стал звездой домашнего экрана. У него появились хорошие деньги и красивые любовницы-актрисы.

Как-то вечером, когда Брюс находился в сильном подпитии, к стойке, у которой он сидел, покачиваясь, подошла роскошная молодая брюнетка и заказала себе сок. Это была его судьба…

После свадьбы Уиллис и Мур разработали специальный план: как сберечь семью. Договорились давать друг другу свободу, чтобы не наскучить, уважать право каждого на личную жизнь, которая должна быть даже у семейного человека. Обсуждать все возникающие проблемы, вместе решать, где сниматься, поддерживать друг друга в трудные минуты, но не надоедать откровенностью…

Деми Мур мечтала о цветах и бриллиантах, но очень умело вела свой домашний очаг. «Конечно, я не нахожу каждый день цветы на окне или подарки под салфеткой, зато он каждый вечер ужинает дома», — говорила она.

В вечной дилемме между страстью и рутиной в первые дни супружества они выбрали второе. В 1988 году Деми родила дочь Румер Гленн.

На вопросы журналистов о том, что делает их союз счастливым, каждый отвечал по-своему. Брюс говорил: «Я всегда считал себя угнетенным. Я рос в клоаке. Там, откуда я пришел, воняло перегаром, матерились рабочие и не было никаких светлых надежд на будущее. Я смог вырваться, выжить и сделать из себя хорошего парня. В основном благодаря Деми — единственной женщине, которую я когда-либо любил. Она смогла вытащить меня из алкоголизма, сделала счастливым мужем, отцом. Она — вся моя жизнь. Потерять ее — значит потерять все».

Творческие карьеры у Мур и Уиллиса складывались очень успешно, а баснословные гонорары и доходы от участия в сети ресторанов «Планета

Голливуд» сделали их одной из самых богатых и влиятельных супружеских пар Голливуда.

Брюс и Деми приобрели виллу в Малибу стоимостью в 3 миллиона долларов, а также 14-комнатную квартиру с видом на Центральный парк в Манхэттене.

Но предметом особой гордости четы было гигантское ранчо, раскинувшееся на 200 гектаров в Хэйли (Айдахо). На ранчо Уиллис перегнал свою коллекцию старинных машин и мотоциклов, завел лошадей. В самом городке супруги скупили почти все дома на главной улице, в том числе кинотеатр и клуб, где Брюс Уиллис выступал со своей рок-группой.

В 1995 году Деми решила отметить сорокалетие мужа. Она, разумеется, заказала огромный торт и свечи. На торжестве присутствовало 250 человек. Праздник обошелся чете в миллион долларов. Супруги пригласили известную телеведущую на откровенный разговор и всенародно объявили: «Мы женаты с 1987 года. У нас три дочери: Румер Гленн (1988), Скаут Ляру (1991), Талула Бэлл (1994). Мы любим друг друга. Мы вместе едим три раза в день, вместе просыпаемся утром и ложимся вечером. И мы храним друг другу верность».

В Нью-Йорке они не отказывались от светских раутов. Супруги отправлялись на них в сопровождении охраны, перед которой стояла необычная, но четкая задача: не дать патрону ввязаться в драку, помешать ему напасть на кого-нибудь. Дело в том, что у Деми были вызывающе короткие юбки и более чем глубокие декольте. Мужчины пожирали глазами ее прелести. Брюса это страшно бесило. При случае он без раздумий лез в драку.

В свою очередь болезненная ревность Деми не раз толкала ее на глупые поступки: подкарауливание мужа в трейлере на съемочной площадке, дежурство за камерой оператора, когда муж снимается в откровенных сценах.

Деми пристально изучала все женские кандидатуры актрис, с которыми Уиллису предстояло сниматься в очередном фильме. И если кто-то из женщин по какой-либо причине заставит ее сомневаться, она делала все возможное, чтобы устранить неугодную кандидатку.

Еще в 1990 году ходили слухи, что Уиллис был так зол на Мур за интимные сцены с Патриком Суэйзи, что явился на съемочную площадку с бейсбольной битой. Но еще более сильные эмоции он испытал, когда в его отсутствие Леонардо Ди Каприо провел ночь в их домике в Малибу.

Позже фотографы засекли Деми в модном ресторане «Атлантик» на Беверли-Хиллз с братом Мадонны, Крисом Чикконе. Примерно в то же время ее видели танцующей «топлесс» в нью-йоркском баре. Муж тогда снимался в Чикаго.

В конце концов, все это не могло не расшатать столь крепкий, как казалось, брак. Деми просто устала от бесконечных похождений своего мужа. Уиллис же кричал, что брал в жены веселую девушку, а не феминистку. Деми, читая в газетах о его похождениях, старалась сдерживаться, убеждала себя, что все наладится, к тому же их дочкам нужна полноценная семья, отец.

Не стоит забывать и о внутрисемейной конкуренции. Еще пару лет назад Мур была самой высокооплачиваемой звездой Голливуда, Брюс, под

стать ей, получал до 16 миллионов за фильм. Однако в последнее время, в отличие от мужа, карьера Деми стала нередко пробуксовывать. Фильмы с ее участием — «Стриптиз», «Судья» и «Солдат Джейн» — расцениваются как неудачи.

…26 октября 2000 года информационные агентства мира сообщили новость: развод Уиллиса и Мур оформлен официально. В качестве причины указывались пресловутые «непримиримые противоречия» между супругами. К этому следует добавить, что одна из самых красивых пар Голливуда распалась еще в 1998 году.

После разрыва с женой Брюс забросил все дела, скрылся с глаз общественности и даже не появился на премьере своего нового фильма. А Деми целую неделю просидела в одиночестве в Хэйли, раздумывая о том, что она все-таки делала не так, а затем… открыла курсы для женщин, переживших крах семьи. «Мы очень любили друг друга… — говорила она на первом занятии. — Но даже самую сумасшедшую любовь очень просто разрушить, особенно если за дело берутся двое. Знаете, я много думала в последнее время и, что скрывать, открыла эти курсы, чтобы помочь не только вам, но и себе самой. Скажу главное: не стоит расставаться с мужчиной, которого любите, даже если вы вдрызг разругались. Если это все же случилось, сожмите волю в кулак и сделайте шаг к примирению — первой. А когда пути назад нет, как у нас с Брюсом, — нужно просто жить дальше».

После развода Мур и Уиллис не порвали отношений, несмотря на то, что Брюсу развод обошелся в 38 миллионов долларов. При встрече они мило общаются. Все-таки у них трое общих детей…

Мик Джаггер и Джерри Холл

Они познакомились случайно на вечеринке. Тогда, в 1976 году, Джерри Холл была еще с Брайеном Фэрри, солистом знаменитой «Рокси мьюзик». Она знала, кто такой Джаггер — «Роллинг стоунз» давно уже стали культовыми фигурами. Но Джерри и представить себе не могла, сколько энергии и эмоций скрывается в легендарном музыканте.

В тот же вечер выяснилось, что Мик может быть совершенно другим. Он читал Джерри свои новые стихи, уверяя, что они посвящены только ей. Это была любовь с первого взгляда. Между ними будто пробежала искра. Через несколько дней Джерри бросила Брайена и уехала в Лондон.

Холл понимала, что они находятся в разных категориях: Джаггер — кумир поколения, от его песен сходило с ума полмира, она — всего лишь начинающая модель родом из Техаса. Пробившись через строй охранников, Джерри подошла к нему после концерта и сказала без обиняков: «Я хочу быть рядом с тобой. Всегда». Мик был не против.

Мик Джаггер (полное имя Майкл Филип Джаггер) родился 26 июля 1943 года в Дартфорде. Школа не представляла никакого интереса для Мика, единственное, что ему нравилось, — это уроки пения. Первые две недели после окончания школы Джаггер наслаждался свободой. «Вся моя жизнь тогда состояла из марихуаны и пива», — вспоминал музыкант.

В девятнадцать лет он вместе с приятелем Китом Ричардсом создал в Лондоне группу «Роллинг стоунз». Слава к ним пришла почти мгновенно.

Мик Джаггер был известен не только как лидер легендарной группы, но и как одна из самых скандальных личностей мира музыки. Беспорядочные любовные связи, эпатажное поведение на сцене, богохульство, игры в сатанизм, алкоголь и наркотики. Мик Джаггер официально был женат, у него подрастали две дочери от разных браков.

Джерри Холл целый год провела вместе с «Роллинг стоунз» на гастролях. Мик разошелся с Бьянкой Перез, и теперь они жили вместе. Все шло прекрасно, пока Джаггер не взялся за старое.

Холл находилась в Париже, когда в одной из газет она увидела фотографию своего возлюбленного в объятиях незнакомой красотки. Джерри впала в истерику. Она так рыдала, что даже не смогла выйти на подиум, и ей пришлось подыскивать замену.

В Лондоне состоялось бурное выяснение отношений. Мик клялся, что эта фотография — всего лишь ловкая подделка. Он был так убедителен, что Джерри поверила ему.

Джаггер не раз обещал подруге оформить их отношения официально. Но каждый раз, когда она пыталась выяснить, когда же именно это произойдет, Мик уводил разговор в сторону.

В марте 1982 года на первых полосах всех европейских газет появилась сенсационная новость: «Джерри Холл бросает Мика Джаггера!!!»

Вернувшись из американского турне, «роллинг» не застал ее дома, зато обнаружил в почтовом ящике подборку английских таблоидов, описывающих подробности «сенсационного» романа Джерри Холл и миллионера Роберта Сэнгстера. Подруга Джаггера утверждала, что она «абсолютно счастлива» и хочет родить ребенка от «этого благородного аристократа».

Закатив сцену ревности, Мик потом заявил Джерри, что только ее хочет видеть хозяйкой своего домашнего очага и матерью своих детей. Они помирились, и Джерри почувствовала себя счастливой.

Дом Джаггера стал преображаться. Появились начищенные зеркала, ковры и занавеси, на стенах — портреты и фотографии в золоченых рамочках.

Мама посоветовала Джерри уговорить Мика присутствовать при родах: «На мужчин это действует очень сильно!» Рождение дочери Элизабет Скарлетт и в самом деле подействовало на Мика очень сильно. Он выглядел счастливым, дал восторженное интервью журналистам, потом, сославшись на неотложные дела, и умчался. Наутро газеты напишут, что «всю ночь Джаггер снимал стресс в веселой компании».

Между тем карьера самой Джерри Холл шла в гору. К концу восьмидесятых она становится ведущей топ-моделью и одной из самых фотографируемых женщин мира. За ней ухаживали самые богатые и влиятельные люди Англии. Но она любила только «роллинга», за что журналисты окрестили ее «Вечной невестой Мика Джаггера». А ведь у них уже родился второй ребенок — сын Джеймс.

В апреле 1990 года очаровательную Холл пригласил на ужин ее давний поклонник граф Эдам Замойски: «Джерри, мне нужно сообщить вам о чем-то очень важном…» Когда подали десерт и граф приступил наконец к самой «важной» части разговора, в ресторан ворвался Мик Джаггер, которому в тот момент полагалось находиться на концерте в Париже.

Потом Джерри вспомнит, что она случайно обмолвилась об этом ужине кому-то из их общих друзей. Это, вероятно, дошло до Мика, он отменил концерт и на частном самолете примчался в Англию. Устроив погром в ресторане, Мик увел Джерри с собой.

Свадьба Джаггера и Холл состоялась 21 ноября 1990 года — через 14 лет после их первой встречи. Мик, большой поклонник Востока, заявил, что свадебная церемония состоится… на острове Бали.

Когда Джерри лежала с небольшими осложнениями после рождения дочери Джорджии, лондонская «Миррор» сообщила, что Мик Джаггер улетел в Таиланд, где неплохо проводит время в обществе итальянской модели Карлы Бруни. Джерри в очередной раз отказалась верить сплетням.

Вернувшись домой, она созвала гостей по случаю рождения дочки, была мила и приветлива, но под конец вечера из-за какого-то пустяка раскричалась на прислугу и при всех расплакалась. Гости пытались утешить Джерри, ведь всем было известно о романе Джаггера и Карлы Бруни.

Джерри Холл решила подать на развод. Она забрала детей и переехала к родителям в Техас. Джерри расторгла все срочные контракты и целыми днями не выходила из дома, отвечая только на звонки адвокатов, которые вели подготовку к разводу. Но через несколько месяцев Холл все же простила Мика.

Лето 1993 года семейство Джаггеров провело на чудесном острове Мустик. Мик был нежен с женой, возился с детьми, задаривал подарками…

Но через четыре года Холл снова начала консультироваться с адвокатами по поводу развода. Джаггер увлекся актрисой Умой Турман и чешской топ-моделью Яной Райлич.

Пытаясь вымолить прощение, Джаггер задобрил жену целым морем цветов и россыпью драгоценных камней. Родители умоляли Джерри не спешить с разводом и подумать о детях. Кстати, дети также пытались помирить маму с папой и делали это с трогательной наивностью. В который раз Холл снова не устояла и простила неверного супруга. «Я не могу помнить что-либо плохое долго», — сказала она. В октябре 1997 года в семействе Джаггеров родился четвертый ребенок, Габриель.

Через несколько месяцев на первых страницах лондонских газет было напечатано фото беременной бразильской топ-модели Моранд, утверждавшей, что отец будущего ребенка — Мик Джаггер. Как оказалось, она говорила правду. Джерри Холл закрывала глаза на неверность распутного «роллинга» в течение 20 лет, но бразильская красотка оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Падкие до сенсаций газетчики ожидали шумного и скандального процесса. Они писали, что этот развод самый дорогой в истории Британии. Мик оценивался в 200 миллионов долларов и обладал роскошными домами в Лондоне, Франции, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и на Карибах.

Пока шел бракоразводный процесс, Джерри хранила молчание. Даже спустя год она так ничего и не сообщила допекавшим ее журналистам. И только приехав в качестве почетной гостьи на Каннский фестиваль, бывшая жена Джаггера позволила себе излить душу.

«Что меня удерживало все эти годы от развода? Вы удивитесь, но это Любовь с большой буквы. Безумная и страстная любовь. Любовь, напоминающая тяжелую неизлечимую болезнь. Я была больна Миком

долгое время. Его живым умом, улыбкой, голосом, его руками, его нежностью. Его личностью. Ничто, никакие лекарства не действовали. Да, я всегда знала, что он был мне неверен, и пыталась убедить себя в том, что это лживые сплетни тех, кто желает нашему союзу зла, или стечение обстоятельств, или просто какие-то несуразные совпадения фактов, неправильно истолкованные репортерами.

…А потом, в один прекрасный день, я вдруг устала лгать сама себе. Понимаете, я люблю читать Уайльда, знаю все его произведения. Однажды я по-новому осмыслила одно из его изречений, которое пробудило меня от долгого сна: „Любовь прощает все преступления, кроме преступления против самой любви".

Конечно, мы останемся с Миком друзьями — у нас дети, общие воспоминания и просто привычка быть вместе…».

Развод Мика и Джерри прошел очень спокойно. Многие утверждают, что в этом заслуга Холл. «Мы не боролись, я просто сказала: „Возьми, что хочешь, и оставь мне, что считаешь нужным". И он постарался оставить мне большее».

Тем временем старшие дети Джаггера и Холл уже вступали во взрослую жизнь. 18-летняя Элизабет Джаггер стала лицом фирмы «Ланком». По контракту она должна рекламировать губную помаду и другую косметику компании вместо Умы Турман.

В сентябре 2003 года еще один отпрыск знаменитой пары, 18-летний Джеймс, приступил к учебе в актерской школе. Родители одобрили его выбор.

Что интересно, сама Джерри Холл стала студенткой Британского открытого университета и начала изучать современное искусство. «Я давно хотела пойти учиться, история современной культуры — это как раз для меня. Старшие дети уже пошли в школу, а младшие — в детский сад, так что теперь у меня появилось свободное время, которое я могу потратить на себя», — говорила она.

Потом Холл решила попробовать свои силы в роли телеведущей. Джерри удивила продюсеров своей программы на канале BBC-3, пригласив в качестве первого гостя студии экс-супруга Мика Джаггера. Тематика передачи «Гуру Джерри Холл» — рассказы о мировых духовных лидерах (гуру) и о знаменитостях, которые следуют их учениям. Основной темой разговора Джерри и Мика стала духовная сторона жизни, а также общение Джаггера с йогами. Отвечая на вопросы ведущей, Джаггер должен был назвать имя греческого бога, с которым он себя ассоциирует. Мик выбрал Дионисия — бога вина и плодородия…

Том Круз и Николь Кидман

Они встретились в декабре 1989 года на съемках фильма «Дни грома». Восходящая звезда Голливуда Том Круз получил карт-бланш в отборе актеров. Решение взять на одну из ролей австралийскую актрису Николь Кидман перевернуло всю его жизнь.

Том Круз был очарован Николь. Вскоре он понял, что должен принести в жертву свой брак с актрисой Мими Роджерс. Датой официального развода считается 9 декабря 1989 года, причина — «непреодолимые противоречия».

Девиз Кидман «Жить, чтобы жить» стал и девизом Тома. Николь — типичная австралийка, веселая, непосредственная, жизнерадостная. Она родилась 20 июня 1967 года в Гонолулу, когда ее отец, будущий врач-психотерапевт, учился в университете. Со временем семья Кидман перебралась в Сидней. В 13 лет рослую Николь пригласили на главную роль в сериале «Вьетнам». Так началась ее кинокарьера…

Круз и Кидман старалась не афишировать свои взаимоотношения. Но весной 1990 года они сделали перерыв в съемках и вылетели на церемонию вручения «Оскара».

На Пасху того же года Том совершил парашютный прыжок со своей матерью и Николь, во время которого поцеловал двух дорогих ему женщин.

Кидман каждый день звонила своей матери в Австралию и рассказывала обо всех перипетиях своего романа. Она говорила, что «Том энергичный, упрямый и необыкновенно обаятельный мужчина с потрясающим чувством юмора». Он не курит и не пьет спиртное. Спит всего пять часов в сутки. Ежедневно два часа занимается на тренажерах. Обожает сидеть за рулем гоночного автомобиля, прыгать с парашютом и пилотировать самолет.

Вскоре Том удивил и восхитил подругу, родственников и друзей покупкой роскошного особняка стоимостью пять миллионов долларов, расположенного в одном из самых дорогих районов тихоокеанского побережья.

После этого Том делает Николь еще один подарок: бриллиантовое кольцо стоимостью в 200 000 долларов, хотя официального объявления помолвки пока не было. Наконец она находит на своей подушке записку: «Моя дорогая Николь, я преследовал тебя, пока сам не попался в твои сети. Я предлагаю тебе руку и сердце». Прочитав это нежное послание, Кидман бросилась к Тому в объятия.

Они отправились в Сидней, чтобы познакомиться с родителяминевесты.

18 декабря 1990 года родители Николь отправились в Америку на празднование Рождества. Через шесть дней самые близкие родственники и гости присутствовали на свадьбе Тома и Николь на курорте в Аспене, Колорадо. Свадьба едва не сорвалась из-за того, что Том по дороге на брачную церемонию превысил скорость и его чуть было не арестовали.

Утром 24 декабря дом заполнили душистые цветы, специально для венчания была построена ивовая беседка, украшенная белыми лилиями и красными розами. Когда солнце клонилось к закату, появилась Николь в белом шелковом платье со шлейфом.

Она присоединилась к жениху, облаченному в черный смокинг. По словам австралийской актрисы Деборы Ли Фернес, «в глазах Тома, Николь и членов их семей блестели слезы радости».

Позднее Том и Николь, очевидно, памятуя о десятках разбитых голливудских браков, договорились никогда не расставаться больше чем на две недели. Оба отказывались от выгодных ролей, если график съемок был слишком плотным. Том даже купил самолет, чтобы летать на съемки к Николь когда захочется. На борту воздушного судна красовалось огромная надпись «Николь».

Интересно, что супруги в огромной усадьбе жили каждый сам по себе. Том мог часами слушать записи Брюса Спрингстина, а Николь бродить

по парку. После свадьбы Круз и Кидман снимаются вместе в «Далеко и надолго». Фильм вышел на экраны одновременно во многих странах мира, поэтому актеры отправились в длительное презентационное турне. В мае 1992 года они приехали на Каннский кинофестиваль, затем посетили Англию и Японию.

Том и Николь продолжали демонстрировать миру, что они безумно любят друг друга. На Рождество 1992 года Николь связалась с американской обсерваторией в Иллинойсе и купила право назвать одну из звезд именем мужа.

Весь мир считал Тома и Николь идеальной парой. Они разделяли взгляды друг друга, успех и деньги. Но одна проблема угнетала их: неутолимое желание иметь ребенка. Том второй раз в своей жизни столкнулся с подобными трудностями. По утверждению Круза, союз с известной голливудской актрисой Мими Роджерс не сложился из-за того, что он не мог стать отцом и подарить жене детей.

В то же время практически каждую неделю в какой-нибудь из газет появлялись сообщения о беременности Николь. «Я очень хочу родить ребенка от Тома и надеюсь, что когда-нибудь это случится. А пока мы возьмем малышей из приюта, и они станут нашими детьми», — заявила Кидман.

Все формальности по усыновлению были улажены в январе 1993 года. Супруги стали родителями девочки, которую назвали Изабелла Джейн Кидман Круз. Том примчался со съемок картины «Фирма» в госпиталь Майами, где родилась малышка. Туда же прилетела и Николь. Она взяла на руки малышку и прослезилась.

Через неделю Круз сказал: «Стать отцом? Самое радостное событие в моей жизни. Изабелла мне дороже всего: карьеры, фильмов, дела. Ребенок и Николь — вот счастье моей жизни».

Его жену также переполняли чувства: «Мы назвали так девочку просто потому, что нам нравится имя. Она перевернула наш мир. Я знаю, что Том будет любящим отцом». В первую же ночь после того, как девочку привезли домой, Том вставал ночью, чтобы покормить дочь.

Когда картина «Фирма» побила все рекорды проката, Изабелле исполнилось 7 месяцев. Несмотря на загруженность работой Круз делал все, чтобы почаще бывать с девочкой. Супругам нравилось вставать рано утром, гулять с ребенком, играть с ним. В прессе появились сообщения о том, что Николь и Том хотят усыновить второго ребенка.

Звездная чета усыновила второго ребенка. Тини Конор Энтони родился 6 февраля 1995 года. Его мать — черная мать-одиночка, проживающая на восточном побережье Америки. Том с восторгом воспринял появление на свет мальчика, он считал, что теперь у него полноценная семья.

В 1999 году в картине Стэнли Кубрика «Широко закрытые глаза» Круз и Кидман играли охладевших друг к другу супругов.

«Мы с Ник привнесли в фильм много интимных деталей, которые Стэнли оценил очень высоко. Но это очень рискованно», — говорил позже Круз. Действительно, после съемок что-то надломилось в отношениях актеров. Николь настояла на том, чтобы на время разъехаться. И тогда Том понял: чтобы не потерять жену, нужно принять неординарное решение.

В фильме «Миссия невыполнима-2» вызвался выполнять опасные трюки без дублера. Когда Николь в Австралии узнала, что на съемках Круз будет штурмовать отвесную скалу, она тут же прилетела.

На вечеринке по случаю премьеры фильма супруги снова были вместе. «Мой муж — очень умный человек, — сказала Кидман репортеру. — К тому же невероятно мужественный. Не знаю, можно ли назвать это секретом семейного счастья… Но я действительно счастлива, что рядом со мной такой человек».

24 декабря 2000 года Круз и Кидман устроили в Голливуде пышный прием по случаю десятилетия собственной свадьбы. Том преподнес жене колье из изумрудов — под цвет зеленых глаз Николь.

Гости говорили, что праздник по размаху напоминал торжественную церемонию вручения «Оскаров». Все были в восторге. И как гром среди ясного неба — через несколько дней появилось сообщение, в которое было трудно поверить: Том и Николь расстаются.

Они устроили пресс-конференцию под названием «Миссия невыполнима!». На вопрос, что разбило столь крепкую семью, Том дал уклончивый ответ: «Работа не оставляет нам возможности быть рядом!»

Истинной причины разрыва Круза и Кидман, по словам известного голливудского юриста, никто и никогда не узнает. Естественно, кроме самих актеров.

В Голливуде говорили, что Николь была беременна, но не от Тома. Он ей этого не простил, и после скандала у миссис Круз случился выкидыш.

Возможно, брак разбила красавица Пенелопа Крус, с которой Том снимался в фильме «Ванильное небо».

Процедура развода заняла десять месяцев. Как известно, состояние Тома Круза и Николь Кидман оценивается приблизительно в 300 миллионов долларов и включает в себя помимо астрономических счетов в банках несколько домов, два личных самолета и уникальные ювелирные изделия.

Спустя несколько часов Том Круз появился перед камерами и признался, что по-прежнему любит Николь Кидман. «Мне кажется, что можно любить человека, несмотря на неприятности, пережитые в прошлом. Это именно то, что я чувствую по отношению к Ник… В нашей жизни были потрясающие мгновения, которые я никогда не забуду», — заявил он.

После развода Николь Кидман почувствовала себя свободной. Теперь она могла выбирать роли по своему усмотрению. Фильм «Мулен Руж» принес ей статус мировой мегазвезды. А за роль в картине «Другие» критики признали ее лучшей англоязычной актрисой.

Прожившим вместе десять лет супругам удалось не только сохранить ровные отношения, но и без скандалов разделить имущество и приемных сына и дочь. Это бывает при разводах звезд очень редко. Том теперь опекает дочь Изабеллу Джейн, а Николь сына Коннора Энтони. Круз даже разрешил бывшей супруге забрать детей на все лето в Австралию, где живут ее родители.

Тед Тернер и Джейн Фонда

В декабре 2000 года на роскошном ужине в канун свадьбы его младшего сына Рида Борегарда, Тед Тернер задумал произнести тост. Он поднялся с бокалом вина, выкрикнул несколько бессвязных слов и вдруг

рухнул. Прямо лицом в тарелку стоявшего перед ним супа из акульих плавников.

Утверждают, что именно этот эпизод поставил точку в ее безуспешных усилиях сохранить брак.

Известие о разводе Тернера и Фонды, преданное гласности 4 января 2001 года, стало главной новостью светской жизни для широкой публики. Те, кто знал Теда и Джейн поближе, изумлялись другому: как долго — целых восемь лет просуществовал этот звездный союз.

Тед сделал себя миллиардером, вырастив из обанкротившейся рекламной фирмы ведущую телекомпанию мира CNN. Еще он был победителем Американской регаты, весельчаком и дамским угодником. Правда, с годами беспечные загулы все чаще сменялись приступами депрессии, от череды романов остались пятеро детей, живших с двумя его бывшими женами, и растущее чувство одиночества. В этот момент в его жизни и появилась Джейн Фонда.

Бунтарка 1960-х, «Джейн-Ханой», не побоявшаяся в разгар войны в Индокитае посетить вражеский Вьетнам, была дочерью знаменитого актера Генри Фонда. За роли в фильмах «Клют» и «Возвращение домой» она получила премии «Оскар». Неувядающее воплощение женской грации и сексуальности — Джейн было уже под пятьдесят, когда она заставила всю Америку заниматься аэробикой. Мать двоих детей, жена и подруга знаменитостей — режиссера Роже Вадима и политика Тома Хэйдена.

Когда в 1989 году сообщала о разводе Джейн Фонды со вторым мужем, калифорнийским конгрессменом Томом Хэйденом. Тед Тернер, глядя на телеэкран, будто бы сказал тогда: «Вот женщина, с которой я хотел бы быть рядом». И вскоре уже показывал невесть как оказавшейся в Атланте Джейн студию своей телекомпании. Через некоторое время они появились вместе на церемонии вручения премии «Оскар».

В их судьбах были печальные параллели. Мать Фонды перерезала себе горло, когда дочери было 12 лет, Тернер в 24 года лишился покончившего с собой отца. Убежденного консерватора и ярую радикалку связывали яркие карьеры, известность и добытое своим трудом богатство. Но главной притягательной силой, конечно, была любовь двух поживших, состоявшихся и стремившихся к покою людей. Тернеру в тот момент было 53, Джейн — 54.

В декабре 1990 года было официально объявлено о помолвке Джейн Фонды и известного телемагната Теда Тернера. Журнал «Пипл» назвал их «могущественной парой года». «Мы оба достаточно самостоятельны в финансовых вопросах, чтобы измерять наши чувства в деньгах, — сказала тогда Фонда. — Когда я поняла, что Тед — тот самый мужчина, которого я давно мечтала встретить, а он признался, что не может жить без меня, мы решили пожениться». Тогда Тед Тернер уже был миллиардером, а состояние Джейн оценивалось в шестьдесят миллионов долларов.

Свадьбу сыграли 21 декабря 1991 года на огромном ранчо Тернера во Флориде. «Тридцать пять лет актерской карьеры, — говорила Джейн журналистам, — стоили мне двух неудавшихся браков. Кинематограф уводит человека от дома и почти не оставляет возможности добиться успеха в семейной жизни. Вот почему, выйдя замуж за Теда, я сказала себе: отныне с актерским прошлым покончено раз и навсегда».

Сразу после свадьбы Джейн объявила, что продает свой дом близ Голливуда и навсегда завершает кинокарьеру, чтобы целиком посвятить себя Теду и семье. До замужества Джейн каждый день тренировалась по два-три часа. Но семейная жизнь с Тедом заставила (по словам самой актрисы) ее образумиться. И Фонда разработала новый, менее интенсивный комплекс упражнений: 25 минут занятий четыре раза в неделю.

После свадьбы друзья не узнавали Тернера. Всегда окруженный женщинами, он сновал из офиса в офис, из одного своего владения в другое, неизменно держа за руку Джейн. Сторонившийся политики, вдруг объявлял, что выдвинет себя в президенты США. Правда, уже на следующий день, проспавшись, Тед мог пообещать вообще удалиться от дел и отправиться в кругосветное путешествие на яхте.

Тернер явно демонстрирует желание получать удовольствие от общения в семейном кругу. Он стал устраивать регулярные поездки с семьей во время отпуска, основал семейный Фонд Тернера, правление которого состоит из Фонды и пяти его детей — все они намерены собираться раз в год и находить средства на цели благотворительности.

Журнал «Тайм» провозгласил Теда Тернера «Человеком 1991 года» — за то, что он сумел «оказать воздействие на динамику мировых событий и превратить телезрителей 150 стран в очевидцев и свидетелей свершающейся на их глазах истории».

Однажды Тед спросил Джейн, какими она хочет видеть их отношения. Она долго думала, прежде чем ответить. Наконец сказала: «Я хочу хорошо себя чувствовать». Прошло не так много времени, и 32-летний сын Тернера во всеуслышание заявил, что новая жена отца сплотила всю семью. Джейн Фонде это действительно удалось. У Тернера пятеро взрослых детей. И все могли в любой момент обратиться к Джейн за помощью.

Такая яркая и талантливая личность, как Джейн, не могла целиком погрузиться только в семейные проблемы. Вместе с Тедом и его детьми она вошла в правление Фонда Тернера. Теперь вдвоем с мужем они занимались демографическими вопросами и проблемами охраны окружающей среды. Джейн стали приглашать на различные Международные конференции ООН. Поездки на эти форумы стали единственным временем, когда Джейн была вдали от Теда. Все остальные дни они не расставались.

Под влиянием жены в 1997 году Тед пообещал ежегодно жертвовать ООН 100 миллионов долларов из своих доходов на решение гуманитарных проблем. «Женившись на Джейн, я женился на всем движении в защиту женских прав», — однажды пошутил Тернер.

Для полного счастья им не хватало только общего ребенка. Когда Джейн было 54 года, они поехали в Рим к знаменитому специалисту по искусственному оплодотворению, который попытался помочь супругам. И хотя малыш не был генетическим ребенком Фонды, она надеялась выносить и родить его как собственного. К сожалению, произошел выкидыш. Тогда Тед и Джейн удочерили девочку из очень бедной семьи.

Тернер организовал Игры доброй воли в Москве и в Сиэтле. В 1994 году они всей семьей приезжали в Россию. Джейн с детьми гуляла по

Санкт-Петербургу, пыталась смотреть на достопримечательности глазами своих детей.

Тернер изо всех сил подражал отцу. Он пил, но это ему плохо удавалось («две рюмки, и Тед готов», — говаривал его друг Родди). С возрастом Тед все хуже переносил алкоголь, быстро напивался и буянил на раутах, что заметно огорчало Джейн. Пошли разговоры о том, что хозяин CNN все чаще наведывается в Нью-Йорк к своей бывшей подружке французской актрисе Фредерик Арагон. И не только к ней.

Еще в конце 1998 года Фонда будто бы уже собирала чемоданы. Угроза разрыва тогда заставила Теда покаяться и признать ошибки. Они вместе отправились к психоаналитикам. Во время консультации Тернер винился и даже всплакнул. Но уже через пару дней, выпив лишнего, публично заявил: «Джейн хочет, чтобы я стал ангелом. А я не хочу».

Они разошлись не сразу, пытаясь сберечь союз, принесший столько счастья. «Несмотря на продолжительный успешный брак, обстоятельства складываются так, что в данный момент у каждого из нас должна быть личная жизнь. Поэтому мы решили жить отдельно», — говорилось в их совместном заявлении. Тем не менее год спустя Джейн подала на развод и получила его от Теда в месячный срок. В ее заявлении были горькие слова о том, что брак с Тернером «безвозвратно разрушен и нет никакой надежды на воссоединение». Медиамагнат, известный своим презрением к религии, был более откровенен. Он назвал «шокирующим» стремление Джейн Фонды стать примерной христианкой.

Объясняя мотивы расставания, она не сделала и намека на супружескую неверность. Хотя близкие утверждают, что история с Фредерик Арагон, которая моложе Джейн на 12 лет, вызывала у нее мучительную ревность. Фонда просто сказала, что хотела бы проводить больше времени в Атланте со своей дочерью Ванессой. Друзья бывшей семьи оценили ее деликатность.

По условиям брачного контракта, ей полагается по 1 миллиону долларов за каждый проведенный с Тернером год плюс небольшой пакет акций его компании. Это символическая сумма на фоне их личных состояний (богатство Тернера оценивается в 6,9 миллиарда долларов, Фонда заработала своей аэробикой не меньше сотни миллионов).

После десяти лет счастливого супружества Фонда и Тернер остались близкими друзьями и намереваются сохранить и впредь теплые отношения. А неукротимая Джейн нашла себе новое дело — засела за мемуары. «В своей книге я пытаюсь доказать, что развод совсем не обязательно становится крахом в жизни женщины», — сказала актриса. Она сделала еще одно откровенное заявление: «Выяснилось, что мужчины не так и важны для меня. Уж лучше быть одной!»

Алек Болдуин и Ким Бэсингер

Когда-то журнал «Пипл» назвал эту пару самой красивой в Голливуде. Им завидовали, ими восхищались. И они действительно были счастливы вместе, ведь их соединили большая любовь и безумная страсть.

Алек Болдуин и Ким Бэсингер сблизились в 1991 году, на съемках комедии «Привычка жениться». К тому времени они уже были звездами. Ким — после успеха «$9\,^1/_2$ недель», Алек — после комедии «Замужем за мафией» и «Охоты за Красным Октябрем». Хотя Болдуин стал

знаменитостью еще до прихода в кино — на Бродвее — и даже удостоился «Всемирной театральной премии-86». В 1991-м он был признан лучшим театральным актером года и получил «Эмми» за роль в телесериале «Трамвай „Желание“».

Александр Рей Болдуин родился в 1958 году. Отец его был учителем в Нью-Йорке, а мать домохозяйкой, полностью посвятившей себя воспитанию шестерых детей. Алек поступил на политологический факультет университета имени Вашингтона. Чтобы платить за свое обучение, он играл небольшие роли в сериалах. Его заметили, и уже в середине 1980-х красавец Болдуин становится известным актером театра и кино.

Что касается личной жизни, то Алек не отличался постоянством. Его имя связывали с именами Мишель Пфайффер, Синди Гибб, Дженис Тернер. С Дженис он даже обручился, но до свадьбы дело не дошло.

В Голливуде Болдуина считали профессионалом высокого класса, он был всегда пунктуален и дружелюбен. Алек сразу же стал любимцем всей съемочной группы фильма «Привычка жениться».

Но все изменилось, когда появилась Ким Бэсингер, за которой укрепилась репутация капризной, взбалмошной, скандальной звезды, работать с которой очень трудно.

Она родилась в 1953 году в городе Афины штата Джорджия. Ее отец, президент собственной финансовой компании, был прекрасным музыкантом. Мать — в молодости фигурантка водного шоу. В восемнадцать лет Ким начала участвовать в конкурсах красоты. Пути-дороги привели ее в Нью-Йорк, где Бэсингер работала в рекламе, манекенщицей, фотомоделью. Через четыре года она все бросила и уехала покорять Голливуд…

В 1980 году Ким вышла замуж за голливудского визажиста Рона Бриттона. Он был старше ее на шестнадцать лет, ревновал и устраивал скандалы. Брак потерпел фиаско. При разводе Бриттон потребовал от Ким выплаты алиментов в размере 12 тысяч долларов в месяц.

Бэсингер говорила, что больше не доверится ни одному мужчине. «Я никогда не считала себя сексуальной… и вообще я неженственна» — так оценивала себя женщина, которую весь мир считал секс-символом.

Алек Болдуин влюбился в Ким с первого взгляда. Они договорились вместе поужинать, и началось… Спокойный Алек превратился в такую же капризную звезду, начал скандалить, швыряться стульями, орать, а один раз в бешенстве даже разбил кинокамеру. Переехав в дом своей возлюбленной в Вудланд-Хиллз, пунктуальный Болдуин стал опаздывать на съемки. Спустя месяц влюбленные заявили перепуганным продюсерам, что уезжают на отдых в Бразилию. Только угроза большого штрафа за каждый день простоя отрезвила обоих, и поездка была отложена.

Вопреки всем прогнозам голливудской общественности Болдуин и Бэсингер не расстались сразу после окончания съемок фильма «Привычка жениться». На церемонии вручения «Оскаров» они вместе раздавали награды за лучшую музыку. А когда Ким отправилась в Сан-Франциско на съемки, Алек нанял самолет, который пролетел над съемочной площадкой, увлекая за собой транспарант с надписью: «Я люблю тебя, Ким!»

Они обвенчались на пляже Лонг-Айленд в конце лета 1993 года. Фоторепортерам вход был запрещен, но один снимок удалось сделать с

вертолета: Ким спускается по деревянным ступенькам на пляж, где ее ждет жених. «Я люблю тебя больше всех на свете, кроме Бога», — сказал Алек ей после венчания. Ким была женщиной его мечты.

Новобрачная заметила: «Алек разбудил меня от глубокого сна. Я чувствую в нем присутствие пяти мужчин одновременно». Выйдя замуж за Алека, невероятно застенчивая Ким стала ярче и сексуальнее. Правда же состоит в том, что, по словам самой Бэсингер, «рядом с Алеком и бревно расцветет и даст плоды». Такая мощная мужская энергия заключена в этом человеке.

Бэсингер — истая активистка общества защиты животных. В ее доме живут собаки и кошки, а когда-то были даже волк и дикий неоновый кот.

Пара Болдуин — Бэсингер курсировала между Нью-Йорком и Лос-Анджелесом. В Манхэттене они проживали в 12-комнатных апартаментах с видом на прекрасный парк, а в Голливуде у них была вилла с садом, бассейном и 12 собаками.

Говорили, что Ким стала спокойнее и уравновешеннее. Вероятно, она просто обрела уверенность, которой ей всегда так не хватало.

Как-то раз Болдуина среди ночи разбудили рыдания жены: Ким вдруг стало обидно, что ей так и не удалось окончить колледж. Ее могло довести до слез все что угодно… В людных местах Ким охватывала настоящая паника, и каждый раз Алек чувствовал, что у него самого вот-вот выступят слезы, когда прижимал к себе испуганную Ким… Это началось еще в детстве. Когда учителя просили девочку отвечать громко, она бледнела и тряслась от ужаса. По словам Ким, она безумно боялась окружающего мира.

В 1995 году у Бэсингер и Болдуина появилась дочь Айрленд Элис. Рискуя красотой, здоровьем и карьерой, Ким в 42 года решилась родить ребенка. Беременность проходила тяжело, первые полгода Ким страдала от сильного токсикоза. Роды были трудные, и ей пришлось решиться на кесарево сечение.

«Рождение Айрленд самое прекрасное, что было, есть и будет у меня в жизни, — говорила позже Ким. — Дети меняют человека. Теперь у меня нет времени комплексовать. Теперь я четко понимаю, что важно, а что нет… Айрленд растет очень здоровым ребенком. В свои полтора года она уже попробовала все овощи, какие только существуют на Земле. Но если ей захочется мяса, я не буду возражать. Я помню себя в детстве — мне было ужасно обидно, когда мне что-то запрещали. Дети должны иметь право принимать собственные решения».

После рождения дочери Алек продолжал сниматься в кино, Ким же на три года оставила карьеру. Она не доверяла няням, боялась оставить девочку даже на минуту, потакала всем ее капризам. Позже, отправляясь на Черный континент сниматься в картине «Мне снится Африка», актриса решилась взяла девочку с собой, хотя это было небезопасно.

Алек поначалу был по-настоящему счастлив, но потом его отношение к ребенку резко изменилось: он стал банально, как многие мужчины, ревновать жену к дочери, его раздражало, что все внимание Ким поглощает младенец. В одном телевизионном шоу он пошутил, что разводится с Ким, так как она его разлюбила и занимается только одной

особой женского пола — лысой полуторагодовалой девочкой!

Супруги признавали, что по-разному смотрят на некоторые вещи. Болдуин — человек рациональный, честолюбивый, активный, умеющий добиваться своего… Бэсингер несколько пассивна, замкнута, капризна, ей свойственны частые перепады настроения. Но ведь недаром говорят: противоположности сходятся…

Алеку нравилось даже то, что в жизни Ким вовсе не похожа на секс-символа. Актриса не пользовалась косметикой. Единственное ювелирное украшение — золотые сережки с изображением эмблемы «Бэтмена». Ее одежда проста и подчеркнуто небрежна. Джинсы, белая футболка, черное пальто и спортивные туфли. Эта манера одеваться с легкой руки Алека Болдуина получила название «стиль Мао».

На вопросы журналистов о том, как ему удается сохранять спокойствие рядом со взбалмошной Ким, ее муж отвечал: «В браке вам нужна энергия, чтобы понять другого и быть с ним терпеливым. Часто люди отказываются от брака, потому что не хотят эмоционального риска, боятся боли. Но если вы собираетесь без этого обойтись, женитесь на тех, кто в коме».

Надо сказать, что Алек уже давно подумывал о политической карьере. Он вступил в демократическую партию и всерьез рассчитывал в скором времени сесть в кресло сенатора.

Перед президентскими выборами 2000 года Ким Бэсингер в интервью немецкому журналу заявила, что ее муж покинет Штаты, если президентское кресло займет Джордж Буш-младший. Это интервью стало сенсацией, как и победа Буша на выборах. Конечно, демократ Болдуин, друг Билла Клинтона и Альберта Гора, Буша терпеть не мог, но вот уехать из страны он вряд ли бы решился. Он заявил, что в первый раз слышит о таком обещании и что никакого интервью Ким не давала.

12 января 2001 года Бэсингер подала заявление на развод в Верховный суд Лос-Анджелеса. Причиной развода назвала «непримиримые противоречия». В чем они заключались — загадка. «Все это очень грустно, — сказал отец Ким. — Настроение у всех такое, будто в семье кто-то умер. Конечно, и для моей дочери, и для Алека предстоящий развод — тяжелая травма… Ведь они прожили вместе десять лет. Хотя иногда казалось, что, сидя рядом на диване, эти двое в то же время находятся на разных планетах»…

Болдуин уехал в Нью-Йорк и с головой окунулся в работу. Ким осталась в Лос-Анджелесе вместе с дочкой и работать не могла. По словам ее ближайшей подруги, она ужасно переживала, что выступила инициатором развода, полагая, что Алек сам бы этого не сделал. Болдуин тяжело переживал развод с женой и во всем винил только себя… Увы, еще одна голливудская сказка закончилась печально.

Филипп Киркоров и Алла Пугачева

22 ноября 1993 года Филипп Киркоров пришел по приглашению певца Александра Буйнова на его сольный концерт. Когда гости уже начали расходиться с последовавшего за шоу банкета, он подошел к звезде российской эстрады Алле Пугачевой. Состоявшийся тогда между ними диалог супруги потом воспроизводили дословно.

Киркоров: Я вас люблю…
Пугачева: Любишь — женись!
Киркоров: Когда?
Пугачева: 13 января.
Киркоров: Заметано!
Пугачева (оборачиваясь к стоящим рядом гостям): Все слышали?!

13 декабря 1993 года в квартиру Аллы Пугачевой на Тверской доставили огромный букет из 113 роз. Хотя 113 — любимое число Аллы Борисовны, она не восприняла Филиппа всерьез, ее такой поступок Киркорова только позабавил. На следующий день в ее доме появился еще один букет, в котором было на два цветка больше. Посылая цветы, Филипп Киркоров всем говорил, что ровно через месяц состоится его помолвка с Пугачевой. Большинство людей отнеслись к этому скептически.

Все последующие дни Алле Борисовне оставалось только удивляться настойчивости молодого поклонника: розы Филипп присылал регулярно, с завидным постоянством. Цветы Пугачева принимала, а вот словам о помолвке верить не собиралась.

Но 13 января в 11 утра на пороге уже стоял жених с неизменным букетом роз и коробочкой с кольцом в руке. «Ой, а кольцо-то зачем? Ведь у нас только помолвка!» — попыталась возразить Пугачева.

Газеты сообщали: «Алла Пугачева вместе с Филиппом Киркоровым проехали через город в золоченой карете, запряженной тремя лошадьми».

Пугачева и Киркоров пересекли Красную площадь, переехали Москву-реку и остановили коней перед рестораном «У бабушки», где и отмечалась помолвка.

Филипп Киркоров: «Все наши друзья, знакомые, коллеги и мои друзья детства не удивились, что так произошло. Они лишь радовались тому, что мне ответили взаимностью. Никто даже не подумал, что в этом заложена какая-то корысть, расчет. Все знали, что я безумно Аллу люблю, обожаю, я поставил ее на пьедестал в своей жизни. С этого пьедестала я стряхивал пылинки, обдувал его и готов на все, чтобы эту женщину завоевать и сделать ее счастливой».

Филипп Киркоров родился 30 апреля 1967 года в Варне. Его отец, Бедрос Киркоров, работал в оркестрах Леонида Утесова и Эдди Рознера. Мать, Виктория Марковна, была служащей. Впоследствии она стала сопровождать мужа в поездках и даже выступала в роли ведущей концертов.

Когда Филиппу исполнилось пять лет, родители стали брать его на гастроли. Через три года после этого он впервые увидел на сцене свою будущую супругу, которая уже тогда произвела на Филиппа неизгладимое впечатление.

В детстве Киркоров много болел, и родители повезли его к Ванге. Прорицательница сказала: «С мальчиком все в порядке, он здоров и всех переживет. Я вижу вашего сына на высокой горе, в руках у него металлическая палка, и он ею машет. Первая женщина, которую он увидит, когда приедете домой, станет его женой». Родители при всем авторитете Ванги довольно скептически отнеслись к ее предсказанию. В то время в Болгарии проходил конкурс «Золотой Орфей», в нем участвовала Алла Пугачева. Когда Филипп вышел из забытья, родители включили ему

телевизор. И первой женщиной, которую он увидел, была Алла Пугачева, конкурсантка «Золотого Орфея».

Потом Киркоров окончил Музыкальное училище имени Гнесиных. Он поклонялся Пугачевой, знал наизусть весь ее репертуар и постоянно исполнял ее песни. Он знал биографию певицы во всех подробностях.

Алла Пугачева родилась 15 апреля 1949 года в Москве. Мать — Одегова Зинаида Архиповна. Отец — Пугачев Борис Михайлович. Музыкой увлеклась с детства, петь начала еще в школе. Окончила дирижерско-хоровое отделение Московского государственного музыкального училища им. Ипполитова-Иванова. Стала широко известной после победы на фестивале «Золотой Орфей» с песней «Арлекино» в 1975 году.

Пугачева — обладательница уникальной коллекции званий, призов, наград. Не раз была замужем. От брака с Орбакасом в 1971 году родилась дочь Кристина.

Алла Пугачева познакомилась с Филиппом, когда ему было 11 лет. Популярной певице его представил Бедрос Киркоров, с которым она тогда работала в одной концертной организации.

В мае 1988 года Алла Пугачева пригласила Филиппа в свой Театр песни. Произошло это после триумфального выступления на концерте «Вернисаж Ильи Резника». Видимо, в тот день Киркоров сумел покорить не только публику, но и Пугачеву.

В стенах театра Филипп называл будущую супругу «тетей Аллой». Пугачева поначалу опекала молодого певца, но вскоре ей это надоело, и она стала избегать его. После нескольких конфликтов с Пугачевой Филипп заявил, что способен и сам сделать карьеру, и ушел из театра, основав собственный театр песни.

Несколько лет они не встречались. Если один участвовал в концерте — другой от него отказывался. Пугачева снова увидела поющего Киркорова только в 1993-м, в израильском ресторане, где он выступил по просьбе друзей. Алла прислала Филиппу букет, он после выступления подошел к ней.

В следующем сборном концерте они уже выступали вместе, а к концу года Киркоров вновь получил приглашение выступить в «Рождественских встречах».

15 марта 1994 они поженились. В это время Филипп давал концерт в зале «Октябрьский». Идея зарегистрировать брак именно в Петербурге родилась, можно сказать, спонтанно, после первого концерта Филиппа в ночь с субботы на воскресенье в артистическом кафе «Кэт». У сопровождавшей его Аллы Пугачевой не было с собой даже паспорта. Но эта преграда была быстро устранена: паспорт ближайшим поездом из Москвы передала домработница.

Утром из Москвы приехал отец Филиппа — известный певец Бедрос Киркоров. Мама артиста находилась в больнице в Москве, однако в телефонных разговорах она благословила этот союз.

Брак зарегистрировал мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак. Дочь Пугачевой Кристина узнала о маминой свадьбе только из программы новостей.

В 12.05 началась церемония, минут через десять мэр вручил теперь уже мужу и жене их паспорта. Филипп был строгим и возвышенным, Алла не скрывала слез счастья.

В 12.45 брачный кортеж выехал в направлении ресторана «Белла Леоне». Там гости собрались за столом. И затем в течение двух часов не прекращались возгласы: «Горько!», тосты.

Вечером в «Октябрьском» Филипп дал, возможно, свой лучший концерт в жизни, а Алла была самым потрясающим зрителем.

«Мой муж — настоящий мужчина, рыцарь, — говорила в конце 1997 года Алла Пугачева. — Знаете, например, что во время тура не я Филиппа поддерживала, а он меня? Звонил без конца, слова нужные находил, боялся, чтобы я не заскучала одна… Вдруг к сорока восьми годам я поняла, что стала намного мудрее. Филипп, как глоток свежего воздуха, чистой души человек. А что может быть интереснее ребенка рядом с тобой? Я не о разнице в возрасте — надеюсь, вы понимаете. У Филиппа искренность детская, поэтому он и вспылить может.

Он все сам понимает, только чуть позже — когда успокаивается. Телец, настоящий Телец. У меня и внук такой же. Поэтому мне и интересно — и с Филиппом, и с Никитой. При этом не считаю себя ослепленной любовью женой или бабушкой, смотрю на близких весьма критически, вижу их недостатки. Мягко стараюсь поправить.

Я действительно становлюсь другой. Прежде ведь мало с кем искренне общалась, постоянно держала образ, никто не знал, какая я».

Пугачева считает, что помогла Филиппу тем, что не дала ему возможности совсем испортиться и внутренне, и внешне: «Главное — надо было направить в правильное русло то яркое и хорошее, что в нем было. Не бояться быть блестящим, лучезарным, отказаться от фонограммного пения… Он замечательно стал петь. Для него на первом месте только сцена, и больше ничего. Все туда — деньги, костюмы, талант, переживания, веселье. У него нет другого места, он весь там. Слава богу, Филипп доказал, что имеет право существовать в таком образе».

В 2001 году он приобрел чудо-автомобиль «Hummer». Салон его был разделен на три части — для водителя, для охраны и пассажиров. Пара телевизоров, видеомагнитофон, спутниковый телефон, два бара с напитками, стереосистема. Филипп также заказал лазерную цветомузыкальную установку. Длина автомобиля — тринадцать метров!

Вскоре Киркорову пришлось извиняться перед всеми, кто прогуливался по Новому Арбату в то время, когда «Hummer», перегородив почти весь тротуар, стоял у клуба «Мираж». Потом возникли и другие проблемы: монстр не смог вписаться в поворот по дороге на дачу, и пришлось слегка переделать въезд…

Знаменитые супруги охотно пели дуэтами с другими звездами эстрады: Пугачева записала несколько дуэтов с Максимом Галкиным, Киркоров — с Машей Распутиной. Кроме того, вокруг семьи Пугачевой — Киркорова постоянно возникали слухи и скандалы «нетворческого» характера.

Последний был связан с финансовым неуспехом продюсируемого Киркоровым мюзикла «Чикаго». От проекта осталось много долгов. Самой Пугачевой пришлось установить режим строгой экономии. Дело в том, что

Киркоров убедил ее и Орбакайте вложить приличные суммы в постановку мюзикла «Чикаго», и это серьезно подорвало благосостояние семьи, поскольку уже через несколько месяцев стало ясно, что «Чикаго» себя не окупает. Пугачева объяснила мужу, что так серьезные коммерческие вопросы не решаются, и сразу по возвращении в Москву Киркоров поехал в Америку улаживать финансовые вопросы с хозяевами мюзикла. Поскольку мюзикл является точной копией американского «Чикаго», Киркоров, кроме обычных накладных расходов, вынужден платить авторские отчисления.

Когда Пугачева узнала о безуспешной поездке, она устроила мужу грандиозный скандал. Она поставила Киркорову ультиматум, заявив, что тот обязан исправить положение любыми путями и рассчитаться с кредиторами, не эксплуатируя при этом ее авторитет.

В преддверии десятой годовщины свадьбы и помолвки певец сделал несколько памятных подарков для супруги: заказал у модельера Шарова знаменитые куртки с надписями «Алла» и «Филя», купил котенка породы донской сфинкс (Пугачева давно мечтала о таком) и записал новую песню «Маленькая моя». Песня повествует о том, как приятно и почетно быть мужем такой великой женщины. Ради Аллы Борисовны Филипп даже изменил прическу: коротко постригся, хотя расставаться с длинными волосами долго не хотел.

Главным подарком для пары, конечно, стала поздравительная телеграмма от президента России.

Антонио Бандерас и Мелани Гриффит

Его появление в Голливуде в 1992 году некоторые кинокритики сравнивают с вторжением в Америку испанских конкистадоров. Столь стремительно, как испанец Антонио Бандерас, редко кто покорял столицу кинематографа.

Он родился в 1960 году в Малаге. Семья была скромного достатка: отец Хосе — полицейский, мать, дона Ана, — учительница. В четырнадцать лет Антонио устроился на работу в местный театр. Закончив в 1980 году Национальную школу драматического искусства, он уехал из тихой Малаги в Мадрид.

Бандерас работал официантом, продавцом, бесплатно участвовал в экспериментальных постановках. Наконец его приняли в труппу Национального театра Испании. Здесь он играл все, что предлагали, — от классики до Брехта и американской драмы. В 1982 году после спектакля за кулисы к Антонио заглянул молодой режиссер Педро Альмодовар. Так было положено начало многолетнему сотрудничеству, благодаря которому оба стали звездами мирового кино.

Бандерас уже имел славу донжуана, когда к нему пришла настоящая любовь. Ее звали Ана Леса, она была актрисой. Антонио дарил ей цветы, писал стихи и даже сочинял песни. К радости родителей, они вскоре поженились.

В 1988 году фильм Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва» был удостоен чести открывать фестиваль в Каннах. Бандерас сразу стал национальным героем, хотя он сыграл небольшую роль. Картина получила «Оскара», и на церемонии вручения премии Антонио познакомили с Мелани Гриффит, которую раньше он видел только в кино. «На ней было белое платье с жемчугом. Почему-то это отпечаталось в памяти. Но она

прошла дальше, а я стал опять глазеть на других звезд. Странное, странное было чувство».

Прошел год. Американский режиссер Глимчер пригласил Бандераса на пробы для картины «Короли мамбо» о братьях-музыкантах с Кубы. Антонио тут же нанял репетитора, чтобы поставить английское произношение.

Он с удовольствием снимался в Америке, с каждым днем все больше влюбляясь в эту страну. И чем успешнее складывалась его карьера в Голливуде, тем больше менялась его жизнь. Сначала Ана Леса повсюду следовала за ним, но один проект сменялся другим, и скоро ей надоела кочевая жизнь. К тому же Америка девушке совсем не нравилась, и она вернулась домой.

Бандерасу предстояло сниматься в фильме «Двое — это слишком» вместе с Мелани Гриффит. «Я с нетерпением ждал новой встречи», — говорил позже Бандерас, подчеркивая, что в течение съемок их отношения с актрисой оставались платоническими.

В 1995 году карьера 38-летней Гриффит шла на убыль, а самое главное — Мелани была уверена, что многочисленные сплетни о ее бурной жизни помешают Бандерасу относиться к ней серьезно. Но горячий испанец сразу влюбился в свою партнершу.

Мелани родилась в актерской семье Питера Гриффита и Типпи Хедрен. Она начала зарабатывать деньги буквально с пеленок, появившись на телеэкранах в рекламе детских товаров в возрасте девяти месяцев. В Голливуде Мелани дебютировала еще подростком. За бьющую через край сексуальность ее прозвали Лолитой.

Первый муж актрисы, Дон Джонсон, любил разгульную жизнь. Второй супруг, Стивен Бауэр, тоже оказался большим любителем наркотиков и алкоголя. Многие в Голливуде прочили конец актерской карьере Гриффит. Неудачи она переживала тяжело — алкоголь, наркотики, нервные срывы…

Однажды актриса едва не попала под машину. После этого чудесного спасения она начала новую жизнь: прошла курс лечения, родила сына Александра. Бауэр же не захотел избавиться от наркотиков, и супруги расстались.

Тогда Гриффит вспомнила о своем первом муже Джонсоне. Они возобновили отношения. Мелани произвела на свет дочь Дакоту. Но Дон не остепенился, он по-прежнему уходил в загулы, изменял жене, а дома устраивал безобразные скандалы. Джонсон не был создан для тихой семейной жизни.

Мелани считает, что ей удалось преодолеть свой творческий и личный кризис только благодаря тому, что она встретила Антонио.

Во время съемок «Двое — это слишком» Дон Джонсон навещал жену, а к Антонио приезжала Ана. Бандерас надеялся, что их с Мелани взаимное влечение пройдет, когда фильм будет закончен. «Но этого не произошло. После съемок мы часто перезванивались, потом опять встретились, и вот тут я понял, что по-настоящему влюблен». Об их романе так быстро распространились слухи, что многие посчитали это рекламной уловкой для создания ажиотажа вокруг «Двое — это слишком».

Устав от сплетен, они предстали перед камерами на вручении наград за лучшие видеофильмы в июне 1995 года. «Именно в тот день мы решили, что пора расставить все по местам, иначе пресса с ее домыслами превратит нашу жизнь в полный кошмар», — говорил Бандерас. Они вместе появились на публике, держались за руки и все время целовались.

Фильм «Убийцы» с участием Бандераса снимался в Сиэтле. Как-то в выходные, когда Антонио с Мелани спали вместе, раздался стук в дверь. На пороге стояла Ана — сама обида и гнев. Она умоляла мужа не зачеркивать прожитых вместе лет, говорила, что их связывают кровные узы, что ничего у него с Мелани быть не может. Она умоляла Антонио вернуться в лоно семьи.

Получив выговор за бестактный визит, Ана не собиралась сдаваться. Она заявила испанским журналистам, что ни за что не даст развода. Как раз в это время Бандерас собирался приехать в Испанию и познакомить своих родителей с Мелани. Ему хотелось получить их благословение.

Родственники Бандераса едва поздоровались с Мелани, давая ей понять, что она здесь чужая. Антонио был взбешен таким холодным приемом и поклялся, что не бросит Мелани.

Конечно, он понимал, что скандал вокруг его личной жизни очень тревожит продюсеров. Многое зависело от «Десперадо», первого голливудского фильма с Бандерасом в главной роли. К счастью, картина имела коммерческий успех.

А потом состоялся развод Бандераса с Аной. Отныне свое будущее он связывал с Голливудом и Мелани Гриффит.

Следующая роль Бандераса — Че Гевара в экранизации рок-оперы «Эвита». Антонио встречается на съемочной площадке со своей давней почитательницей Мадонной. Ревнивая Гриффит ни на шаг не отходила от возлюбленного.

В мае 1996 года в Лондоне Антонио и Мелани тихо поженились. Церемония заняла всего 15 минут. А через четыре месяца у них уже родилась дочка Стелла дель Кармен. Несмотря на то что у Гриффит это были третьи роды, ее муж очень волновался.

Бандерас купил дом на берегу Средиземного моря в Марбелье, хотя большую часть времени супруги по-прежнему проводили в Лос-Анджелесе. У них появилась квартира и в Мадриде, где со звездной четой обедал глава правительства Испании Фелипе Гонсалес.

Увы, тихой семейной жизни не получилось. Подробности личной жизни Мелани и Антонио постоянно обсуждались в средствах массовой информации. И хотя Бандерас не раз опровергал слухи о многочисленных романах, которые ему приписывали (особенно роман с Мадонной), испанцу не верили.

В первые годы супружества журналисты изображали их союз в духе трагедии Шекспира. Причем в роли Отелло выступала Мелани, а в роли невинной Дездемоны — Антонио. Любящий супруг только и делал, что клялся жене в вечной любви и отговаривал ее от пластических операций, уверяя, что и без хирургического вмешательства она для него лучше всех.

А потом вдруг роли поменялись. Теперь Бандерас, не принимая во внимание хрупкую психику жены, доводит ее до реабилитационных клиник.

Мелани, фактически пожертвовавшая карьерой ради семьи, позволила себе сняться в фильме «Заговор», а муж тут же приревновал ее к Тому Бернджеру, партнеру по картине, закатил скандал и ушел из дома. И все это творилось на глазах их 7-летней дочери Стеллы!

Мелани приходится быть настороже, ведь Бандераса не зря прозвали в Голливуде «латинским любовником». Антонио же в интервью сравнивает жену с «феррари» — «это чудесная машина, она быстрая, очень дорогая и легкая в управлении».

Антонио Бандерас придерживается в браке консервативных взглядов и гордится тем, что он преданный муж и превосходный отец.

Самым важным для себя супруги считают правильное воспитание детей. Оба сознают опасность того, что их отпрыскам приходится расти в мире, далеком от реальной жизни. Поэтому своих детей они стараются брать в поездки по миру.

Антонио и в жизни, и на экране человек очень страстный, взрывной. Иногда это приводит к непредсказуемым последствиям. Что их с Мелани действительно держит вместе, несмотря ни на что, — так это настоящая страсть.

Но не боится ли он, что в один прекрасный день страсть пройдет? «Я об этом не думаю, предпочитаю наслаждаться сегодняшним днем, а не тревожиться по поводу завтрашнего, — отвечает Бандерас. — Конечно, я осознаю, что у меня есть определенные обязанности перед Мелани и перед нашей дочерью, которую я обожаю, но кто может предугадать, как сложится жизнь через пять — десять лет? Тем не менее я просто уверен, что мы останемся вместе, что бы ни случилось.

С первой встречи мы почувствовали сильное физическое влечение друг к другу. Потом наши отношения развивались и углублялись, страсть осталась, но появилась еще и нежная привязанность. Самая интересная штука в браке — это суметь сохранить свою страсть к партнеру. С этой проблемой сталкиваются все супружеские пары. Накал страстей постепенно ослабевает. Но если вы хотите поддерживать свои отношения в браке на должном уровне, вы должны позаботиться о том, чтобы сделать свою интимную жизнь интересной, разнообразной и неожиданной. А потом — у супругов обязательно должно быть время побыть только вдвоем, без посторонних любопытных глаз, чтобы в полной мере насладиться обществом друг друга».

Мелани старше мужа на три года. Она строго выполняет все требования диетологов, каждое утро купается в холодной воде, делает зарядку и бегает 40 минут трусцой. И мечтает о еще одном ребенке.

Рене Анжелиль и Селин Дион

«Дайте мне пять лет, и я сделаю из нее настоящую звезду» — такими словами Рене Анжелиль встретил Терезу Дион, когда в 1980 году она вместе со своей дочерью появилась на пороге его монреальскогоофиса.

Два дня назад к нему в офис заглянул Поль Левеск и представился менеджером некоей Селин Дион. Когда Анжелиль понял, что речь идет о 12-летней девочке, он решил, что зря теряет время. Тем не менее все-таки разрешил поставить кассету с песней «Это был только сон» (мать Селин сочинила слова, а брат написал музыку). Рене было уже под сорок, он не первый год работал в шоу-бизнесе. Услышав голос девочки, продюсер

сразу понял, что у Селин большой талант. Анжелиль приглашает девочку к себе, для того чтобы она спела ему живьем…

Родители Селин не были профессиональными музыкантами. Отец, Адамар, играл на аккордеоне, а Тереза обладала от природы красивым голосом. Они и познакомились на музыкальном вечере. Младшую дочку в многодетной семье, которая родилась в 1968 году, решили назвать Селин в честь песни, которую Тереза слушала все девять месяцев беременности.

Переехав в Шарлеман, провинциальный городок под Монреалем, Дионы организовали семейный ансамбль и зарабатывали себе на жизнь, играя на деревенских праздниках и свадьбах. В 1973 году они купили небольшой ресторан «Старый бочонок». Именно в нем, под аккомпанемент родителей (аккордеон и скрипка), пятилетняя Селин начала выступать на публике.

Анжелиль сразу сказал родителям, что девочка очень талантлива, но ей необходимо переехать в Монреаль. Узнав об этом, Адамар Дион сначала возражал. Но Тереза убедила мужа, что на Рене можно положиться.

Впрочем, финансовое положение Рене было отнюдь не блестящим. К тому же звукозаписывающие компании не решались вкладывать деньги в подростка. Когда Рене сообщил жене, что решил заложить их дом и на эти деньги записать альбом Селин, Анна Анжелиль подумала, а не сошел ли он с ума? Перспектива оказаться на улице ее явно не обрадовала.

Селин предстояло многому научиться. Рене не давал ей ни минуты отдыха. Анжелиль записывает два первых альбома Дион «Голос богов» и «Рождественские песни Селин». После выхода этих альбомов Дион становится канадской сенсацией. Ее заметили и оценили, она получает свои первые награды, в том числе золотую медаль на фестивале в Токио. За пять лет она успевает записать девять альбомов на французском языке. В 1983 году Селин становится первым представителем Канады, получившим во Франции золотой сингл.

Карьера Селин шла в гору. Ее полюбили в Канаде, и Рене решил, что пора выходить на мировой уровень.

В 1986 году Селин берет отпуск на целый год. За это время она меняет свой имидж: фиксирует зубы (металлическими скобами), делает новую прическу, покупает новый гардероб. А также начинает изучать английский язык. Из девочки-школьницы Селин превратилась в девушку-загадку. Она стала удивительно стройной и гибкой, а ее потрясающее британское произношение удивило друзей.

1988 год. Селин участвует в конкурсе «Евровидение» и побеждает… с перевесом всего в один голос. Это выступление знаменательно еще и тем, что здесь Рене впервые поцеловал свою подопечную на публике. За несколько лет до этого по Квебеку поползли слухи о том, что Рене и Селин стали любовниками. К 1985 году терпение Анны Анжелиль лопнуло. После развода с мужем она назвала Селин «Лолитой, разбивающей семьи» и поклялась больше никогда в жизни не разговаривать с этой «маленькой дрянью».

Дион никогда не сомневалась в правильности любого решения, которое принимал Рене. Когда у нее обнаружили полипы в горле и Селин уже была готова пойти на операцию, Рене категорически воспротивился.

«Вот увидишь, я найду врача, который сможет обойтись без скальпеля», — сказал он. К лучшему отоларингологу Канады Рене приехал с записями Селин и заставил доктора их прослушать. «Я согласен на любые процедуры, только не на операцию, — заявил Анжелиль. — Селин уже почти стала звездой, а нож хирурга может все испортить». В результате двухнедельного курса лечения божественный голос Дион был спасен.

1990 год. Вышел первый англоязычный альбом Селин «Унисон». Он становится золотым в США, а одна из песен занимает 4 место в хит-параде «Билборд».

Селин Дион и Пибо Брайсон записывают песню для мультфильма Уолта Диснея «Красавица и Чудовище». В 1992 году, в день рождения Селин, эта песня получает «Оскар», и так же благодаря этой песне Дион получает свою первую «Грэмми».

Третий англоязычный альбом Селин получает ошеломительный успех в США и Великобритании. В Канаде он становится бриллиантовым.

В 1994 году песня «Сила любви» оказалась в первой строчке американского хит-парада, и Дион стола международной звездой. Именно в этот момент Рене объявил, что они с Селин решили пожениться.

Долгие годы он старался не афишировать отношений со своей подопечной. Но в 1992 году с 50-летним Рене случился тяжелый сердечный приступ, и Селин так переживала за его жизнь, что, по ее собственным словам, «была больше не в силах скрывать свои чувства». Лечащий врач Рене признался, что шансов на выздоровление у Анжелиля почти нет. И Селин поклялась, что, как только он поправится, она выйдет за него замуж.

Одним из самых счастливых моментов в истории любви Селин и Рене было бракосочетание, состоявшееся 17 декабря 1994 года в Монреале в соборе Нотр-Дам. Жених выглядел удивительно импозантным в своем черном смокинге, одетая в белую кружевную пену невеста сияла, как и роскошная диадема, украшавшая ее голову. Кроме традиционного обещания любить друг друга всю жизнь, новобрачные поклялись, что устроят настоящий медовый месяц на целых тридцать дней.

Канадцы отнеслись к этому событию с не меньшим почтением, чем к королевской свадьбе. О бракосочетании Рене и Селин заявили за полтора года до этого знаменательного события, в день 25-летия Селин. Газеты отмечали, что Рене на 26 лет старше Селин, он ее продюсер, сыгравший роль Пигмалиона, посвятив Селин свою жизнь. Для Селин Рене — ее «Анжелил-хранитель», так она ласково его называет. Селин за время ее тайной страсти в течение тринадцати лет написала шесть томов дневника о любви.

Рене и Селин спали в разных комнатах. Дион представляла супружескую жизнь совсем иначе, но Анжелиль доходчиво объяснил жене, что по ночам нужно отдыхать.

После медового месяца Селин заявила, что хочет иметь ребенка. Но у ее супруга были другие планы. На этой почве у них произошла крупная ссора.

Селин впала в глубокую депрессию. К тому времени мысль о ребенке стала для нее едва ли не маниакальной. У Селин пропал аппетит, она резко потеряла в весе, почти не разговаривала с Рене и чувствовала себя совершенно разбитой.

Однажды вечером Рене вдруг услышал сигналы своей машины из гаража. Селин закрылась внутри, включила зажигание и просидела 15 минут в салоне автомобиля, дыша выхлопными газами. Все это время она давила на кнопку клаксона, чтобы привлечь внимание супруга. Рене поспешил в гараж: Селин была почти без сознания. Анжелиль притащил жену в дом, дал успокоительную таблетку, и минут через десять она заснула. А два дня спустя Рене уже отправил супругу в очередное турне.

Турне следовало одно за другим, мировая популярность Селин продолжала расти. Она выпускает франкоязычный альбом — «D'eux», который становится лучшим франкоязычным альбомом всех времен и народов. В 1996 году выходит четвертый англоязычный альбом Селин, он также становится самым распродаваемым альбомом года, и получает две «Грэмми»… Селин участвует в церемонии открытия Олимпийских игр в Атланте.

Селин и Рене вскоре купили землю на острове Юпитер для постройки огромного дома. Газеты едко заметили, что, судя по всему, Рене принимал в проектировании дома самое непосредственное участие — одной из особенностей архитектурного проекта является то, что спальни супругов расположены максимально далеко друг от друга — в разных концах длинных крыльев здания.

Когда Анжелиль сообщил ей о подписании очередного выгодного контракта, Селин с раздражением заметила: «Дорогой, у нас с тобой уже столько денег, что непонятно, куда их девать. Мы могли бы расслабиться и жить припеваючи ровно 200 лет!» На что Рене ответил: «Конечно, ты только и думаешь о том, чтобы завести детей и ничего не делать».

Джеймс Кэмерон приглашает Селин Дион исполнить песню, которая будет служить темой фильма «Титаник». Эта песня получает «Оскара» и три «Грэмми».

Апрель 1999 года. Селин прерывает свой концертный тур из-за Рене… у него была обнаружена опухоль на горле, с предположением нарак.

В начале января 2000 года, после пяти лет супружества, Селин и Рене сыграли вторую свадьбу, обошедшуюся им в 2 миллиона долларов. Дело в том, что предки Анжелиля жили в Сирии и Ливане, и чета Дион — Анжелиль решила отдать дань древней традиции.

25 февраля 2001 года. Свершилось чудо: Селин Дион наконец-то родила. Семь лет она пыталась забеременеть, но ничего не получалось. Супруги уже отчаялись, и зря… Неделю спустя после Дня Святого Валентина Селин родила мальчика, которого назвали Рене-Шарль.

Певица заявила: «Отныне никаких концертов, место — ребенку. Это в конце концов главное в моей жизни».

Подобное решение певица приняла под воздействием врачей, которые ее трудности с зачатием предложили преодолеть отказом от записей и концертов, требовавших большой физической и душевной отдачи. Рождение сына Рене-Шарля Дион и ее муж и импресарио Рене Анжелиль считают своей главной жизненной победой.

Когда сыну исполнился годик, певица с гордостью говорила: «Мне удается все. Я могу целый день играть с малышом, а в 6 часов вечера уезжаю на представление». Пять раз в неделю суперзвезда будет

появляться в потрясающем театрализованном представлении на сцене огромного зала, построенного по принципу римского Колизея. Певица говорит, что после окончания этого контракта она собирается родить еще одного ребенка.

Дэвид Бэкхем и Виктория Адамс

Сборная Англии по футболу прилетела в Тбилиси на матч с грузинской командой ранним утром 1996 года. В гостинице, по счастью, оказалось спутниковое телевидение. Когда на экране запрыгали и запели девушки из группы «Спайс герлз», раздались восторженные возгласы футболистов.

Ведущий полузащитник Дэвид Бэкхем, указав на высокую брюнетку с хищным взором, неожиданно заявил: «Вот она — девушка моей мечты! И она будет моей во что бы то ни стало!» Никто ему тогда не поверил.

Дэвид Роберт Джозеф Бэкхем родился в 1975 году в Лейстоуне. Сын инженера-химика и школьной учительницы начал гонять мяч с четырех лет. В четырнадцать его заприметил «охотник за талантами» из клуба «Манчестер Юнайтед» и пригласил в юношескую команду. Дэвид никогда не нарушал режим, всегда приходил первым на тренировки и уходил с поля последним, часами отрабатывая штрафные и угловые удары. Удивительно, что при такой нагрузке у Бэкхема еще находилось время для встреч с девушками.

Первый матч за любимую команду Дэвид сыграл 23 сентября 1992 года. Отлично сыграл. И поэтому уже через 4 месяца ему предложили подписать контракт. Все дни напролет он проводил на футбольном поле. Упорство принесло свои плоды: Дэвид стал лучшим игроком сначала клуба, а потом и всей Англии. Дэвид обзавелся собственным агентом, ради забавы коллекционировал газетные утки про себя и жил, кажется, вполне счастливо. Его самая заветная детская мечта — играть в «Манчестер Юнайтед» — сбылась.

И вдруг после одного из матчей он увидел Викторию Адамс. Девушка выбралась на футбол вместе с подругой из «Спайс герлз». Заметив Дэвида, она помахала ему рукой. Однако Бэкхем так растерялся, что подойти к девушке не решился. Виктория через пару минут исчезла в толпе…

Виктория Кэролайн Адамс родилась в 1974 году в Харлоу в семье оптового торговца электротоварами. Она с детства мечтала стать звездой. Вики училась в театральной школе, любила выступать, но вне сцены была тихой и замкнутой. «В классе я всегда была изгоем, в школе меня не любили. Я плакала по ночам и говорила себе, что быть самой красивой девочкой в школе не самая важная вещь на свете», — вспоминала потом Виктория. Чуть позже она захотела стать певицей и в конце концов оказалась в «Спайс герлз»…

Ее сближала с мужчинами только любовь к футболу. Она говорила журналистам: «Я читаю все, что пишут об английских футбольных командах. Знаю всех игроков и тренеров. Вы ходили когда-нибудь на матч? Это не развлечение, это нечто!» Позже выяснится, что Адамс пришла на матч «Манчестер Юнайтед» только для того, чтобы посмотреть на Дэвида. Этот парень был ей симпатичен. К счастью, Виктория проявила настойчивость, и в марте 1997 года они все-таки познакомились. Это была

любовь с первого взгляда, настоящее стихийное бедствие, которое ничто не могло остановить.

О чем они говорили во время первой встречи, Дэвид и Виктория не помнят. «Но ведь это так важно! — горячился Бэкхем. — Первые мои слова и те, что ты сказала мне…»

На следующий день они вместе обедали в ресторане, потом начали встречаться регулярно. Звездная пара переживала серьезные проблемы из-за своей популярности. Стоило им где-нибудь появиться вместе, их начинали осаждать толпы поклонников. Они не могли даже поесть в ресторане. Бэкхем вынужден был заказывать еду в итальянском ресторанчике и ужинать с Викторией дома.

На вопросы журналистов о ее личной жизни Адамс отшучивалась: «Идеальный мужчина должен быть, во-первых, хорошо одет, во-вторых, должен носить дорогую обувь. Хорошо, если при этом у него еще есть немного денег. Вы видите, что Дэвид полностью отвечает моему идеалу».

Яркая и задиристая на сцене, с имиджем роковой, бессердечной красотки, наедине с Дэвидом Виктория становилась мягкой и смешливой. Психологи утверждают, что когда Дэвид смотрит на Викторию, то видит в ней собственное отражение. У них поразительная схожесть в овале лица, в изгибе бровей, линии тонких губ…

Первенец Бруклин Джозеф Адамс Бэкхем родился на пять дней раньше срока — 4 марта 1999 года. Сначала мальчика хотели назвать Манхэттеном в честь района Нью-Йорка, где он был зачат, но потом родители решили, что это слишком длинное имя, и назвали сына Бруклином — в честь другого района города. Дэвид сделал себе во всю спину татуировку — ангел, расправивший крылья над именем «Бруклин», и заказал специальные кроссовки с той же надписью. Кстати, младшего сына супруги назвали Ромео. «Я не хочу, чтобы он в пятнадцать лет умер от несчастной любви, как герой Шекспира, — говорит Бэкхем. — Просто это имя нам понравилось».

Через четыре месяца, 4 июля 1999 года Дэвид Бэкхем и Виктория Адамс сыграли свадьбу. Новобрачные сняли старинный замок недалеко от Дублина и превратили его в декорацию к диснеевскому мультфильму: слуги в ливреях, трубящие в фанфары, шелковые языки пламени, пажи, и все это — под музыку из «Короля-льва» и «Красавицы и Чудовища». Платье невесте шил королевский портной, украшения изготовил королевский ювелир. На свадьбу Дэвид подарил возлюбленной кольцо за 80 000 долларов США и бриллиантовую корону за 100 000 фунтов.

Гостей, а их было 350, доставили в замок на вертолетах. Выяснилось, что оборотистая Виктория за миллион долларов продала эксклюзивные права на съемку свадьбы одному из журналов.

Элтон Джон написал песню специально к их свадьбе и сам исполнил ее. Медовый месяц молодые провели на острове Бора-Бора.

«Он невероятно милый и чуткий, — рассказывает Виктория о муже. — Каждое утро, перед тем как отправиться на тренировку, Дэвид готовит мне завтрак. Потом заливает в мою машину бензин. У меня такое чувство, что наш медовый месяц еще не кончился».

Однако довольно скоро начались неприятности. Семья стала получать письма, в которых неизвестные угрожали похитить Бруклина.

Пришлось нанять двух телохранителей для защиты пятимесячного ребенка.

Главный тренер «Манчестер Юнайтед» Алекс Фергюсон считал, что брак не пошел Дэвиду на пользу. Его любимец стал опаздывать на тренировки, не высыпался и все свободное время говорил по телефону с женой. К тому же Дэвид старался не пропускать концертов «Спайс герлз», где бы они ни проходили.

А когда влиятельная спортивная газета предположила, что в неудачах Бэкхема виновата его молодая жена, ненависть болельщиков тут же переключилась на Викторию. Когда она появлялась на матчах с участием Дэвида, в ее адрес летели оскорбления. Она старалась не обращать внимания на злобные выпады болельщиков.

В октябре 1999 года супруги купили дом. Это было поместье с семью спальнями в десяти минутах ходьбы от дома ее родителей. Когда Бруклину исполнилось десять месяцев, британские полицейские раскрыли заговор, целью которого было похищение малыша и его мамы для получения выкупа в 1 миллион фунтов.

Неудивительно, что после этих ужасов Виктория не могла спать и всего боялась.

Виктория носила сына с собой на репетиции, в магазины и даже в косметические салоны. Когда Виктория выходила на сцену, ее мама сидела в зрительном зале с Бруклином на руках под защитой охранника. Не помогали ни успокоительные, ни сеансы психоаналитиков. Наконец один из них посоветовал Дэвиду: «Ваша жена должна описать свои страхи. Может быть, тогда она от них избавится».

16 сентября 2001 года в продажу поступила автобиография Виктории Адамс «Учусь летать». За книгу Виктория получила гонорар в миллион фунтов стерлингов. После этого Виктория стала гораздо спокойнее. Она по-прежнему много работает. «Иногда я мечтаю о том, как встречу жену в аэропорту, мы поужинаем вместе, а потом посмотрим телевизор и ляжем спать. Но это невозможно», — говорит Бэкхем.

Дэвид сделал жене подарок на Рождество — купил звукозаписывающую студию стоимостью более миллиона фунтов! Гари Барлоу, отличный композитор, согласился поработать с Викторией.

На презентации своего первого сингла Адамс светилась от счастья. «Пришло столько людей, — говорила она маме. — Раньше, на концертах „Спайс герлз“, мне казалось, что они пришли посмотреть не на меня — на Эмму, на Джери. Но теперь-то я знаю — меня тоже любят!»

Согласно опросу Дэвид Бэкхем и Виктория Адамс были признаны самой популярной супружеской парой Великобритании. Дэвид Бэкхем, британский футболист номер один, и Виктория Адамс, солистка самой популярной девичьей группы. Викторию сравнивали с леди Ди — после смерти принцессы таблоиды именно солистку «Спайс герлз» выбрали своей новой героиней. Сына Бруклина фотографировали больше, чем любого другого ребенка на планете.

Под влиянием супруги Дэвид стал уделять повышенное внимание внешности, меняя прически, стиль одежды. Правда, сам Бэкхем объясняет это своим увлечением китайской философией фэншуй.

В 2003 году Дэвид Бэкхем перешел в богатейший клуб Европы — мадридский «Реал».

В конце 2003 года он получил орден Британской империи из рук королевы Елизаветы. Церемония награждения проходила в Букингемском дворце. В ней помимо самого Бэкхема приняли участие его жена Виктория, а также дедушка и бабушка. Получая почетную награду, растроганный Дэвид признался, что посвящает ее родному клубу «Манчестер Юнайтед».

«Вся моя семья — это настоящие герои для меня, — не без пафоса говорит Бэкхем. — Отец, мама, Виктория, Бруклин, Ромео…»

Андре Агасси и Штеффи Граф

Штеффи Граф покидала большой спорт с триумфом в душе и со слезами на глазах, побив все рекорды в женском теннисе. Карьера олимпийской чемпионки-88, закончившаяся 13 августа 1999 года, была головокружительной. Она выиграла 107 титулов в одиночном и 11 в парном разрядах, в 1988-м одержала победу во всех четырех турнирах серии «Большого шлема», а всего в этих престижных соревнованиях побеждала 22 раза. Ей принадлежит невиданное достижение: 377 недель, из них 189 недель подряд, она была в ранге первой ракетки мира.

«Для меня лично, — говорит Штеффи Граф, — самым большим достижением была победа над Мартиной Хингис в 1999 году на турнире „Большого шлема“ в Париже. Я выступала после длительного перерыва, связанного с операцией на колене, и сама не верила в большой успех».

Много раз теннисная королева пыталась заниматься бизнесом. Но ни торговля сверхмодной спортивной одеждой с собственным дизайном, ни фотоагентство не принесли великой спортсменке успехов. Скованность, «нелюдимость» эксперты объясняют семейным воспитанием, особенно поведением отца, который с раннего детства держал дочь в условиях железной опеки. Питер Граф желал одного — чтобы дочь стала теннисной чемпионкой и миллионершей. Ради этой цели бывший торговец подержанными автомобилями не жалел ни себя, ни родных.

Полновластная хозяйка на кортах, она оставалась ранимым, замкнутым, не умеющим справляться с житейскими трудностями человеком вне спортивных арен. Спасал любимый теннис. Так было во время самого крупного скандала в ее жизни, когда выяснилось, что за сокрытие доходов от налогообложения «гордости и совести нации» грозит тюремное заключение. Тогда Питер Граф взял все финансовые грехи на себя, получил 3 года и 9 месяцев тюремного заключения, а Штеффи заплатила 20 миллионов марок штрафа. Пока папа Граф отсиживал в тюрьме, дочь зарабатывала на кортах, меняя один турнир за другим, выходя с незалеченными травмами, чем, вероятнее всего, и сократила свой спортивный век.

Обладая почти идеальной для теннисистки фигурой (рост 175 см, вес 58 кг), Штеффи вместе с тем не могла похвастаться особой красотой. Многих мужчин настораживал ее длинный нос и тяжелый подбородок. А если учесть и характер теннисной дивы, то нетрудно понять ее сложности в общении с мужским полом. Так и протекала ее личная жизнь — тихо, незаметно, без сексуальных скандалов. Много позже Андре Агасси скажет, что «Штеффи всегда вела себя как настоящая леди».

Семь лет ее партнером был второй по силе автогонщик в Германии Михаэль Бартельс, который не раз предлагал Штеффи и сердце, и руку, в

искренность чего она верила мало и имела на то основания, поскольку редкие встречи с ней Бартельс чередовал с более частыми встречами с другими дамами. Вся Германия «искала» жениха для Штеффи, превратив это занятие в своего рода национальный вид спорта. Ее сватали за Беккера и Шумахера, называли «подходящими» для нее знаменитых немецких боксеров и пловцов. Время между тем шло, а принц все не появлялся.

В конце 1998 года теннисистка создала свой фонд «Для будущего детей». «Ко мне всегда поступало множество просьб пожертвовать деньги на разные цели и нужды, — вспоминает она. — В большинстве случаев спонсоры не знают, куда идут эти средства. Поэтому я и решила совместно с врачами гамбургской клиники создать свой фонд для детей, пострадавших от войны и насилия. Мы собираем средства и используем целенаправленно. По мере возможности я не только выделяю деньги, но и принимаю личное участие». Кстати, точно такой же фонд, независимо от Штеффи, создал в свое время великий американский теннисист Андре Агасси, заявив позднее: «Я рад, что мы прекрасно понимаем друг друга. И не только потому, что оба имеем сострадание к детям, попавшим в беду…»

Эти родственные души могли бы остаться просто знакомыми по совместному спорту. Не случайно их близость пришлась на тот период, когда Штеффи ушла в «теннисную отставку». «Если бы она по-прежнему разъезжала по женским турнирам, — говорит Агасси, — мы оказывались бы в разных городах. Трудно сказать, стало бы это непреодолимым препятствием для нашего единения. Но вполне могло бы помешать нашему счастливому будущему».

После женитьбы на потрясающей по красоте голливудской актрисе Брук Шилдс, известной по фильму «Голубая лагуна», Андре проигрывал один турнир за другим. За несколько месяцев семейной идиллии он спустился с первой строчки мирового рейтинга на 141-е. «Я не сосредоточивался тогда на теннисе в той мере, — вспоминает Агасси, — в которой это обязан делать профессионал, и выглядел в итоге весьма прискорбно на кортах». Зато развод, произошедший два года спустя, будто дал Андре сигнал к марш-броску на теннисную вершину. Осенью 1999 года он снова занимал в рейтинге первое место.

За матчами Агасси наблюдала из гостевой ложи вместе с его тренером Брэдом Гилбертом завершившая в конце года свою блистательную карьеру Штеффи Граф. Роман с великой теннисисткой, который бурно развивался после его победы на открытом первенстве США, не мог не отразиться на спортивных достижениях Андре. Он и не скрывал, что выиграл «Ролан Гаррос» в Париже под впечатлением аналогичной победы Штеффи, одержанной днем раньше.

Да, именно во Франции необыкновенная любовь снизошла на Штеффи и Андре, когда она одержала самую памятную, по собственному признанию, победу на кортах. Но американский теннисист оказался, пожалуй, еще более ценным трофеем. Агасси нашел в ней человека, которому был готов доверить свои заботы и огорчения. Их чисто дружеские отношения стремительно переросли в любовь, которая тут же изменила даже внешнее поведение Агасси. Он перестал носить «пиратские» повязки, диких расцветок пиджаки, появляясь в обществе только в элегантных костюмах. И на тренировках стал другим.

Впервые на публике они появились вместе в сентябре 1999 года на боксерском поединке Оскара Де Ла Хойи с Феликсом Тринидадом. Понимая, что от репортерских глаз все равно не скрыться, влюбленные решили не делать тайны из своих отношений. Впрочем, они и не комментировали их. Ведь стоило Граф в ноябре во время открытого чемпионата Парижа заглянуть в магазин с аксессуарами для новорожденных, как газетчики тут же раструбили на весь мир о том, что Штеффи ждет ребенка.

Свадьба Агасси и Граф состоялась в октябре 2000 года в Лас-Вегасе. Церемония была весьма скромной, на ней присутствовали только близкие и друзья молодоженов. «Мы счастливы. В нашей жизни начинается новая глава», — говорилось в совместном заявлении теперь уже семейной пары.

27 октября, спустя менее чем неделю после свадьбы, у Граф и Агасси появился первенец — мальчик, которого назвали Джайден-Джил. «Это здорово», — расчувствовался Андре.

Супружеский союз великих теннисистов сразу оказался под пристальным вниманием репортеров. Высказывались предположения, что Джайден получил двойной размер таланта. Но его родители, естественно, создали семью не для эксперимента, а по любви.

Еще до рождения сыну Агасси и Граф был обещан гонорар в десять миллионов долларов за одно лишь участие на турнире в Нью-Джерси в 2017 году. Таких заработков в шестнадцать лет не было у его знаменитых родителей, хотя оба в этом возрасте уже выступали как профессионалы.

Тем временем Андре Агасси работал засучив рукава на корте и вне корта. Штеффи, известная среди теннисных «звезд» своей железной дисциплиной, столь сильно повлияла на супруга, что даже в вечер под Рождество он тренировался два часа, сказав, что «у такой чемпионки, как Штеффи, можно многому научиться».

Разведясь с красавицей Брук Шилдс, Андре заявил: «Не в красоте счастье, а в гармонии». Во втором браке у него полная гармония. Люди, которые знают супругов близко, уверяют, что у них много общего в жизни и характере, что оба очень чувствительны и душевны. «У меня, — повторяет Андре, — самое высокое уважение ко всем ценностям Штеффи и к ее жизненной позиции. И она дает мне ясно понять, что ей очень важны мои представления, мои установки в жизни. Она просто великолепная женщина. Мы оба стараемся сделать друг друга счастливыми».

Победив в финале открытого чемпионата Австралии немца Райнера Шуттлера, Агасси пообещал на следующем турнире «Большого шлема» сыграть в миксте со своей женой. Победа на турнире стала восьмой на турнирах «Большого шлема» для Агасси и 30-й для звездной теннисной четы Агасси — Граф.

В пятницу 3 октября 2003 года в 7.15 утра в одном из госпиталей Лас-Вегаса Штеффи Граф подарила мужу дочь. Андре решил лично присутствовать при родах, ради чего отказался от участия в турнирах. Девочку назвали Джез-Элли. «Меня дома ждет маленький подарок от Бога, — сказал счастливый отец. — Смотрю на девочку круглый день и не могу налюбоваться».

После рождения второго ребенка Штеффи заявила, что не собирается возвращаться в большой спорт. «Я очень люблю теннис, — сказала 34-летняя Граф, — но в моей жизни появилась семья, и я хочу посвятить себя ей».

Кроме того, Андре уже не хочет иметь пять детей. Он успел передумать, и заботы о маленьких Джейдене и Джез заставили знаменитого теннисиста подумать о… шести детях. Правда, что об этой затее думает Штеффи, Агасси скромно умолчал…

ЛИТЕРАТУРА

Бардо Б. Инициалы Б. Б. — М.: Вагриус, 1997.

Безелянский Ю. Н. Вера, Надежда, Любовь… Женские портреты. — М.: Радуга, 1999.

Белоусов Р. С. Самые знаменитые влюбленные. — М.: Олимп: Современник, 1999.

Бенестад Ф., Шельдеруп Д. Эдвард Григ — человек и художник. — М.: Радуга, 1986.

Бенсон Р. Пол Маккартни. Личность и миф. — М.: Новости, 1993.

Бергман И., Берджесс А. Моя жизнь. — М.: Радуга, 1988.

Бона Д. Гала. — Смоленск: Русич, 1997.

Бретон Ги. История любви в истории Франции. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1994.

Васильева Л. Кремлевские жены. — М.: Вагриус, 1992.

Виноградская П. С. Женни и Маркс (фон Весгфален). — М.: Мысль, 1978.

Влади М. Владимир, или Прерванный полет. — М.: Прогресс, 1989.

Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. — М.: Новости. 1994.

Вульф В. Звезды трудной судьбы. — М.: Знание, 1997.

Гордиенко В. Ив Монтан. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Де Сервье Ж. Р. Жены двенадцати цезарей. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

Дорнеман Л. Женни Маркс. — М.: Госполитиздат, 1961.

Дункан А. Моя жизнь.

Дести М. Нерассказанная история. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1999.

Женщины в жизни великих людей. «Так вот кого любил я…». — М.: Эллис Лак, 1996.

Житомирский Д. В. Роберт Шуман. Очерк жизни и творчества. — М.: Издательский Дом «Композитор», 2000.

Записки княгини М. Н. Волконской. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1975.

Караш Н. Ф., Тихантовская А. З. Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки». В кн.: *Волконский С. Г.* Записки. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991.

Келли К. Жаклин. — Смоленск: Русич, 1997.

Келли К. Элизабет Тейлор. — Смоленск: Русич, 1998.

Кенигсберг А. К. Карл Мария Вебер (1786–1826). — Л.: Музыка, 1981.

Киреев Р. Т. Музы любви: В 2 т. — М.: Слово/SLOVO, 1995.

Кинрос Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

Клерсон-Лич Р. Берлиоз. — Челябинск: Издательство «Урал LTD», 1999.

Коонен А. Страницы жизни. — М.: Искусство, 1985.
Котляр Н. Ф., Смолий В. А. История в жизнеописаниях. — Киев: Наукова думка, 1990.
Коттрелл Д. Лоренс Оливье. — М.: Радуга, 1985.
Кремлев Ю. А. Эдвард Григ. — М.: Государственное музыкальное издательство, 1958.
Кристи А. Автобиография. — СПб.: Лимбус Пресс, РИК «Культура», 1997.
Кларксон У. Том Круз. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
Кублицкий Г. И. Фритьоф Нансен. — М.: Детская литература, 1967.
Левер Э. Мария-Антуанетта. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
Лейси Р. Княгиня грез. — Смоленск: Русич, 1996.
Лубченков Ю., Романов В. Любовь и власть… — Вильнюс: Полина, 1991.
Лурье А. Я. Гарибальди. — М.: Молодая гвардия, 1957.
Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века: Избранные письма. — М.: Политиздат, 1990.
Людвиг Э. Бисмарк. — М.: Захаров-АСТ, 1999.
Магомаев М. Любовь моя — мелодия. — М.: Вагриус, 1999.
Мартин Р. Г. Женщина, которую он любил. — М.: Изд-во Русанова, 1993.
Матвеев В. А. Страсть власти и власть страсти: Историческое повествование о нравах королевского двора Англии XVI–XX вв. — М.: Республика, 1997.
Мэсси Р. Николай и Александра. — М.: Интерпракс, 1990.
Носик Б. М. Альберт Швейцер. — М.: Молодая гвардия, 1971.
Носова В. В. Балерины. — М.: Молодая гвардия, 1983.
О Есенине. Стихи и проза писателей — современников поэта. — М.: Правда, 1990.
Одоевцева И. В. На берегах Сены. — М.: Художественная литература,1989.
Павленко Н. И. Петр Великий. — М.: Мысль, 1990.
Пенроуз Р. Пикассо. — М.: Молодая гвардия, 1999.
Плисецкая М. М. Я, Майя Плисецкая. — М.: Новости, 1994.
Полубаринова-Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская, ее жизнь и деятельность. — М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1955.
Полякова Е. И. Николай Рерих. — Искусство, 1973.
Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — М.: Мысль. 1989.
Раззаков Ф. Актеры всех поколений. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
Резник С. Е. Владимир Ковалевский. — М.: Молодая гвардия, 1978.
Робинсон Д. Чарли Чаплин. — М.: Радуга, 1990.
Рудницкий К. Л. Любимцы публики. — Киев: Мистецтво, 1990.
Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. — М.: Вече, 1999.
Рыжов К. Все монархи мира. Россия. — М.: Вече, 1999.
Самин Д. К. Самые знаменитые эмигранты России. — М.: Вече, 2000.
Саммерс Э. Богиня. Тайна жизни и смерти Мэрилин Монро. — Смоленск: Русич, 1997.
Скороходов Г. А. В поисках утраченного. — М.: Рутена, 1999.
Славич Ю. М. STARS: из частной жизни кинозвезд. — М.: Панорама, 1996.
Спото Д. Ингрид Бергман. — Смоленск: Русич, 1998.
Стуруа М. Жизнь и смерть Джона Леннона. В кн.: Идолы и идеалы. — М.: Педагогика, 1988.

Таланов А. В. Нансен. — М.: Молодая гвардия, 1960.
Тароцци Д. Верди. — М.: Молодая гвардия, 1984.
Теодор-Валенси. Берлиоз. — М.: Молодая гвардия, 1966.
Трумэн М. Президенты и секс. Жены. — Минск: «ИнтерДайджест»; Смоленск: ТОО «Эхо», 1997.
Уитфилд А. Мэри Пикфорд. — Смоленск: Русич, 1999.
Уэллс об Уэллсе. — М.: Радуга, 1990.
Федерико Феллини. Автор-составитель Е. Шальнева. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. — Смоленск: Инга, 1995.
Финкельштейн Е. Картель четырех. — Л.: Искусство, 1974.
Фолиянц К. А. Любовь возвышающая. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
Фраккароли А. Россини. — М.: Молодая гвардия, 1987.
Французские короли и императоры. — Ростов-на-Дону: Феникс,1997.
Чарлз Чаплин. Моя биография. — Ростов-на-Дону. Феникс, 1997.
Чеховиана. Чехов и его окружение. — М.: Наука, 1996.
Шатерникова М. С. Пол Ньюмэн. — М.: ВТПО «Киноцентр», 1987.
Шмитт Г. Рембрандт. — М.: Искусство, 1991.
Штрайх С. Я. Семья Ковалевских. — М.: Советский писатель, 1948.
Щеглов Д. А. Любовь Орлова. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Абаринов В. Викторианское проклятие. — М.: Совершенно секретно, 2004, № 4.
Абаринов В. Хайль Виндзор! — М.: Совершенно секретно, 2003, № 4.
Александров А. Железная бабочка Филиппин. — М.: Караван историй, 1998, № 6.
Александрова Н. Пол Маккартни никогда не изменял жене… — М.: Семья, 1994, № 10.
Барашкова Н. «Необыкновенная актриса, замечательная женщина». — М.: Мир женщины, ноябрь 1993.
Барсова Л. Врубель и Забела. — М.: Советская музыка, 1982, № 3.
Безелянский Ю. Черчилль изменял жене. Но в письмах. — М.: Век, 1999, № 14.
Богарт Х. Моя одинокая жизнь с Богартом. — М.: За рубежом, 1995, № 42.
Богемский Г. Сотворение легенды, или Памятник себе. — М.: Экран, 1993, № 11/12.
Боханов А. Императрица Александра. — М.: Неделя, 1990, № 17.
Владимирцева В. «Навсегда!» — М.: Экран, 1995, № 8.
Волков В. Легенда и жизнь Анны Павловой. — М.: Эхо планеты, 1996, № 4.
Вульф В. Валентина Серова. — М.: Театр, 1993, № 4.
Галло М. Беспокойное сокровище великого корсиканца. — М.: За рубежом, 1997.
Дардыкина Н. Дуэт с лебедями. — М.: Московский комсомолец, декабрь 2002.
Долгополов Н. «Дело Розенбергов» не закрыто. — М.: Комсомольская правда, 8 мая 1997.
Егорова Е. Аль Бано и Ромина Пауэр: конец феличиты. — М.: Московский комсомолец, апрель 1999.

Ефимович Н., Саед-Шах А. Раиса Горбачева: Я никогда не вмешивалась в его дела. — М.: Комсомольская правда, 14 июня 1996.
Задорнова Н. Простые секреты семьи Маккартни, которые удивляют многих. — М.: Света, 1993, № 3(4).
Звезды Голливуда — угасшие и блистающие. — М.: За рубежом, 1997, № 14.
Звягинцева И. Софи Лорен. Нарушительница этикетов. — М.: Видео-АСС-премьер, 1995, № 25.
Зинухов А. Медовый месяц императора. — М.: Совершенно секретно, 2002, № 7.
История любви: Фрэнк Синатра и Ава Гарднер. — М.: Отдохни, 2002, № 17.
Ионцева Н. Урусвати. — М.: Советская женщина, 1990, № 2.
Кабанников А. Звезде аэробики Джейн Фонде муж изменял со своей старой пассией. — М.: Комсомольская правда, 26 января 2000.
Кабанников А. Смертельно влюбленный президент. — М.: Комсомольская правда, 21 сентября 2000.
Киреев Р. Она вдохновляла гениев. — М.: Труд-7, 7 марта 1997.
Кириллов А. «Я была собакой председателя Мао». — М.: Эхо планеты, 1991, № 26.
Козлова Ю. Развод крепкого орешка и стриптизерши. — М.: Московский комсомолец, июль 1998.
Колчанов Р. Не в красоте счастье, а в гармонии; — М.: Труд-7, 30 января 2003.
Кочук Г., Шевцов Н. Красная синьорита Фрида. — М.: Труд-7, 18 марта2004.
Кравченко Т. Константин и Валентина. «Любовь к тебе — как бедствие…». — М.: Независимая газета, 11 сентября 1999.
Крылов А. Софья, жена Льва. — М.: Российские вести (Древо), 26 сентября 2001.
Кузьминова И. «В письмах все не скажется…». Валентина Серова в кино и в жизни. — М.: Советская культура, 11 ноября 1989.
Кучкин А. Ошибка Джерри Холл. — М.: Караван историй, 1999, № 4.
Лазарева Е. Виктория Бэкхем: не берите меня на «слабо». — М.: Кино-Парк, 2001.
Лебовски Х. Любовь, и слезы, и… футбол. — М.: Караван историй, 2001, № 3.
Ли В. Лайза, рожденная быть звездой. — М.: Киносценарии, 1993, № 5.
Макдермотт А. Счастливый «Голландец». — М.: Караван историй, 2001, №3.
Максимов А., Усова Л. Ирина Скобцева: «Феминистки — это обездоленные женщины». — М.: Собеседник, 1996, № 40.
Медведенко А. Муза на роль богини и «полового коврика». — М.: Света, август 1995.
Молева Н. Художник и его муза. — М.: Мир женщины, март 1995.
Москвичев А. Театральный роман. — М.: Караван историй, 2001, № 2.
Овчинникова С. Т. А. С. Пушкин: «Ах, душа моя, какую женку я себе завел!». — М.: ЛГ-ДОСЬЕ, 1993, № 6.
Осип и Надежда Мандельштам. Из писем 1936–1938 гг. Послесловие П. Нерлера. — М.: Знамя, 1991, № 1.

Пейнтон П. «Укрощение Теда Тернера». — М.: За рубежом, 1992, № 4.
Петров А. Леди Ди: хроника объявленной смерти. — М.: Профиль, 1997, № 32.
Петров А. Мне муж — палач, и дом его — тюрьма. — М.: Семья, 1994, № 2.
Петров А. Черчилль. — М.: Семья, 1996, № 6.
Пинская Т. Григорий Александров: «Не знаю, была ли между дедом и Орловой страстная любовь…». — М.: Караван историй, 2002, № 11.
Рейган Н. Мой черед. — М.: Иностранная литература. 1991. № 8 и 9.
Роже Вадим. Три самые прекрасные женщины: Брижит Бардо. — М.: Искусство кино, 1991, № 6.
Савосин Д. Элизабет Тейлор — Ричард Бартон: Несбыточный рай у очага. — М.: Культура, 1995, № 42.
Секридова Т. Сергей Бондарчук: Он всю жизнь сражался за Родину. — М.: Совершенно секретно, 2000, № 2.
Селинов П. Наваждение. — М.: СПИД-Инфо, 1991, № 7.
Скобцева И. Моя жизнь теперь и тогда принадлежит Бондарчуку. — М.: Огонек, 1997, № 5.
Смольевский А. А. Ольга Ваксель — адресат четырех стихотворений Осипа Мандельштама. — М.: Литературная учеба, 1991, № 1.
Сперанская О. Корона за любовь. — М.: Домовой, 1998, № 2.
Терновая Л. О. Элеонора Рузвельт: непростая судьба первой леди США. — М.: Современное право, 2002, № 12.
Трейси К. Антонио Бандерас. Коррида в Голливуде. — М.: COSMOPOLITAN, 1997, № 2.
«Фефе», или Очарованный Джульеттой. — М.: «За рубежом», 1995, № 20.
Хабаров Г. Замужем за Пикассо. — М.: Совершенно секретно, 2003, № 8.
Чарин Дж. Нет повести печальнее на свете… Вспоминая Риту Хейуорт. — М.: За рубежом, 1996, № 25–26.
Черкашина Л. «Детей благославляю…» — М.: Очаг, 1994, № 8.
Шевцов Н. Русская муза испанского гения. — М.: Труд-7, 19 марта 1999.
Шокина И. Е. Эва Дуарте Перон. — М.: Вопросы истории, 1998, № 4.
Щеглов Д. Последний детектив Тамары Макаровой. — М.: Совершенно секретно, 2002, № 7.
Ягункова Л. «Жить будем долго». — М.: Очаг, 1994, № 9.